

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

—•••—
Центр археологических исследований
Благотворительного Фонда «Деметра»

Международная научная конференция

XVIII БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Боспор Киммерийский
и варварский мир в период античности и средневековья.
Торговля: пути – товары – отношения*

Симферополь-Керчь – 2017

Research Centre of the History and Archaeology of Crimea
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

“Demeter” Non-Profit Foundation

International Scholarly Conference

XVIII BOSPORAN READINGS

*Cimmerian Bosphorus and the
World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages.
Trade: Routes – Goods – Relations*

Simferopol & Kerch – 2017

Рекомендовано к изданию Научно-техническим
советом Крымского федерального университета
им В.И. Вернадского

Протокол № 3 от 7 апреля 2017 г.

XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир
в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары –
отношения: материалы международной научной конференции / Ред.-
сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2017. – ____ с.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
при поддержке Благотворительного фонда «Артемида»

ISBN

© НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 2017
© ЦАИ БФ «Деметра», 2017
© Авторы, 2017

АБРАМЗОН М.Г.
(Магнитогорский Гос. университет, Магнитогорск)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ КОНТРАГЕНТЫ ФАНАГОРИИ: НОВЫЕ НАХОДКИ ГРЕЧЕСКИХ ПРИВОЗНЫХ МОНЕТ

Новые находки греческих привозных монет эллинистического и римского времени из раскопок Фанагории 2013-2015 гг. расширяют представление о торговых связях Боспора с центрами Малой Азии. Внимание привлекают три редкие монеты, являющиеся свидетельствами контактов Боспора с некоторыми городами Киликии, Фригии и римской провинции Вифиния-Понт.

1. Амис, Гай Цецилий Корнут. Торговые контакты Фанагории с Амисом отражает традиционно встречающийся в слоях боспорских поселений набор типов митридатовского времени. Самые ранние из амисских монет – серебряные сигли типа «Гера/сова» (SNG BM I 1113), поступавшие на Боспор во 2 – начале 1 в. до н.э., где они часто перечекались в драхмы с названиями Пантикапея и Фанагории. Такие монеты и перечековки известны и на Тамани, в том числе, в Фанагории и в ее округе (Зограф 1945, с. 60, № 62; Абрамзон 2011, с. 247, табл. 43, 11, 11а, 11б; Абрамзон, Кузнецов 2015, с. 19, рис. 6, 3)¹. После унификации денежного обращения Понта и Боспора при Митридате VI, в 100–85 гг. до н.э. на рынке Фанагории в массе понтийской меди преобладают тетрагалки Амиса типа «голова Ареса/меч» (SNG BM I 1147–1149), уступившие первенство в 85–65 гг. синопским тетрагалкам

¹ Автор выражает искреннюю благодарность В.Л. Строкину, любезно предоставившему в распоряжение Фанагорийской экспедиции ИА РАН снимки монет Амиса, Фаселиды, Апаimei и других центров из случайных находок на Тамани.

типа «голова Зевса/орел» (SNG BM I 1543–1544). Тип «эгида/Ника» амисского чекана (SNG BM I 1185) встречается редко: за всю историю раскопок в Фанагории зарегистрирован второй экземпляр данного типа (2016 г., № описи Ф-16-29).

К очень редким находкам относится бронзовая монета Амиса типа «Рома/Рома Никефора», выпущенная от имени проконсула провинции Вифиния-Понт Гая Цецилия Корнута в 56 г. до н.э. (SNG BM I 1236–1239). Она свидетельствует о контактах Фанагории с этим крупнейшим центром после Митридатových войн. Разрушенный римлянами в 71 г. до н.э. Амис был быстро восстановлен Лукуллом, увеличившим его территорию на 120 стадий и даровавшим городу свободу (App. Mithr. 83). Весной 64 г. до н.э. Помпей избрал вновь процветающий Амис своей резиденцией во время проводившейся им реорганизации римских владений на Востоке (Максимова 1956, с. 288–289). Если в Синопе после Митридата VI Евпатора чеканка прекратилась, то Амис выпускает тип «Рома/Рома Никефора» в 61–59 и 56 г. до н.э. под контролем проконсулов провинции Вифиния-Понт Гая Папирия Карбона (SNG BM I 1234–1235) и Гая Цецилия Корнута (Максимова 1956, с. 294; SNG BM I 1236–1239). В конце 50-х гг. до н.э. – самом начале следующего десятилетия редкие монеты последнего проконсула достигают и Фанагории.

С другой стороны, данная находка вовсе не обязательно связана с амисско-фанагорийской торговлей: монету с именем Гая Цецилия Корнута могли случайно занести солдаты Фарнака по возвращению на Боспор (App. Mithr. 120) после битвы при Никополе 48 г. до н.э. (Caes. Bell. Alex. 28). Известно, что вслед за этой битвой Амис был захвачен Фарнаком (Dio Cass. XLII. 46; App. Bell. Civ. 91; Strab. 3. 14), в то время как Синопа пала еще до подчинения им Фанагории (App. Mithr. 120). Амисская бронза Гая Цецилия Корнута, таким образом, могла появиться в Фанагории после этих событий.

Не исключено, что монета с именем Гая Цецилия Корнута занесена на Боспор контингентами Цезаря, поддержавшего Асандра. Цезарь, разбивший Фарнака при Зеле в 47 г. до н.э., наградил Амис за

верность Риму статусом *civitas libera* (Максимова 1956, с. 301). С этого момента вновь могла возродиться торговля между Амисом и Боспором, и амисская медь с именами римских проконсулов, изредка попадает на боспорский рынок, в том числе в Фанагорию. Однако эта торговля едва ли пережила 40-е гг. I в. до н.э., поскольку уже в конце их Амис и Синопа в числе греческих городов были обложены Антонием контрибуцией и переживали тяжелые времена. Благополучие Амиса, начавшее восстанавливаться в первые два десятилетия римского владычества, к концу правления Антония снова пришло в полный упадок (Максимова 1956, с. 306), и поступление амисской меди окончательно прекратилось.

2. Аморий. Монета Амория II–I вв. до н.э. (SNG Cop. Phryg. 114.) («Нижний город», 2015 г.) отражает торговые контакты Фанагории с Фригией. Находки других монет этого центра Великой Фригии в Северном Причерноморье мне не известны. Однако связи Фригии с Северо-Западным Причерноморьем и Боспором прослеживаются по находкам монет ряда фригийских городов, в первую очередь, Апамеи – важнейшего торгового центра Азии, являющегося «общим перевалочным пунктом для товаров, привозимых из Италии и Греции» (Strabo. XII.8.15). Поступление монет Фригии в Северо-Западное Причерноморье и на Боспор начинается одновременно: во II – первой половине I в. до н.э. Так, например, с Тамани происходит монета Апамеи 133–48 гг. до н.э. (SNG Cop. Phryg. 167), а из святилища Ахилла на о. Левке (Змеином) – монета Кибирь 166–84 гг. до н.э. (Мурзакевич, XIV, 9 – SNG Cop. Phryg. 269).

Возможно, находки монет Амория, Апамеи и Кибирь II–I вв. до н.э. с Тамани и Левки фиксируют начальную стадию контактов Северо-Западного Причерноморья и Боспора с Фригией. Особенно эти контакты усиливаются в римское время, о чем говорят монеты других центров Фригии из святилища Ахилла на Левке. Фригийские купцы из разных городов интенсивно посещают его во 2–3 вв. н.э. В неизданных таблицах Н.Н. Мурзакевича с прорисовками монет из святилища фигурируют чеканы таких фригийских центров, как Евкарпия (Мурзакевич, табл. XIV, 10 – SNC Aulock II, 3575), Гиераполис (Мурзакевич, табл. XIV, 11 – SNG Aulock

II 3642), Керетапа Диокесария (Мурзакевич, табл. XIV, 8), Лаодикея (1. Мурзакевич, табл. XIV, 12 – BMC 25, p. 298, no. 124, pl. XXXVI, 5 (Каракалла и позднее); 2. Мурзакевич, табл. XIV, 13 – SNG Cop. Phryg. 595-6 (Элагабал)), Апамея (1. Мурзакевич, табл. XIV, 5 – BMC 25, p. 88, no. 110, pl. XI, 1; 2. Мурзакевич, табл. XIV, 6 (Гета Цезарь)), Примнесс (Мурзакевич, табл. XIV, 16 – SNG Cop. Phryg. 662 (время Империи)), Пельты (Мурзакевич, табл. XIV, 14-15). Таким образом, нумизматические данные позволяют говорить о торговых контактах Северо-Западного Причерноморья и Боспора с Фригией в период со II в. до н.э. – по III в. н.э. При этом таманские находки отражают ранние связи.

3. Эги. Греческие провинциальные монеты крайне редки в Фанагории; все известные находки их относятся к III в. н.э. В 1980-е гг. на городище найдена монета Гераклеи Понтийской (чекан Галлиена) (Розов 2014, с. 297, № 33). Из раскопок 1996 г. происходит гераклейская монета супруги этого императора Салонины (№ описи Ф-96-18: тип SNG von Aulock 461. Изд.: Ashton 2003, p. 383, no. 51).

Раскопки 2013 г. в акватории Фанагории дали монету киликийского города Эги, чеканенную от имени Этрусциллы в 249–250 гг. н.э. (BMC 21, p. 26, no. 38). Чекан этого центра зарегистрирован на Боспоре (и в Северном Причерноморье) впервые.

Связи Северо-Западного Причерноморья и Боспора с Киликией, по нумизматическим данным, фиксируются с конца второй четверти 4 в. до н.э. Самые ранние монеты найдены в святилище Ахилла на Левке и принадлежат чеканам Нагида 356–333 гг. до н.э. (Мурзакевич, табл. XIV, 1 – SNG France II 30) и Мириандра (от имени сатрапа Киликии Мазея, 361–334 гг. до н.э.) (Мурзакевич, табл. XVI, 14 – SNG France II 430).

Находку монеты г. Эги следует рассматривать в общем контексте потока на Боспор греческих провинциальных монет III в. н.э. из Малой Азии, отражающего торговые связи между регионами до начала морских походов варваров Северного Причерноморья в третьей четверти столетия. С другой стороны, киликийскую монету могли занести на Тамань готы и сармато-аланы, совершившие набег до Киликии в 276 г. н.э. и возвращавшиеся на север через Боспор.

ОПИСАНИЕ МОНЕТ

ВИФИНИЯ-ПОНТ

Амис

Гай Цецилий Корнут (Gaius Caecilius Cornutus),

56 г. до н.э.

Л.с. Афина Рома вправо.

О.с. Рома Никефорос сидит на щите влево; под обрезом [ΡΩΜΕ]; [ΕΠΙ
ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΚΙΛΙΟΥ ΚΟΡΝΟΥΤΟΥ].

Лит.: SNG BM I 1236–1239.

1. № описи Ф-15-7. 20 мм; 7.63 г. Раскоп «Нижний город», кв. Г1, шт. 8.

ФРИГИЯ

Аморий, 2-1 вв. до н.э.

Л.с. Голова Зевса вправо. Справа прямоугольное клеймо – извивающаяся змея.

О.с. Орел на молниях вправо; кадуцей поперек левого плеча. Справа
. Внизу ΑΜΟΡΙΑΝΩΝ.

Лит.: Не издана? Ср. SNG Cop. Phryg. 114.

2. № описи Ф-15-123 23 мм; 6.08 г. Раскоп «Нижний город», кв. И4, шт. 5

КИЛИКИЯ

Эги, 249/250 г. н.э.

Л.с. ΕΡ ΚΥΠΡΕ ΕΤΡΟΥΣΚΙΛΛΑ ΣΕΒΑ. Драпированный бюст Этрускиллы вправо; за плечами полумесяц; на голове диадема.

О.с. ΑΙΓΕΑΙΩΝ ΝΕΩΚΟΡΩΝ ΘΕΟΦΙΛΩΝΣ. Бюст городской богини в покрывале и башенной короне вправо. В поле S–QC (= 296 г. цезар. э.).

Лит.: Ср. BMC 21, 26, no. 38; Sear 2001, 408, no. 4246.

3. № описи Ф-13-60. 4.99 г. Подводный раскоп.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г. 2011. Корпус боспорских монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) (БИ. Suppl. 7). Симферополь–Керчь.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанигории (Фанагория. Результаты археологических исследований). Том 3. М.
- Зограф А.Н. 1945. Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ I, 29–85.
- Максимова М.И. 1956. Античные города юго-восточного Причерноморья: Синопа. Амис. Трапезунд. М.–Л.
- Розов В.Н. 2014. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова // Древности Боспора 18, 272–307.
- Ashton R. 2003. Excavation Coins from Phanagoreia // NC 163, 379–385.
- BMC 21 – Hill G.F. Catalogue of the Greek coins of Lycaonia, Isauria, and Cilicia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Vol. 21). London, 1900.
- BMC 25 – Head B. Catalogue of the Greek Coins of Phrygia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 25). London, 1906.
- Sear D. 2001. Greek Imperial Coins and Their Values. The Local Coinages of the Roman Empire. London.
- SNG von Aulock – Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor. Vol. I–IV. New Jersey, 1987.
- SNG BM I – Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea. London, 1993.
- SNG Cop. Phrygia – Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Phrygia. West Milford, New Jersey, 1982.
- SNG France II – Sylloge Nummorum Graecorum France II. Cilicia. Cabinet des Médailles, Bibliothèque Nationale. Paris, 1994.

АЙБАБИН А.И.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

О НАПАДЕНИИ ГУННОВ НА БОСПОР В КОНЦЕ IV В.¹

Эпоха Великого переселения народов началась с вторжения гуннов из заволжских и прикаспийских степей в Приазовье, Северное Причерноморье и на Северный Кавказ². По рассказам Аммиана Марцеллина³ (Ammianus Marcellinus, XXXI, 2,12; 3,1), Евнапия⁴ и Зосима⁵, в годы правления императора Валента (364-378 гг.) гунны прошли через земли алан-танаитов, истребили многих из них и заключили союз с уцелевшими. При содействии алан гунны разгромили государство остготского короля Германариха (Эрманариха)⁶. По словам Павла Орозия, гунны изгнали готов с их земли на тринадцатом году царствования Валента – в 376 г.⁷ Быт гуннов в период их вторжения в

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»

² Thompson E.A. A history of Attila and the Huns. Oxford, 1948. P. 21-24; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 67-70; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государство и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 66-68.

³ Аммиан Марцелин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковский, А.И. Сони. СПб., 1996. Кн. XXXI, 2, 12; 3, 1.

⁴ Blockley R.C. The fragmentary classicising historians of the Later Roman empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983. Fr. 41,42.

⁵ Zosime. Histoire nouvelle. Tome I / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. Tome II, livre IV, XX,3, p. 280-281, 371-375.

⁶ Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 318-322, 326-328; Heather P.J. Goths and Romans. 332-489. Oxford, 1991. P. 122-128; Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // Monographien der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 98. Mainz, 2011. S. 49.

⁷ Pauli Orosii. Historiarum adversum paganos / Exec. C. Zangemeister // Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Bd. V. Leipzig, 1889. Libri VII. 33.10.

Европу описан Аммианом Марцеллином⁸.

В письменных источниках содержится противоречивая информация о вторжении гуннов в Крым. Ермий Созомен в написанном в 444 г. труде⁹, Иордан¹⁰, Прокопий¹¹ и Агафий Миринейский¹² писали о погоне за быком или ланью, в ходе которой гунны во время правления Валента вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. Согласно Зосиму, гунны переправились из Азии в Европу через занесенный илом из реки Танаис Киммерийский Боспор¹³. Вероятно Зосим перепутал Таганрогский залив, в который впадает Дон (река Танаис) с Боспорским (Керченским) проливом. Несмотря на отсутствие в приведенных сочинениях сведений о переправе через пролив Боспор Киммерийский и нападении гуннов на боспорские города, почти все исследователи истории Крыма приписывали им разгром Европейского Боспора. По мнению одних историков, через Керченский полуостров мирно прошла незначительная часть направлявшихся на Запад гуннов¹⁴. По предположению других исследователей, продвигаясь к Дунаю гунны разорили и захватили город Боспор, уничтожили города и поселения в Восточном Крыму и поселения в окрестностях Херсона¹⁵.

⁸ Аммиан Марцелин. Кн. XXXI, 2, 2-11.

⁹ Hermiae Sozomeni. *Historia ecclesiastica* / Ed. J.-P. Migne // PG. Paris, 1859. Cap. XXXVII, 1403-1404.

¹⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. М., 1997. С. 85.

¹¹ Procopius. *History of the Wars. Gothic War. Books VII (continued) – VIII* / Translated by H.B. Dewing. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. Vol. V. Book VIII, V, 7-13.

¹² Agathias. *The Histories* / Translated by J.D. Frendo // *Corpus fontium historiae Byzantinae*. Berlin, New York, 1975. Vol. II A. Book 5, 11, 2-3.

¹³ Zosime. II, livre IV, XX, 3, p. 280-281.

¹⁴ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 54, 55; Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 24-30.

¹⁵ Штерн Э.Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // *ЗООИД*. 1897. Т. XX. С. 1-15; Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // *МИА*. 1958. № 85. С. 459; Якобсон А.Л. *Средневековый Крым*. М.; Л., 1964. С. 7; Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin, Amsterdam, 1971. S. 497-519; Блаватский В.Д. *Античная археология и история*. М., 1985. С. 255; Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // *МАИЭТ*. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 38.

Гуннским нападением объяснял возникновение выявленных В. Ф. Гайдукевичем на малых боспорских городах слоев разрушений и пожаров, датированных по опубликованным керамическим комплексам из отнесенного им к позднееримскому периоду слоя Тиритаки¹⁶. Однако многие амфоры и краснолаковые сосуды, входящие в состав этих комплексов, привезены из Западного Причерноморья, Малой Азии и Северной Африки, где названную керамику изготавливали и использовали в V-VII вв. Очевидно, названные слои разрушений образовались не в 376 г., а позднее¹⁷.

По Филосторгию, отряды закрепившихся в Подунавье гуннов в самом конце IV в. переправились через реку Танаис и, пройдя Армению и Месопотамию, напали на византийские провинции Каппадокию и Галлатию¹⁸. Совершавший паломничество на восток в 395-397 годах Иероним Стридонский оказался очевидцем вторжения гуннов в Закавказье и Месопотамию, которое описал в двух письмах. По его словам: «...от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов»¹⁹. Сирийский автор Иешу Стилит в хронике начала VI в. писал о разграблении гуннами Сирии в правление Гонория и Аркадия в 395/6 г.²⁰ О переправе через Меотиду направлявшихся в Мидию гуннов рассказывал и Прииск Панийский²¹. По сирийским и греческим источникам Н. В. Пигулевская аргументировано приурочила переход гуннов через Меотиду и Кавказские горы в Междуречье и на сиро-финикийское побережье к 395 г.²²

¹⁶ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 105-127, 133, 134.

¹⁷ Ajbabin A.I. Ibidem. S. 50-51.

¹⁸ Thompson E.A. Ibidem. P. 28; Blockley R.C. East Roman foreign policy. Leeds, 1992. P. 47.

¹⁹ Jerome. Select letters / Translated by F.A. Wright // Loeb classical library, 262. London, New York, 1933. P. 328-329; Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения АН СССР. 1941. XLI. С. 40.

²⁰ Пигулевская Н.В. Ук. соч. С. 39-40.

²¹ Blockley R.C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983. Priscus, Fr. 11, 595-615.

²² Пигулевская Н.В. Ук. соч. С. 40-41.

Уточнение хронологии боспорских некрополей и выявленных в городах и на поселениях слоев пожаров позволило предположить, что в 395 г. на пути к Кавказу одно из гуннских племен напало на Боспор²³. Слой разрушения, синхронный нападению гуннов на столицу царства в конце IV в., зафиксирован в рыбацком предместье города Боспора у подножья горы Митридат рядом со зданием музея. Этот слой перекрывал руины построек. Расположенные рядом рыбозасолочные цистерны были засыпаны.

Согласно приведенным выше авторам, гунны не собирались задерживаться в Европейском Боспоре. Гунны, вероятно, разрушили Феодосию и присоединили к своим кочевьям примыкавшую к Феодосии равнинную часть юго-восточного Крыма. Другие города и поселения восточной части европейского Боспора не пострадали во время гуннского вторжения на полуостров. Близ Феодосии известны три разграбленных местными жителями захоронения гуннов с полихромными вещами первой половины V в. (одно у подножия горы Коклюк, а точное местонахождение двух других не известно)²⁴.

Ставшее общепринятым мнение В. Д. Блаватского о запустении после 376 г. городских кварталов Боспора на горе Митридат²⁵ опровергают материалы из образовавшегося там слоя разрушения. В нем содержалась керамика V-VI вв.²⁶ Этот слой образовался в VI в., а с начала VII в. в нем стали хоронить в плитовых могилах²⁷. Вскоре после нападения гуннов жители Боспора восстановили столицу и другие города. В примыкающей к горе Митридат приморской части города в раскопе у церкви Иоанна Предтечи выявлены слои V-VI вв.²⁸ В

²³ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 73, 77; Ajbabin A.I. Ibidem. S. 68.

²⁴ Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 206.

²⁵ Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикалея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. № 103. С. 48, 49, 51, 64, 68-77, 84.

²⁶ Ajbabin A.I. Ibidem. S. 72.

²⁷ Ajbabin A.I. Ibidem. S. 128; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового некрополя Боспора // Боспорские исследования. 2015. Вып. XXXI. С. 354.

²⁸ Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 130-136, 143.

1990-1993 гг. в Кооперативном переулке неподалеку от церкви Иоанна Предтечи открыты узкая улица и квартал усадеб, возведенные в первой половине V в. на месте разобранных позднеантичных домов. Новые дома строятся поверх образовавшихся в конце IV в. руин в рыбацком предместье. Находки V – первой половины VI вв. найдены в Зеноновом Херсонесе (мыс Зюк)²⁹, Китее³⁰, в Тиритаке, Мирмекии, Илурате и на других некрополях и поселениях³¹.

Тексты надписей из Керчи и с Таманского полуострова свидетельствуют о сохранении государственности Боспорским царством в V в., которым управляла прежняя династия³².

²⁹ Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 156-167, рис. 17,16-18,20-26.

³⁰ Молев Е.А. Боспорский город Китей // Боспорские исследования. 2010. Suppl. 6. С. 30.

³¹ Ajbabin A.I. Ibidem. S. 72.

³² Ajbabin A.I. Ibidem. S.70.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

**К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ПУТЯХ ЧЕРЕЗ ПОНТ:
МОЛИВДОВУЛ КОММЕРКИАРИЯ
АМИСА ИЗ ХЕРСОНА¹**

Согласно данным трактата «Об управлении империей» херсонские корабли осуществляли регулярные рейсы и в столицу империи, и в портовые центры южнопонтйских фем где, надо полагать, вели активную торговую деятельность, снабжая город и его округу всем необходимым. Константин Багрянородный прямо называет три приморских области: Пафлагонию, Армениаков и Вукелариев, где Херсон получал необходимые товары [Константин Багрянородный, 1991, с. 274–275].

Существование тесных контактов Таврики с южными районами Причерноморья еще с эпохи раннего средневековья в известной степени иллюстрируют памятники сфрагистики. В первую очередь это печати коммеркиариев апотек VII–VIII вв., обнаруженные в Херсоне и Сугдее, которые показывают, что византийская Таврика находилась в ареале экономических интересов имперской таможенной службы задолго до создания своей собственной в Херсоне и, очевидно, самым активным образом участвовала в припонтйской торговле [см.: Степанова, 2001. С. 97–108; Алексеенко, 2013. С. 275–286].

К ранее выявленным таможенным складам-апотекам Константинополя. Пафлагонии, Армениака, Онориады и побережья Понта с которыми контактировал Херсон сегодня, мы имеем возможность добавить еще один таможенный центр.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

В этой связи здесь весьма уместным на наш взгляд будет привести наблюдение Н. Икономидиса, в свое время отмечавшего участие Херсона во внешней торговле Византийского государства, в качестве аккумулирующего завершения важной коммерческой магистрали Востока, которая пересекала степи и затем, покинув херсонский порт, морем шла в Византию. По мнению ученого в Херсоне также как и в главном центре фемы Халдия на юго-востоке Причерноморья в Трапезунде, другом главном завершении важной наземной торговой магистрали из Персии, совсем не случайно, появился свой коммеркиарий [*Oikonomides*, 2000, с. 320]. Собственно таможенников Трапезунда не известно; они именуются коммеркиариями Халдии, но достаточно многочисленны также как и херсонские [McGeer, Nesbitt, *Oikonomides*, 2001, р. 89–95, nr. 32.15-30]. В нашем же случае имя фемы совпало с именем города, впрочем, как и в некоторых других фемах империи (Фессалоники, Диррахий, Колония).

Надо полагать, юрисдикция херсонского коммеркиария распространялась не только на территорию собственно фемы, но и на всю Таврику в целом, поскольку Херсон в IX–X вв. являлся главными торговыми воротами Византии в Северном Причерноморье. По крайней мере, других крымских коммеркиариев или иных чиновников фискального ведомства мы пока не знаем. Как, например, в главном центре фемы Армениак – Амассии, которая не являлась портовым городом, а напротив находилась в глубине материка, но где известен свой коммеркиарий в первой половине IX в. [McGeer, Nesbitt, *Oikonomides*, 2001, р. 72, nr 23.1].

В то же время в провинциях Юного Понта присутствуют и другие чиновники государственного фиска «сидевшие», как правило, в портовых городах, не являвшихся столицами провинций. В первую очередь речь идет о диойкитах, которых судя по свидетельству Жития св. Марии Младшей [*Vita S. Mariae Iunioris*, 1925, р. 693.] следует рассматривать как сборщиков налогов, производивших аресты и заключавших под стражу тех, кто был не в состоянии их платить. К примеру, можно назвать диойкитов в Амастриде (Пафлагония) [Алексеев, 2000, с. 99. № 1], Тиосе (Вифиния), Синопе (Армениак) и Амисе (Халдия) [McGeer, Nesbitt, *Oikonomides*, 2001, р. 23, 24, 74, 83, nr 10.1-2, 31.1, 24.1-2]. Именно

последний центр для нас особо интересен.

До последнего времени о каких-либо контактах Херсона с портами фемы Халдия ничего не было известно. Лишь совсем недавно удалось ввести в оборот две печати: диойкита Халдии первой половины IX в. [Алексеев, 2015, с. 417-418, № 1] и митрополита Трапезунда XI в. [Alekseenko, 2017 (in print), nr. 6].

Продолжение исследования комплекса херсонского архива печатей позволило выявить еще один интересный и ценный для нас памятник.

1.Akh-1733. Музей Шереметьевых (Киев). Рис. 1.

Диаметр – ок. 20 мм; толщина пластинки – ок. 2,5 мм.

Сохранность: удовлетворительная; на лицевой стороне нечеткий оттиск изображения, на оборотной – внизу на выходе канала вздутие металла, частично повредившее две последние литеры третьей строки легенды. Происхождение: византийский Херсон, акватория в северо-восточной части городища (архив).

Не издана.

Аналогии: Zacos, 1984, p. 135, nr. 200.

Аверс. Между двух жемчужных ободков круговая, начинающаяся сверху справа, надпись с инвокативным обращением: ΚΙΕΒΘΚΥΡΗΚΟΜΕΡ – Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) Κυρη(λλφ) κμ(μ)ερ... В центре небольшой шестиконечный процветший крест на ступенях. Ветви цветения не достигают нижней перекладины креста.

Реверс. В жемчужном ободке завершение надписи лицевой стороны, размещенной в три строки: +ΚΙΑΡΙ|ψΑΜΗ|COVC–καρίψ Αμη(v)σοῦς.

Судя по легенде, печать принадлежала коммеркиарию г. Амиса по имени Кирилл. Указания, но какие бы то ни было ранги владельца печати отсутствуют.

Аналогичный экземпляр достаточно давно известен по коллекции Г. Закоса [Zacos, 1984, p. 135, nr. 200]. Херсонская находка оттиснута той же парой штемпелей и имеет достаточно удовлетворительную сохранность, позволяющую дополнить часть легенды, в свое время не указанной издателем первого экземпляра.

Свой экземпляр Г. Закос предположительно относил к X веку. Однако моливдовул несет характерные стилистические и эпиграфические особенности, которые позволяют уточнить время его появления.

На наш взгляд печать коммеркиария Кирилла относится к более раннему времени. В пользу чего свидетельствует, по крайней мере, два фактора.

Во-первых, владелец печати не указывает никакого придворного ранга, что характерно для печатей как раз таки ранних коммеркиариев. Напомним, что первые коммеркиарии Херсона также сначала не имели никаких рангов, хотя и титуловали себя императорскими [Alekseyenko, 2012, p. 181–183, nr. 95–98]. Во-вторых, на рассматриваемом моливдовуле использованы специфические начертания отдельных литер (ретроградная альфа, закрытая бета, остроугольная каппа, мю с короткой центральной частью), характерные лишь для ограниченного периода времени. Особо выделяется альфа, средняя гаста которой расположена не традиционно, а от края правой к центру левой ножки, т.е. представлена как бы зеркально. Такая форма альфы по наблюдениям Н. Икономидиса встречается на датированных печатях лишь в конце VII столетия [см.: *Oikonomedes*, 1986, p. 165–169]. Таким образом, по совокупности эпиграфических данных наш моливдовул можно относить к хронологическому периоду от конца VII до самого начала IX в. На наш взгляд, скорее всего, его следует датировать VIII в. или самое позднее рубежом VIII/IX вв.

Портовый г. Амис – давнишний торговый партнер античного Херсонеса еще с митридатовской эпохи. Его монеты самым активным образом участвовали в городском денежном обращении. По числу находок они лидируют среди южнопонтиских центров, а среди иногородних монет после боспорских занимают второе место [Гилевич, 1968, с. 19, 58–61, прил. IV–V].

В эпоху средневековья Амис остается одним из крупных и важных портов на побережье Черного моря. Благодаря памятникам сфрагистики стало известно, что он входил в качестве турмархии в фему Армениаков; турмарх одновременно с этим являлся и парафилаксом (командующим

крепостью) и управлял портом; здесь же присутствовали и чиновники государственного фиска – диойкиты и коммеркиарии [см.: McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 74–76, nr 24.1-6]. Кроме того город известен и как значительный зерновой рынок по торговле с Таврикой, именно здесь известны ореарии – чиновники, заведовавшие общественными зернохранилищами [Cheynet, 2008, p. 221–223].

Как известно, Южное Причерноморье являлось главным поставщиком зерна в Херсон и, очевидно, что именно поставкам продовольствия и связанными с ними налогам, мы обязаны появлению в Херсоне, надо полагать, еще до организации здесь собственно таможенной службы печати амисского коммеркиария.

Таким образом, находка в Херсоне печати теперь и коммеркиария Амиса, не только в очередной раз подтверждает сообщения письменных источников о контактах херсонитов с приморскими центрами Южного Причерноморья и очевидных поставках в первую очередь зерна и продовольствия, но и свидетельствует о том, что главную роль в этом по-прежнему играли традиционные еще с античности торговые партнеры с южного побережья Черного моря – Амис и Амастрия.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н.А.* Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // АДСВ, Екатеринбург, 2000, Т. 31. С. 98–104.
- Алексеевко Н.А.* Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века» // БИ. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 275–286.
- Алексеевко Н.А.* Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // ТГЭ LXIV. СПб., 2015. С. 415–424.
- Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968. Вып. 3. С. 3–61.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991.

496 с.

- Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. Paris: ACHByz, 2012, 268 p.
- Alekseenko N. Remarks on the correspondence between byzantine Cherson and Asia Minor: the evidence of seals // The prosopography of the thematic administration: old and new evidence on Anatolikon, Karabesianon-Kibyrraioton and Opsikion. Athens, 2017 (in print).
- Cheyne J.-Cl. Un aspect du ravitaillement de Constantinople aux Xe-XIe siècles d'après quelques sceaux d'Hôrreiaroi // J.-Cl. Cheynet. La société byzantine. Le rapport des sceaux. Paris: ACHCByz, 2008, pp. 209–236.
- McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides* N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. The East. Washington, 2001. Vol. 4. 236 p.
- Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986. 175 p.
- Oikonomides N. Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 318–323.
- Vita S. Mariae Iunioris // Acta Sanctorum Novembris. Bruxellis, 1925. Vol. IV. P. 693.
- Zacos G. Byzantine Lead Seals. Berne: Benteli Publishers, 1984. Vol. 2. 543 p. 100 pl.

АНТИПЕНКО А. В.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

СОСТАВ КОМПЛЕКТОВ КОНСКОЙ АМУНИЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА II в. н.э.¹

Погребения воинов-всадников II в. н. э. на территории Крыма представлены подбойными могилами №120 Битакского могильника, №1 некрополя у с. Опушки, №355 и №374 Нейзацкого могильника, грунтовой перекрытой плитами могилой №223 некрополя Бельбек IV и погребением у ворот Неаполя скифского. Данная группа погребений имеет в составе погребального инвентаря комплекты конской амуниции, изготовленные из железа и декорированные в технике точечного чекана золотой или серебряной фольгой. Основной целью изучения состава этих комплектов является выяснение специфических черт снаряжения верхового коня II в. н.э. На территории Крыма не удалось выявить погребений с конским снаряжением типа «Высочино VII-Центральный VI», датирующихся ранее III в. н. э. Первой половиной III в. н. э. датированы погребение у с. Мичуринское [8, С.57], мог. №183 [2, с. 117], склеп №17 [16, С.308] и мог. №152 Нейзацкого могильника [13, С.340].

Погребения воинов-всадников появляются в Крыму в кон. I – нач. II в. н.э. Наиболее ранним, вероятно, является мог. №120 Битакского могильника. Она датирована рубежом I-II вв. – нач. II в. н. э. [9, С.130, 134]. Мог. №223 некрополя Бельбек IV датируется в пределах 120-150 гг. н.э. [3, С.177, 179, 186]. Практически синхронно было совершено захоронение в мог. №355 могильника Нейзац [15, с.223]. Ограбленную мог. №1 Опушки не представляется возможным датировать уже II в.н.э. [14, С.116, 117], так

¹ Тезисы написаны в рамках Госзадания Минобрнауки РФ № 33.1470.2017 г по теме «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».

же датированы южный подбой мог. №374 могильника Нейзац [15, С.232]. В погребении у ворот Неаполя скифского обнаружена амфора типа С по классификации Д.Б. Шелова [6, С.89]. В северном подбое мог. №374 могильника Нейзац найдена амфора типа С по Д.Б. Шелову, пряжки типа П1 и наконечники Н1 по В.Ю. Малашеву[15, С.235-236]

В состав комплектов конской амуниции входили колесовидные и стержневидные псалии. В северном подбое мог. №374 Нейзацкого могильника и мог. №223 некрополя Бельбек IV найдены колесовидные псалии с зажимами, псалии имеют по три спицы [3, с. 183-186] [15, С. 233, 236, рис. 10.4]. Наличием выступов-рамок на внешней стороне от них отличаются псалии, обнаруженные в погребении воина у ворот Неаполя скифского [6, С. 86]. Колесовидные псалии, обнаруженные в мог. №120 могильника Битак, имеют четыре спицы в виде завитков и отверстия в центре, сквозь которые продевалась петля грызл. К ней прикреплены железные пластины, оканчивающиеся подвижными зажимами [9, С. 118-121]. Псалии со спицами в виде трех завитков происходят из погребения №22 могильника у хутора Городской, датированного 1-я пол. II в. н. э. [11, С. 126, рис. 7.20]. Аналогичные изделия найдены в склепе №830 кон. I - нач. II в. н. э. Усть-Альмы [10, С. 143, 381, Рис. 107.1]. У выше перечисленных изделий наблюдается сходство с железными псалиями из погребения 2 кургана 1 могильника Кировский III [7, С. 135. Рис. 19, 3-4] и с бронзовым ажурным псалием, найденным в погр. №149 Бельбека IV [5, 2016, С. 109]. Стержневидные псалии с окончаниями в виде блях с сердцевидным вырезом найдены в мог. №355 некрополя Нейзац. В основу псалия неподвижно вставлена П-образная рамка с зажимами для ремней оголовья, в петлях удила закреплено по кольцу с зажимами для крепления поводка. [15, С. 219, 222, Рис. 2.1]. Элементы крепления сближают псалии из мог. №355 с псалиями из погребения на городище Неаполь скифский [6, С. 85]. Псалии, найденные в могиле «аланского военачальника», основой и завершениями стержней аналогичны обнаруженным в склепе в склепе 805 Усть-Альминского некрополя, датирующемся 2-й четв. – сер. II в. н. э. [10, С. 143, Рис. 107.1] и погр. №6 у хут. Городского [11 С. 126, рис. 7.20]. Псалии из мог. №1 некрополя у с. Опушки имели неподвижно

вставленные в основу стержни с петлями для крепления ремней оголовья [14, с. 118]. В мог. №374 Нейзацкого могильника обнаружены железные псалии, основу которых составляет стержень, который заканчивается лопастями с обеих сторон [15, С. 228, 236].

Комплекты конской амуниции включали от двух до пяти железных пряжек четырех типов: **1)** железные пряжки с круглой рамкой и подвижным язычком, снабжены длинными прямоугольными щитками-зажимами (Рис.1. 1-3)[15, Рис.3.10], [15, Рис. 8.1,9],[14, Рис.2.6; 3,8],[6, Рис.9,10-11]; **2)** крупные овальные пряжки с подвижным язычком (Рис. 1. 4-6) [15, Рис.2.8], [15, Рис.8.5], [15, Рис. 11.9-10], [9, Рис. 8.14]; [3, С. 184, Рис. 10.5]; [6, Рис.9,12]; **3)** миниатюрные пряжки с прямоугольной рамкой и щитком (Рис.1.7-9)[9, С.133, Рис. 8, 14,14а], [3,Рис.10.3]; **4)** прямоугольные пряжки с подвижным язычком, длинные стороны вогнуты (Рис. 1.10-12)[6, Рис.9,19],[15, Рис. 11.17]. В составе конского снаряжения II в. н. э. встречаются наконечники ремней двух типов: 1) небольшие, сужающиеся к низу с прямоугольным ушком-отверстием для подвешивания (Рис.1.13-15) [3, С.184, Рис.10.4], [9, С.133 Рис. 8 126], [15, С.235, Рис. 11.3-4]; 2) двучастные наконечники с прямоугольной пластинчатой подвеской, имеющей закругленный нижний край и прямоугольное отверстие возле верхнего края для соединения с прямоугольной обоймой из согнутой вдвое пластины (Рис. 1.16-17)[15, С. 221-222, Рис.2.11; 3,5-7];[14, С.117 Рис.2.11-13]; [6, С.86, Рис.9 13-14];[15, С.228 Рис. 8. 2-3]. Распределительные железные кольца в двух экземплярах обнаружены в мог. №223 БельбекIV[3, Рис.10.2], по одному, изготовленному из бронзы, найдено в мог. №120 Битак [9, С.133, Рис. 7.3], мог. №1 Опушки [14, С.116,Рис. 2.1] и южном подбое мог. №374 Нейзаца [15, Рис.8.15]. По паре колец с зажимами для ремней найдено в мог. №223 [3, С.184, Рис. 10.16-17] и мог. №120 [9, Рис. 8.14б], мог. №1 Опушки [14, С.117 Рис.2.8] и одно в сев.подбое мог. №374 Нейзацкого могильника[15, С.234, Рис.11.11].

Декорировалась упряжь миниатюрными круглыми пластинчатыми бляхами-подвесками с подвижными зажимами для кожаных ремней (Рис.1.18-20). По две подвески были обнаружены в

захоронении «аланского военачальника» на городище Неаполь скифский [6, Рис. 9.13-14], мог. №120 некрополя Битак [9, С.134, Рис.8.14а], по одной в захоронении воина из могильника Опушки [14, Рис. 3,9] и погребение №223 могильника Бельбек IV [3,С.185, Рис.10.7]. Пара блях-подвесок колесовидной формы, изготовленных из железа, с тремя спицами в виде завитков и прямоугольным зажимом обнаружены в мог. №120 некрополя Битак (Рис. 1.21-22) [9, С.134, Рис.8.13]. Схожие по форме подвесные бляхи найдены в погр.2 кург.1 мог. Кировский I [7, С. 122, Рис. 6.4-5] и одна происходит из погребения 13 могильника Подкумок [1, С.147,Рис.57.43]. Налобная пластина обнаружена в погребении у ворот Неаполя скифского. Она представляет собой изделие в виде полосы прямоугольных очертаний, состоящей из чередующихся ромбов и квадратов. В центре ромбов расположены полусферические выпуклости. Поперечные стороны налобника оформлены в виде стилизованных парных головок лошадей [6, С.85].В мог. №355 некрополя Нейзац найдена железная подвеска в виде прямоугольного, скрепленного заклепкой зажима и подвешенной к нему фигурной пластины, возможно, украшавшая налобный ремень (Рис. 1.27)[15, С.223.Рис.2.7]. Нащечники с пластинчатыми зажимами на противоположных сторонах обнаружены в погребении у ворот Неаполя скифского [6, С.85] и в северном подбое мог. №374 Нейзацкого могильника (Рис. 1.23-26) [15, С.234, Рис. 11.5-6]. Близкие по форме, но изготовленные из серебра, изделия обнаружены в составе амуниции верхового коня в кургане 2 у пос. Котлубань[12, с.172]. В могиле №223 Бельбек IV найдены две выпуклые овальные железные бляхи, идентифицированные в качестве нащечников. Бляхи также имеют по две прямоугольные прорези, в которых сохранились остатки прямоугольных пластинчатых зажимов (Рис. 1.28-29) [3, С.184.Рис.10.8]. Ремни оголовья украшались железными бусинами-пронизями, в составе комплексов найдено 4-5 подобных изделий. Серебряные сбруйные бусы известны в синхронных донских и поволжских погребениях. Обычно таких бус бывает от 4-х до 7 [4, с.108].

Состав этих наборов демонстрирует появление в нач. II в. н. э. дополнительных элементов крепления на удилах, служащих для

формирования оголовья, пряжек со щитками и наконечников для ремней, а также наличие бус-пронизей и подвесных украшений ремней оголовья. Выше перечисленные комплекты предваряют появление бронзовых и серебряных деталей амуниции стилистической традиции позднесарматской культуры. Эти уздечные наборы имеют с деталями вышеназванной традиции массу сходств, что касается морфологии и состава. Детали конской амуниции находят аналогии на значительных территориях, что, вероятно, свидетельствует о наличии постоянно существовавших контактов между варварскими племенами, обитавшими в первых веках нашей эры на территории Северного Причерноморья. При этом круг вещей античного и провинциально-римского облика в них ограничивается отдельными категориями керамических изделий (узкогорлыми светлоглинянными амфорами, краснолаковыми сосудами) и украшений (изделия из египетского фаянса). В связи с этим, выделяется погребение №223 мог. Бельбек IV, в состав погребального инвентаря которого входили бронзовая статуэтка Эрота, фибула-брошь с эмалевыми вставками, фибула в виде фигурки лягушки. Возможно, не случайным является факт наличия импортных товаров в погребениях воинов-всадников, который указывает с одной стороны на высокий социальный статус погребенного, а с другой, вероятно, на немирный (в результате торговых операций) характер их получения.

ЛИТЕРАТУРА.

- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.- IV в. н. э.). М., 1993. 218 с.
- Антипенко А.В.* Реконструкция снаряжения верхового коня III в. н. э. из могильника Нейзац//ПИФК. 2015. Вып. 2(48). С.109-120
- Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Богатое погребение II в. н. э. могильника Бельбек IV// Тр. ГИМ. Поздние скифы Крыма. 2001. Вып. 118. С.175-186
- Безуглов С.И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье//СА. 1988. №4. С.103-116
- Гущина И.И. Журавлев Д.Б.* Некрополь римского времени Бельбек IV в

- юго-западном Крыму. В 2 ч. – М.: Исторический музей, 2016.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Элитный некрополь у центральных ворот Неаполя скифского// Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 81 – 109
- Ильюков Л.С.* Позднесарматские курганы левобережья реки Сал// Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С.100-141
- Мульд С.А.* Позднесарматское погребение в Центральном Крыму// МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 51-67
- Пуздровский А.Е.* Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой//Тр. ГИМ. Поздние скифы Крыма. 2001. Вып. 118. С. 122-139
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Сазонов А.А.* Спасовский Ю.Н. Сахтырьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского// Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С.113 - 137
- Скрипкин А.С.* Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов// СА. 1989. №4. С. 172-181
- Храпунов И.Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму: по материалам раскопок могильника Нейзац// Боспорские исследования. 2003. Вып. №3. С. 329-349
- Храпунов И.Н.* Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки// Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С.115-124
- Храпунов И.Н.* Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац//ПИФК. 2015. Вып. 1(47). С. 216-240
- Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац// БИ. – Вып.VII. – Симферополь-Керчь, - С.299-326

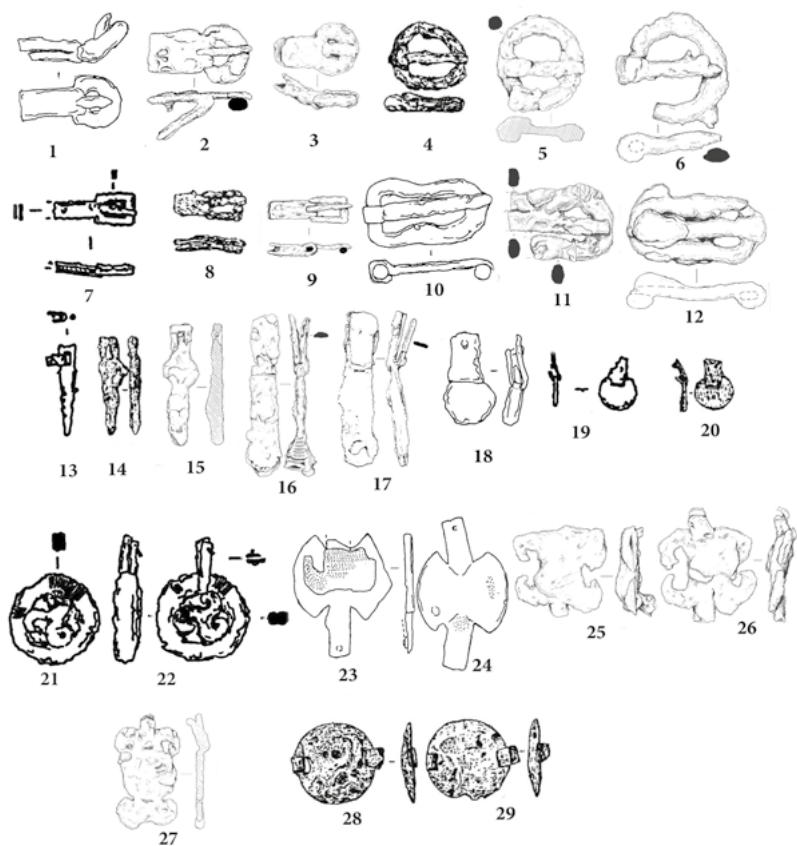

Рис. 1 Железные детали амуниции верхового коня

1, 10, 18, 23, 23 - погребение у ворот Неаполя скифского; 2, 17 - мог. №1 Опушки;
 3, 5, 9, 11, 16, 27 - мог. №355 Нейзац; 4, 8, 14, 20, 28, 29 - мог. №223 Бельбек IV;
 6, 12, 15, 25, 26 - сев. подбой мог. №374 Нейзац; 7, 13, 19, 21, 22 - мог. №120 Битак.
 1-29 - железо

БЕЗУГЛОВ С. И.
(Ростов-на-Дону)

**ТАНАИС И КОЧЕВНИКИ НИЖНЕГО ДОНА ВО II-III ВВ. Н.Э.
(ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

В первые века н.э. в низовьях Дона складывается очень своеобразный, в значительной степени изолированный очаг северопонтийской античной цивилизации. Территориально он близок абрису донской дельты (превышая его) и может быть представлен в виде треугольника размерами около 50 x 50 x 20 км. Его ключевой точкой, безусловно, являлся Танаис – экономический и военно-политический форпост Боспора в регионе. Другой важнейший компонент оседлой культуры I-III вв. н.э. в донском устье – группа поселений (городищ), расположенная, по большей части, по правому берегу Дона, к востоку от Танаиса (городища Мокро-Чалтырское, Хапровское, Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское, Темерницкое, Ростовское Кизитеринское, Кобяково). Есть крупные поселения этого культурного типа и на левом (южном) берегу донской дельты, на территории современного Азова (Крепостное и Подазовское городища). При современных археологических работах количество следов оседлой жизни в первые века н.э. близ донского устья и собственно в дельте Дона неуклонно возрастает. Эти поселения сопровождаются обширными грунтовыми и курганными некрополями. По обоим берегам Дона, неподалеку от поселений, иногда в зоне прямой видимости, располагаются и большие курганные массивы, оставленные обитавшим здесь кочевым населением. Плотность заселения очерченной зоны в устье Дона была высокой, а границы между оседлым и кочевым мирами в значительной степени размыты. Этот ансамбль бытовых и погребальных памятников представляет собой материальные остатки

локальной нижнедонской версии античной причерноморской культуры. Основные категории импортных изделий (тара, столовая керамика, стекло, украшения, металл), обнаруженные на всех обозначенных выше памятниках нижнедонского круга, не оставляют сомнений в том, что все они существовали в рамках единой экономической реальности, базирующейся на обмене товарных позиций.

Специальный интерес представляет вопрос об ареале и интенсивности экономического влияния нижнедонского региона за его пределами – в степях Приазовья, Подонья и Поволжья, а также еще более удаленных районах. Роль Танаиса в торговле с варварским населением степной и лесостепной зоны России в первые века н.э. неоднократно становилась предметом специального изучения (Д.Б. Шелов, В.В. Кропоткин, В.П. Шилов и др.). Но, как правило, конкретный материал для освещения этой проблемы изучался этими исследователями в широком хронологическом интервале (с I по III вв. н.э. включительно, а иногда и больше – вплоть до IV-V вв. н.э.). Вероятно, освещение поставленной проблемы будет более эффективным при рассмотрении ограниченных во времени и пространстве групп древностей.

В огромном фонде курганных древностей, открытых в степном Подонье новостроечными раскопками последней четверти XX – начала XXI вв., небольшую, но очень выразительную группу составляют кочевнические погребения позднесарматского культурного типа, относящиеся к середине II – первой половине III вв. н.э. Состав этих комплексов позволяет судить о структуре экономических и культурно-исторических связей оставившего их населения.

В качестве примера рассмотрим лишь один курганный комплекс позднесарматского круга – курган 20 в могильнике Центральный IV. Он был исследован экспедицией Ростовского университета в 1975 г. на донском левобережье, в степном междуречье Дона и Сала, в 250 км к востоку от Танаиса (опубликован в 1993 г.). Погребение в небольшом кургане было ограблено и разрушено, но сохранило выразительный инвентарь, состоящий из глиняной посуды (4 экз.) и бронзовых вещей (5 сосудов и 4 колокольчика).

Из четырех сосудов два (круговые лощеные кувшин и миска) – выразительные образцы нижнедонского гончарства городищ типа Кобякова-Гниловской. Один сосуд (гончарный горшок) произведен в Центральном Предкавказье и представляет собой образец массовой керамической продукции городищ раннеаланской культуры. Четвертый сосуд (лепной горшок) не отличается культурно-этнографической выразительностью.

Керамический набор фиксирует несомненную причастность погребенного в кургане персонажа к обозначенному выше нижнедонскому культурному кругу. Присутствие керамики из Центрального Предкавказья (т.н. «зилгинский тип») надежно засвидетельствовано в Танаисе и в материалах некрополей нижнедонских городищ во II – 1 пол. III вв. н.э.

Особо примечательна целая серия импортных бронз из погребения:

- кованый кувшин с литой рукоятью;
- таз на поддоне с двумя ручками;
- ковш с выломанной вместе с частью венчика рукоятью;
- ситечко-цедилка с весловидной ручкой;
- котелок с железной ручкой;
- 4 колокольчика.

Наиболее вероятная дата погребения – вторая половина II в н.э. В рамках рассматриваемой темы важен вопрос о происхождении имперских бронз, обнаруженных в погребении.

Существует несколько точек зрения на источники происхождения римской бронзовой посуды, найденной в курганных сарматских погребениях степного Подонья и примыкающего Поволжья.

Согласно первой, бронзовая посуда представляла собой одну из категорий товаров, в большей части попадавшую в степь в результате нормальных экономических отношений между кочевниками и торговцами, обосновавшимися в Танаисе (Д.Б. Шелов). Эту точку зрения в значительной степени разделял В.П. Шилов. Он, однако, не исключал наличия некоего гипотетического пути «из Нижней Мезии и Паннонии по степям, минуя Танаис... о чем свидетельствует различие

форм собственно танаисских и степных сарматских металлических изделий». Наконец, сравнительно недавно М.В. Кривошеев высказал предположение о том, что большая часть наборов бронзовой посуды из сарматских курганных погребений середины II – середины III вв. представляет собой, по большей части, дипломатические дары.

Некоторые донские находки позволяют в значительной степени скорректировать мнение В.П. Шилова о различиях танаисских и степных металлических изделий. В Танаисе и его ближайшей округе стали известны находки характерных кованых кувшинов, подобных найденному в Центральном (Танаис, Ростов-на-Дону, Кобяково), ковша типа Эггерс-144 (Кобяково), ситечек Эггерс-160 и стоящих рядом с ними форм (Танаис, Кобяково, Ростов-на-Дону), нескольких близких модификаций тазов (Кобяково, Ново-Александровка, Ростов-на-Дону).

Набор бронз из Центрального имеет узкий, но яркий ассоциативный круг. Близкий комплекс посуды обнаружен в богатом женском погребении, исследованном в 1984 г. у с Чугунно-Крепинка (100 км к северу от Танаиса). Этот курган, безусловно, входит в нижнедонской круг памятников позднесарматской кочевой элиты (Валовый, Высочино – Ново-Александровка) и неразрывно связан с Танаисом.

Еще один сопоставимый комплект найден в курганном погребении у с. Олонешты (Оланешты в современной картографической транскрипции) на правом берегу Днестра (около 900 км к западу от Танаиса). Комплекс был издан (1962) и переиздан (2003). Детальная публикация не оставляет сомнений в его атрибуции – это выразительный комплекс т.н. «всаднического» круга, наряду с бронзовой посудой содержащий характерный набор оружия и конского убранства. Его близость донским погребениям позднесарматской элиты специально отмечена в публикации 2003 г.

Таким образом, в свете современных данных, мы можем предполагать, что имперские бронзы, обнаруженные в Центральном, как другие, более скромные находки неподалеку (Камышевская, Нагавский II и др.) попадали к кочевникам преимущественно в результате нормальных торговых связей. Версии о «военной добыче» и «дипломатических

дарах», безусловно, более яркие, авантюры и сюжетны. В какой-то степени они, несомненно, имеют право на существование, но постепенное накопление новых данных позволяет на обновленной базе фактов признать преимущественную правоту точки зрения Д.Б. Шелова, сформулированной более полу столетия тому назад.

БЕЛИК Ю.Л.
(БГУ «ВКИКМЗ», Керчь)

**РОЛЬ ГОРОДОВ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО БАСЕЙНА
XV – XVIII ВВ. В
МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ**

Города Азово-Черноморского бассейна в XV – XVIII вв. играли особую роль в международной торговле между восточными, западными и северными странами. Острая конкурентная борьба порой переходила в вооруженное противостояние. Во второй половине XV в. контроль над этим центром транзитной торговли переходил из рук западных торговых представителей к восточным. Османы уже к концу XV в. полностью монополизировали торговлю в Азово-Черноморском регионе. С XVII в. предпринимаются активные действия выхода на рынки Европы и Ближнего Востока купцов из российских и украинских земель. Для успешной торговли необходимо было установить контроль над городами и соответственно портами Азово-Черноморского бассейна. Вооруженное противостояние между Османской империей и Российской империей привело к необходимости иметь надежные опорные пункты обоим армиям в этом регионе. Такие базы, крепости для армии и флота создавались в городах или на стратегически важных участках. Необходимость укрепиться в Приазовье и Керченском проливе вынудила османов пересмотреть свое отношение к системе укрепления городов, портов, стратегически выгодных участков. В XVII - XVIII вв. была начата модернизация прежних городов-крепостей и строительство новых. Строительство крепостей, модернизация обороны городов повлекло за собой рост торгового оборота в первую очередь строительными материалами, продуктами. Возросло потребление продуктов питания, товаров первой необходимости. Также появился спрос на предметы

ювелирного искусства, табак, дорогостоящие ткани, посуду и другие предметы роскоши. Увеличился спрос на морские перевозки, транспортные расходы возросли.

В приграничных крепостях, к которым относились города и самостоятельные фортификационные сооружения Азово-Черноморского бассейна на постоянной основе базировались османские войска, а также местные вооруженные силы. Частично гарнизон состоял из янычарских подразделений. В разных крепостях число янычар было различным. В то же время расходы на содержание элитных подразделений окупалась за счет торговых сборов поступавших в казну с торговцев, которые вели свои дела в этом регионе. Так в середине 50-х гг. XV в. Кефе выплачивала Стамбулу ежегодную дань около 3 тыс. венецианских дукатов. С переходом контроля над Крымом, Керченским проливом, Азовом эти доходы поступали в казну Османской империи и Крымскому ханству.

Необходимо учитывать, что гарнизоны крепостей помимо морских коммуникаций между ключевыми городами региона, контролировали сухопутные дорожные пути и сеть речных маршрутов. Благодаря именно речным и сухопутным сообщениям, фактически подавляющая часть товаров доставлялась в порты с севера и востока на базары и рынки приморских городов, а оттуда в Малую Азию, Средиземноморье.

Так транспортная магистраль между Керчью и Таманью обеспечивала стабильную переправу товаров и грузов из Кефе в Черкесию. Далее речным и сухопутным путем товары шли на Темрюк и далее на Северный Кавказ или же на север в Ачу. Города обладали некоторым запасом торговых мест. В городах были рынки, базары, снабженные торговыми лавками, складами, гостиницами – караван-сарай. Присутствовала охрана, а также контролирующие чиновники. В крупных городах особенно где стояли янычарские гарнизоны пребывали военачальники, судьи, которые порой решали споры в торговых делах.

Для стабильной торговли в рассматриваемый период обеспечение безопасности транзитных маршрутов и рынков имело огромное значение. Эту задачу выполняли разные структуры, в том числе крепостные

гарнизоны и флот. В XVIII в. возрастает роль османских крепостей Ени-Кале, Суджук-Кале, Анапа и др. Торговля вокруг этих центров развивается более интенсивно, что связано в первую очередь с тем, что Османская империя теряет постепенно контроль за торговыми магистралями, в связи с выходом к границам Азово-Черноморского бассейна Российского государства.

Укрепленные города, крепости в XV – XVIII вв. занимали важную роль в экономике Причерноморья, влияли на развитие стабильных торговых отношений между Крымом, Кавказом, Приазовьем.

ЛИТЕРАТУРА

- Марсильи, Луиджи Фернандо.* Военное состояние Оттоманския империи с ее приращением и упадком, сочинено через графа де Марсильи, члена Парижския королевския академии наук и Монпельерския. Также Лондонского королевского социэтета и основателя Болонского института. Все украшено грьдорованными листами. / Л. Ф. Марсильи. – [пер. В. К. Треднаковский]. – Ч. 1-2. – СПб. : Печ. при Имп. Акад. Наук, 1737. – Ч. 1 [4]. – 110 с., Ч. 2 [2]. – 155 с.
- Перепечаева Л. Б.* Азов – пограничная крепость России к. XVII – нач. XIX вв. г. / Л. Б. Перепечаева. – Азов : Азовский краеведческий музей, 2001. – 252 с.
- Петросян И. Е.* Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XVI – XVII вв. / И. Е. Петросян // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М. : Наука, 1986. – С. 66–71.
- Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в 2-х томах. / В. Д. Смирнов. [отв. ред. С. Ф. Орешкова]. – Том 1. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. – М. : Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. – 542 с.
- Тимофеенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. / В. И. Тимофеенко. – К. : Наукова думка, 1984. – 219 с.

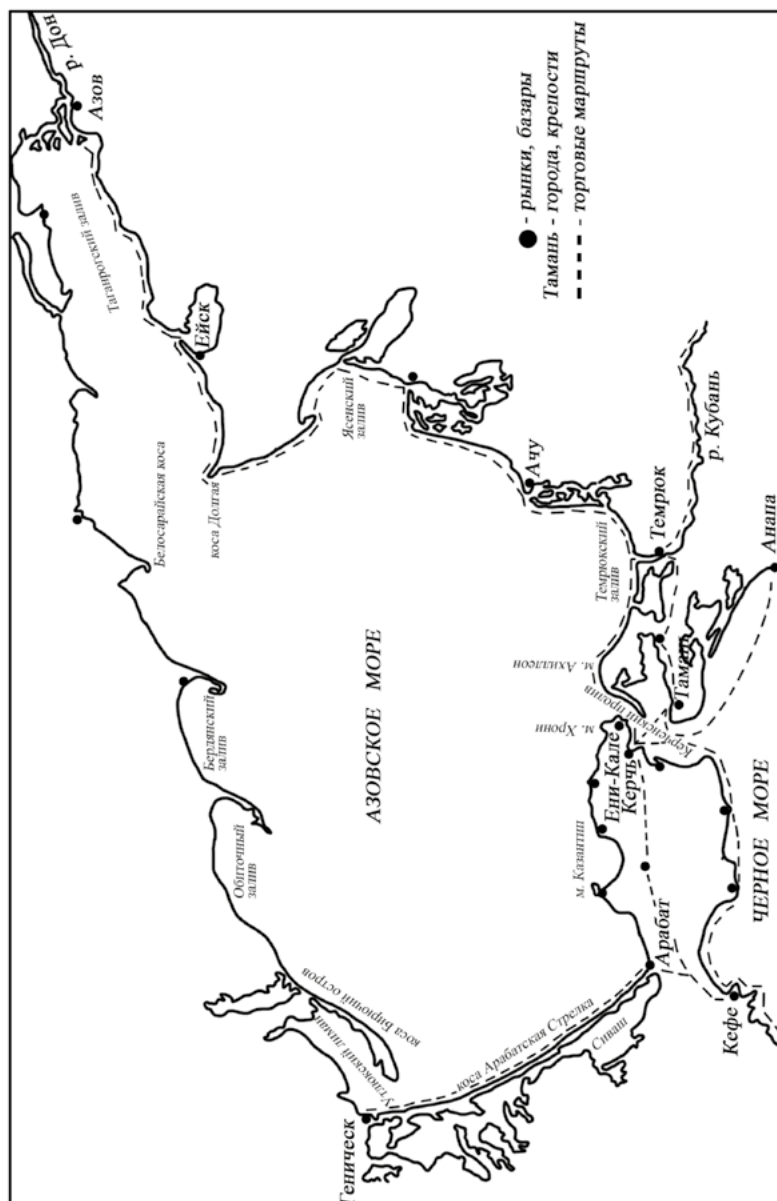

Рис. 1. Торговые маршруты между городами, крепостями Азово-Черноморского бассейна в XV – XVIII вв.

БОНИН А. В., ИВАНОВ А. В.
(ИА РАН, Москва; ООО «ЮРЦАИ», Краснодар)

**ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА БОСПОРА ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ I В.
ДО – 1-Й ПОЛОВИНЕ I В. Н. Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ФУРОЖАН В 2010 Г.).**

Вопрос о характере взаимоотношений Боспора и меотских племен на его восточной окраине в римское время весьма важен для понимания ситуации в этой части царства. Нам известны некоторые политические события данного времени (военные действия Полемона на азиатском Боспоре в конце I в. до н. э., а также события Боспорской войны в середине I в. н. э.), но вот о характере экономических отношений населения Боспора и меотов, населявших эти места, мы имеем весьма слабое представление.

На землях восточнее Краснобатареинового городища (современные Крымский, Абинский и Северский районы), традиционно считаемого порубежным поселением Боспорского царства, в это время, по всей видимости, проживало не слишком многочисленное население. По данным разведок в этом регионе насчитывается около полутора десятка меотских городищ и поселений, которые существовали в интересующий нас период [Каменецкий, 2001, с. 4-16]. Одним из таких поселений было городище Фуружан, укрепленная часть которого полностью раскопана в ходе охранно-спасательных работ в 2010 г.

Городище находится на высокой пойме западного основания одноименной балки, которая расположена у х. Трудовой в Крымском районе Краснодарского края. Памятник обнаружен в 1986 г. разведочным отрядом под руководством Б. А. Раева. Отметим, что это памятник находится в 9 км юго-юго-восточнее Краснобатареинового городища и в 30 км юго-восточнее Семибратнего городища, т. е. практически на

восточной границе Боспорского царства.

Возникновение поселения связано с горизонтом «А» и по находке медной монеты (дихалк) Митридата VI Евпатора 109-100 гг. до н. э. в основании слоя, начало его формирования можно датировать временем не ранее I в. до н. э. Здесь, на территории далеко выдающегося в балку мыса, были сооружены сырцово-турлучные постройки, которые сохранились в виде сырцовых завалов, перекрытых слоями обожженной обмазки и золы. Прекращение существования первых построек на поселении, соотносящихся с горизонтом «А», связано с пожаром, который нашел отражение в виде слоёв обожженной обмазки и золы, перекрывающих сырец.

После разрушений территория осваивается снова, но теперь уже представляет собой укрепление. Склон мыса эскарпируется, его периметр обносится турлучной стеной. Фасы стены отбивались прослойками красной обожженной обмазки; заполнение стены представляло собой смесь серого грунта, смешанного с золой и камнями. В заполнении стены найдена закладная медная монета (халк) Пантикапея с надчеканкой около 294-284 гг. до н. э. и сквозным отверстием в центральной части.

В данном виде фортификация просуществовала относительно недолго – укрепление снова гибнет в пожаре. Стена была сожжена, но в дальнейшем не разобрана. После этого западный сектор мыса обносится рвом глубиной до 5 м. По всей видимости, с сооружением рва необходимость в эскарпе исчезла, и он засыпается выкидом из рва, а также строительным мусором, образовавшимся после пожара. Периметр отделенной территории цитадели от напольной части памятника рвом вновь обносится высокой турлучной стеной, которая фиксировалась в виде столбовых ямок под опорные деревянные конструкции по периметру и мощных слоев обожженной обмазки. Вход на территорию укрепления находился с запада через небольшие проходы в северной и южной части стены.

Территория внутри укрепления в это время застраивается; об этом свидетельствуют многочисленные столбовые ямки, выявленные на материке, и заполненные слоем, соответствующим строительному горизонту «Б». Однако, как и в слое предыдущего горизонта, полностью

отсутствовали конструктивные детали построек. В связи с этим можно предположить, что опорные конструкции могли быть подведены под навес, который перекрывал центральную часть укрепления.

После очередного пожара, следы которого фиксируются в заполнении всех столбовых ям, стена и наземные постройки были уничтожены. Остатки всех столбовых конструкций были изъяты из грунта. Возможно, это было преднамеренное уничтожение уже взятого и сожженного укрепления.

В более позднее время поселение фортификационной системы не имело, и погибло в крупном пожаре, о чем свидетельствуют завалы обожженной обмазки на поверхности строительного горизонта «Б» [Иванов, 2014].

Датировка городища затруднена малым количеством датирующего материала. Найдено всего две монеты: медная монета (халк) Пантикапея с надчеканкой 294-284 гг. до н. э. и дихалк Митридата VI Евпатора 109-100 гг. до н. э.. Керамический материал из горизонта А (импортная тарная керамика) датирует этот слой второй половиной I в. до н. э. Сделать подобные выводы позволяют нам находки фрагментов широкогорлых светлоглиняных амфор с двуствольными ручками типа C1, которые датируются С. Ю. Внуковым не ранее середины I в. до н. э. [Внуков, 2003, с. 202; 2006, с. 167]. Кроме того, в слое найдена ножка колхидской амфоры варианта В и фрагмент горла красноглиняной псевдокосской амфоры. Эти типы амфор характерны для указанного периода [Внуков, 2013, с. 46-47, рис. 13].

Судя по находкам тарной и столовой керамики из горизонта Б, эти напластования следует отнести к первой половине I в. н. э. Об этом свидетельствуют фрагменты широкогорлых светлоглиняных амфор с двуствольными ручками типа C1, которые датируются С. Ю. Внуковым в том числе и I в. н. э. [Внуков, 2003, с. 202; 2006, с. 167]. В этом же слое зафиксированы фрагменты колхидских амфор варианта В, фрагмент горла амфоры с воронковидным венчиком, две ручки амфор Син IVa по С. Ю. Внукову и один обломок ручки светлоглиняной узкогорлой амфоры типа А по Д. Б. Шелову или CIVA по С. Ю. Внукову. Напомним, что последний тип амфор традиционно датируется временем не ранее

последнего десятилетия I в. до н. э. [Шелов, 1978, с. 17-18], а С. Ю. Внуков датирует подобные сосуды временем не ранее 20 гг. I в. н. э. [Внуков, 2003, с. 202; 2006, с. 167]. Из находок столовой керамики упомянем несколько фрагментов вертикального бортика (один с петлеобразной ручкой) буролаковых чаш. К сожалению, эта форма датируется весьма широко: I в. до – I в. н. э. [Журавлев, 2010, с. 59] и для уточнения хронологии слоя ничего не дает. Например, подобные чаши найдены в слое разрушения «дома Хрисалиска», датируемом концом I в. до н. э. [Сокольский, 1976, рис. 52.4].

Таким образом, датировать время образования горизонта А следует второй половиной I в. до н. э.; время существования укрепления горизонта Б можно обозначить периодом от конца I в. до н. э. до середины I в. н. э. Сожжение и разрушение крепости вполне можно связать с военными действиями Митридата против Котиса.

Как уже говорилось выше, место расположения поселения и степень его исследованности могут дать весьма важные сведения о характере взаимоотношений меотских племен и Боспора этого времени, ибо торговля, если она была, неизбежно должна была наложить свой отпечаток на количественный и качественный состав находок.

Рассмотрим массовый керамический материал из раскопок поселения. Всего найдено 1658 фрагментов профильных частей сосудов. Лепная керамика составила около трети от этого числа. Однако из всего массива массового керамического материала к тарной импортной керамике можно отнести всего лишь 25 небольших фрагментов.

К раннему горизонту А относится чуть меньше половины всех найденных фрагментов – 12 шт. Большинство из них – обломки ручек и венчиков светлоглиняных широкогорлых амфор с двуствольными ручками типа СI – 10 шт. Здесь же найдены одна из ножек колхидских амфор варианта В и фрагмент нижней части горла песевдокосской амфоры.

Интересующие нас находки горизонта Б (13 фрагментов) распределились следующим образом: обломки ручек и венчиков светлоглиняных широкогорлых амфор с двуствольными ручками типа СI – 3 шт. (ножек амфор этого типа не обнаружено ни в одном из горизонтов),

два фрагмента колхидских амфор варианта В (одна ручка и одна ножка); обломок двустольной ручки псевдокосской красноглиняной амфоры; два фрагмента ручек амфор, которые можно отнести к типу Син IVa; один фрагмент горла эгейской амфоры с воронковидным венчиком и один фрагмент профилированной ручки светлоглиняной узкогорлой амфоры типа А по Д. Б. Шелову или CIVa по С. Ю. Внукову. Еще три фрагмента (два нижних прилепа ручек и фрагмент горла красноглиняных амфор) определить не удалось.

Таким образом, раскопки укрепления городища Фурожан показали, что, несмотря на его близость к рубежам Боспора, торговые связи меотского населения этого региона с Боспором во второй половине I в. до – первой половине I в. н. э., возможно, как минимум находились в упадке, если вообще не были прерваны. Об этом говорит не только статистика массового керамического материала, но и отсутствие монет этого времени, а также минимальное количество фрагментов импортной столовой керамики, зафиксированных при раскопках укрепления.

Отметим, что наши выводы не противоречат данным, полученным при обследовании других поселений этого района. Сборы подъемного материала на меотских городищах, найденных на территории Абинского, Крымского и Северского районов, показывают почти полное отсутствие фрагментов понтийской тарной керамики [Каменецкий, 2001, с. 4-17], в изобилии находимых на поселениях азиатского Боспора этого времени. И. С. Каменецкий связывает общий упадок восточной окраины Боспора, выразившийся в уменьшении числа поселений, с политическими и военными событиями времени правления Митридата Евпатора на Боспоре, а также рубежа н. э. [Каменецкий, 2001, с. 17-18]. Вероятно, численность населения и хозяйство в этих краях так и не сумели восстановиться в полном объеме до Боспорской войны середины I в. н. э, что объясняет упадок торговли в этом регионе во второй половине I в. до – первой половине I в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков, 2003. *Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до – II в. н. э. (морфология). М.*
- Внуков, 2006. *Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до – II в. н. э.. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. М.*
- Внуков, 2013. *Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17.*
- Журавлев, 2010. *Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I-III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Suppl. 9. Симферополь. 2010.*
- Иванов, 2014. *Иванов А. В. Фортификация цитадели городища «Фурожан» // XXVIII Крупновские чтения. Москва. 2014.*
- Каменецкий, 2001. *Каменецкий И. С. У границ азиатского Боспора // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар.*
- Сокольский, 1976. *Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М..*
- Шелов, 1978. *Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 156.*

ВАХОНЕЕВ В.В., ЛОСЕВА А.А.
(ГБУ «ЧЦПИ», Феодосия)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ В АКВАТОРИИ КРЫМА КАК ФАКТОР ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА

Археология кораблекрушений – направление в археологии, специализирующееся на изучении мест гибели древних судов и кораблей. При этом данное направление не всегда является разделом подводной археологии, поскольку следы кораблекрушений нередко фиксируются и на земле. Ярким примером последнему служат работы в районе Ени-Капи в Стамбуле, где при строительстве подводного тоннеля Мармарай было изучено более 30 кораблекрушений византийского периода.

Развитие современных технических средств подводного поиска и водолазного дела в целом нашло своё отражение и в повышении качества археологического обследования акватории Крыма, региона, где более ста лет назад и зарождалась отечественная подводная археология.

Несмотря на ряд успехов в области проведения подводных разведок, большинство подводных археологов допускает ряд методических ошибок, которые в виде устоявшихся клише распространяются, в том числе, и в научных публикациях. Это, в первую очередь, касается критериев определения кораблекрушения как места гибели судна в историческом времени.

В 2014 г. в результате проведённых работ в портовой части средневековой Каффы под водой было найдено несколько амфоровидных плоскодонных кувшинов, пифоидный сосуд XIV в. испанского происхождения и одна поливная миска. По мнению авторов, проводивших исследования, «удалённость обнаруженных находок от

берега дает возможность предположить, что это место кораблекрушения» [Зеленко, Лебединский и др., 2016 а, с. 131]. При этом удалённость, согласно приложенной карты, составляет несколько десятков метров от берега.

В 2001 – 2006 гг. в результате проведенных в акватории Севастополя подводных поисковых работ при помощи эхолота и визуального осмотра на глубинах от 1,5 до 60 м. был обнаружен «целый ряд новых подводных археологических объектов» [Зеленко, 2008, с. 70-73; Назаров, 2003, с. 81].

Так, у м. Тюбек на глубине 5 м обнаружено кораблекрушение второй четверти VI – начала VII вв. Три других кораблекрушения X в. образовались, по мнению авторов исследования, в результате военных действий князя Владимира. Первое кораблекрушение локализовано у западного мыса бухты Круглая на глубине 23 м и с него было поднято два якоря. Второе судно обнаружено напротив Херсонеса в 550 м от берега на глубине 18 м и на нём якобы зафиксированы следы пожара. Наконец, третий корабль с грузом амфор обнаружен у п. Учкеевка на глубине 18 м и тоже имеет следы пожара.

Следует отметить, что опубликованные единичные материалы без планов, явно недостаточны для столь серьёзных обобщений и выводов, во-первых, о самом наличии кораблекрушений, во-вторых, о дате их гибели к привязке к конкретному историческому событию.

Подобная ситуация и с мысом Мальчин, где исследователями локализуется «кораблекрушение VIII – X вв.», находки с которого представлены фрагментами амфор причерноморского типа, амфор-кувшинов с плоским дном, амфоры с вытянутым туловом с перехватом и амфоры с «высокоподнятыми ручками» XIII – XIV вв. [Зеленко, Лебединский и др., 2016 б, с. 13].

Наконец, укрепилось мнение, что в районе скал Адалары по результатам подводных работ 1995 – 1996 гг. обнаружено 5 – 6 кораблекрушений [Зеленко, 2008, с. 103; Назаров, 2003, с. 87].

Указанные примеры показывают слабую методическую базу определения кораблекрушения как объекта археологического

наследия. К сожалению, большинство исследователей в своих работах под кораблекрушением понимают совокупность археологического материала, в основном керамики, нередко даже разновременной, что в итоге приводит к выводам, будто всё побережье Крыма усеяно остатками кораблекрушений.

Следуя подобной логике, акватория городища Фанагория в Таманском заливе буквально вся покрыта остатками кораблекрушений. Один из авторов, принимавший участие в подводных исследованиях Фанагории, был свидетелем тому, что на глубине 4 – 5 м регулярно находились практически целые амфоры причерноморского типа в большом количестве.

В действительности, работая в прибрежной акватории рядом с поселенческими структурами, следует учитывать, что многие из них не имели причальных стенок, к которым могли подходить суда. В связи с этим перегрузка товаров с торговых судов на небольшие лодки проходила на местах якорных стоянок, прилегающих к поселениям.

Безусловно, испорченный товар, в том числе амфоры с трещинами, разбитые и т.п., утилизировались непосредственно в море, в результате чего образовывались амфорные поля, которые легко принять за следы кораблекрушения. Именно этим можно аргументировать наличие большого количества археологического материала у скал Адалары в Гурзуфе, акватории Херсонеса и средневековой Кафы. Не исключены случаи, когда груз по каким-либо причинам был попросту скинут в море.

С другой стороны, в акватории Крыма есть действительно несколько доказанных кораблекрушений, которые дают важную информацию по истории торговли и мореплавания.

С 1999 г. в акватории Новосветской бухты ведутся исследования кораблекрушения XIII в. под горой Хоба-Кая. Его груз разбросан от начала подводной части берегового склона на глубине 8 м и далее в море по склону до глубины 12 м. Археологический материал находится в слое грунта от 0,5 и до 1,5 м.

Анализ археологического материала позволил ввести в оборот информацию о транспортировке грузов на средневековых судах, а

также о бытовых условиях экипажа (при раскопках обнаружено 13 деревянных гребней) и даже его вооружении [Зеленко, Дергачев, 2008, с. 425-43; Зеленко, Морозова, 2011, с. 5-20; Зеленко, Валентирова, 2015, с. 5-17]. Более того, это один из немногих случаев, когда конкретный археологический объект можно соотнести с данными письменных источников.

Острая конкуренция итальянских купцов часто приводила к военным конфликтам. Особенно ярким было противостояние Генуи, Венеции и Пизы. В 70-х годах XIII века ожесточенная борьба Генуи и Пизы докатилась и до Причерноморья. Сохранившийся документ того времени сообщает, что возле Синопы пизанская галера пыталась перехватить торговые суда Генуи. В погоне за одним из кораблей, который шёл к Судаку, в «морском сражении на виду у Солдайи» 14 августа 1277 года она была побеждена и безжалостно сожжена генуэзцами. Действительно, при раскопках кораблекрушения в Новосветской бухте повсюду зафиксированы следы пожара. Даже найденные монеты свидетельствуют о сильном воздействии огня. 35 медных аспров чеканки императора Византии Мануила I (1238 – 1263 гг.) из династии Комнинов были склеены между собой остатками обгоревшего кошелька.

Наконец, отдельной категорией можно считать средневековые кораблекрушения на больших глубинах. На данный момент в акватории Крыма их обнаружено три: Херсонес А, Балаклавский и Форосский византийцы. Удалённое от берега расположение на большой глубине позволило их сохранить в качестве закрытых комплексов.

Херсонес А иллюстрирует пример региональной торговли. Небольшое судно (около 7 – 8 м в длину) с известным по изобразительным источникам малым латинским парусом, затонуло в 12 милях от Херсонеса при перевозке груза из 200 кувшинов Таманского типа. Не исключено, что парусник следовал каботажным плаванием со стороны Восточного Крыма и удалился от берега при подходе к Херсонесу в результате изменения ветрового режима.

Балаклавский и Форосский византийцы, напротив, являются свидетельствами торговых контактов средневекового Крыма с Южным

Причерноморьем. На данный момент на кораблекрушениях проведены только локальные разведки, но с каждого на поверхность поднято несколько амфор.

Археология кораблекрушений – достаточно молодое направление в отечественной археологии. Методом проб и ошибок сегодня вырабатываются методические критерии, применяемые к подобным исследованиям. К счастью, новейшие технические средства для подводных работ и привлечение в эту сферу новой плеяды профессиональных археологов в скором будущем позволят увеличить количество информации, получаемой от изучения средневековых кораблекрушений в акватории Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Зеленко С.М.* Подводная археология Крыма. К., 2008.
- Зеленко С.М.* Валентирова Е.Н. Холодное оружие с кораблекрушения итальянской галеры XIII в. в Чёрном море у берегов Крыма // Вопросы подводной археологии. № 5. М., 2015. – С. 5-17.
- Зеленко С.М.,* Дергачева Л. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII в. в бухте пос. Новый Свет // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 425-439.
- Зеленко С.М.,* Лебединский В.В., Кузьминов В.В., Новицкая Р.С., Царенко С.А., Морозова Я.И., Пронина Ю.А. Подводно-археологические исследования в юго-восточном Крыму в 2014 г. М.-Судак, 2016 а.
- Зеленко С.М.,* Лебединский В.В., Кузьминов В.В., Новицкая Р.С., Царенко С.А., Морозова Я.И., Пронина Ю.А. Подводно-археологические исследования в юго-восточном Крыму в 2016 г. М.-Судак, 2016 б.
- Зеленко С.М.* Морозова Я.И. Деревянные гребни с кораблекрушения в бухте Нового Света (Крым) // Вопросы подводной археологии. № 2. М., 2011. – С. 5-20.
- Назаров В.В.* Гидроархеологическая карта в черноморской акватории Украины. К., 2003.

БАХТИНА М.Ю.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

**РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ КЕРАМИКА В ВАРВАРСКИХ
ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: РЕЗУЛЬТАТ
ДОКОЛОНИЗАЦИОННЫХ КОНТАКТОВ ИЛИ СВИДЕТЕЛЬСТВО
СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПОСТОЯННЫМИ АНТИЧНЫМИ ПОСЕЛЕНИЯМИ
И ВАРВАРСКОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ?¹**

Для всех регионов древней ойкумены, вовлеченных в орбиту греческой колонизации, античные изделия, обнаруженные в слоях и комплексах, принадлежавших местному населению, служат надежным индикатором контактов между греческими колонистами и местным населением. Из варварских памятников Северного Причерноморья происходит довольно большое (по сравнению с находками, известными для других областей), количество греческих импортных изделий, относящихся к VII в. до н.э. Среди античного импорта особая роль принадлежит расписной керамике, которая является наиболее многочисленной категорией античной продукции, нашедшей распространение в туземном мире, или, скорее, наиболее широко представленной в дошедших до нас материалах. Известно, что находки расписных греческих сосудов являются хроноиндикаторами, на основании которых можно судить о времени установления первых контактов. Количество таких находок медленно, но постоянно возрастает как для степной, так и для лесостепной зон Северного Причерноморья. Круг подобных артефактов достаточно хорошо известен (сводки см. напр., Брумяко 2005, с. 236-237, рис. 61; Иванчик 2005, с. 105-106). Приведем лишь некоторые из них.

¹ Работа над темой ведется при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10151.

Для **степной зоны** одной из самых ранних и выразительных находок остается ойнохоя из центрального погребения кургана Темир-Гора в Восточном Крыму. Сосуд датируют 640–630 (Копейкина 1972, с. 156; Cook, Dupont 1998, р. 36, 38, fig. 8.5) или же 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005, р. 20, fig. 12). Сравнительно недавно еще две восточно-греческие ойнохои того же типа, что и сосуд из Темир-Горы, которые можно поместить в те же хронологические рамки, были обнаружены в комплексах архаического скифского кургана у ст. Крымская в Прикубанье (Шевченко 2013, рис. 8-10).

Ойнохой из кургана у с. Филатовка (район Перекопа) В. Н. Корпусова (1980, с. 100–103) относил к 635–625 гг. до н.э., а М. Кершнер – к несколько более раннему времени (Kerschner 1997, S. 217–218).

В **лесостепной зоне** из погребения в кургане № 1 у с. Болтышка на правом берегу Днепра (бассейн Тясмина) происходит фрагмент горла ойнохой, которую можно отнести к 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005, р. 20, fig. 13). Современные исследования погребальных памятников лесостепи также пополняют «фонд» находок греческой архаической керамики. Так, в кургане у с. Китайгород в Приорелье была обнаружена милетская столовая амфора датированная 610-580 гг. до н.э. (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, с. 113, рис. 4, 1; 5, 1).

Образцы ранней греческой расписной керамики происходит из раскопок т.н. больших лесостепных городищ. Примечательно, что в целом ряде случаев они были выявлены в составе варварских комплексов, т.е., очевидно, входили в обиход представителей туземного населения. К таким находкам относится, напр., фрагментированный килик из культового комплекса Трахтемировского городища (Дараган 2011, с. 518, рис. IV.59), который М. Кершнер датирует в пределах второй четверти VII в. до н.э. (Kerschner 2006, S. 237-238, Abb. 14), а А.В. Буйских – второй-началом третьей четверти этого столетия (Буйских, 2015, с. 246). Из другого комплекса Трахтемирова происходит фрагмент сосуда, предположительно, ойнохой (Ковпаненко 1968, с. 109, рис. 9), который можно отнести ко времени не позднее последней трети VII

в. до н.э. Целая серия образцов восточно-греческой керамики была найдена на Немировском городище (Вахтина 1998; Vakhtina 2007). Некоторые находки можно связать с комплексами землянок №№ 1 и 2 раннескифского горизонта, в которых ранняя античная керамика была зафиксирована совместно с качественной гальштаттской посудой и типичными местными лесостепными формами (Вахтина, Кашуба 2014, рис. 1-2). Судя по датировкам находок, ввоз греческой посуды на это поселение начался в середине VII в. до н.э., а его «пик» приходился на последнюю треть VII в. до н.э.

Целый ряд фрагментов расписных сосудов 650–630 гг. до н.э. дали раскопки Бельского городища (Задников 2007; Шрамко, Задников 2010, с. 297–298, рис. 3–4). Коллекция этой категории материала увеличивается с каждым сезоном раскопок памятника. Как справедливо отмечают его исследователи, «впервые греческий импорт появляется на поселении в третьей четверти VII в. до н.э.» (Задников, Шрамко 2009, с. 476).

Вероятно, на основании этого круга находок можно сделать вывод о достаточно интенсивных контактах между греками и местным населением Северного Причерноморья в архаическое время.

Однако, исследователи, знакомые с проблематикой и материалами архаической эпохи, обращают внимание на принципиальное противоречие, вызванное «удревнением» датировок ряда керамических находок. Учитывая современные представления о датах архаической греческой посуды, мы неизбежно столкнемся с тем, что находки импортной керамики из варварских памятников будут «опережать» даты основания греческих поселений, т.е. не вписываться в хронологические рамки начального периода существования античных колоний в Северном Причерноморье. Вернее, не будут соответствовать сложившимся представлениям о хронологии и характере греческой колонизации региона.

Это несоответствие вызвало к жизни на «современном витке» гипотезу о «доколониционных» контактах и связях греков с варварским населением региона. Отметим, что под доколониционными связями мы подразумеваем здесь не контакты между Северным Причерноморьем

и областями Эгеиды, которые существовали еще в бронзовом веке, задолго до начала греческой колонизации (Вахтина, Кашуба 2014, с. 73-74), а связи, предшествующие колонизации и служившие целям «ознакомления» греков с регионом перед его дальнейшим освоением. Эта система взглядов была сформулирована некогда А.А. Иессеном в его «Греческой колонизации Северного Причерноморья» (1947). Вот как он представлял начальный этап колонизации региона: «Мы таким образом видим, что в VII в. впервые завязываются сношения между... местным населением северо-черноморских степей и греческими мореплавателями и торговцами, проникающими до устья больших рек в северо-западной части моря до района Керчи, а возможно, и до Донской дельты. Торговля эта носит доколониальный характер, не сопровождаясь созданием постоянных греческих поселений, за единственным исключением поселения на острове Березани....» (Иессен 1947, с. 57).

Отметим, что, создавая эту систему взглядов, исследователь опирался на известную статью Т.Н. Книпович (1934), а также развил «гипотетическое построение Э. Миннза» о первых, спорадических плаваниях греков (Minns 1913, p. 438-441). Английский исследователь полемизировал с М.И. Ростовцевым и Б.В. Фармаковским, видевших в находках греческого импорта свидетельства уже установившихся контактов варваров с постоянными греческими поселениями. В конце 70-х гг. прошлого века отечественное антиковедение, казалось бы, отвергло концепцию об особом, «подготовительном» периоде, предшествующем основанию в Северном Причерноморье греческих колоний (Брашинский, Щеглов, 1979, с. 34 сл.). Лишь С.Л. Соловьев полагал, что до основания на Березани постоянного поселения здесь какое-то время существовал эмпорий, а собственно поселение возникло несколько позже, в конце VII в. до н.э. (Solovyov 1999, p. 30). Однако, его взгляды долгое время не встречали поддержки (Виноградов 1999, с. 108; Мачинский 2011, с. 412–413).

Конечно, наличие «доколониационных контактов» во многих случаях помогало бы интерпретировать «труднообъяснимые» находки греческих вещей из варварских контекстов, также как и находки

древнейших образцов керамики, обнаруженные при раскопках территорий греческих колоний (см., напр., Буйских 2015, с. 241). И подобный подход в нынешнем столетии стал приниматься исследователями. Так, например, по мнению Т.М. Кузнецовой, «... скальная гробница на Темир-Горе (та, из которой происходит упоминавшаяся выше ойнохоя - *М.В.*), была, видимо, предназначена для грека, умершего в ранний период ознакомления с Северным Причерноморьем, возможно, во время разведывательной экспедиции, связанной с обследованием районов предстоящего заселения» (Кузнецова 2002, с. 85). Австрийский ученый М. Кершнер склонен рассматривать распространение ранней керамики в варварском мире региона как следствие доколониционной активности греков (Kerschner 2006, s. 239).

Наиболее логично и стройно концепция, предполагающая наличие особого периода греко-варварских контактов, предшествующих основанию постоянных греческих поселений в Нижнем Побужье, сформулирована в работах А.В. Буйских (Буйских 2013а; 2013б; 2015; 2016). Проанализировав массовые находки восточно-греческой керамики, найденные за годы археологического изучения Ольвии, исследовательница обосновала вывод о наиболее вероятной дате основания этой колонии в 620/610–590 гг. до н.э., что сократило временной разрыв между основанием Ольвии и Борисфена (Буйских 2013б, с. 223). Согласно концепции А.В. Буйских, Борисфен во второй половине VII в. до н.э. представлял собой эмпорий; поселение же городского типа возникло на Березани в конце VII - начале VI вв. до н.э. (Буйских 2015, с. 41). Эта модель была предложена исследовательницей и для других районов Северного Причерноморья, где первоначально греками были основаны «временные, а затем постоянные «торговые станции» как инструмент освоения нового социума» (2013а, с. 22-23).

Представляется очевидным, что ключевым вопросом для обоснования гипотезы о периоде доколониционных связей является вопрос о дате основания постоянного поселения на о. Березань, древнейшей греческой апойкии в Северном Причерноморье. Это поселение традиционно и совершенно справедливо рассматривают

как наиболее вероятный источник ранних «греческих импульсов». Для решения вопроса о времени его основания мы располагаем данными двух систем источников – письменных и археологических. Общепринятая дата, реконструируемая на основании хроники Евсевия – 647/646 гг. до н.э. (Euseb. Chron. cap. /Helm.B., 1984, p. 95 b). Д. А. Мачинский предлагал помещать эту дату в диапазоне 649–643 гг. до н.э. (2011, с. 418). На наш взгляд, свидетельство письменного источника остается чрезвычайно важным. Трудно поэтому не согласиться с позицией В.Д. Кузнецова, полагающего, что «попытки омолодить эту дату на основании археологических материалов соответствующего времени вряд ли следует признавать аргументированными, поскольку игнорирование письменного источника недопустимо» (Кузнецов 2013, с. 128).

Согласно же «археологической» периодизации, предложенной для Березанского поселения Д. Е. Чистовым, первая, ранняя фаза его существования относится к концу VII–началу VI в. до н.э. (Чистов 2012, с. 6 сл.). Нетрудно заметить, что этот вывод не снимает несоответствие между датами «первой волны» греческого импорта и временем основания древнейшего античного поселения в регионе. Впрочем, как признает исследователь, «... периодизация базируется прежде всего на стратиграфических наблюдениях, предлагаемые ниже датировки <...> являются условными и подлежат корректировке в ходе дальнейших исследований памятника» (Указ. Соч., с. 6). А.В. Буйских также согласна с тем, что в будущем археологические исследования и изучение материалов на современном уровне помогут приблизиться к реальной ситуации (Буйских 2015, с. 248-249).

Даты основания греческих поселений Северного Причерноморья, как и дата основания Березанского поселения, часто базируются на находках и датировках самых ранних строительных комплексов. Такой подход, несомненно, представляется обоснованным. Располагая такими данными, мы, безусловно, можем быть уверены, что поселение/городище существовало в предложенный период. Общеизвестно, что отдельные находки из раскопок греческих поселений часто «опережают» по времени связанные строительные остатки.

Признавая ненадежность определения времени основания греческих поселений «по одному черепку», все же нельзя абсолютизировать и подход, признающий достоверными критериями исключительно комплексы, т.к. из-за плохой сохранности древнейших объектов всегда можно предполагать, что древнейшие остатки не дошли до нашего времени либо в силу каких-либо причин пока что не были выявлены исследователями.

Итак, при интерпретации находок ранней греческой керамики в туземном мире Северного Причерноморья мы должны либо объяснить их распространение активностью греков (и варваров) на протяжении «доколонизационного периода», либо все же допустить предположение о том, что «источниками импульсов» могли быть постоянные античные поселения Северного Причерноморья, прежде всего, греческие центры Нижнего Побужья.

Гипотезы, предлагающие в качестве источников распространения импорта греческие центры сопредельных регионов, также уязвимы с точки зрения наличия «связных комплексов», синхронных времени распространения ранней греческой посуды в туземном мире. Так, напр., на поселении Оргамум в Западном Причерноморье, исследования которого дали находки керамики 640–630 гг. (Mănușu Adameșțianu 2000, p. 194–204, fig. 1), также не удалось выявить строительных комплексов этого времени. Тем не менее, эти находки дали основание для появления гипотезы о возможном «западном пути» распространения греческого импорта (Вахтина 2004, с. 208; Kerschner 2006, S. 232–234)².

Что можно сказать в заключение? Нет ничего удивительного в предположении о первых плаваниях и разведывательных экспедициях греков в отдаленные районы, которые позже были вовлечены в сферу колонизации. Другой круг вопросов – насколько длительным мог быть

² Время существования Таганрогского поселения, которое также часто рассматривается в качестве возможного «источника» распространения античных импульсов в Северо-Восточном Причерноморье в эпоху архаики, также определяется на основе датировок керамических находок (Копылов, Ларенок 1994; Копылов, Литовченко 2006).

этот период доколониционных контактов? Играл ли в этот период торговый обмен с варварами какую-то особую роль в установлении первых связей? Или же найденные вещи, которые все исследователи справедливо относят к предметам роскоши, были дипломатическими дарами представителям местной аристократии?

Возможно, правы те «умеренные» исследователи, которые допускают существование такого периода «доколониционных связей» в течение короткого периода времени, непосредственно предшествующего появлению первых постоянных поселений. Так, по мнению А.И. Иванчика «трудно ... полагать, что в эпоху Великой колонизации между открытием и освоением столь удобной территории могло пройти значительное время» (Иванчик 2005, с. 107).

Итак, как нам представляется, перед современными исследователями опять стоит проблема: для понимания раннего этапа греческой колонизации региона и начального периода греко-варварских связей приходится либо принять дату письменного источника об основании здесь первого античного поселения, либо реконструировать некий особый «доколониционный период». Вероятно, как справедливо полагают многие, приблизиться к ее решению помогут новые археологические материалы и комплексы находок.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии. К. 2013а.
Буйских А. В. Огреческой колонизации Северо-Западного Причерноморья. (Новая модель?) // ВДИ. 2013б. № 1.
Буйских А. В. Субгеометрический скифос из Борисфена (к вопросу о доколониционных связях в Северном Причерноморье) // АМА. 2015. Вып. 17.
Буйских А. В. Ионийские килики из Борисфена // Архелогія и давня історія України. 2016. Вып. 1 (18).
Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе. Кишинев. 2005.
Вахтина М. Ю. Основные категории греческой импортной керамики

- из раскопок Немировского городища // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. 1998, т. VI.
- Вахтина М.Ю.* О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. СПб. 2004. Т. 2.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т.* Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Материалы XV Боспорских чтений. Керчь, 2014.
- Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Археология и культурная антропология. Stratum plus, 1999, № 3.
- Дараган М.Н.* Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. К. 2011.
- Задников С. А.* Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. СПб. 2007.
- Задников С.А., Шрамко И.Б.* К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
- Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005.

- Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
- Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–V вв. до н.э. // Известия ГАИМК. М.-Л. 1934. Вып. 34.
- Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища // Археологические открытия в Украине. К. 1968. Вып. 2.
- Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1.
- Кузнецов В.Д.* Заметки по греческой колонизации Боспора // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.
- Копылов В. П., Ларенок П. А.* Таганрогское поселение. Каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог (сборы 1988-1994 гг.). Ростов-на-Дону. 1994.
- Копылов В. П., Литовченко Л. В.* Расписные килики из Таганрогского поселения // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону. 2006.
- Корпусова В. Н.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка // ВДИ. 1980. № 2.
- Мачинский Д. А.* Время основания поселения Борисфен на о. Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта // Боспорский феномен. Население. Языки. Контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. 2011.
- Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г.* Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА. № 1. 2014.
- Фармаковский Б. В.* Архаический период на юге России // МАР. М. 1914. Вып. 34.
- Чистов Д. Е.* Комплексы и напластования конца VII – середины VI в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции. СПб. 2012. Т. 2.

- Шевченко Н.Ф.* Курганы раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. СПб. 2013. Вып. 39.
- Шрамко И. Б., Задников С. А.* Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.-К. 2010. Вып. 1.
- Kerschner M.* Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jh.s v.Chr. aus dem Artemision von Ephesos // Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institutes in Wien. 1997. Bd. 66.
- Kerschner M.* Zum Beginn und zu den griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005. Vol. 4. N. 1.
- Mănușu Adameștianu M.* Céramique archaïque d'Orgamé // Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. București. 2000.
- Minns E.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.
- Solovyov S. L.* Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea // Colloquia Pontica 4. Leiden-Boston-Köln. 1999.
- Vakhtina M.* Archaic East Greek Pottery from Nemirovo // Frühes Ionien eine bestandsaufnahme. Milesische Forschungen. Band 5. Mainz am Rhein, 2007.

ВИНОГРАДОВ Ю.А.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

НОМАДЫ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ. ПРОБЛЕМЫ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

В древности и средневековье номады были весьма опасными соседями для земледельцев, угрожавшими неожиданными нападениями или даже масштабными завоеваниями. Напряжение на границах могло возникнуть в любой момент. Чтобы противостоять этому, необходимо было строить крепости, возводить валы, засеки и пр., но они совсем не гарантировали полной безопасности. По этой причине большое значение для поддержания мира играла дань, которая могла проявляться в форме подарков, направляемых вождям номадов, т.е. мир попросту покупался. Обычным явлением был институт династических браков, а также система «заложничества», когда сыновья предводителей кочевников посылались на «воспитание» при дворах правителей некоторых государств, и т.д. Существенным элементом взаимоотношений двух обществ, разумеется, была торговля.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что кочевая экономика никогда не могла быть самодостаточной, автаркичной, и по этой причине номады стремились всеми возможными способами добыть дополнительные средства к существованию. Даже при нормальном функционировании кочевой экономики многое зависело от других, главным образом, оседлых обществ, которые, по выражению А.М. Хазанова, создавали своего рода «гарантийный фонд», необходимый для жизнеобеспечения номадов [Хазанов, 2002, с. 39, 41]. Дополнительные средства могли быть получены различными путями: обмен с земледельцами, участие в международной торговле (сопровождение

караванов и пр.), наёмничество и т.д. [Крадин, 1991, с. 304; 1992, с. 60-61; 1995, с. 174; Хазанов, 2002, с. 44; 2008, с. 228-236].

В этом отношении всегда следует помнить о различии двух хозяйственно-культурных типов – кочевых скотоводов и пашенных земледельцев. Первые в отличие от последних не могли жить замкнутым обществом, поскольку всегда нуждались в ремесленной и земледельческой продукции. Естественно, всё это номады могли взять, так сказать, «по праву», то есть путём откровенного насилия, но, если соотношение сил было не на их стороне, то тогда включались механизмы торгового обмена. В подтверждение такого положения приведу некоторые наблюдения специалистов. В отношении монголов Б.Я. Владимирцов подчеркивал, что из насущных предметов им недоставало «муки, оружия, а затем всяких «предметов роскоши» прежде всего тканей» [Владимирцов, 1934, с. 43]. Венгерский этнограф А. Рона-Таш отмечал: «Кочевое общество с его экстенсивным скотоводческим хозяйством не могло обеспечить себя всеми предметами повседневного обихода». Это, по его заключению, толкало номадов к торговым связям с земледельцами, при этом, наряду с продуктами земледелия, «кочевники увозили с собой предметы роскоши, ткани, ювелирные изделия, оставляя взамен скот, меха, кожи и другую продукцию» [Рона-Таш, 1964, с. 28]. И.Я. Златкин даже полагал, что «на всем протяжении евразийских степей кочевое скотоводство приобретало характер устойчивого и развивающегося производства в тех случаях, когда оно находило там рынок сбыта для излишков и источник снабжения продуктами оседлых земледельцев и ремесленников» [Златкин, 1973, с. 69].

Количество подобных примеров можно было бы расширить практически бесконечно. Все они убеждают нас в том, что кочевники в силу специфики их хозяйственной системы были заинтересованы в торговле с земледельцами, легко вступали в контакт с ними, подчас отстаивая свое право на торговый обмен силой оружия [Хазанов, 2008, с. 231-232]. В общем, есть все основания считать, что кочевники были заинтересованы в торговле с земледельцами больше, чем те в торговле с кочевниками, при этом необходимо особо подчеркнуть, что для номадов

торговля была нужна не ради получения коммерческой выгоды, а ради самого их существования [Хазанов, 2008, с. 108-109]. Такое положение стало одной из причин того, что культурное различие в мире кочевников, по мнению Т. Барфилда, во многом определялось тем обстоятельством, какой центр оседлых цивилизаций являлся для них основным партнёром: Китай, Иран или Европа [Барфилд, 2009, с. 60].

Обращаясь к историческому опыту Китая, следует признать, что эта империя в идеале вполне могла быть автаркичной, однако торговля со степью здесь существовала почти всегда и запрещалась лишь периодически. Эта торговля была явно направлена не на получение каких-то крупных экономических выгод для китайцев, а на замирение опасных соседей [Барфилд, 2009, с. 42-43, 239, 363]. О. Латтимор называл её *gift-trade*, считая, что она была политическим, а не экономическим фактором [Lattimore, 1962, p. 483; ср.: Хазанов, 2008, с. 229].

Понимание экономических связей кочевников с земледельцами, как видим, сопряжено с целым рядом очень непростых проблем. В научной литературе они, однако, порой стали трактоваться в сугубо функциональном аспекте. Взаимодействие кочевых и оседлых народов в экономической сфере иногда понимают как форму производственной специализации; наметилась даже тенденция рассматривать кочевников и оседлых земледельцев как своего рода полярные комплиментарные оппозиции, как «сектора» единой экономики [см.: Виноградов, 2009, с. 55]. Все эти разговоры о межэтническом разделении труда или своего рода трудовой кооперации между кочевниками и земледельцами, возможно, имеют смысл для отдельных ситуаций в конкретных районах, но в общеисторическом плане для пояса Евразийских степей они вряд ли хоть сколько-нибудь продуктивны.

В этом плане большего внимания заслуживают идеи, высказанные другими исследователями. С.А. Плетнева, к примеру, признавала возможность симбиоза между кочевническими и земледельческими обществами, но обоснованно считала, что этот симбиоз чаще всего был насильственным, и насилие при этом исходило со стороны кочевников [Плетнёва, 1982, с. 27, 44, 69]. В.М. Массон также склонялся к мысли

о взаимодействии, а не противопоставлении мира номадов и мира древних цивилизаций, но это взаимодействие, по его мнению, могло быть как конструктивным, так и деструктивным [Массон, 1989, с. 82]. Периоды относительно мирного сосуществования двух миров сменялись катастрофами, и для достижения хотя бы видимости взаимопонимания требовалось немалое время.

Всё выше сказанное позволяет сделать некоторые замечания о взаимодействии древних греков с изменчивым миром номадов Северного Причерноморья. Сначала это были скифы, потом появились сираки, аорсы, языги, роксоланы, аланы и др. Несмотря на общеизвестность этого факта, своеобразие связей греческих колонистов с номадами в нашей научной литературе порой попросту игнорируется.

Прежде всего, необходимо с полной определённой признать, что греческие колонии Северного Причерноморья всегда зависели от номадов, в той или иной форме были вынуждены платить им дань, подносить подарки вождям и т.д. На мой взгляд, вполне типичная картина взаимоотношений со степняками обрисована Геродотом в рассказе о периодических приходах в Ольвию скифского царя Скила вместе с его войском [Herod. IV. 78. 3]; сами эти приходы Ю.Г. Виноградов был склонен рассматривать как обычай «кормления» войска [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 104]. Столь же типичная ситуация отражена в декрете в честь Протогена, в котором, в частности, говорится о царе сайев Сайтафарне, донимавшем ольвиополитов своими поборами, откровенными вымогательствами и т.д. [IOSPE. I². 32; об этом см.: Латышев, 1887, с. 113 сл.; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 181-183].

Выше говорилось также, что важным инструментом регулирования взаимоотношений между земледельческими государствами и номадами являлась система династических браков. Любопытно в этом отношении, что скифский царь Скил, по сообщению Геродота, родился от женщины из греческого города Истрия [Herod. IV. 78. 1]. Сведения о распространенности династических браков на Боспоре между Спартокидами и элитой варварских народов относятся к довольно позднему времени. Имеются в виду эпиграфические документы,

относящиеся к Арготу [КБН. 75] и Сенамотис, дочери царя Скилура [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 55 сл.]. Основанием для предположения о существовании традиции передавать «на воспитание» правителям Боспора детей скифской элиты является знаменитый декрет в честь Диофанта [IOSPE. I². 352]. Скорее всего, при дворе Перисада V («Последнего») был «вскормлен» скифский царевич Савмак.

Для понимания особенностей торговли с номадами первостепенное значение имеет картина, обрисованная Страбоном, который в отношении Танаиса заметил, что номады доставляли сюда рабов, шкуры и «разные другие товары кочевников», а греки «привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» [Strab. XI. 2. 3; перев. В.В. Латышева]. Вполне очевидно, что работорговля всегда играла для кочевников очень важную роль [Гаврилюк, 1999, с. 270-278]. Танаис при этом был вторым по значимости торжищем у варваров после столицы Боспорского царства – Пантикапея [Strab. VII. 4. 5].

Интерпретация археологических фактов, свидетельствующих о торговле греков с номадами, однако, связана с немалыми трудностями. Прежде всего, при рассмотрении этих вопросов нельзя ограничиваться исключительно материалами, происходящими из окрестностей греческих городов. Это методически неверно. В силу подвижности кочевников, товары, которые они получали при торговом обмене с греками, могли попадать в самые отдаленные районы. Есть веские основания считать, что у номадов Северного Причерноморья во все времена господствовал так называемый меридиональный тип кочевания, при котором летние пастбища находились на севере, а зимники – на юге [Хазанов, 2008, с. 91-92; см. также: Марков, 1976, с. 74, 86]. Во всяком случае, именно такую картину рисует Страбон в отношении роксоланов [Strab. VII. 3.17].

Исходя из общих представлений о характере торговых связей кочевников с земледельцами, можно предполагать также, что для скифов и других номадов древности греческие колонии были важны, прежде всего, как центры земледельческого и ремесленного производства. Показательно, что уже для эпохи архаики в Ольвии и на Боспоре имеются данные о ремесленном производстве, важную часть продукции которого

составляло оружие, защитные доспехи и детали конской сбруи. Все эти изделия могли быть рассчитаны на сбыт в варварской среде. Конечно, в торговлю сразу стали вовлекаться, а со временем всё в более и более крупных масштабах, вино и предметы роскоши, различные ювелирные изделия, в которых была заинтересована кочевническая верхушка.

Яркими свидетельствами выгод таких связей с греками являются огромные богатства, составляющие погребальный инвентарь скифских царей, да и царей более позднего времени, известных по степным курганным погребениям. Вероятно, некоторые предметы, происходящие из этих курганов, особенно высокохудожественные произведения греко-скифской торевтики, являются своего рода дарами скифским вождям от греческих государств, символизирующими дружеские отношения между ними. Нет сомнения, что таким образом греки «покупали» себе мир, но вряд ли можно ограничиваться констатацией лишь этого факта.

Ещё раз следует обратить внимание, что на всём протяжении существования греческих колоний на берегах Чёрного моря грек-земледелец или грек-ремесленник для кочевника-скотовода был более предпочтительным торговым партнёром, чем, скажем, греческий купец, продающий изящные вазы. Хрупкие вазы к тому же совершенно не приспособлены к кочевому быту. И если такие вазы всё-таки вовлекались в обмен, то сам по себе этот факт может свидетельствовать о довольно значительном развитии торговли продуктами земледелия, с одной стороны, и продуктами скотоводства, с другой, но эта торговля, по понятным причинам, не находит прямого отражения в археологических источниках.

Некоторое время назад большой популярностью пользовалась гипотеза о развитии греко-варварской торговли скифского периода, предполагавшая посредническую роль кочевой аристократии в поставке хлеба от туземных племён в греческие города [см.: Онайко, 1970, с. 81, 86; Артамонов, 1972, с. 59, 62; 1974, с. 113]. В настоящее время она нуждается в существенных оговорках, поскольку сам факт участия кочевников в транзитной торговле хлебом не представляется историчным. Несмотря на имеющиеся дискуссионные моменты, можно

считать, что вожди кочевников принимали самое непосредственное участие в экономическом развитии региона, способствуя трансформации хозяйственной системы контролируемых ими территорий в том направлении, которое требовалось их партнёрам-грекам. Драгоценные предметы греческой торевтики, таким образом, наряду с прочим могут служить свидетельством определённой свободы рук, которой греки добились себе на варварских территориях, свободы рук, прежде всего, в сфере торговой. Вряд ли здесь уместна какая-либо идеализация – подкупая варварскую элиту и беззастенчиво грабя рядовое, прежде всего, земледельческое население, а помимо того принимая активное участие в работорговле, греческие купцы получали огромные барыши. Механизм такой торговли, однако, мог успешно осуществляться лишь при одном важнейшем условии – относительно стабильной военно-политической ситуации в степях Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.* Скифское царство // СА. – 1972. – № 3. – С. 56-67.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. – Л., 1974.
- Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). – СПб, 2009.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. – Вып. 22. – 2009. – С. 5-90.
- Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 55-86.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. – М., 1989.
- Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.
- Гаврилюк Н.А.* История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. – Киев, 1999.

- Златкин И.Я.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // НАА. – 1973. – № 1. – С. 61-71.
- Крадин Н.Н.* Особенности классовообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. – II. – М., 1991. – С. 301-324.
- Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток, 1992.
- Крадин Н.Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. – Вып. 3. – М., 1995. – С. 164-179.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. – СПб, 1887.
- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. – М., 1976.
- Масон В.М.* Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. Вып. Д1-27. М., 1970.
- Плетнёва С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982.
- Рона-Таш А.* По следам кочевников. – М., 1964.
- Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. – Т. 5. – М., 2002. – С. 37-58.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – СПб, 2008.
- Lattimore O.* Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. – Paris, 1962.

ВИНОКУРОВ Н. И.
(РГГУ, Москва)

КОММУНИКАЦИИ И ТОРГОВЛЯ НА АНТИЧНОМ БОСПОРЕ

Торговля, выступавшая важным фактором регулирования экономики и культуры античных государств, являлась одним из самых доходных видов предпринимательской деятельности (Петерс Б. Г., 1982). Она находилась в большой зависимости от развитости и интенсивности использования водных и сухопутных коммуникаций.

Основные хронологические этапы развития торговли на Боспоре хорошо разработаны в научной литературе. С конца VII – начала VI вв. до н. э. стало прослеживаться достаточно явно проникновение греческих товаров даже на далёкие от Боспора варварские территории (Соловьев С. Л., 1996, с. 31; Иевлев М.М., 2009, с. 47 и сл.). Не позднее рубежа третьей и последней четверти VII в. до н. э. основывается Таганрогское поселение, которое остаётся наиболее отдаленным в Северо-Восточном Приазовье из известных греческих колоний (Копылов В. П., 1996, с. 33). Основание такого населенного пункта, расположенного за сотни километров от развитых античных центров, фиксирует первый важный этап динамичного развития греко-варварского взаимодействия, показывает определенный рубеж эллинского колониционного движения. Остановились ли греки на этом пределе, мы не знаем. Не исключено, что археологические раскопки могут привести к открытию подобных укрепленных факторий и на других далёких от Боспора варварских землях.

Когда в VI–V вв. до н. э. греко-варварское взаимодействие в Северном Причерноморье заметно активизировалось, Боспор уже выступал одним из основных посредников в торговле между многими государствами античного мира и варварскими регионами (Винокуров Н. И., 1999, 2003). В этот период заметно вырос спрос на «элитные» товары,

предметы роскоши, ювелирные изделия, украшения, дорогостоящую металлическую посуду, вино и другие значимые для варваров предметы, которые стали выступать маркерами благосостояния и престижа местной военной и родовой аристократии.

С V–IV вв. до н. э. торгово-экономические контакты динамично развивались, Боспор, благодаря растущим доходам от торговли, постепенно усиливался, укреплялась его экономика, расширялась торговая инфраструктура, объемы и ассортимент переваливаемых грузов. Внешняя политика боспорских царей по отношению к варварам приобрела агрессивную форму. Интенсивная торговля и военные походы способствовали эллинизации прилегающих к Боспору варварских регионов, расширился рынок сбыта местных и привозных товаров, греческая тара начинает доминировать в культурных слоях варварских поселений. К этому времени боспорская торговля охватывала многие районы Средиземноморья и Причерноморья. Большую роль при этом играли прибрежные города, располагавшие удобными гаванями. Не случайно, боспорские города, прежде всего Пантикапей, Феодосия и Фанагория, выступали основными поставщиками товаров в варварскую среду лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья, хотя объемы и динамику торговых поставок объективно выяснить вряд ли возможно (Бандуровский А. В., 2001, с. 15; Монахов С. Ю., 2001, с. 57).

Греко-варварский торговый обмен осуществлялся в различных формах меновой торговли, что не исключало и высшую ее форму – денежную, как между двумя греческими обществами, стоящими на одной ступени развития. Торговля с варварами зависела не только от конкретной политической ситуации, но и от уровня развития того или иного туземного общества (Брашинский И. Б., 1984, с. 21–23). Особая активность в торговой сфере проявлялась тогда, когда внутренний рынок насыщался продукцией сельского хозяйства и создавались тем самым необходимые условия для занятия торговлей и ростовщичеством. В целом можно говорить, что развитие торговых связей на Боспоре соответствовало основным этапам исторического генезиса Царства.

Варвары, оказавшись в ходе расширения пределов Боспорского

государства в пределах зон влияния греческих городов и поселений, прямо и косвенно стимулировали товарный спрос, обеспеченный государственным покровительством. В период военных столкновений и конфликтов, варвары добровольно уходили под покровительство греческих городов или властей, поступаясь какой-то частью дохода со своего хозяйства и даже свободой (Зубарь В. М., 1993, с. 31). Такое положение обеспечивало определенную стабильность экономике, торговым взаимодействиям, было выгодно как варварам, так и грекам. Соответственно, большие доходы получала и верховная власть.

Боспорские государи, благодаря удачному территориальному расположению своих владений, фактически оседлали и жестко контролировали основной коммуникационный узел между Европой, Азией и Кавказом, проходивший в акватории Азовского и Черного морей, соединяя «цивилизованный» античный мир с обширными варварскими территориями. Они получали сверхприбыли от морской и сухопутной торговли, объемы и баланс которых установить проблематично. Символом растущего богатства Боспора стала активная градостроительная и поселенческая деятельность, лишь на короткое время прерванная так называемым «кризисом III в. до н. э.», в основе которого лежал комплекс природных и антропогенных причин. Несмотря на издержки роста, территория Царства постепенно расширялась. В руках боспорских владык и управленческой верхушки страны оказался огромный фонд земельных ресурсов, освоение и защита которых со временем превратила Боспор в мощное централизованное государство с разветвленным управленческим аппаратом, крепкой царской властью. Государи Боспора проводили успешную наступательную внешнюю политику, имели боеспособную и победоносную армию.

Боспорские правители осуществляли непосредственный контроль за морскими грузоперевозками, при необходимости защищали их от пиратов (Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т., 1992, с. 14 и сл.). Из сообщения Диодора, например, известно, что Евмел (309–304 гг. до н. э.) боролся против промышлявших разбоем варваров – гениохов, тавров и ахеев и очистил море от пиратов (Diod., XX.25,2). Во внешней торговле Боспора

кроме царя, богатых представителей купечества и фиасов, бывших основными судовладельцами, принимали участие гражданские общины боспорских городов.

Развитию морской торговли Боспора способствовали природно-географические условия, ветра и течения, сравнительно благоприятные для мореходства, довольно продолжительный период навигации, запасы леса¹, нужного для строительства судов, возможность их оперативной доставки, удобные и вместительные гавани прибрежных портовых городов (Петерс Б. Г., 1982, с. 76, 77–78; Таскаев В. Н., 1994, с. 12–13; Сокольский Н. И., 1970, с. 23). Наличие большого и мощного флота из судов различной грузоподъемности и назначения содействовало активной внешнеторговой деятельности Боспора. Без соответствующих таможенных и лоцманских служб она вряд ли была бы успешной².

Основными продуктами питания, ввозимыми на Боспор, как в остальные районы Северного Причерноморья, были вино и оливковое

¹ Оживленная морская торговля обуславливала развитие сложной портовой инфраструктуры основных приморских центров Боспора. Она включала материальную составляющую: обустроенные удобные и вместительные гавани, портовые причалы, защищенные от ветров господствующих румбов, складские помещения, разнотоннажный торговый флот, военные суда для охраны коммуникаций и сопровождения торговых караванов, доки для ремонта и текущего обслуживания кораблей, доставку и производство сырья для канатов, такелажные мастерские, маяки и топографические ориентиры, наличие запасов необходимой твердой (керамической, деревянной) и мягкой (кожаной, плетеной, тканой) тары для сыпучих и жидких товаров. Кроме того, требовался персонал, состоящий из хорошо подготовленных, работников различных специальностей, от которых зависело полное обслуживание торгового процесса. Прежде всего, были нужны в достаточном количестве моряки, лоцманы, кораблестроители, такелажники, грузчики, таможенники, лица, занимающиеся учетом товаров и кораблей, охрана. Каждый порт имел административную структуру, которая на основании действовавших правовых норм определяла режим его функционирования и контролировала различные торговые операции, складирование и хранение товаров, перемещение кораблей, грузов и их команд. Понятно, что количество людей, задействованных в торговле, установить вряд ли возможно, как, впрочем, и число торговых и военных кораблей, образовавших флот Боспора.

² По этой причине прослеживается во многих древневосточных и античных государствах стремление контролировать виноторговлю, причем оптовая торговля должна была отслеживаться государственной властью на всех стадиях движения товара от производителя к покупателю. Такой вывод можно сделать на основании сохранившихся свидетельств эпиграфических и нарративных документов.

масло, продукты питания, которые не производились на Боспоре, но были востребованы его населением; металлы, предметы ремесла, сырье для местных производственных нужд, товары повседневного спроса, ткани, предметы гигиены, роскоши и культа. Несомненно, что разнообразие товарного импорта было очень широким. Впрочем, реальная номенклатура и объёмы ввозимых товаров очень трудно поддаются даже приблизительным оценкам, особенно, если подсчет базируется на данных о находках амфорной тары (Терещенко А. И., 2013, с. 60 и сл.; Цецхладзе Г.Р., 2015, с. 70–73).

Благодаря оборотистым боспорским и заморским купцам, варварские территории, судя по массовым находкам амфорной тары, стали «заливаться» греческим импортным вином элитных и обычных сортов из различных районов Средиземноморья и южного побережья Малой Азии. Поставлялось и боспорское вино, в котором некоторую нишу занимали местные фальсификаты, распространяемые среди неискушенных варваров в импортной таре из-под вина прославленных центров греческого производства (Фасоса, Хиоса и других) (Винокуров Н.И., 1999). Причем пустой тарой, которую варвары использовали для вторичных нужд, как показывают данные источников и археологии, вполне успешно торговали (Гарбузов Г.П., 2016, с. 180 и сл.). Вино выступало как всеобщий и неравноценный эквивалент для обмена с варварами при меновой торговле – товар на товар с варварским населением и находило потребителей среди оседлого и кочевого населения, независимо от их этнического происхождения (Сорочан С. Б., 1981, с. 35)³. За счет неэквивалентного обмена вина (как впрочем, и предметов роскоши и ремесла) на другие товары, поставляемые варварами и остро необходимые грекам, обеспечивались основы экономического процветания различных слоев боспорского населения.

³ По этой причине прослеживается во многих древневосточных и античных государствах стремление контролировать виноторговлю, причем оптовая торговля должна была отслеживаться государственной властью на всех стадиях движения товара от производителя к покупателю. Такой вывод можно сделать на основании сохранившихся свидетельств эпиграфических и нарративных документов.

Постоянный и устойчивый спрос на продукты питания, прежде всего на вино и хлеб, придавал местным хозяйствам и в конечном итоге всему Боспору экономическую устойчивость и стабильность, позволял преодолевать с минимальными потерями кризисные моменты.

Как правило, греко-варварские торговые связи были взаимными. В обратном направлении – на эллинские территории – уходили востребованные на греческих рынках товары, которыми были богаты варвары: зерно, рыба, разнообразные продукты скотоводства, отдельные виды сырья, невольники (ср. Гайдукевич В. Ф., 1949, с. 67; Кузнецов В. Д., 2000, с. 117; Яйленко В.П., 2015, с. 96–97).

Города Боспора как крупнейшие накопители товаров, своего рода логистические центры, где в удобных местах для коммуникации и торговли устраивались под надёжной защитой крепостных стен оптовые базы и перевалочные склады, являлись, по-видимому, зонами ответственности царской власти. Прибыли от сделок, оседавшие у организаторов торговли, в том числе и у представителей правящего сословия, обеспечивали с эллинистической эпохи финансовую базу процветания государства, возможность содержания наёмного войска, проведения масштабного фортификационного строительства, расширения зоны царского домена и обрабатываемых сельскохозяйственных территорий, рост боспорского народонаселения и его материального достатка.

Особенно интенсифицировались торговые связи Боспора с конца II – первой половины I вв. до н. э., когда все Причерноморье оказалось объединенным в составе державы Митридата Евпатора (Воронов Ю. Н., 1985, с. 15 и сл.).

По-видимому, в поставках товаров значительную роль играла личная инициатива и предприимчивость частных боспорских и иноземных торговцев, но не следует забывать о царской власти, которая в силу особенностей системы управления государством, должна была обеспечивать охрану коммуникаций и портов, контроль объемов и номенклатуры проходимых товаров и грузов. Царская власть при этом выступала как крупнейший организатор и одновременно участник оптовой торговли, где хлеб, рыба, кожи, скот, соль, нефть, возможно,

рабы и ремесленная продукция могли выступать стратегически важными товарами, доходы, от продажи которых поступали в казну государства. Система организации такой торговли вполне может быть реконструирована на основании сведений нарративных источников, прежде всего, из данных речей Демосфена (Маринович Л. П., 1999, с. 13 и сл.; Гарбузов Г.П., 2016, с. 177 и сл.). Государственные таможенные службы и другие ответственные лица следили за взиманием пошлин, налогообложением непосредственных участников торговли. От царского государственного аппарата, монаршей воли, проксений зависела оптовая торговля через территорию Боспора, особенно в момент пика навигации. Роль сухопутной торговли возрастала в межсезонье, в периоды, когда перевозка морем была затруднённой или опасной: в непогоду, во время боевых действий, активизации пиратов (Винокуров, 2003, с. 5–37). Что касается контроля центральной власти за торговыми операциями средних и мелких торговцев, то о степени их зависимости от действий государства остаётся только догадываться, вероятно, налоговая нагрузка и законодательная регламентация касались в полной мере и этой социальной категории.

Морская торговля была хорошо организована, имела неспонтанный, стихийный характер, тщательно просчитывались все возможные убытки, затраты на выплату налогов и пошлин, анализировалась разница цен на товары и соотношение спроса и предложения. Участники торговых операций прекрасно сознавали зависимость торговли от целого ряда обстоятельств, прежде всего от военных действий, которые приводили к упадку деловой активности, невозможности продать товары по приемлемым ценам и т. п. Для минимизации торгового риска собиралась максимально возможная информация о маршруте и пунктах следования, политической и экономической ситуации на местах стоянок и продаж. Достаточно эффективно действовала система оповещения о рыночных ценах и маневрирования товарами. Маркетинговым анализом рынка в районах сбыта и покупки продукции занимались представители «торговых компаний», которые могли жить долгое время в портовых городах. Им пересылались письма с деловой информацией о сумме

залога, товаре, контроле торговцев во время разгрузки и пребывании в порту (Маринович Л. П., 1999, с. 13 и сл.).

На Боспоре преобладало более выгодное и быстрое морское сообщение: транзитное, каботажное плавание, хотя были известны и прямые маршруты, связывавшие различные понтийские хозяйственно-территориальные зоны и регионы. Возможность отправки товаров водным путем, существенно облегчала, ускоряла и удешевляла перевозки за счет уменьшения транспортных издержек (Кобылина М. М., 1970, с. 70 и сл.)⁴. Скорость морской доставки была хорошо проиллюстрирована Страбоном (VII.4–5), согласно которому, прямым путем по морю от Боспора Киммерийского до самого большого после Пантикапея эмпория варваров – Танаиса 2200 стадий. Если суда плыли вдоль побережья Азии, то расстояние немного увеличивалось. Для преодоления этого пути необходимо было три-четыре дня. При таких скоростях корабли, приходившие в Танаис, могли совершать несколько рейсов в сезон.

Основные направления морских торговых путей на Боспоре определялись природными факторами: ветрами, течениями, штормами, ледовой обстановкой, другими погодными условиями, от которых во многом зависели время и срок навигации (Гайдукевич В. Ф., 1969, с. 11 и сл.; Золотарев М. И., 1977, с. 94 и сл.; 1979, с. 94 и сл.; Агбунов М. В., 1987; Одрин А. В., 2002, с. 99 и сл.). В определенной степени на интенсивность их использования влияли рыночные взаимоотношения участников торговых операций, соотношение спроса и предложения, политическая и экономическая ситуация, наличие портов, типы и вместимость судов, глубина их осадки и глубина фарватеров. Важное значение при этом имел режим морских проливов, благоприятное прохождение которых обеспечивало быструю доставку грузов и увеличение доходов, скорость загрузки в портах, аккумулярование достаточных объемов товара на

⁴ По этой причине прослеживается во многих древневосточных и античных государствах стремление контролировать виноторговлю, причем оптовая торговля должна была отслеживаться государственной властью на всех стадиях движения товара от производителя к покупателю. Такой вывод можно сделать на основании сохранившихся свидетельств эпиграфических и нарративных документов.

складах, количество и техническое состояние кораблей (Гарбузов Г.П., 2016, с. 180 и сл.). При организации постоянных торговых путей, имевших первостепенное значение для государства, учитывался политический фактор. Доставку товаров старались проводить через дружественные места, безопасные от пиратов (Брашинский И. Б., 1973, с. 126 и сл.).

Затраты на морские перевозки окупались в период навигации при условии хорошей погоды, иначе риск потерять товар и потерпеть крупные убытки был очень велик. Опасности морской торговли из-за возможной потери судов, их ценного груза и команд в условиях неустойчивой погоды Чёрного и Азовского морей вполне предсказуемы даже в благоприятные периоды навигации. Наверное, оптовым торговцам было проще оперировать торговыми флотилиями мелких судов, чем несколькими крупными грузовыми кораблями, ущерб от гибели последних мог привести к серьёзному ущербу и даже разорению.

В межсезонье, когда морская торговля замирала, возрастала роль и весьма значительно, сухопутной торговли. Понятно, что удобные сухопутные коммуникации были далеко не везде. Местности Боспора для сухопутной торговли, где для перевозки товаров применялись носильщики, вьючные животные, а также запряженные домашними животными повозки, не везде следовали по пологим равнинам. Природные преграды, такие как солончаки, болота, зыбучие пески, глубокие долины, горные кряжи, крутые откосы, леса, и прочие неудобья встречались на Боспоре повсеместно, но были ещё распространены и антропогенные ландшафты: террасированные наделы, особенно, виноградники, искусственные фортификационные многоуровневые сооружения, серьёзные препятствия для пешего путника и кавалериста. Для двухколесных и четырехколесных телег, открытых и крытых повозок различных типов и модификаций, хорошо представленных у степных народов в Причерноморье, Крыму, Прикубанье, а также в античных государствах Северного Причерноморья нужны были дороги, лучше равнинные, чем горные (Беньковский П., 1904; Петерс Б. Г., Авдеев А. Г., 1990, с.214 и сл.; Сокольский Н. И.. 1971, с. 164, 167 и сл.; Корпусова В. Н., Ляшко С. Н., 1990, с. 173; Винокуров Н. И., 1999, с. 144). По этой

причине издревле сухопутные пути проходили преимущественно по районам, удобным для караванов с тяжелыми груженными повозками, устроенными вдоль водоразделов балок, минуя сильно пересеченные и заболоченные места. Хотя встречались и исключения, когда дороги следовали поперек водоразделов и пересекали балки с глубокими долинами, что требовало устройства переправ и наведения мостов. Существование таких маршрутов было обусловлено торговыми, военными или производственными нуждами. Чем трудней путь, тем он медленней, при этом доставка товара становилась чрезвычайно дорогой.

За порядком на морских коммуникациях следил боспорский флот и береговые наблюдатели из прибрежных крепостей, сухопутные дороги охранялись гарнизонами в небольших фортах и башнях, размещенных на важных стратегических высотах, вблизи пересечения дорог. Система охраны и обороны была хорошо продуманной. Цари Боспора в любой момент могли блокировать важнейшие стратегические сухопутные дороги, которые соединяли локально-экономические зоны Боспора с внешним миром. Мобильные конные заставы с опорой на блокпосты в виде небольших башен и фортов обеспечивали безопасность торговых контактов и удобных путей движения караванов. Особое внимание при этом уделялось проходам через теснины, расселины, неудобья, мостовые переходы в оборонительных рвах.

Раскопки недавно открытого проезда через Узунларский ров, получившего в литературе условное название «Боспорские ворота», позволили понять, как выглядели такие переходы на стратегически важных коммуникациях (Супренков А.А., 2016, с. 330–331). Впрочем, первая подсказка была открыта ранее в 2007–2009 гг. – на городище Артезиан. Там через западный ров ранней цитадели была устроена грунтовая перемычка, шириной около 5 м, служившая дорогой, оформленная по торцам со стороны рва каменными крепидами из однолицевых каменных стен, сложенных из массивных квадров и блоков. Под дорогой проходил дренаж, который потом был забит, а ров намеренно заболочен. Аналогично устроены и «Боспорские ворота»: грунтовая перемычка во рву, специально заболоченном, без дренажа,

сразу сделавшим ров непреодолимым для конницы и обозов. Как и в артезианской крепости, ширина проезда через Узунлар была около пяти метров. Перемычка и прилегающие борта рва облицованы камнем: рустованными квадратами, блоками и бутом. Однако было и важное отличие: значительно большая массивность креpid до 3,50 м и общая ширина моста до 12,0 м на Узунларе, что в 2,4 раза шире Артезианского проезда⁵. На таком основании вполне можно было выстроить мощную надвратную башню с двойными воротами и(или) решеткой для быстрого перегораживания прохода. Охрана таких переходов составляла стратегическую государственную задачу. Здесь было удобно считать количество ввозимого и вывозимого товара, собирать при необходимости пошлины, даже за проход сезонно перегоняемого скота. Они могли служить местом для устройства торговых ярмарок, первичных оптовых рынков. Ведь, далеко не всем свободно разрешалось переходить те или иные государственные пределы. Рядом с подобными мостами через рвы должна была размещаться путевая стража (усиленная, например, дозором в сигнальной башне), а дополнительно – подсобными воинскими контингентами, размещёнными в «шаговой доступности» в ближайших крупных крепостях.

Обустройство пунктов пропуска для торговых караванов через многоуровневую оборонительную систему в масштабах всего Царства требовало от центральной власти больших затрат, но эти расходы, очевидно, окупались сторицей. Монопольное право контроля за самыми значимыми и выгодными направлениями торговых взаимодействий было завоёвано боспорскими владыками в напряженном противостоянии с постоянными набегами варваров. Такие дорогостоящие системы коммуникации, обороны и торговли общегосударственного значения создавались поэтапно, не стихийно, по продуманному заранее плану,

⁵ В любом случае, близкая аналогия Узунларскому проезду – «Боспорским воротам» – есть, она невероятно точно датируется, так как ранняя цитадель городища Артезиан гибнет в 46/47 г. Надеюсь, это поможет хронологической привязке сенсации прошлого полевого сезона, где археологический контекст не столь однозначен (Супренков А.А., 2016, с. 330–331).

усилиями многих поколений боспорян и их правителей.

Повсеместно сухопутные транспортные артерии являлись необходимым составляющим для любого вида торговли (оптовой или обычной, внутренней или внешней). Внутренняя торговля на Боспоре проводилась, вероятно, круглый год и не была сезонной. Конечно, во многом она зависела от степени развития локальных дорожных сетей, их состояния, распутицы и других условий. Однако, наши представления о степени развитости и взаимосвязи сухопутных дорожно-транспортных путей на Боспоре пока весьма поверхностны и во многом гипотетичны. Нет сомнений в том, что сеть сухопутных торгово-транспортных путей была развита на Боспоре вполне достаточно с очень раннего времени и расширялась по мере увеличения территории государства. Иначе невозможно представить, каким образом обеспечивалось снабжение провиантом и военным снаряжением населенных пунктов и крепостей, особенно в отдаленных от побережья степных зонах. Все основные населенные пункты Боспорского государства находились на узлах пересечения сухопутных коммуникаций (Зубарев В. Г., Масленников А. А., 1998). Как показывает анализ данных космической и аэрофото съемки, территория Боспорского царства имела сложно организованную дорожную сеть, изучение которой – дело будущего. Наиболее важные дороги маркированы цепочками курганных могильников, которые показывают наиболее удобные коммуникации, интенсивно эксплуатируемые еще с эпохи энеолита-ранней бронзы. По всей видимости, по аналогии с Херсонесом, имелись дороги, построенные выше уровня почвы, которые облегчали в условиях распутицы движение транспорта, облегчали сбор и доставку товаров к месту хранения или торговли, а если рядом располагались наделы, то они способствовали задержанию влаги и препятствовали смыву плодородного слоя почвы (Стржелецкий С. Ф., 1961, с. 68 и сл.). Дороги проходили, часто повторяя рельеф местности, по местам, удобным для передвижения выючного и гужевого транспорта, обеспеченных водой, стоянками и безопасными от

грабителей⁶

Цари Боспора получили, благодаря строительству дорог, путевых переходов, мостов, возможность собирать с податных территорий и прилегающих варварских зон большие объемы стратегических ресурсов, прежде всего, продуктов питания (зерна, вина, скота), которыми распоряжались по собственному произволу: торговали, складировали в качестве стратегического резерва, дарили союзникам и друзьям, раздавали в случае неурожая или голода, поставляли как провиант войскам и т.п. Нельзя забывать еще и о прямых и косвенных доходах, поступавших в царскую казну, от торговли рыбой, лесом, рабами, разнообразной ремесленной продукцией, включая сверхприбыль от неэквивалентного обмена с варварами, заинтересованными в тесной хозяйственной и торговой интеграции с боспорянами.

Концентрация власти и огромных материальных ресурсов в руках правящей династии на Боспоре, монополия на торговлю основными продуктами жизнеобеспечения – вином и зерном – стимулировало колонизацию новых территорий и освоение их под коммерческие сельскохозяйственные культуры. Повышенный рыночный спрос на востребованные продукты сельского хозяйства, фискальные интересы центральной власти накладывали заметный отпечаток на сельскохозяйственный ландшафты осваиваемых территорий, чем-то напоминавшие колониальные пейзажи более близких к нам по временам эпох (ср.: Литвиненко Ю. Н., 1996, с. 23 и сл.).

В периоды нестабильности и катастроф, которые неоднократно случались на Боспоре, вся сложно выстроенная система государственного контроля торговых путей и коммуникаций, несомненно, претерпевала регрессивные изменения. Впрочем, очевидно, и обратное явление. Так, после временной дестабилизации середины I в. н. э.,

⁶ Важным составляющим торговых путей было наличие удобных между дневными переходами стоянок, многие из которых с течением времени превращались в крупные торгово-перевалочные базы и склады (вполне допустимо, что близкое расположение населенных пунктов первоначально определялось не только стратегическими соображениями, но и необходимостью обеспечения торговых караванов водой, провиантом, спокойным отдыхом).

связанной с боспоро-римской войной, боспорские цари, благодаря успешной внешней и внутренней политике, активно продолжали развивать торговлю. Контроль правительства за торговлей, внешними и внутренними коммуникациями просуществовал на Боспоре вплоть до позднеантичного периода и, по-видимому, действовал на локальных территориях и в раннесредневековое время.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азбунов М. В., 1987.* Античная логия Черного моря. М.
- Бандуровский А.В., 2001.* К вопросу торгово-обменных связях лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья с античными городами Северного Причерноморья // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства // М-лы Межд. научн. конф. Т. II. СПб.
- Беньковский П., 1904.* О терракотовых повозочках из Керчи // ИАК, 9.
- Брашинский И. Б., 1973.* Понтийское пиратство // ВДИ, №3.
- Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т., 1992.* Пенителы Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь.
- Винокуров Н. И., 1999.* Виноделие античного Боспора. М.
- Воронов Ю. Н., 1985.* О связях Восточного и Северного Причерноморья в античную эпоху (VI-I вв. до н. э.) // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино
- Гайдукевич В. Ф., 1949.* Боспорское царство. М.
- Гайдукевич В. Ф., 1969.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. № 116. М.
- Гарбузов Г.П., 2016.* Корабли с зерном из Понта // Древности Боспора. Т. 20. М. 536 с.
- Золотарев М. И., 1979.* Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Западного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Иевлев М.М., 2009.* Роль торговых путей при выборе места для основания первых архаических греческих поселений на территории

- Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время // Сб. статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону. 316 с. С. 47–59.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б., 1989.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. -V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков.
- Кобылина М. М., 1970.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. Вып. 124.
- Копылов В. П.* Греческая колонизация и утверждение скифов в северо-восточном Приазовье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. // Тез. докл. VIII междуна. научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Корпусова В. Н., Ляшко С. Н., 1990.* Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА. № 3.
- Кузнецов В. Д., 2000.* Афины и Боспор: Хлебная торговля // РА, №1.
- Литвиненко Ю. Н., 1996.* О «колониальном» сельском хозяйстве в птолемеевском Египте // ВДИ, № 4.
- Маринович Л. П., 1999.* Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. VI. М.-Магнитогорск.
- Монахов С. Ю., 2001.* Мендейский импорт в Причерноморье в V-IV вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства // М-лы Межд. научн. конф. Т. II. СПб.
- Одрин А. В., 2002.* Морские торговые пути в Причерноморье в VII-IV вв. до н. э. // Северное Причерноморье в античное время. К.
- Пелях М. А., 1970.* История виноградарства и виноделия Молдавии. Кишинев.
- Петерс Б. Г., 1982.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья.
- Петерс Б. Г., Авдеев А. Г., 1990.* Экономические связи античного городища у с. Михайловка в IV-III вв. до н. э. // СА. № 4.

- Сокольский Н. И., 1970.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // Автореферат диссертации на соискание ученой степени д. и. н. М.
- Соловьев С. Л., 1996.* Березанское поселение и Северо-Западный Крым // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. // Тез. докл. VIII междун. научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Стржелецкий С. Ф., 1961.* Клеры Херсонеса Таврического. ХС. Вып. VI, Симферополь.
- Супренков А.А. 2016.* Боспорские ворота — новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу// Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) — СПб.: ПАЛАЦО, 2016. — 464 с.
- Таскаев В. Н., 1994.* Торговые связи и морской флот Боспора // Боспорский сборник. № 4. М.
- Терещенко А. И., 2013.* Исследование торгового судна второй половины IV в. до н. э. в Черном море и моделирование упаковки амфорной тары// Древности Боспора. Т. 17. М. 416 с. С. 297–323.
- Цецхладзе Г.Р., 2015.* Греческая керамика и транспортные амфоры в понтийском хинтерланде: как и почему // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь. 432 с.
- Яйленко В.П., 2015.* Ольвийский гимн VI в. до н.э. // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь. 432 с.
- Duncan-Jones R., 1974.* The Economy of the Roman Empire. Cambridge.

ВОЛОШИНОВ А.А.
(ГБУ «БИКМЗ», Бахчисарай)

«РИТОНЫ» НА СКИФСКИХ И ПОЗДНЕСКИФСКИХ ВОИНСКИХ ИЗВАЯНИЯХ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Одной из форм ритуальных и культовых сосудов древности являлся ритон - сосуд в виде рога. Дорофей Сидонский дал более чем исчерпывающее его описание: «ритон похож на рог, но с просверленным отверстием внизу, из которого и пьют сочащееся вино; и название ему дано от слова «течение» (ῥύσις). Те же сведения о сосуде сообщает греческий грамматик Афинея (Власова, 2000, с. 46-47). Таким образом, главное отличие ритона от питьевого рога – специальное отверстие в нижней части. Отсюда, очевидно, и запечатленные в античной изобразительной традиции разные способы держать сосуды в руке. Из ритонов пили двумя способами: «пирующий держал в одной руке ритон, закрывая пальцем сливное отверстие, а в другой руке – чашу. Когда же виночерпий наполнял ритон вином, пирующий отпускал палец, и струя вина устремлялась в чашу. Вино выпивалось уже из чаши. Существовал и другой способ: человек держал над собой ритон так, чтобы струйка вина стекала ему прямо в рот» (Мкртычев, 2014, с. 74-82). Характер сцен, в которых он традиционно использовался, не оставляет сомнений в ритуальном назначении этого предмета. На предметах торевтики, мозаике, живописи, скульптуре он изображался в сценах адорации, приобщения к божеству, трапезы, был принадлежностью мистерий.

С IV в. до н.э. ритоны получили широкую популярность и в искусстве Северного Причерноморья, в частности стали изображаться на предметах варварской торевтики, среди которых наибольшую известность получили пластины и ритоны из Карагодеуашха, Сахновки,

Мерджан, бляшки из Куль-Обы, Солохи и Чертомлыка, Бердянского кургана, и др. (Ростовцев, 1913, с. 1-11; Артамонов, 1961, рис. 3-6; Власова, 2000, с. 52).

По мнению М.И. Ростовцева, изображенный на этих изделиях ритон является атрибутом царской власти, а «передачей ритона царь приобщается к богу» (Ростовцев, 1913, с. 6). С его мнением, по сути, согласились и другие исследователи (Мелюкова 1952, с.128; Онайко, 1976, с. 172-173). Атрибутом божества, символом приобщения владельца ритона к этому божеству называют его В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 67), символом царской власти и атрибутом бога или героя с мистическими чертами С.С. Бессонова (1983, с. 116). Д.С. Раевский предположил, что он являлся знаком рогатого животного, эквивалентом мирового дерева, отражая определенную зону мироздания (Раевский, 1983, с. 54).

Изображения ритонов или рогов для питья¹ характерны и для скифских изваяний. Они присутствуют на 29% всех скифских антропоморфных стелах VI - начала III в. до н.э., появившись на них на рубеже VI-V вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67; Власова, 2000, с. 52).

Наибольшее количество рассматриваемых атрибутов было изображено на крымской группе скифских изваяний (Рис. 1, 1-4). Уже в IV-III в. до н.э. она имеет свои локальные отличия и демонстрирует влияние греческой скульптуры на скифское монументальное искусство (появление круглой скульптуры, сквозных просветов рук и ног, «полочек» для ног, постаментов). Одним из наиболее ярких признаков крымских памятников служит разнообразный предметный репертуар, при этом

¹ В.С. Ольховский называет их ритонами, однако характер размещения сосудов на скифских изваяниях привел Е.В. Власову к справедливому выводу о том, что на скифских изваяниях изображен именно рог (Власова, 2000, с. 52). Однако, учитывая схематичность таких изображений на скифских изваяниях и отдельные курганные находки именно ритонов (Власова, 2000, с. 48, 49), крайне сложно однозначно трактовать предметы на скульптуре именно как питьевые рога. Чтобы избежать множественных повторов в случаях с неопределенной трактовкой, слово «ритон» далее по тексту будет указано в кавычках, предполагая его двойственное значение.

значительная часть изображенных атрибутов была заимствована у греков (Волошинов, 2008, с.53).

Ритон или рог для питья на крымских памятниках появляется на рубеже V-IV вв. до н.э., где в IV-III в. до н.э., в отличие от Причерноморья, изображается достаточно часто – в 49% случаев (Рис. 1, 1-3). Это изваяния, найденные у с. Вишневка, пгт. Черноморское; у городища Чайка, в курганах Суворовское 11, Суворовское 13, Колоски, Колоски 10, Крыловка 1, Крыловка 18, Приветное, 14, и из степного Крыма (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 30-33, илл.54, 91; илл.55, 92; илл.57, 94; илл.57, 97; илл. 60, 101; илл.64, 107; илл. 65, 110; илл. 67, 114; илл.69, 117; Ольховский, 1997, с. 32,33, рис. 1; Колтухов, 2012, с. 42-46, 55, 61, рис. 19, 6; 19, 5; 21, 3; 34, 1; 47, 3).

«Ритоны» на изваяниях расположены чаще всего в правой руке персонажа. При этом она могла быть согнута в локте под прямым углом, приподнята либо, наоборот, опущена, но сосуд обязательно изображался в верхней части изваяния. Е.А. Молев и Н.В. Молева объясняют такое положение руки с «ритонном» сакральным значением верхней половины туловища (2013, с. 20). Внешний абрис «ритонов» на изваяниях крымской группы какого-либо разнообразия не демонстрирует (рис. 1, 4), однако в целом, по мнению В.С. Ольховского и Г.Л. Евдокимова, сосуды «различаются пропорциями и степенью изогнутости остроконечного доньшка; они достаточно точно копируют реальные предметы» (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67, табл.14). Этнографическую точность всех деталей скифских изваяний, и в том числе «ритонов», предполагают также Е.А. Молев и Н.В. Молева (2013, с. 16).

С.С. Бессонова предположила, что «ритон» на каменных изваяниях скифов был символом сакральной власти вождя, а тщательно переданные атрибуты свидетельствуют о героизации умерших (Бессонова, 1983, с. 65, 105). По ее мнению, предметный репертуар изображений на скифских изваяниях указывает, что это «образы социальной верхушки общества, условно «старших дружинников», которые, главным образом, выполняли военную и административно-экономическую функцию (Бессонова, 2005-2009, с. 19). В этой связи,

вероятно не случайным является то обстоятельство, что изображения «ритонов» на крымской группе скифских изваяний часто (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 67, Ольховский, 1997, с. 34) дублируются таким дополнительным воинским атрибутом как горит (реже поясом и мечом), т.е. сакральная власть, переданная с помощью «ритона», дополняется оружием, как эмблемами воинской доблести и власти военачальника (Молев, Молева, 2013, с. 20). Таким образом, сам «ритон» становится неперменным спутником воинских атрибутов скифских изваяний.

С VII и по IV вв. до н.э. ритоны и питьевые рога, изготовленные из рога, металла и дерева входят в состав погребального инвентаря курганных погребений Северного Причерноморья (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67; Власова, 2000, с. 47), при этом наиболее ранние находки питьевых рогов датируются V в. до н.э. (Власова, 2000, с. 54). Е.В. Власова отмечает, что в различных публикациях курганов Северного Причерноморья скифского периода золотые и серебряные сосуды в форме рога называют ритонами, хотя некоторые из них не имеют сливного отверстия (Власова, 2000, с. 46-47). В настоящее время известно 18 экземпляров «ритонов» и их частей (Власова, 2000, с. 47; Молев, Молева 2013, с. 18). Большинство происходит из мужских погребений, отдельные экземпляры найдены в женских и детских, но только три из них являются ритонами, согласно определению, другие являются рогами для питья (Рис. 1, 5) (Власова, 2000, с. 48, 49).

Традиция создания изваяний продолжается и в позднескифской культуре (Попова, 1976, с. 108, Попова, 1984, с. 83-85; Волошинов, 2008, с. 73). По мнению В.С. Ольховского, позднескифские изваяния I в. до – I в. н.э., демонстрируют «явную типологическую связь с классическим скифским каноном при наличии, естественно, ряда инноваций» (Ольховский, 1990, рис. 108, 109). Этими инновациями стали рельефы с античными сценами (в том числе многоярусные), греческие надписи, «сарматские знаки», появились новые ранее неизвестные атрибуты, женские образы (Волошинов, 2008, с. 73).

В первые вв. н.э. «ритон» стал одним из наиболее популярных атрибутов позднескифской скульптуры, где был встречен 10 раз.

Изображения этих сосудов характерны как для антропоморфных изваяний, так и для рельефов и имеют локальное распространение - Северо-Западный и Юго-Западный Крым, на что обратил внимание С.А. Яценко (Яценко, 2014, с. 45). Сюжеты рельефов, на которых есть этот атрибут, копируют сцены античных надгробий соседних греческих городов, либо имеют отдельные элементы таких сцен. При этом «ритоны» не изображались на надгробных памятниках Боспора и Херсонеса.

Одним из наиболее известных позднескифских рельефов является двухъярусная стела рубежа II-III вв. н.э. из с. Марьино (Джан-Баба) (Шульц, 1963, с. 3-9; Соломоник, 1963, с. 10-15; Ланцов, Власов, Смекалов, Шапцев, 2015, с. 158). В верхнем ярусе стелы изображена стоящая женщина и всадник – иконографическая схема, известная по надгробиям Боспора и Фракии. Рельеф из Марьино, в частности, отличается специфическими атрибутами, а также подписью мастера, изготовившего стелу. Всадник в правой, высоко поднятой руке держит копье, на его голове шлем «с высоким гребнем, козырьком и нащечниками», «на правом бедре горит с луком» (Шульц, 1963, с. 5, рис. 1). Женщина в правой, приподнятой до уровня груди руке, держит «ритон», левой прижимая покрывало. «Ритон» имеет изогнутую форму, постепенно сужаясь к остроконечному дну, часть сосуда выступает ниже кисти руки. По мнению П.Н. Шульца, ритон, «характерный для скифских и других местных изображений», подчеркивает культовый характер сцены, наиболее вероятно сцены прощания (Шульц, 1963, с. 6). Он, считает, что умерший изображен в виде героизированного конного воина (Шульц, 1963, с. 5, рис. 1), но определить кем является женщина – «жена ли она конного воина или же богиня, перед которой предстал героизированный умерший» трудно (Шульц, 1963, с. 6).

Еще одним рельефом с изображением «ритона» является т.н. «Бахчисарайская стела» (Чореф, Шульц 1972, с.135-144; Волошинов, 2008а, с.205-222), датируемая первой половиной II в. н.э. (Волошинов, 2008а, с. 212). На лицевой стороне памятника изображены два всадника, расположенные один за другим. Всадники сидят в фас, с полным фронтальным разворотом фигур, лица обращены к зрителю.

Руки изображены прямыми, без заметного прогиба в локтях, их форма подчинена абрису туловища. В левой руке первого, более крупного всадника зажат повод, правой он держит слегка изогнутый «ритон». Его тулово достаточно резко сужается к дну сосуда, выступающему под нижним ребром ладони. Второй всадник в правой руке держит повод и какой-то тонкий предмет (нагайку, кнут, жезл?). По мнению М.Я. Чорефа и П.Н. Шульца рельеф носил вотивный характер, всадники предстоят перед божеством, на что указывают их «застывшие» фронтальные позы и отсутствие оружия (Чореф, Шульц 1972, с. 142). Вслед за М.И. Ростовцевым, М.Я. Чореф и П.Н. Шульц предположили, что «богоданный ритон» в руках наездника помимо культового значения мог иметь и дополнительный смысл – символа власти (Чореф, Шульц 1972, с. 138). Они также высказали мнение, что рельеф является «сарматским повторением» героической темы т.н. конного портрета Скилура и Палака из Неаполя Скифского (Чореф, Шульц 1972, с. 142). Но поскольку аналогичные стелы Боспора носили надгробный характер, либо были поставлены в честь умершего фиаситами (КБН, №78, 83, 84, 90), следует предположить, что рельеф являлся надгробием, на нем изображены героизированные всадники (Волошинов 2008 а, с. 212).

Изображение сильно поврежденного «ритона» сохранилось на рельефе I в. н.э. – первой половины II в. н.э. из Краснозорья (Бабенчиков, 1957, с. 100; Дашевская, 1971, с.188; Волошинов, 2012, рис. 99-107). На лицевой стороне памятника изображен обращенный вправо всадник. Левая рука согнута в локте и, вероятно, держит поводья, правая рука также согнута в локте и поднята вертикально. В ней всадник держит предмет, по своим размерам и очертаниям напоминающий «ритон». Не исключено, что изображенный всадник входил в состав многофигурной композиции, сопровождаясь дополняющими персонажами (Волошинов, 2012, с.101-103). Одной из возможных иконографических схем могла быть сцена «предстояния всадника женщине» известная как по боспорским и позднескифским надгробиям (рельефы из Марьино, Чайки, Малой Козырки), так и по предметам торевтики, например, ритону II-I до н.э. из Мерджан, плите 104 г. н.э., посвященной празднованию «дня Танаиса».

Предмет, напоминающий «ритон», изображен и на чайкинском рельефе рубежа н.э., опубликованном Е.А. Поповой (1974, с. 222-230). На рельефе изображен мужчина-всадник с неким, сильно поврежденным предметом в поднятой руке, рядом небольшой алтарь, за которым стоит женщина. По мнению Д.С. Раевского (Раевский, 2006, с.133; Диатроптов, 2001, с. 84) и С.А. Яценко (2014, с. 48, прим. 46) в руке всадника находится именно «ритон».

По мнению П.Д. Диатроптова на рельефе в образе всадника изображено «какое-то позднескифское божество», а божественный или героический статус всадника подчеркнут окружностью над всадником (Диатроптов, 2001, с. 85). Сцену на рельефе он трактует как поклонение женщины конному богу, герою или героизированному умершему (Диатроптов, 2001, с. 84). Д.С. Раевский на основании чайкинского рельефа предположил, что подобные сцены «предстояния всадника богине» или «приобщения царя богине» являются ничем иным как сценой сакрального брака (Раевский, 2006, с. 134).

Вероятно «ритоны» обозначены в руках существ на росписи гроба из склепа 550 Усть-Альминского могильника. Погребение датируется третьей четвертью I в. н.э. В центре композиции – сидящий на лошади всадник, по обеим сторонам от него изображены фигуры неких существ, у одной из них в левой, полусогнутой руке находится предмет, напоминающий по очертаниям «ритон». А.Е. Пуздровский в качестве одного из вариантов семантического содержания этой сцены предположил, что всадник – один из погребенных, а фигуры – это богини судьбы «мойры» (парки) (Пуздровский, 2007, с. 160,161, рис. 142, 1; Puzdrovskij, 2013, с. 292, 302, Kat.VII.2; Яценко, 2014, с. 46, рис. 3,1).

Однако на всех приведенных сценах масштаб сосудов небольшой, и изначально не предполагал детализированное их изображение. По таким изображениям невозможно определить не только соответствие реальным предметам, но и разобраться, рог или ритон изображен на том или ином памятнике. Впрочем, сама манера держать сосуд, говорит в пользу того, что изображён именно рог для питья. Поскольку он иногда является единственным атрибутом таких стел, его

можно рассматривать как некий этнокультурный маркер для памятников синкретического происхождения, что отчасти подтверждается и отсутствием подобных изображений среди надгробных стел Боспора и Херсонеса. Впрочем, есть и другая особенность упомянутых многофигурных композиций, на которую следует обратить внимание. «Ритон» даже при отсутствии других атрибутов изображается только на рельефах со всадниками, т.е. становится, как минимум, атрибутом их героизации, либо атрибутом всаднической аристократии в общем.

Не меньший интерес представляют более детализированные антропоморфные стелы из Заветного (Богданова, 1961, 1965, 1989), наиболее ярко демонстрирующие связь с ранней скифской скульптурой. Так, на антропоморфной стеле №1 (Рис. 2, 3-4), датируемой I-II вв. н.э., изображен воин, с симметричным положением рук, согнутых под прямым углом на уровне живота. В левой руке он держит меч, в правой – «ритон» с прямым ассиметричным туловом, постепенно сужающимся к остроконечному, загнутому под прямым углом дну. В свободном пространстве между этими атрибутами изображено копьё (Богданова, 1961, с. 250, 251; Волошинов, 2015, с. 252). Погребение № 146, открытое в 1,5 м от изваяния, также было воинским, на что указывают железный «широколезвийный», «обоюдоострый» меч без перекрестия, с остатками деревянных ножен и заклепками от деревянной рукояти, и предмет с кольцевидным навершием, который Н.А. Богданова называет то ножом, то кинжалом (Богданова, 1958, с. 34; 1989, с. 57-59; Волошинов, 2015, с. 252, рис. 4, 3; 4, 4). По бронзовой фибуле погребение может быть датировано I-II вв. н.э.

«Ритон» изображен и на стеле №4 (Рис. 2, 1-2), схематически передающей человеческую фигуру с прямоугольным туловищем без ног. Она была найдена в 1962 г. у городища и датируется хронологическими рамками существования городища и некрополя, т.е. I-III вв. н.э. «Ритон» расположен в правой, полусогнутой, незначительно опущенной на уровень живота руке. Тулово сосуда имеет коническую форму, узкое донышко загнуто под углом 80–85°. Его окончание оформлено в виде округлого утолщения с гравированным точечным углублением по центру.

Левая кисть, расположенная немного выше, держит меч (копье?), изображенный в виде прямоугольной полосы с прямоугольным в плане утолщением (навершием, наконечником?) в верхней части². На левой боковой грани памятника изображен вытянутый по вертикали крестообразный предмет, вероятно кинжал, либо короткий меч в ножнах (Волошинов, 2015, с. 255, 256, рис. 1, 4).

Над кистью правой руки сохранилось шесть вертикальных и одна горизонтальная врезная линия. Несмотря на сильное повреждение бороздами от плуга, Н.А. Богданова считает эти линии сарматским знаком, определяющим принадлежность к знатному сарматскому роду (Богданова, 1965, с. 235; Богданова, 1989, с. 61, 66), определяя статус изображенного как героизированного воина (Богданова, 1989, с. 61). С.А. Яценко высказал мнение, что тамгу на заветнинской стеле № 4 можно соотнести с «одним из самых политически активных и мощных кланов на огромной территории Сарматии I-II вв.», предположив, что изваяние было посвящено предводителю «местных клановых отрядов ополчения в случае войны» (Яценко, 2014, с. 47).

«Ритон» подобного типа изображен и на заветнинской стеле № 3, найденной в 1962 г. Памятник был использован вторично как плита перекрытия безинвентарной грунтовой могилы № 218 (Богданова, 1965, с. 233, 234, рис. 1; Волошинов, 2015, с. 254, 255, рис. 5, 3а) и датирован I-III вв. н.э. - хронологическими рамками существования некрополя. На фрагменте плиты с какой-то большой композицией сохранилось горельефное изображение стоящей человеческой фигуры, обращенной вправо. Правая рука приподнята в горизонтальном положении и отведена в сторону поворота фигуры. В левой полусогнутой руке персонажа зажат «ритон» с узким остроконечным донышком, загнутым под углом 80–85°. Его окончание, как и на стеле № 4, оформлено в виде округлого утолщения. На запястье сохранился контур рельефного браслета; под правой рукой - изображение предмета в виде вертикальной рельефной полосы. По мнению П.Н. Шульца, на рельефе изображен идущий влево

² Похожий меч I в. н.э. был найден в могиле № 344 на заветнинском Алма-Кермен (Волошинов, Масыкин, 2007, с. 293, рис. 7; 8, 8), что позволяет предположить более узкую дату для изваяния.

скиф-воин (Шульц, 1967, с. 330). Как предполагается, переданный на рельефе сюжет изображал сцену побратимства, известную по изделиям скифской торевтики IV в. до н.э. (Чореф, Шульц, 1972, с. 140–141; Попова, 1976, с. 116; Богданова, 1989, с. 61; Волошинов, 2004, с. 151), а также по изваянию первых веков н.э. из Анапы, в верхней части которого высечено несколько рук, в правых из них, согнутых под прямым углом, изображены «ритоны» (Козыренко, 1957, с. 93, 95, табл. I, 4; Соломоник, 1959, с. 76, № 31).

Поскольку предметы вооружения, изображенные на позднескифских изваяниях, находят соответствующие аналогии в погребальном инвентаре (меч на заветнинском изваянии № 4), то логично было бы предположить, что и «ритоны» имели свои реальные прототипы. Но в отличие от подкурганых скифских захоронений, металлические «ритоны» в состав погребального инвентаря позднескифских некрополей не входили. Вместе с тем, в подбойной могиле № 28-Л могильника Скалистое III, расположенного всего в шести километрах от заветнинского некрополя, найден стеклянный питьевой рог (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с.135, 136, рис.11)³, который по размерам, форме, и даже утолщению на загнутом дне (Рис. 2, 5), очень близок изображениям на заветнинских стелах №3 и №4 (Рис. 2, 1-4). Этот уникальный комплекс⁴, имеющий ярко выраженный воинский и всаднический характер, относится к горизонту погребений, относящихся ко времени гибели позднескифских поселений.

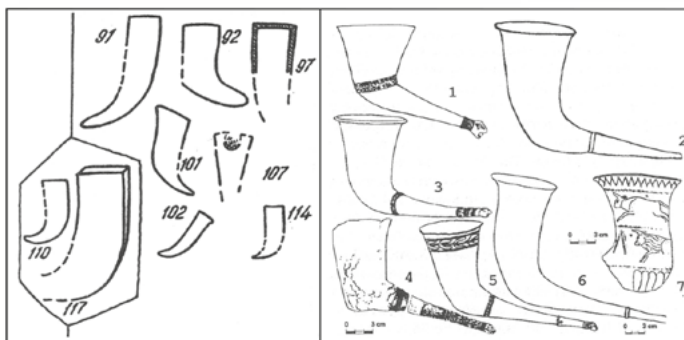
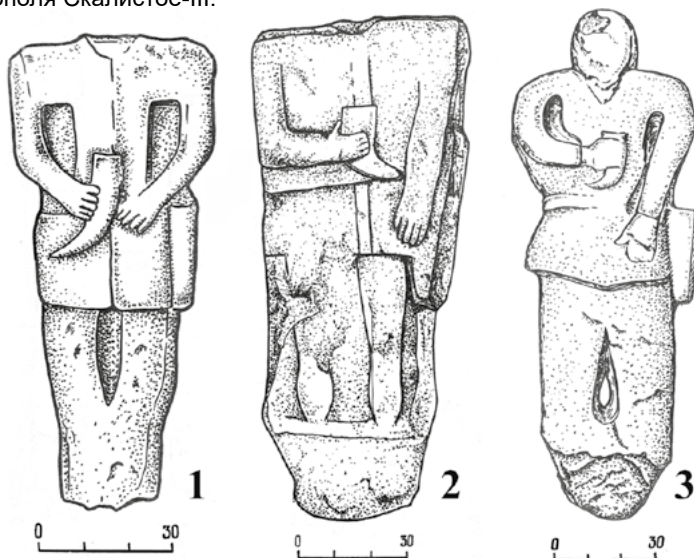
Таким образом, в скифское время «ритоны» входят в состав погребений высокого социального статуса. Повторяя очертания реальных предметов (рис. 1, 4-5), они изображаются и на скифских изваяниях, сопровождаясь, как правило, деталями вооружения.

Изображения «ритонов» становятся наиболее часто встречаемым

³ На территории римских провинций стеклянные «ритоны» встречаются крайне редко. Основной ареал их распространения – Северная Европа. Судя по этому, подобные сосуды, вероятно производившиеся в римских мастерских, отражали вкусы германцев (Evison, 1975, p. 74–87).

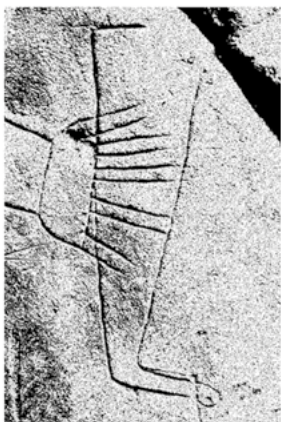
⁴ В настоящее время, совместно с В.В. Масякиным, готовится его подробная публикация.

атрибутом позднескифской скульптуры. На антропоморфных стелах «ритон» иногда сопровождается мечом или копьем и в этих памятниках заметна связь со скифскими изваяниями. На рельефах, где главным образом, использовались боспорские сцены с изображением всадников, персонаж, держащий «ритон», лишен дополнительных атрибутов. В позднескифских некрополях и на поселениях находки «ритонов» в настоящее время неизвестны, за исключением питьевого рога из некрополя Скалистое-III.

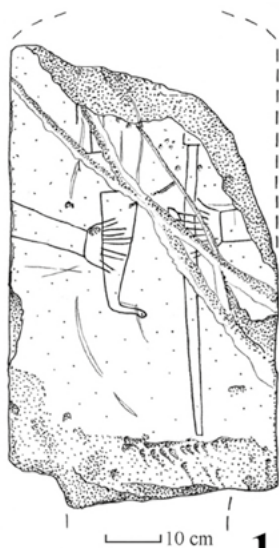

4

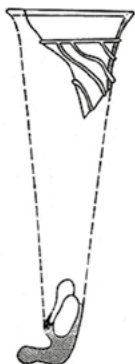
5

2

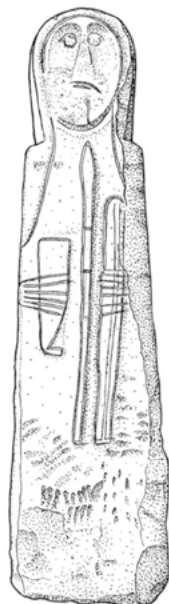
1

5

4

3

ДОРОШКО В.В.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ
РАСКОПОК IX КВАРТАЛА
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО¹**

Комплексы римского времени в Херсонесе Таврическом немногочисленны и порой фрагментарны, что объясняется последующими этапами активной застройки на городище. В последние десятилетия появилось несколько новых, позволяющих по-новому взглянуть на материальную культуру Херсонеса первых вв. н.э. Один из них и будет представлен в этой работе.

Летом 2007 г. во время исследования части IX квартала, примыкающей к IX поперечной улице, экспедицией С.Г. Рыжова в восточном углу средневекового помещения 1 был открыт публикуемый комплекс вещей (Арх. ГМЗХТ, д. 3916, л. 4, 5; д. 3917, рис. 4 15, 49 57; Рыжов, 2011, рис. 5). По всей видимости, он был частично срыт впущенной в слой поздней цистерной 1. Ситуация, открытая во время раскопок, показывает, что предметы на момент образования грунтовой засыпи находились *in situ* в северном углу помещения римского времени (рис. 1). В комплексе было минимум две амфоры, гончарный кувшин и краснолаковая чаша, описание которых и будет дано ниже.

Светлоглиняная узкогорлая амфора (рис. 2, 1). Колл. № 1/37505. Имеет слегка биконическое яйцевидное тулово на усечено-конической ножке диаметром 6,2 см. В средней части тулова стенки рифленые. Горло амфоры расширяется книзу. Полуовальный в сечении венчик, диаметром

¹ Благодарю С.Г. Рыжова за предоставленную возможность опубликовать материал.

8,2 см, имеет невысокое вертикальное ребро. Ручки профилированы неглубоким врезом. Вся высота амфоры 60,3 см. Цвет глины 10YR very pale brown 7/4. В составе теста - частицы песка до 4 мм серого и коричневого цвета, а также редкие частицы слюды.

А.Е. Пуздровский выделял этот вариант амфор в ранний С, т.н. «альминский», начало производства которого он относил к 20-30 гг. II в. (Пуздровский, 2007, с. 186). В новой уточненной типологии С.Ю. Внукова амфора представляет собой переходный вариант С IV J IVC1 по (Внуков, 2016, с. 41, 43, рис. 4,2), который следует относить к концу 20 - 30 гг. II в.²

Розовоглиняная амфора (рис. 2, 2). Колл. № 2/37505. Тулово амфоры яйцевидное с широким цилиндрическим горлом, в верхней части которого 3-4 глубоких бороздки. Венчик диаметром 23,2 см, массивный, овальный в сечении, профилирован гранями. Ручки амфоры овальные в сечении, с наружной стороны - слабовыраженное широкое центральное ребро. Сохранившаяся высота амфоры - 81,7 см. Утраченная донная часть, по всей видимости, имела коническую форму. Точных аналогий этой амфоре найти не удалось. Наиболее близкой находкой по форме и размерам может быть розовоглиняная амфора из Танаиса, датированная И.Б. Зеест II III вв. (Зеест, 1960, с. 116, таб. XXXV, 85).

Гончарный кувшин с биконическим туловом на высокой ножке (рис. 2, 3). Колл. № 3/37505. Высота 39,6 см. Тулово кувшина имеет биконическую форму с одутловатыми стенками. Нижняя часть представляет собой высокий поддон усеченно-конической формы высотой 3,1 см и диаметром 11,2 см. Горло кувшина наклонено вперед, имеет цилиндрическую форму, слегка расширяющуюся кверху. Округлый венчик диаметром 10 см отделен от горловины глубоким подрезом. Ручка широкая, до 5 см, с углублением по всей наружной части. В центральных частях горла и плечиков - широкие полосы белой с оливковым оттенком краски. Тесто коричневатое с оранжевым оттенком, содержит белые и темно-коричневые частицы песка, а также редкие включения авгита.

Один из первых известных кувшинов этого типа происходит из

² Благодаря С.Ю. Внукова за оказанную помощь в работе с находкой.

Мирмекия. В.Ф. Гайдукевич связывал находку с изделиями боспорского производства (Гайдукевич, 1952, с. 168, 169, рис. 61). Однако распределение находок показывает обратную картину. Чаще всего эти кувшины встречаются в комплексах II - III вв. Западного Причерноморья, где и следует локализовать их производство (Iconomiu, 1968, p. 250, fig. 10; Scorpan, 1968, fig. 14b; Radulescu, 1975, p. 346, pl. XI, 2; Simion, 1984, p. 87. pl. XII.6; Paraschiv, 2004, p. 145, pl. III, 9; Baumann, 2009, pl. IV, 5 и др.). Несколько экземпляров происходят из Северо-Западного Причерноморья (Бураков, 1976, с. 101 - 103, табл. X; Гороховский, Зубар, Гаврилюк, 1985, с. 29, 30, рис. 5). Чуть больше их в регионе Юго-Западного Крыма (Кадеев, Сорочан, 1989, с. 85, рис. 37, 6; Пуздровский, 2007, рис. 160, 3,4; Пуздровский, Соломоненко, 2007, с. 209, рис. 3; Стржелецкий и др. 2005, с. 225, рис. 19, 2; Гущина, Журавлев, 2016, с. 19; 2016а, табл. 143, 14).

Краснолаковая чаша (рис. 2, 4). Колл. № 4/37505. Относится к изделиям *Eastern sigillata B, form Hayes 70*. Высота 5,6 см, диаметр бортика 10,8 см, диаметр поддона 5,5 см. Лак оранжевато-красный. Глина светло-коричневая, слоистая, с редкими включениями слюды. Тулово чаши имеет коническую форму с вогнутыми стенками. На ребре и в верхней части вертикального бортика - пояски из насечек. Кольцевой поддон невысокий, на внешнем поле дна - граффито, которое можно принять за лигатуру ХЕ. На внутренней стороне дна - двухстрочное эпиграфное клеймо. Плохая сохранность и отсутствие в литературе аналогичных клейм не дают возможности прочесть его полностью за исключением ...Υ.../ΛΟΥΣ.

Д.В. Журавлев на материалах из могильника Бельбек IV датирует чаши формы 70 50/75 – 125/150 гг. н.э. (Журавлев, 2010, с. 29).

Эта чаша и светлоглиняная узкогорлая амфора определяют дату комплекса. Совпадение их датировок приходится на вторую четверть II в. При этом следует учитывать, что эпиграфные клейма на сосудах *Eastern sigillata B* с началом правления Флавиев постепенно заменяются более простыми изображениями пальметт, розетт и т.д. (Журавлев, 2010, с. 102). Факт заметной истертости и многочисленных мелких сколов на

выступающих частях чаши указывает на длительное её использование в быту. В виду этого, предложенная С.Ю. Внуковым датировка светлоглиняной амфоры в пределах начала второй четверти II в. для амфоры получает дополнительное подтверждение. Вместе с этим мы определяем дату для остальных предметов в комплексе, хронология и типология которых ещё не разработана, в первую очередь, для кувшинов с биконическим туловом на высокой ножке. До этого самые ранние датированные экземпляры датировались второй-третьей четвертью или серединой II в., теперь же можно судить об их распространении до середины II в. Следует отметить, что в засыпи комплекса присутствовала также верхняя часть аналогичного кувшина (Арх. МЗХТ, д. 3917, рис. 50). На примере этих находок и других экземпляров второй-третьей четверти II в. можно наблюдать признаки одного из ранних вариантов этого типа кувшинов – укороченный поддон, невысокое, одутловатое тулово, наличие белых полос на горле и плечиках. Уточняется и нижняя дата редкой розовоглиняной амфоры, близкой к типу Зеест 85.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бураков А.В.* Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. К.: Наукова думка, 1976. 160 с.
- Внуков С.Ю.* Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36 – 47.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935 – 1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 135 – 220.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч. 1. 272 с.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016а. Ч. 2. 320 с.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III

- вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь, 2010. 320 с.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). Харьков: Вища школа, 1989. 134 с.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. - III в. н.э.. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А.Е., Соломоненко А.Е.* Грунтовый склеп 1 – 2 вв. н.э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика Симферополь, 2007. С. 207 – 228.
- Рыжов С.Г.* Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 86 – 93.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2005. № 4. С. 27 – 277.
- Baumann V.* Producerea ceramicii locale la Dunarii in secolele I – IV P. Chr. // Tulcea. 2009. Peuce VII. P. 193 – 216.
- Iconomu G.* Cercetari arheologice la Mangalia si Neptun // Pontica. 1968. I. P. 235 – 268.
- Paraschiv D.* Noi descoperiri arheologice de epoca romana la macin // Tulcea. 2004. Peuce XV. P. 143 – 152.
- Radulescu A.* Contributii la cunoasteria ceramicii romane de uz comun, din Dobrogea // Pontica. 1975. VIII. P. 331 – 360.
- Scorpan C.* Contributii arheologice la problemele etnice ale Dobrogei antice // Pontica. 1968. I. P. 341 – 378.
- Simion G.* Descoperiri noi in necropola de la Noviodunum. Report preliminar // Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatica si istorie // Tulcea. 1984. IX. P. 75 – 96.

Рис. 1. Керамический комплекс в процессе раскопок
(Арх. ГМЗХТ, д. 3917, рис. 10).

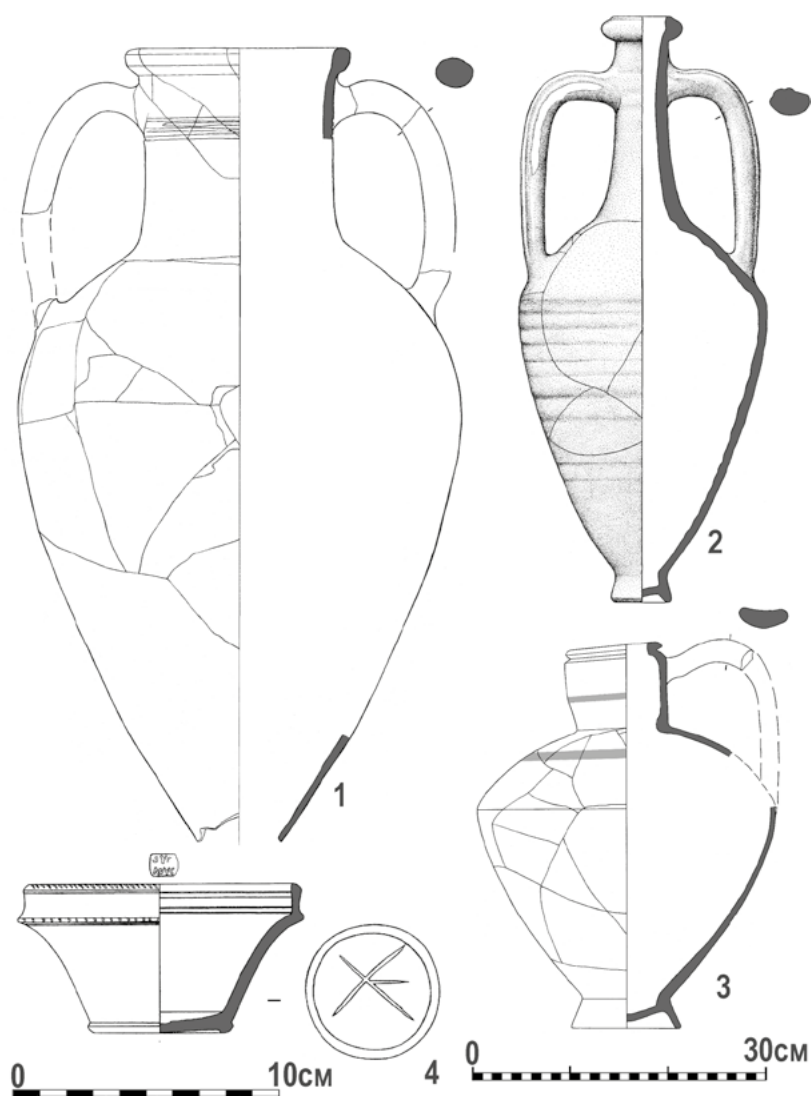

Рис. 2. Находки из комплекса

ДОРОШКО О.П.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

**КУХОННАЯ КЕРАМИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
С КРАСНЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ РАСКОПОК
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО**

Кухонная гончарная керамика, характерной чертой которой является наличие красного покрытия с внутренней стороны, впервые была описана в литературе З. Лёшке (Loeschcke 1909). По сходству цвета внутренней поверхности этой посуды с помпейскими фресками З. Лёшке назвал её «помпейской краснолакокой посудой» («pompejanisch-roten Platten»).

К. Гудино выделил несколько основных признаков «помпейской посуды»: тесто грубое, с включением белых частиц и частиц слюды; цвет глины варьируется от розового до черного, однако чаще всего встречается красно-коричневая глина; покрытие присутствует на внутренней стороне и в верхней части — наружной; на наружной поверхности — следы воздействия огня; покрытие гладкое на ощупь, матовое; цвет покрытия варьируется от красно-розового до красно-коричневого (Goudineau 1970, p. 162-163).

З. Лёшке предположил, что такая посуда использовалась для приготовления хлеба: в Помпеях в одной из сковородок с красным покрытием были найдены остатки лепешки (Loeschcke 1909, p. 268). К. Гудино считает, что такая посуда имела более широкое применение (Goudineau 1970, p. 165)

Во французской, итальянской, немецкой, испанской литературе встречаются другие названия этой группы керамики («cerámica Cumana», «céramique à engobe rouge-pompéienne», «cerámica a vernice rossa

interna», «cerámica con barniz interior rojo-pompeyano», «pompejanisch-roten Platten», «Pompeian red ware», «IRSC (internal red-slip cookware)» и др.) (Peña 1990, p.648). Сосуды известны из раскопок разных районов античного мира: есть аналогии из Италии, Греции, Англии, Швейцарии, Германии, Голландии, Испании, Африки (Goudineau 1970, p. 162).

Ближние формы посуды бытуют еще со второй половины III в. до н.э. (Peña 1990, p.648). Чаще они встречаются в слоях I в. до н.э. - I в. н.э. (Goudineau 1970, p. 166-168; Hayes 1973, p. 459). Дж. Хейс отметил, что посуда с красным покрытием была широко распространена до середины I в., хотя в Греции отдельные экземпляры встречаются и в слоях середины II в. (Hayes 1973, p. 459).

На территории Херсонесского городища также найдены фрагменты кухонной посуды с красным покрытием. Все они происходят из слоев римского времени. Выборка из фондов Херсонесского музея на сегодняшний день составляет 17 фрагментов сковородок.

Самым ранним следует считать фрагмент сковородки, который происходит из раскопок цистерны в XCVII квартале (раскопки С.В. Ушакова 2015 г.¹). Материал цистерны датируется временем третьей четверти I в. Сковорода со скругленными стенками; внутренняя поверхность покрыта лаком красно-коричневого цвета с матовым блеском (рис. 1, 1). По К. Гудино датируется серединой I в. (Goudineau 1970, p. 168, № 28). Сходная керамика была найдена в Коринфе, где Дж. Хейс датировал ее также серединой I в. (Hayes 1973, p. 459). Сковорода подобной формы опубликована В.И. Кадеевым (раскопки Г.Д. Белова в 1961 г.) (Кадеев 1970, с. 86, рис. 6, 8).

Остальные фрагменты происходят из слоев II – начала III вв. Это материалы раскопок Г.Д. Белова на Северном берегу Херсонеса, а также раскопок т.н. цитадели. Формы венчиков многих фрагментов оказались сходными, в то же время тесто некоторых фрагментов разных форм оказалось одинаковым. Поэтому выявленные фрагменты были сгруппированы именно по цвету и составу глины.

¹ Благодарю автора раскопок за возможность публикации материала.

	рис. 1, 2	рис. 1, 3	рис. 1, 4	рис. 1, 5	рис. 1, 6	рис. 1, 7	рис. 1, 8	рис. 1, 9	рис. 1, 10	рис. 1, 11	рис. 1, 12	рис. 1, 13	рис. 1, 14
цвет глины	5YR-reddish brown 4/4	5YR-reddish brown 5/4	7.5YR-brown 5/4	7.5YR-strong brown 5/6	5YR-reddish yellow 6/6	5YR-reddish yellow 6/6	5YR-reddish yellow 6/6	5YR-yellowish red 5/6 – 4/6	5YR-yellowish red 5/6 – 4/6	5YR-yellowish red 4/6	5YR-reddish yellow 6/6	5YR-reddish yellow 6/6	5YR-yellowish red 5/6
цвет покрытия	2.5YR-red 5/6	5YR-yellowish red 5/6	5YR-dusky red 4/4	2.5YR-red 6/6 – 5/6	10R-red 5/6	2.5YR-red 5/6	2.5YR-dusky red 4/4	10R-red 4/8	2.5YR-dark red 4/6	2.5YR-dark red 4/6ф	2.5YR-dusky red 4/4	2.5YR-red 5/6	2.5YR-red 5/6 – dark red 4/6
примесь													
шамот	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	+
песок	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
белые частицы			+		+	+	+		+				
железистые частицы					+	+	+	+	+	+			
слюда	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Благодаря этому выявлены несколько групп.

Группа 1. Сковородки со скругленными стенками и широким, слегка отогнутым краем (рис. 1, 2 – 3). Глина красно-коричневая (5YR reddish brown 4/4, 5YR reddish brown 5/4), с включением шамота, крупных частиц песка и мелких блесток слюды. Цвет покрытия одного фрагмента красного оттенка (2.5YR-red 5/6) (рис. 1, 2), другого – красно-желтого (5YR yellowish red 5/6) (рис. 1, 3). По К. Гудино датируются концом I – началом II вв. (Goudineau 1970, p. 168, № 34). Сковородки подобных форм найдены в римском лагере в Балаклаве (Кленина 2000, с. 138, рис. 27, 10), а также на усадьбе 32 хоры Херсонеса (Нессель 2003, с. 6, рис. 3, 8).

Группа 2. Сковородки со скругленными стенками и отогнутым небольшим краем (рис. 1, 4 – 5). Отличительными особенностями этих фрагментов является характерный коричневатый цвет глины (7.5YR brown 5/4 (рис. 1, 4), 7.5 YR strong brown 5/6 (рис. 1, 5)) и наличие большого числа блесток слюды размером до 1 мм. По К. Гудино датируются концом I – началом II вв. (Goudineau 1970, p. 168, № 38). Похожая форма встречена в Ольвии (тип 16 по В.В. Крапивиной) (Крапивина 1993, с.

103, рис. 36/5). В Истрии фрагменты такой формы происходят из слоя второй половины II – начала III вв. н.э., хотя по аналогиям датируются не позднее конца I в. (Băjenuț 2014, p. 117).

Группа 3. Сковородки со скругленными стенками и со скошенным утолщенным или слегка отогнутым краем (рис. 1, 6 – 11). Диаметр верхней части варьируется от 42 до 55 см. Глина красная с желтым оттенком (5YR reddish yellow 6/6 или 5YR yellowish red 5/6 – 4/6). Покрытие разных оттенков. Характерной особенностью является наличие в тесте редких железистых частиц. У некоторых фрагментов выявлены полые редкие включения белого или желтоватого оттенков. У четырех фрагментов в верхней части – выемка для крышки (?) (рис. 1, 7 – 10). У одного фрагмента сохранилась ручка-прилеп в виде пальцевых вдавлений, напоминающий прилепы лутериев античного времени (рис. 1, 8). У двух фрагментов – следы ремонта (рис. 1, 9). Один фрагмент (рис. 1, 11) по форме сходен с найденным на усадьбе 32 хоры Херсонеса (Нессель 2003, с. 6, рис. 3, 7).

Группа 4. Небольшие сковородки (диаметр верхней части – от 25 до 36 см) со скругленными стенками и слегка отогнутым небольшим или скошенным утолщенным краем (рис. 1, 12 – 13). Глина красная с желтым оттенком (5YR reddish yellow 6/6 или 5YR yellowish red 5/6). Тесто с включением шамота, частиц песка и мелких блесток слюды. Покрытие красного оттенка (2.5 YR dusky red 4/4, 2.5 YR red 5/6, 2.5 YR red 5/6 – dark red 4/6). По К. Гудино датируются концом I – началом II вв. (Goudineau 1970, p. 168, № 34, 38). На Афинской Агоре фрагменты встречены в слое начала II в. (Robinson 1959, p.42, pl. 72, № 191). Подобный фрагмент сковородки был найден также на Крите в слое первой половины III в. (Gallimore 2011, p. 321, № 394).

В отличие от сосудов I в. до н.э. – I в. н.э., описанных Д. Пеакок, в тесте фрагментов, найденных в Херсонесе, нет частиц авгита, указывающих на итальянское происхождение (Peacock 1977, p. 147). В то же время во всех фрагментах присутствует примесь слюды. Более поздние формы Д. Пеакок связывает с производством Малой Азии (Peacock 1977, p. 147). К. Бадженару предположил восточное происхождение поздних форм помпейской кухонной посуды (Băjenuț

2014, p. 117), а С. Галлимор определил их производство в Эгейском регионе или Восточном Средиземноморье (Gallimore 2011, p. 321). Е.Ю. Кленина, придерживаясь мнения Д. Пеакока, настаивает на малоазийском происхождении этой группы керамики (Кленина 2000, с. 138). В настоящее время вопрос её производства остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I – IV веках н.э. Харьков, 1970. 134 с.
- Кленина Е.Ю.* Кухонная Керамика // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 134–140.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. К., 1993. 182 с.
- Băjenaru C.* Early roman pottery groups from the Central sector of the late roman city at Histria // Materiale și cercetări arheologice (serie nouă). 2014. X. P. 105–131.
- Gallimore S.C.* An island economy: Ierapetra and Crete in the Roman Empire. New York. 2011. 674 p.
- Goudineau C.* Note sur la ceramique à engobe interne rouge-pompéien («Pompejanisch-Roten Platten») // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1970. T. 82. №1. P. 159–186.
- Hayes J. W.* Roman pottery from the South Stoa at Corinth // Hesperia. 1973. P. 417–470.
- Loeschcke S.* Keramische Funde in Haltern, ein Betrag zur Geschichte der augusteischen Kultur in Deutschland (Mitt. der Altertumskommission für Westf., 5). Bonn, 1909.
- Peacock D.P.S.* Pompeian Red Ware // Pottery and Early Commerce. London, New York, San Francisco, 1977. P. 147 – 182.
- Peña J. T.* Internal Red-Slip Cookware (Pompeian Red Ware) from Cetamura del Chianti, Italy: Mineralogical Composition and Provenience // American Journal of Archaeology. 1990. 94 P. 647–661.
- Robinson H.S.* Pottery of the Roman Period: Chronology // The Athenian Agora. 1959. Vol. 5. 149 p.

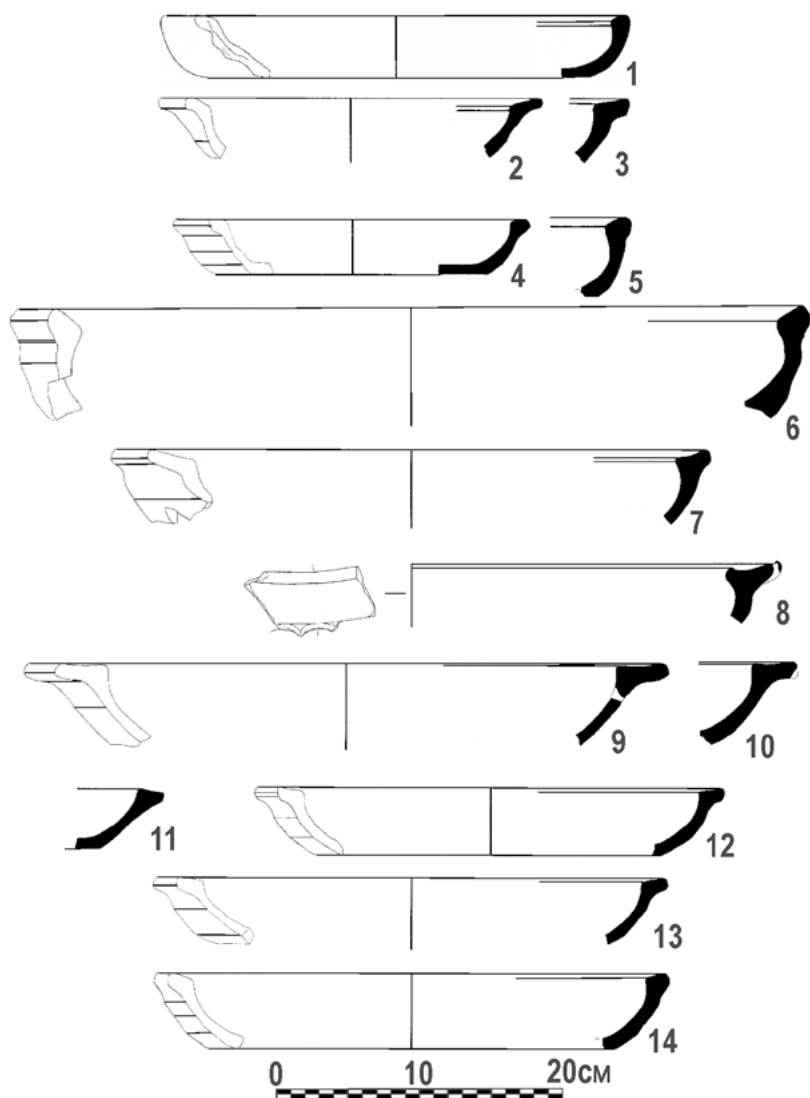

Рис. 1. Кухонная керамика с красным покрытием из раскопок Херсонеса (рис. В.В. Дорошко).

ЕГОРОВА Т.В., ИЛЬЯШЕНКО С.М.
(МГУ, Москва; Музей-заповедник Танаис, Азов)

ЧЕРНОЛАКОВАЯ ОЙНОХОЯ ИЗ ТАНАИСА

Несмотря на проведенную в последние годы ревизию хронологии амфорных клейм, точка зрения Д.Б. Шелова о том, что наиболее ранние поступления импортной керамики в Танаис начинаются с первой четверти III вв. до н. э. по-прежнему сохраняет свою актуальность [Шелов, 1968, с. 307]. Пока материалы, относящиеся к ранним этапам заселения города можно оценивать лишь суммарно. Тем не менее, за годы раскопок обнаружена серия хозяйственных ям разного размера и глубины, впущенные, как правило, в материк. Ямы эти отмечены повсеместно, но исследованы пока, в основном, в наименее разрушенных местах: под полотном улиц; под стенами оборонительных укреплений; под вымостками поздних дворов; в промежутках между римскими подвалами. Чаще всего ямы заполнены мусорным слоем с включениями материалов достаточно широкого временного диапазона. Как правило, они перекрыты жилым горизонтом конца III - начала II вв. до н.э. Среди находок в них вместе с фрагментами амфор встречаются фрагменты чернолаковой и расписной керамики, а также обломки простой столовой посуды всего III вв. до н. э.

Около середины III в. до н.э. в городе, по всей вероятности, начинается интенсивное каменное строительство, сопровождавшееся, в том числе и сооружением глубоких подвалов. К ранним каменным сооружениям города относится подвал ИО открытый в ходе работ 1989, 1998-1999 гг. на раскопе VI, в первом квартале цитадели. По мнению исследователей, подвал был сооружен в первой половине III в. до н.э. В конце этого же столетия он был засыпан мусором [Арсеньева и др., 2001, с. 92]. В его заполнении найдены: почти целая родосская амфора

середины III в. до н.э. с клеймом фабриканта Тевдора [Шелов, 1994, с. 28, № 150]; целая синопская амфора с клеймом астинома Антипатра, сына Никона, деятельность которого относилась, по мнению В.И. Каца, к концу 50-х гг. до н.э. [Кац, 2007, с.435]; пять терракотовых протом с изображением Деметры; две пантикапейские монеты с изображением безбородого Сатира первой половины III в. до н.э, а также обломки чернолаковых и простых кружальных сосудов [Арсеньева и др., 2001, с. 92-93].

Здесь же был обнаружен необычный для Танаиса чернолаковый сосуд с росписью в стиле West Slope (**рис.1**). Он был особо выделен среди материалов из подвала при публикации в 2001 г. Т.М. Арсеньевой, Б. Бёттгером и С.А. Науменко вновь открытых ранних городских комплексов [Арсеньева и др., 2001, с. 92-93]. Предварительная дата сосуда была определена авторами в рамках конца IV в. до н.э. - первой четверти III в. до н. э. В настоящей работе нам кажется возможным еще раз обратиться к этому уникальному предмету с целью уточнения датировки, а также оценки возможностей товарных поставок в область Нижнего Дона подобного рода товаров.

Итак, уникальность отмеченного выше сосуда заключается, прежде всего, в нестандартной форме, а также в необычном сочетании орнаментальных мотивов. Судя по основным характеристикам глины – бежевой, хорошо отмученной, без видимых включений, и по стилю орнамента, нанесенного жидкой глиной на горло и плечики сосуда, он был изготовлен в одной из аттических мастерских. Однако прямых аналогий его форме обнаружить пока не удалось. Это закрытый кувшинообразный сосуд, основной объем которого составляет тулово с выраженными плечиками и значительным сужением книзу. Такая форма тулова характерна для эллинистических ойнохой варианта «с прямым венчиком», датирующихся в целом III в. до н.э. [Drougou, 1991, p. 172, Taf.; Rotroff, 1997, p. 124–125, №460–466]. Судя по сохранившейся прикорневой части, сосуд имел одну вертикальную ручку, крепившуюся к его плечикам и венчику, что также свидетельствует в пользу соотнесения его с эллинистическими ойнохоями. Чаще всего тулова ойнохой этого

варианта устанавливалось на узкий профилированный поддон [Rotroff, 1991, p.71, №19, pl.18; Rotroff, 1997, p. 124–125, №460]. В нашем случае вместо поддона использована профилированная ножка, аналогичная ножкам классических канфаров и канфаровидных сосудов IV – середины III вв. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 84–87, 90–91, 94. №24, fig. 5; №85, fig. 9; №102, fig. 10; №147, 148, fig.12]. Подобный вариант зафиксирован пока только у экземпляров из Македонии и импортных ойнохой, найденных на Афинской агоре [Πελλα, 2015, p. 54, Eik. 61; Drougou, Touratsoglou, 1991, p.22, taf.II; Drougou, 1991, p. 172. Taf.; Rotroff, 1997, №1675, p. 412, fig.100]. Но это не исключает возможности существования аналогичных аттических изделий, поскольку значительное количество их представлено сосудами с утраченной нижней частью [Rotroff, 1991, p.76, №34, fig.7; Rotroff, 1997, p. 124–125, №461–466].

Верхняя часть нашего сосуда также отличается от стандартов эллинистических ойнохой близкого варианта, имевших обычно высокое горло и прямой, слегка отогнутый наружу венчик. В нашем случае, резко отделенное от тулова горло – низкое, а венчик имеет воронкообразную форму. Такая формовка сосуда иногда встречается у миниатюрных кувшинов последней трети III в. до н.э. по С. Ротрофф. Нижняя часть этих кувшинов оттискивалась в специально подготовленных формах, близких формам «мегарских чаш» [Rotroff, 1997, p. 130, №518]. Датировка кувшинов не бесспорна, т.к. основана не на надежном контексте находок, а на анализе дизайна тулова нескольких сосудов [Rotroff, 1997, p. 130].

Аналогичный венчик характерен для лекифов некоторых типов, в частности для лекифов так называемой «Talcott group», которые разные исследователи датируют концом IV – III в. до н.э. [Drougou, Touratsoglou, 1991, p.21, taf.1; Sparkes, 1977, p.13, pl.6], а также арибаллических лекифов последней четверти IV – первой половины III вв. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 169–170, 1110, 1111]. Однако горла этих сосудов существенно уже.

Таким образом, перед нами сосуд, скомпонованный из нескольких частей от разных форм (ойнохоя, лекиф и канфар), что было весьма характерно для эпохи эллинизма в целом, и для III в. до н.э., в частности.

Накладной орнамент в стиле West Slope, выполненный жидкой глиной и белой краской, также состоит из нескольких мотивов. На горло сосуда нанесена оливковая или лавровая гирлянда. Она использовалась как элемент орнамента «West Slope» на протяжении III, II, и значительной части I вв. до н.э. [Rotroff 1997, p. 49]. Однако наиболее часто таким образом декорировались канфары классических форм второй четверти III в. до н.э. [Егорова, 2016, с. 266 и пр.]. Украшение тулова располагается в его верхней трети и состоит из трех частей. Стоит отметить, что подобное членение орнамента не типично. Обычно встречаются двухчастные орнаменты (однотипные или отличающиеся друг от друга), которые наносили на двуручные сосуды (канфары, столовые амфоры и др.). В нашем случае второй ручки не было и место ее нижнего крепления занял еще один, третий вариант орнамента. Две части рисунка – два разных мотива, были разделены нижним корнем ручки. С одной стороны – лента с копьевидными подвесками. Гирляндами с копьевидными («амфоровидными» по В.С. Забелиной) подвесками нескольких вариантов украшали аттические сосуды различных типов на протяжении всего эллинистического периода [Rotroff 1997: 58]. Вариант на сосуде из Танаиса отличается широкой лентой и плотным рядом точек над ней и встречается, в основном, на чернолаковой посуде, датирующейся не позднее середины III в. до н.э. [Rotroff 1997: 70; Егорова, 2016, с.265, 266]. С другой стороны – виноградная лоза. Для нее характерна схематичная форма виноградных листьев и условная (три ряда точек) трактовка гроздьев, а также волнистая полоса, заполненная белой краской. Такое исполнение лозы С. Ротрофф относит к «Edwards Group» [Rotroff 1991: 70; Rotroff 1997: 74–77].

Третья часть (и третий орнаментальный мотив) располагалась между двумя первыми и даже частично перекрывала их. Это спиралевидная волна вправо. Контур нанесен бежевой глиной, заполнение – белой краской. Снизу волна ограничена сдвоенной линией со вписанным в нее рядом точек. Сверху сохранились изображения двух дельфинов. Несмотря на то, что изображения волны встречаются на аттических чернолаковых сосудах с 275 по 200 гг. до н.э., а возможно,

и дольше [Rotroff 1997, p. 53–54], по способу исполнения наш вариант можно отнести к так называемой «Dikeras Group», выделенной С. Ротрофф [Rotroff 1991, p. 72–76; Rotroff 1997, p. 74–75]. Она предполагает, что две близкие по стилю группы («Edwards» и «Dikeras Group») могли производиться в одной мастерской, функционировавшей в 70-е – 60-е гг. III в. до н.э. [Rotroff 1997, p. 74–77]. Находка сосуда из Танаиса безоговорочно подтверждает это предположение.

Волна часто сочетается с лентой с копьевидными подвесками весьма популярными в Северном Причерноморье [Егорова, 2016, с. 261]. Кроме того, Д.В. Журавлев и Г.А. Ломтадзе отмечают, что большинство сосудов, относящихся к «Edwards Group» также происходят из Северного Причерноморья [Журавлев, Ломтадзе, 2007: 83]. Тем не менее, достаточно сложно представить, что столь нетипичный сосуд был привезен в Танаис на продажу как часть стандартной партии. Вероятнее всего, он мог быть частью личного имущества одного из приехавших сюда поселенцев.

Анализ материалов из известных к настоящему времени комплексов Танаиса III в. до н.э. говорит о достаточно стабильном, пусть и сравнительно небольшом, присутствии в них парадной и столовой кружалной керамики. По количеству её приток вполне сопоставим с динамикой поступления амфорной тары. Труднее сказать насколько популярной она была в качестве погребального инвентаря, так как захоронений этого времени на территории окружающего городища некрополя пока не обнаруживалось. Но это также, вероятно, связано, с небольшим по размеру и количеству населения поселением. Погребения раннего Танаиса могли локализоваться в какой-то одной, пока неизвестной нам зоне могильника. Вместе с тем, в степи, по наблюдениям многих исследователей, керамика развитого III в. до н. э. совсем отсутствует [Житников, 1994, с. 195]. Но это касается не только импортной посуды. Практически нет и иного материала. Примечательно также, что после ликвидации Елизаветовского эмпория материал, соотносимый с III в. до н.э., исчезает во всем Нижнем Подонье. В это время Танаис, вероятно, остается единственным оседлым поселением. Происходит резкое сокращение или, даже, полное исчезновение, кочевого населения и их

погребальных памятников в его округе [Глебов, 2007, с. 65; Глебов, 2012, с. 31]. В такой ситуации основание и дальнейшая жизнь Танаиса не сопровождалась необходимостью сооружения мощных оборонительных укреплений, которые начинают появляться лишь на рубеже III-II вв. до н.э. [Шелов, 1970, с. 114 и сл.; Арсеньева, Ильяшенко, 2001, с. 109]. Получается, что период, начиная с конца первой трети III в. до н.э. по начало II до н.э., был не самым благоприятным для развития транзитной торговли. Вероятно, не с кем было торговать.

ЛИТЕРАТУРА.

- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С.М.* Исследования на территории хутора Недвиговка в 2000 г.//Проблемы истории филологии, культуры - Вып. X - Москва-Магнитогорск, 2001.
- Арсеньева Т.М., Бёттгер Б., Науменко С.А.* К истории эллинистического Танаиса // Проблемы истории филологии, культуры - Вып. XI - Москва-Магнитогорск, 2001.
- Глебов В.П.* Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону//Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов - Вып. II – Волгоград, 2007.
- Глебов В.П.* Кочевники Нижнего Подонья IV-II вв. до н.э. Некоторые проблемы изучения // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы международной научной конференции, Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. – Тирасполь, 2012.
- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика с росписью в стиле «West Slope» из раскопок Пантикапея // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology -№ 3 - 2016.
- Житников В. Г.* Боспорские колонии в низовьях Дона в первой трети III в. до н. Вестник Танаиса – Вып. 1 - Ростов-на-Дону, 1994.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археология - Вып. 1 - 2007.
- Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования

- Том XVIII - Симферополь-Керчь, 2007.

Шелов Д. Б. О времени основания Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья – Ленинград, 1968.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. – Москва, 1970.

Шелов Д. Б. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса // Вестник Танаиса – Вып. 1 - Ростов-на-Дону, 1994.

Drougou S. Hellenistic pottery from Macedonia - Thessaloniki: Aristotelian University, 1991.

Друγου Σ.; Τουρατσόγλου Γ. Πρώιμη ελληνιστική κεραμική από τη Μακεδονία Ο πηλός το μέταλλο // ΔεϋΕπιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική - Αθήνα, 1997.

Λιλιμπάκη-Ακαμάτη Μ., Ακαμάτης Ι.Μ. Πελλά. Ο αρχαιολογικός χώρος και το μουσείο - Αθήνα, 2015

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora - Vol. XXIX - Princeton; New Jersey: The American school of classical studies at Athens, 1997.

Rotroff S.I. Attic West Slope Vase Painting // Hesperia -Vol. 60, No. 1.- 1991.

Sparkes B. Quintain and the Talcott class // Antike Kunst -20 - 1977.

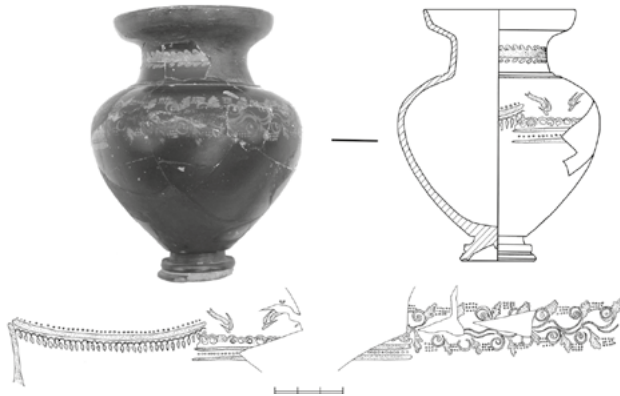

Рис. 1. Ойнохоя из подвала ИО. Танаис, 1989 г.

ЖУРАВЛЕВ Д.В.
(ГИМ, Москва)

КНИДСКИЙ ИМПОРТ РЕЛЬЕФНОЙ КЕРАМИКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Среди многочисленных групп столовой посуды первых веков н.э., представленной в Северном Причерноморье, книдская рельефная керамика занимает особое место. Красивые сосуды и даже их фрагменты выгодно отличаются от маловыразительных обломков гладкой краснолаковой керамики иных центров производства.

Первая специальная статья, посвященная книдской рельефной керамике в Северном Причерноморье, была написана М.П.Ваулиной. (Ваулина, 1959, 72-83). Эта публикация до сих пор не потеряла своего научного значения. В дальнейшем ряд книдских сосудов публиковался специально (Анохин, 1959; Treister, 1994; Гущина, Сорокина, 1995, 372; *ср.:* Сорокина, 1997, 53; Дьячков, Журавлев, 2001; Пуздровский, 2012), а ряд фрагментов был издан вместе с керамикой других производственных центров (Высотская, 1975, 61; АГСП, 1984, табл. CXLV, 2, 6–7; Дашевская, 1989, табл. 58, 17; 1991, табл. 33, 7–8; Кадеев, Сорочан, 1989, 40; Малюкевич, 1991, 77, рис. 5, 5; Буйских, 2006). Кратко рассмотрим основные группы книдской столовой посуды из различных центров.

Ойнофоры. Очевидно, самой популярной формой книдских сосудов в регионе были ойнофоры. Один из них, цилиндрической формы, был найден в Пантикапее. На лицевой стороне этого сосуда представлено изображение эротической сцены на ложе в окружении виноградных лоз (АГСП, 1984, табл. CXLV, 2; Дьячков, Журавлев 2001, 112, рис. 3, 1). Фрагмент еще одного подобного сосуда (горло с одной из ручек) был обнаружен при раскопках акрополя Пантикапея (Zhuravlev,

2002, fig. 9, 2). Другие ойнофоры имели тулово овальной формы. Среди них широко известен ойнофор из Неаполя Скифского (Шульц, 1949, 63, рис. 27; Ваулина, 1959, рис. 1; и др.) (рис. 1, 2). Ойнофор с изображением Асклепия и Гигии происходит из некрополя Совхоз № 10 (Анохин, 1959; Высотская, Жесткова, 1999, рис. 2; Zhuravlev, 2002, fig. 7, 1) (рис. 1, 1). Из Херсонеса происходят два фрагмента одного сосуда, с изображением дионисийской сцены (Дьячков, Журавлев, 2001) (рис. 1, 3). Близкий фрагмент был найден и на городище Алма-Кермен (Дашевская, 1991, табл. 33, 7). Похожая сцена известна и на одноручном сосуде из Tulcea в Румынии (Mandel, 1988, Taf. 25, K6).

Кувшины и ойнохи – еще одна группа кидской фигурной посуды, широко представленная, например, на Боспоре (Ваулина, 1959, рис. 5-6). Наиболее интересный фигурный экземпляр происходит из Усть-Альминского некрополя (рис. 2, 2). Он выполнен в виде головы Силена и увенчан горлом в форме головы Деметры или Кору (Персефоны) (Пуздровский, 2012, 201-206, рис. 2-3). На дне сосуда – рельефная надпись, которую А.Е.Пуздровский читал как OQNU/L, и связывал, в том числе, с именем раба или вольноотпущенника, этот сосуд изготовившего. Комплекс этого захоронения относится ко второй четверти II в. н.э. Ближайшая аналогия этому сосуду – фигурный сосуд в виде головы Силена, но без дополнительно декорированного горла, был опубликован У.Мандел (Mandel, 1988, Taf. 33, 4ab).

Лагиносы. Наиболее хорошо сохранился рельефный лагинос из могильника Бельбек IV (Журавлев, 2010, 33-35, с литературой) (рис. 2, 1). Наиболее близкая аналогия ему – лагинос из Утрехта (Salomonson, 1980, pl.1). Близкая по форме голова, представленная в виде «канфара», хранится в Карлсруе (Mandel, 1988, P187, Taf. 21). Напоминают ее также фигурные сосуды в виде головы из музеев Туниса, Кельна (La Baum, Salomonson, 1977; Salomonson, 1980, pl. 19; 20), а также целые и фрагментированные сосуды из музеев Лондона, Дрездена, Будапешта, Фессалоник, Принстона, Каира и Александрии (Salomonson, 1980, pl. 3,5,6; Mandel, 1988, K 198, Taf. 29; Eros Grec, 1989, S.129, № 60; Dierichs, 1997, Abb. 115; Gabler, Márton, 2008, Abb. 1, 4; и др.). Близкая

трактовка сюжета – эротические сцены с различными аксессуарами (канделябр со светильником, шишка пинии) – присутствует на фрагменте аналогичного сосуда из Никония (Малюкевич, 1991, 77, рис. 5, 5). Идентичная бельбекской эротическая сцена присутствует и на недавно опубликованном иерусалимском фрагменте (Tchekhanovets, 2013). В 2004 г. мне довелось осмотреть очень близкий лагинос в частной коллекции в Нью Йорке, не опубликованный до сих пор. Эротические сцены на ложе, которое по облику напоминает наше, известны на фрагментах лагиносов и ойнофоров из ряда собраний (Mandel, 1988, Taf. 2628, 29; K9, K13, K26, K28, K198; 2000, Abb. 21). Близкий по форме канделябр, увенчанный светильником, изображен также на кувшине из Лукрино (Treister, 1994, pl. 6, 3; Mandel, 2000, Abb. 16a). Аналогии известны и для канфара, стоящего между двумя ложами (Mandel, 2000, Abb. 21b).

В публикациях И.И.Гущиной и Н.П.Сорокиной этот сосуд был датирован первой половиной I в. н.э. (Гущина, Сорокина, 1995, 372; *ср.*: Сорокина, 1997, 53), М.Ю.Трейстер относит его ко второй половине этого столетия (Treister, 1994, 39). При датировке бельбекского лагиноса важна датировка всего комплекса погребения – последняя четверть II – начало III вв. н.э. (Гущина, Журавлев, 2016, 172). Рельефный сосуд был помещен в могилу вскоре после его изготовления – на поддоне нет ни заметных следов использования, ни сильных потертостей. Таким образом, дата изготовления этого сосуда – середина/ вторая половина II в. н.э.

Сосуды в виде фигуры барана. Широкое распространение в Северном Причерноморье получили фигурные сосуды в виде изображения барана (рис. 3)². Сводки этих сосудов публиковались Н.П.Сорокиной (Сорокина, 1997, 28-39, рис. 19), А.В.Симоненко (Симоненко, 1998) и А.Попа (Ропа, 2010; 2013). Известны такие сосуды и в Средиземноморье (см. например: Kenrick, 1985, B495; Mandel, 1988, Taf. 33, 2). Вопрос о типологии и хронологии сосудов в виде барана уже не раз поднимался в литературе (Мелюкова, 1962; Прохорова, Гугуев, 1992; Сорокина, 1997, 28-39; Симоненко, 1998; Ропа, 2010; 2013). В литературе традиционно считается, что значительная часть подобных сосудов была изготовлена в малоазийских мастерских (Кропоткин, 1970, 19; Гущина, Засецкая,

1994, 28). Представляется, что значительная часть фигурных сосудов в виде барана из Северного Причерноморья была произведена на Книде. Правда, Д.Бейли предполагал, что сосуды из Ольвии, опубликованные в каталоге Фогеля и сосуд из кургана у с.Олонешты относятся к «Южнорусскому» производству (см. Bailey, 1973, 14). Часть подобных сосудов могла производиться и в Паннонии, учитывая находку формы для изготовления такого сосуда на гончарном поселении Бригечио-Куруцдом (Bónis, 1977, 122, 124, Abb.11, 1a-b; Иштванович, 1997, 116; Симоненко, 1998, 73). Фигурные сосуды из Паннонии собраны в работе Е.Мароти (Maróti, 1996). Упомяну фигурные лепные сосуды в виде фигурок барана, возможно имитирующие импортные краснолаковые сосуды (Храпунов, 2007).

Патеры с ручками в виде головок барана также известны в памятниках Северного Причерноморья, хотя их опубликовано не так много (см. например: Высотская, Жесткова, 1999, с. 36, рис. 5; Zhuravlev, 2002, fig. 29) (рис. 1, 4-5). Они явно имитировали металлические прототипы (Mandel, 2000, Abb. 8ab). Единственный известный мне целый экземпляр происходит из некрополя Совхоз № 10 (Высотская, Жесткова, 1999, 36, рис. 5) и датируется II в.н.э. (рис. 1, 4). Кстати, в Пантикапее встречены и ручки подобных патер явно не квидского производства – вероятно, имитации популярной формы.

Очевидно, что наибольший пик импорта квидской рельефной керамики приходится на II в. н.э., хотя ряд экземпляров, возможно, относится и к более позднему времени. Разумеется, набор квидских сосудов в Северном Причерноморье был значительно шире представленного в докладе. Так, например, фигурный сосуд из некрополя Битак (Пуздровский, 2007, рис. 41, 2) мог иметь как квидское, так и пергамское происхождение (Zhuravlev, 2002, 278-279, fig. 26; с литературой). Целый ряд фигурных сосудов при дальнейшем изучении может оказаться квидскими (см. например: Сорокина, 1997, 74, кат. 7). В Херсонесе (Кадеев, 1969, 159) и на Боспоре известна целая серия квидских светильников римского времени, относящихся к типу Loeschke VIII. Но это тема отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- АГСП1984. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.
- Анохин В.А. 1959. Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиен // КСИА АН УССР. Вып. 8. 166–168.
- Буйских С.Б. 2006. Фигурные сосуды дионисийского круга из Золотого Мыса // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П.Сорокиной. Тр.ГИМ. М. Вып. 159. 206–230.
- Ваулина М.П. 1959. К истории торговых отношений Северного Причерноморья с Книдом // СА. 1. 72–83.
- Высотская Т.Н. 1975. Скифские городища. Симферополь.
- Высотская Т.Н., Жесткова Г.И. 1999. Рельефная краснолаковая керамика из могильника “Совхоз 10” // Херсонесский сборник. Х. Севастополь. 31-38.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М. Труды ГИМ. Вып. 205.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Гущина И.И., Сорокина Н.П. 1995. Фигурный кувшин–лягинос из могильника Бельбек IV в Крыму // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр.ГИМ. М. Вып. 87. 370–373.
- Дашевская О.Д. 1989. Поздние скифы (III в до н.э. – III в.н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо–сарматское время. Археология СССР. М. 125–145.
- Дашевская О.Д. 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. М. Вып. Д1–7.
- Дьячков С.В., Журавлев Д.В. 2001. Книдский ойнофор из Херсонеса // РА. № 1. 110–114.
- Журавлев Д.В. 2000. Еще раз о фигурных сосудах в виде барана из сарматских погребений // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 16. Азов. 380-385.

- Журавлев Д.В.* 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). МАИЭТ. Supplementum 9. Симферополь.
- Иштванович Э.* 1997. Данные по религиозным представлениям сарматов Карпатского бассейна // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. Вып. 5. Азов.
- Кадеев В.И.* 1969. Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. 3. 159–170.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков.
- Кропоткин В.В.* 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в.до н.э. -V в.н.э.) // САИ, вып. Д1-27. М.
- Малюкевич А.Е.* 1991. О торговых контактах поселений Нижнего Поднестровья в первые века н.э. // Северо–Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев. 71–82.
- Мелюкова А.И.* 1962. Сарматское погребение из кургана у с.Олонешты (Молдавская ССР) // СА. 1. 195-208.
- Прохорова Т.А., Гузеев В.К.* 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1. 142-161.
- Пуздровский А.Е.* 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.
- Пуздровский А.Е.* 2002. Грунтовый склеп рубежа н.э. из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов. К 70-летию С.Д.Крыжицкого. Киев. 162-172.
- Пуздровский А. Е.* 2012. Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Тр.

ГИМ. Вып. 191. М. 201-207.

- Симоненко А.В.* 1998. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6-го археологического семинара. Краснодар. 68-78.
- Сорокина Н.П.* 1997. Религия и коропластика в античности (Фигурные сосуды из собрания ГИМ). Тр.ГИМ. Вып. 91. М.
- Храпунов И.Н.* 2007. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 1. 167-175.
- Шульц П.Н.* 1949. Тавро-Скифская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVII. 56-66.
- Bailey D.M.* 1973. Cnidian relief ware vases and fragments in the British Museum. Part 1. Lagynoi and head-cups. // RCRF Acta. XIV–XV. 11 – 25.
- Bailey D.M.* 1979. Cnidian relief vases and fragments in the British Museum. Part 2. Oinophoroi and jugs. // RCRF Acta. XIX/XX. 257 – 272.
- Bónis É.B.* 1977. Das Töpferviertel am Kurucdomb von Brigetio // Folia Archaeologica. Budapest. 28. 105-142.
- Dierichs A.* Erotik in der Römischen Kunst. – Mainz. – 1997.
- Eros Grec* 1989. Eros Grec. Amour des Dieux et des Hommes. Galeries Nationales du Grand Palais. 6 novembre 1989 – 5 février 1990. Athènes, 5 mars-5 mai 1990. Athènes.
- Gabler D., Márton A.* 2008. Römische Kopfgefäße und eine Wienkanne mit Kopfmündung im Museum der Bildenden Künste von Budapest // RCRF Acta. Bonn. 40. 163–172.
- Kenrick P.M.* 1985. The Fine Pottery, Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli. Vol. III. Part 1.
- La Baum P., Salomonson J. W.* 1977. Römische Kleinkunst. Sammlung Karl Löffler. Wissenschaftliche Kataloge des Römisch Germanischen Museums Köln. Köln. Band III.
- Mandel U.* 1988. Kleinasiatische reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit die «oinophorengruppe» und verwandtes // PF. Berlin, New York. Bd. 5.

- Mandel U. 2000.* Die frühe Produktion der sog. Oinophorenware–Werkstätten von Knidos // RCRF Acta. Abingdon. 36. 57–68.
- Popa A. 2010.* Einige Bemerkungen zu den provinzial-römischen Gefäßen aus dem keiserzeitlichen Grabkomplex von Olănești in der Republik Moldau // Arheologia între știință, politică și economia de piață. Chișinău. 58-84.
- Popa A. 2013.* Widderförmiges Kännchen aus Olbia im Akademischen Kunstmuseum Bonn und seine Entsprechungen: neue Untersuchungen über eine altbekannte Gefäßgruppe // The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millenium BC – 5th Century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities. Istanbul, 14th – 18th September 2009. BAR International Series. 2517. Oxford. 219-229.
- Salomonson J.W. 1980.* Der Trunkenbolb und die Trunkene Alte: Untersuchungen zur Herkunft, Bedeutung und Wanderung einigen plastischer Gefasstypen der romischen Kaiserzeit // BABesch. 55 (1). 65–135.
- Tchekhanovets Y. 2013.* A Roman Vessel Fragment with a Figurative Scene // Jerusalem: Excavations in the Tyropoeon Valley (Givati Parking Lot), Vol. I. IAA Reports 52. Jerusalem. 345-346.
- Treister M. Yu. 1994.* New Finds of a Relief Lagynos from Asia Minor in South–West Crimia // Colloquenda Pontica. 1. 32–35.
- Zhuravlev D. 2002.* Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey) // ACSS. Vol. 8, No 3–4. 237–309.
- Zhuravlev D. 2005.* Sarmatian motifs in red slip ware // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2–15.2. 2003. Rahden/Westf. 145–151.

Рис. 1. Книдские сосуды. 1, 4 – некрополь Совхоз № 10; 2 – Неаполь Скифский; 3 – Херсонес; 5 - Пантикапей.

Рис. 2. Книдские фигурные сосуды. 1 – некрополь Бельбек IV; 2 – Усть-Альминский некрополь.

Рис. 3, Книдский фигурный сосуд в виде барана. Ст. Тифлисская, курган 9.

ЗАВАДСКАЯ И.А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь)

О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН С ХЕРСОНОМ¹

Город на плато Эски-Кермен, выросший из ранневизантийской крепости, был тесно связан с Херсоном – главным политическим, экономическим и религиозным центром Юго-Западного Крыма. Как показывают материалы раскопок позднесредневековых слоев этого города, именно Херсон являлся его основным торговым партнером и поставщиком как продукции местного, херсонского производства, так и византийского импорта, происходящего из разных регионов Империи [Айбабин, 2014, с. 244-249]. В ассортимент товаров, привозимых из Херсона, помимо амфор, поливной посуды, возможно, орудий труда и разного рода предметов обихода и церковной утвари [Айбабин, Хайрединова, 2015], входила, скорее всего, и черепица. Впервые предположение о том, что черепицу из Херсона могли поставлять на Эски-Кермен, высказал А.Л. Якобсон, основываясь на совпадении некоторых рельефных меток на черепицах из раскопок обоих городов [Якобсон, 1950, с. 153]. Однако позже он пришел к выводу, что «черепицы Эски-Кермена изготавливались преимущественно на месте», и что, «привоз их из Херсона если и был, то незначительным» [Якобсон, 1979, с. 99].

Прояснить ситуацию с поставками черепицы на плато Эски-Кермен позволяют материалы современных раскопок, проводимых на городище под руководством А.И. Айбабина. В течение 9 полевых сезонов (2003-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

2008, 2013, 2015 и 2016 гг.) открыта большая часть жилого квартала 1, погибшего в пожаре в конце XIII в. [Айбабин, 2014; Айбабин, Хайрединова, 2016]. Крыши помещений нескольких усадеб, расположенных в квартале, были покрыты черепицей. По качеству и составу черепка выделены четыре основные группы (I, II, III, IV) по эски-керменской классификации, 1-я группа по херсонесской классификации, а также небольшой процент других черепиц [описание классификации черепицы из раскопок Эски-Кермена см.: Завадская, 2008; 2010; о херсонесской классификации черепицы см.: Симонова, 1980, с. 107-108; Романчук, 2004, с. 42-44]. Такое разнообразие строительной керамики свидетельствует о разных технологических традициях и, следовательно, о разных керамических мастерских или центрах, в которых она изготовлялась, и, вероятно, для отдельных групп о разных временных периодах [Завадская, 2015, с. 44-46]. В настоящее время достоверно известен центр производства самой массовой на Эски-Кермене черепицы Ia группы по эски-керменской классификации, который открыт в округе Мангупе (Илька-2) [Науменко, Моисеев, Смекалова, Чудин, 2012, с. 52-54; Моисеев, 2012, с. 46-48]. Точное место производства черепицы 1-й группы по херсонесской классификации пока не найдено. Однако исследователи отмечают сходство состава глиняного теста данной черепицы и глины некоторых типов амфор и столовой посуды, которые считаются продукцией местных мастерских [Антонова и др., 1971, с. 95, кл. XXV; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 82-84, кл. 51, 52]. Черепица данной группы имеет наибольшее распространение именно в позднесредневековых слоях Херсона, что является весомым аргументом в пользу вывода о ее местном производстве. Ее находят и на других памятниках Горного и Южного Крыма, но, как правило, в сравнительно небольшом количестве [Паршина, 1974, с. 81; Лысенко, Тесленко, Мусин, 2017, с. 295, 298].

В раскапываемом жилом квартале на Эски-Кермене по результатам раскопок 2003-2008, 2013, 2015 и 2016 гг. керамида 1-й херсонесской группы составляют 10,9 % от общей массы керамид всех групп (почти 100 тыс. фрагментов). Распределение черепицы этой группы в слоях разрушения открытых помещений и усадеб крайне неравномерно

[деление помещений по усадьбам см.: Айбабин, 2014, с. 260, рис. 6]. Незначительное их количество (36 небольших оббитых фрагментов) в засыпи шести помещений усадьбы I свидетельствует о том, что на крышах данной усадьбы «херсонесская» черепица отсутствовала. В слоях разрушения помещений усадеб II и III черепица этой группы составила от 20 до 39,3 % от общего объема керамид. Так, в помещении 1 усадьбы III из 4731 фрагмента 1857 принадлежали «херсонесской» черепице. В трех открытых помещениях усадьбы IV обломки этой черепицы составили всего лишь от 2,5 до 3,5 %.

Всего за указанный период раскопок квартала 1 зафиксировано 10862 обломка «херсонесских» черепиц, собрано 11 археологически целых керамид, 7 частей с сохранением полной длины и 5 частей с сохранением полной ширины. Учитывая углы и относительно целые формы, можно предположить, что имеющиеся фрагменты принадлежали целым керамидам в количестве от 320 до 1000 штук.

Черепицу на плато Эски-Кермен, также, как и другие товары, привозили, скорее всего, на запряженных лошадьми или ослиами повозках (телегах), колеи от которых остались на маршах дороги, ведущей в город [Репников, 1932, с. 123; Айбабин, 2014, с. 241, 244]. Маршруты, по которым осуществлялись торговые поставки пока досконально не прослежены. Однако можно предположить два возможных пути. Один – исключительно сухопутный: через Гераклеийский полуостров, по которому очевидно проходила дорога к Инкерманской долине [Кацур, 1963, с. 7]. Другой – смешанный морской и сухопутный маршрут: от Херсона по Севастопольской бухте к устью реки Черной, затем какое-то расстояние вверх по реке, возможно, до Загайтанской скалы и высоты Сахарная головка, и далее сухопутной дорогой на восток (северо-восток) по Инкерманской и Кара-Кобинской долинам. Расстояние от Херсона до Эски-Кермена по прямой – около 20 км. Учитывая сложность рельефа, этот путь был конечно же длиннее. Тем не менее можно предположить, что он реально мог быть преодолен в течение одного светового дня.

Поиск торговых путей между Херсоном и населенными пунктами Юго-Западного Крыма до сих пор практически не предпринимался

исследователями, хотя и имеет немаловажное значение для реконструкции повседневной жизни средневековых обитателей Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XIX. – С. 240-277.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Металлические изделия из слоя пожара второй половины XIII в. на городище Эски-Кермен // Археологический альманах. № 32. Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной / ред.-сост. И.Б. Тесленко. Киев, 2015. С. 393-415.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Предварительные итоги археологических исследований городища Эски-Кермен в 2016 г. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна (г. Бахчисарай, 8-9 сентября 2016 г.). Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2016. С. 4-5.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. № 7.
- Завадская И.А.* Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
- Завадская И.А.* Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 г. СПб., 2010.
- Завадская И.А.* «Херсонесская» черепица на Эски-Кермене // Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы». Тезисы

- докладов и сообщений. – Севастополь, 2012.
- Завадская И.А.* О поставках кровельного материала в средневековый город на плато Эски-Кермен // VII Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Севастополь, 1-5 июня 2015 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015. С. 44-46.
- Кацур Н.П.* Археологічна карта Інкermanської долини // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б., Мусин А.Е.* Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб., 2017. С. 291-310.
- Моисеев Д.А.* Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Ильяка): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012.
- Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В.* Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»: Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 52-54.
- Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикив. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.
- Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-29 гг. // ИГАИМК. Готский сборник. 1932. Т. XII.
- Романчук А.И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов

византийского Херсона // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург, 1995.

Симонова Т.И. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 104-120.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 364 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград: Наука, 1979. 164 с.

ЗАВОЙКИН А.А.
(ИА РАН, Москва)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ В АМФОРНОЙ ТАРЕ

Невозможно представить изучение торговых связей между центрами Средиземноморья и Причерноморья (а также их связей с хинтерландом) без привлечения к этой работе амфорного материала. Не только и даже не столько потому, что он составляет главенствующую в количественном отношении часть находок на памятниках, сколько потому, что в последние полвека археология значительно продвинулась и в определении центров производства сосудов, служивших для транспортировки (главным образом морской) разного рода продуктов, и в исследовании хронологии амфор.

В определенном отношении значимость этого материала для Северного Причерноморья особенно велика, поскольку длительное время в этом регионе отсутствовало собственное производство вина¹, а выращивание здесь оливы и производство оливкового масла не было возможно вовсе. Эти продукты прочно входили в число абсолютно незаменимых в пищевом рационе греков на протяжении всей античной эпохи (да и позднее), и именно они составляли господствующую долю в обороте товаров, транспортировавшихся в амфорах². Данное обстоятельство было, пожалуй, определяющим специфику регионального рынка, на котором спрос на эти виды продукции был величиной

¹ Актуальность ввоза высококачественного вина из Средиземноморья не была утрачена и тогда, когда во всех основных центрах местное винопроизводство приобрело значительный размах.

² Первым, кажется, И. Гарлан, опираясь на свои наблюдения над клеймами, отметил особенное богатство в Северном Причерноморье фасосского импорта, превышающее своими объемами аналогичный показатель, например, в Афинах.

если и не постоянной, то всегда значительной³. Другая особенность северопричерноморского рынка определялась составом продуктов, которые могли быть реализованы на рынках средиземноморских. Здесь традиционно на первое место ставят зерно (хотя объемы экспорта хлеба, насколько можно судить, существенно колебались), далее – это некоторые сорта рыбы, определенные виды сырья (кожи, лес, соль, и др.), рабы⁴ и пр. Очевидно, что продукты местного ремесленного производства, в целом уступавшего уровню производства наиболее развитых центров Средиземноморья, в этом отношении не имели какой-либо перспективы.

Богатство и разнообразие амфорных коллекций, полученных в результате раскопок наших памятников, позволяет составить общее представление о том, когда и в каких объемах сельскохозяйственная продукция каких именно центров поступала в тот или иной полис (а оттуда – и на поселения его сельской округи). Однако остается немало вопросов, ответы на которые неочевидны и более сложны для понимания, чем нередко представляется.

В первую очередь встает, конечно, вопрос, позволительно ли вообще говорить о прямых торговых отношениях между центром-потребителем продукции, перевезенной в амфорах, и центром-производителем? Данные, содержащиеся в речи Демосфена «Против Лакрита», ок. 351 г. до н.э. (Dem. XXV: 10–13, 35), дают представление о механизме организации морской торговли, когда эмпор, взяв кредит (обычно под залог судна или товара), отправляется с афинским товаром из Пирея в Менду или Скиону, где закупает вино, а затем следует на Боспор, чтобы продать товар и на вырученные деньги приобрести там зерно, которое должен был доставить в Афины⁵. В таком, или подобном,

³ Исследователи отмечают, что в стоимостном отношении другие товары, например, расписная керамика, не шли ни в какое сравнение с импортом вина и оливкового масла (см. Кошеленко, Малышев, Улитин, 2010, с. 259).

⁴ См. Avram, 2007, p. 239–251.

⁵ Наглядное представление о морской торговле, которая велась через афинский порт (преимущественно гражданами Афин или метеками, но также и гражданами других городов) дает содержательная статья Л.П. Маринович, основанная на «фронтальном» анализе корпуса Демосфеновых речей (см. Маринович, 1998). Об организации морской торговли с Причерноморьем с учетом сезонных и климатических условий см. также интересную статью: Гарбузов, 2016.

случае амфоры, найденные на Боспоре говорят о его торговых связях с Мендой (Пепаретом, Фасосом, Косом...), или же все-таки с Афинами, которые половину своих потребностей в хлебе, согласно Демосфену (XX. 31), удовлетворяли за счет импорта с Боспора?⁶

Допустимо предположить, что логистические схемы могли быть еще более сложными и запутанными, в результате чего взаимосвязи между пунктами конечного потребления и пунктами производства товаров, перевозимых в амфорах, становятся неочевидными. Разумеется, нет оснований отрицать вероятность того, что и прямые торговые контакты между центрами Северного Причерноморья и центрами, в которых производились товары, транспортируемые в амфорах, тоже имели место и то, что их объем мог быть весьма существенным. В результате, рассматривая состав амфорной тары, найденной в городах и поселениях Северного Понта, мы имеем возможность характеризовать, вероятно, не столько структуру непосредственных торговых связей, сколько состав центров-производителей амфор и, соответственно, вина или оливкового масла⁷, которые доставлялись в них в регион, испытывавший значительную потребность в этих продуктах. Помимо этого, имеем возможность наблюдать изменения (качественные и количественные⁸) этого состава на протяжении длительных периодов и пытаться понять, чем могли быть обусловлены эти изменения⁹.

Так или иначе, в результате усилий многих исследователей мы получили вполне определенное представление о составе центров-экспортеров вина и оливкового масла, которые в основном покрывали потребности Северного Причерноморья в этих продуктах. Уже неоднократно отмечалось, что этот состав для всех центров Северного Причерноморья был достаточно однородным на протяжении веков¹⁰.

⁶ Наивно было бы думать, что посредническая торговля расцвела только с IV в. до н.э., хотя можно предположить, что в предшествующие два века ее роль в морской торговле была все-таки ниже.

⁷ О взаимосвязи амфорного производства и виноделия на примере Фасоса см. Garlan, 1986.

⁸ См. Абрамов, 2009; Ломтадзе, 2005; Кузнецова, 2013.

⁹ Например, см. попытку такой интерпретации: Завойкин, 1992а.

¹⁰ Разумеется, с учетом хронологии самих анализируемых памятников.

Иначе говоря, выявить локальную специфику импорта в этом регионе пока никому не удалось. В то же время не припомню, чтобы кто-либо пытался сопоставить состав амфорной тары северопричерноморских центров с составом поселенческих амфорных комплексов¹¹ восточного средиземноморья, хотя подобного рода работа была бы весьма продуктивна¹². Бросается в глаза отличие тех и других в сравнении с амфорными комплексами центров Средиземноморья Западного. Здесь можно, например, говорить и о разном количественном соотношении коринфских амфор, которых мало на востоке (за пределами самого Коринфа, конечно) и севере, но довольно много на западе, и о почти полном отсутствии некоторых групп тарных сосудов, характерных для запада, в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, например, «пунических» амфор (опять же исключая Коринф¹³). М. Лаваль отметил, что для периода с 525 до 400 гг. до н.э. транспортные амфоры из Западного Средиземноморья, включая фрагменты как пунических, так итальянских типов¹⁴, встречаются в Афинах весьма редко.

В целом эта ситуация понятна. Хотя Афины (по крайней мере в IV в. до н.э.) были связаны торговыми отношениями с Сицилией и Южной

¹¹ Очевидно, что погребальные памятники обладают ярко выраженной спецификой и не очень подходят для подобного рода сравнений.

¹² Интересный материал для подобных сопоставлений приводит А. Насо (Naso) в предварительном сообщении об амфорах архаического времени из раскопок в Милета на Калабактепе в 1985–1993 гг. (Насо, 2010, с. 9–12, рис. 1). Примечательно, что по подсчету автора статьи фрагменты импортных амфор составляют здесь всего около 10%. Из этого делается оправданный вывод: «Кажется, это подводит к идее, что потребность города удовлетворялась главным образом местными продуктами и только в небольшом размере импортными товарами». Для нас важно упоминание в этой статье находки из контекста первой половины V в. до н.э. этрусской торговой амфоры типа Py 4a [Py, 1985] (вероятно, производившегося в Цере). А. Насо отмечает: «Это первая этруская торговая амфора, найденная в Восточном Средиземноморье: согласно любезно предоставленной информации Ф. Д'Андриа, вторая была найдена в Фоке»...».

¹³ В комплексе «Дом пунических амфор» (середина – третья четверть V в. до н.э.) найдены тарные сосуды с соленой рыбой (Williams, 1978; 1979; Lawall, 2006, p. 267, note 11 – Maña A4).

¹⁴ Lawall, 2006, p. 267 and notes 8–10, fig. 1a–c: “The earliest I have encountered so far is the rim of an Etruscan Py [Py, 1985] type 4 or 5 amphora of the late 6th or early 5th century BC. Persian destruction debris includes one fragment of the top section of a Moroccan-Punic amphora (Maña A4) and southern Italian “Ionian” amphoras. Deposits continuing through the 5th century include further Punic fragments and occasional examples of the bulging neck Vandermersch [Vandermersch, 1994] type MGS II».

Италией, откуда регулярно поставлялся хлеб, сколько-нибудь значимых потребностей в товарах, транспортируемых в амфорах, из Западного Средиземноморья на аттическом рынке быть не могло¹⁵.

Едва ли эти тривиальные рассуждения имели бы смысл, если бы не нашлось подходящего повода.

В 1973 г. в Фанагории на «Центральном раскопе» (шифр: пл. IX–XVIII–XI, яма, оп. 69) была найдена верхняя часть горла амфоры. Весьма примечателен крупный, массивный «подпрямоугольный» в разрезе венец¹⁶, который образован краем горловины, загнутым наружу таким образом, что внутри его образовалась характерная пустота. Чуть ниже венца на горле имеется неглубокий желобок (рис. 1). Глина амфоры плотная, красно-коричневая.

Специфичная форма венца необычна для керамической тары, характерной для памятников Серверного Причерноморья. Неизвестна она мне была и в составе находок из центров Восточного Средиземноморья, но эта форма, как кажется, находит хорошие аналогии в амфорном материале Средиземноморья Западного. В частности, амфоры такого рода, называемые «ионийско-массалийскими», обнаружены при раскопах Грависки, в Мегаре Гиблее, Массалии и др. памятников¹⁷.

Если наша идентификация верна¹⁸, то этот единственный в своем роде черепок из Фанагории представляет собой новое свидетельство о связях (хотя бы и не прямых и эпизодических) городов Северного

¹⁵ Представление о распространении в архаическое – раннеклассическое время в Западном Средиземноморье товаров, перевозимых в амфорах, из центров Восточного Средиземноморья дают карты, составленные Ю. Бирзеску (Bîrzescu, 2012, Abb. 67–98).

¹⁶ Диаметр горла по венцу – ок. 13,2 см; сечение венчика – 2,8×2,2 см.

¹⁷ Ср.: Slaska, 1978, p. 225–227, pl. XCVI, fig. 11, 13, 14, 16, 17: на прорисовках фрагментов показаны «пустоты» внутри венчиков, отражающие прием его формовки, диаметры венцов – ок. 12,0–13,0 см. М. Сласка называет эту группу амфор «с отогнутым венцом, выделенным одним уступом». Так же см. Cavalier, 1985, p. 85, fig. 5a-e, 6a-c, 7a-e.

¹⁸ Ср. Насо, 2010, прим. 19: «Ионийско-массалийские амфоры достаточно сложно отличить от коринфских типа В, особенно если вы имеете дело только с фрагментом: Gassner V. Zur Entstehung des Typus der ionisch-massaliotischen Amphoren // *Fremde Zeiten. Festschrift für Jurgen Borchardt zum sechzigsten Geburtstag*. Wien, 1996. Т. II. S. 165».

Причерноморья с Западным Средиземноморьем во второй половине VI – начале V вв. до н.э. Определить, какими путями эта амфора могла попасть на северную окраину ойкумены, возможности нет, также как нельзя ничего сказать о том, каким образом в Пантикапей в третьей четверти VI в. до н.э. попала из Этрурии такая редчайшая за пределами Италии вещь, как бронзовый *infundibulum* с посвятителной надписью Артемиде Эфесской¹⁹.

Этот единичный пример призван был убедить читателя в том, что за пределами наших знаний, охватывающих состав основных центров-производителей продукции, транспортировавшейся в амфорах, остается некоторое количество производителей-экспортеров, надежно локализовать которые мы пока не имеем возможности. Именно здесь, однако, мы сталкиваемся с проблемой, на которую стоит обратить особое внимание. По причинам объективным и субъективным в процессе первичной обработки массового материала (а иногда и на стадии более углубленного его изучения) нередко верх берет стремление дать ему определение путем «подведения под известную категорию». В тех даже случаях, когда это невозможно. В результате вместо того, чтобы акцентировать внимание на неизвестных (или малоизвестных) амфорах, мы утрачиваем к ним интерес. Чтобы пояснить свою мысль, приведу лишь несколько примеров (число которых можно было бы существенно увеличить).

«Амфоры Эгины». В свое время И.Б. Брашинский отождествил обломки амфор, найденных в Ольвии, с продукцией этого центра, опираясь на сопоставление редкого анэпиграфного клейма с изображением морской черепахи на ручке одного из них с типом аверса монет Эгины,

¹⁹ Трейстер, 1990, 37 сл., рис. 2. Более поздние (с 480–470 гг. до н.э.) этрусские импорты в Северном Причерноморье упоминаются автором на стр. 40. Автор исследования предполагает, что бронзовое ситечко этрусского производства попало в Пантикапей не в результате торговли, а как личная вещь вместе с одним из колонистов, переселенцев из Малой Азии (из Эфеса?), опираясь в своем суждении на распространение этрусской керамики (буккеро) на востоке (но также в Истрии) и др.

чеканевшихся вплоть до 456 г.²⁰ Публикуя фрагменты аналогичных амфор, найденных в Фанагории, я писал: «Если такое сопоставление особых сомнений не вызывает (ввиду характерности ручек рассматриваемых амфор), то локализация, несмотря на бесспорность аналогии клейму в монетных типах Эгины, не может считаться бесспорной, поскольку такое клеймо по сей день остается уникальным. Это обстоятельство тем более значительно, поскольку, если рассматривать данную эмблему на ручке амфоры в качестве “говорящей эмблемы”, то это не вполне согласуется с “государственным” характером клеймения, что не отрицает само по себе (ср. спорадичность клеймения амфор Хиоса) гипотезы И.Б. Брашинского, но снижает ее доказательность»²¹. Спустя год увидела свет заметка И. Гарлана с красноречивым названием «Не все черепахи эгинские». В ней справедливо ставится под сомнение аргументация Брашинского и предпринята попытка склонить читателя к мысли, что овальные клейма, несущие на себе изображения водяной черепахи, относятся к продукции Фасоса, возможно, первой половины V в. до н.э.²² Разделяя критический настрой французского исследователя, не могу с таким же энтузиазмом оценить его усилия по отнесению всех амфор с анэпиграфными клеймами к производству Фасоса. Перефразируя заголовок работы И. Гарлана, можно сказать, что не все амфоры, сделанные из глины, содержащей слюду и имеющие подтреугольный (трапецевидный) в разрезе венец – фасосские. С уверенностью могу сказать, что морфология амфор из Фанагории, которые я сопоставлял с горлом из Ольвии, опубликованным И.Б. Брашинским, не дает никаких оснований для того, чтобы связывать их с Фасосом (см. рис. 2. 1). По всей видимости, это продукция какого-то отдельного центра. И даже если мы не можем определить конкретно

²⁰ Брашинский, 1963, с. 20–24; 1984, с. 41, 42, прим. 73, 75. Остается, конечно, вопрос, насколько достоверно соотношение клейменной ручки амфоры с горлом сосуда, найденного в яме в 1961 г. (ср. Брашинский, 1963, с. 22, рис. 7. 1 и 2). Здесь приходится лишь полагаться на большой практический опыт исследователя.

²¹ Завойкин, 1992б, с. 88, прим. 2.

²² Garlan, 1993a, p. 243–249. Также см. Garlan, 1999, p. 56–57, 102–103, cat. 43, 44.

этот средиземноморский центр, целесообразно его выделять, а не приписывать принудительно уже установленному центру производства.

«Амфоры Беотии». Ровно то же самое можно сказать и о группе амфор (как и предыдущие в основном известных по фрагментам²³), производство которых А.П. Абрамов по изображению клейма на ручке («кратер/амфора с волютообразным завершением ручек») не вполне убедительно, на мой взгляд, локализовал в Беотии, руководствуясь сходством изображения с типом аверса дидрахм, чеканенных в Фивах ок. 455 г. до н.э.²⁴ И. Гарлан же, основываясь на тех же принципах, что и в случае с «эгинскими», и эти клейма (соответственно, и амфоры, на которых клейма оттиснуты) отнес к ранней фассосской группе²⁵. К этому мнению в целом присоединился С.Ю. Монахов, с той, правда, существенной оговоркой, что в подписи под рисунком он именуется интересующие нас амфоры «кругом Фасоса»²⁶, что справедливо.

Наименование «Круг Фасоса» предпочтительнее уже в том отношении, что ни к чему не обязует. По крайней мере, никому в голову не придет строить общую типологию для этой обширной группы амфор, объединяющих в себе по формальным признакам продукцию неизвестно какого числа различных центров. Но все же так очень важно искать пути для выделения в этом единстве отдельных серий, за которыми могут скрываться самостоятельные центры производства. Не важно, какую долю они представляли в общем объеме торговли региона. В этом ракурсе попытки И.Б. Брашинского и А.П. Абрамова должны оцениваться позитивно. В то же время, явно не стоит трактовать понятие «круг

²³ Известна лишь одна амфора (без ножки) из патрейского комплекса второй четверти V в. до н.э.

²⁴ Абрамов, Саонов, 1991, с. 70–73, табл. II. 1–7.

²⁵ Garlan, 1993b, p. 155, fig. 8; idem, 1999, p. 103, cat. 54. Всего исследователю было известно 23 экз. таких клейм (на Фасосе – 8; по одному – в Афинах, Эретрии, Ольвии, Нимфее, Мирмекии, Фанагории и, Керчи; в Пантикапее – 6; в Патрее – 2). В своей диссертации А.П. Абрамов упоминает еще 8 таких клейм из Патрея, а также (со ссылкой на информацию А.Б. Колесникова) клеймо из Горгиппии. Там же он резонно возражает И. Гарлану: «Морфология, характер глины и ангоба, а также расположение клейм на амфорах Беотии отличает их от фассосских».

²⁶ Монахов, 1999а, с. 94, табл. 27. 1; с. 96–97.

Фасоса» слишком расширительно. По-моему, напрасно С.Ю. Монахов под это определение подводит хорошо выделяемые и оригинальные центры производства амфор «с раздутым горлом» (КТБ 27²⁷) и «Муригиоль» (КТБ 49б)²⁸. Более продуктивным было вычленение им амфор, некоторыми чертами морфологии напоминающих тару Фасоса, которым исследователь дал условные наименования типа «псевдо-Фасос-1, 2, ...6»²⁹.

«Амфоры Менды». Последний пример призван проиллюстрировать не вполне оправданное, на мой взгляд, объединение в единый производственный центр амфор, демонстрирующих при наличии ряда общих черт значительные различия в морфологии и глине.

С.Ю. Монахов выделяет три типа мендейских амфор (I – пифоидные; II – «на рюмкообразной ножке»; III – конические). Амфоры второго типа нас интересовать не будут, поскольку они в эволюционном ряду восходят к шаровидным амфорам типа I (варианта IB, который тоже исключается из дальнейшего рассмотрения), по клеймам на которых, собственно, и была «нумизматическим методом» точно локализована продукция этого прославленного винодельческого центра³⁰. Помимо сходства морфологических признаков и некоторых элементов декора все эти амфоры объединяет характеристика глиняного теста. При всей вариантности в цвете для него характерно довольно значительное количество песчаного отощителя, в котором встречаются сравнительно крупные частицы кварца. Вследствие этого поверхность черепка шероховатая³¹.

О варианте I-A («ворота Силена») пифоидных амфор С.Ю. Монахов пишет следующее: «Полной уверенности в том, что данные образцы тары являются мендейским импортом на Фасос, а не

²⁷ Ср. Bîrzescu, 2012, p. 172, Abb. 55: Северная Эгеида, тип 7.

²⁸ Монахов, 2003, 282–285, табл. 52–55. Аргументацию см. Монахов, 1999б, с. 129 сл., 145 сл.

²⁹ Монахов, 2003, 286–287, табл. 56, 57. 1, 2.

³⁰ Брашинский, 1976; см. Монахов, 2003, с. 88 сл., табл. 61–65.

³¹ Ср. Брашинский, 1976, с. 68: глина с мелкими кварцевыми частицами песка, обильно насыщенная слюдой, светло-коричневая.

продукцией местных фасосских мастерских, нет ни у И. Гранжана³², ни у меня. Не случайно И. Гранжан осторожно замечает, что вероятно как фасосское, так и мендейское происхождение сосудов. Решить вопрос можно только по результатам анализов глины, однако морфология сосудов, в частности форма венцов и присутствие полосы красной краски в нижней части тулова, склоняют меня к тому, чтобы считать эти амфоры мендейскими»³³. Тарные сосуды этого варианта исследователь разделяет на три серии, которые датирует последовательно: первой – началом второй четверти V в. до н.э. (эварницкая), 60–50-ми годами V в. до н.э. (знаменская)³⁴ и третьей четвертью V в. до н.э. (поздняя).

Таким образом, амфоры рассмотренного варианта в целом синхронны шаровидным мендейским амфорам варианта I-B³⁵. Амфоры типа III (коническое тулово, цилиндрическое горло, венец сходной с мендейскими формы с желобком под ним, часто горизонтальная полоска красной краски на нижней части тулова, невысокие «рюмкообразные» ножки) датируются от середины до конца V в. до н.э.³⁶ Иначе говоря, этот тип синхронен пифоидным амфорам I-A-2, 3, шаровидным I-B и «с рюмкообразной ножкой» II-A. Из этого следует, что типологической связи между этими «типами» нет и что в рамках одного центра производства они могли бы существовать либо как амфоры «стандартного» (т.е. полного) объема и их фракции, либо как параллельные «классы» амфор, предназначенных, например, для различного содержимого (вино или оливковое масло). Однако амфоры варианта I-A и типа III имеют, в основном, сопоставимые объемы: по С.Ю. Монахову, 5–4 и 5–3 хоя, т.е. от 16,4 до 13,13 л, в то время как объем амфор I-B колеблется в пределах 8–9 хоев, т.е. 29,55–26,26 л³⁷. В любом случае, только одна из

³² Grandjean, 1992, p. 562, fig. 10, 11. 69–71.

³³ Монахов, 2003, с. 89, прим. 5.

³⁴ Соответствует: Bîrzescu, 2012, 171–172, тип 5 амфор Северной Эгеиды (возможно, Менда).

³⁵ См. Завойкин, 2015, с. 110 сл.

³⁶ Монахов, 2003, с. 94–95. «Не исключено, что выпуск таких амфор продолжался и в начале IV века».

³⁷ Монахов, с. 95 (табл.). Одна амфора типа III имеет объем 9,85 л.

двух групп (I-A и III) могла бы претендовать на то, чтобы рассматриваться в качестве «полуамфор» при амфорах стандартного объема (I-B). Параллельное бытование амфор разных «классов», не связанных между собой типологически (хотя обнаруживающих близкое сходство профилированных деталей и идентичность глины), подтверждено, например, для Фасоса³⁸ второй половины V – IV вв. до н.э., т.е. в принципе вполне возможно. Однако какой-либо уверенности в том, что и в данном случае дело обстоит таким же образом, нет.

А.П. Абрамов отмечал, что «к производству г. Менды И.Б. Брашинский и В. Грейс относят, по всей видимости, две различные группы амфор»³⁹. В первую группу («группа Брашинского») включены следующие амфоры. Не иначе как по недоразумению⁴⁰, отнесена к наиболее раннему варианту (A-1A) мендейских амфора из афинского колодца Q 12:3 (конец 6 – начало 5 вв. до н.э.)⁴¹. Следующий выделяемый им вариант (A-1Б) привязан к афинскому же комплексу N 7:3 ок. 460/50–440 гг. до н.э.⁴², образец из которого соотносится с амфорами типа КТБ

³⁸ Lawall, 2011, P. 24: вино, мед, рыбные продукты (по данным папирусов Птолемеевского и Римского периодов).

³⁹ Абрамов, 1993, с. 33.

⁴⁰ Не исключено, что ввела в заблуждение отсылка в публикации (Roberts, 1986, p. 68) к работе В. Грейс (Grace, 1956, p. 103, 106–107, fig. 5. 161) относительно формы ножки с маленькой выемкой в подошве от амфоры, которую В. Грейс предположительно соотносила с продукцией Менды.

⁴¹ Roberts, 1986, fig. 43, no. 424 (глина красная, коричневая на поверхности, с небольшими блестящими включениями). Аналогичная амфора была найдена в затопленной части Патрея вне какого-либо контекста (Абрамов, 1993, с. 13, табл.24, тип IA).

⁴² Grace, 1953, p. 106, pl. 39, no. 158 (глина темно-желтая [buff] слюдянистая).

186⁴³. Далее, согласно классификации исследователя, идет вариант А-1В (соответствует варианту I-B С.Ю. Монахова). Амфоры второй группы («Менда по В. Грейс») «из красной мелкозернистой глины со слюдой и белыми включениями» соотнесены с уже упомянутым афинским комплексом N 7:3⁴⁴.

Я поддерживаю разделение амфор на две группы (центра, Менда (I) и «Менда» II). Эти амфоры середины – второй половины V в. до н.э. действительно демонстрируют сходство формы тулова (пифоидная/шаровидная), имеют желобок (желобки) на горле, в деталях повторяют характерный декор первой группы амфор (горизонтальный поясок красно-бурой краски на нижней части тулова и по основанию ножки, и даже иногда нарисованный такой же краской листик плюща на плече). Различие ярко проявляется в глине (во второй группе она красновато-розовая, светло-коричневая по поверхности) и в мелких отличиях деталей профилировки⁴⁵.

Кроме того, считаю необходимым выделять амфоры КТБ 186⁴⁶ («Менда» III), которые датируются второй четвертью – серединой V

⁴³ В том числе: из склада 1970 г. в Керах; из подводного комплекса № 5 Патрея (Абрамов, Сазонов, 1991, табл. I. 7, 8 – «глина этих амфор желтая, крупнозернистая, с золотистыми блестками слюды»); беспаспортный сосуд из Эрмитажа (Зеест, 1960, табл. VII. 186; Монахов, 2003, табл. 59. 2 – мендейская пифоидная I-A-1); амфора из Ольвии, яма 421/1979 г. (ср. Монахов, 2003, табл. 34. 2 – фасосская пифоидная I-A-1) (Абрамов, 1993, с. 34).

⁴⁴ Grace, 1953, p. 106–107, fig. 5, № 161, 162 – глина слюдянистая, светло-красная, красновато-желтая на поверхности. В. Грейс определила (со знаком вопроса) эти фрагменты как мендейские и соотносила с клеймами, несущими монетный тип. Ю. Бирзеску в 4-ом типе амфор из Северной Эгеиды V в. до н.э. объединяет амфоры из афинских комплексов N 7:3 и R 13:4, что является лишь данью историографической традиции. Тип 5 в классификации этого исследователя включает в себя мендейские амфоры III типа по Монахову, но также амфоры из Никония, которые С.Ю. Монаховым (2003, 268, табл. 38. 1, 2) определены была как фасосские пифоидные (см. Bîrzescu, 2012, P. 170–171).

⁴⁵ Крупные обломки двух таких амфор были найдены в Фанагории в 1986 г. в комплексе («Д»), синхронном афинскому комплексу N 7:4 (Завойкин, 2004, с. 56, прим. 67, табл. LIX. 1–4).

⁴⁶ Соответствуют типу А-1Б Абрамова; С.Ю. Монахов включил такие амфоры в вариант I-A-1 (2003, 98, табл. 59. 2).

в. до н.э. Целых сосудов известно немного, однако их довольно легко определяемые фрагменты обычны в находках соответствующего по времени слоя. Глина вполне характерна: красно-коричневая (обычно «шоколадного» оттенка), мелкозернистая, с мелкими блестками слюды, содержит известняки, редкие (иногда крупные) включения кварца, реже – светло-коричневая или красная, встречаются экземпляры, покрытые тонким светлым ангобом⁴⁷. Не считаю нужным здесь подробно говорить о морфологии этих пифоидных амфор (высота 57–59 см, диаметр 34,5/6 см), она известна и неоднократно описана. Учитывая тот факт, что амфоры КТБ 186 в пределах второй четверти – середины V в. до н.э. синхронны шаровидным мендейским тарным сосудам, а также явное различие глиняного теста тех и других, целесообразно учитывать эти амфоры отдельно друг от друга как разные центры производства.

В материалах из раскопок «Южного города» Фанагории (слой второй половины V в. до н.э.) известны фрагменты амфор из глины темно-розового цвета, насыщенной известняками, золотистой слюдой⁴⁸. Ножки этих амфор имеют расширенное основание и выпукло-вогнутую криватуру слегка приподнятой подошвы, как и у мендейских, на некоторых – аналогичная окраска подошвы и пояска на нижней части тулова (рис. 2. 2–4). К сожалению, на момент знакомства с этими находками мне не были известны целые сосуды этого типа. С немалой степенью уверенности полагаю, что они принадлежат «мендейским» амфорам типа III, по Монахову⁴⁹. С большей степенью уверенности, на мой взгляд, можно говорить о том, что достаточных оснований для отождествления таких амфор («Менда» IV) с производством Менды не имеется.

Таким образом, следует признать, что в числе амфор, изготовление которых обычно локализуют в Менде, присутствуют группы тарных сосудов, сходных с собственно мендейскими в профилировке деталей

⁴⁷ Не исключено, что это собственно не ангоб, а особенность поверхности черепка, обусловленная режимом обжига

⁴⁸ Характерная их черта – вздутие черепка в придонной части ножки вследствие выгорания известняков.

⁴⁹ С целыми сосудами, опубликованными С.Ю. Монаховым, к сожалению, я не знаком *de visu*.

(венцов, ножек), иногда в декоре тулова (пояски, выполненные красной краской и др.), но отличающиеся формой и размерами тулова, а также глиной, из которой они сделаны. Поэтому целесообразно выделение таких «групп» (вероятно, отдельных центров), независимо от того, что надежное определение места их производства пока невозможно. Такой подход к изучению амфорной тары дает надежду на постепенное расширение представлений о разнообразии торговых связей Северного Причерноморья с центрами Средиземноморья и акцентирует внимание на редких и слабо изученных материалах.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П.* 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология, Боспорский сборник 3, 4–135.
- Абрамов А.П.* 2009. Амфоры VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 24 с.
- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С.* Комплекс амфор второй четверти V в. до н.э. из Патрея, in: Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 68–76.
- Брашинский И.Б.* 1963. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной, КСИА 95, 20–24.
- Брашинский И.Б.* 1976. Амфоры Менды, in: Художественная культура и археология античного мира, 67–74.
- Брашинский И.Б.* 1984. Методы исследований античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 247 с.
- Гарбузов Г.П.* 2016. Корабли с зерном из Понта, ДБ 20, 175–196.
- Завойкин А.А.* 1992а. Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э., in: Г.А. Кошеленко (ред.), Очерки истории и археологии Боспора. М., 1992, 260–269.
- Завойкин А.А.* 1992б. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории, КСИА 204, 84–88.
- Завойкин А.А.* 2004. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до

- н.э. (по материалам «Южного города»). М., 242 с.
- Завойкин А.А.*, 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815, in: Д.В. Журавлев, О.Л. Габелко (ред.), С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 110–114.
- Зеест И.Б.* 1960. Керамическая тара Боспора (МИА 83). М., 179 с. (=КТБ)
- Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В.* 2010. Торговля, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. Т. II. М., 2010, 257–289.
- Кузнецова Е.В.* 2013. Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 25 с.
- Ломтадзе Г.А.* 2005. Античный импорт на Боспоре в IV-начале III вв. до н.э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 23 с.
- Маринович Л.П. 1998. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена»), ПИФК. VI, 4–30.
- Монахов С.Ю.* 1999а. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 678 с.
- Монахов С.Ю.* 1999б. Заметки по локализации керамической тары. II: Амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгеиды, АМА 10, 129–148.
- Монахов С.Ю.* 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва–Саратов, 351 с.
- Насо А.* 2010. Архаические торговые амфоры из Милета, АМА 14, 3–19.
- Трейстер М.Ю.* 1990. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея, КСИА 197, 37–44.
- Avram A.* 2007. Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade before the Roman Domination: (6th – 1st Centuries DC), in: V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), The Black Sea in Antiquity: Regional and International Economic Exchanges (Black Sea Studies 6). Aarhus, 239–251.
- Bîrzescu Iu.*, 2012. Die Archaischen und Frûklassischen Transportamphoren

(Histria XV). București.

- Cavalier M.* 1985. Les amphores du VIe siècle dans les fouilles de Lipari (Cahiers des amphores archaïques et classiques 1. Cahiers du centre Jean Bérard XI). Naples.
- Garlan Y.* 1986. Quelques nouveaux ateliers amphoriques à Thasos, in: Y. Empereur, Y. Garlan (éd.), Recherches sur les amphores grecques (BCH Supplément. XIII). Athènes–Paris, 201–276.
- Garlan Y.* 1993a. Y. Toutes les tortues grecques ne sont pas d'Égine, in: Au Miroir de la Culture Antique. Rennes, 243–249.
- Garlan Y.* 1993b. Nouvelles remarques sur la chronologie des timbres amphoriques thasiens, *Journal des Savants* 2, 149–181.
- Garlan Y.* 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres protothasiens et thasiens anciens (Études thasiennes XVIII). Athènes–Paris.
- Grandjean Y.* 1992. Contribution à l'établissement d'une typologie des amphores thasiennes. Le matériel amphorique du quartier de la Porte du Silène, *BCH* 116, 541–584.
- Grace V.R.* 1953. Wine Jars, in Boulter C. Pottery from the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora, *Hesperia* 22, 101–110.
- Lawall M.L.* 2006. Consuming the West in the East: Amphoras of the western Mediterranean in the Aegean before 86 BC, in: D. Malfitana, J. Poblome, J. Lund (eds.), *Old Pottery in a New Century. Innovating Perspectives on Roman Pottery Studies. Atti del Convegno Internazionale di Studi*. Catana, 22–24 April 2004. Catana.
- Lawall M.L.* 2011. Socio-Economic Conditions and Contents of Amphorae, in: Ch. Tzoché, T. Stoyanov, A. Bozkova (eds.), *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007 (PATABS II)*. Sofia, 23–33.
- Py M.* 1985. Les amphores étrusques de Gaule méridionale, in: M. Cristofani, P. Moscati, G. Nardi, M. Pandolfini (eds.), *Il commercio etrusco arcaico. Atti dell'incontro di studio 5–7 dicembre 1983*. Rome, 73–94.
- Roberts S.R.* 1986. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora, *Hesperia* 55-1, P. 1–74.

- Slaska M.* 1978 Gravisca. Le ceramiche comuni di produzione greco-orientale, in: Les céramiques de Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris–Naples, 223–230, pls. XCV–CI.
- Vandermersch Chr.* 1994. Vins et amphores de Grande Grèce et de Sicile, IVe–IIIe s. avant J.-C. Naples: Publications du Centre Jean Bérard, 280 p. (<http://books.openedition.org/pcjb/977>)
- Williams Ch.K.* 1978. Corinth 1977: Forum Southwest, *Hesperia* 47, 1–39.
- Williams Ch.K.* 1979. Corinth 1978, Forum Southwest, *Hesperia* 48, 105–144.

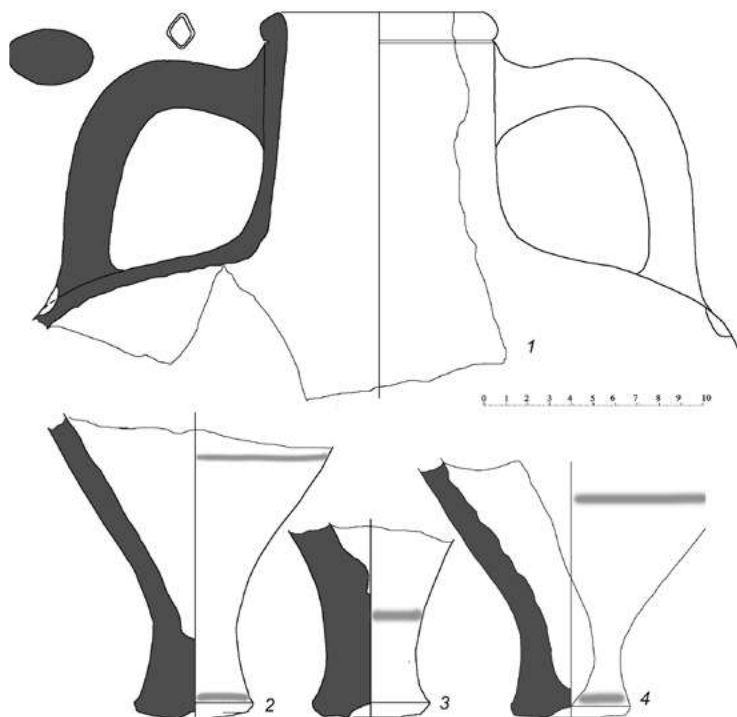

Рис. 1. Венец «ионийско-массалийской» амфоры из Фанагории
(инв. № 1463)

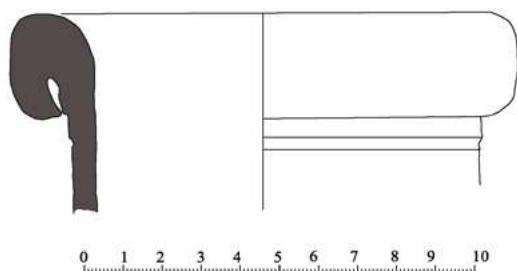

Рис. 2. Фрагменты амфор из Фанагории: 1 – «эгинской» (инв. № 906+915); 2–4 – «мендейских» (инв. № 2227, 2289, 2290)

ЗАВОЙКИНА Н.В.
(ИА РАН, Москва)

НОВОЕ ТОРГОВОЕ ГРАФФИТО ИЗ ФАНАГОРИИ¹

В ходе археологических исследований в 2011 г. на Верхнем городе в Фанагории в мусорной яме римского времени была обнаружена амфорная стенка, разломанная на две неравные части. На стенке процарапано 4-х строчное граффито. Окончания 2 – 3 строк уничтожены сколом. В центре 3 – 4 строк имеется также скол лицевой поверхности. Палеография фанагорийского письма близка шрифтам в хозяйственном письме из Пантикапея конца 5 – начала 4 вв. до н.э., в письмах на амфорных стенках из Керкинитиды рубежа 5 – 4 вв. до н.э. и с поселения Панское I середины – начала третьей четверти 4 в. до н.э., а также формам букв в лапидарных надписях Боспора первой половины 4 в. до н.э.. Таким образом, фанагорийское граффито датируется в пределах конца 5 – первой половины 4 в. до н.э.

Надпись:

1. Ἀτότης ΕΕΟ **DP**
2. ΔΔΔ
3. Νευμήνιδ ΕΕΟ
4. Διονῶ Στρατό[νικου?]
5. ΕΕ[Ο ΔΔ]ΔΔ

Надпись состоит из трех предложений. Структура предложений четкая и схожая между собой и выражается формулой: имя + аббревиация + отдельные буквы. Первое предложение: ЛИ Ἀτότης в ном. sng. + ΕΕΟ

¹ Данная заметка содержит предварительную информацию. Подробная публикация планируется в новом томе «Фанагория. Материалы по истории и археологии».

+ ДП. Второе: ЛИ Νευμῖνιῶ в genet. sng. + ΕΕΟ. Третье: ЛИ Διονῦ в genet. sng. + ЛИ Στρατό[νικου?] в genet. sng. + ΕΕ[Ο] + [ΔΔ]ΔΔ. Выявленная структура показывает, что буквы ΔΔΔΔ во 2-й стк. должны относиться к 2-му предложению, связанному с Нумением. Автор записки не рассчитал длину второй строки, поэтому буквы ΔΔΔΔ пришлось ему надписать сверху над аббревиацией ΕΕΟ. Расстояние между 1-й и 3-й строками позволило сделать эту дополнительную ремарку без какого-либо ущерба для остального текста. В результате анализа структуры надписи возникает два основных вопроса: 1) что скрывается под сокращением ΕΕΟ; 2) как понимать буквы ДП и ΔΔΔΔ – как цифры, обозначающие количество или вес определенного продукта (товара), или как фиксацию денежных сумм.

1 стк. Личное имя Ἀτότης вырезано в nom.sng. Это имя отмечено один раз в Пантикапее в 4 в. до н.э. (КБН 170). Л. Згуста относил это имя к группе антропонимов из южной Малой Азии (Ликия, Пафлагония). В Фанагории оно встречается впервые. Прямых аналогий аббревиации ΕΕΟ, вырезанной после имени Атота, пока не обнаружено. Буквы ΕΕ встречаются среди граффити на сосудах, но они не имеют однозначной интерпретации. Так, по мнению М. Ленг, отчасти поддержанного М. Лаваллем, граффити на амфорах с эпсилон с афинской агоры предлагают понимать как ἔ(λαίον), ε(ῖς), ημι- или ηεῖς (предполагается пропуск аспирата в них), или как цифру 100 в акрофонической системе. Аббревиатура ΕΕ встречена на стенке чернолакового канфара 3 в. до н.э. при раскопках поселения «Генеральское западное». С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников предлагают трактовать его как ε(ῖς) ε(ῖς) [...], то есть (емкость) канфара, возможно, в два киафа. Очевидно, что высказаны мнения применить для расшифровки аббревиации ΕΕΟ сложно. Во-первых, граффити с афинской агоры – это краткие коммерческие маркировки амфорах, тогда как мы имеем дело с частным письмом. Единственный опубликованный пример с Боспора сам нуждается в более точной интерпретации, учитывая месторасположение граффито. Кроме того, против принятия предложенных мнений выступают омикрон после ΕΕ и буквы после сокращения ΕΕΟ. Таким образом, для расшифровки значения ΕΕΟ следует искать иной путь.

Основное число античных граффити связано с торговлей. Афинские граффити содержат, как отмечала М. Ленг, указания объема, веса, стоимости пустой амфоры, так и амфоры с содержимым, название этого товара. Исследования буквенных сокращений на различных античных сосудах, проведенные П. Хаклом, А. Джонстоном, Р. Вахтером, показали, что буквенные сокращения, как правило, из 1 – 3 буквы, являются разнообразными торговыми маркировками и могут скрывать названия сосудов или содержимого в них, их стоимость, вес или объем пустой тары, так и вместе с продуктом и т.п.. Дополнительный материал предоставляет аттическая стела № 2, 415/4 гг. до н.э. Она содержит списки продуктов и товаров, конфискованных у участников дела осквернителей герм в Афинах. Надпись № 2 состоит из трех колонок, в которых также отразилась система фиксации веса, цены и названия товара: первая содержит налог с продажи, вторая – стоимость продукта, товара, а третья – название, вес или объем товара, его количество. Итак, сопоставление фанагорийского письма с системой фиксации цены, веса и названия товара, имевшей хождение в Древней Греции, привело к предположению, что в нашей надписи буквы ЕЕО выступают сокращением количества и названия какого-то товара, приобретенного или привезенного людьми, чьи имена перечислены в зачинах строк. Исходя из этого наблюдения, предлагаем аббревиацию ЕЕ как понимать $\epsilon(\pi\tau\acute{\alpha}) \epsilon(\kappa\acute{\tau}\epsilon\omega\nu)$, шесть гектеев ороба. Гектей ($\epsilon\kappa\tau\acute{\epsilon}\iota\varsigma$) – это мера сыпучих тел, равная $1/6$ медимна², и соответствует примерно 8,75 л. Омикрон в этой аббревиации рассматриваем как сокращение слова ороба ($\acute{o}\rho\omicron\beta\acute{o}\varsigma$), это горькая вика (lat. *vika ervilia*). Веским аргументом в пользу высказанной интерпретации значения омикрон в аббревиации ЕЕО служит находка порядка 1200 л (ок. 960 кг) обгорелых зерен *vika ervilia* в «доме зерноторговца» на Южном городе в Фанагории, уничтоженного пожаром в 3-й четверти 5 в. до н.э.

Запись $\epsilon(\pi\tau\acute{\alpha}) \epsilon(\kappa\acute{\tau}\epsilon\omega\nu) \acute{o}(\rho\omicron\beta\omicron\iota)$ отражает, на наш взгляд, процесс продажи продукта. Атоту было продано 6 сосудов весом в 1 гектей

² 1 медимн = 52,2 л.

каждый, а в сумме они составили 1 медимн. Исходя из предложенной интерпретации сокращение ЕЕО – ἐ(πτά) ἐ(κτέων) ὀ(ροβοῖ) буквы ΔΠ могут обозначать их стоимость в размере пяти драхм: δ(ραχμῶν) π(εντά). Предлагая это чтение, мы не нарушаем ионийскую традицию, в которой было принято сокращать денежные номиналы по начальным буквам их названия. Аналогию для подобной интерпретации предоставляют два граффити с афинской агоры, опубликованные М. Ленг. М. Тод, посвятивший специальное исследование обозначения драхмы в эпиграфических источниках, отмечал, что ему не известно ни одного примера, где бы знак Δ обозначал δραχμή. Следует отметить, что исследователь строил свои выводы на данных лапидарной эпиграфики, главным образом, второй половины 4 в. до н.э. – 3 вв. н.э., которые представляют официальные финансовые документы различных полисов Греции и близлежащих островов. В подобных документах название денежных номиналов писалось полностью или сокращалось до 1 – 2 слогов. Кроме того, основное число этих документов использовало аттическую систему знаков денежных номиналов. Граффити исследователь не рассматривал в принципе. Поэтому, вывод М. Тода нельзя безоговорочно принимать в расчет. В боспорских городах, как показывает анализ более 2,5 тысяч опубликованных граффити, преобладала ионийская (алфавитная) система обозначения денежных номиналов и цифр. Такая ситуация выглядит вполне объяснимой, поскольку ионийские колонисты берегов Боспора Киммерийского использовали алфавитную цифровую систему, известную по надписям примерно с конца второй четверти 6 в. до н.э. Аттическая (акрофоническая) цифровая система, получившая распространение в Аттике и близлежащих островах около середины 5 в. до н.э., засвидетельствована несколькими боспорскими граффити. Главным образом, это цифровые надписи на пифосах эллинистического времени. Это не должно вызывать удивление, учитывая широкие торгово-экономические связи Боспора и высокую мобильность населения полисов в классическую эпоху.

Что известно об употреблении оробы в Древней Греции и позднее, в эллинистическую и римскую эпохи? Насколько цена одного

медимна ороба в пять боспорских драхм соответствует исторической реальности той эпохи? Сведений о стоимости ороба мало, как впрочем, и сведений вообще об этой культуре как составляющей части диеты древних греков. В литературных источниках сохранились сведения о разных сферах применения оробы. У авторов 4 в. до н.э. находим, что она употреблялась в пищу. Так, Демосфен пишет, правда, как о каком-то вопиющем факте, что во время осады Афин лакедемонянами жителям города пришлось из-за голода есть оробу (Dem. XXII. 15)³. В одном из фрагментов комедиографа Алексиды читаем, что оробом питались бедняки (Kock II 447). Вика (= ороба) наряду с пшеницей и ячменем служила для производства соломы, в смеси с некоторыми сортами пшеницы она шла на корм скоту (Plin. NH XIII 474; XVIII 10). У Вергилия находим сведения, что вику кормили быков (Verg. Eclog. 3. 100). Об особых качествах оробы сообщают Феофраст и Плиний. Так Феофраст отмечает, что ороба посаженная весной безвредная и удобоваримая, в отличие от высаженной осенью (Thphr. HP II.4.2). Афиней со ссылкой на Феофраста пишет, что ороба наряду с люпином и горохом единственные из бобовых, где не заводятся черви (Athen II. 45). Такая особенность этой сельскохозяйственной культуры была выгодна для долгого хранения. В эпиграфике сохранилась значительно меньше сведений об оробе. Помимо отмеченной афинской надписи 415 г. до н.э., ороба упоминается в надписи конца 3 – 2 вв. до н.э. из Керинаики (контекст не ясен), в списке цен на продукты питания из Ахай 301 г.н.э.. Итак, приведенные сведения отмечают широкий диапазон применения оробы в античную эпоху. Для нас важную роль играют свидетельства Демосфена и Алексиды, близкие по времени к датировке фанагорийского письма. Из замечания Демосфена косвенно, а Алексид напрямую пишет об этом, следует, что ороба входила в число продуктов питания небогатых слоев населения городов, то есть представителей основной массы жителей.

Вернемся к цене. На основании данных афинской стелы № 2

³ Речь идет о начале Беотийской войны, которая закончилась в 371 г. до н.э. Каллиевым миром.

⁴ У Плиния Старшего и Вергилия ороба называется *erum*.

В.К. Притчетт подсчитал примерную стоимость 1 формоса ороба в Афинах в 415/4 гг. до н.э.⁵. Стоимость одного формоса ороба равнялась в Афинах примерно 7,5 аттических драхм. Эта достаточно высокая цена, учитывая, что 1 формос пшеницы в Афинах колебался, правда, в немного более позднее время, в первой половине 4 в. до н.э. от 6 – 9 драхм. Сведений о ценах на оробу немного и, главным образом, это свидетельства первых веков новой эры. Так, в папирусе 191 г.н.э. из Караниса цена на артаб вики (= ороба) и артаб пшеницы установлена одинаковая и составляет 18 драхм. В «Эдикте» Диоклетиона (301 г.) цена оробы была зафиксирована на том же уровне, что и стоимость пшеницы, 100 денариев за 1 *castrensis modius*, что соответствует примерно 300 динар за один медимн. В.К. Притчетт отмечает, что материалы из Египта показывают, что цена на чечевицу была эквивалентна стоимости зерна пшеницы, примерно также как цена на пшеницу и оробу. Приведенные данные отражают определенную экономическую тенденцию – совпадение стоимости пшеницы и оробы. Это показывает реальный высокий спрос на этот продукт питания в первые века. Из этого факта Притчетт осторожно заключает, что не так уж удивительно, что в конце 5 в. до н.э. в Афинах формос оробы был несколько дороже формоса пшеницы.

Очевидно, что стоимость 6 гектов или 1 медимна ороба в размере 5 боспорских драхм в Фанагории в первой половине 4 в. до н.э. была несколько ниже, чем предполагаемая стоимость в 7,5 драхм за медимн оробы в Афинах. Эту разницу можно объяснить следующим образом. Во-первых, в стоимость оробы в Афинах был заложен налог с продажи, который составлял около 10% от общей стоимости. Во-вторых, указание в афинской надписи о месте нахождения оробы, наряду с пшеницей и чечевицей, ἐν Ἐρετρίαι, в Эретрах, позволяет думать, что в её стоимость были включены хранение на складе в Эретрах и доставка в Афины. Таким образом, стоимость ороба в 7,5 аттических драхм за формос в Афинах является официальной ценой, установленной государством. Тогда как цена в 5 боспорских драхм, зафиксированная в фанагорийском

⁵ Формос (φορμός) - это мера сыпучих тел, равная 1 медимну (= 52, 2 л), использовавшаяся в Афинах.

письме, является рыночной, которую назначил торговец. Здесь также надо учитывать разницу в содержании серебра в афинской и боспорской драхме, в последней его процент был выше.

2 стк. ΔΔΔΔ. Цифры ΔΔΔΔ следует относить ни к имени Атота в 1-й стк., а к имени Нумения в 3-й стк. (см. выше).

3 стк. Νευρήνιδ ΕΕΟ. Личное имя Νευρήνιος вырезано в genet. sing. Νευρήνιδ, с ионийской передачей окончания имени ου < ὀ. В имени Νευρήνιος начальный слог передан дифтонгом -ευ вместо -ου, Νουρήνιος. Эта новая форма пополняет список боспорских вариантов имени Νουρήνιος (КБН 210, 211). В конце 3-й стк. после скола в верхнем поле сохранилась длинная горизонталь с загнутым вниз краем. После нее видна в сколе еще одна горизонтальная линия, часть которой ушла в скол. Обе линии обнаруживают сходство с формами эпсилон и прямоугольной омикрон в 1-й строке. Повторение аббревиатуры ΕΕ в 1-й и 5-й строках указывает на высокую вероятность того, что и в 3-й стк. следует восстанавливать ΕΕΟ. Итак, восстанавливаем чтение ΕΕΟ в конце 3-й стк.. Генетивная форма Νευρήνιδ показывает, что автор письма получил от Нумения ἑ(πτά) ἑ(κτέων) ὀ(ροβοῦ) за 4 драхмы. Разница в стоимости медимна оробы в одну драхму (5 драхм для Атота, 4 драхмы – для Нумения) находит разъяснение в различных падежных формах личных имен Атота и Нумения. Возможно, автор письма подразумевал следующее: Атот (купил) шесть гектов ороба за 5 драхм. От Нумения (получено) шесть гектов ороба за 4 драхмы.

4 стк. Здесь вычитывается διουιστрато-. Ипсилон и сигма в центре лексемы сохранились частично. Восстанавливать личное имя Διουιστрато[ς] затруднительно, поскольку такое имя не известно в древнегреческой ономастике. В регионе Македонии, Фракии и Малой Скифии известно имя Διουῖς, которое и вычитываем, но в форме genet. sing Διουῖ. Сигма принадлежат уже следующему слову. Лексема отрато- является, по всей видимости, частью второго имени, вырезанного в 4-й стк. Имен с композитом Στрато- известно достаточное число. Из них в регионе Северного Причерноморья встречены Στράτοδῆμος, Στράτοκλῆς, Στράτόνικος, Στράτόφιλος. Наибольшей популярностью пользовалось

в боспорских городах имя Στράτόνικος, которое в качестве *exempli gratia* восстанавливаем в надписи. Отдаем предпочтение чтению в genet. sing.: Διονὺ Στράτο[νίκου?], Диону сыну Страто[ника]. Автор письма – фанагорийский торговец специально указал отчество Диона, вероятно, чтобы не перепутать его с другим одноименным человеком из круга своих коммерческих партнеров. Лакуна уничтожила 2 – 3 буквы в середине 5 стк. Учитывая то, что структура этого предложения аналогична предложению с именем Нумений, то и смысл их должен совпадать. Поэтому, предлагаем дополнять 5 стк. как ΕΕ[Ο ΔΔ]ΔΔ. Следовательно автор письма получил от Диона сына Страто(ника?) шесть гектов ороба и заплатил за них 4 драхмы.

В итоге, предлагаем следующий перевод граффито: «Атот ш(есть) г(ектов) о(роба) за 5 д(рахм). От Нумения ш(есть) г(ектов) о(робы) за 4 д(рахмы). От Диона сына Страто(ника?) ш(есть) г(ектов) о(робы) за 4 д(рахмы)».

ЗАСТРОЖНОВА Е.Г.
(С-Петербург)

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИКИ
БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА
(1920–1950-Е ГГ.)**

В представленном историографическом очерке предпринята попытка выявления и оценки основных тенденций по изучению экономической жизни Боспора в столь сложный для отечественной науки период¹. Хронологические рамки определены от времени возобновления археологических исследований на юге России и до выхода в свет коллективной монографии, подводящей итог изучения античных центров Северного Причерноморья в первой половине XX в. – “Античные города Северного Причерноморья” (1955 г.)

До революции 1917 г. отечественная археология, уже оформилась как наука вместе с широким кругом родственных ей антиковедческих дисциплин. Главной особенностью дореволюционной науки была ее историко-филологическая основательность, ставившая своей целью прежде всего реконструкцию исторических фактов и разработку политической истории античности, широкое осмысление античной цивилизации, в особенности ее духовной жизни [Фролов, 2009, с. 397]. Социально-экономическое направление исследований только начало оформляться в конце XIX – начале XX вв. в ходе изучения городищ и сельских поселений Боспорского царства. После Октябрьской революции 1917 г. археология, как и все другие науки претерпела огромные изменения в своих дальнейших перспективах развития. Под воздействием марксистской идеологии изменился предмет изучения: акцент был перенесен с политической истории и культуры на социально-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-867.2017.6

экономические отношения, на собственно экономику, положение трудящихся масс и классовую борьбу. Таким образом, к началу 1940-х годов античная археология практически утратила качество самостоятельной дисциплины, превратившись в своеобразное орудие для подтверждения марксистских политэкономических теорий о господстве пролетариата. Довольно долгая полоса застоя, продолжавшаяся более трети века, была связана с постоянно усиливавшимися идеологическим контролем, репрессиями, а также с тяжелейшим для страны периодом Великой Отечественной войны. В начале 1950-х годов начинается постепенное возрождение отечественной античной археологии. Это было связано как с изменениями в социально-политической и культурной жизни советского общества, так и с увеличением масштабов археологических раскопок и, как следствие, появлением новых данных о сельском хозяйстве и промышленном развитии Боспорского царства.

Общим вопросам развития боспорской экономики посвящена работа А. Кацевалова [Кацевалов, 1929], являющаяся более развернутым анализом одного из разделов докторской диссертации этого исследователя («Материальная культура греческих колоний северного побережья Черного моря»). На основе литературных, эпиграфических, нумизматических и археологических данных, автором были прослежены основные тенденции экономического развития Боспора. Освещается история монетного обращения, приоритетные направления экспорта (торговля зерновым хлебом и рыбой), внутренняя торговля и керамический импорт. Примечательно то, что в исследовании присутствуют прямые ссылки и цитирование трудов М.И. Ростовцева, Э.Х. Миннза и даже материалов из сборника в честь юбилея А.А. Бобринского, что было уже неприемлемо для московских и ленинградских ученых.

Более развернутый анализ экономической жизни Боспорского царства, был представлен в исследовании С.А. Жебелева «Основные линии экономического развития» [Жебелев, 1934]. Для более глубокого понимания изучаемого вопроса, первоначально отмечаются особенности экономического развития, такие, как географическое положение, этнический состав и «уровень развития производительных

сил» [Жебелев, 1934, с. 589]. Согласно С.А. Жебелеву, наличие крупной земельной собственности на землю (царская хора), основанной на использовании рабского труда позволила сделать экспорт хлеба основной статьей дохода Боспорского царства. Ввиду возрастания роли вывоза хлеба, автор обращает внимание и на изменение торговых связей Боспора. Если при Археанактидах это были Малая Азия и Иония, то после объединения под властью Спартокидов основным торговым партнером Боспора стали Афины. Максимальный подъем экономического развития Боспорского царства приходится на правление Сатира, Левкона и Перисада [Жебелев, 1934, с. 668]. Начиная со второй половины III в. до н.э., С.А. Жебелев отмечает падение объемов хлебной торговли, обусловленное столкновением на рынке с египетским зерновым экспортом, выходом из-под контроля части территорий царской хоры в притоках Кубани и перемещением центров торговли в Александрию, Селевкию и др. Дальнейший социально-политический и экономический кризис на Боспоре был обусловлен кризисом Римской империи. Подводя итог, С.А. Жебелев определил Боспорское царство, как аграрно-коммерческую монархию, и обозначил три главных направлений в развитии экономики: стремление государства широко использовать имеющиеся в распоряжении производительные силы, организация и налаживание сбыта хлеба в греческом и римском направлениях и стремление государства вовлечь во взаимовыгодный обмен верхушку варварского окружения [Жебелев, 1934, с. 673].

В хрестоматийной монографии В.Ф. Гайдукевича [Гайдукевич, 1949] несколько глав посвящены анализу торговых отношений, сельскому хозяйству, промышленности и ремесленному развитию городов Боспорского царства. Как и в научном труде С.А. Жебелева уделяется особое значение сельскому хозяйству и экспорту зерна и рыбы. В.Ф. Гайдукевичем отмечается высокое развитие в ряде городов собственных многообразных ремесел и развитого производства, что делало государство во многом независимым от импорта [Гайдукевич, 1949, с. 94].

Краткая характеристика общего экономического положения

Боспора в римское время приводится в одной из глав монографии Е.С.Голубцовой «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры» [Голубцова, 1951]. Автор отмечает, что в этот период, хоть и не в таких масштабах, но по прежнему важное значение играла хлебная торговля и Боспорское царство оставалось поставщиком зернового хлеба в средиземноморские и понтийские центры.

Основе экономики Боспора – земледелию и хлебной торговле посвящен ряд заметок, научных трудов и монографий различных исследователей. Информация об археологических находках зерен различных культур присутствует в заметках К. Фляксбергера [Фляксбергер, 1940] и И.И. Никишина [Никишин, 1948]. В заметке И.И. Никишина содержится информация о первой в истории раскопок Пантикапея находке зерен сорнополевой ржи. Они были обнаружены в ходе раскопок В.Д. Блаватского 1946 г., в горелом слое на дне зерновой ямы на одном из склонов горы Митридат. Наличие этой культуры в слое Пантикапея свидетельствовало о контактах города с Малоазиатским полуостровом, являвшимся родиной многих форм этой зерновой культуры. Вместе с зернами сорнополевой ржи были найдены обгорелые зерна мягкой пшеницы и ячменя [Никишин, 1948, с. 85]. В статье И.Б. Зеест [Зеест, 1948] приводится описание комплекса зернохранилища на северном склоне горы Митридат, состоящем из 10 зерновых ям, которые были датированы III-IV вв. н.э. Автор замечает, что хранение зерна в ямах было обычным явлением для Боспора, подобные зернохранилища встречались ранее в Тиритаке и Нимфее. В другой статье И.Б. Зеест рассматривает комплекс так называемой «мукомольной мастерской» на территории античного города Киммерика на горе Опук [Зеест, 1950]. Киммерик имел торговые связи не только с Аттикой, но и с южным побережьем Черного моря, откуда товары поступали непосредственно в его порт [Зеест, 1950, с. 96]. Однако новые данные о городском хозяйстве показали, что в первых веках нашей эры Киммерик потерял свое торговое значение и стал важным стратегическим пунктом обороны западной границы Боспора. Зерновые ямы и «мукомольная мастерская» указывают на тесную связь с аграрной базой и местным земледельческим сарматизированным

населением [Зеест, 1950, с. 101].

Определенный итог изучению зернового хозяйства Боспора был подведен в монографии В.Д. Блаватского [Блаватский, 1953]. В ней была обобщена вся накопленная до этого времени информация по истории сельского хозяйства и хлебной торговле Боспора. В монографии рассматривается значение земледелия для Боспора, объем и расположение сельскохозяйственных территорий, их организация, техника обработка и посадка различных полевых культур. В Приложении 1 монографии проанализированы основные статьи дохода и расхода бюджета Боспорского государства [Блаватский, 1953а, с. 204]. Следует отметить также заметку этого же исследователя, посвященную «непосредственному производителю материальных благ» в экономике Северного Причерноморья [Блаватский, 1953б].

Не менее важное место в экономической жизни Боспора занимал экспорт рыбы. Благодаря археологическим раскопкам 1930-1940-х гг. были открыты рыбозасолочные ванны на территории Тиритаки, Мирмекия и Киммерика. Анализ ихтиологических фрагментов из ванн Тиритаки производил научный сотрудник Камыш-Бурунского рыбсовхоза – В.Ю. Марти. В своих статьях он обращал особое внимание на огромные объемы засолки рыбы и полагал, что рыбозасолочный промысел находился на очень высокой ступени развития и представлял из себя мощную производственную структуру [Марти, 1941]. В данном контексте крайне интересна работа С.А. Семенова-Зусера [Семенов-Зусер, 1947], посвященная публикации одного важного эпиграфического памятника, касающегося боспорского рыбного промысла. Накануне Великой Отечественной Войны плита с этой надписью была обнаружена молодым ученым Д.Л.Гринманом, убитым немцами в 1941 г. в Харькове. После войны плита уцелела, она была обуглена, разбита на две части, но шестистрочная надпись осталась читаемой (по Соломоник: НЭПХ II 129). Информация, полученная в ходе ее расшифровки позволила не только установить наличие рыбного рынка в древнем Причерноморье, но и подтвердить данные древних авторов о состоянии рыбного производства на юге России [Семенов-Зусер, 1947, с. 14]. Тщательному

анализу ихтиологических находок из Пантикапея, Фанагории и меотских поселений Восточного Приазовья посвящено исследование В.Д. Лебедева и Ю.Е. Лапина [Лебедев, Лапин, 1954].

Не менее актуальными в рамках изучения экономики Боспора являются проблемы внутренней торговли, промышленно-экономического развития отдельных городов и торговых взаимоотношений с варварской периферией. Промышленному развитию боспорских городов посвящены статьи таких исследователей, как В.Ф. Гайдукевича, А.А. Нейхарта, И.Б. Зеест, И.Т. Кругликовой [Гайдукевич, 1934; Нейхарт, 1951; Зеест, 1954; Кругликова, 1955]. Анализ торговых взаимоотношений, объем экспорта и импорта Боспора с другими понтийским центрами представлен в научных трудах Ю.С. Крушкол, Т.Н. Книпович, И.Б. Зеест, Н.Б. Бреговской [Крушкол, 1940; Книпович, 1949; Зеест, 1951; Бреговская, 1955]. Торговые связи и экономический обмен Боспора со скифо-сарматскими и синдо-меотскими племенами рассматриваются в работах Н.В. Анфимова и Н.А.Онайко [Анфимов, 1951; Онайко, 1955].

Анализируя приведенные выше данные, можно заметить увеличение количества публикаций начиная с 1950-х гг., что несомненно было связано с увеличением масштаба проводимых археологических раскопок и усовершенствованием методики обработки материала. Важно отметить также и то, что историографические обзоры служат своего рода наглядным индикатором, отражающим идеологические установки государства и их влияние на развитие античной археологии в России.

ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н.В.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией (по поводу одной статьи И.Б.Зеест в МИА. № 19. 1951) // ВДИ. 1952. № 4. С. 84-87
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953а. 208 с.
- Блаватский В.Д.* Непосредственный производитель материальных благ в сельском хозяйстве северопонтийских государств // КСИА. 1953б. Вып. 2. С. 62
- Бреговская Н.Б.* Торговые и политические взаимоотношения государств Северного Причерноморья в эллинистическими государствами и полисами Эллады. Автореф. канд. дис.М., 1955.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. 1934. Вып. 80. 116 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., 1949. 624 с.
- Жебелев С.А.* Основные линии экономического развития // Известия АН СССР. 1934. № 8. С. 589-674
- Жебелев С.А.* Итоги изучения античности в СССР за 20 лет // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953. С. 248-253; Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953. С. 116-158
- Зеест И.Б.* Земляные зернохранилища Пантикапея (по материалам раскопок 1945-1946) // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 80-83
- Зеест И.Б.* Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора // КСИИМК. 1950. XXXIII.
- Зеест И.Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2. С. 106-116
- Зеест И.Б.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значение для Боспора (по данным изучения керамической тары из раскопок Неаполя 1945-1950 гг) // МИА. 33. 1954. С. 71-77
- Кацевалов А.* Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі чорного моря //Збірник Закодознавства Всеукраїнської Академії Наук. Київ. 1929. 46 с.

- Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья с эпоху эллинизма // СА. 1949. XI. С. 271-284
- Кругликова И.Т.* К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 26-30
- Крушопол Ю.С.* Экспорт и сельскохозяйственный импорт Северного Причерноморья (V-I вв. до н.э.) // Ученые записки историч. Факультета Московского обл. пед. института. М., 1940. Т. 2. С. 170-186
- Лебедев В.Д., Лапин Ю.Е.* О рыболовстве в Боспорском царстве // МИА. 1954. 33. С.
- Марти В.Ю.* Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия // СА. 1941. VII. С. 94-106
- Марти Ю.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. № 4. С. 93-94
- Нейхардт А.А.* Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дис.М., 1951.
- Никишин И.И.* Находка зерен в Керчи // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 84-85
- Онайко Н.А.* Торговля античных городов Северного Причерноморья с племенами Среднего Приднепровья в VII-III вв. до н.э. Автореф. канд. дис.М., 1955.
- Семенов-Зусер С.А.* Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947. 47 с.
- Советская археологическая литература. Библиография (1918–1940). М.-Л., 1965.
- Советская археологическая литература. Библиография (1941-1957). М.-Л., 1959.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973
- Фляксбергер К.* Археологические находки хлебных растений в областях прилегающих к Черному морю // КСИИМК. VIII. М-Л 1940. С. 117-119.
- Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. СПб., 2009. 616 с.

ЗИНЬКО А.В., ШАМРАЙ А.Н.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь;
БФ «Деметра», Керчь)

**ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙ НАВИГАЦИИ НА БОСПОРЕ - ЯКОРНАЯ
СТОЯНКА У МЫСА ПАНАГИЯ
(ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ)**

Якорная стоянка судов эпохи античности, средневековья и Нового времени расположена в полосе рифов мыса Панагия, который в современных логиях является географической точкой, определяющей юго-восточные пределы (границу) акватории Керченского пролива. Мыс расположен в 12 км к юго-западу от станицы Тамань. Для судов, входящих в пролив, он является навигационным ориентиром, по которому определяется их безопасное положение относительно подводных скал, окаймляющих мыс с запада. Мыс замечен по группе надводных скал и камней, лежащих вблизи берега, а также по горе Зеленского, находящейся в 4,5 км к востоку. Надводные камни вблизи мыса – это вершины подводных скал-останцев, которые тянутся под водой цепочкой в широтном направлении на 3,3 км. Полоса этих скал, стоящих в 40 – 50 м друг от друга, шириной 200 – 250 м носит название рифа Трутаева. Риф сложен крепкими мшанковыми известняками верхнесарматского геологического яруса. Западная оконечность рифа увенчана двумя скальными массивами, лежащими по линии меридиана в 250 м друг от друга, их вершины имеют глубины 1,8 – 1,4 м.

К северной скале со стороны берега примыкает другая полоса рифа, которая берёт своё начало у безымянного кряжистого мыска в 2,4 км к северо-западу от мыса Панагия. Ключевые скалы этой полосы рифов меньших размеров и расположены на значительном расстоянии друг от друга. В прибрежной части, протяжённостью в 1 км, это четыре обособленных скалы, вершины которых находятся на глубинах 0,2 – 5,6

м. В мористой же части - это два каменистых массива (400 x 250 м), приуроченных к ключевым скалам, вершины которых имеют глубины 2,4 – 4,2 м. Прибрежная акватория между поясами рифов окаймлена «амфитеатром» чередующихся гребней тектонической складки, очевидно, образовавшейся в результате провала или проседания коренных пород мергеля. Юго-западная сторона этой складки размыва морем на расстояние 300 м от современной линии берега. Глубины над её мористым гребнем составляют 0,5 – 1,2 м. За геологической складкой между поясами рифов морское дно представляет собой ровный «стол» материковых серых глин, прикрытых сверху незначительным слоем песчано-раковинно-галечного бенча. Здесь, в пределах первого километра от береговой линии с востока на запад, наклон дна увеличивается на 0,9 м через каждые 100 м. За километровой полосой дна глубины в 8,5 – 9,5 м сохраняются до западной оконечности рифов. Далее в море глубины снова нарастают, но соотношение их увеличения к расстоянию не известно.

Современные берега, окаймляющие мыс, обрывисты. Вершина мыса приподнята над уровнем моря на высоту 30-и м. К северо-западу от его вершины высота обрывов уменьшается к устью Холодной долины до 20 м, а затем постепенно увеличивается к кряжистому мыску, откуда берёт своё начало безымянная полоса северного рифа. Срезанный морем берег к востоку от вершины мыса постепенно повышается до 60 – 70 м. У подножья обрывов берег окаймлён нешироким пляжем, который в северо-западной части формируется из продуктов раковинной переработки, а в восточной – из галечно-валунного бенча. Приморский рельеф западной части Таманского полуострова представляет собой грядово-холмистую область, высотой до 40 м. Эта географическая особенность рельефа создаёт «ветровую тень» над большей частью акватории рифовых поясов мыса Панагия при господствующих в регионе ветрах северо-восточных направлений. В прибрежной акватории северо-западной части мыса эффект этого явления прослеживается в полосе 2-х км от берега.

Научный интерес к рифам у мыса Панагия, как памятнику античной

навигации в Керченском проливе, возник в конце 70-х гг. прошлого столетия. Первая случайная находка здесь была сделана сезонным добытчиком морского моллюска «рапаны» В. Н. Лаврухиным в 1973 или 1974 гг. [Лаврухин, 1977, с. 10,11 и 62]. Найденный предмет оказался свинцовой коробчатой рамой, некогда скреплявшей рога деревянного якоря, которым оснащались античные судна. Несколькими годами позже В. Н. Лаврухин организовал при Керченском историко-археологическом музее первую общественную группу аквалангистов, содействовавших накоплению информации о случайных находках археологических и исторических предметов в Керченском проливе. Несомненной заслугой этой группы являлось первичное документирование устных свидетельств и практическая их проверка способом визуальных осмотров дна в местах обнаружения древностей. По рифу Трутаева дно осмотрено в двух районах. Первый – приблизительно был привязан к положению на морских картах того времени 6-ти затонувших судов времён Великой Отечественной войны, которые находились в 1,5 км к юго-востоку от оконечности рифа на глубинах 12 – 13 м. Там были найдены, подняты и переданы в фонды Керченского музея: «свинцовый предмет небольших размеров вытянутой формы и каменный якорь». Описаний их формы, рисунков, или фотографий в рукописном отчёте В.Н. Лаврухина не приведено. Годом позже этой же группой осмотрен район рифа вблизи навигационной вехи, отмечавшей в те годы его западную оконечность. «В этом месте найдены и подняты два якоря – железный адмиралтейский и каменный» [Лаврухин, 1978, с.27]. В рукописном отчёте дана фотография этих предметов, лежащих один на другом во внутреннем дворе Керченского музея. По ней можно судить, что железный якорь относился к адмиралтейскому типу с деревянным штоком русского производства XVIII – нач. XIX вв., а второй – это большой каменный шток сегментовидной формы, применявшийся как утяжеляющая деталь деревянного якоря во времена поздней архаики.

Деятельность этой группы аквалангистов поддерживалась дирекцией музея [Башарин, 1979]. Научную подготовку со стороны музея курировал А. Е. Кислый, а организационную и техническую – один из

авторов данной статьи. Перед группой стояла цель – методичный поиск и научное документирование находок. В 1979 г. музейная группа аквалангистов провела осмотры дна в центральной части рифа Трутаева. Первые же погружения принесли открытие комплекса древних железных якорей вилообразной формы. Комплекс состоял из одного большого и 4-х малых якорей. Большой якорь был поднят для изучения и передачи в фонды музея. Якорями вилообразного типа оснащались византийские суда IX – XII вв. Место находки зафиксировано по компасным пеленгам на долговременные ориентиры – триангуляционный пункт мыса Тузла и скалу Парус у мыса Панагия. Вокруг комплекса средневековых якорей были найдены остатки окаменелых ископаемых растений и животных, это были стволы деревьев и большие кости. [Шамрай, 1979, с.22].

В 1980 г. к музейной группе присоединилось несколько аквалангистов из московского клуба «Энергия» [Курин, 1980]. Это позволило уделить больше времени подводным разведкам акватории рифа Трутаева. В самом начале работ был найден затонувший «тральщик» времен Великой Отечественной войны. Объект находится в западной части рифа, на расстоянии 2,35 км от берега. Осмотры дна проводились в юго-западном секторе от «тральщика» в нескольких направлениях общей протяжённостью около 700 м при ширине до 20 м. В первую очередь обследовались каменистые гряды. Таким способом обследовано около 0,15 га площади рифа, при этом открыто 13 артефактов, относящихся к якорному снаряжению античных судов и 11 крупных профилированных частей амфорной тары – горловин и доньев амфор Гераклеи, Фасоса, Хиоса, Родоса, Колхиды [Шамрай, 1982, с.61]. Обломки амфор представляли различные производственные центры Северо-восточного Средиземноморья – Гераклею, Колхиду, Родос, Фасос, Хиос. Детали античных деревянных якорей были представлены различными видами каменных и свинцовых штоков, среди которых были: комплекс из 3-х каменных штоков сегментовидной формы, изготовленных из диорита; якорный камень удлинённой прямоугольной формы в виде «бруса» с желобочными углублениями посередине; набор свинцовых деталей античного деревянного якоря: шток греко-римского типа с

коробом посередине; и коробчатая рама для соединения рогов якоря, с тремя прямоугольными отверстиями; свинцовый шток съёмного типа в виде удлинённого изогнутого бруса с упорным утолщением посередине на одной из боковых сторон и сквозным отверстием на некотором расстоянии от упора; свинцовый «брус» вытянутой формы с П-образным углублением посередине – свинцовый наполнитель (заливка) плеча деревянного штока античного якоря. Кроме перечисленных деталей к деревянным античным якорям в этом районе разведок обнаружена и окаменелая (конгломератная) форма железного якоря комбинированного типа того же времени [Шамрай, 2010, с.476, рис.8 и 9].

В 1981 г. был организован Подводный отряд археологической экспедиции КИАМ, научным руководителем которой являлся А. Е. Кислый [Кислый, Шамрай, 1981]. В полосе рифа Трутаева были проведены археологические разведки дна в шести обособленных квадратах общей площадью около 1 га, большей частью вдоль его южной стороны. Основной целью разведок было выяснение общей картины распространения археологического материала по основной полосе рифа. Каждый из обследованных участков дна дал новые находки, наиболее представительная часть которых (23 экз.) была поднята и передана в фонды региональных музеев. Найденные материалы были представлены: комплексом строительной керамики, произведённой в Геракле Понтийской в I в. до н.э. - I в. н.э., в составе которого помимо множества фрагментов солен и калиптер, находился щиток антефикса в виде пальметты, а также фрагмент лутерия; обособленными скоплениями фрагментов строительной керамики, произведённой в Синопе в конце I в. до н.э.; целым экземпляром кровельной черепицы; окаменелыми формами железных якорей различных видов античного и средневекового времени [Шамрай, 2010, с.477, рис.10,11; 2011, с.431, рис.1,2]; якорным камнем в виде «плахи», имевшем углубления на гранях в виде желобков; амфорой Гераклеи конца IV – нач. III вв. до н.э.; профилированными частями амфор Лесбоса, Хиоса, Херсонеса.

На площади дна, где находился комплекс каменных штоков, обнаруженный в 1980 г., были произведены обмерные работы по

созданию схематического плана. Один из штоков комплекса был поднят и передан в фонды музея Тамани. На этой же площади зафиксированы следы аварий парусных судов и пароходов Нового времени, на дне встречались их металлические палубные конструкции (шлюпбалка), балластные кирпичи, уголь.

В 1981 г. у мыса Панагия начала работу экспедиция, организованная московским подводно-спортивным клубом «Энергия» [Кравченко, 1982]. Научным руководителем экспедиции являлся сотрудник ИА АН СССР В. С. Долгоруков, организационно - техническим – Д. Ф. Кравченко. Декларированной целью экспедиции был поиск признаков античного порта и его гавани, которые, предположительно могли быть устроены в античное время между рифами мыса Панагия. Основанием для этой гипотезы послужили результаты деятельности клуба в предыдущем году. С этой целью были организованы сплошные осмотры дна методом полосового осмотра по разрезам. Исследование внутренней акватории между рифовыми поясами не дало никаких результатов. Археологические находки античного и средневекового времени – 28 экз. – были обнаружены в западной части основного рифа на удалении 2,5 км от берега. Артефакты представляли якорное снаряжение античных судов и фрагменты амфор.

Вместе с материалами античного и средневекового времени на той же акватории рифа обнаружено множество корабельных предметов Нового времени, которые были представлены: якорями «кошками»; деревянным бортом судна; окаменелой формой железного гвоздя; бронзовым пеналом; чугунным барабаном ручного шпиля; железной штангой бортового фонаря (?); чугунной корабельной пушкой (фальконетом); обломком тыльной стороны корабельной пушки; свалом (кучей) каменного угля.

Свал каменного угля, по форме напоминающий контуры небольшого судна, был предположительно интерпретирован как груз античного корабля. Основанием для этого послужили форма развала и фрагмент узкогорлой амфоры I вв. н.э., найденный на нём.

В 1982 г. работы этой экспедиции у мыса Панагия были

продолжены в новой организационной форме, теперь она называлась общественной подводной экспедицией «Цемесская бухта», руководил ею Д.Ф. Кравченко [Кравченко, 1983]. Сферой интереса её организаторов стала акватория Чёрного моря от мыса Панагия до города Новороссийска. Один из отрядов экспедиции проводил подводные разведки в прибрежной зоне между поясами рифов мыса Панагия, а также на рифе Трутаева вокруг развала каменного угля, своими контурами напоминавшего остатки груза «античного судна». Перед отрядом стояли задачи:

- определить толщину отложений смытого с берега грунта в межрифовой акватории мыса;

- определить ширину полосы берега, разрушенного морем, для этого исследовать зону от

современной береговой черты до 5-и метровой изобаты глубин методом

профилирования дна;

- продолжить исследование развала угольных блоков, обнаруженных в 1981 г.

Работы были выполнены в объёме двух последних задач. При обследовании прибрежной зоны площадью более 21 га обнаружены значительные скопления обработанных блоков известняка правильной прямоугольной формы. У автора отчёта «не вызывало сомнения, что найденные известняковые блоки использовались как строительный материал. Распределение их на значительной площади с локальными концентрациями и расположение в зоне изобаты глубин до 5 м позволяли говорить о существовании в этом районе древнего поселения» [Кравченко, 1983, с.13]. Весомым аргументом в пользу своего мнения автор считал открытие участка дна с обнажённой от наносов кладкой одного ряда каменных блоков, протяжённостью в 40 м, который располагался на урезе древней береговой черты в 240 м от современного берега. Археологические подтверждения своей концепции автор видел во фрагментах амфор широкого хронологического периода, собранных на оползнях береговых обрывов.

Изучение развала угольных блоков касалось уточнения его

местоположения относительно маяка мыса Панагия, обмерялось также некоторое количество угольных блоков. Проводились осмотры объекта, при этом на блоках угля обнаружен фрагмент стенки античной амфоры и средневековой плинфы, а неподалёку – обломок древесины, изъеденный древоточцем. Выявление новых фактов, предположительно связанных с обстоятельствами крушения судна, окончательно убедили Д.Ф. Кравченко, что уголь – это груз древнего корабля, судя по штокам, архаического времени.

С 1982 г. подводно-археологический отряд КИАМ принял статус БПАО – Боспорского подводно-археологического отряда, руководство которого взял на себя к. г. н. К. К. Шилик. Отрядом проводились подводные разведки Керченского пролива в течение семи лет [Шилик, 1983 – 1988]. Рифам у мыса Панагии уделялось эпизодическое внимание почти в каждом сезоне. Совокупный результат этих работ выражен в обследовании 0,5 га площади дна в центральной и западной частях рифа Трутаева, где обнаружено около 50 новых археологических свидетельств навигационной деятельности в античное время. Характерной чертой этого периода работ являлось то, что найденные предметы, за исключением фрагментов амфор, со дна не поднимались. Изменились и методы проводимых разведок – дно обследовалось по квадратам площадью в 100 кв. м. Среди находок этого периода подводных разведок: якорные камни в виде вытянутых «брусьев» архаического времени (?) - 2 экз.; свинцовые штоки или их элементами различных конструкций к деревянным якорям античного времени – 20 экз.; окаменелыми формами железных якорей Т-образного типа поздней античности – 2 экз.; жерновами и зернотёрками античного времени – 2 экз.; профилированными фрагментами амфор и пифосов из античных производственных центров Понта и Эгейского моря – 20 экз.

Последний этап подводных разведок рифа Трутаева в пошлом столетии проводился в начале 90-х годов экспедицией Краснодарского музея-заповедника под руководством А.В. Кондрашова [Кондрашов, 1991–1993; 1995]. Целью разведок было получение археологических материалов, подтверждающих существование у мыса в древности

якорной стоянки или гавани. По данным публикаций и археологическим отчётам в течение 3-х лет практически вся территория южного рифа была обследована. Подводные работы велись по всей его полосе на протяжении 3,1 км, ширина полосы обследования составляла 200 – 250 м. Дно осмотрено на площади 62 га. Открытые под водой объекты подтверждали существование на рифе древней якорной стоянки, они условно делились на две группы, это снаряжение судов – в основном якоря; и грузы судов – фрагменты амфор, кровельной черепицы и другие материалы. Общее количество выявленных артефактов составило 98 ед., из которых 49 ед. (50%) приходилось на фрагменты черепиц двух скоплений (комплексов), 26 ед. – на различные виды деталей якорных устройств, 15 ед. – фрагменты амфор античного времени, 5 ед. – сетевые грузила и 2 ед. – детали зернотёрок.

Современный этап подводных разведок у мыса Панагия относится к 2015-2016 гг. Подводные разведки проводятся Боспорской подводно-археологической экспедицией (БПАЭ) [Зинько, 2016; 2017]. Первый сезон работ показал, что проводимые здесь ранее исследования не затронули большую часть площади рифа, хотя в отчётах и публикациях было заявлено о сплошных [Кравченко, 1981, с.17] и полных [Кондрашов, 1995, с.58] осмотрах их акваторий. Данное положение послужило основанием в определении общей цели дальнейших работ и постановке конкретных задач. Методичное археолого-географическое обследование отдельных участков дна рифовых поясов с батиметрическими обмерами подводного рельефа и выявление количества, состава и характера распределения археологического материала по площадям – это цель и задачи нового этапа изучения якорной стоянки древних судов у мыса Панагия. Такой научный подход направлен на создание широкой научной основы, которая позволит проследить многообразные типы связей между обнаруженными артефактами. Сведение этих связей в единую теоретическую картину, очевидно, прояснит природу возникновения и функционирования одной из крупнейших якорных стоянок античных судов на Боспоре.

В течение двух полевых сезонов обследовано 5,3 га площади

рифов. Открыто 122 археологических предмета, среди которых артефакты античного времени составляют 112 ед., средневекового – 1 ед., нового – 10 ед. В античных предметах якоря и их детали из различных материалов занимают долю в 44,6%, фрагменты амфорной тары – 16 %, фрагменты строительной керамики – 34,8%, прочие (жернова судовых мельниц, рыболовные грузила, монеты) – 4,6%. Концентрация артефактов наблюдается вокруг ключевых скал-останцев рифовых поясов мыса. Археологические предметы Нового времени в общем количестве находок составляют незначительную часть, но они свидетельствуют о довольно частых авариях парусных судов в западной акватории рифа Трутаева.

Краткий очерк открытия и изучения якорной стоянки древних судов у мыса Панагия позволяет заключить, что один из крупнейших памятников древней навигации на Боспоре был открыт и предварительно изучен благодаря деятельности общественных групп и экспедиций, направляемых научными сотрудниками региональных музеев – в начале Керченского музея, а несколько позже Краснодарского музея. Определённый положительный вклад в этот процесс внесли и общественные группы столичных «гостей» - искателей сенсаций [Кожаринов, 1982]. В настоящее время изучением памятника занимается научный коллектив БПАЭ. Результатом активной подводно-археологической деятельности у мыса Панагия различных по статусу коллективов стало накопление значительного объёма уникальной для археологической науки информации. Её значимость состоит в том, что на обособленной акватории моря, расположенной у входа в Боспор Киммерийский – «у ворот в варварский мир», открыто достаточное количество археологических свидетельств, позволяющих приступить к изучению истории морской культуры Боспора. До настоящего времени эти ценные с научной точки зрения материалы не введены в научный оборот. Круг основных вопросов истории морской культуры Боспора, к разработке которых можно приступить, используя накопленные сведения, касается античной географии и навигационной практики, интенсивности мореплавания, грузоподъёмности торговых судов, устройства морских транспортных коммуникаций, игравших важную роль в международной и

региональной торговле, и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

- Азбунов М.* Новый этап в подводной археологии // Спортсмен-подводник: Сборник. Вып. 71 / Сост. С 73 В. А. Суетин. – М. 1984, С.57–63.
- Башарин С.* Море раскрывает тайны // Керченский рабочий № 231(14911) от 22 ноября 1977 г. – Керчь. С.4.
- Голенцов А., Дегтяренко Н.* Первое всесоюзное ... // Спортсмен-подводник: Сборник. Вып. 70/ Сост. С 73 В. А. Суетин. – М. 1983, С.26–30.
- Зинько А.В.* Отчёт Боспорской подводно-археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского о подводных археологических разведках в Керченском проливе в 2015 г. // Архив ИА РАН – Керчь, 2016, С.49.
- Зинько А.В.* Отчёт Боспорской подводно-археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского о подводных археологических разведках в Керченском проливе в 2016 г. // Архив ИА РАН – Керчь, 2017, С.109.
- Кислый А.Е., Шамрай А.Н.* Отчёт о подводных разведках у м. Тузла и м. Панагия – 1981 г. Часть II, с.26–31 // Архив КГКИЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 767. – 1981.
- Кондрашов А.В.* Отчёт о проведении подводной археологической разведки на участке мыс Панагия – мыс Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1992 г. // Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 17375 – 1993 г.
- Кондрашов А.В.* Отчёт о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского

- края в 1993 г. // Архив ИА АН СССР, Ф.1, Р. 1, № 18544 – 1994 г.
- Кондрашов А.В.* Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. Вып. 2 – СПб. – 1995, с.55–67.
- Кожаринов В.* С аквалангом за тайнами // Советская культура № 64 г. - М. 1982.
- Кравченко Д.Ф.* Отчет о проведении подводной археологической разведки побережья Таманского полуострова (в районе мысов Тузла, Панагия, Железный Рог). Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 10058. – М, 1982.
- Кравченко Д.Ф.* Отчёт о проведении подводной исторической разведки экспедицией «Цемесская бухта» по побережью Краснодарского края в районах Таманского полуострова, Анапы, Новороссийска, южной Озерейки и мыса Большой Утриж в 1982 г. // Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 11611. – М, 1983.
- Курин Л.* Море дарит тайну... // Комсомольская правда – М, 1980.
- Лаврухин В.Н.* Рабочий журнал поисковой группы подводных работ КИАМа (Рукопись – 45с. с ил.) // Архив КГКИЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 739. 1977.
- Лаврухин В.Н.* Отчёт о работе подводной экспедиции Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. Керчь. (Рукопись – 34 стр. с ил.) // Архив КГКИЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 852. – Керчь, 1978.
- Шамрай А.Н.* Отчёт о работе подводно-поисковой группы «Корабел» при КИАМ за 1979 г. (Рукопись – 23 с. с ил.) // Архив КГКИЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 740 – Керчь, 1979, 23с.
- Шамрай А.Н.* Поднято со дна Керченского пролива // Спортсмен-подводник: Сборник. Вып. 67. Сост. В.А. Суетин. – М, 1982, с.53 – 61.
- Шамрай А.Н.* Античные и средневековые якоря Т-образного типа из Керченского пролива (каталог находок) // БИ. Вып. XXIV.

Симферополь-Керчь, 2010, с.469–496.

Шамрай А.Н. Комплекс свинцовых штоков античных якорей у мыса Панагия (по материалам подводных археологических разведок 1985 г.) // Боспорские чтения. Вып. X1. – Керчь, 2010, с.472 – 478.

Шилик К.К., Шамрай А.Н. Отчёт о работе Боспорского подводно-археологического отряда в 1982 г. // Архив КГИКЗ, Оп.2, Ед. хран. № 768. – Керчь, 1983.

Шилик К.К. Отчёт о работе у села Заветного Ленинского района Крымской области и у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 13312. - Л.- Керчь, 1985.

Шилик К.К. Отчёт о работе на Таманском полуострове у мысов Тузла и Панагия (Темрюкский район Краснодарского края) в 1985 г. // Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 12312. – Л,1988.

ЗИНЬКО В.Н., ЗИНЬКО А.В.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь)

ДРЕВНИЕ ГАВАНИ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА¹

Эллинические колонии на европейском побережье Боспора Киммерийского, основанные в конце VII – первой половине VI вв. до н.э., размещались в удобных для мореплавания и обороны местах. Это были возвышенности в устье рек, расположенные в глубине морских бухт. За прошедшие тысячелетия конфигурация берегов пролива сильно изменилась. Эти изменения связаны с целым комплексом причин: поднятие уровня моря (около 3,5 – 4 м), речными наносами, сейсмической активностью, а в более позднее время и антропогенным воздействием [Поротов, Зинько, 2013]. В период греческой колонизации на европейском побережье Боспора Киммерийского располагалось три больших бухты (рис.1), из которых к настоящему времени сохранилось две: Керченская и Камыш-бурунская [Зинько В., 2016, с.3]. В глубине Керченской бухты на холме находился Пантикапей, а на одном из мысов северного берега – Мирмекий. В глубине Камыш-бурунской бухты располагалась Тиритака, а на южной оконечности – Нимфей.

Гавань Пантикапея была описана Страбоном: «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадий; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей» [Strabo VII, IV, 3]. По мнению В. Д. Блаватского, гавань была защищена построенным при Спартокидах

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

большим молотом и находилась на месте Таманской пристани, занимая не менее 300 м береговой линии [Блаватский, 1951, с. 25-26]. Судя по геоморфологическим наблюдениям ранняя гавань Пантикапея располагалась в небольшой бухточке с песчаной косой у восточного подножия горы Митридат. По данным геологических бурений, в античную эпоху здесь находился узкий залив [Синенко, 2001, с.50], в который двумя рукавами впадала река (рис.2). К рубежу эр он был полностью занесен илом и песком. Тогда же эта часть города была отсыпана строительным мусором и застроена, а в районе современной площади Ленина, возможно, расположилась агора позднеантичного Пантикапея. Вероятно, в это же время был реконструирован порт, защищенный новым молотом, функционировавшим, надо полагать, на протяжении всего средневекового периода. В XIX в. его остатки отчетливо прослеживались в виде каменистой гряды, вытягивающейся по направлению к северо-востоку более чем на 300 метров (район современного морского вокзала Керчи).

В результате наших подводных исследований в южной части Керченской бухты были выявлены несколько интересных объектов относящихся к гавани Пантикапея [Зинько А., 2014]. Особый интерес представляют обнаруженные на входе в бухту у мыса Ак-бурун на каменной отмели остатки древней постройки и фрагменты керамики - объект Белый-1. Общая площадь объекта Белый – 1 составляет около 0,2 га, а основную массу обнаруженного керамического материала можно предварительно датировать IV-III вв. до н.э. Особо следует отметить, что керамический материал происходит из искусственной подсыпки и содержит фрагменты черепицы, а также остатки каменной кладки [Зинько А., 2016, с.20-21]. Все это свидетельствует о нахождении на каменной отмели какой-то постройки IV-III вв. до н.э., возможно маяка.

С южной стороны мыса Ак-бурун в 2011 г. на площади более 19 га было выявлено керамическое поле – объект Белый-3. При обследовании в 2012-14 гг. здесь были подняты клейменные фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Синопы, а также чернолаковая и простая столовая посуда, на части из которой сохранились граффити. Особый интерес

представляет корабельная керамическая печка эллинистического времени. Насыщенность керамическим материалом, среди которого встречаются и целые формы, свидетельствует что этот объект, сформировался на месте стоянки античных судов в акватории гавани Пантикапея, а затем при проведении дноуглубительных работ в 1970-х гг. у СРЗ, был перемещен на мелководье к мысу Ак-бурун [Зинько А., 2016, с.22].

Геоморфологические и подводные археологические исследования, проводимые нами в Камыш-бурунской бухте, позволили установить расположение и примерные очертания гавани Тиритаки, которая в настоящее время в большей степени скрыта речными наносами [Поротов и др., 2014, с.58-59]. Гавань находилась в глубинной северо-западной части большой Камыш-бурунской бухты, в месте впадения в нее двух рек. Вход в эту гавань прикрывал небольшой островок, ставший в настоящее время каменным рифом. Здесь выявлены фрагменты керамики и боспорской черепицы IV-III вв. до н.э. [Зинько А., 2012; 2013]. В первые века н.э. Тиритака являлась одним из важнейших городов Боспора по добыче, переработке и торговле рыбой [Зинько, 2015 а]. Все это было возможным только при наличии удобной гавани, которая функционировала на всем протяжении существования города.

Из труда Страбона известно о прекрасной гавани Нимфея [Strabo VII, IV, 3]. В отличие от Пантикапея и Тиритаки, которые находились в глубине хорошо защищенных от ветров бухт, город Нимфей располагался на высоком каменистом мысу, являвшимся крайней южной точкой Камыш-бурунской бухты. Обычно в подобных географических условиях гавани устраивались за мысами, экранирующими акваторию от моря. В Керченском проливе господствуют северо-восточные ветра и ветроволновой режим не претерпел существенных изменений с античного времени.

Очертания мыса, на котором расположен Нимфей довольно сильно изменились за прошедшие тысячелетия. Восточная оконечность мыса в результате повышения уровня моря оказалась частично затоплена и постройки, располагавшиеся здесь утрачены. Повышение уровня

сопровождалось усиленной волновой переработкой и разрушением прибрежной части новочерноморской террасы, занятой приморскими кварталами города. Северная сторона мыса теперь закрыта мощными наносами песчаной косы [Зинько А., 2015]. В ходе подводных разведок проводимых с южной стороны мыса, где предположительно могла находиться нимфейская гавань, были обнаружены фрагменты амфор, однако каких-либо портовых построек выявить не удалось.

Исследования последних лет значительно расширили сведения о гаванях Пантикапея, Нимфея и Тиритаки, в то время как в письменных источниках сохранились лишь очень краткие упоминания о первых двух.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д.* Материалы по истории Пантикапея //МИА. 1951. № 19.
- Зинько А.В.* Подводные археологические разведки в припортовой части Тиритаки: предварительное сообщение // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. – Новый Свет, 2012. – С.36-39.
- Зинько А.В.* Подводные археологические разведки припортовой части Тиритаки // АДУ в 2012 р. – Киев-Луцк, 2013. - С.49.
- Зинько А.В.* Охранные исследования на некрополе Тиритаки и подводные разведки у мыса Ак-Бурун // АДУ в 2013 р. - Киев, 2014. - С.38.
- Зинько А.В.* Южная часть европейского побережья Боспора Киммерийского в античную эпоху (по данным геоархеологических исследований 2011-2014 гг.) // Материалы XVI Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». – Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А.Зинько. - Керчь, 2015. – С.136-141.
- Зинько А.В.* К вопросу о рыболовном промысле в ранневизантийской Тиритаке // ТГЭ.- Т. LXXIV. - Византия в контексте мировой культуры. – СПб, 2015 а. – С.369-376.

- Зинько А.В.* Новые подводные археологические исследования в Керченском проливе // МАИЭТ. – Вып. XXI. – 2016. – С. 19-29.
- Зинько В.Н.* Особенности природно-ландшафтной ситуации на европейском побережье Боспора Киммерийского в период эллинской колонизации // БИ. – Вып. XXXIII. – Керчь, 2016. – С. 1-16.
- Синенко Р.Г.* Исторический ландшафт Керчи // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.
- Поротов А.В., Зинько В.Н.* Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // БИ. – Вып. XXVIII. – С.-Керчь, 2013. – С. 3-20.
- Поротов А.А., Мысливец В.И., Зинько В.Н., Зинько А.В., Гайнанов В.Г., Зверев А.С.* Развитие рельефа побережья Керченского пролива в районе м. Камыш-Бурун в позднем голоцене (по данным геоархеологических и сейсмоакустических исследований) // Вестник МГУ, География, № 2, 2014-02-13. – М., 2014 – С. 56-71

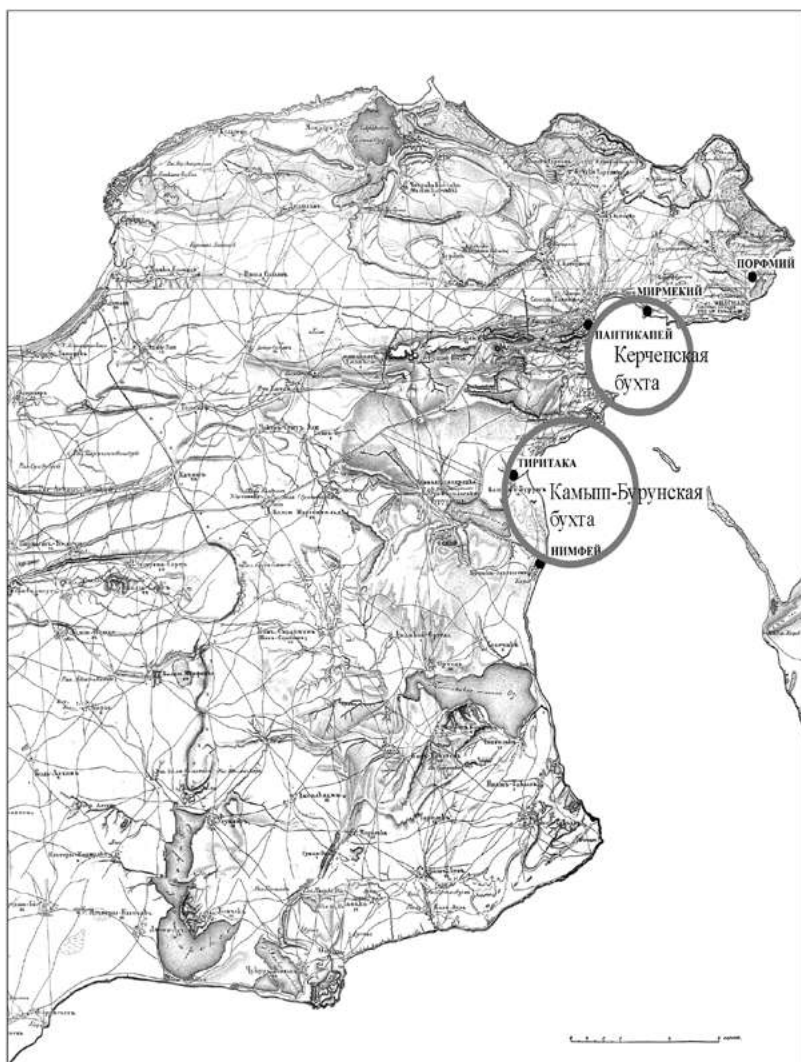

Рис.1. Бухты западного побережья Керченского пролива.

Рис.2. Примерные очертания древней гавани Пантикапея, нанесенные на план И Бларамберга 1827 г.)

ЗИНЬКО Е.А.
(НИЦ ИАК КФУ им.В.И.Вернадского, Симферополь).

РЕЧНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ БОСПОРА¹

В древности одним из наиболее употребляемых видов доставки товаров являлись водные пути: морские и речные. Водные перевозки были в несколько раз экономичнее сухопутных и при этом относительно быстро преодолевались значительные расстояния. Эллинские колонии возникли на побережье Боспора Киммерийского в результате длительного использования народами Средиземноморья морских путей, но большую роль играли и доступность внутренних коммуникаций. Общеизвестно, что многие колонии, ставшие в последствии важными городскими и торговыми центрами, основывались в устьях рек, служивших торговыми путями во внутренние регионы варварского мира. Существует ли такая закономерность для городов европейского побережья Боспора?

В настоящее время водными ресурсами Керченский полуостров небогат, но зона пролива является наиболее благоприятным районом, здесь сосредоточено несколько маловодных, в настоящее время, рек, впадающих в Керченский пролив. Балочные долины и сухоречья характеризуются кратковременным и небольшим стоком во влажный период. Однако иное положение было в античную эпоху. Как показывают данные почвоведческих анализов, а также палеоботанические исследования культурных слоев античных городов и сельских поселений, на Боспоре имелись леса, которые сохранялись, несмотря на интенсивную вырубку и хозяйственную деятельность,

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

длительное время. Согласно Феофрасту на Боспоре произрастали дуб, вяз, ясень и другие лиственные породы [Theophr., IV, 5, 3]. Н.И. Сокольский полагал, что Керченский полуостров в античную эпоху напоминал собой лесостепь, подобную лесостепи северных предгорий современной Яйлы. Он считал, что одна из крупных рощ, которую возможно связать со сведениями Феофраста, существовала к северу от Пантикапея в районе дер. Катерлез (ныне с.Войково).П. Дюбрюкс и И. Бларамберг при составлении карты Боспора обозначили в этом районе горы, «которые были покрыты лесом», где по их словам и теперь вырывают корни больших деревьев [Сокольский, 1971, с.23].

Низменные местности к северу от Пантикапея являлись большой приморской долиной обводненной рекой Мелек-Чесме (древний Пантикап). Побережье, примыкающее к Керченскому проливу, характеризуется большим количеством развитых аккумулятивных форм, и имело в основном тот же характер и в античную эпоху, будучи даже более изрезанным за счет существования лиманов и балок, превратившихся ныне в соленые озера. Согласно свидетельству Стефана Византийского город Пантикапей был назван по наименованию протекавшей у его подножия реки – Пантикапа. В древности эта река была значительно полноводнее и на многие километры простиралась вглубь полуострова вдоль северной подошвы скалистой гряды (рис.1), на вершинах которой возвышались Золотой курган, Куль-оба и другие погребальные комплексы. Уже с конца VI-V вв. до н.э. вблизи ее берегов возникают сельские поселения, ориентированные на производство зерна [Зинько, 2004]. Эта река служила естественным водным путем к городу и какая-то часть сельскохозяйственной продукции перевозилась в столицу Боспора и водным путем.

В этой связи интересны комплексы, открытые в северо-западном предместье Пантикапея. Еще В.Ф.Гайдукевич предположил, что северо-западная окраина Пантикапея была застроена «жалкими лачугами бедноты и невзрачными домами ремесленников», а в 1929 г. археологами здесь были открыты остатки керамического производства (большая обжигательная печь и др.) [Гайдукевич, 1949, с. 166]. Ниже по склону в настоящее время обнаружены большие свалки керамического

брака, образовавшегося на протяжении нескольких столетий. Однако эти свалки отмечены у реки, ближе к подножию горы, а территория непосредственно у крепостных стен была занята хозяйственными комплексами по переработке и хранению зерна. В 1945-1949 гг. В. Д. Блаватским здесь на Эспланадном раскопе (западная окраина города) были исследованы зерновые ямы - «обширный комплекс с оградой из больших каменных глыб» [Блаватский, 1964, с.214, рис.74].

Часть такого комплекса была раскопана мною в 2008 г. к востоку от Госпитальной улицы напротив дома № 40. На небольшой площади были исследованы две вырубленные в слое мергеля хозяйственные ямы. Яма № 1 колоколовидной формы была глубиной 2,95 м, а ее горловина на высоту 0,86 м была обложена хорошо обработанными и подогнанными друг к другу большими известняковыми камнями. На дне этой ямы лежала каменная крышка, изготовленная из цельного фрагмента известняковой плиты. В 2 м к юго-западу от ямы № 1 находилась хозяйственная яма № 2, которая также была вырублена в плотном слое мергеля. Она была глубиной 2,88 м и имела колоколовидную форму. Горловина ямы № 2 была огорожена каменной стенкой, которая сохранилась высотой до 0,25 м. Судя по керамике из заполнения ям, они функционировали в III-IV вв. [Зинько, 2012].

Еще один комплекс как минимум из 3-х ям был уничтожен в северо-западном предместье вблизи западной крепостной стены древней столицы при строительстве дома в 2007-2008 гг. в Почтовом переулке. Эти ямы также были колоколовидной формы и, судя по подъемному материалу, датируются III-IV вв. Здесь же, немного ниже по склону, экспедицией А.И. Айбабина, в ходе охранных раскопок в 2002 г. была исследована постройка с прилегающим зольником. Судя по находкам терракот и граффити это могло быть загородное святилище, функционировавшее в первые века. Среди находок особый интерес вызывает фрагмент горловины боспорской амфоры с пяти-строчной надписью. По мнению В.А. Сидоренко перечисляемые в граффити имена принадлежат не жителям Пантикапея, а иногородним гражданам. Иногородняя принадлежность носителей не характерных для ономастики Боспора имен позволяет рассматривать само содержание граффити как

список вкладчиков, оставивших свои капиталы на сохранение храмовому банку [Сидоренко, 2003]. Учитывая хозяйственные комплексы по хранению зерна, а также близлежащую реку Пантикапу (наиболее удобная артерия для транспортировки зерна из сельских районов полуострова), можно предположить, что в северо-западное предместье в III-IV вв. не только перерабатывали и хранили зерно, но осуществляли его продажу и отгрузку.

Определенное своеобразие имеет южная часть территорий зоны пролива. Она представляет собой плато с севера, юга и запада ограниченное большими, вытянутыми на десятки километров низменными участками с развитой системой балок озер и ныне небольших рек (рис.1). В настоящее время с северной стороны располагается система производственно-технических водоемов и иных искусственных гидросооружений, обозначенных на современных картах как Чурбашское озеро, а с южной – Тобечикское озеро. В античную эпоху оба озера являлись крупными обводненными балками, устьевые части которых подтапливались морем.

В геологическом отношении Чурбашское озеро является отрезком субширотного Парпачского регионального разлома, простирающегося от Ак-Монойского перешейка до Таманского полуострова. В районе озера сочленяются два разнонаправленных простираения Керченского полуострова – широтное и северо-восточное. Берега озера носят тектонический облик. Балки обрамления и мелкие овраги, впадающие в озеро, перпендикулярны к оси озера, кроме западной, самой крупной – Чурбашской, совпадающей с ней. Широтные разрывы нарушения и опущенные блоки миоцен-плиоценовых отложений свидетельствуют о сбросовом характере акватории озера. В античную эпоху Чурбашское озеро составляло часть большой речной системы, истоки которой находятся сравнительно далеко на западе в глубине Керченского полуострова (район поселения Михайловка), впадающего в морской залив, на северном берегу которого находился боспорский город Тиритака, а на южном – город Нимфей. Территория дельты этой реки и древнего морского залива еще в 50-е годы XX века представляли собой заболоченную поросшую камышом низменность, богатую

водоплавающей птицей [Зинько, 2003, с.13-14].

Низовья долины р. Чурубашка, часть которой занята современным оз. Чурубаш, отделены от моря низкой морской террасой. Она образована серией древних генераций Камыш-Бурунской косы, формировавшихся в ходе последовательного выполнения залива на месте устьевой зоны Чурубашского лимана. Средняя ширина зоны аккумуляции и как следствие выдвигения береговой линии в Камыш-Бурунском заливе составляет 2 - 2,5 км. Современная Камыш-Бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Результаты изучения строения прибрежных отложений, слагающих Камыш-Бурунскую террасу, показали, что она с поверхности сложена толщей относительно крупнозернистых детритовых песков серо-коричневого цвета мощностью 4 - 6 м. Присутствующий раковинный материал представлен редкими целыми окатанными раковинами и раковинным детритом, несущим черты переотложения. Фаунистический комплекс представлен широким набором видов, характерных для позднеголоценовых отложений Керченского пролива: *Ostrea edulis*, *Chione gallina*, *Cardium edule*, *Chlamys glabra*, *Donax trunculus*. Толща детритовых песков, слагающих древние береговые валы, подстилается слоем мелкозернистых, хорошо сортированных серых песков с редкими раковинами *Chione gallina* [Поротов и др., 2014].

К обеим берегам реки Чурубашка тяготеют античные сельские поселения, первые из которых можно датировать концом VI в. до н.э. (Южно-Чурубашское, Аглофабрика). Количество этих поселений значительно увеличивается позднее, когда Боспор активно ведет внешнюю морскую торговлю хлебом, который поставлялся в его порты из сельских районов в том числе и по речным путям. Особый интерес представляет поселение Аглофабрика, расположенное на речном мысу в непосредственной близости к западу от Тиритаки [Зинько, 2007, с.57]. В 1933 г. Ю.Ю. Марти в строительной траншее у подножия холма, на котором располагается поселение, в непосредственной близости древнего речного берега, открыл скопление терракот (всего собрано свыше 200 экз.), в основном изображений Коры или Деметры. Большая часть статуэток – IV в. до н.э., но есть несколько головок явно архаического

типа. Эти находки Ю.Ю. Марти связывает со существовавшим здесь святилищем, где терракоты являлись votivными приношениями. Интересны также найденные здесь жернов и большой пифос [Марти, 1941, с.26]. Судя по всему, река, впадавшая в морской залив, на берегах которого находились Тиритака и Нимфей, являлась важным водным торговым путем во внутренние сельские районы европейского Боспора.

Важную роль играла еще одна безымянная река, впадавшая в Тобечикское озеро (рис.1). В морфологическом отношении котловина этого озера отчетливо разделяется на две части: западную – узкую и восточную – широкую, почти округлых очертаний. Крутые и высокие (до 30-35 м) берега озера поражены оползнями. В отдельных пунктах северного побережья встречаются карагатские морские отложения. С запада в озеро впадает балка Ичкил-Джилга, а с востока узкая песчано-ракушечная пересыпь отделяет его от акватории Керченского пролива. В античную эпоху восточная часть озера представляла собой глубокий морской залив, частично перегородженный северной и южной косами, в который с запада впадала по балке Ичкил-Джилга довольно крупная река, а с севера, вблизи современных сел Челядиново и Огоньки, небольшие речушки. Со стороны Нимфея здесь располагалось крупное поселение Тобечик-8, основанное в конце VI в. н.э.. Позднее в последней трети V в. до н.э. в 1 км к западу от него, ближе к устью реки строится 4-х башенный форт – поселение Тобечик-9 [Зинько, 2003, с.49-52]. Далее на запад вглубь сельских территорий на северном берегу реки находится поселение Огоньки.

Анализ палеогеографических и археологических данных дают основание утверждать, что реки, впадавшие в Боспор Киммерийский в местах основания эллинских колоний, служили водными путями для поставки сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна, к морским гаваням, а также товаров ремесленного производства на сельские поселения и дальше на территории заселенные варварами.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В.Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. - М., 1964.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство.- М.-Л., 1949.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. – Вып.III. – 2003.
- Зинько В.Н.* Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея //Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 2004.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // БИ. – Вып.XV. – 2007.
- Зинько Е.А.* Историческая топография северо-западного предместья Пантикапея-Боспора в III-VI вв. н.э. // Боспорские чтения. – Вып.XIII. – Проблемы урбанизации – Керчь, 2012.
- Марти Ю.Ю.* Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки //МИА - № 4. – М.-Л., 1941.
- Сидоренко В.А.* Банковские операции при храмах на Боспоре в I в. до н.э. – II в. н.э. (по материалам граффити) //БИ. - Вып. III. – Симферополь-Керчь, 2003.
- Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Поротов А.А. Мысливец В.И., Зинько В.Н., Зинько А.В., Гайнанов В.Г., Зверев А.С.* Развитие рельефа побережья Керченского пролива в районе м. Камыш-Бурун в позднем голоцене (по данным геоархеологических и сейсмоакустических исследований) //Вестник МГУ, География, № 2, 2014-02-13. – М., 2014.

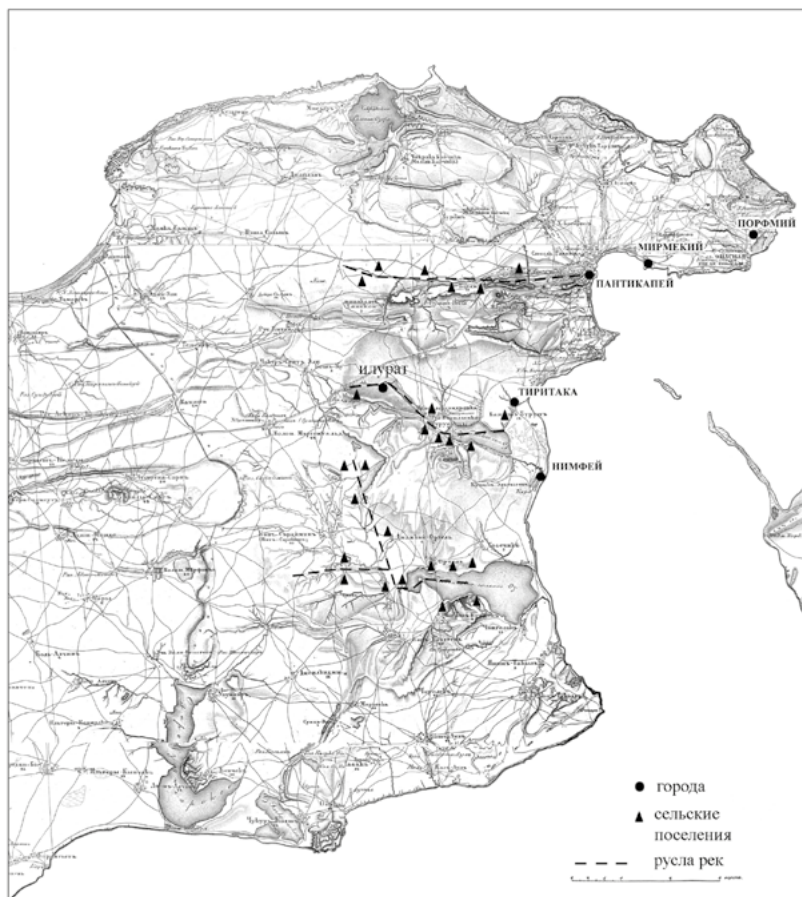

Рис.1. Карта европейской части Боспора с указанием русел рек вблизи Пантикапея, Тиритаки и Нимфея.

ЗУБАРЕВ В.Г., СМЕКАЛОВ С.Л., ЯРЦЕВ С.В.
(ТГУ, Тула)

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ АНТИЧНЫХ ДОРОГ НА ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА¹

Тема античных дорог занимает немалое место в работах, посвященных истории древнего мира. Знаменитые римские стратегические дороги изучены, наверно, столь досконально, что это может быть образцом законченного исторического исследования. Однако, когда вопрос заходит о более раннем времени он становится гораздо более сложным. Известные атласы древнего мира [Atlas, 1977; Atlas, 2000], содержат ценнейшую информацию о расположении античных городах и показывают трассы основных известных дорог древнего мира, однако, дороги доримского времени показаны, в значительной степени предположительно. В средиземноморском регионе достоверно известно лишь небольшое число таких дорог, как, например 50 километровая мощеная дорога минойского времени на Крите или почти 2500 километровая дорога, соединявшая Средиземное море с Персидским заливом функционировавшая, предположительно с середине 4-го тысячелетия до н.э.

Вопросу изучения дорог древней Греции был посвящен состоявшийся 1998 году симпозиум [Symposion, 1998]. Материалы этого симпозиума также подтверждают скудность имеющейся информации о древних дорогах доримского времени. Исследователи отмечают

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/БЧ).

сложность выделения следов древних дорог и преимущественно косвенный характер определения их трасс.

Наиболее подробно вопрос об античных дорогах в причерноморском регионе, исследован, по-видимому, Я.М. Паромовым для Азиатской части Боспорского государства. Им подготовлена карта дорог Таманского полуострова в античное время, а также разработаны методы выделения следов древних дорог на местности и по фотоснимкам [Паромов, 1998, с. 216-225].

Для Керченского полуострова схема реконструкции древних дорог приведена в работе В.Г. Зубарева [Зубарев, 2005, с. 451]. Схема опирается, главным образом, на материалы письменной традиции, трассы дорог отмечены условно, по прямым, соединяющим города и поселения. В работе А.А Масленникова [Масленников, 1998, с. 178] представлена реконструкция системы дорог восточнее Узунларского вала в первые века н. э., основывающаяся на археологических данных о системе оборонительных сооружений этого периода. Однако и в этом случае масштаб карты заставляет рассматривать ее скорее как схему, основывающуюся на логике построения системы обороны Боспорского царства и учитывающую основные особенности рельефа местности.

Вопросы прохождения дорог вблизи берегов Керченского пролива рассматриваются Н.Ф. Федосеевым в статье, посвященной древним переправам [Федосеев, 1999, с. 61-102]. Данные об отдельных фрагментах местных дорог хоры Нимфея, локализуемых по археологическим признакам собраны в работе В.Н.Зинько [Зинько, 2003, с. 240-241]. Однако комплексных исследований, специально посвященных изучению древних дорог европейского Боспора, подобно тому, как это было сделано Я.М. Паромовым для Таманского полуострова, еще не было.

Остановимся кратко на некоторых методах, используемых для точной локализации античных дорог.

Первыми,наверное,наиболееочевидным,являетсяиспользование старых карт и данных аэро и космической съемки. Основной задачей здесь является определить, восходят ли отображенные на картах, либо видимые на снимках дороги или протяженные линейные структуры к

античному времени, либо возникли в более позднее время.

Вторым методом является локализация древних дорог по цепочкам курганов.

Третьим методом является моделирование дорожной сети с использованием пространственного анализа энергетических затрат на преодоление расстояние с учетом движения по рельефу местности, см., например, [Коробов, 2011, с. 111-124; Журбин и др., 2015, с. 28-41]

Четвертым методом, безусловно, является выделение дорог на основе прямых археологических признаков на местности - дороги постоянно использовались для перемещения людских и грузовых масс и на узкой полосе земли, шириной несколько метров, происходили соответствующие изменения в поверхностном слое грунта (уплотнение, образование небольших впадин), а также откладывалось значительно количество керамики. Выявление дорог по археологическим признакам затрудняется во многих случаях тем, что современные дороги проходят там же и полностью маскируют (или уничтожили) следы дорог древних.

Два из вышеперечисленных методов были использованы авторами для территории Восточного Крыма.

В работе Д.В. Бейлина [Бейлин, 2016, с. 6-12] приведено около двух десятков примеров расположения поселений первых веков нашей эры близ дорог, обозначенных на топографических картах XIX века. Авторы данной публикации решили проверить его суждение для более широкого круга объектов на основе имеющейся у них базы данных по археологическим памятникам Крыма. Из полной базы данных нами были отобраны памятники, расположенные восточнее Узунларского вала, координаты которых установлены по ГЛОНАСС-GPS на местности или точным картам (точность 10-30 м). Из набора имеющихся точек были отобраны координаты объекты, отстоящих друг от друга не менее чем на 1 км. Мы считали, что точки расположенные ближе могут относиться к одному и тому же памятнику, всего отобрано 167 точек (рис. 1).

Далее было проведено вычисление расстояний от данных точек до ближайших дорог, обозначенных на карте -»верстовке» (масштаб 1:42000) конца XIX века. Для сравнения было проведено определение

расстояний до ближайших дорог для такого же количества точек, случайным образом распределенных по той же территории. Как показали подсчеты, среднее расстояние до ближайшей дороги в первом случае составляло 197 м, во втором - 258, медианные значения расстояний, 140 и 185 м, соответственно. Таким образом, можно утверждать, что античные памятники «тяготеют» к дорогам, обозначенным на «верстовке» и эти дороги, отражают, вероятно, и древнюю дорожную сеть. Естественно, необходима дальнейшая работа по проведению более детального совпадения отдельных дорог с набором поселений.

Кроме карты - «верстовки» было проведено сопоставление тех же памятников, с дорожной сетью, отображенной на карте А. Мухина 1817 г. (масштаб 1:168000). Однако в этом случае средние и медианные расстояния от памятников оказались больше, чем расстояния до случайно распределенных точек - 2800, 2347 и 2146, 1660 м. С одной стороны на карте А. Мухина представлена гораздо менее полная сеть дорог, с другой, точность карты существенно ниже, а положение даже основных дорог не совпадает с дорогами на «верстовке». Таким образом, использование карты А. Мухина для локализации дорог представляется нецелесообразным. Третья карта, которая принималась во внимание - карта - «трехверстовка» (масштаб 1:126000) 70-х годов XIX века. Детальный анализ авторами пока не проводился, но предварительное сравнение ее с «верстовкой» показывает совпадение основных дорог, и, вероятно, их удаленность от памятников будет, примерно, такая же, как на «верстовке».

Второй использованный метод - локализация дороги, по цепочкам курганов. Сам по себе факт прохождения курганных цепочек вдоль дорог установлен уже достаточно давно. Очень эмоциональное объяснение связи между положением дорог и курганов дано более 130 лет назад в работе А. О. Котляревского: «Помещение могильных холмов на видном месте путей вполне соответствует их назначению: с одной стороны, они свидетели памяти покойника, с другой - пограничные стражи родной земли, оберегаемой прахом почивших предков, ибо жилищам богов приличнее всего стоять на меже путей». [Котляревский, 1868, с. 123].

Собственно дорогами в современном понимании этого слова данные дороги, возможно, и не являлись. Для периодического перемещения больших кочевых групп населения правильнее говорить о «полосах» перемещения, миграционных путях, положение которых могло варьироваться в пределах сотен метров, и, вследствие этого, изменения в поверхностном слое могут быть весьма незначительны, а подъемный материал рассредоточен, и непосредственная археологическая локализация дорог затруднена. Прохождение цепочек курганов, и соответственно дорог по возвышенностям имеет и еще одно объяснение. Древние пути, не имевшие твердого покрытия, проходили, как правило, по водоразделам, просыхавшим в степи в первую очередь [Шилик, 1979, с.11].

Важные данные для прояснения вопроса о дорогах Восточного Крыма были получены при изучении детальных карт: т. н. «верстовок» (масштаб 1:42000) съемки 1890 -х гг. и карты масштаба 1:25000, съемки 1955-65 гг. При помощи ГИС MapInfo на них были выделены все отмеченные курганы и нанесены на общую компьютерную карту. Ошибка определения координат составляет по нашим оценкам 20-60 метров на местности. Сделаем небольшое отступление, касающееся особенностей отображения курганов на «верстовках» и картах масштаба 1:25000.

Было замечено [Смекалова, Смекалов, 2006, с. 204-225], что для одних и тех же районов на «верстовках» присутствует гораздо большее число курганов за счет того, что на эту карту наносились все, даже подчас очень маленькие, возвышенности (хотя, безусловно, часть курганов, особенно мелких, могла просто быть разрушенной за полвека, прошедших между созданием этих карт) . Высота курганов на «верстовках» в большинстве случаев не обозначена. На карте масштаба 1:25000 нанесены только более или менее заметные курганы, высота которых превышает 1 м, и только в отдельных случаях 0,5 м (высоты курганов на этой карте обозначены). Ряд курганов отмеченных на карте 1:25000 связан с развалинами деревень, присутствующих на «верстовке» и такие курганы исключались из рассмотрения. Некоторая часть объектов, отмеченных как курганы, на карте 1:25000, по-видимому,

имеют естественное происхождение – на «верстовке» они соответствуют вершинам возвышенностей, однако относительное число таких объектов не велико и исключать их из рассмотрения без разведок на местности мы посчитали ненужным. Хотя представление на одной карте курганов является не совсем корректным – возможно дублирование курганов при незначительном смещении координат одного и того же кургана на картах 1:25000 и «верстовках» (и, тем самым, увеличение числа курганов на карте по сравнению с истинным), однако как мы покажем далее, это несущественно для используемого ниже метода локализации древних дорог.

Общее число курганов, выделенных по обеим картам более 4800. Они более или менее равномерно расположены в западной, степной части Крыма, примыкающей к Сивашу, но эта равномерность полностью нарушается, как только мы приближаемся к границе Керченского полуострова, и это первое, что бросается в глаза при изучении сводной карты курганов. На ней наибольшее впечатление производит протяженная цепочка очень часто следующих курганов, которая тянется от северо-восточной окраины г. Старый Крым вдоль реки Чурук-Су, затем, у с. Новопокровка резко поворачивает на восток и идет вдоль Парпачского гребня вплоть до Узунларского вала. Далее эта линия раздваивается, и одна ее часть идет к Нимфею, другая – к мысу Ак-Бурун. Наиболее четко прослеживается часть цепочки, идущая к мысу Ак-Бурун. Вероятно, именно здесь проходила наиболее интенсивная переправа через пролив. Цепь курганов продолжается и на азиатском берегу напротив Ак-Буруна.

Хотя многие курганные цепочки явно выделяются, и их визуальное трассирование не составляет труда, все же, на значительной части территории, предполагаемые трассы дорог могут быть проведены неоднозначно. Для уменьшения субъективности при визуальном трассировании нами была проведена процедура буферизации (объединения) курганов. Данная процедура входит в стандартный набор операций ГИС MapInfo. В результате этой операции формируется набор полигонов-буферов, каждый из которых выделяет территорию с курганами, удаленными от ближайшего на расстояние не более заданного.

Далее построенные буферы фильтровались по размеру площадей, и из рассмотрения последовательно исключались буферы малой площади - построенные вокруг одиночных курганов и группы курганов, не образующих протяженных цепочек. При использовании буферов становится несущественным дублирование курганов на картах 1:25000 и «верстовке», так как близко расположенные курганы практически не меняют площадь буфера, если радиус буферизации превышает ошибку определения координат курганов.

На рис.2 приведена карта отфильтрованных буферных зон и, построенная на их основе схема «курганных» античных дорог Восточного Крыма. В квадратных рамках на рис. 2. заключены два участка территории с особенно большой концентрацией курганов. Учитывая данное Геродотом (Herod. IV, 101) расстояние дневного перехода в 200 стадий, или 35 км (пересчет норм пути, приводимых Б. А. Рыбаковым [Рыбаков, 1979, с. 21]), можно предположить что, на этих участках, расположенных в 40 километрах от Пантикапея и от восточной оконечности Керченского полуострова - мыса Фонарь, могли находится ночные стоянки, отделенные днем перехода от переправ через Керченский пролив. Либо здесь заканчивался первый день дня торгового пути IV в. до н.э. из Пантикапея в Каменецкое городище, проходящего через Арабатскую стрелку [Болтрик, 1990, с.40].

Нами было проведено также определение расстояний между 167 объектами и 167 случайными точками, использовавшимися для анализа дорожной сети обозначенной на топографических картах, до «курганных» дорог. Средние расстояния получились равными 1031 м и 985 м, а медианные 656 и 671 м. Т.е. расстояние от известных памятников до «курганных» дорог практически такое же, как для случайного набора точек. Это можно рассматривать как свидетельство того, что «курганные» дороги - миграционные, либо дальние торговые пути и использовались преимущественно при сезонных миграциях, в то время как дороги, соответствующие обозначенным на топографических картах, являлись дорогами для внутренних коммуникаций постоянного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин Д.В.* К вопросу об основных направлениях транспортных коммуникаций в первые века н.э. // Таврические студии. № 10, 2016. С. 6-12.
- Болтрик Ю.В.* Сухопутные коммуникации Скифии // СА, 1990. №4. С. 30-44.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2003. Т. IV. 320 с.
- Журбин И.В.,* Груздев Д.В., Петров Р.П., Чиркова О.Т. Метод реконструкции дорожной сети исторического региона на основе оптимизации трудозатрат // Историческая информатика. Вып. 1-2. 2015. с. 28-41.
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.
- Коробов Д.С.* Основы геоинформатики в археологии. М., 2011. 224 с.
- Котляревский А.О.* О погребальных обычаях славян. М., 1868.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. 304 с.
- Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова // Древности Боспора. М., 1998. № 1. С. 216-225.
- Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. 248с.
- Смекалова Т.Н.,* Смекалов С.Л. Системы дорог и клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // Археологические вести. СПб., 2006. № 13. С. 204–226.
- Федосеев Н.Ф.* Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. 3. С. 61-102.
- Шилик К.К.* Транспортные пути античного Северного Причерноморья // Материалы II Всесоюзн. симпоз. по древней истории Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VII-V в. до н. э.). Тбилиси, 1979.
- Atlas, 1977.* Tubinger Atlas des Vorderen Orients. 1977. Reichert
- Atlas, 2000.* Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton University Press 2000, directed by Richard J. A. Talbert.
- Symposion, 1998.* Proceedings of a Symposion Organized by the Cultural Association Aigeas (Athens) and the German Archaeological Institute (Athens) with the Support of the German School at Athens, November 23, 1998].

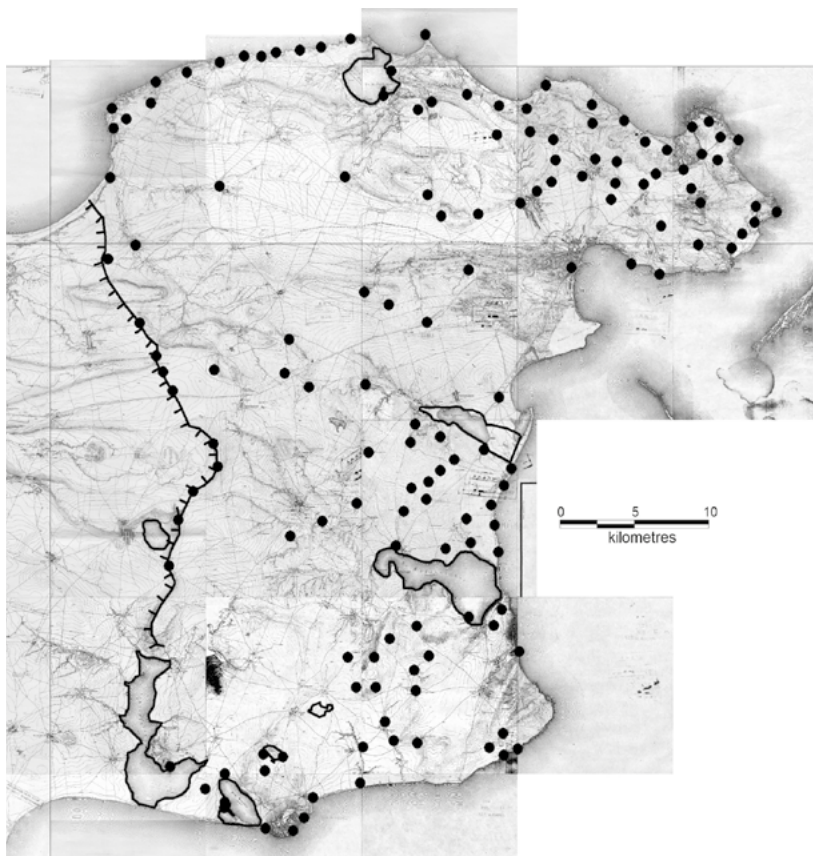

Рис.1. 167 памятников, выбранных для определения расстояния до дорог по карте-«верстовке».

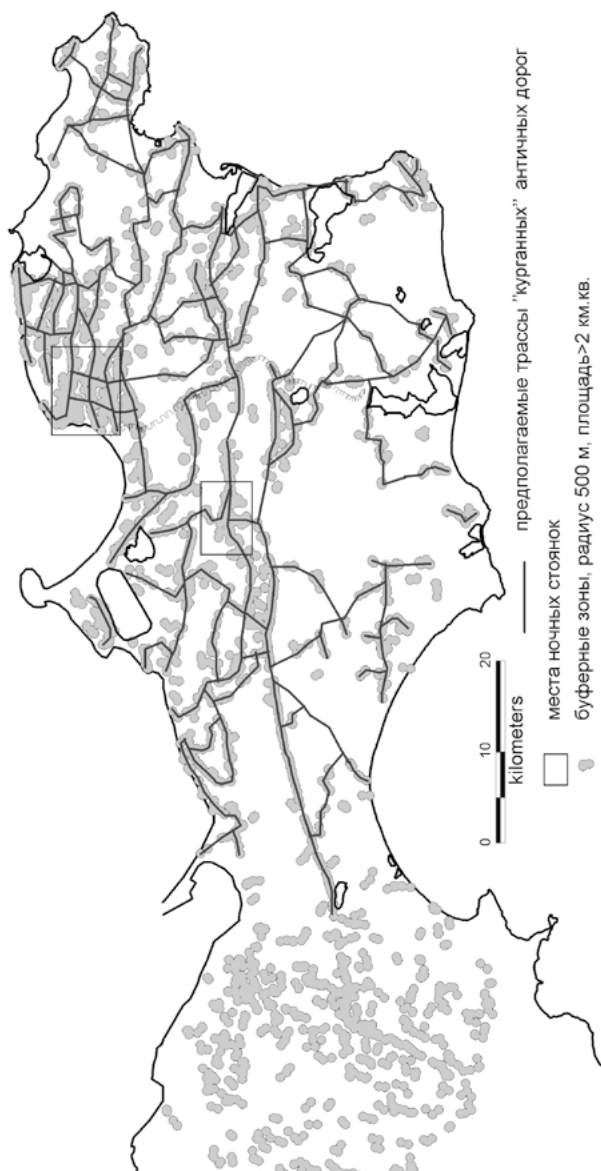

Рис. 2. Реконструкция системы «курганов» античных дорог Восточного Крыма.

ИБРАИМОВА С.Ш.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

КАРАВАН-САРАИ – ТОРГОВЫЕ ЦЕНТРЫ КАРАСУБАЗАРА

После распада Золотой Орды и образования Крымского ханства, торговые связи Крыма претерпевают изменения. «Шелковый путь», соединявший Крым с Европой и Азией, приходит к упадку. С приходом турок в 1475 г. прекращается морское сообщение Крыма со Средиземноморьем, а Солхат, расположенный рядом с главным рынком полуострова – Кафой, постепенно теряет своё значение и разоряется. На смену ему приходит новый крупнейший торговый и экономический центр – Карасубазар (ныне Белогорск). О специализации города говорит его название – Карасу-Базар – «Рынок на Чёрной речке». Центрами торговли в Карасубазаре были караван-сарай – «ханы».

Караван-сарай (перс. – дом караванов) – это большой постоянный двор для размещения караванных обозов, который включал в себя обширное замкнутое пространство под открытым небом – для отдыха выючных животных, окружённое многочисленными складами и комнатами для ночлега сопровождающих караван [1, с.72]. Известные с древности, караван-сарай широко распространились в IX–XVIII вв. в связи с ростом городов и усилением транзитной караванной торговли, в основном на торговых путях Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья.

У караван-сарая есть другое распространённое персидское название – «хан», от слова «комната, помещение». Ханы возникали в местах активной торговли, ремесленной деятельности, на караванных путях. Внутри караван-сарая находились комнаты для проживания и складские помещения, загон для животных. Самыми известными караван-сараями в Крыму считаются Таш-Хан («Каменный Караван-

сарай») в Солхате и Верхний Таш-Хан в Карасубазаре, построенный в 1654 г. Сефер-Гази-агой, визирем хана Мехмеда IV Герая. Об этом гласит сохранившаяся до наших дней мраморная плита, находившаяся при входе в Таш-Хан Карасубазара. Наиболее полное описание внешнего вида Таш-Хан встречается у Эвлии Челеби, посетившего Карасубазар в 1666 г.: «...Это хан великого везира Сефер Гази-ага, возведённый на рынке в самом центре города. Это как будто замок города Карасу. Эта прекрасная, могучая и крепкая цитадель, построена из камня. Внутри находится колодец с питьевой водой. Этот хан имеет сто двадцать комнат на двух этажах. В стенах его со всех четырёх сторон имеются бойницы, а на всех четырёх углах стоят дозорные вышки, огромные как башни. В случае осады этот хан надёжнее многих замков» [2, с.129]. По сообщению путешественника, периметр каменных стен составлял около четырёхсот широких шагов. Следовательно, площадь хана достигала 10 тысяч квадратных метров (что в 4 раза превышало Солхатский караван-сарай, имевший периметр 2500 квадратных метров) [3, с.17]. Хан строго охранялся: «Стражники на воротах внимательно следят как за входящими, так и выходящими и не впускают в хан никого постороннего.... назначают стражников достойных, ибо проживают там наиболее богатые купцы со всех семи климатов» [2, с.129-130]. Безопасности в ханах уделяли большое значение, ведь хранившиеся в них товары нуждались в охране. Караван-сарай первые подвергались ограблению в случае войн или мятежей. С помощью крепких стен, башен с бойницами можно было отбить нападение и выдержать осаду. В первой половине XVII в. донским казакам не раз удавалось пробиться в Карасубазар и разграбить его.

После того, как Османская империя перерезала торговые связи Крыма с Генуей, а Московское царство – с Ираном и Центральной Азией, Крым выпал из широкой международной торговли. Караван-сарай не прекратили свою работу, а продолжили обслуживать местных и турецких торговцев. В ханах была сосредоточена вся торговая жизнь города. Жители степи привозили на продажу продукты животноводства, среди которых особой популярностью пользовались изделия из кожи, а купцы из Османской империи - восточные ткани.

Развитие торговли в Карасубазаре сделало город наиболее привлекательным для жизни. Он быстро разрастался, привлекая всё новых жителей. Сюда стали переселяться ремесленники не-мусульмане – греки и армяне из султанской Кафы, притесняемые турками.

Город находился под управлением калги-султана, второго после хана лица – его старшего брата или ближайшего родственника. В Карасубазаре частично разгружались транзитные товары, прибывавшие по великому шёлковому пути [4, с.64].

Следует отметить, что во времена Крымского ханства в Карасубазаре насчитывалось 11 караван-сараев и каждый специализировался на определённых товарах. Турецкий исследователь Нури Кавак в монографии «Карасувский кадылык (1683–1744). Пример поселения в Крымском ханстве» приводит названия 11 ханов [5, с.82].

Рядом с ханами в Карасубазаре находились рынки (базары) – Базар Шор (скорее всего, по названию квартала Шор, где он был расположен), Базар Мырза, Базар Эсир (невольничий рынок), Базар Ат (лошадиный), Базар Давар (здесь продавали овец и коз, шерсть и шкуру).

Основываясь на сведениях судебных книг Крымского ханства – сиджилях (Kırım Şer'iyye Sicilleri), а именно, на базе судебных записей из Карасубазарского кадылыка, турецкий исследователь Зейнеп Озьдем в монографии «Социально-экономическая жизнь крымского Карасубазара конца XVII – середины XVIII вв.» [6] подробно описала быт, экономику и социальный уклад Карасубазара. Автор приводит ценные сведения о торговой жизни города. Например, то, что Таш-Хан был местом торговли армян и иранцев, а рядом с ханом Ширин-бея находился невольничий рынок. Теме работорговли в исследовании посвящена целая глава, в которой подробно описывается внешний облик рабов из разных стран, распространённые имена и стоимость разных категорий невольников.

Работорговля была одним из наиболее распространённых видов внешней торговли. Активно торговали мёдом, воском, солью, животными и зерновыми продуктами. Судя по записям в сиджилях, популярными импортными товарами были шерсть, хлопчатобумажные ткани, пряжа, меха, железо, кухонные принадлежности, мёд из Анатолии, фундук из

Трабзона, финики.

Благодаря фундаментальным работам турецких исследователей, использовавшим большой массив фактического материала, мы можем узнать об ассортименте товаров и о том, как на протяжении столетия менялись цены. Известно, что только один виноград был представлен более чем десятью сортами. Продавалось несколько видов мёда, яблоки, инжир, сухофрукты, пастила. Из орехов были популярны миндаль, фундук, каштаны. Спросом пользовались оливки и оливковое масло, фасоль, горох, пшеница, чечевица, а также мясо и кисломолочные продукты.

В начале XX в. возрастает интерес к историческому наследию Карасубазара. Проводится ряд инспекций: в 1926 г. архитектор Б.Н. Засыпкин и директор Бахчисарайского дворца-музея У.А. Боданинский исследовали состояния памятников Карасубазара, подлежащих учёту и охране и составили акт, в котором особое внимание было уделено Верхнему и Нижнему Таш-Хану [7, с. 126-127]. В 1928 г. Осман Акчокраклы при осмотре памятников Карасубазара составил акт, в котором отметил, что «...древние памятники брошены на произвол судьбы» [8, с.126-127]. Однако работа по сохранению культурного наследия остановилась в 1930-х годах, когда Б.Н. Засыпкин был сослан в лагерь, а У.А. Боданинский расстрелян. Спасти памятники не удалось, Таш-Хан продолжал подвергаться систематическому разрушению.

К сожалению, сейчас трудно представить бывшее величие города. О караван-сараях города Карасубазар, так поразившем Эвлию Челеби, можно судить только лишь по сохранившимся руинам западной стены. Караван-сарай не раз подвергался разграблениям казаков, в 1737 г., после того как стал резиденцией хана Фетиха II Герая, был сожжён армией Густава Отто Дугласа, сильно пострадал от бомбёжек в годы Великой Отечественной войны. Этот архитектурный памятник, являвшийся символом культурного разнообразия города, несомненно, требует комплексных археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Плужников В.И. Термины российского археологического наследия: словарь-гlossарий. Москва, 1995.
- Эвлия Челеби. Книга путешествий Эвлия Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь, 1996.
- Крикун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII – XX вв.). Симферополь, 1998.
- Абдуджемиль Р. Карасубазарский Караван-сарай «Таш-Хан» // Qasevet. 2012. №40. С.62-68.
- Nuri Kavak. Karasu kazası (1683-1744) Kırım hanlığı'nda bir yerleşme örneği. Bursa, 2014.
- Zeynep Özdem. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. yüzyıl sonlardan 18. yüzyıl ortalarına kadar). Ankara, 2010.
- Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– (Серия: «Библиография крымоведения»; Вып. 11). Симферополь, 2008.
- Акчокраклы О. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии. Симферополь, 2016.

ИВАНОВ А.В.
(Краснодар)

КОММЕРЦИЯ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ АРХЕОЛОГИИ КУБАНИ

В VI в. до н.э. на территории Северо-Западного Кавказа начинается этап культуругенеза. В процессе скифского перемещения, на основе протомеотского населения VIII–VII вв. до н.э. складываются два культурных образования: в Закубанье формируется Меотская культура, а на территории Черноморского побережья в регионе Анапы–Новороссийска образуется племенной массив, объединенный одной археологической культурой, куда были инкорпорированы такие племена как синды, керкеты и тореты (Иванов, 2016, с. 261-262). Этот процесс происходил на фоне ещё одного знакового для региона события – начало греческой колонизации. На черноморском побережье, в зоне боспорского пролива и на Таманском архипелаге возникают первые апойкии. С этого момента между греками и автохтонами завязываются довольно тесные отношения построенные, в первую очередь, на торговле, которая, на тот момент и в последующем будет играть основную роль в межкультурном взаимодействии, если не определять его.

До недавнего времени о контактах автохтонов с греками в VI в до н.э. мы могли судить по отдельным находкам¹. Сейчас, после исследования широкими площадями селища «Марьянское»² у ст. Марьян-

¹ Среди них: родосско-ионийский килик первой половины VI в. до н.э. из погребения 51 кургана 15 некрополя у аула Уляп К (Лесков, Беглова, Ксенофонта, Эрлих, 2005, с. 76. рис. 203); фрагменты ионийской керамики VI в. до н.э. происходят с городищ Старокорсунское пятое и Пашковское шестое (Каменецкий, 2000, с. 120). Так же см. свод импортной керамики раннемеотских памятников Прикубанья (Лимберис, Марченко, 2012, с. 47-49).

² Экспедициями под руководством В.Ю. Кононова в 2013 г. и П.А. Ларенка в 2015 г.

ской под Краснодаром, регулярных академических раскопок поселения «Тарасова Балка» у Костромских курганов в предгорной Адыгее³, не говоря уже о приморских памятниках (Сударев, 2014, с. 99-100), становится очевиден размах этой торговли. И все же, признаем, что он в значительной степени уступает объемам последующей эпохи. Первые контакты между культурами, видимо не отличались устойчивостью и носили эпизодический характер. Они не затрагивали существенно ни образ жизни автохтонов, ни требовали изменений в хозяйственной сфере и в общественной структуре. Кубанские памятники этого времени свидетельствуют о довольно простой социальной шкале. Населенные пункты представляли собой небольшие родовые поселки (Каменецкий, 1989, с. 249; Лимберис, Марченко, 2010, с. 206), могильники, связанные с этими поселениями, так же соответствовали родоплеменной системе без выраженной имущественной дифференциации. Идентичную картину мы наблюдаем и в регионе Анапы–Новороссийска (Дмитриев, Малышев, с. 53-70).

На рубеже VI–V вв. до н.э. происходит всплеск торговой активности. Как показали наши раскопки, проведенные Южным региональным центром археологических исследований (г. Краснодар) на поселениях «Самойленко», «Усатова Балка» и «Шуха», ровно, как и исследования поселения «Вестник» экспедицией ИА РАН под руководством Н.И. Сударева, на памятниках приморской зоны фиксируется резкий всплеск продукции античных центров, в первую очередь амфор. Чуть позднее, уже в V в. до н.э. здесь распространяется и столовая посуда, и в дальнейшем ее количество только увеличивается⁴. Свидетельства этой

³ Экспедицией во главе с Т.В. Рябковой (Рябкова, 2016, с. 108-111).

⁴ Особое внимание к керамике в варварской среде не случайно, так как она является, зачастую единственной археологически сохранившейся категорией. Естественно, помимо столовой керамики и продукции в амфорах, которая на первых порах, была сопоставима с предметами роскоши, были и другие статьи импорта – различные украшения, зеркала, бусы, парадная посуда, возможно, ткани и т.д.

активности прослеживаются и на материалах кубанских памятников⁵. Рост торговли был вызван несколькими факторами. Во-первых, это укрепление позиций колонистов и становление урбанистических структур первых апоекий, освоение Таманского полуострова и связанной с ней «внутренней колонизацией» региона⁶. Во-вторых, основанием на азиатской стороне Боспора такого крупного города как Фанагория, а затем, несколько позднее, Лабрита. Эти полисы, наряду с Синдской Гаванью, явились связующим звеном между античными центрами и населением Прикубанья, что позволило насытить рынок, даже на фоне довольно напряженной военно-политической обстановки в регионе (Завойкин, 2013, с. 386), более разнообразной продукцией. Она складывалась, в первую очередь из тех категорий товаров, которые, в силу различных причин, в местной среде производиться не могли, и потому были востребованы. Не совсем понятно до сего дня, что являлось экономической основой и чем торговали в этот период местные племена. По мнению исследовате-

⁵ Последней четвертью VI в. до н.э. (Ксенофонтова, 2002, с. 154) или концом VI – V вв. до н.э. (Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 76, рис. 127) датируется аттический светильник найденный в погребении 82 кургана 12 некрополя у аула Уляп. Чернофигурная ойнохоя из фондов Армавирского музея датируется концом VI – началом V вв. до н.э. (Лопатин, Малышев, 2002, с. 36, рис. 2). К этому же времени следует отнести амфору неустановленного центра Северной Эгеиды (протофасос) (Монахов, 2003, с. 41), происходящую из погребения 66 кургана 15 некрополя у аула Уляп (Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, рис. 215). С Тенгинского II городища происходят фрагменты лесбосских (Малышев, 1996, с. 110) и хиосских (Улитин, 2006б, с. 47) амфор относящихся к концу VI – первой половине V вв. до н.э. Фрагменты хиосских амфор этого времени были встречены на поселении Венцы I (Беглова, 1991, с. 91), а фрагмент лесбосской амфоры на городище № 2 у хутора имени Ленина (Монахов, 2003, таб. 30 – 31). К первому десятилетию V в. до н.э. относятся образцы клазоменской и «круга Клазомен» тары происходящие с территории Прикубанья (Улитин, 2006б, с. 42). Второй четвертью V в. до н.э. датированы фрагменты мендейской, протофасосских амфор найденные на городище № 2 у хутора имени Ленина (Улитин, 2009, с. 372, рис. 1, 2), а так же образцы протофасосской и хиосской тары с городища «Редант» (Каменецкий, 2001, с. 12). К этому времени относятся чернолаковые килики из погребения 79 кургана 12, погребения 8 кургана 15, скопления 2 кургана 5 некрополя у аула Уляп (Сокровища..., 1985, рис. 24; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, рис. 124, 172), а так же килик из фондов Армавирского музея (Лопатин, Малышев, 2002, с. 33, рис. 1а). Более точно, 470 г. до н.э. – дата чернофигурного килика встреченного в погребении 12 кургана 7 некрополя у аула Уляп (Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 76, рис. 50). К первой половине столетия относятся фрагменты фасосской тары с городища № 2 у хутора имени Ленина и могильника Черный лес (Улитин, 2006, с. 48 – 49; Монахов, 2003, таб. 37). Свод импортной керамики раннемеотских памятников Прикубанья (Лимберис, Марченко, 2012, с. 47-49).

⁶ Возможно, в это время начинается экспорт пшеницы с Боспора в Элладу (Кузнецов, 2009, с. 197; Завойкин, 2013, с. 385).

лей те же меоты в торговле с Боспором выступали как менее развитый партнер, вывозя преимущественно сырьё (Каменецкий, 1989, с. 248), в статьи «экспорта» входили металлы, шерсть, кожа, рыба, рабы и хлеб (Кошеленко и др. 2010, с. 268-277; Каменецкий, 2011, с. 308-309). К этому перечню, возможно, следует добавить и скот. Известна на античных памятниках Тамани и кубанская лепная керамика (Виноградов, 2006; Камелина, 2009; Журавлев и др. 2009), которая, видимо, служила тарой для каких-то определенных видов товара.

Очевидным, является ответ на вопрос о характере торговли между автохтонами и греками. В виду того, что в обозначенный период времени в материалах варварских памятников полностью отсутствуют находки монет, с большой долей вероятности можно говорить о натуральных обменных операциях при совершении сделок. А вот где эти операции происходили – вопрос открытый. Археология не располагает надежными сведениями о наличии эмпориев в регионе. Осторожные предположения о том, что в основе Семибратнего городища (Лабрита) лежит эмпорий не имевший политического статуса (Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 228), на данный момент методически оспаривается, как и сам подход к этой проблеме (Кошеленко, Кузнецов, 2010, с. 412-421). Между тем, наличие импорта у варваров, безусловно, свидетельствует о наличии рынков, где этот товар приобретался. То, что количество импорта внутри хинтерленда с удалением от греческих городов уменьшается, говорит о том, что торговля шла в непосредственной близости от полисов. Эта версия выглядит более обоснованной по той причине, что эллины могли предложить к торговле большее разнообразие качественного товара, чем варвары, и потому выступали доминантом. Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что важную роль в продвижении эллинских товаров играли сами местные племена, распространявшие их в удаленные от моря территории (Кузнецов, 2016, с. 256). Вероятно, помимо простой прямой торговли, можно допустить и существование посреднических её форм. Наконец, существует мнение, согласно которому для меотов нельзя исключать и транзитную торговлю (Каменецкий, 1989, с. 249), которая могла существовать

и у приморских племен.

Другой, не менее важный вопрос, на котором просто необходимо остановиться – кто среди варваров осуществлял эту торговлю и какой при этом имел статус? Как я уже упоминал выше родоплеменная организация местных племен времени колонизации региона, не отличалась социальным расслоением, по крайней мере, такие выводы следуют из археологических материалов. То есть торговали простые общинники. Но это на первых порах. Развитие же торговли и постепенное наращивание её объемов непременно должны были сказаться на структуре варварских обществ. Предположим, у каких-то групп населения, возможно у отдельных семей, коммерция со временем должна была бы стать основным родом деятельности, с дальнейшей генерацией прибыли, и накоплением её. Обогащение, к которому приводила торговля, неминуемо меняло социальный статус данных групп, что закладывало основу общественного неравенства, выраженного в формировании социальных элит.

Конечно, автор отдает себе отчет в том, что описанный им выше принцип обогащения – это довольно упрощенный механизм, не учитывающий многих факторов, и более того не единственно возможный. К слову, никто не отменял институт вожества, или, например, наличие старой родовой знати, сформированной в более раннее, скифское время, и как заметил И.С. Каменецкий, то, что мы можем не наблюдать дифференциацию на материалах варварских памятников, объясняется в основном уровнем нашего знания (Каменецкий, 1989, с. 249), а не отсутствием её. Однако, без ярко выраженного имущественного статуса⁷, невозможно понять социальный, тем более в родоплеменной системе. Трудно согласиться с тем, что автохтоны не знали богатств – этому противоречат роскошные предскифские и скифские комплексы предшествующей эпохи, и значит, мы действительно скорее имеем дело если не с общественным, то с материальным равенством.

Почему я обратился к этой проблеме? Сейчас, прослеживая социальное развитие варварских обществ Кубани, исследователи редко

⁷ Подобное положение связано, в первую очередь со спецификой нашей дисциплины, где во главу угла ставится источник вещественный.

останавливаются на вопросе происхождения элиты, если её понимать как социальную группу, представляющую собой устойчивую общность с глубокими связями входящих в неё людей, имеющих общие интересы и доступ к реальной власти. Становление этой категории, видимо ввиду недостатка знания, специально никогда не рассматривалось в контексте исторических процессов. Я думаю, что генезис элит у оседлых обществ Кубани тесно увязан с обозначенным мной механизмом обогащения, и является не столько социальным развитием самого общества⁸, сколько ответом на «вызов» со стороны греческих поселений, ответом на который стало осуществление политического контроля над торговлей и путями доставки товаров⁹.

Интересно, что после всплеска торговой активности на рубеже VI – V вв. до н.э. спустя всего примерно пятьдесят лет, то есть всего лишь два исторических поколения, на просторах Кубани возникает феномен Семибратних курганов – богатейший памятник не просто отдельным выдающимся членам общества, а династам. Т.е. к середине V в. до н.э. по крайней мере, на территории Синдики, кстати, ближайшей к грекам территории, можно воочию наблюдать результат процесса становления варварской элиты. У меотов он проходил несколько позднее – на рубеже V – IV вв. до н.э.¹⁰ но так же был связан со всплеском торговли и насыщением импортом кубанских племен. Видимо закономерно, что Елизаветинские курганы, под которыми были захоронены так же династы, расположены рядом с крупной площадкой – торговой факторией, которая находилась, по мнению Н.В. Анфимова на Елизаветинском городище (Анфимов, 1987, с. 124). Мне кажется, здесь можно провести параллель с Семибратними курганами, местоположение которых напрямую увязано с Лабритом.

Из всего сказанного становится понятным, что автор этих строк придерживается мнения, что выделяющиеся своей роскошью комплексы

⁸ Обогащение некоторых семей здесь в расчет не берется.

⁹ Не связано ли это с нестабильной ситуацией и военными конфликтами в это время?

¹⁰ Такое «запоздание» вызвано лишь вопросом расстояния.

второй половины V – IV вв. до н.э. которые мы соотносим с местными элитами, являются результатом торговли и той деятельности, которая её сопровождает. В этой связи любопытен еще один момент. Как известно, приход к власти Археанактидов совпадает по времени с сообщением Геродота, где говорится о кораблях с хлебом из Понта (Геродот. VII. 147). По предположению исследователей, в том числе и В.Д. Кузнецова этот хлеб происходил с Боспора: Археанактиды получали в виде налогов зерно, выращенное на подвластной им территории, и продавали его купцам из Греции (Кузнецов, 2009, с. 198). Умозрительная схема, в общем, выглядит вполне логичной, если учесть, что та же система вполне успешно работала при Спартокидах, являясь экономической основой не только государства, но и царского владычества. И если торговля на сопредельных с Боспором территориях послужила толчком к формированию властных структур, то кто поручится за то, что выгода от торговли хлебом не являлась истиной первопричиной узурпации власти неким Археанактом?

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В.* 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Виноградов Ю.А.* 2006. Лепная керамика архаического времени с поселения Артюшенко I с Таманского полуострова // Записки ИИМК. СПб. №1.
- Горнчаровский В.А., Иванчик А.И.* 2010. Синды // Античное наследие Кубани. Т.1. М.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А.* 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII-IV вв. до н.э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.
- Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д., Поротов А.В.* 2009. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

- Завойкин А.А.* 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь – Керчь.
- Иванов А.В.* 2016. Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Со-
поставление //ДБ. М.
- Камелина Г.А.* 2009. Лепная керамика из раскопок поселения Голубибиц-
кая-2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская архео-
логическая конференция. Краснодар.
- Каменецкий И.С.* 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного
Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской ча-
сти СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Каменецкий И.С.* 2011. История изучения меотов. М.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* 2010. Греческая колонизация Азиатского
Боспора // Античное наследие Кубани. Т.1. М.
- Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В.* 2010. Торговля // Античное
наследие Кубани. Т.2. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 2010. Меоты // Античное наследие Куба-
ни. Т.1. М.
- Кузнецов В.Д.* 2009. Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская
археологическая конференция. Краснодар.
- Кузнецов В.Д.* 2016. Фанагория и Синдика: некоторые заметки //
Фанагория. Результаты археологических исследований.
Том 4. М.
- Сударев Н.И.* 2014. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура
Боспорского царства. СПб.

КАЗАНСКИЙ М.М.
(ЦИИЦ Византии НЦНИ, Париж)

ПРИАЗОВСКИЕ ХУНУГУРЫ, МЕХОВАЯ ТОРГОВЛЯ И ВОДНЫЕ ПУТИ

В данной работе предпринята попытка археологического комментария к известному сообщению Иордана о меховой торговле хунугур/оногур. Напомним, что в его «Истории готов» только два народа упоминаются в связи с меховой торговлей - скандинавские суэханс, от которых мех попадает в Империю благодаря посреднической торговле (Иордан. *Getica*, 21,22, см. подробнее Казанский, 2010а; Казанский 2016а) и гунны-оногуры/хунугуры, торгующие *pellium murinarum* (Иордан. *Getica*, 37)¹. В *pellium murinarum* французский переводчик Иордана видит куницу (Jordanès, *Histoire des Goths*, 37), а Е.Ч. Скржинская- степных грызунов (Иордан. *Getica*, 37). Торговля шкурками степных грызунов в значительных масштабах вряд ли возможна, по крайней мере, ни какими другими источниками античности и средневековья она не засвидетельствована. Совершенно очевидно, что и хунугуры торговали шкурками не степных сусликов и мышей-полевок, а выступали в качестве

¹ До V века Рим, а стало быть и северопричерноморские колонии, вряд ли участвовали в меховой торговле, поскольку в Римской империи ношение меха рассматривалось как варварство (подробнее Казанский, 2010. С. 19, 20). Есть известное свидетельство Страбона о доставке кочевниками шкур в Танаис (Страбон, География, Кн. XI.II.3), но, возможно речь здесь идет не о мехе, а о сырье для изготовления кожи. Зато VI век - время расцвета транзитной меховой торговли между севером Европы и Средиземноморьем (Howard-Johnston, 1998; Kolendo, 1999). Некоторые историки утверждали, что мех для продажи в устье Дона доставляли скандинавы (Haussig, 1980). Фантастичность такой гипотезы очевидна, поскольку в эпоху Великого переселения народов скандинавы заходили на водные пути Восточной Европы не далее Финского залива и Ладоги, см. подробнее Казанский, 2010а.

посредников в трансевропейской меховой торговле между Севером и Югом (Haussig, 1971. P. 71, 72).

Это далеко не единственный случай участия степных народов в меховой торговле. Об обилии пушныны у кочевников прямо говорят средневековые источники (см. напр. Нунан, 2004. С. 276), при том, что отсутствие значительного количества «промышленного» меха в степи очевидно. Скорее всего он перекупался или забирался (дань, грабеж) у населения других территорий. Общеизвестно, что районом добычи мехов в Восточной Европе в I тыс. н.э. была исключительно лесная зона. Судя по остеологическим данным, а также по сообщениям более поздних письменных источников, промысловый характер пушная охота имела у населения Вятско-Камского междуречья, Верхнего Прикамья, Волго-Окского бассейна (Казанский, 2010а. С. 108, 109). Также не вызывает сомнений, что в эпоху хунгуrow, как и ранее, в позднеримское время (напр. Kazanski, 1992), или позднее, в эпоху Киевской Руси (см. напр. Даркевич, 1976. С. 163, 164, Табл. 52, 53), основными магистралями торговли с лесной зоной служили большие реки (Казанский 2016б). Чтобы участвовать в такой торговле оногуры должны были контролировать одну из крупных речных магистралей степного Причерноморья, идущих из лесной зоны – Днепр или Дон.

Известие Иордана о хунгурах помещено в контекст географического описания Скифии, отражающего ситуацию между 480-481 (приход болгар в Северное Причерноморье) и 527 (продвижение антов от Днепра к Дунаю) гг. (Казанский, 2014. С. 76-78). Сами хунгуры появляются в Причерноморье к 463 г., когда коалиция сарагур, урогов (угров) и хунгур изгоняет отсюда акацир (см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 102-105; Казанский, 2016а. С. 96-98). Хунгуры Иорданом не локализованы (Иордан, *Getica*, 36, 37). Зато у Равеннского Анонима (конец VII- начало VIII вв.), использовавшего описание Скифии Иордана (Аноним сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота (Равеннский Аноним, IV.2; см. Подосинов, 2002. С. 162). На этом основании хунгуrow принято размещать в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона (подробнее

см. Засецкая и др., 2007. С. 107; Казанский, 2016а, там же библиография вопроса)².

Видимо близ устья Дона находились и центры власти у оногур, о чем свидетельствует находка «княжеских погребений» постгуннского времени в Морском Чулеке (Засецкая и др., 2007; Казанский, 2016а). Обычно места резиденции знати являются и центрами сосредоточия торговли. Однако такой важный центр как Танаис исчезает в 450е-460 гг., где самые поздние слои и погребения не заходят далее 450-460 гг. (см. обзор: Kazanski, 2009. Р. 171-181; Обломский, 2010, там же подробная библиография). Причину его исчезновения надо видеть скорее всего в изменении политической ситуации на Нижнем Дону около 463 г. или чуть ранее, когда сарагуры, уроги и хунугуры громят акацир.

С учетом нижнедонской локализации хунугур в эпоху Иордана наиболее естественными путями доставки пушнины к устью Танаиса являются речные пути по Дону и Волге (до места ее наибольшего приближения к Дону) (Засецкая и др., 2007. С. 106; Kazanski, 2010. Р. 225, 226; Казанский, 2014. С. 77). Поэтому можно с большой долей уверенности предполагать, что хунугуры торговали мехом, полученным из лесной зоны Восточной Европы, либо по Волге, либо по Дону. Донской путь реконструируется для поздней античности и раннего средневековья по находкам боспорских монет III-IV вв. в бассейне Верхней Оки и Верхнего Дона, достаточно редких в восточноевропейском Барбарикуме (Kazanski, 1992. Р. 96, note 114; Бейдин, Мызгин, 2015; Мызгин, 2015), по распространению стеклянных бус эпохи переселения народов (Мастыкова, Румянцева, Егорьков, 2006) или покладам диргемов IX в. (Даркевич, 1976. С. 146, 147, 153, табл. 50.II; Нунан, 2004. С. 259). О существовании очень древнего пути по Дону может свидетельствовать и античная письменная традиция, согласно которой по Дону можно было

² Не исключено, что в течении VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы». Локализация хунугур/оногур на Северном Кавказе ранее VII в., также предлагаемая исследователями, вряд ли может быть принята, поскольку она, по сути, исключает участие в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны (Казанский, 2016а. С. 97).

попасть в Северный Океан (Джаксон и др., 2007. С. 35-49; Podossinov, 2008). Видимо о этом же говорит и « Географическое руководство » Птолемея, где перечисляется севера на юг список народов³, начинающийся на Балтике и заканчивающийся на Дону (Казанский, 2010а. С. 111; Казанский, 2010б. С. 124, 125). Показательно, что Донской путь «упирается» в регион активной добычи меха в Окском бассейне (Даркевич, 1976. С. 153).

Функционирование Донского пути в V в. подтверждается наличием многочисленных северопричерноморских элементов в культуре оседлого населения Верхнего Дона (рис. 2) (Обломский, 2009; Обломский, 2011; Обломский, 2012; Oblomskiy, 2013; Kazanski, 2009. Р. 180,181). Здесь, например, хорошо представлена гончарная и лепная причерноморская керамика или же фибулы понто-дунайских типов, распространяются понтийские ремесленные традиции, о чем свидетельствует наличие характерных гончарных горнов (Ксизово-19). Также найдены средиземноморские «кrapчатые» бусы (Мастыкова, 2004), средиземноморская стеклянная посуда (Гавритухин, 2015а), понтийские зеркала типа Карповка (Мастыкова, 2016, 247) и даже «княжеское» погребение (Мухино), горизонта Унтерзибенбрунн (380/400-440/450 гг.), свидетельствующее о распространении здесь престижной аристократической моды понто-дунайских варваров (Мастыкова, Земцов, 2014; Добровольская и др., 2015). Наиболее яркие находки, как Мухино, относятся к гуннскому времени, но некоторые понто-дунайские фибулы, обнаруженные на Верхнем Дону явно принадлежат постгуннскому времени, как например фибула-дериват типа Сокольнице из Замятнино (Гавритухин, 2004), обломок фибулы типа Гурзуф из

³ «.... Побережье океана у Венедского залива занимают Вельты, выше их Осси, затем, - самые северные – Карбоны, восточнее их Кареоты и Салы; ниже этих – Гелоны, Иппоподы и Меланхлены, ниже их - Агафирсы, затем Аорсы и Пагириты, ниже их - Савары и Боруски до Рипейских гор; затем - Акибы и Наски, ниже их - Вибионы и Идры, ниже Вибионов до Аланов – Стурны, а между Аланами и Амаксобиями- Карионы и Саргати; у поворота реки Танаида - Офлоны и Танаиты, за ними Осилы до Роксалан ... » (Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.10, цит. по SC I. С. 231).

Ксизово-19 (Гавритухин, 2015б. С. 229-230), поздние формы фибул типа Прша-Левице из Ксизово-19 (Гавритухин, 2015в. С. 203, 204) или фибулы-цикады из Ксизово-19 и Ольшанца (Гавритухин, 2015б. С. 213-215). Исследователи даже говорят о перемещении части понтийского населения на север. Действительно, вполне возможно, что часть населения региона Танаиса в следствие событий 463 г. (или каких-то перестроек более раннего времени) ушла на север, в бассейн Верхнего Дона. Следует подчеркнуть, что, судя по хронологии вещей контакт Верхнего Дона с Югом не был единовременным, а стало быть можно говорить о относительно долговременном функционировании Донского пути. Ярким доказательством последнего предположения является биоархеологическое исследование «княжеского» погребения в Мухино, где надежно установлено южное происхождение погребенной здесь девушки, происходящей из аридной степной зоны (Добровольская и др., 2015). При этом дата погребения - 380/400-440/450 гг. (скорее, по наличию «кrapчатых» бус заключительная часть этого периода) - явно раньше 463 г. Можно смело предполагать, что оседлое население Верхнего Дона служило промежуточным звеном в поступлении северного меха к нижнедонским хунугурам.

Нас не должно смущать отсутствие археологических следов этого пути в среднем течении Дона, в степи занятой кочевниками, поскольку характер степных памятников того времени (редкие изолированные погребения) не предполагает массового «выпадания» импортов. Кроме того, хорошо известны примеры функционирования речных путей через степь, когда путешественники стараются не входить в контакт со степняками. Достаточно привести рассказ Константина Багрянородного о плаваниях киевских русов по степному отрезку Днепровского пути в середине X в. (Константин Багрянородный, Об управлении империей. Гл. 9) или вспомнить хождение Игнатия Смольянина в 1389 г. в Царьград, когда клирики плывут сначала по безлюдному Верхнему Дону, а затем мимо татарских кочевий до Азова (Прокофьев 1978).

О функционировании Волжского пути в постгунское время археологических данных меньше. Для римского времени фиксируется

наличие импортов и монет вдоль Волги по III в. включительно, затем в IV в. они практически исчезают, что может быть связано с ударом Германариха по герулам Меотиды и, как результат, блокадой Волго-Донской водной трассы (Kazanski, 1992. Р. 95-96). Для V- первой половины VI вв. на Волге мне известны лишь отдельные предметы понтийского или византийского происхождения, такие как «парадный» византийский меч из погребения Покровск-Восход (Казанский, 2007. С. 123).

Итак, мех, которым на Меотиде торгуют оногуры скорее всего поступает к ним от оседлого населения из лесных территорий к северу от Дона, т.е. из бассейна Верхней Волги и Оки. Поступление пушнины из Прикамья черерз Волжский путь также в конечном итоге не исключено, но требует более развернутых доказательств.

БЛИОГРАФИЯ

- Бейдин Г.В., Мызгин К.В. 2015.* Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV-V вв.) / Обломский А.М. (отв. ред.). Москва: ИА РАН. С. 165-180.
- Гавритухин И.О. 2004.* Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Обломский А.М. (отв. ред.). Москва: ИА РАН, 2004, 89-94.
- Гавритухин И.О. 2015а.* Стекланный сосуд с синими налепами из Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV-V вв.) / Обломский А.М. (отв. ред.). Москва: ИА РАН. С. 270-273.
- Гавритухин И.О. 2015б.* Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV-V вв.) / Обломский А.М. (отв. ред.).

Москва: ИА РАН. С. 212-240.

Гавритухин И.О. 2015с. Фибулы подгруппы ЛевицеТокари в Подонье // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV-V вв.) / Обломский А.М. (отв. ред.). Москва: ИА РАН. С. 202-211.

Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Москва: Наука, 200 с.

Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. 2007. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. Москва: Индрик, 360 с.

Добровольская М.В., Земцов Г.Л, Мастыкова А.В., Медникова М.Б., 2015. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // Российская Археология № 1. 2015. С. 44–58.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 212 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург: Алатейя, 2001. 512 с.

Казанский М.М. 2007. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой //Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. – Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2007. С. 122-141.

Казанский М.М. 2010а. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь » в эпоху переселения народов // Stratum Plus, n° 4. С. 17-130.

Казанский М.М. 2010б. Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине //

- Археологические вести. № 16. С. 123-134.
- Казанский М.М.* 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский (отв. ред.), Москва: ИА РАН, 2014. – С. 45-137.
- Казанский М.М.* 2016а. Оногуры в пост-гуннское время на Дону // Дивногорский сборник, вып. 6. С. 96-111.
- Казанский М.М.*, 2016б. Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Stratum plus. № 4. С. 191-240
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Литаврин Г.Г., Новосельцев А.П. (ред.). Москва: Наука, 1989, 496 с.
- Мастыкова А.В.* 2004. Стекланные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Обломский А.М. (отв. ред.), Москва: ИА РАН. С. 84-88.
- Мастыкова А.В.* 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник, вып. 6. С. 241- 254.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л.*, 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. С. 200–222, цв. илл. XV–XVII.
- Мастыкова А.В., Румянцева О.С., Егорьев А.Н.* 2006. Связи населения Центральной России и понтийского региона в эпоху Великого переселения народов (по материалам стекланных бус) // Археологическое изучение Центральной России / Бессуднов А.Н. (отв. ред.), Липецк: Липецкий Гос. Пед. Университет. С. 264.
- Мызгин К.В.* 2015. Определение античных монет, найденных на поселении Ксзово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени

у с. Ксизово (конец IV-V вв.) / Обломский А.М. (отв. ред.).
Москва: ИА РАН. С. 364.

Нунан Т.С. 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы / Кирпичников А.Н., Седых В.Н. (отв.ред.), Санкт-Петербург: С.-Петербургский Университет, 2004. С. 256-313.

Обломский А.М. 2009. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник, Вып. 1. С. 252-267.

Обломский А.М. 2010. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), Конференция 2. Часть 1. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 174-202.

Обломский А.М. 2011. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / О.В. Шаров (отв. ред). Санкт-Петербург; Кишнев: Университет «Высшая антропологическая школа». С. 443-462.

Обломский А.М. 2012. Верхнее Подонье и Северное Причерноморье в середине 1 тыс. н.э. Проблема торгового пути // Inter Ambo Maris. Северные варвары на пути к Чёрному морю. Тезисы докладов. Симферополь: Региональный совет Западного Агдера - Таврический национальный университет - Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий». С. 220-230.

Подосинов А.В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. Москва : Индрик. 488 с.

Прокофьев Н.И. 1978. Хождение Игнатия Смольянина в Царьград. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып. 2. Москва: МГПИ. С. 136-145.

- Страбон*. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Москва: Научно-Издательский Центр «Ладомир», 1994. 944 с.
- Haussig H.W.* 1971. Histoire de la civilisation byzantine. Paris6 Librairie Jules Tallandier. 461 p.
- Haussig H.W.* 1980. Nachrichten über den skandinavischen Pelzhandel mit byzantinischen Kaufleuten an der Mündung des Don in der ersten Hälfte des 6. Jahrhunderts // Wirtschaft, Technik und Geschichte. Festschrift für A. Timm / Volker Schmidtchen V., Jäger E. (Hrsg.), Berlin: Camen. S. 53-62.
- Howard-Johnston J.* 1998. Trading from Classical Antiquity to the Early Middle Ages // Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology / Cameron E. (ed.), London: Archtype Publications for the Archaeological Leather Group. P. 65-79.
- Jordanès*, Histoire des Goths. 1995. Paris : Les Belles Lettres (traduction en français de O. Devilliers). 230 p.
- Kazanski M.* 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania. Bd. 70/1. S. 75-122.
- Kazanski M.* 2009. Archéologie des peuples barbares // Bucarest-Brăila6 Editura Academiei Române. 489 p.
- Kazanski M.* 2010. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Theune C., Biermann F., Struwe R., Jeute G.H. (Hrsg.), Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH.S. 225-238.
- Kolendo J.* 1999. L'importation de fourrures du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain // Münsterische Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte. Bd. 18/2. S. 1-23.
- Oblomskiy A.* 2013. The Upper Don and the Northern Black Sea Areas ca. 500 AD: Aspects of the Trade Route // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Khrapunov I., Styegar F.-A. Kristiansand-Suimferopol: Dolya Publihing House. P. 282-302.

Podossinov A.V. 2008. Das Schware Meer in der geokartografischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. III: Die Flussverbindungen zwischen dem Blatischen und dem Schwarzen Meer nachangaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Geokartographie // Ancien West & Est. vol. 7. P. 107-134.

SC I - Латышев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. Санкт-Петербург, 1890.

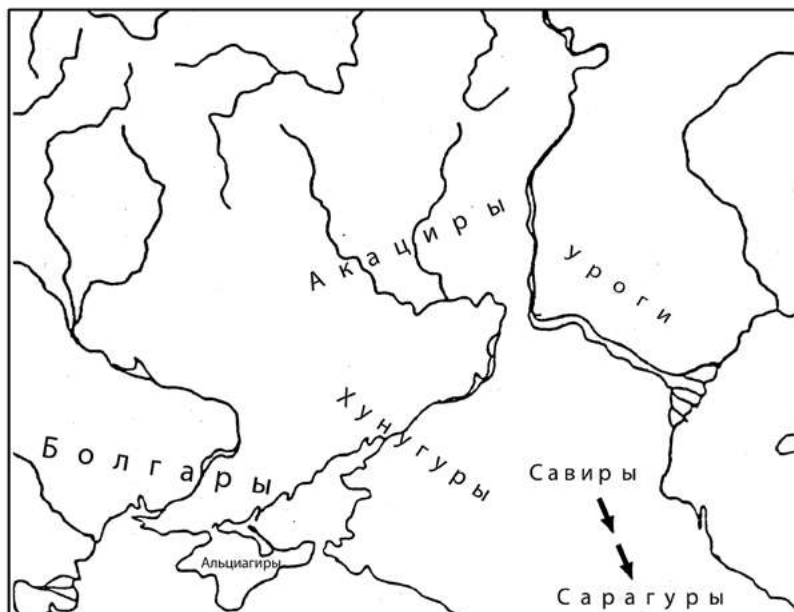

Рис 1. Карта расселения степных кочевников постгуннского времени по Иордану (480-527 гг.). По: Казанский, 2016.

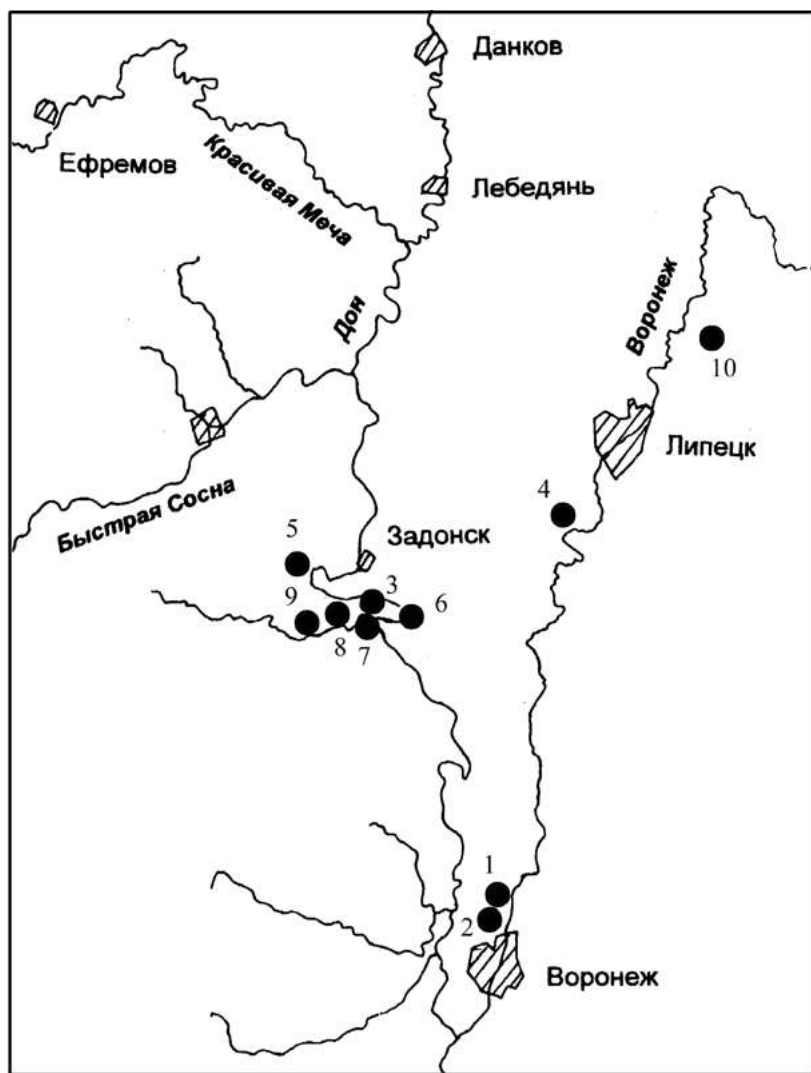

Рис. 2. Карта памятников Верхнего Дона гуннского и постгуннского времени с элементами понтийской культуры.

1 - Чертовичское-3; 2 - Чертовичское-6; 3 - Замятино (группа памятников); 4 - Малый Липяг; 5 - Каменка-4; 6 - Ксизово (группа памятников); 7 - Ксизово-8; 8 - Мухино; 9 - Ольшанец; 10 - Стаево-5.

По: Обломский, 2012, с дополнениями по: Мастыкова, 2016.

КАТЮШИН А.Е.

(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

**РУССКИЕ ВОЙСКА В КРЫМУ В КОНЦЕ
1776 – НАЧАЛЕ 1777 ГГ.
ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИЙ В ЗИМНИЙ ПЕРИОД.¹**

Несмотря на то, что армия России к концу XVIII века достигла известного совершенства в военном деле, средства связи и доставки материально-технического обеспечения войск оставались, по сути, на средневековом уровне. Изучение проблем этих коммуникаций может быть актуально и для реконструкции торговых путей народов предыдущих эпох.

Заключённый в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор подвёл важный итог в истории русско-турецкого противостояния, однако борьба между крупными геополитическими соперниками была далека от завершения. Наряду с другими положениями опубликованными по результатам мирного договора трактата, Крымское ханство объявлялось независимым (то есть, фактически отделялось от Османской Порты): «под властью собственного их хана... всем татарским обществом

¹ До V века Рим, а стало быть и северопричерноморские колонии, вряд ли участвовали в меховой торговле, поскольку в Римской империи ношение меха рассматривалось как варварство (подробнее Казанский, 2010. С. 19, 20). Есть известное свидетельство Страбона о доставке кочевниками шкур в Танаис (Страбон, География, Кн. XI.II.3), но, возможно речь здесь идет не о мехе, а о сырье для изготовления кожи. Зато VI век - время расцвета транзитной меховой торговли между севером Европы и Средиземноморьем (Howard-Johnston, 1998; Kolendo, 1999). Некоторые историки утверждали, что мех для продажи в устье Дона доставляли скандинавы (Haussig, 1980). Фантастичность такой гипотезы очевидна, поскольку в эпоху Великого переселения народов скандинавы заходили на водные пути Восточной Европы не далее Финского залива и Ладоги, см. подробнее Казанский, 2010а.

избранного и возведённого...», а Россия получала во владение несколько турецких крепостей, среди которых были крымские - Еникале и Керчь [Дружинина, 1955. С. 278 и сл.] Несмотря на то, что из войны 1768-1774 гг. Россия вышла фактической победительницей, успех ещё предстояло закрепить. Международная дипломатическая борьба по итогам войны была в самом разгаре. У Екатерины II имелись серьёзные причины для опасений турецкого реванша. Несмотря на сильное ослабление Османской Порты, связанное не только с поражением в войне, но и с системным государственным кризисом, а также разгоревшимся конфликтом с Ираном [Новичев, 1963. С. 236 сл.; Финкель, 2010. С. 557-558], влияние турок на территориях Крымского ханства было велико. Одной из уступок, сделанных Порте в ходе мирных переговоров, было признание права духовного покровительства верховного халифа над единоверцами – жителями Крымского ханства. Это право понималось соперничающими империями кардинально по-разному и оставляло в руках султана мощный инструмент влияния на крымскотатарскую знать [Смирнов, 1889. С. 148-149; Уляницкий, 1883. С. 435, 444]. Непосредственно на Крымском полуострове, как и на Тамани, находилось значительное количество турок [Дубровин, 1885 С. 50-51; 55; 68-69; 72-74]. Опуская подробности, которые неуместны в формате предлагаемой небольшой статьи, нужно сказать, что, в сложившихся обстоятельствах, Порта сделала ставку на нашего подданный в Бахчисарае Девлет-Гирея. Пророссийским же ставленником стал калгасултан Шагин-Гирей, находившийся в 1776 г. на Кубани. Максимальной целью русского командования было вытеснение турок и Девлет-Гирея из Крыма и возведение Шагин-Гирея на бахчисарайский престол. Если бы этого не получилось, то предполагалось, по крайней мере, сделать пророссийского Шагин Гирея ханом над ногаями [Лашков, 1886. С. 52-53].

8 марта 1776 г. Екатерина II подписывает повеление, в соответствии с которым главнокомандующему графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому надлежало выдвинуть 2-ю армию к Крыму и отдельный корпус к Кубани. Официальной причиной выдвижения войск называлась необходимость осуществления надзора за соблюдением мирного

трактата 1774 г. [Лашков, 1886. С.54]. Перед командующим 2-й армии князем Александром Александровичем Прозоровским и подчинёнными ему командирами стояли более конкретные задачи: обеспечить безопасность пророссийского ставленника Шагин-Гирея, кочевавшего на Кубани, и всеми способами ослабить Девлет-Гирея. Военным предписывалось оперировать исключительно мирными средствами, отставив боевые действия на крайний случай. По словам Прозоровского «высочайший двор желает всё предприятое им исполнить и окончить, но, между тем, и сохранить вечный трактат с Портою Оттоманскою, а кольми паче чтобы не быть разрыву его начинщиками, ибо при европейских дворах на таковые обстоятельства весьма с примечанием взирают. А потому каждый двор при начатии войны оказывает своё принуждение к войне» [Дубровин, 1885 С. 297].

Перекоп был занят Прозоровским 22 ноября 1776 г. В ноябре же бригадир Иван Фёдорович Бринк приступил к активным манёврам на Кубани. Деташемент графа Антона Богдановича де Бальмена с 15 ноября стоял у Ста колодезей (совр. с. Стокопани, Херсонская обл. Украина), готовый выйти при первой необходимости в район Геничей (совр. Геничеськ) и Шунгар (совр. Чонгар). Кроме того, русские гарнизоны, в соответствии с Кючук-Кайнарджийским трактатом, находились в крепостях Керчь и Еникале под командованием генерала Николая Владимировича Борзова. Такова была диспозиция российских войск в Крыму и на Кубани к зиме 1776 г.

Многотысячные соединения, маневрировавшие в крымской и кубанской степи, терпели значительные неудобства из-за холода, нехватки дров и питьевой воды. Подвоз продовольствия с материка был затруднён по причине той же холодной погоды, из-за которой падал гужевой скот. Расчёты на организацию поставок необходимых припасов от крымских жителей не оправдались, хотя деньги на это были припасены командованием. Местные запасы кизяка в деревнях под Перекопом и камыша в поймах кубанских рек приобрели по-настоящему стратегическое значение в качестве топлива.

Настоящий проблемный узел для перехода Шагин-Гирея

на Крымский полуостров представлял собой Керченский пролив, периодически делавшийся опасным для судоходства из-за ледяных наносов. Но главная опасность состояла в том, что турками контролировалась Тамань (там стоял орду-агаси с некоторым количеством янычар) и Темрюк. Кроме того, в Кефе, мимо которой шла основная дорога вглубь Крыма, стоял турецкий гарнизон, активно поддерживавший связь с Бахчисараем [Дубровин, 1885 С. 181], и российским подразделениям категорически не рекомендовалось приближаться к городу во избежание провокаций. Европейский берег пролива контролировался армией Её Величества лишь отчасти. Прозоровский писал Румянцеву-Задунайскому о том, что «...надо иметь в обозрении берега, потому что с теперешних позиций ничего не видно» [Дубровин, 1885 С. 217]. При этом Девлет-Гирей продолжал беспрепятственно отправлять к таманскому орду-агаси курьеров с корреспонденцией: они добирались до мыса Такиль, а оттуда переправлялись через пролив [Дубровин, 1885 С. 270]. Блокировать это сообщение с моря было трудно. Корабли русского флота неплохо зарекомендовали себя в прошедшую войну благодаря храбрости экипажей и сыграли значительную роль в снабжении крепостей Еникале и Керчь уже после подписания Кючук-Кайнарджийского договора [Материалы... 1877. С. 473]. Вместе с тем, эти суда обладали довольно скверными мореходными качествами и низкой боевой эффективностью. Транспортные возможности флота на тот момент были тоже весьма ограничены [Дубровин, 1885. С. 75-76]. Нельзя сказать, что правительство не думало об усилении флота у Керчи и Еникале - 31 мая 1776 г. был издан указ Адмиралтейств-коллегии о передаче в ведение Борзову значительного количества судов [Материалы... 1877. С. 480-481]. Однако исполнить этот указ в полной мере было сложно. Причины этому были вполне объективные: в распоряжении российских корабелов не существовало ещё верфей в бассейне Чёрного моря, где можно было бы строить глубокоосидающие суда с полноценным вооружением и не имелось гаваней для их содержания. Зима вносила свои коррективы: корабли с небольшой осадкой во время ледохода в Керченском проливе срывало с якорей [Веселаго, 2009. С. 154-155; Материалы..., 1877. С.

491; Уляницкий, 1883. С. 463]. Кроме того, командование опасалось вызвать дипломатические осложнения, выставив морскую охрану дальше Керченского рейда: «ибо оное... общенародному праву было бы противно в рассуждении, что мы войны здесь не имеем» [Дубровин, 1885 С. 286]. Впрочем, 21 февраля 1777 г. Прозоровский распорядился на выходе из пролива поставить на якоря суда под видом брандвахтенных [Дубровин, 1885 С. 369].

К середине января Шагин-Гирей, разумеется, при секретной помощи отрядов бригадира Бринка, достиг определённого успеха, заняв мирным путём крепость Ачуев (совр. с. Ачуево, Краснодарский край, Россия). Население Ачуева принесло калге-султану присягу, как «светлейшему» и «самодержавному» хану, турецкий гарнизон без сопротивления был выведен в форштадт крепости. Бринк тут же разместил в укреплении одну роту Белозёрского полка «под видом гостей» [Дубровин, 1885 С. 234-238; 240-241]. При этом Темрюк и Тамань оставались турецкими и продолжали преграждать путь к переправе. Мелькнувшая было идея перевезти Шагин-Гирея в Еникале прямо из Ачуева, была признана слишком рискованной - по крайней мере, пока не сойдёт лёд [Дубровин, 1885 С. 259, 286]. Но всё равно, переправа калги через пролив рассматривалась, как приоритетный вариант. Однако последовавшие вскоре события несколько смешали планы российского командования, заставив обратиться к запасному маршруту продвижения Шагин-Гирея в Крым.

Ночью, 23 января 1777 г., Шагин-Гирей безуспешно попытался взять Темрюк. В связи с этим Девлет-Гирей написал гневное письмо Прозоровскому, обвинив его в нарушении мирного трактата, присовокупив при этом, что «штурмовали по большей части в российском военном платье и российское (военное? – А.К.) дело представляли...». Это обвинение заставило Прозоровского хитрить и тянуть время – он попытался убедить Девлет-Гирея, что Бринк не состоит в его команде, и на Шагин-Гирея он по-прежнему не имеет никакого влияния [Дубровин, 1885. С. 298-303]. Между тем, положение дел было серьёзное – по докладу Борзова Прозоровскому, в ходе штурма Темрюка «до 300

человек из наших пропало» [Дубровин, 1885. С. 303-304]. Лучшей причины для дипломатического скандала и снижения международного авторитета императорской армии как миротворческой силы, пожалуй, нельзя было придумать. Надо было срочно доставить Шагин-Гирея в Крым, но делать это через пролив теперь стало ещё рискованнее. Было решено прибегнуть к сухопутному пути в Перекоп через Восточное и Северное Приазовье, который был в разы длиннее, но казался гораздо безопаснее в сложившейся ситуации. К этой операции планировалось подключить команды как бригадира Бринка, так и гарнизонов Азова, крепости св. Дмитрия, частей Войска донского и detaшемента де Бальмена. Поступило распоряжение об организации ямских станций с запасами продовольствия. По распоряжениям Прозоровского на этот счёт [Дубровин, 1885. С. 308-313], можно судить, насколько важен был именно Шагин-Гирей в сложившихся обстоятельствах – что не удивительно, если учесть поставленные на карту перспективы развития Российской империи в Причерноморье, ради которых в предыдущее столетие было затрачено огромное количество людских и материальных ресурсов и, уж конечно, вложенные непосредственно в самого калгу средства.

Однако 30 января Шагин Гирей всё-таки вошёл в Темрюк, чем поставил таманского орду-агаси в безвыходное положение. Турецкий военачальник так и не получил помощи ни от Порты, ни, тем более, от Девлет-Гирея (впрочем, немного позже протурецкий хан пытался поднять население Керченского полуострова против русских, послав туда Казы-Гирей султана, но безуспешно [Дубровин, 1885. С. 379]). Между тем бешлеи Шагин-Гирея и солдаты Бринка находились в 8 часах езды от Тамани. Поэтому орду-агаси согласился добровольно покинуть своё расположение вместе с подчинёнными и под конвоем проследовать в Очаков [Дубровин, 1885. С. 326-327, 333]. Поскольку после этого для Шагин-Гирея открывался простой путь через пролив, прежний план его перехода по Приазовью был отменён. И теперь, когда от калги требовались решительные действия, он стал медлить, вызывая плохо скрываемое раздражение у Прозоровского. То ли Шагин-Гирей предпочёл подождать и посмотреть, чем закончится переход орду-агаси в Очаков,

то ли всерьёз рассчитывал на то, что русское командование пойдёт на открытое обострение тлеющего конфликта и начнёт армейскую зачистку Крыма от оставшихся турок и их сторонников к его приходу – нельзя сказать точно. Но он переехал в Крым только 10 марта 1777 г. [Дубровин, 1885. С. 436]. Переправа была совершена на заслуженном фрегате «Почтальон», ветеране Первой Архипелагской экспедиции [Материалы... 1877. С. 496]. С этого момента началась следующая фаза российской операции по продвижению Шагин-Гирея на ханский престол.

Таким образом, одна из задач, стоявших перед русским командованием, была решена. Трудно подсчитать потери и убытки, понесённые русской армией в рассматриваемое время, можно только предположить, что далась эта зима очень нелегко. Марш к Перекопу уже в самом начале был осложнён небоевыми потерями среди личного состава от холодной погоды [Дубровин, 1885. С. 130]. В переписке российских военачальников непрестанно отмечалась проблема падежа волов – животных, с помощью которых в основном и обеспечивалась доставка посуху необходимых предметов к армейским соединениям. Бригадир Бринк весной 1777 г. докладывал, что в личном составе его соединений имеется критическое количество больных людей. Кроме того, падеж лошадей от бескормицы и холода на Кубани был очень высок [Дубровин, 1885. 463 и сл.].

Так или иначе, зимняя стадия операции русской армии по поддержке Шагин-Гирея на Кубани и переправе его в Крым закончилась успехом – и, несомненно, этот успех лёг ещё одним весомым камнем в фундамент влияния России не только на государства Причерноморья, но и на всю международную политику.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. М.: «Вече», 2009.
- Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма реляции и донесения. Т. I. 1775-1777 гг. СПб, 1885.
- Лашков Ф.Ф.* Шагин-Гирей, последний крымский хан: исторический очерк// Киевская старина. 1886. №9. Материалы для истории русского флота. Ч. VI. СПб., 1877.
- Новичев А.Д.* История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
- Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.
- Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883.
- Финкель К.* История Османской империи. Видение Османа. М.: АСТ, 2010.

КАШАЕВ С.В.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

АМФОРЫ ИЗ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НА НЕКРОПЛЕ АРТЮЩЕНКО-2

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Черного моря [Кашаев, 2009, с. 188-267].

В настоящее время он интенсивно разрушается по двум причинам: естественной (природной) - мощная абразия берега и антропогенной - систематическое разорение захоронений грабителями. За 2003-2016 гг. была исследована площадь около 4750 кв. м., обнаружено 175 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются рубежом VI-V вв. до н.э., а самые поздние примерно IV-V вв. н.э. Таким образом, захоронения на исследованном участке продолжались на протяжении почти 1000 лет с разной интенсивностью. Большинство датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н.э.

Амфоры, обнаруженные в захоронениях взрослых, в некрополе Артющенко-2, уже были введены в научный оборот [Кашаев, 2013, с. 52-54; Кашаев, 2014, с.363-381], а детские погребения в амфорах практически не были представлены в публикациях. Работа посвящена анализу этой группы находок.

Амфоры, находимые при раскопках в Северном Причерноморье, являются одним из свидетельств интенсивных торговых связей существовавших в древности. В амфорах могли привозить вино, масло

и другие товары. В некрополе Артющенко-2 амфоры обнаружены в различных комплексах: в тризнах; в погребения взрослых - в качестве погребального инвентаря; и конечно в них совершались детские погребения.

В античных некрополях Северного Причерноморья примеры детских погребений в амфорах или крупных сосудах не редки и являются устойчивой погребальной традицией. Такие захоронения обнаружены в некрополе Ольвии [Скуднова, 1988, с.9] и Херсонеса [Арсеньева, 1984, с.222]. Встречены они и на некрополях Азиатского Боспора, в некрополе Тирамбы [Коровина, 1988, с.22], Фанагории, Гермонасе, Кепях [Арсеньева, 1984, с.222]. Обнаружены они и при работах 2015-2016 гг. на некрополе у поселения Виноградный-7 [Сударев, 2016, с. 336].

В некрополе Артющенко-2 открыто 12 детских погребений в амфорах (№№ 53, 72, 97, 99, 100, 105, 111, 114, 118, 120 139, Г7), что составляет 6,9 % от общего числа исследованных погребений.

В восьми погребениях (№№ 53, 97, 99, 100, 114, 120 139, Г7) захоронение совершено в почти целых амфорах или крупных по размеру фрагментах тулова (Рис.1). В четырех могилах (№№ 72, 105, 111, 118) были использованы крупные стенки амфор без профильных частей. В погребении 53 находилось тулово хиосской пухлогорлой амфоры без горла и венчика (Рис.1.8). Скорее всего, эта амфора принадлежит к развитому варианту III-B по С.М. Монахову и датируется второй четвертью V в. до н.э.

[Монахов, 2003, стр. 17; табл. 5].

В погребении 72 захороненный младенец был уложен между двух крупных фрагментов амфор. Судя по виду и составу глиняного теста стенки, принадлежат разным амфорам, профильных частей нет. Одна из стенок, предположительно, принадлежит пепаретской пифоидной амфоре, похожая найдена в Погребении Г7. Относится она к первой половине IV в. до н.э. [Монахов, 2003, стр.99; табл. 70.3].

Погребение 97 было совершено в тулове хиосской конической амфоры с колпачковой ножкой (Рис.1.5). Горло с ручками, и ножка амфоры отбиты в древности. Предположительно это амфора варианта

V-V [Монахов, 2003, стр. 21; табл. 11]. Из-за отсутствия профильных частей, датировать ее можно довольно широко, в пределах IV в. до н.э.

Погребение 99 содержало раздавленное грунтом на фрагменты тулово амфоры (Рис.1.4). Нижняя часть с ножкой отсутствует, от горла сохранился только низ. Ручки не сохранились, но по профилям нижних прилепов понятно, что они были двуствольные. Амфора, предположительно, косского производства [Абрамов, 1993, стр.44; рис. 47], датируемая III-II в. до н.э. Внутри амфоры были обнаружены отдельные фрагменты костей младенца, до полугода, а так же инвентарь – бронзовые браслет и серьги, а так же набор различных бусин. По инвентарю можно предположить, что захоронена была девочка.

В погребении 100 сохранилась почти целая амфора – большая часть тулова, горло, ручки и венчик (Рис.1.3). Отсутствует только ножка, клейм на ручках нет. Скорее всего, амфора аналогична родосским амфорам с высоким горлом поздней серии I-E-2 [Монахов, 2003, стр.118; табл.82, 83]. Датируется она в пределах первой половины II в. до н.э.

Погребение 105 было совершено в крупных стенках амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно это стенки хиосской колпачковой амфоры. Амфору можно датировать довольно широко, в пределах IV в. до н.э.

Погребение 111 так же совершено в крупных стенках амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно это стенки хиосской пухлогорлой амфоры. Датировать ее можно серединой - второй половиной V в. до н.э.

Погребение 114 парное. Скелет женщины 30-40 лет лежал вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. В ногах костяка, в юго-западном углу могилы находилось фрагментированное тулово амфоры с захоронением младенца. Профильные части у амфоры отсутствуют, ножка, ручки и венчик сколоты (Рис.1.1).

Возможно, амфора близка маленькой фракции родосских амфор с высоким горлом поздней серии I-E-2 [Монахов, 2003, стр.118; табл.82, 83]. Датировать ее можно в пределах первой половины II в. до н.э.

Погребение 118 было совершено в крупных стенках амфоры, у

которых отсутствуют профильные части. Предположительно это стенки амфоры косского производства [Абрамов, 1993, стр.44; рис. 47]. Такую находку датировать можно широко, второй половиной III – началом II вв. до н.э.

Из Погребения 120 происходит амфора очень необычной формы (Рис.1.6). От амфоры сохранилась большая часть тулова с горлом и одной ручкой, нижняя часть с ножкой утрачена. На плечиках процарапано граффито в аббревиатуре «ΛΟΝ» или «ΑΘΝ». По поводу граффито Н.А. Павличенко считает, что «Λ с вписанным в нее Ο на амфоре из погребения 120 вероятно является обозначением цены в оболлах в алфавитной системе – 30 оболлов» [Кашаев, Павличенко, 2013, с. 137-138].

В качестве аналогии амфоре из Погребения 120 можно привести амфору из Калос Лимена [Уженцев, 2001, с.161, рис.4.2]. Авторы раскопок относят эту амфору к сосудам редкого типа восточно-средиземноморского (косского ?) производства и датируют примерно рубежом первой и второй четвертей I вв. до н.э. Амфора из Артюшенко, по сравнению с крымской, имеет более пологие плечики и слабо выраженные «ребра» на тулове. Возможно, она является более ранним типом амфор этой серии и может относиться к концу II – началу I вв. до н.э. или первой четверти I в. до н.э. Румынский исследователь А. Опайт (Dr. Andrei Opait) также относит амфору из Погребения 120 к I в. н. э., по его мнению, она имеет эгейское происхождение [Кашаев, Павличенко, 2013, с. 135].

В Погребение 139 находилось раздавленное грунтом на множество фрагментов тулово синопской амфоры (Рис.1.2). Венчик с частью горла и ручки сколоты в древности, ножка отсутствует.

Предположительно амфору можно отнести к позднему варианту III-D, датированному второй половиной II в. до н.э. [Монахов, 2003, стр.154; табл.105].

Погребение Г7 уничтожено грабительским шурфом 15 в 2009 г. В его заполнении обнаружено тулово крупной амфоры, происходящей предположительно из погребения младенца. У амфоры отсутствует горло с ручками, и ножка (Рис.1.7). Фрагменты похожей амфоры были обнаружены в Погребении 72.

По форме тулова, амфора ближе всего к пепаретским пифоидным амфорам журовского типа, датированных С.Ю. Монаховым первой половиной IV в. до н.э. [Монахов, 2003, стр.99; табл. 70.3].

Данные по амфорам из детских погребений сведены в Таблицу 1. Можно отметить, что к раннему периоду (V-IV вв. до н.э.) относится половина амфор, вторая половина сосудов приходится на поздний период (III-I вв. до н.э.). География поступления амфор в Артющенко-2 не очень обширна, для V-IV вв. до н.э. – это амфоры хиосского и пепаретского производства, для III-I вв. до н.э. – косские, родосские и синопские амфоры.

В целом складывается впечатление, что на исследованном участке некрополя Артющенко-2 детских погребений в амфорах обнаружено относительно не много. Возможно, они сконцентрированы на пока еще не открытом специальном «детском» участке, как это зафиксировано на некрополе у поселения Виноградный-7 [Сударев, 2016, с. 336].

№ пп	№ погребен	Амфора	Дата	Рисунок
1	53	хиосск. пухлогорл	1/2 V в. до н.э.	1.8
2	111	хиосск. пухлогорл	V в. до н.э.	-
3	72	пепаретская	1/2 IV в. до н.э.	-
4	Г7	пепаретская	1/2 IV в. до н.э.	1.7
5	97	хиосск. колпачков	IV в. до н.э.	1.5
6	105	хиосск. колпачков	IV в. до н.э.	-
7	99	косская	III-II вв. до н.э.	1.4
10	118	косская	III-II вв. до н.э.	-
8	100	родосская	1/2 II в. до н.э.	1.3
9	114	родосская	1/2 II в. до н.э.	1.1
11	139	синопская	2/2 II в. до н.э.	1.2
12	120	косская (?)	I в. до н.э.	1.6

Таблица 1. Амфоры из детских погребений некрополя Артющенко-2.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П.* Античные амфоры (периодизация и хронология // Боспорский сборник 3. Москва. 1993.
- Арсеньева Т.М.* Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984. С. 222-224.
- Кашаев С.В.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003-05 гг., погребения №№1-23) // Боспорские исследования т. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь-Керчь, 2009. С.188-267.
- Кашаев С.В.* Погребения с амфорами в некрополе Артюшенко-2 // Античный мир и археология. Вып.16. Саратов. 2013. С. 190-215.
- Кашаев С.В.,* Павличенко Н.А. Погребения №№ 119-120 из некрополя Артюшенко-2 // KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова. СПб. 2013. С. 133-138.
- Кашаев С.В.* Анализ некоторых групп инвентаря из некрополя Артюшенко-2 // Боспорские Исследования XXX. Симферополь-Керчь. 2014. С.363-381
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) //Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина. Выпуск 8. 1987. С.3-70.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Москва, Саратов. 2003.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л. 1988.
- Уженцев В.Б.* Калос Лимен в I в. до н.э. – начале II в. н.э. (общий обзор по материалам раскопок 188-18 гг.) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Выпуск 118. Москва. 2001. С. 156-166.
- Сударев Н.И.* Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2105-2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб. 2016. с. 333-340.

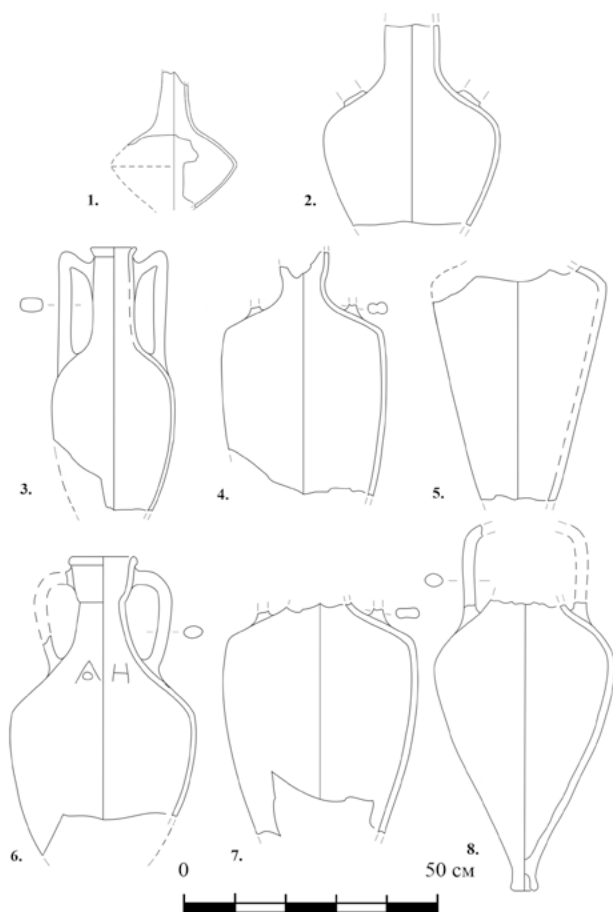

Рис.1 Некрополь Артющенко-2. Детские погребения в амфорах.

1- погребение 114, 2- погребение 139, 3- погребение 100,
 4- погребение 99, 5- погребение 97, 6- погребение 120,
 7- погребение Г7, 8- погребение 53.

КОЛОСОВ В.П.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург)

**ПОСТУПЛЕНИЕ АМФОРНОЙ ТАРЫ В МИРМЕКИЙ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК НА УЧАСТКЕ
«И» В 2008-2014 ГГ.)**

С 2008 по 2014 годы работы на городище Мирмекий в основном были сосредоточены на раскопе «И», в центральной части памятника, где была доследована насыпь зольника II и изучены нижележащие остатки городской застройки. Общая площадь раскопа составила около 300 м². Мощность вскрытых слоев суммарно превышает 8 м. Общее число находок составляет около 700 тыс. единиц.

Хронологические рамки исследованных напластований охватывают длительный период от конца VI до середины II вв. до н.э. При этом, самые нижние слои представляли собой остатки городской застройки, относящейся к позднеархаическому и классическому времени, а выше залегали слои зольника II, которые датируются концом IV–сер. II вв. до н.э. Наиболее интенсивный период формирования насыпи зольника выпадает на период от рубежа IV-III до сер. III вв. до н.э. Верхняя хронологическая граница бытования зольника несколько расплывчата, поскольку в верхних слоях насыпи присутствуют и более поздние материалы. Нужно отметить, что остатки городской застройки, были в древности сnivelированы и перекрыты слоями темно-коричневого и желто-коричневого суглинка, которые образовали площадку, на которой было начато формирование слоев зольника. Таким образом, эти слои («подошва» зольника) относящиеся примерно к середине IV в. до н.э. разделяют между собой эллинистические и классические напластования.

Всего на этом участке было обнаружено около 130 тыс.

фрагментов амфорной тары. Из них большая часть – фрагменты амфорных стенок. 8865 фрагментов составляли профильные части, на основе подсчета которых строится статистический анализ. Количество фрагментов распределялось в слоях неравномерно: около 40 тыс. фрагментов было обнаружено в ранних слоях, и более 90. тыс. – в слоях зольника.

В работе представлены данные, характеризующие поступление амфорной тары с конца VI по II вв. до н.э. Также приводится предварительный сравнительный анализ.

В напластованиях позднеархаического и классического времени амфорная тара представлена следующими центрами (по общему количеству фрагментов): амфоры производства Лесбоса – 24,1 % (основная часть – красногл.), Хиоса (пухлогорлый вариант) – 20,6%, центры Северной Эгеиды (т. н. протофасос) – 14,8 %, Клазомен – 10,7%, Фасоса – 5,2%, Хиоса (прямогорлый вариант) – 1,5 %, Милета – 1,5%. Амфоры прочих центров (Гераклея, Менде и другие) составили около 1 % каждый – в сумме менее 5 % от общего количества (Табл. 1). При расчете количества так называемых «условно целых сосудов», имеются некоторые отличия от подсчета по общему количеству фрагментов. В частности, хиосские амфоры превышают количество лесбосских, на третьем месте по количеству находятся амфоры производства Клазомен.

В слоях зольника II, с учетом фрагментов, центры производства которых не удалось определить, амфорная тара представлена следующими центрами (по общему количеству фрагментов): амфоры производства Синопы – 25 %, Гераклеи – 14,9 %, Хиоса (прямогорлый вариант) – 5,2 %, Фасоса – 4,6 %, Родоса – 2,9 %, Коса – 1,9 %, Херсонеса – 1,6 %, Книда – 1,3 %, Пепарета – 2,4 %, Хиоса (пухлогорлый вариант) – 1,1 %, Менды – 1,1 %. Амфоры прочих центров составили менее 1 % каждый – в сумме менее 5 % от общего количества (Табл. 2). При расчете «условно целых сосудов» процент книдских и хиосских колпачковых амфор существенно выше (5,3 %; 6,6 % соответственно) в виду относительно высокого количества ножек, в сравнении с остальными амфорами.

	венчи- ки	ручки	ножки	общее кол-во	общее кол-во, %	в. прилеп.	н. прилеп.	усл. цел. сосуды
Лесбос кр. гл.	184	367	45	596	22,1	111	101	56
Хиос пухл.	276	208	71	555	20,6	99	49	71
Неизв. центры Сев. Эгейды (протофасос)	185	183	29	397	14,8	55	72	36
Клазомены	160	84	45	289	10,7	31	18	45
Фасос	62	53	24	139	5,2	28	9	24
Лесбос с. гл.	16	33	5	54	2,0	7	9	5
Хиос прям.	6	35		41	1,5	3	11	6
Милет	40			40	1,5	4		2
Гераклея	13	17		30	1,1	6	5	3
Менда	6	7	1	14	0,5	6	3	3
Круг Фасоса	3	8	1	12	0,4	2	3	2
Синопа	5	6		11	0,4	2	2	1
Хиос. воронковидн.	9			9	0,3			1
Херсонес		3	2	5	0,2	1	1	2
Книд	1	3	1	5	0,2			1
Самос	1	3		4	0,1	1	1	1
Кос		3		3	0,1			1
Родос	1	1		2	0,1	2		1
Аттика	2			2	0,1			1
Пепарет	2			2	0,1	1		1
Коринф	1			1	0,1	1		1
Хиос перех.	1			1	0,1			1
Неизв. центр.	198	272	9	479	17,8	52	97	49

Табл.1. Амфорная тара кон. VI – нач. IV вв. до н.э.

В настоящий момент обработка материалов ещё не закончена, в связи с чем, невозможно провести расчет количества условных сосудов по венчикам. По этой причине амфоры некоторых центров (в частности Пепарета) имеют очень низкий показатель количества условно целых сосудов.

Сравнивая материалы из ранних и эллинистических слоёв, нужно отметить, что амфоры Лесбоса, центры Северной Эгеиды (т. н. протофасос), Клазомен, Милета и Самоса, составляющие значительную часть от общего числа тары в горизонтах VI-Vвв. до н.э., практически отсутствуют в эллинистических слоях (в сумме около 1 %). Суммарно количество хиоских амфор сократились почти в 3 раза, но, тем не менее, они продолжают составлять существенный процент, за счет увеличения количества прямогорлого варианта. Амфоры производства Синопы, Гераклеи и Родоса наоборот отличает высокий процент в эллинистических слоях практически при полном отсутствии в слоях позднеархаического и классического времени. Процент амфор производства Колхиды, Книда, Пепарета, Херсонеса и Коса увеличивается, но не столь существенно. Процент фасоских амфор невысок, но стабилен, с небольшим увеличением в слоях зольника. Остальные группы амфорной тары составляют небольшое количество от общего числа и не показывают каких-то серьёзных изменений в динамике поступления.

Таким образом, по результатам раскопок 2008-2014 гг. на участке «И» в центральной части городища Мирмекий, были получены материалы, дающие представления о динамике поступления на Боспор амфорной тары с конца VI в. по II вв. до н.э. Дальнейшая обработка этих данных позволит уточнить и скорректировать информацию, и определить изменения в поступлении амфор на более коротких хронологических интервалах.

	ручки	венчики	ножки	общее кол-во	общее кол-во, %	в. прилеп.	н. прилеп.	усл. цел. сосуды
Синопа	896	535	106	1537	25,0	181	243	122
Гераклея	534	329	54	917	14,9	175	131	88
Хиос прям.	228	88	5	321	5,2	45	24	23
Фасос	139	114	30	283	4,6	48	29	30
Родос	97	71	10	178	2,9	12	18	10
Кос	113	7		120	1,9	12	17	9
Херсонес	68	20	12	100	1,6	16	26	13
Книд	18	28	33	79	1,3	12	2	33
Пепарет		95	2	77	1,3	2		2
Хиос пухл.	12	47	8	67	1,1	8	2	8
Менда	30	21	14	65	1,1	25	11	14
Колхида	35	17	6	58	0,9	12	8	6
Хиос колп.			41	41	0,7			41
Круг Фасоса	17	11	5	33	0,5	12	6	6
Неизв. центры Сев. Эгеиды (протофасос)	6	15	3	24	0,4		4	3
Лесбос кр. гл.	8	2		10	0,2	2	2	
Лесбос с. гл.	9		1	10	0,2	1	2	
Римск	6			6	0,1	1	1	1
Хиос с перехв.	2		2	4	0,06	1		2
Клазомены	2			2	0,03		6	
Милет		2		2	0,03			
Солоха II			2	2	0,03			2
Неизв. центр.	1510	633	74	2218	36,0	308	423	212

Табл.2. Амфорная тара кон. IV-II вв. до н.э.

КОНКИН Д.В.
(НИЦ ИА КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

**«ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЬ»: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ТОРГОВАЯ
ПРАКТИКА В КРЫМУ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹.**

К моменту присоединения Крыма к Российской империи экономика региона переживала сильнейший кризис. Массовый отток мусульманского населения в пределы Османской империи, выход христиан в Российскую империю, внутривосточная борьба, эпидемии, слабая торговая конъюнктура отразились на его экономическом положении. В этих обстоятельствах перед новой администрацией стояла сложная задача в короткие сроки переломить негативную ситуацию и достичь благосостояния края и его жителей, тем самым в очередной раз продемонстрировав приверженность духу «просвещенного правления», декларируемому Екатериной II с самого начала своего царствования. Успех внутренней социальной, экономической политики в Крыму также имел важное значение для окончательной легитимизации присоединения полуострова, созданию благоприятного внешнеполитического общественного мнения по данному вопросу.

Было очевидно, что в новой реальности экономика Крыма не могла продолжать действовать согласно старым схемам. Но чтобы оценить возможности региона, определить в каком направлении развивать хозяйственную жизнь края, российскому правительству необходимо было провести соответствующие изыскания, «анализ богатств» присоединенной территории. Представление об

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825» № 15-31-10112.

экономической жизни предыдущего периода было оперативно получено в результате инициированного Г.А. Потемкиным осенью 1783 г. специального исследования. Подготовленное уже к июню 1784 г. фактическим правителем Таврической области бароном И.А. Игельстромом т.н. «Камеральное описание Крыма» фиксировало среди прочего основные статьи доходов ханской казны и направления торговых связей. Согласно данному реестру бюджетоформирующими отраслями крымской экономики при Шагин-Гирее являлись соляной промысел, животноводство (в 1-ю очередь овцеводство) и в меньшей степени хлебопашество [см.: Марциновский, 2001; Марциновский, 2016; Мальгин, 2012; Прохоров, 2016, с. 74-75]. Значительные пополнения ханская казна получала от таможенных пошлин, хараджа с немусульманского населения (в особенности до вывода христиан), а также от десятины с любого урожая, выращенного мусульманами на ханских землях. [см.: Камеральное описание...; РГАДА, ф. 11, д. 960, л. 149-150].

Скрытый экономический потенциал региона могли раскрыть исследования, проведенные квалифицированными специалистами. В течение последнего двадцатилетия XVIII в. в Крыму побывало несколько известных ученых, сотрудничавших с Петербургской Академией наук. Прежде всего, следует назвать имена академиков В.Ф. Зуева, П.-С. Палласа, члена-корреспондента К.И. Габлица, геодезиста Ф.О. Черного, ботаника Ф.А. Маршала фон Биберштейна, профессора земледелия М.Е. Ливанова и др. В век Просвещения академические «физические» экспедиции, осуществлявшиеся по заказу российского правительства, вплотную были связаны со сферой «государственной экономии» [Ученая корреспонденция..., 1937, с. 13-14, 29; Материалы для истории..., 1940, с. 9, 12-13; Бекасова, 2010, с. 17-20]. Помимо естественнонаучных, географических, топографических, историко-описательных функций, большое внимание уделялось оценке «полезности» обследуемого региона с точки зрения общего «анализа богатств» (концепт, введенный Фуко [см.: Фуко, 1994, с. 193-195]). Классик-систематик Карл Линней в своем «Наставлении путешественнику» указывал на важную прикладную экономическую, «домостроительственную» функцию в процессе

экспедиции [см. Бекасова, 2010, с. 17]. Исследователи внимательно отмечали плодородие земель, природные богатства, климатические, географические особенности окружающего мира, культурные традиции населения в разрезе их практической, хозяйственной пользы для государства, которое, в соответствии с принципами камерализма, считалось главным двигателем экономического развития, и единственное было способно нести «всеобщее благо» для жителей его населявших.

Однако проведенные в Крыму передовые для своего времени исследования не отличались точностью и беспристрастностью авторов, в первую очередь из-за очевидного «дефекта описания», присутствовавшего в них. Яркие и увлекательные картины и богатая природа Южной и Горной части полуострова неизменно вносили эмоциональный подтекст в научные описания. Даже в объеме повествования рассказы о сравнительно небольшом участке Южного берега занимали значительно больше места, нежели обозрение всей оставшейся территории. В результате лейтмотивом, например, известных описаний Зуева, Габлица, Палласа стали неоправданно оптимистические (как показала дальнейшая практика) оценки потенциала степной зоны Крыма для «хлебопашества». А Горный Крым и Южное его побережье неизменно иллюстрировался в качестве некоего «парадиза» [Зорин, 2004, с. 114–122; Храпунов, 2014, с. 61–62], средоточия природных богатств и экономических выгод. С учетом популярной в это время и распространенной в том числе и в России экономической доктрины физиократов, которая исключительно в земледелии видела неиссякаемый источник благ и прибавочного продукта [Блауг, 1994, с. 21–22; Фуко, 1994, 219–223], привлекательность «сказочно плодородного» Крыма должна была только расти. С практической точки зрения подобного рода информация не имела особого смысла, а лишь вводила в заблуждение относительно хозяйственных возможностей региона, как царских чиновников, так и российских помещиков, многие из которых никогда не бывали в Крыму, но готовы были переселиться туда после такой рекламы.

Помимо земледелия, особое внимание государства и

непосредственно Екатерины II было обращено на развитие внешней торговли. Согласно меркантилистским установкам, которым в империи отчасти продолжали следовать даже в конце XVIII в. [см.: Фирсов, 1902, с. 29, 37; Плат, 2015, с. 10-13], успешным ведением «государственной экономики» считалась внешняя торговля с положительным сальдо, достигаемая путем протекционизма. Логично, что российская администрация рассчитывала воспользоваться стратегическим расположением полуострова, стала поощрять местную торговлю с помощью снятия пошлин, предоставления льгот, внедряла потенциально экспортнопривлекательные отрасли и собиралась заняться внутренним импортозамещением дорогостоящих иностранных товаров, используя природные и климатические возможности Крыма. Проблема состояла в том, что эти возможности изначально были переоценены или ошибочно интерпретированы. Поэтому не следует удивляться регулярным примерам внедрения в Крыму на данном этапе малопригодных для региона сельскохозяйственных культур или убыточных производств. Так, в итоге не получила развития такая отрасль, как шелководство. Инициатива по ее развитию в Крыму принадлежала Потемкину [Паллас, 1999, с. 115], была законодательно поддержана Екатериной II, а затем Павлом I [Полное собрание..., № 19290] и Александром I [Варзар, 1903, с. 429], но в конечном итоге вся затея не стала сколь-нибудь рентабельной на полуострове [Военно-статистическое обозрение..., 1849, с. 165-166]. Также на законодательном уровне была поддержана программа по выращиванию кунжута в Астраханской и Новороссийской губерниях (в том числе и в Крыму), которую курировал Габлиц. Семена планировалось закупить в Персии и Средней Азии [Указ о разведении..., 1888, с. 129]. Но в Крыму, равно как и в Новороссии данная инновация оказалась в прямом смысле бесплодной, что не удивительно, поскольку более поздние исследования показали полную непригодность среднеазиатских и закавказских сортов к северопричерноморским климатическим условиям [см.: Майданюк, 2016].

Экзотических идей, касавшихся самых разных отраслей хозяйства, возникало в Крыму в это время достаточно много. Например, известный

государственный деятель и активный участник «Вольного экономического общества» адмирал Н.С. Мордвинов на Южном берегу Крыма собирался выращивать лимоны, апельсины и оливки [Лашков, 1896, с. 93], был убежден, что рис можно успешно культивировать на неорошаемых полях, а среди крымских татар пытался проводить вакцинацию, следуя модному в то время среди дворян направлению [дю Шатне, 2003, с. 270]. Один из зачинателей тонкорунного производства в Крыму французский купец Вильгельм Рувье, перед тем как заняться своим успешным предприятием, предлагал российским властям восстановить рыбную ловлю в Азовском море, которой раньше занимались венецианцы и генуэзцы, в особенности ловлю судака, который, по его мнению, «при искусном приготовлении мог заменить треску». А поскольку треску французы и англичане в большом количестве везли в Испанию и Италию, то Рувье всерьез рассматривал возможность заменить импорт трески в эти страны крымским судаком. Благо, что эта идея не нашла отклика у властей: Габлиц раскритиковал предложение, заметив, что хорошо бы (здесь чувствуется ирония) «убедить испанцев и итальянцев, что судак лучше трески» [РГИА, л. 26 об.].

Еще одну актуальную проблему нехватки в Крыму рабочих рук российское правительство, равно как и авторы различных экономических проектов, рассчитывали восполнить иностранными колонистами. В Крым, Таврическую губернию предлагали переселять анатолийских греков, православных жителей из Молдавии и Балкан, крестьян и евреев из Польши, колонистов из Италии, Швейцарии, Германии, роялистов из Франции. Обсуждались даже проекты по переселению на полуостров преступников-каторжан из Англии [Рябинин, 1879, с. 185]. Предполагалось, что и местные помещики, бесплатно получившие земли в Крыму, начнут заселять свои владения трудовыми мигрантами из Европы. Но не все переселенцы оказались «к лицу» «прекрасной Тавриде». Так, известный авантюрист, остроумный человек и отважный офицер принц Шарль-Жозеф де Линь, сопровождавший среди прочих иностранных аристократов императрицу Екатерину II в ее знаменитом путешествии в Крым, еще до начала вояжа на полуостров получил в подарок земельный

надел в районе Никиты и Партенита [Храпунов, 2014, с. 60]. Желая заселить его столь необходимыми работниками, австрийскоподданный бельгиец через знакомого ирландца стал подыскивать желающих переехать в российский Крым среди английских ссыльных каторжников и даже среди вывезенных из британских колоний негров («скитающихся по Лондону Арапов») [Архив Воронцова, 1876, с. 406]. Об этом узнал российский посол в Англии С.Р. Воронцов и был возмущен «до глубины души», что «во всей Европе узнают, какими уродами селится Таврическое царство». Он написал возмущенное письмо канцлеру А.А. Безбородко и вице-канцлеру И.А. Остерману, в результате которого замысел поселить в Крыму «сих извергов из Англии» был оставлен [Рябинин, 1879, с. 188-190; Архив Воронцова, 1876, с. 406-407]. Несмотря на неудачный план по заселению своих крымских имений, принц де Линь не остался в накладе и через несколько лет продал полученное бесплатно имение за 15 000 руб. [ргада, ф. 1239, д. 56155, л.48об.-49].

Следует констатировать, что практически все миграционные проекты по состоянию на начало XIX в. являлись минимально выполненными или нереализованными. Доля иностранных переселенцев среди жителей Крыма оставалась едва заметной, не превышая 1% [см.: Водарский, Елисеева, Кабузан, 2003]. После 1812 г. и вовсе фиксируется отрицательный прирост переселенцев, включая крестьян из внутренних губерний России [Кабузан, 1976, с. 211-212]. Горная часть Крыма, несмотря на растиражированную привлекательность, оставалась «почти пустынной» применительно к переселенцам вплоть до 1823 г., когда, «богатые русские помещики стали покупать там землю под виноградники, строить дачи и переводить крестьян из России» [Военно-статистическое обозрение..., 1849, с. 121].

В целом, предпринятые имперской властью после присоединения Крыма к Российской империи значительные усилия по экономическому развитию Крымского полуострова не привели к искомому результату. И на полуострове в начале XIX в., по оценкам очевидцев, продолжали царить «опустошение и ужасные следы беспорядков» [Мертваго, 2006, с. 128].

ЛИТЕРАТУРА

Архив князя Воронцова. Кн. IX. М., 1876.

Бекасова А.В. Изучение Российской империи экспедициями 1760-1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13-34.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.

Варзар В. Шелк (статист.) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 39: Чугуев – Шен. С. 429-432.

Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX в.: Численность, размещение, этнический состав. М., 2003.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 2: Таврическая губерния. СПб., 1849.

Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.

Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX века (1719-1858 гг.). М., 1976.

Камеральное описание Крыма, 1784 г. // ИТУАК. № 2. С. 22-30; ИТУАК. № 3. С. 36-64; ИТУАК. № 4. С. 32-45; ИТУАК. № 6. С. 36-63; ИТУАК. № 7. С. 25-45; ИТУАК. № 8. С. 12-40.

Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. (Продолжение). ИТУАК. 1896. № 25. С. 89–158.

Майданюк В. Кунжут на Юге Украины // Овощеводство. Украинский журнал для профессионалов. 2016. № 4. Режим доступа: <http://www.ovoschevodstvo.com/journal/browse/201604/article/1413/>

Мальгин Е.А. Историко-географические особенности развития хозяйства Крыма на рубеже XVIII и XIX вв. // Ученые записки

- Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «География». Т. 25(64). 2012 г. № 3. С. 78-87.
- Марциновский П.Н.* Доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777-1783 гг., по материалам «Камерального описания Крыма» // Культура народов Причерноморья. 2001. № 20. С. 100-104.
- Марциновский П.Н.* Социально-экономическое развитие Крыма после присоединения к России (конец XVIII в.) // Крым: проблемы истории. Сборник статей. М., 2016. С. 119-141.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.-Л., 1940.
- Мертваго Д.Б.* Записки (1760–1824). СПб., 2006.
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М., 1999.
- Плат Т.* Внутренняя или внешняя колонизация? Цели и средства торговой политики России в XVIII в. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 5-15.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т.26. № 19290.
- Прохоров Д.А.* Караимы и развитие соледобычи на Крымском полуострове в конце XV – XIX вв. // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 71-86.
- РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 960; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 56155.
- РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19.
- Рябинин Д.Д.* Биография графа С.Р. Воронцова. Глава II (1785-1796) // Русский архив. 1879. Т. 38. Ч. 2. С. 168-196. Указ о разведении в Крыму кунжутного семени. (Сообщение И.С. Журьяри). ИТУАК. 1888. № 6. С. 126-131.
- Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. 1766-1782. М.-Л., 1937.
- Фирсов Н.Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины

- II. Очерк из истории торговой политики. Казань, 1902.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
- Храпунов Н.И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3(130). С. 58-68.
- дю Шатне М. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М., 2003.

КОНОНОВ В.Ю.
(Краснодар-Керчь)

**ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ЗЕРКАЛА-ПОДВЕСКИ С БОКОВОЙ
РУЧКОЙ
(ХРОНОЛОГИЯ, МОДА И ВЛИЯНИЯ)**

Немалое количество научных работ в отечественной науке посвящено такой категории находок, как зеркала-подвески с боковой ручкой. Историография по данному вопросу изложена в целом ряде работ и довольно хорошо известна в среде исследователей (Вагнер, 2012). Немало статей посвящено происхождению, а также характеристике орнамента, нанесенного на зеркала-подвески, однако, в рамках данной работы хотелось бы заострить внимание на причинах появления и смены орнамента.

В общей массе орнаментированных зеркал-подвесок, распространенных к западу от Урала в I – начале III в. н.э., можно выделить следующие основные виды орнамента:

1. Простые круги, концентрически расположенные вокруг выступа в центре. Характерный орнамент для зеркал середины–второй половины I в. (рис. 1/1)

2. Свастики – широко распространенный орнамент. Наиболее ранние зеркала, украшенные крупной свастикой без дополнительных орнаментальных мотивов характерны, по всей видимости, относятся ко второй половине I в. (рис. 1/2, 3), а в сочетании с кругами, иногда разделенными на сектора и более миниатюрных размеров – для первой половины II в. (рис. 1/4,5).

3. Животные – редкий, но весьма интересный вид орнаментации.

Автору данной работы известны только два зеркала со схематичным изображением быков (рис. 1-6). Оба экземпляра

происходят из погребений № 3 и 16 кургана №1 курганного могильника «Уашхиту-2» и датируются авторами публикации I – началом II в. (Эрлих, Кожухов, 1991. С. 123). Тем не менее, исходя из общей морфологии данных зеркал, их дату можно ограничить в пределах второй половины I в. (Кононов, 2013, С. 191).

Змеи – более широко распространенный орнамент на зеркалах-подвесках II в., причем, как и свастика, данный орнамент можно условно делить на два этапа: первый – простое изображение змеи или условное её обозначение в виде волнистой линии – характерное для первой половины II в. (рис. 1/7, 8); второй – схематичное изображение змеи (дракона) в окружении орнамента, имитирующего китайские иероглифы (рис. 1/9), распространившиеся в период с середины II по начало III в.

4. Цветки – орнамент из центрального выступа и расположенных вокруг них лепестков (рис. 1-10), окруженных иногда рельефными кольцами, разделенными на сектора или точками (рис. 1/11, 12). Все они – датируются в пределах второй половины I – начала II в.

5. Геометрические орнаменты в виде квадратов (или прямоугольников) (рис. 2/1), ромбов (рис. 2/2), кругов, разделенных на сектора (рис. 2/3,4) – орнаменты характерные для зеркал второй половины I – начала II в. Логично предположить, что чем сложнее их сочетание и обилие деталей, тем позднее зеркало.

6. Тамги (тамгообразные знаки) – широко распространённый на Боспоре и в Северном Причерноморье тип орнаментации (рис. 2/5-8), которому посвящен целый комплекс исследований (Соломоник, Драчук, и др.) датируются данные зеркала в пределах первой половины – конца II в., но не исключено их запаздывание и в начало III в.

7. Сложноорнаментированные зеркала-подвески, сочетающие в себе целый комплекс орнаментов: завитки, птичьи лапки, круги, точки, тамгообразные знаки (рис. 2/9-12), подражания иероглифам и китайской орнаментации (рис. 2/13-16), в основной массе относятся ко времени – второй половины II – началу III в.

Рассмотренные основные варианты орнамента на зеркалах-подвесках наиболее максимально и полно представлены на памятниках Боспора, Дона, Кубани и Кавказа, поскольку данная территория, по сути,

является своеобразным не только этническим, но, в первую очередь, культурным котлом.

Весьма соблазнительно было бы объявить зеркала-подвески этническим маркером носителей сарматских племен, хотя на начальном этапе неорнаментированные массивные зеркала-подвески бесспорно принадлежали именно сарматам. Однако, с расширением контактов, вплоть до «сарматизации» оседлых племен связано не только широкое распространение, но и повсеместная и массовая мода на данный аксессуар, охватившая все слои населения. Так, зеркала-подвески найдены как в погребениях довольно бедных слоев населения, где они являются единственным предметом погребального инвентаря, так и в склепах зажиточных боспорян и т.д.

Всеобщая мода на зеркала-подвески в первые века н.э. привела не только к увеличению первоначального импорта данной категории из-за Урала (судя по металлографическим анализам (Барцева, 1971)), но и к относительно быстрому налаживанию их массового производства в городах Боспора и металлургических центрах Кубани и Кавказа.

Причины появления, распространения и массового проникновения зеркал-подвесок в бытовую и погребальную культуру населения обширного региона к Западу от Урала можно связать с несколькими миграционными волнами носителей сарматской культуры.

Появление и первоначальное распространение зеркал-подвесок большинство исследователей связывает с племенами сираков и аорсов, которые во время правления боспорских царей Асандра и (в особенности) Аспурга представляют значительную политическую силу в рассматриваемом регионе (Марченко, 1996 С. 91; Сапрыкин, 1996. С. 297, 318–319.) и, по всей видимости, осуществляют торговлю и контролируют транзитные торговые пути в рассматриваемом регионе.

Именно с этим периодом можно связать «вхождение в моду» – первую волну распространения зеркал-подвесок, для которых на раннем этапе (конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.) характерно отсутствие орнамента на зеркалах. При этом ранние формы зеркал-подвесок встречаются преимущественно в погребениях, имеющих сарматский облик.

На втором этапе (середина I – первая половина II в.) зеркала-подвески массово проникают через кочевников к оседлому населению Северного Причерноморья, Кубани и Кавказа и становятся предметами «массовой моды» - к этому периоду относится появление различных форм орнаментации (варианты 1-4). Нанесенный на зеркала орнамент достаточно прост и семантически понятен широкому кругу как оседло-земледельческого, так и кочевого населения.

Данный период в этно-политическом плане связан с захватом власти в степях Донского региона и правобережной Кубани аорсами в результате войны 49 г., а после 72 г. первой волной аланов (Марченко, 1996. С. 130-138), что, по всей видимости, и привело к установлению господствующей моды правящей верхушки.

С переходом власти на Боспоре к царям-выходцам из сарматской среды (Сапрыкин, 2002. С. 137-138) на зеркала-подвески наносят тамги правящих родов сарматской знати с целью «популяризации и увеличения легитимности» их власти. Такой прием «политического пиара» используется и поныне при нанесении символов государства, власти и портретов вождей на предметы широкого потребления.

Следующий этап (вторая половина II в.– начало III в.) характеризуется усложнением орнаментальных схем. На зеркалах появляются дополнительные украшения: завитки, птичьи лапки, круги, точки, тамгообразные знаки и подражания иероглифам.

По всей видимости, в этот период орнамент уже не носит особой семантической нагрузки, а является всего лишь декором. Данный факт подтверждается и тем, что именно в это время, наряду с единичными формами китайских импортных зеркал с центральной петлей (Ли Джи Ын. 2010. С. 98-126), широко распространяются зеркала-подвески имитирующие орнаментальные схемы китайских зеркал (Ли Джи Ын. 2010. С. 127-153), причем, на большинстве из них, орнамент настолько условен, что довольно затруднительно понять изображение.

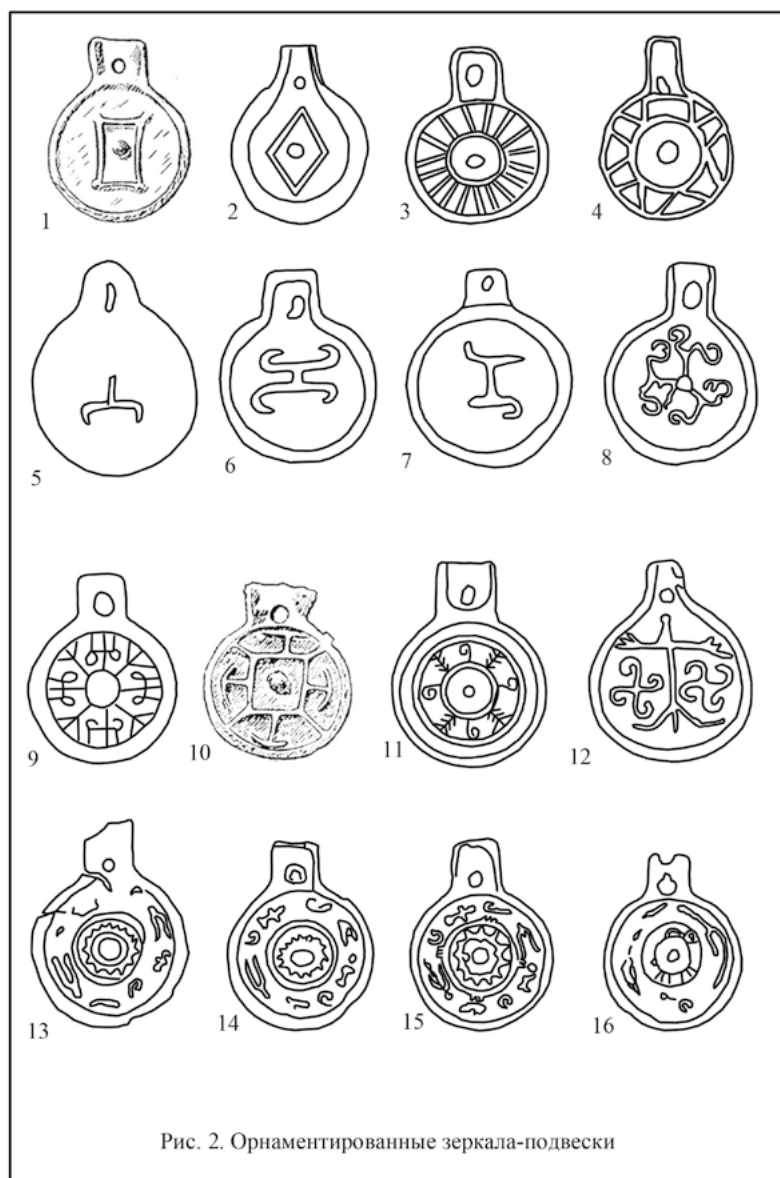
Причины таких изменений в «орнаментальной моде» на зеркалах-подвесках можно связать с появлением новой волны кочевого населения, пришедшей из-за Урала во второй половине II в. (Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. 1995. С. 151). Данная группа алан, контактировавшая с Китаем,

принесла с собой моду на импортные зеркала китайского облика, что повлекло за собой появление подражательных орнаментов на зеркалах-подвесках с боковой ручкой, а также возникновение местного производства зеркал-подвесок нового облика с центральной петлей, полностью вытеснивших предыдущую форму к середине III в.

ЛИТЕРАТУРА

- Барцева Т. Б.* Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.1971
- Вагнер В. Е.* 2012. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2012. № 1 (21)
- Драчук В. С.* Система знаков Северного Причерноморья. Издательство «Наукова Думка», Киев, 1975.
- Гузев В.К., Трейстер М.Ю.* 1995. Ханьские зеркала и подражание им на территории Юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3.
- Кононов В.Ю.* 2013. К вопросу о типологии зеркал-подвесок с боковой ручкой// Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар. 2013
- Косяненко В. М.* К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. (Вып. 13). Азов, 1994.
- Ли Джи Ын.* 2010. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н.э. — III в. н.э.). Ростов-на-Дону. 2010.
- Марченко И.И.* 1996. Сираки кубани. Краснодар, 1996
- Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Соломоник Э.И.* 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Эрлих В.Р., Кожухов Е.П.* 1991. Погребения сарматского времени курганного могильника Уашхиту-2 // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

КОСТРАМИЧЕВ Д. А.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННИХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ ХЕРСОНЕСА И ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Свидетельства ранних контактов между Херсонесом в Таврике и Римом всегда привлекали внимание. Этот интерес понятен, учитывая ту роль, которую играла Римская империя в политической и экономической жизни северопричерноморского города начиная с I века н.э. Многие исследователи уделяли внимание связям Херсонеса и Италии республиканского времени, всякий раз констатируя немногочисленность сведений о таких контактах [Сорочан 1980, с. 75; Кадеев, Сорочан 1989, с. 17, 18]. Каждое новое свидетельство о наиболее ранних связях Херсонеса и Италии становится ценным источником.

Политические связи Херсонеса и Рима засвидетельствованы впервые в 179 г. до н.э., когда царь Понтийского царства Фарнак в рамках договора с Римом взял на себя обязательство оказывать военную помощь Херсонесу [Зубарь 1994, с. 9]. Завоевание Римом Греции в середине II в. до н.э. и организация римской провинции в Арголиде, Аттике, Беотии – территориях традиционных партнеров экономической жизни Херсонеса – сделали неизбежным увеличение количества опосредованных контактов между Римом и Херсонесом. События последнего этапа Митридатových войн: восстания городов Северного Понта против ослабшего царя не оставили в стороне Херсонес (App. Mithr. 108). Город в середине I в. до н.э., очевидно, находился на проримских позициях [Зубарь 1994, с. 13].

К сведениям об экономических контактах Херсонеса и Италийских городов относится такая категория находок, как памятники нумизматики. С конца IV в. до н.э. в монетном деле Херсонеса применяют технику ли-

тъя заготовок характерную, для многих городов Сицилии и Южной Италии [Анохин 1975, с. 13-15]. В. А. Анохин заметил влияние монетных типов сицилийского города Алесы на херсонесские монеты конца III в. до н.э. [Анохин 1977, с. 51]. Вместе с тем, находки монет Римской республики в Херсонесе единичны. А. М. Гилевич указывает на находку медной монеты с изображением двуликого Януса второй половины III в. до н.э. и на серебряный квинарий 86 г. до н.э. [Гилевич 1968, с. 30-31, прим. 143, 144]. Недавно в 55 квартале Херсонеса был найден денарий Корнелия Сулы 151 г. до н.э. [Алексеев 2016, с. 133, 141, 142].

Товары, импортируемые из Италии, являются редкостью в Херсонесе последней четверти I века до н.э. – I в. н.э. В раннеимператорское время среди итальянских товаров исследователи отмечают амфоры и краснолаковую посуду [Сорочан 1985, с. 10]. К наиболее ранним итальянским предметам относят фрагменты арретинских кубков с наклепным орнаментом и краснолаковую тарелку с клеймом C·SE/NTI [Сорочан 1980, 75], но эти находки нельзя отнести ко времени ранее последней четверти I в. до н.э. [Журавлев 2006, с. 174, 180]. Это означает, что, помимо монет, вещи республиканского периода итальянского происхождения в Херсонесе не были известны до настоящего момента.

В 1982 году в западной части Херсонеса экспедицией под руководством С. А. Беляева была обнаружена ручка амфоры с латинским клеймом VISELLI (Инв. № 12/37256) (рис. 1. 1,2). Находка сделана к югу от «Базилики на холме» в квадрате М9, в нивелировочном слое, перекрывавшем скальную поверхность [Беляев 1982, л. 9, рис. 92]. Этот слой залегал ниже византийской мостовой и содержал находки античного и средневекового времени. Автор раскопок связывает образование слоя с засыпкой обширного участка непосредственно перед устройством византийской мостовой [Беляев 1982, л. 2, 3].

Предмет представляет собой верхний прилеп массивной, плавно изогнутой, круглой в сечении ручки амфоры. Диаметр сечения 3,5 см. Амфора сформована из мелкозернистой, грубоватой глины желто-красного цвета (5YR6/4), содержащей примесь мелких белых и корич-

невых частиц и мельчайшие блестки слюды. Амфора относится к классу 1 по типологии Д. П. С. Вильямса и Д. Ф. Пикокка [Peacock, Williams 1986, p. 82, 83]. Такие амфоры производились в керамических центрах в окрестностях Брундизия – крупнейшего порта южной Италии. Амфоры из этого центра получили в литературе условное название «амфоры Брундизия».

На поверхность ручки, недалеко от места крепления к горлу нанесено однострочное клеймо. Размеры оттиска 5,3х1,2 см. Клеймо содержит надпись VISELLI. Все буквы клейма вырезаны четко и ровно, с соблюдением одинакового расстояния между буквами. Концы букв I, E, L слегка расширяются. Буква S немного выше других (0,9 см); I — чуть ниже (0,7 см); высота остальных букв — 0,8 см. Клеймо содержит имя Визеллия – владельца мастерской воспроизведенное в родительном падеже. Вероятно, Визеллий являлся собственником крупных мастерских, производивших амфоры для торговли оливковым маслом. О масштабах торговли свидетельствует география находок идентичных клейм. Она охватывает практически все Средиземноморье. Клейма VISELLI встречены в Италии, Иберии, Галлии, Египте, Палестине, Малой Азии [Cipriano, Carre 1989, p. 72, 73, fig. 6; Manacorda 2001, p. 233], Иллирии, [Lahi 2012, f. 235-236, Tab. I, 11]. Такие клейма также найдены в Северном Причерноморье. Два клейма происходят из Пантикапея, ещё одно недавно было найдено в Китее [Павличенко 2013, с. 108, 109].

В 1988-1990 годах проводились раскопки керамических мастерских в Джанкола (к северу от Брундизия). В ходе этих работ было установлено производство в данном пункте амфор, клейменных от имени Визеллия [Manacorda 2001, p. 229]. Этап функционирования мастерской в Джанкола, связанный с Визеллием определяется итальянскими исследователями как середина I в. до н.э. [Manacorda 1994, p. 4]. Торговый знак VISELLI, вероятно, принадлежал знатной патрицианской семье Визеллиев. По предположению Д. Манакорда владельцем мастерской мог быть римский всадник Гай Визеллий Варрон Акулеон — двоюродный брат Марка Туллия Цицерона [Manacorda 2001, p. 229].

В 2003 году во время раскопок, проводившихся под руководством

С. Г. Рыжова, в 36 квартале, в центральной части городища была найдена ручка амфоры с латинским клеймом M·CLAVDI (инв. № 25/37396) (рис. 1. 3,4). Ручка была найдена в слое глины, составлявшем основу пола из каменных плит в помещении № 5. Материал из этого слоя представлен находками эллинистического и римского времени [Яшаева и др. 2003, л. 24]. Сохранился верхний прилеп круглой в сечении, плавно изогнутой ручки. Диаметр сечения ручки 3,4 см. Глина амфоры мелкозернистая желто-красного цвета (5YR6/6), содержит примесь серого песка, мелких белых частиц и мельчайшие блестки слюды.

Амфорная ручка по морфологии и составу глины очень близка ручке, найденной в 1982 году. Очевидно, что ручка с клеймом M·CLAVDI изготовлена в том же производственном регионе в районе Бундизия, но, возможно, относится к продукции другой мастерской. Наиболее вероятным местом производства находки 2003 года являются мастерские в Апани, находящиеся к северо-западу от Бундизия. Производственный центр в Апани функционировал с конца II по середину I вв. до н.э. [Peacock, Williams 1986, p. 68, 69; Palazzo 1989, 548, 549].

На поверхности ручки оттиснуто однострочное клеймо, сохранившееся полностью. Поверхность в некоторых местах сбита, но все буквы читаются уверенно. Размеры оттиска 5,3х1,2 см. Клеймо содержит надпись M·CLAVDI. Буквы ровные, вырезаны четко, расположены близко друг к другу. Буквы одинаковой высоты — 1 см, кроме первой буквы М, высота которой 0,9 см. Между первой и второй буквой расположен разделительный знак в виде точки, смещенной к верхней части строки. Мне не удалось найти точных аналогий этому клейму. Наиболее близкий аналог представляет собой клеймо C[LAVD]I оттиснутое на венчике амфоры, найденной в Лиссосе (Северо-Западная Албания). Эта амфора также определяется как продукция мастерских Брундизия [Lahi 2012, f. 233, Tab. I, 11]. Очевидно, что клеймо представляет собой также, как и предыдущее, имя фабриканта, воспроизведенное в генетиве. В данном случае в клейме содержится не только *poten*, но и *praepoten*. Имя владельца мастерской уверенно восстанавливается как Marcus Claudius.

Вероятно, речь идет о представителе рода Клавдиев – одного из древнейших римских родов, имевших патрицианские и плебейские ветви. Среди Клавдиев граепомен Марк носили представители плебейской части рода, а именно Клавдии Марцеллы [Smith 1870, p. 927–936]. Представители различных поколений семьи с именами Марк Клавдий Марцелл играли заметную роль в политической жизни Рима в III – I вв. до н.э., неоднократно добиваясь консулата. Последним упоминанием в источниках человека с именем Марк Клавдий следует считать сообщение об отказе Марка Клавдия Марцелла Эзернина участвовать в процессе обвинения Гнея Кальпурния Пизона в отравлении Германика в 20 году н.э. [Smith 1870, p. 935].

Как бы то ни было, не имея иных оснований для датировки клейма, кроме родового имени владельца, предположу, что клеймо должно относиться к первой половине - середине I в. до н.э. Если датировка верна, то мастерские могут быть связаны с Марком Клавдием Марцеллом, консулом 51 г. до н.э.

Существует вероятность того, что Марк Клавдий также как и Визеллий, могли быть вольноотпущенниками указанных знатных римлян. В таком случае это мог быть управляющий, которому патрон доверил возглавлять производство. Но и при таком варианте фабриканты находились в тесной связи с семьями Визеллиев и Клавдиев.

Анализ доступных сведений о происхождении и датировке двух латинских амфорных клейм позволяет установить их хронологическую и географическую близость. Сходство оформления штампов также свидетельствует о близком времени изготовления. Таким образом, можно установить происхождение обоих клейм из региона Брундизия и датировать их одним и тем же временем.

Находка двух амфорных клейм Брундизия середины I в. до н.э. в Херсонесе не может свидетельствовать о масштабных прямых поставках товаров из Италии. Появление в Херсонесе этих амфор было возможно лишь через промежуточные рынки и посредническую торговлю городов Греции. Рискну предположить, что в Херсонес амфоры с итальянскими клеймами попали не в качестве тары, а вместе со своим оригинальным

содержимым. Амфорная тара в крупных торговых и производственных центрах после опустошения быстро выходила из употребления [Журавлев 2006, с. 169]. Пустую тару не использовали вторично для перевозки товаров в том числе по причине того, что амфора сама по себе представляла собой узнаваемый торговый знак, свидетельствующий о происхождении и содержимом сосуда [Шаров 2007, с. 112-114]. Если так, то можно предполагать, что наши амфоры, возможно пройдя несколько перепродаж, прибыли в Херсонес вместе со своим содержимым. А это означает, что оливковое масло из Италии, пусть и в небольшом объеме, но было представлено в позднеэллинистическое время среди товаров на рынке города.

Выход итальянских товаров на рынки греческих городов Северного Причерноморья в середине I в. до н.э. хорошо согласуется с ситуацией, сложившейся после окончания Митридатых войн, когда Римская республика, пришедшая, увидевшая и победившая противников из числа последних эллинистических монархов, начала устанавливать контроль над торговыми путями региона. Два латинских клейма из Херсонеса являются самым ранним подтверждением появления новых торговых связей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н.А. Монетный комплекс // А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина
Квартал 55 с пятиапсидным храмом (IV/III в. до н.э. – XIV в.
н.э.) в Херсонесе Таврическом. Познань, 2016. 406 с.
- Анохин В.А. Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе
// НС. 1975. Вып. 5. С. 13-15.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев,
1977. 176 с.
- Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в
1982 г. Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический».
Дело 2340.
- Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса //
НС. 1968. Вып. 3. С. 3-61.
- Журавлев Д.В. Западная сигиллата в Северном Причерноморье // ДБ.
2006. Вып. 10. С. 168-212.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки воен-
но-политической истории. Киев, 1994. 178 с.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Се-
верного Причерноморья I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989.
136 с.
- Павличенко Н.А. Находка римского клейма в Китее // Фидития. Памяти
Юрия Викторовича Андреева. Санкт-Петербург, 2013. С.
108-110.
- Сорочан С.Б. Зовнішня торгівля Херсонеса Таврійського в I ст. до н.е.
// Вісник Харківського університету. 1980. № 201. С. 72-78.
- Сорочан С.Б. Економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з заходом в I
ст. до н.е. – V ст. н.е. // Археологія. 1985. Вип. 50. – С. 9-18.
- Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология
комплексов с римскими импортами. СПб, 2007. 208 с.
- Яшаева Т.Ю., Рыжов С.Г., Андреева О.А. Отчет о раскопках XXXVI
квартала на территории Херсонеса в 2003 году. Научный
архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Дело 3677.

- Cipriano M.T., Carre M.-B. Production et typologie des amphores sur la côte adriatique de l'Italie // Amphores romaines et histoire économique. Dix ans de recherche. Actes du colloque de Si-enne (22-24 mai 1986). Rome, 1989. p. 67-104.
- Lahi B. Vula amforash latine në Lissosin antik // Iliria. 2012. Nr. 35. f. 227-242.
- Manacorda D. Produzione agricola, produzione ceramica e proprietà della terra nella Calabria romana tra Repubblica e Impero // Epigrafia della produzione e della distribuzione. Actes de la VIIe Rencontre franco-italienne sur l'épigraphie du monde romain (Rome, 5-6 juin 1992). Rome, 1994. p. 3-59.
- Manacorda D. Le fornaci di Giancola (Brindisi): archeologia, epigrafia, archeometria // 20 ans de recherches à Sallèles d'Aude. Colloque des 27-28 septembre 1996 (Sallèles d'Aude). Besançon, 2001. p. 229-240.
- Palazzo P. Le anfore di Apani (Brindisi) // Amphores romaines et histoire économique. Dix ans de recherche. Actes du colloque de Si-enne (22-24 mai 1986). Rome, 1989. p. 548-553
- Smith W. A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology. Vol. II. London, 1870. 1094 p.

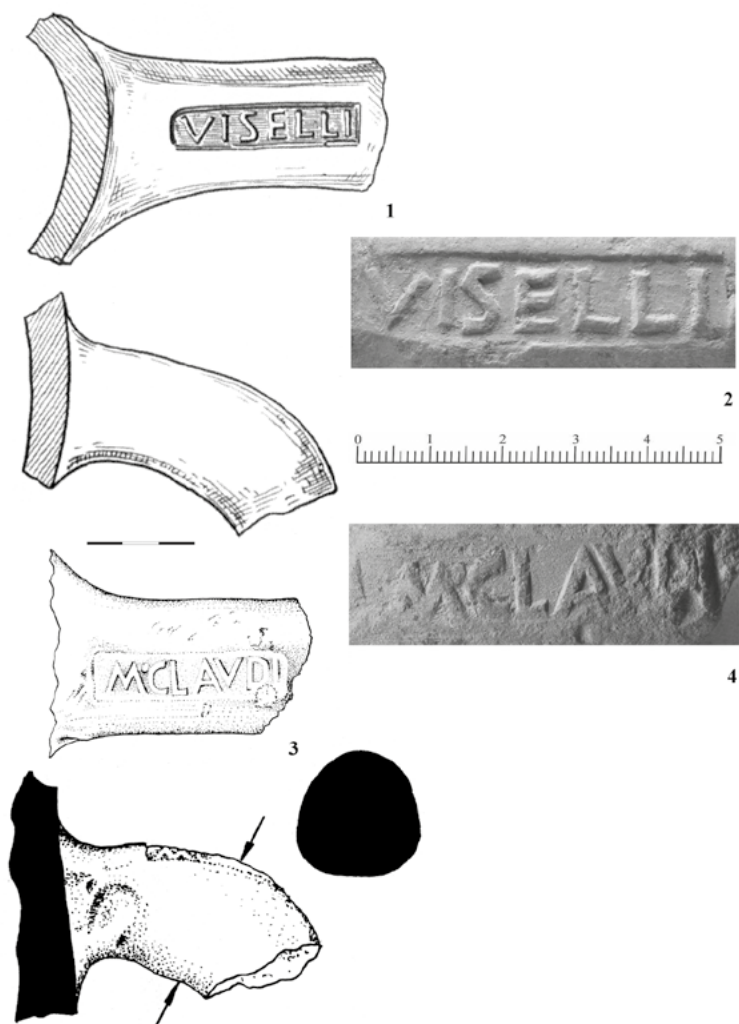

Рис. 1. Ручки амфор с латинскими клеймами из Херсонеса.
 1 – рисунок по [Беляев 1982]; 2, 4 – фото К.В. Зыковой; 3 – рисунок по [Яшаева 2003].

КОТИНА А.В., СУВОРОВА Н.И.
(ЦАИ БФ «Деметра», Керчь; Азов)

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ДАКТИЛОСКОПИИ
В ИССЛЕДОВАНИИ АНТИЧНОЙ КОРОПЛАСТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО И АЗИАТСКОГО БОСПОРА
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ)**

В античных городах терракотовые статуэтки изготавливались в огромных количествах, для удовлетворения спроса широких масс. Они являются произведениями народного искусства. Терракоты служили образным выражением миропонимания античного общества (Кобылина, 1961, с. 5). Поэтому терракотовые статуэтки представляют собой яркий, показательный и документальный материал для изучения культуры на том или ином этапе развития греческого общества. Глиняные статуэтки отражают духовную культуру античных полисов, искусство, психологию, религиозные взгляды и художественные вкусы их создателей и потребителей, а также демонстрируют уровень развития технологии керамического производства, торговых отношений.

С каждым годом в ходе археологических исследований памятников Боспора растет объем находок, пополняются коллекции терракотовых статуэток, что, в свою очередь, способствует развитию различных методов изучения и анализа указанных артефактов. При исследовании предметов коропластики основным методом остается сравнительно-типологический. Однако в настоящее время известен и успешный опыт применения естественнонаучных методов датирования терракот (Ильина, 2008). Таким образом, привлечение методов естественных наук, к которым все чаще обращаются различные исследователи в области керамического производства, может способствовать получению новых данных и выводов. Среди подобных методов – дактилоскопия (от

греч. *daktylos* – «палец» и *skopeo* – «смотрю, наблюдаю»), являющаяся подотраслью трасологии. Понятно, что он весьма специфичен, и используется преимущественно криминалистами и антропологами. Метод дактилоскопической регистрации был разработан в конце XIX в. Ф. Гальтоном и Э. Генри (Великобритания), дополнялся и совершенствовался криминалистами и антропологами разных государств. Основывается такой метод на утверждении о неповторимости рисунка кожи. Данные, которые получены в ходе анализа особенностей папиллярных узоров, не только решают вопросы идентификации личности, этнической и расовой принадлежности, но и позволяют определить пол, возраст и рост человека (Криминалистика, 2000).

Еще с XIX в. исследователи обращали внимание на отпечатки пальцев, оставленные на древней керамике, особенно при орнаментации сосудов. Оттиски кончиков пальцев были отмечены в числе прочих отпечатков на керамике при составлении классификации орнаментов различных археологических коллекций (Гей, 2010, с. 204). Среди исследователей, занимавшихся вопросами изучения отпечатков пальцев, следует отметить П.А. Путятину, А.Е. Теплоухова, О.Е. Клер, К.И. Фаддеева, В.А. Городцова, М.П. Грязнова. В XX в. вопросами, связанными с отпечатками на керамике, занимались Г.Л. Хить, Х. Ньюман (Гей, 2010, с. 205). Так же совместные исследования в этой области проводились группами ученых – археологов и криминалистов (Данченко, Волосов, Гришаева, 1996; Сыроватко, Елистратов, 2003). Целью применения метода дактилоскопии было получение данных о половозрастных характеристиках мастеров, а также выделение изделий, выполненных одним и тем же человеком. Однако, из-за того, что для полноценных выводов необходима достаточно обширная выборка и пригодные для идентификации отпечатки, а также из-за трудоемкости проведения исследования и необходимости участия специалистов по дактилоскопии, метод был сочтен малодоступным для изучения массового материала (Гей, 2010, с. 207).

Новый, комплексный подход к проблеме изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике разрабатывался А.А. Бобринским в

Лаборатории «История керамики» ИА РАН (Бобринский, Гей, 1991; 1996; Гей, 2005; 2007; Бобринский, 2008; Гей, 2010). На основании данных, полученных в ходе работы Лаборатории «История керамики», разработана специальная компьютерная программа, «позволяющая по единому принципу автоматически определять половую принадлежность конкретного индивида...» (Бобринский, 2008; Гей, 2010, с. 210). И.А. Гей, отмечает, что информация, полученная в ходе исследования отпечатков, «дает перспективу для объективного обсуждения вопросов, связанных с древним гончарством, а именно: территориальное распространение гончарных навыков и передача действующих навыков от поколения к поколению, по мужской или женской линии...» (Гей, 2010, с. 212). Кроме того, полученные данные помогут исследователям в решении вопросов, связанных с различными сферами жизни. Автор подчеркивает уникальность и важность изучения отпечатков пальцев на керамике, однако отмечает необходимость «соизмерять формулировку задач и реальные возможности источника» (Гей, 2010, с. 212).

Что же касается предметов античной коропластики, найденных на территории нашего государства, известно, что их изучение ведется с начала XIX в. Выявлены основные морфологические и иконографические особенности античных терракот, датировки, назначение и использование, места их производства, технология изготовления. Отпечатки пальцев на терракотах замечали многие исследователи. Так, Б.Н. Кастальский в своей статье 1909 года упоминает наличие на поверхности терракотовых предметов, отмятых в формах, отпечатков пальцев, «по коим можно было бы различить мастеров» (Кастальский, 1909). В те времена дактилоскопический метод опознания человека только начинал внедряться в криминалистику. Но и до настоящего времени в археологических исследованиях он не получил широкого применения. В статье 2005 года Н.Д. Двуреченская отмечает, что «в обыкновение вошла констатация факта наличия отпечатков на многих изделиях, но использовалась эта информация только как свидетельство определенной технологии изготовления» (Двуреченская, 2005).

В 2014 году коллективу исследователей из Ростова-на-Дону

удалось провести междисциплинарное – историческое, трасологическое (дактилоскопическое) – исследование предметов коропластики, найденных на городище и некрополе Танаиса, с целью получения информации о древних мастерах, производивших их. Благодаря исследованию отпечатков пальцев удалось выяснить половозрастные характеристики мастеров, особенности их работы с глиной, использование одних и тех же форм для изготовления предметов (Лазарев, Серго, Суворова, 2016, с. 164-179). По двум терракотам было установлено наличие идентифицирующих объектов (принадлежащих разным мастерам), на основании которых возможно проведение идентификации. С помощью трасологии выяснили, что четыре протома были отмыты в одной форме и вероятно одним мастером. Даже такой небольшой процент результативности выявленных совпадений среди терракот одного памятника вселяет надежду в возможность формирования в будущем базы данных отпечатков пальцев античных мастеров Северного Причерноморья. Таким образом, учитывая опыт, приведенный выше, привлечение метода дактилоскопического исследования позволит определить половозрастные характеристики мастеров, технологические особенности их работы с глиной. Создание общей базы данных отпечатков пальцев античных мастеров сделает возможным установление принадлежности разных предметов одному мастеру. Это способствовало бы уточнению авторства тех или иных предметов, их датировки, местоположения мастерских коропластов, основных направлений торговых отношений Европейской и Азиатской частей Боспора, а также объем поставок изделий коропластики.

Для этого необходимо осуществить изучение предметов коропластики, находящихся в музеях Крыма, Ростовской области, Краснодарского края, Москвы, Санкт-Петербурга и др., с целью поиска и фиксации отпечатков пальцев мастеров на терракоте, пригодных для проведения дактилоскопического исследования. В ходе указанного исследования будут использоваться методы визуального осмотра предметов коропластики при помощи дактилоскопической лупы четырехкратного увеличения с разными углами подсветки с применением осветительной

системы «KAISER 2S XA». Фотографирование объектов цифровыми фотокамерами. Исследование признаков строения папиллярных узоров отпечатков пальцев в виде начал, окончаний, слияний и разветвлений; измерение их с помощью линейки ГОСТ 17435 с точностью измерения до 0,1 мм (предполагается, что непосредственное дактилоскопическое исследование будет проводиться специалистами Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Ростовской области).

Таким образом, на наш взгляд, есть основания полагать, что продолжение исследования предметов коропластики Европейского и Азиатского Боспора, при использовании комплексного подхода с привлечением метода дактилоскопии, при достаточной выборке может способствовать получению новой информации, уточнению или опровержению уже имеющихся данных, и прояснить ряд более общих вопросов, связанных с социальной, духовной, экономической сферами жизни общества. Кроме того, эта выборка, в случае наличия в ней отдельных точно датированных предметов с отпечатками, при выявлении тождественных отпечатков и на других терракотах, может дать возможность для перехода от относительной датировки последних к абсолютной.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.А. Первые итоги изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996.
- Бобринский А.А. Установление пола индивида по ногтевым отпечаткам на керамике // Сборник памяти В.А. Башилова. Проблемы современной археологии. М, 2008.
- Гей И.А. Отпечатки кончиков пальцев на изделиях из глины (изучение, проблемы, перспективы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М. ИА РАН, 2010.
- Данченко Е.М., Волосов В.А., Гришаева О.Е. О возможности дактилоскопического исследования следов рук на древней керамике // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск – Омск, 1996.
- Двуреченская Н.Д. История изучения терракотовой пластики Средней Азии // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2005. № 15.
- Ильина Т.А. Проблемы исследования античной коропластики Боспора: опыт комплексного анализа материалов святилища на Майской горе близ Фанагории // Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М, 2008.
- Кастальский Б.Н. Бианайманские оссуарии // ПТКЛА. 1909. № 13.
- Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб и доп. М.: Спарк, 2000.
- Лазарев Н.В., Серго С.В., Суворова Н.И. А Мастер кто? (По материалам дактилоскопического исследования терракоты Танаиса) // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Вып. 32.
- Сыроватко А.С., Елистратов А.Я. Об опыте определения отпечатков пальцев на дьяковских керамике и мелкой пластике // Тверской археологический сборник. Тверь, 2003.

КРОПОТОВ В.В., СУПРЕНКОВ А.А.
(ИАК РАН, Симферополь; ИА РАН, Москва)

ПОГРЕБЕНИЕ I В. ДО Н.Э. НА УЗУНЛАРСКОМ ВАЛУ

В ходе масштабных полевых работ, проводившихся в 2016 году отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.А. Супренкова на Узунларском валу к западу от с. Горностаевка Ленинского района Республики Крым, был изучен ряд интересных археологических объектов. Это большой курган эпохи бронзы(?) с полностью разграбленным центральным погребением, расположенная на его вершине каменная постройка античного времени, вероятно, синхронный ей комплекс хозяйственных ям, а также несколько разновременных захоронений. Безусловно, самой яркой находкой стало открытие монументального архитектурного сооружения – «Боспорских ворот», представляющих собой проезд шириной около 5 м через ров перед Узунларским валом, укрепленный с двух сторон массивными каменными стенами. Последние были сложены из крупных рустованных блоков (размером около $1 \times 0,5 \times 0,5$ м) и более мелких необработанных камней без применения раствора и опирались непосредственно на материковое дно рва, достигавшего на данном участке глубины 4,5 м. Обе стены, вытянутые с ЮЗ на СВ, прекрасно сохранились: их длина 12,5 (северной) и 10 (южной) м, ширина 3,2 – 3,5 м, высота до 4 м. Каждая из них в юго-западной части дополнена короткой поперечной стенкой шириной 2 – 2,5 м, длиной 3 м, сложенной из того же материала. Все пространство между стенами заполнено однородным материковым грунтом с гумусированными прослойками, не содержащими сколь либо выразительных находок [Супренков, 2016, с.328-333].

Уникальная сохранность сооружения и отсутствие аналогов в Северном Причерноморье, делают его важным источником по истории

архитектуры региона. Большое значение в датировке памятника имеет открытое непосредственно под ним погребение, получившее в полевой документации порядковый номер 4.

Это захоронение находилось непосредственно под грунтовой засыпкой проезда между каменными стенами, на северо-восточном склоне рва и было впущено в материк на глубину 0,15 – 1,25 м. В качестве погребального сооружения была использована простая подпрямоугольная в плане могила размером 1,9 × 0,6 м, ориентированная поперек склона с СЗ на ЮВ. Покойник (женщина 50 – 60 лет¹) располагался на дне могилы вытянуто на спине головой на СЗ. При погребении обнаружены: справа от черепа – гончарный сероглиняный кувшин (рис.1,1), близ него, поверх костей предплечья – гончарная сероглиняная миска с костями животного (рис.1,2), у юго-западной стенки могилы, под миской – бронзовое зеркало (рис.1,3) и железный нож (рис.1,4), около черепа, у правого виска – две бронзовые проволочные серьги (рис.1,5), близ шейных позвонков, а также на запястьях и у голеней – гагатовые подвески и стеклянные бусы (рис.1,6).

Найденный в могиле инвентарь позволяет достаточно точно датировать захоронение. Так, аналогичные гончарные сероглиняные кувшины с грушевидным туловом, плоским дном, прямым украшенным рельефными валиками горлом с коротким носиком-сливом, хотя и относятся к редкому для Крымского полуострова типу посуды, все же известны в хорошо датированных комплексах, в частности, очень близкий по форме образец происходит из горизонта 2 усадьбы Бондаренково III, относящегося ко второй половине I в. до н.э. [Бейлин, 2014, с.38, рис.3,9]. В основном для I в. до н.э. – начала/первой половины I в. н.э. характерны гончарные серо- и красноглиняные миски с полусферическим туловом на низком кольцевом поддоне, в более позднее время известны только их краснолаковые аналоги [см., например, Храпунов и др., 1997, с.90-91; Журавлев, 2010, с.54-56]. Также преимущественно I в. до н.э. – I в. н.э. датируются гладкие круглые зеркала небольшого диаметра [Труфанов,

¹ Определение Д.Ю. Пономарева.

2005-2009, с.255]. Найденные в погребении бусы представлены бочковидными из глухого грязно-синего стекла типа 28 по классификации Е.М. Алексеевой (рис.1,6е,i) и округлыми поперечно-сжатыми из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой типа 1а по той же схеме (рис.1,6ф-h,j-l). Первая исследовательница датирует III – II вв. до н.э., вторые – в основном III – I вв. до н.э., указывая на их хождение также в первые века н.э. [Алексеева, 1978, с.29, 65]. Появление гагатových стрелковидных подвесок, подобных публикуемым (рис.1,6а-d), Е.М. Алексеева относит ко II в. до н.э., но пик их популярности отмечает уже в I в. н.э. [Алексеева, 1978, с.18 (тип 84)].

Сопоставление приведенных выше определений указывает на наиболее вероятную датировку комплекса I в. до н.э., скорее всего, второй половиной этого столетия.

Поскольку погребение, очевидно, предшествовало сооружению монументального проезда, строительство последнего следует относить к последующему времени. Однако разделяющий их временной промежуток мог быть незначительным. В настоящее время автором раскопок ведётся обработка коллекции, которая позволит сделать аргументированное предположение относительно времени сооружения «Боспорских ворот».

Что касается этнокультурной атрибуции открытого во рву погребения, то такие черты погребального обряда, как ориентация покойного в северный сектор, использование для погребения простой подпрямоугольной в плане могилы, индивидуальность захоронения, размещение заупокойной пищи у головы усопшего, обшивка рукавов и подола платья бусами и т.п., типичны для синхронных сарматских захоронений степной части Крымского полуострова, ближайшие из которых известны всего в 10 км к западу от Узунларского вала, близ с. Астанино [Кропотов, 2015, с.18-24]. Единственное отличие описываемого комплекса заключается в использовании для погребения не курганный насыпи, а склона земляного вала/рва.

В заключение необходимо подчеркнуть, что все известные на сегодняшний день сарматские погребения Степного Крыма расположены

цепочкой вдоль северной границы региона по побережью Черного моря и Сиваша – от Перекопского перешейка до мыса Тарханкут на западе и Узунларского вала на востоке [Кропотов, 2016, рис.1]. Такое размещение, по-видимому, маркирует путь кочевников из Поднепровья – одного из основных районов их расселения – к городским центрам Северо-Западного Крыма и Керченского полуострова, в результате прямых контактов с которыми к сарматам и попадали предметы античного производства: гончарная керамика, ювелирные украшения, фибулы, бусы и проч., широко известные в их захоронениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1978. 120 с.
- Бейлин Д.В.* К изучению хронологии укрепленной усадьбы I века до н.э. на поселении Бондаренково III // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы археологии. Керчь, 2014. С.34-42.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып.9. Симферополь, 2010. 320 с.
- Кропотов В.В. Сарматские погребения близ села Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2015. №2(32).С.18-24
- Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Вып.15. С.18-24.
- Супренков А.А. Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. Спб., 2016. С.328-333.
- Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. – 2005-2009. – №4. – С.117-328.
- Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – 1997. – Вып.1. – С.76-155.

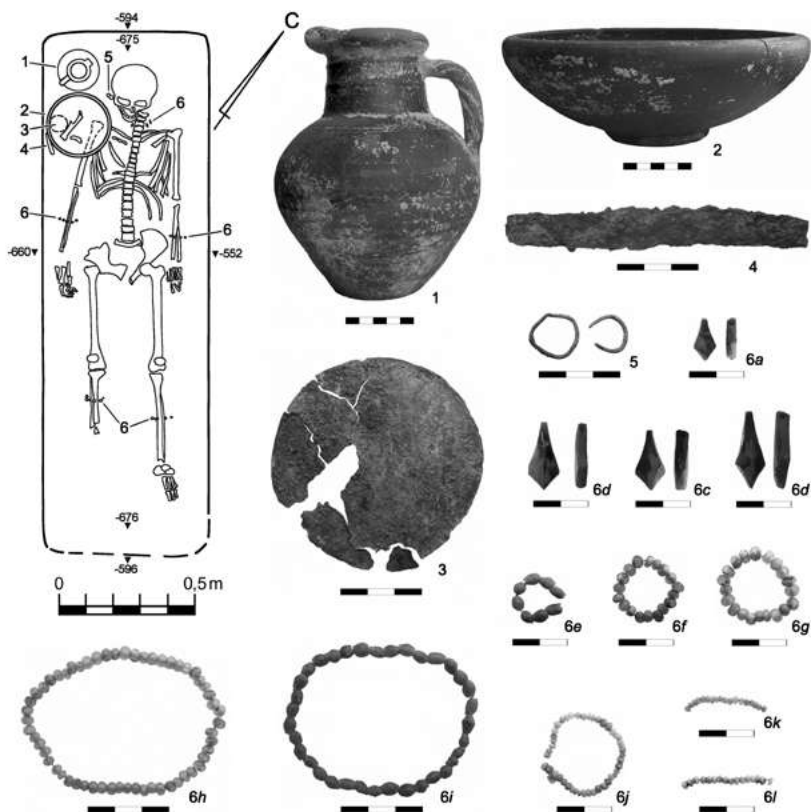

Рис.1. План и инвентарь погребения 4: 1,2 – керамическая посуда, 3 – бронзовое зеркало, 4 – железный нож, 5 – бронзовые серьги, 6 – гагатовые подвески (а-д) и стеклянные бусы (е-л).

КУЧЕРЕВСКАЯ Н.Л.
(ГБУ ВКИКМЗ, Керчь)

ЛАПИДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БОСПОРЕ

Лапидарные надписи, содержащие информацию о торговой деятельности Боспора Киммерийского, можно подразделить на прямые и косвенные. Важнейшую роль в характеристике торговых связей Боспора с греческими городами играют декреты, гарантировавшие иноземцам право гостеприимства и беспошлинный вывоз зерна из Пантикапея, Феодосии и других городов Боспора Киммерийского и, порой, право дарование гражданства. Государственные постановления Боспора подразделяются на три больших класса – проксении, ателии и политии [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 1992, с. 58–75].

В Керченском лапидарии хранятся 5 проксений, одна из них опубликована в КБН (КЛ-1744) [КБН, № 5]. С.Ю. Сапрыкин и Н.Ф. Федосеев приводят в своей работе 16 боспорских проксений, изданных к 2011 г.: тринадцать из них происходят из Пантикапея, две – из Фанагории, одна – из Горгиппии. Авторы статьи вводят в научный оборот проксению, найденную Ю.Ю. Марти в 1936 г. на территории акрополя Пантикапея [Сапрыкин, Федосеев, 2011, с. 89–114]. Проксения хранится в лапидарной коллекции (КЛ-974). Из недавних раскопок В.П. Толстикова на городище Пантикапей происходят: декрет (проксения, ателия, полития) КЛ-2050 – находка 1998 г. [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002, с. 58–60], два фрагмента проксенических декретов (КЛ-2710, КЛ-2711) найдены в 2015 г. Хранящиеся в коллекции лапидарных памятников проксении относятся к второй половине IV–III вв. до н.э. – последним годам правления Левкона I или его сыновей Спартока II и Перисада I (декрет КЛ-974) [Сапрыкин, Федосеев, 2011, с. 90] и Перисада I (надписи КЛ-1744, 2051, 2710, 2711).

Декреты свидетельствуют о заинтересованности предприимчивых иноземцев укорениться на Боспоре и указывают на характерную особенность государственного строя Боспора – сосредоточение в руках правителя таких прерогатив, какие обычно в греческих полисах принадлежали совету и народному собранию. Проксений удостоивались посредники, обеспечивавшие привлечение иноземных купцов на Боспор и пребывание боспорских купцов за границей [Сапрыкин, Федосеев, 2011, с. 92]. Обретение удобнейшей гавани, расширение земельных территорий с плодородными почвами в Восточном Крыму и на азиатской стороне Боспора способствовали развитию экспорта пшеницы, достигавшего колоссальных, по античным меркам, размеров во второй половине IV– начале III вв. до н.э.

Надписи на надгробиях из Пантикапея иногда прямо указывают на занятие торговлей. В стихотворной эпитафии на стеле Хрестиона, сына Асиатика, (КЛ-727) скончавшийся на чужбине в земле сираков Хрестион назван купцом [КБН, № 142; Федосеев, Кучеревская, Артёменко, 2013, с. 32–33]. Метрическая надпись на стеле Диндиана (КЛ-588) сообщает о родине Диндиана и о цели путешествия на Боспор: «... плыл из священной Алибы, пытая счастья в мелкой торговле...» [Болтунова, 1973, с. 125–130; Федосеев, Кучеревская, Артёменко, 2013, с. 53–54; Кучеревская, 2016, с. 111, № 95].

Заинтересованность государства в развитии торговой деятельности в первых веках н.э. сказывается в упоминаниях купцов в строительных надписях из Танаиса, хранящихся в Эрмитаже. Надписи повествуют о восстановлении рыночной площади [КБН, № 1245] (220 г. н. э.), ворот [КБН, № 1247 – правление Котиса III, КБН, № 1252], какой-то заброшенной башни (?) [КБН, № 1249] (236 г. н. э.) «для города и для купцов».

Косвенными свидетельствами коммерческой деятельности Боспора можно считать данные просопониимики. Они содержат упоминания о прибывших на Боспор, скорее всего, с коммерческими целями, и «осевших» здесь иноземцах. Памятники лапидарной эпиграфики, начиная с IV в. до н.э., показывают, что вырезанные на

надгробиях имена по большей части чисто греческие, однако среди них все чаще встречаются имена иноземного происхождения. Надгробия, найденные в окрестностях Керчи, свидетельствуют о притоке населения в Пантикапей и соседние боспорские города из Малой Азии, Афин, Фракии. Это могли быть приезжающие торговцы, ремесленники, наёмники, часть из которых оседала в Пантикапее [Блаватский, 1964, с. 62]. В III–II вв. до н.э. значительно сократилось число надгробных надписей (примерно в 10 раз по сравнению с IV в.) и возросло количество негреческих имен [Блаватский, 1964, с. 108–109].

Больше всего упоминаний в лапидарных надписях выходцев из городов Малой Азии – Синопы, Амиса, Амастрии и других городов, с которыми Боспор связывают тесные экономические и культурные связи. Стелу Клеопатры, супруги Зила, (КЛ-156) поставил своей жене боспорянин, прибывший на Боспор из города Тарса в Вифинии [Шкорпил, 1912, с. 15, № 7; КБН, № 144; Федосеев, Кучеревская, Артёменко, 2013, с. 20–21; Кучеревская, 2016, с. 110, № 94]. Юношу Гелиодора, сына Гелия, «вырастила Амастрида, тоскующая по нём родина, скончавшегося же похоронил Боспор» (КЛ-446) [Марти, 1927, с. 118–121; Марти, 1935, с. 78–79; КБН, № 134; Федосеев, Кучеревская, Артёменко, 2013, с. 39–40; Кучеревская, 2016, с. 107, № 91]. Амастрийцем также назван Феона, сын Дионисия, в надгробной надписи [КБН, № 610] (КЛ-155). Кроний, сын Посидония, кромнит, (КЛ-15) – гражданин города Кромны на южном побережье Черного моря в Пафлагонии [КБН, № 199]. Родина доблестного пожилого воина Менодора, сына Аполлония, – «венчанная морем Синопа» [КБН, № 131].

Эпитафии на надгробиях порой называют происхождение погребённых под ними женщин. Феофила, дочь Гекатея, в стихотворной эпитафии (КЛ-441) названа синопчанкой [Латышев, 1905, с. 124–128, № 47; КБН, № 130; Федосеев, Кучеревская, Артёменко, 2013, с. 17–19; Кучеревская, 2016, с. 108, № 92]. Упоминается и Афинаида, хиянка (КЛ-8), на стеле IV в. до н.э. [КБН, № 155].

Свидетельством торговых связей Пантикапея с греческими городами являются почётные надписи. В надписи из Пантикапея

упоминаются аркадяне, установившие декрет в честь Левкона I, вероятно, декрет [КБН, № 37]. Одно из предложенных издателями КБН толкований документа: этот фрагмент является копией декрета, изданного в Аркадии учреждённым в Пелопоннесе около 370 г. до н. э. Аркадским союзом в связи с поставками хлеба и других видов продовольствия из Боспора в Аркадию [КБН, с. 44].

Практика установки в Пантикапее почётных надписей, изданных гражданскими общинами греческих городов Малой Азии и Южного Понта, по-видимому, была распространена в первых веках н.э. Известны надписи на постаментах статуй из Пантикапея в честь Рескупорида III, поставленные гражданами Амастрии (219/220 гг. н.э.) [КБН, № 54] и Вифинского города Прусы через послов (223/224 г. н.э.) [КБН, № 55]. В Старом Крыму обнаружен постамент с почётной надписью Рескупорида III от статуи, которую установил в 222/223 г. н.э. через своих послов Марк Аврелий Маркиан Аминий, «первый архонт блистательнейшего города прусийцев» [КБН, № 953], упоминаемый и в предыдущей надписи [КБН, № 55]. Ю.А. Кулаковский на основании надписи считал поселение, существовавшее в Старом Крыму, на западной границе Боспорского государства, торговым центром, привлекавших купцов из малоазиатских городов, находившихся в торговых сношениях с греческими городами Северного Причерноморья [Кулаковский, 1899, с. 1–14; КБН, с. 535].

Посвятительные надписи Боспора содержат информацию о существовании культа Афродиты «Судоначальницы», покровительницы мореплавателей. Культ Афродиты Навархиды засвидетельствован с середины I в. до н.э. надписями из Пантикапея времени правления Асандра [КБН, № 30] (КЛ-1600) и Горгиппии (правление Савромата I) [КБН, №№ 1115]. В римский период боспорские правители придавали большое значение Горгиппии как важному в экономическом отношении торговому пункту, ведшему оживленную торговлю хлебом. Это подтверждает надпись фиаса навклеров (судовладельцев) в честь Посейдона Сосинея (спасителя кораблей), в которой говорится о восстановлении на собственные средства храма и установке статуи, «за что царь почтил бога и фиас, даровав освобождение от пошлины для тысячи артаб»

[КБН, № 1134]. Тот факт, что боспорский царь покровительствовал фиасу навклеров, а во главе религиозного объединения стояли представители власти высокого ранга, свидетельствует о большом значении, придававшемся в боспорском обществе развитию и процветанию торговли, ставшей основой благосостояния боспорских правителей и государства.

Литература

- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. 232 с.
- Болтунова А.И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 136–149.
- Болтунова А.И.* Надгробная эпитафия Диндиана // Studii classicæ. XV. 1973. С. 125–130.
- Виноградов Ю.Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 74–100.
- Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // Этюды по истории и культуре Северного Причерноморья. СПб. 1992. С. 58–75.
- Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 58–75.
- Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965. 950 с.
- Кулаковский Ю.А.* Новые данные для истории Старого Крыма // ЗРАО. Т. X. Вып. 3–4. СПб., 1899. С. 1–14, VIII табл.
- Кучеревская Н.Л.* Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция. Керчь, 2016. 345 с.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России (с 18 снимками) // ИАК. 14. 1905. С. 94–137.
- Марти Ю.Ю.* Стихотворная эпитафия амастрица Илиодора // ИТОИАЭ. I. 1927. С. 118–121.
- Марти Ю.Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. 104. 1935. С. 57–89.
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. IV. М., 2011. С. 89–114.
- Федосеев Н.Ф., Кучеревская Н.Л., Артёменко Е.Д.* «Продвинулись звёзды...». Поэзия античного Боспора. Керчь, 2013. 60 с.
- Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИАК. Т. 45. 1912. С. 9–22.

ЛАНЦОВ С.Б.
(ИАК РАН, Симферополь)

КОМПЛЕКС НАХОДОК ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ I В. Н.Э. ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КУЛЬЧУК В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Кульчукское городище расположено на берегу Черного моря в Крыму на Тарханкутском полуострове. Оно одно из крупнейших в Херсонесском государстве и Крымской Скифии и датируется IV в. до н.э. – первыми веками н.э.; VIII – IX вв н.э.). Археологический памятник находится на высоком приморском обрыве, высотой до 11 м. Культурный слой составляет до 6 м. Его половина разрушена из-за естественного развития берега. Сохранившаяся площадь, судя по рельефу местности, около 1,5 га (около 140 м с запада на восток и 105 м с севера на юг). К северу от него находится большой могильник.

Памятник открыт для науки в 1929 г. Л.А. Моисеевым, директором археологического музея в Херсонесе Таврическом. В разные годы он периодически изучался П.Н. Шульцем, А.Н. Щегловым, О.Д. Дашевской, А.С. Голенцовым. Начиная с 2006 г. по настоящее время исследования здесь проводит Донузлавская экспедиция под моим началом (сейчас относится к Институту археологии Крыма РАН).

Раскопки в 2006 – 2009 гг. в основном велись в юго-восточной части памятника. Здесь открыта усадьба № 2, трапециевидной формы, размерами 23,85 (по восточной стене) – около 30 м (С-Ю) x 44,55 м (З-В). На северо-западном углу расположена башня, полностью изученная изнутри в 2007 г. (рис. 1). Она почти квадратная, состоит из 4 помещений, ориентирована по странам света, размерами 9,8 x 10,25 м. Первоначально (во второй половине III в. до н.э.) башня была построена из крупных рустованных блоков, установленных вертикально. Ширина стен равнялась 1 м. Затем, очевидно, на рубеже III – II вв. до н.э., к ним со всех сторон башни был пристроен пирамидальный пояс, шириной в основании около 2,5 м, из огромных блоков. Он сохранился до 3,0 м в

высоту.

В 2007 г. было исследовано внутреннее пространство башни, площадью по полу примерно 7 м (С-Ю) x 7 м (З-В), при максимальной толщине культурного слоя и высоте стен до 3,30 м. Выявлена сложная стратиграфическая ситуация, выявлено множество грунтовых напластований. Еще сложнее оказалась строительная периодизация.

Все вещевые находки из башни стратифицированы и паспортизированы. Их очень много, в основном, фрагменты гончарной и лепной керамики. Есть целые формы: амфоры разных типов с двуствольными и сложнопрофилированными ручками, кувшины, краснолаковые миски, чашки и бальзамарий, лепные горшки, кувшины, ладьевидный светильник и др. Многие сосуды полностью склеены или графически реконструированы. Обнаружены бусы из стекла, гагата, халцедона, горного хрусталя, сердолика, обломок зернотерки из магматической породы. Временной диапазон, определяемый по хроноиндикаторам – от конца II в. до н.э. до I в. н.э. (не позднее конца его первой трети). Наиболее представителен закрытый комплекс финального периода существования этого фортификационного сооружения, погибшего в мощном пожаре, очевидно в период похода боспорского царя Аспурга в Крымскую Скифию.

Основной археологический материал обнаружен в слое пожара помещения 4 (рис. 1), поскольку оно ближе всего к выходу, через который пытались вынести имущество. Выше слоя пожара располагался мощный слой разрушения и запустения покинутой башни, а возможно, и слой гибели всего поселения.

Большинство керамических сосудов в момент обнаружения были в осколках. После реставрации мы получили следующие находки. принадлежащие закрытому археологическому комплексу.

ТАРА. Одна целая и 2 графически реконструируемые широкогорлые светлоглиняные и красноглиняные амфоры с двуствольными ручкам; горловины еще от трех подобных амфор; множество профильных частей от красноглиняных, светлоглиняных и розовоглиняных тарных сосудов такой же формы; целая светлоглиняная широкогорлая амфора с желобчатыми ручками и конической ножкой с граффити – крест на плече; две очень редкие синопские

(?) плоскодонные амфоры (двух морфологических вариантов) на кольцевом поддоне, с сложнопрофилированным двойным венчиком и сложнопрофилированными (желобчатыми) ручками (целые формы такой тары в Северном Причерноморье встречены впервые) (рис. 2, 3).

В нижней части одной полностью в дальнейшем графически реконструированной красноглиняной широкогорлой амфоры с двустольными ручками и желудевидной ножкой было обнаружено много скелетов и чешуи морских карасей, очевидно, пойманных на удочку и засоленных. В нижней части другой красноглиняной амфоры (сохранившейся снизу на половину) с конической ножкой найдено 398 целых зерен пленчатого ячменя *Hordeum Vulgare*. В нижней части слоя прокаленного сырца (пожара) с массовым керамическим боем у восточной стены зачищен целый скелет домашней кошки.

На фрагменте плеча широкогорлой розовоглиняной амфоры слабопрочерченными курсивными буквами, неаккуратным угловым и лунарным шрифтом, прочерчено граффити ΧΡΕΩΣ (?), что в переводе с древнегреческого на русский язык, означало, вероятно, правильное (определение А. Ю. Виноградова). Видимо надпись отражает качество выпитого вина. На фрагменте плеча другой амфоры (красноглиняной плотного теста с мелкими золотистыми включениями и светлым ангобом) сохранилось граффито Δ, 10 по акрофонической системе.

Столовая посуда представлена фрагментом верхней части гончарного серо-зеленоглиняного светлоангобированного сосуда с врезными опоясывающими линиями на плече; красноглиняным кувшином, сероглиняным сосудом шаровидной формы; склеенной краснолаковой миской, бракованным буролаковым бальзамарием без венчика и крупным сероглиняным кувшином с пролощенным орнаментом.

Лепная посуда: три археологически целые лепные миски; лепной сероглиняный нелощенный горшок, археологически целый с одной сохранившейся ручкой; лепные миниатюрный горшочек и кувшин с петлевидной ручкой; многочисленные профильные части.

Бусы из халцедона, горного хрусталя, сердолика.

В широких пределах весь комплекс из пожара датируется от второй половины I в. до н.э. по первые десятилетия I в. н.э.

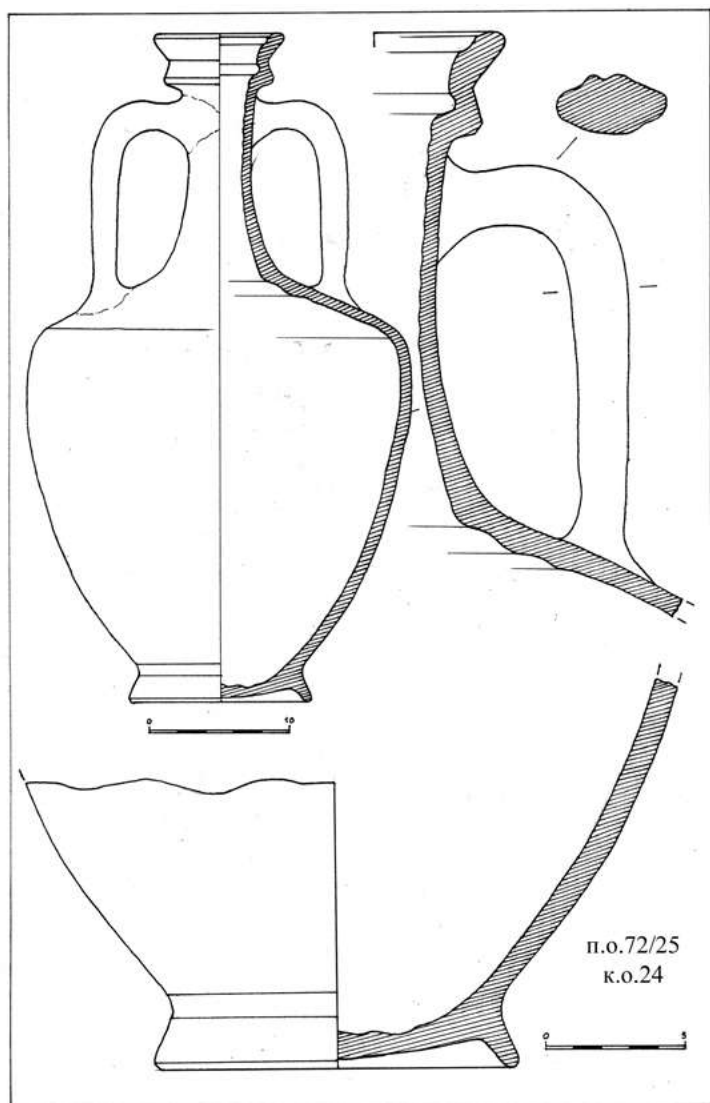
В слое сырца с камнем в слое пожара в помещении 2 также были фрагменты широкогорлых светлоглиняных амфор с двуствольными ручками.

Первые этапы строительства и функционирования башни, построенной в последней трети III в. до н.э., в находках не отражены, поскольку башня при всех хозяевах, очевидно, вычищалась до мощенного плитами пола. Попалось только несколько фрагментов херсонесских эллинистических амфор. Наиболее ранние хроноиндикаторы – родосские клейма рубежа II – начала I вв. до н.э., фиксирующие начало кардинальной переделки интерьера башни в эпоху Митридата. Жизнь с этого момента продолжается до начала новой эры. В начале I в. н.э. башня погибает в пожаре, который предварительно связывается с походом Аспурга в Крымскую Скифию. Большая часть посуды в этот момент сосредоточилась в помещении 4 перед единственным выходом из башни. Несколько разбитых сосудов были на лестнице в помещении 3. Явно посуду и их содержимое спускали вниз с пылающих верхних этажей к выходу. В других помещениях слой пожара в грунте выражен хуже, меньше золы и углей (видимо, нечему было гореть, все вытащили), но на стенах до самого верха четко видны следы пламени. В пожаре складского (как и весь первый этаж) помещения 4 сгорела кошечка, а люди спаслись, во всяком случае, не погибли в здании. Покидали башню спешно, посуду с содержимым (зерно, рыба, масло, вино) оставили. Кошку спасти не удалось. На шее женщины порвалась низка бус, бусы были обнаружены рядом с её любимой кошкой. Даму, видимо, вытащили из пожара. Может быть, именно она была захоронена рядом с захваченной башней, где и найдено синхронное выше указанным событиям женское погребение.

Изучение комплекса гончарной посуды, обнаруженной в слое пожара финального этапа существования городища Кульчук, позволяет заключить, что торговля, которую вело позднескифское население этого поселка на рубеже эр и в начале новой эры в северо-западном Крыму, находится в русле общего циркумпонтийского и средиземноморского товарообмена, в целом. Наличие подобной торговли в свою очередь свидетельствует о наличии и успешном функционировании прежних традиционных торговых маршрутов по Черному морю и Крымскому полуострову на рубеже эр и несколько позже.

Рис. 1. Башня Геракла Усадьбы № 2 Кульчукского городища. Вид с северо-запада, сверху.

**Рис. 2. Редкая амфора (№ 1) из пожара башни Геракла усадьбы № 2
Кульчукского городища.**

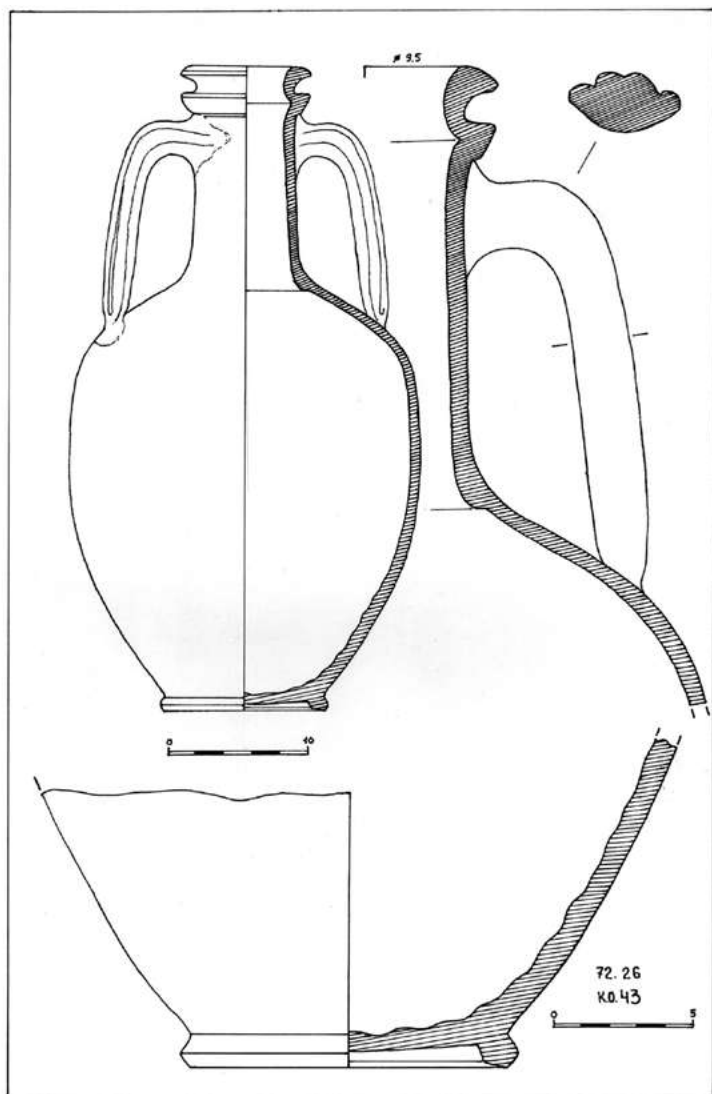

Рис. 3. Редкая амфора (№ 2) из пожара башни Геракла усадьбы № 2 Кульчукского городища.

ЛОМТАДЗЕ Г.А., ПОЖИДАЕВ В.М., ТОЛСТИКОВ В.П.
(ГИМ, НИЦ «Курчатовский институт», ГМИИ, Москва)

**СКОПЛЕНИЕ ТАРНЫХ АМФОР (КОМПЛЕКС № 54)
ИЗ РАСКОПОК НА НОВОМ ВЕРХНЕМ МИТРИДАТСКОМ
РАСКОПЕ ПАНТИКАПЕЯ
(КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ)**

В 2015 году в ходе раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина в в центральной части Пантикапейского городища, практически на вершине г. Митридат, было обнаружено скопление амфор начала IV в. до н.э

Амфоры были уложены на склоне холма рядами по трассе восток-запад, причем в каждом ряду они были ориентированы горлами к северу, ножками к югу. Ножки амфор каждого последующего, расположенного ниже ряда заходили на предыдущий ряд, перекрывая его, примерно, на высоту горла лежащей выше по склону амфоры. Комплекс пока не доследован, хотя частично, материал из него уже публиковался. Очевидно, что под западным бортом раскопа, а также севернее, скрыто его продолжение. Исходя из этого, можно предполагать, что изначально комплекс содержал не менее сотни сосудов.

Поскольку исследования объекта №54 только начались, сказать что-либо определенное относительно его назначения не представляется возможным. С одной стороны, нет никаких сомнений, что первоначально амфоры в комплексе были целыми, что позволяет характеризовать его как склад. С другой стороны, расположение амфорного склада на склоне, без остатков каких-либо ограждающих или перекрывающих конструкций вызывает справедливые сомнения.

Весьма интересно и важно, что в некоторых сосудах сохранились органические остатки, которые можно трактовать как содержимое.

В 2016 году было решено исследовать их на базе Курчатовского НБИКС комплекса. Образцы были отобраны из амфор разных центров производства (Хиос, Фасос, Менда, Пепарет). Они представляли собой неоднородные по цвету порошки, от светло-серого до темно-коричневого оттенков. Все образцы были отобраны с помощью шпателя, не прибегая к процедуре соскабливания со стенок, что позволяет отнести их к остаткам содержимого сосудов, а не соединениям, адсорбированным на внутренней поверхности.

Исследования показали наличие в остатках содержимого амфор винной кислоты. Это позволяет утверждать, что исследуемые амфоры использовались для транспортировки и хранения виноградного вина. В качестве добавки к вину для сохранения его при длительных перевозках и хранении добавляли сосновую смолу. Вероятно, часть этой смолы адсорбировалась внутренними стенками и оседала на дне сосудов.

Наличие остатков вина, позволяет предположить то, что амфоры из комплекса № 54 не использовались вторично и комплекс, в котором они находились, скорее всего, являлся складом использованной тары. Помимо этого, проведенное нами изучение остатков содержимого амфор, подтверждает, что в керамической таре Фасоса, Пепарета, Хиоса и Менды на боспорские рынки поставлялось вино, что отражается и в известных нам письменных источниках.

МАЙКО В.В.
(ИАК РАН, Симферополь)

**К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ТОРГОВОГО СТАТУСА
БОСПОРА И СУГДЕИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X-XI ВВ.**

Вторая половина X в. характеризуется повышением роли Византии, как крупнейшего ремесленного и торгового центра тогдашнего мира. С упрочением централизованной власти в империи, сосредоточением чиновно-административного аппарата в ее столице, формированием класса крупных землевладельцев не только в самом государстве, но и в развивающихся соседних странах Западной Европы и Руси, Константинополь стал единственным «мировым» центром производства предметов, необходимых для их обслуживания. Это не могло не стимулировать развитие торговли. В этой связи посредническая роль приморских городов Таврики в торговле, прежде всего Руси и Византии заметно оживляется. С этого времени городские порты становятся главным градообразующим фактором, таковыми они остаются до середины XIII в.

Сказанное справедливо и по отношению к Боспору и Сугдее, которые, для восточной Таврики второй половины X – середины XIII вв. являлись единственными городскими центрами.

Изучение торговли, как исторического явления, на основании археологических источников, в том числе и для рассматриваемого периода, должно, безусловно, носить комплексный характер. Исходя из этого, можно выделить несколько неразрывно связанных друг с другом задач.

Во-первых, это вычленение в материальной культуре предметов импорта, установление их типологии и хронологии. Во-вторых, анализ

торговых связей и направлений торговых путей. В-третьих, анализ исторической ситуации, способствовавшей или препятствовавшей развитию торговых отношений.

В данной работе хотелось бы еще раз обратить внимание не на материалы археологических исследований Боспора и Сугдеи, а на синхронные археологические памятники восточного Крыма, так или иначе связанные с этими городскими центрами и появление которых явилось результатом развития торговли. Прежде всего, это результаты подводных исследований, проливающих свет и на ассортимент импорта и экспорта, и на направления торговых путей. Речь идет не только о затонувших кораблях и корабельных стоянках, но и о находках в прибрежной зоне акватории портов Сугдеи и Боспора.

В настоящее время в восточном Крыму обнаружено и частично изучено два кораблекрушения. В бухте поселка Новый Свет и возле мыса Меганом зафиксировано и частично раскопано два затонувших корабля второй половины X-XI вв. Получен уникальный по богатству и разнообразию комплекс амфорной тары и бытовых изделий [Зеленко, 2001, с. 82-92; Зеленко, 2008 с. 145-150, 169-175; Майко, 2014]. Отметим, что численно преобладающими являются все же амфоры с венчиком в виде отложного воротничка. Месторасположение кораблекрушений не является случайным. Вероятнее всего со второй половины X в. порт Сугдеи располагался не только в бухте Лимена-Кале, но и в бухте поселка Новый Свет. Возле мыса Меганом, исходя из преобладающих течений и ветров, вполне могла существовать корабельная стоянка, так же непосредственно связанная со средневековой Сугдеей.

В акватории, граничащей с Боспором, подобных кораблекрушений пока не зафиксировано. Однако из подводных исследований вблизи Киммерика, происходит находка византийской сфероемкостной амфоры второй половины X в. [Пономарев, Бейлин, 2005, с. 310]. При проведении подводных исследований южнее городища Нимфей так же обнаружены сфероемкостные амфоры, но позднего варианта, предположительно второй половины XI в. [Зинько, Пономарев, 1999, с. 198, рис. 3, 1,2]. Сфероемкостная амфора второй половины X в. известна и со дна пролива

на траверзе мыса Такиль на юго-восточной оконечности Керченского полуострова. Аналогичные амфоры, как и сосуды ранних вариантов манжетовидных амфор, подняты в разные годы и непосредственно со дна Керченского пролива [Пономарев, Бейлин, 2005, с. 310-312]. Все эти находки, так или иначе, тяготеют к средневековому Боспору.

Аналогичная ситуация зафиксирована и в акватории других приморских крымских городов, в частности Партенит и, конечно же, Херсонеса. Скопления амфорного и другого материала интересующего нас времени известны в ходе подводных исследований у пос. Карасан, в районе мыса Плака и возле скал Адалары [Jastrzebowska, Gerasimov, 2010, p. 191-192; Зеленко, 2008, с. 90, 99]. Все они, вероятнее всего, связаны с деятельностью порта Партенит.

Два кораблекрушения второй половины X – первой половины XI в. известны и в районе Херсонеса и связаны, скорее всего, с деятельностью городского порта. Первое кораблекрушение, получившее условное название Херсонес А, было обнаружено на глубине 139 м в 12 морских милях от побережья Севастополя и датировано X-XI вв. благодаря сохранившемуся грузу высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. В поднятых при подводных исследованиях сосудах на их поверхности не было обнаружено смолы или другого указания на то, каким было их первоначальное содержимое. Кроме того, при раскопках на объекте также не было выявлено никаких признаков пробок. Второе кораблекрушение было исследовано в 2015 г. на траверзе Балаклавы на расстоянии 14 км от берега на глубине 83 м и датировано первой половиной XI вв. на основании груза амфор с венчиком в виде отложного воротничка поздних вариантов [Вахонеев, Майко, 2016, с. 268-277].

Второй категорией источников, о которой хотелось бы напомнить в работе, являются отдельные находки рассматриваемого времени, обнаруженные на памятниках, расположенных в непосредственной близости от Сугдеи и Боспора, но активная жизнь на которых, закончилась до середины X в.

Это отдельные археологические и нумизматические материалы

второй половины X-XII вв., найденные в селе Дачном на расстоянии около 5 км от крепостных стен средневековой Сугдеи. Относительно Боспора материалы этого времени, представленные монетами и стеклянными браслетами, известны на территории Тиритакского городища [Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417]. В последние годы Артезианской экспедицией под руководством Н.И. Винокурова на городище Артезиан близ с. Чистополье в салтовском слое была обнаружена монета Иоанна Цимисхия. Аналогичные монеты и фрагменты амфор получены в разные годы в ходе исследований в районе горы Опук [Голенко, Джанов, 2002 с. 79-81; Зинько, Пономарев, 2005, с. 416-417]. Причины оседания отдельных находок на данных памятниках являются предметом дискуссии, но, не исключено, что связаны они, в том числе, и с расширением торговой деятельности Сугдеи и Боспора.

Третьей категорией археологических памятников восточного Крыма, на которых обнаружены материалы второй половины X – первой половины XIII вв. являются культовые христианские объекты. Прежде всего, это пещерный монастырь, расположенный по дороге из г. Судак в пгт Новый Свет, на склонах гор Сокол и Соколенок, на узкой площадке на обрывистом утесе, примыкающем с востока к Новосветовской бухте в обрыве вертикальной скалы.

Вторым объектом является поселение и некрополь золотоордынского времени Бакаташ II в пригороде Солхата (Старый Крым). Именно тут обнаружены христианские раритеты второй половины X-XII вв. К синхронным находкам следует добавить и клад солидов императора Никифора II Фоки (963-969 гг.), обнаруженный в окрестностях средневекового Солхата.

Если появление пещерного монастыря вряд ли можно связать с расширением торговой деятельности Сугдеи, то материалы средне византийского времени из Солхата, могут свидетельствовать и возможном существовании тут монастырского или торгового поселения, так или иначе связанного с Сугдеей.

ЛИТЕРАТУРА

- Вахонеев В.В., Майко В.В.* Исследования средневековых глубоководных кораблекрушений // История и археология Крыма. Т. III. Симферополь, 2016. С. 268-277.
- Голенко В.К., Джанов А.В.* Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции. Киев-Судак, 2002. С. 79-81.
- Зеленко С.М.* Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 82-92.
- Зеленко С.М.* Подводная археология Крыма. К., 2008. 272 с.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Гончарная керамика VIII-IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Том III. Керчь, 1999. С. 185-212.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 406-429.
- Майко В.В.* Восточный Крым во второй половине X-XII вв. Киев, 2014. 467 с.
- Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В.* Византийские амфоры со дна Керченского пролива // БИ. Вып. VIII. Симферополь-Керчь, 2005. С. 308-317.
- Jastrzebovska E., Gerasimov V.* Brotstempel-Fund aus der Krim // Archeologia. № LIX. 2008. 2010. № 4. P. 191-192.

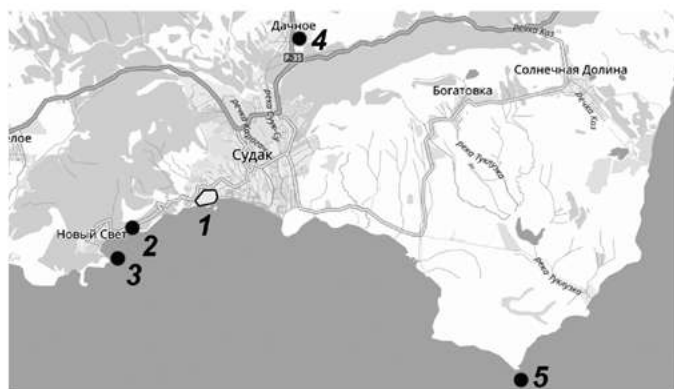

Рис. 1. Археологические памятники и отдельные находки в окрестностях Сугдеи и Боспора второй половины X-XI вв.

1 – Сугдея; 2 – пещерный монастырь возле пос. Новый Свет; 3 – кораблекрушение в бухте пос. Новый Свет; 4 – отдельные находки в с. Дачное; 5 – кораблекрушение возле мыса Меганом; 6 – находки амфор со дна Керченского пролива; 7 – отдельные находки городище Артезиан; 8 – отдельные находки городище Тиритака; 9 – находки амфор в бухте городища Нимфей; 10 – находки амфор возле мыса Такиль; 11 – отдельные находки на Опуском поселении; 12 – находки амфор в бухте городища Киммерик.

МАСЛЕННИКОВ А.А.
(ИА РАН, Москва)

ТОРГОВЛЯ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ДАЛЬНЕЙ ХОРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Торговля, наряду с ремеслом, являются, главным образом, городским «показателем», частью характеристики экономической жизни античного города, одним из его, если так можно сказать: основных признаков. Ведь считается, что классический античный город это, прежде всего, локальный или межтерриториальный центр сосредоточения ремесленного производства и торговли. Сельская же территория греческого полиса или близкого ему римско-италийского цивитас (гражданской общины), была в той или иной степени охвачена торговыми операциями как бы опосредованно. Города - неполисы, например: Навкратис, Пирей, может быть, ранний Танаис, как полагают, своей хоры не имели или она была крайне ограниченной. При этом все исследователи в разное время с разной убедительностью и усердием признавали большую, а некоторые – и ведущую (наличие особого, импортиального периода) роль торгового фактора в процессе Великой Греческой колонизации, в том числе и в районе Боспора Киммерийского.

Разумеется, греко-варварские торговые контакты, принимавшие, вероятно, время от времени значительные размеры и оставившие ярчайшую материализацию в виде «скифских» (пишем в кавычках, подразумевая под оными, всех местных, северопричерноморских варваров на протяжении почти тысячелетней эпохи) сокровищ – тема иного плана. В данном случае, речь пойдёт только о боспорской дальней (государственные земли – округа) сельской территории в рамках относительно ограниченного времени, стабильных границ, да и то с некоторыми оговорками и ограничениями.

Начнём с того, что впервые и, так сказать, в целом эта тема

была поднята и для своего времени, то есть почти полвека назад, достаточно полно освещена ещё И.Т. Кругликовой. Всякий, знакомый с её монографией, хорошо помнит эту главу, содержащую в основном соответствующие материалы и наблюдения, полученные в результате её собственных раскопок в Восточном Крыму. С тех пор, благодаря работам целого ряда экспедиций и отрядов по обоим берегам Керченского пролива, наша осведомлённость в данной области возросла где-то существенно, а где-то не очень. Причем, совсем плохо дело, по-прежнему, обстоит с пониманием организации и специфики «сельской торговли».

Что мы при всём этом имеем в виду? Прежде всего: круг возможных источников, в той или иной мере относящихся к торговле и обмену сельского населения античного Боспора. Литературных свидетельств об этом даже в целом для Боспора известно крайне немного, они очень лаконичны (Исократ, Демосфен, Полибий, Страбон) и уже многократно цитировались и анализировались. Эпиграфические – практически отсутствуют вовсе. Пожалуй, лишь отдельные граффити и дипинти содержат некоторую пригодную хотя бы отчасти на сей счёт информацию. Значительно лучше обстоит дело с археологическими материалами. Но и здесь, приходится постоянно считаться с тем, что до археолога в силу разных причин доходит в плане находок далеко не всё, что было оставлено древним населением. За исключением крайне редких примеров археологической удачи (например: городище Артезиан) – наша реальная археологическая «картинка» - всего лишь бледная тень того, что представляло собой поселение и материальная культура его обитателей на момент прекращения на нём жизни. Некрополи, конечно, - несколько иной вид «источника», но и там разного рода объективные и субъективные негативные факторы существенно снижают их информативность.

Не вдаваясь в прочие детали и тонкости данной темы, обратимся, так сказать, к местной торговой «конкретике» одного из самых «тёмных» периодов: III-II вв. до н.э. Речь пойдёт о нескольких весьма хорошо исследованных в последние годы поселенческих структурах Крымского

Приазовья: городищах Сююрташ (Золотое восточное), Крутой берег и Полянка.

Напомним, что в принципе (в отличие от ряда других, где встречены находки и культурные напластования указанного периода) – это памятники с достаточно «узкой» хронологией и «однородной» стратиграфией. Некоторое исключение – поселение Полянка. Но и там слои и соответствующие находки этого времени и I в. до н.э. достаточно отчётливы и уверенно разделяются. Более поздние – сейчас останутся вне сферы нашего рассмотрения. И ещё. Приводя ниже статистику и анализ некоторых категорий артефактов, в очередной раз напомним, что все упомянутые памятники отличаются в целом бедностью и однообразием находок. За исключением известного святилища и клада («Полянка») тут нет ни одного хорошо сохранившегося, внезапно оставленного помещения и т.п., не обнаружено практически ни одного целого предмета. Создаётся впечатление, что население либо покинуло эти городища в более или менее спокойной обстановке, собрав и взяв с собой всё мало-мальски для них ценное («Полянка»), либо, просто, они постепенно пришли в полное запустение. Впрочем, тогдашние реалии навсегда «потонули в реке времени...». Многие могли бы добавить к нашим рассуждениям о торговле здешние некрополи, но они (и это очевидный, но пока необъяснимый феномен) нам пока просто неизвестны.

Итак, вначале о монетных находках. При всех «старинных» разночтениях в датировках основных типов монет рассматриваемых собраний, мы вынуждены были для удобства статистики и последующего сопоставления придерживаться неких «средних» вариантов. Так при датировках: первая половина – середина III в. до н.э. была выбрана, как логически более правильная – вторая четверть того же века. Это отчасти оправдано и тем, что монет с датировкой (кстати более признанной): первая четверть того же века вместе с ними не найдено на рассматриваемых памятниках ни разу. К тому же четверть века – вполне приемлемый и отвечающий в целом современному уровню знаний уровень относительного датирования и не только для монетных находок.

И вот, что мы имеем в итоге, следуя по побережью (а в глубине полуострова поселений этого времени практически не было) Меотиды, как бы вопреки периплу, т.е., с запада на восток. (Данные приводятся по итогам раскопок до 2016 г. включительно.) На городище Сююрташ за все годы была найдена всего 21 медная монета пантикапейского чекана. В подавляющем большинстве они датируются второй-третьей четвертями III в. до н.э. Прочие – в прямом смысле единичны (рис. 1а). Немногим больше соответствующая статистика для поселения Крутой берег: 29. И тут более двух третей монет относятся ко второй четверти – середине III в. до н.э., но прочий хронологический «диапазон» представлен несколько шире (рис. 1б). Наконец, - «Полянка» (слои эллинистического времени) – всего 47 монет. Больше половины – также датируются второй четвертью-серединой III в. до н.э. Шестая часть – монеты второй четверти II в. до н.э. Понемногу представлено и большинство прочих периодов III-II вв. до н.э. (рис. 1с).

Таким образом, при всех не столь уж больших отличиях – налицо общий пик денежного обращения. Не касаясь прочих аспектов приведённой статистики (хронология памятников), остановимся на интересующем нас вопросе. Прежде всего, в какой мере он (указанный «пик» находок) служит отражением некой хозяйственной активности, в частности, торговли? Ясно, что деньги, как таковые, у местного населения были и по большей части именно в указанный период. Но это, как полагают большинство нумизматов и все археологи, было время денежного (да и вообще - общего) кризиса на Боспоре и не только. Следовательно, «стоимость», ценность этих денег (а все это мелкие, самые распространённые, «ходовые» номиналы) была ниже, чем в более благополучные периоды местной истории. И их, по определению, (для покрытия расходов) выпускалось больше. Иными словами, сам количественный показатель в данном случае вовсе не обязательно отражал высокую покупательную способность местного населения именно во второй четверти – середине III в. до н.э.

Проверить это, а значит судить о торговле, на первый взгляд, как будто бы невозможно. Конкретика содержания знаменитой формулы:

«товар-деньги-товар» нам, естественно, в данном случае неизвестна, но, кажется, есть всё же некоторые косвенные показатели наличия оной и её связи с денежной массой. Это находки предметов достаточно массового обихода явно не местного происхождения. Например, покрытая чёрным/бурым лаком столовая посуда. Охарактеризовать её в ценностном и даже в количественном выражении довольно сложно. Общепринято, что в целом это была весьма недорогая (в месте изготовления), массовая продукция, постоянно поступавшая в античные центры Северного Причерноморья, а оттуда – по всем прочим «городкам и весям». Вряд ли её везли напрямую откуда-нибудь из Аттики или (что для этого времени более вероятно) Малой Азии в такую «глуш», как рассматриваемые поселения. Повторим, мы не знаем точно: имел ли при этом тут место товарообмен (на рыбу, шерсть, мясо и т.п.) или покупка посредством денег. Собственно количество тех или иных сосудов с раскопанной площади поселений подсчитать хотя бы относительно можно, но это будет, как нам представляется, не вполне корректно. Более объективным «критерием», мы полагаем «ассортимент» данного товара, то есть количество конкретных типов, форм и вариантов сосудов «взятых» за определённый период времени. Поскольку они со всех этих памятников уже являлись темой нашего специального рассмотрения, приведём здесь лишь соответствующие количественные показатели по тем же хронологическим периодам.

Вот что получилось по «Сююрташу». Из гистограммы видно, что «ассортимент» чернолаковой керамики тут был почти сразу (со второй четверти III в. до н.э.) достаточно большим, а максимальным - на протяжении третьей четверти III, первой четверти II вв. до н.э. После небольшого «спада» во второй четверти следующего века он снова слегка поднялся в следующей четверти, чтобы затем «плавно» понижаться к первой четверти уже I в. до н.э. (рис. 2а). «Крутой берег» демонстрирует иную «картину»: заметный подъём уже в первой четверти III в. до н.э., затем – «пик» во второй - и плавное «угасание» к концу II в. до н.э. (рис. 2б). Гистограмма по «Полянке» - это столь же плавный подъём к «вершине» (первая четверть II в. до н.э.) и равномерный спуск

к первой четверти I в. до н.э. (рис. 2с).

В данной связи можно было бы привлечь ещё одну категорию массового, керамического материала. Мы имеем в виду т.н. мегарские чашки. Массово появившись на северопричерноморских «рынках», скорее всего, около середины III в. до н.э., или несколько ранее, эта посуда получила, как свидетельствуют раскопки, в том числе и рассматриваемых памятников, самое широкое распространение среди сельского населения европейского Боспора. Но, хотя успехи в определении конкретных центров её производства, что называется, налицо, дробной (хотя бы в рамках четвертей века) хронологии пока не разработано. Ясно лишь, что самая поздняя (и, подчеркнём – грубая) группа этой рельефной керамики, очевидно местного, боспорского происхождения датируется первой третью-половиной I в. до н.э. Её появление справедливо связывают с военно-торговой блокадой Причерноморья, установленной Римом на заключительном этапе долгих войн с Митридатом Евпатором. (Опять - таки ж торговля !) Примечательно, что обломков именно этой посуды не встречено на двух первых из анализируемых городищ, но она зафиксирована на «Полянке».

Прежде, чем попытаться сделать из сказанного хоть какой-то вывод, обратимся наконец к самой многочисленной группе местных хроноиндекаторов: амфорным клеймам. В свое время отчасти они уже рассматривались в связи с датировкой всё тех же городищ. Новые материалы (2016 г.), хотя и дополнили соответствующие коллекции, но принципиально общей «ситуации», вернее расклада клейм двух основных центров (Синопа и Родос) по группам и, естественно, датам не изменили. Вряд ли можно усомниться, что вино, даже при том, что мы имеем надёжные археологические свидетельства его местного производства, составляло значительную, если не главную статью сельского импорта. (О прочих – , как уже отмечалось выше, у нас просто нет «материализованных» данных.) Подсчёты, даже очень грубые, самой тары по указанным памятникам пока не проводились. Но, по-видимому, вино поступало сюда именно в амфорах. Клейма же, как известно, лишь очень приблизительно отражают общий объём этой продукции (товара).

Тем не менее, вот что мы имеем на этом материале.

Клеймоведение – тема специальная, сложная, требующая знаний, которыми автор не располагает. Тут остаётся только ждать, уповая на высокий профессионализм и усердие отечественных специалистов и, прежде всего, их признанного лидера – Николая Фёдоровича Федосеева. Мы же позволим себе привести только самые общие сведения относительно числа и датировки соответствующих находок нескольких последних лет (2010-2016 гг.), исходя из прочтений и определений, сделанных вышеупомянутым маститым исследователем, которому автор выражает самую искреннюю признательность.

Итак, основную их часть и в целом, и по памятникам составляют клейма Синопы, затем - Родоса и, наконец, Херсонеса, Косса, Книда, Гераклеи, Колхиды и неизвестных центров. К сожалению, в целом ряде случаев их хронология ещё более «широкая», нежели у монет или «лака», что значительно затрудняет наши изыскания, заставляя прибегать к некоему «усреднению» датировок. Так или иначе, но в целом, на сегодняшний день можно говорить об определении примерно трёх четвертей от общего числа найденных на этих объектах амфорных клейм. Работа эта, в том числе с материалами раскопок более раннего времени, продолжается и нижеприводимые «наблюдения» со временем неизбежно будут скорректированы. Итак:

На «Полянке» из определённых (101 клеймо) – к самым ранним (первая четверть III в. до н.э.) синопским, как будто бы, относятся всего четыре клейма. Второй четвертью датируются уже 19 экз. Почти все остальные – третьей четвертью III в. до н.э. и лишь четыре (?) его последней четвертью. Наконец, «после 180 г. до н.э.» и ещё менее точно - II в. до н. э. датировано всего по два клейма (рис. 3с).

Из родосских клейм предварительно определены 74. Самые ранние датируются третьей четвертью III в. до н. э. (9 экз.) четыре – его последними двумя десятилетиями. Зато первой половиной II в. до н. э. – 50, а второй половины - 12 клейм. К началу I в. до н. э. предположительно отнесено три клейма (рис. 3с).

Из редких, единичных - отметим клейма Фасоса, Гераклеи, Косса,

Книда, вероятно, Колхиды и неизвестных центров. Всего – около двух десятков, начиная с последней четверти IV в. до н. э. Но они для нас в данном контексте – только более или менее очевидный указатель на торговых контрагентов.

Таким образом, вроде бы налицо, как резкий рост, так и столь же резкое сокращение синопского импорта, (его вытеснение Родосом ?) во II в. до н. э., но не сразу. Однако при этом, вновь напомним, что одно синопское клеймо как бы «равноценно» двум родосским и, вероятно, книдским. А в «объёмном» выражении (сравнительная вместимость амфор и меньшая частота синопского клеймения) соотношение импортов этих двух основных центров ещё более предпочтительно в пользу Синопы. Иными словами, вина из Синопы, теоретически, обитатели этого городища получали в третьей четверти III в. до н.э. существенно больше, нежели родосского за вдвое более продолжительный период следующего века. И этому, вероятно, предшествовал некий период «общего упадка» винной торговли, причины которого не ясны. Во второй половине II в. до н.э. происходит явный спад и родосского импорта, окончательно «замирающего» в самом начале I в. до н.э. (Ещё раз подчеркнём, что эти наши рассуждения не претендуют на «выводы», пока не будут уточнены все датировки и определения клейм и сделаны хотя бы самые простые (по ножкам) подсчёты собственно амфорной тары.)

«Крутой берег». Датированных синопских клейм 59. Особняком «стоит» клеймо 340/330 гг. до н. э., найденное в одной из ям. Самые же ранние из «непрерывной серии» (5 экз.) датируются первой четвертью III в. до н. э. Затем идёт рост показателей (от 12 – во второй четверти, до «пика» (27) в третьей. В последней четверти – вновь снижение (13), и в начале II в. до н.э. мы имеем всего одно клеймо. Родосских датированных клейм 9. Одно - последней четверти III в. до н. э.; семь экз. - первой половины и один - второй половины II в. до н.э. (рис. 3б).

Кроме того, упомянет по одному клейму «Колхиды», Гераклеи (нач. III в. до н. э.) и неизвестного центра.

«Золотое восточное» «представлено» собранием из 170 продатированных синопских клейм. Одно - , как будто бы: 317/308 гг.

до н. э. 98 клейм датируются второй четвертью следующего века. Несколько меньше (70) – его третьей четвертью. Существенно меньше, просто «обвал» (9 экз.) – последней четвертью III в. до н.э.

Родосских клейм: 43. Самые ранние относятся ещё ко второй - третьей четвертям III в. до н.э. (по 2 экз.). В последней четверти их количество, как будто бы возрастает (9). Затем, на протяжении полувека - снова спад (по 2 и 6 экз.). Зато – во второй половине II в. до н.э. – рост (22 экз.), впрочем, не столь сильный в «рамках» четвертей века. Три клейма, вероятно, могут быть отнесены к числу самых поздних (148-86 гг. до н.э.). Добавим сюда гераклеийское и херсонесское клейма IV и конца III, начала II вв. до н. э., клеймо на венчике «колхидской» амфоры и одно клеймо неизвестного центра. «Картина» хронологического замещения двух ведущих центров и здесь выглядит очевидной, но как бы растянутой во времени. Разве что Синопа во II в. до н. э. не «представлена» вовсе (рис. 3а).

Попутно отметим, что помимо этой важной, хотя и предварительной во всех отношениях статистики, небезынтересно и следующее наблюдение. Оно касается особенностей «взаимовстречаемости» клейм двух основных центров и их датировок в одних и тех же слоях, на что ранее мы уже старались (но безуспешно) обратить внимание наших признанных метров от клеймологии. Налицо в целом ряде случаев как будто бы имеет место некая «асинхронность», общее «запаздывание» датировок синопских клеймам по отношению к родосским (или наоборот?) на 50, а то и 150 лет. Правда, это хотя бы отчасти находит своё объяснение в специфике формирования слоя на соответствующих исследованных участках «наших» памятников. (Или это относительно поздние напластования с включением раннего материала, или т.н. скользящие слои на крутом склоне.) Более всего вопросов вызывает соответствующая «картина» с «Южного» участка раскопа на городище Золотое восточное. Но слой I - тут самый верхний, и это тоже, отчасти, может считаться объяснением.

Насколько всё, только что сказанное, отражало какие – то древние торговые реалии ещё предстоит проверить. Другое дело, что, опять-таки,

исходя в основном из общей приведённой по клеймам статистики, импорт в амфорной таре (по всей видимости, только вина) на рассматриваемые поселения был максимальным во второй-третьей четвертях III в. до н.э. Во II в. до н.э. он сильно сократился при почти полной смене торговых контрагентов. Что за этим стояло: хозяйственный упадок, демографический спад или что-то иное в совокупности, разумеется, с другими, в том числе приведёнными выше археологическими наблюдениями, находками и статистикой – поле для предположений и гипотез, в том числе и в «русле» рассматриваемой темы.

Итак, подведём как бы некоторые итоги. Совершенно очевидно, что о торговой активности на эллинистических поселениях Приазовья в первой четверти (трети?) III в. до н. э, а тем более раньше, можно говорить с большой осторожностью. Зато потом повсеместно наблюдается её резких «всплеск», что теоретически можно связать с фактом самого наличия, фактического заселения (основания) этих поселений, причем, сразу массового. Как и следовало ожидать, «пик» торговых операций (как и демографического роста) пришёлся, условно говоря, на следующее поколение их обитателей (последняя четверть III в. до н.э.). Затем, весьма вероятно, наступил период столь же резкого спада торговли, возможно, вызванного экономическими или военно-политическими причинами, повлекшими к сокращению населения. К концу этого столетия (II в. до н.э.) торговля захирела окончательно и замерла (если наши датировки верны, хотя бы отчасти) к рубежу веков, чуточку раньше, либо (где как?) несколько позднее. Крымское Приазовье, правда ненадолго, фактически обезлюдело. Но именно этот период, вернее – конкретная ситуация каким - то образом (через купцов – первых и самых надёжных тогдашних осведомителей, вспомним пассаж из четвёртой главы «De bello Gallico» Юлия Цезаря) попала в поле зрения кого – то из информаторов Страбона, писавшего почти сто лет спустя, что: «... всё это побережье на европейской стороне пустынно...» /Strab., VII, 4,5/.

А.В. МАСТЫКОВА
(ИА РАН, Москва)

МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ В БАССЕЙНЕ ДОНА В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Общеизвестно, что речные пути в Восточной Европе в древности и средневековье были магистральными путями сообщений. При этом водные коммуникации могли использоваться в торговых, военных, дипломатических целях, но и в то же время служить векторами, по которым передвигались мигрирующие группы населения. В полной мере это относится и к Донскому пути, хотя для эпохи Великого переселения народов прямых сведений в письменных источниках на этот счет не имеется. Зато хорошо известны археологические данные, подтверждающие как распространение импортов и монет по Дону с юга на север (Мастыкова и др., 2006; Бейдин, Мызгин, 2015; Мызгин, 2015), так и возможное перемещение части понтийского населения в бассейн Верхнего Дона в гуннское время (Обломский, 2009; 2011; 2015; Oblomskiy, 2013; Мастыкова, Земцов, 2014).

В этой связи представляется интересным рассмотреть материалы двух донских погребений, которые ярко иллюстрируют передвижения групп мигрантов, отличающихся своими этнокультурными традициями.

Одно из них располагалось на левом берегу р. Снова, недалеко от ее впадения в р. Дон (верховье Дона). Это женское изолированное погребение гуннского времени на поселении Мухино-2. Как показали наши исследования, убор погребенной, который можно отнести к числу «княжеских» находок гуннского времени так называемого горизонта

Унтерзибенбрунн¹, более всего тяготеет к культурной традиции оседлого населения позднеантичных центров Северного Причерноморья (Мастыкова, Земцов, 2014; Добровольская и др., 2015; Мастыкова, Земцов, 2016). Об этом свидетельствуют нашивные золотые аппликации², указывающие на северопонтийское происхождение мухинского убора (рис. 1, 5–20), т.к. они существовали в позднеримское время лишь в престижном костюме этого региона; зеркало типа Карповка–Анке-4, этот тип распространялся практически только у оседлого населения Северного Причерноморья и Западного Предкавказья (рис. 1, 47). Даже отсутствие в мухинском костюме пары двупластинчатых фибул, характерных для убора горизонта Унтерзибенбрунн, также указывает на культурную традицию оседлого населения Северного Понта, где для гуннского времени известен убор без двупластинчатых фибул, но с золотыми аппликациями и пронизками (Керчь, гробница 11.1899 г./ингумация 1; склеп 340.1903 г./ингумация 1; склеп 165.1904 г./ингумация 4; склеп 176.1904 г./ингумация 1; Танаис, погр 10.1981 г. (библиографию см.: Мастыкова, Земцов, 2014. С. 211). При этом стоит отметить, что подобный убор, известный у эллинизированного населения Боспора Киммерийского, а также и у различных варварских народов (готов, алан, гепидов, свевов, вандалов), не может быть отнесен к какому-то определенному этносу, поскольку он отражает гетерогенный характер правящих варварских элит гуннского времени (Мастыкова, Казанский, 2005. С. 253–268; Казанский, Мастыкова, 2009; Мастыкова, 2014).

Изначальные наши предположения о принадлежности захороненной женщины к оседлому населению и об истоках

¹ Соответствует периоду D2 «варварской» европейской хронологии т.е. 380/400 – 440/450 гг. Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см. например: Shchukin et al., 2006.

² Дата мухинского захоронения определена именно по сочетанию в погребальном инвентаре золотых аппликаций (рис. 1, 5–20), типичных для горизонта Унтерзибенбрунн (период D2: 380/400–440/450 гг.) и практически отсутствующих в последующем по времени горизонте Смолин (период D2/D3: 430/440–470/480 гг.), и «крапчатых» бус (рис. 1, 22, 23, 27, 29, 32, 38, 39, 41), неизвестных для горизонта Унтерзибенбрунн, но хорошо представленных в древностях горизонта Смолин. Скорее всего, погребение Мухино можно отнести к концу периода D2 – началу D2/D3., т.е. приблизительно 430 – 450 гг. (Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212).

происхождения ее убора подтвердились данными комплексного биоархеологического исследования (Мастыкова др., 2013; Мастыкова, Земцов, 2014; Добровольская и др. 2015). Антропологическая экспертиза скелетных останков показала, что они принадлежат женщине 20–29 лет. Отсутствие признаков эмалевой гипоплазии зубов указывает, что ее детство было достаточно благополучным. Для реконструкции рациона питания были проведены атомно-абсорбционный элементный и изотопный анализы, которые показали умеренную долю белковой пищи в каждодневном рационе этой женщины, при этом растения типа фотосинтеза C4 (просо) составляли его существенную долю, что может быть интерпретировано, как маркер оседлого образа жизни. Высокая концентрация стронция в костных образцах является свидетельством того, что вероятнее всего эта женщина была мигранткой из более южных районов и большую часть своей жизни прожила в условиях достаточно аридных ландшафтах. Для проверки этих выводов были привлечены данные изотопных соотношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, которые подтвердили наше предположение о южном мигрантном происхождении погребенной женщины (Добровольская и др., 2015. С. 52–55). Для верхнедонского региона это, пожалуй, первый результат такого рода.

Надо сказать, на сегодняшний день погребение «принцессы» гуннского времени на поселении Мухино 2 остается самым ярким и богатым на Верхнем Дону. По уровню богатства оно сопоставимо с «княжескими» женскими могилами восточных германцев эпохи Великого переселения народов, такими как Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn), Хохфельден (Hochfelden), Баллер (Balleure), Регей (Regöly), Эран (Airan), Кудиа-Затер (Kudiat-Zateur) и др. (библиографию см.: Мастыкова, Казанский, 2005. С. 253–268). Как и многие другие могилы этого горизонта погребение Мухино является изолированным, что подчеркивает его привилегированный характер. Не исключены, конечно, и другие объяснения изолированности мухинского захоронения, например, группа «южных» мигрантов, к которым принадлежала женщина, захороненная в Мухино, просто не успела основать кладбище и в силу каких-то причин должна была покинуть данную территорию. Сопоставление мухинского

погребения с другими захоронениями Верхнего Дона гуннского времени показывает его особое место в градации могил по богатству инвентаря. Это особенно хорошо иллюстрируют материалы комплекса памятников гуннского времени на Острой Луке Дона, где представлены, например, погребения с оружием, с рядовым инвентарем, а также безынвентарные, но не имеется «богатых» захоронений с золотыми вещами как в Мухино (Острая Лука, 2015).

Погребение мухинской «принцессы» очень хорошо демонстрирует тезис, выдвинутый еще И. Вернером (Werner, 1970) о том, что женский убор традиционных обществ в целом не мог быть предметом торговли и за пределы какой-либо цивилизации попадал вместе с их носительницами в результате браков, экстраординарных событий и т.д. (Мастыкова, 2009. С. 7, 8). В данном случае, можно с уверенностью говорить о миграции какой-то группы населения из южного, скорее всего черноморско-кавказского региона на север – в Верхнее Подонье. Костюм погребенной является ярким примером интернациональной престижной моды и таким образом демонстрирует ее принадлежность к определенной социальной страте.

Другой интересный случай – впускное погребение у с. Новая Чигла на левобережье Среднего Дона, в котором, вероятнее всего, был захоронен мужчина 35–44 лет с выраженными признаками искусственной деформации черепа (Березуцкий, 2015; Березуцкий, Мастыкова, 2016. В печати) (Рис. 2). При чем как отмечает М.В. Добровольская, проводившая половозрастное определение, в строении скелета имеются признаки типичные как для мужчин, так и для женщин. По совокупности погребального инвентаря (серебряные подвески, бронзовые серьги с цельнолитыми полиэдрическими окончаниями, удлинённой формы янтарные и стеклянные бусы, железная пряжка: Рис. 2, 1–9) захоронение можно отнести к финальной фазе гуннского и ранней фазе постгуннского времени, т.е. от второй трети V по первую половину VI в. При этом, как видно из перечисления инвентаря, предметы, положенные покойному, в целом более характерны для женского убора (ожерелье из бус и подвесок: Рис. 2, 1–6), серьги не входили в

его состав и были, вероятно, заупокойным «даром», поскольку лежали возле бедра погребенного (Рис. 2, 7, 8). Казалось бы, по погребальному обряду захоронение в Новой Чигле должно было принадлежать степным кочевникам (подкурганная ингумация, ориентация головой на северо-восток и т.д.), но присутствующие в нем предметы, такие как полиэдрические серьги, ожерелье с характерными металлическими подвесками, более типичны для варварского оседлого населения.

Колье из двух лунниц, двух круглых и одной листовидной подвесок и мелких разноцветных стеклянных бусин, очень близкое обнаруженному в Новой Чигле, известно в погребении 8/41 могильника Сахарная Головка в Юго-Западном Крыму (Рис. 3, 4). Помимо этого в этом захоронении имелась инкрустированная массивная пряжка (в районе пояса), а возле также деформированного черепа лежали серьги с крупными полиэдрическими бусинами в стиле перегородчатой инкрустации (Борисова, 1959. С. 179, 180. Табл. V, 1, 2, 8; VI, 1, 2; IV, 2; прорисовка предметов и реконструкция пряжки: Хайрединова, 2002. Рис. 2, 2; 4, 10; 5, 11; 8, 19–21) (Рис. 3, 1, 3). Убор в Сахарной Головке отличается наличием двух браслетов (Рис. 3, 2) и в целом, конечно, большим богатством и престижностью вещей.

Вряд ли предметы убора, найденные в Новой Чигле, были объектами купли-продажи или обмена. Можно предположить, что здесь, как и в истории с погребением Мухино, мы имеем дело с представителем какой-то группы, переселившейся, возможно, откуда-то с юга³. В данном случае его убор соответствует так называемому среднему классу и

³ Дата мухинского захоронения определена именно по сочетанию в погребальном инвентаре золотых аппликаций (рис. 1, 5–20), типичных для горизонта Унтерзибенбрунн (период D2: 380/400–440/450 гг.) и практически отсутствующих в последующем по времени горизонте Смолин (период D2/D3: 430/440–470/480 гг.), и «крапчатых» бус (рис. 1, 22, 23, 27, 29, 32, 38, 39, 41), неизвестных для горизонта Унтерзибенбрунн, но хорошо представленных в древностях горизонта Смолин. Скорее всего, погребение Мухино можно отнести к концу периода D2 – началу D2/D3., т.е. приблизительно 430 – 450 гг. (Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212).

видимо является модифицированной версией более богатого, например такого, как из Сахарной Головки. А вот на вопрос, почему этот типично женский убор присутствовал в мужском погребении, ответа пока нет. Возможно дальнейшие биоархеологические исследования внесут какую-то ясность.

Итак, представляется очевидным, что рассмотренные донские захоронения отражают направление миграционных групп вдоль бассейна Дона, как наиболее удобной дороги, соединявшей южную окраину лесной зоны с Приазовьем. Вполне возможно, что к кругу захоронений, подобных Новой Чигле относится и полуразрушенное погребение в урочище «Терны» на Нижнем Дону (Гудименко, 1990. С. 88–90. Рис. 1, Б), часть погребального инвентаря которого (листовидная подвеска, полиэдрические серьги, янтарные удлиненные бусы: рис. 3, 7, 8, 9) повторяет набор вещей в Новой Чигле и Сахарной Головке. В целом вещевой инвентарь этого нижнедонского погребения, как и рассматриваемого среднедонского, также типичен для оседлого населения. Не исключено, что данные комплексы отражают феномен симбиоза между оседлым и кочевым населением бассейна Дона в эпоху Великого переселения народов⁴.

⁴ Интересно отметить следующее наблюдение – в эпоху Великого переселения народов некоторые общие элементы материальной культуры, в первую очередь связанные с женским костюмом, распространяются на степной периферии у самых разных оседлых народов, вроде бы не имевших между собой прямых контактов. При этом те же элементы редки или вовсе отсутствуют в контексте степных древностей. Можно назвать в качестве примера полиэдрические серьги, калачевидные серьги, двупластинчатые фибулы восточногерманской традиции, некоторые типы металлических зеркал с центральным ушком, антропоморфные фигурки. Эти вещи в большей или меньшей степени распространены у оседлого населения на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье, в Среднем Поволжье, на Южном Урале и даже в Восточном Приаралье в V–VI вв. Данный феномен никем подробно не изучался, тем не менее он очевиден и требует осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейдин Г.В., Мызгин К. В. 2015.* Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 165–180.
- Березуцкий В.Д. 2015.* Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Б/н.
- Березуцкий В.Д., Мастыкова А.В. 2016.* Погребение эпохи Великого переселения народов на Левобережье Среднего Дона // КСИА. Вып. 245. В печати.
- Борисова В.В., 1959.* Могильник у высоты «Сахарная головка» (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // Херсонесский сборник. Вып. V. С. 169–190.
- Гудименко И.В. 1990.* Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 88–93.
- Добровольская М.В., Земцов Г.Л., Мастыкова А.В., Медникова М.Б. 2015.* Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // Российская Археология № 1. 2015. С. 44–58.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2009.* Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. № 1: Археология / Отв. ред.: А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 225–251.
- Мастыкова А.В., 2009.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН.

502 с.

- Мастыкова А.В.*, 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. Вып. 232. С. 136–150 (Цв. вклейка. Рис. XIII–XVII).
- Мастыкова А.В., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Земцов Г.Л.*, 2013. Привилегированное женское погребение Мухино эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону: данные антропологии // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. 5-я международная конференция «Алексеевские Чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. 6–8 ноября 2013 г. Москва / Отв. ред. А.П. Бужилова, М.В. Добровольская, М.Б. Медникова. М.: ИА РАН. С. 60.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л.* 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. С. 200–222, цв. илл. XV–XVII.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л.* 2016. Богатое погребение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону и имущественная градация привилегированных могил гуннского времени в Барбарикуме (группа Унтерзибенбрунн) / КСИА. № 244. С. 131–146.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М.* 2005. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения: материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Апрель 2003 г. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Государственный Исторический музей. С. 253–268. (Труды ГИМ; Вып. 145.)
- Мастыкова А.В., Румянцева О.С., Егорьев А.Н.* 2006. Связи населения Центральной России и понтийского региона в эпоху Великого переселения народов (по материалам стеклянных бус) // Археологическое изучение Центральной России / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий Гос.

Пед. Университет. С. 264.

Мызгин К.В. 2015. Определение античных монет, найденных на поселении Ксзово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 364.

Обломский А.М. 2009. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. № 1: Археология / Отв. ред.: А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 252–269.

Обломский А.М. 2011. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа». С. 443–462.

Обломский А.М., 2015. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) // Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 296–308.

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) // Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 660 с.

Хайрединова Э.А., 2002. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. Вып. IX. С. 53–118.

Oblomskiy A. 2013. The Upper Don and the Northern Black Sea Areas ca. 500 AD: Aspects of the Trade Route // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Khrapunov I., Styegar F.-A. Kristiansand-Suimferopol: Dolya

Publishing House. P. 282–302.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series; S1535).

Werner J. 1970. Zur Verbreitung frühmittelalterlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. 1. Stockholm. (Antikvariskt Arkiv. 38.).

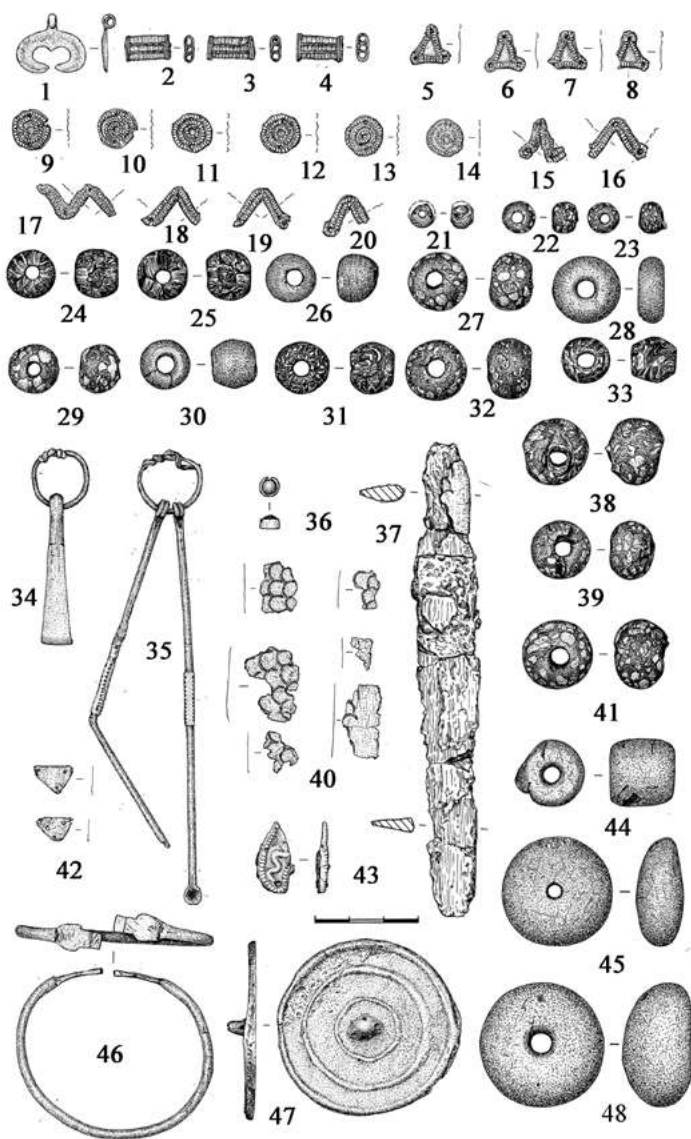

Рис. 1. Предметы погребального инвентаря женского захоронения на поселении Мухино 2. (по: Мастыкова, Земцов, 2016).

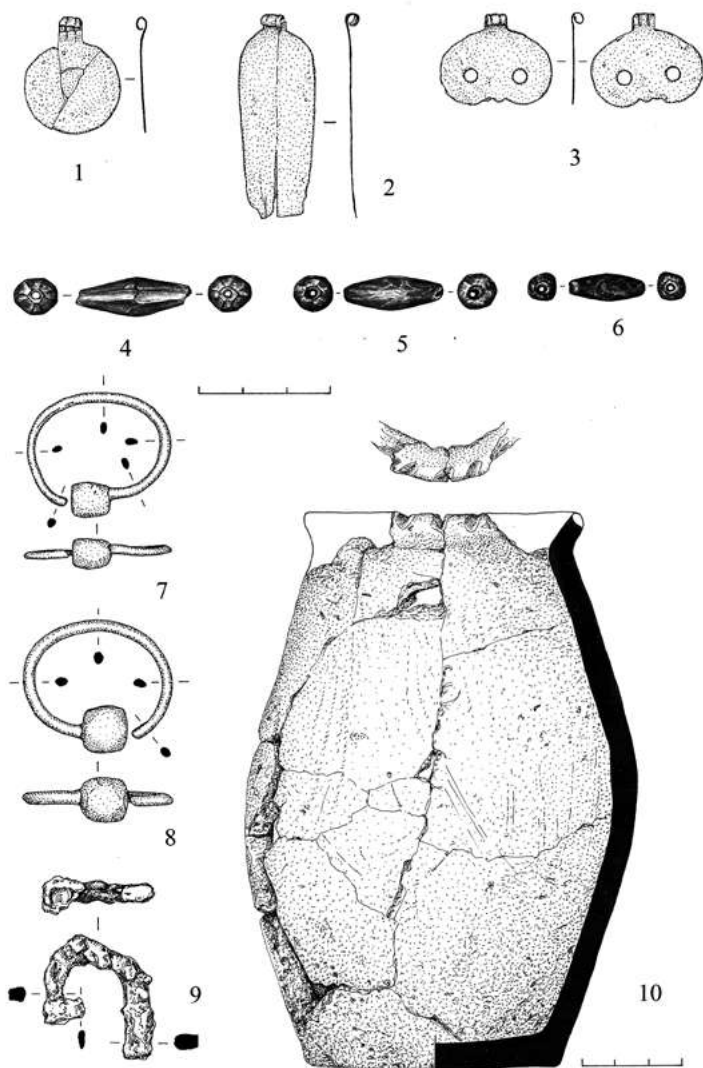

Рис. 2. Вещи из погребения в кургане № 20 могильника у с. Новая Чигла.
(по: Березуцкий, Мастыкова, 2016).

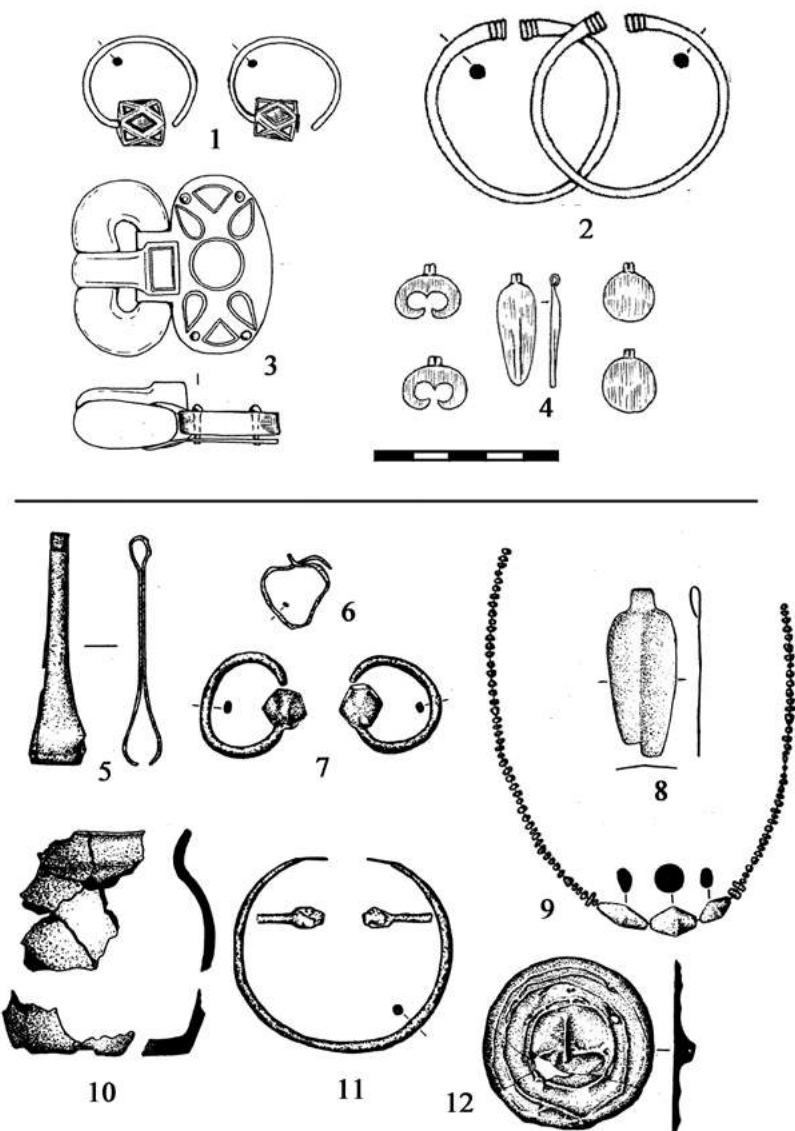

Рис. 3. Погребальный инвентарь захоронения 8/41 могильника Сахарная Головка в Юго-Западном Крыму (1–4) и в урочище «Терны» на Нижнем Дону (5–12). (1–4 по: Хайрединова, 2002; 5–12 по: Гудименко, 1990).

МОЛЕВ Е.А.
(ННГУ, Н-Новгород)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КИТЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АМФОРНОЙ ТАРЫ)

В результате раскопок Китея в сезонах 2005-2012 гг. и без того большое количество амфорного материала (85693 целых сосудов и фрагментов) еще более существенно увеличилось (до 132296). При этом появились новые типы, не отмеченные в раскопках 1970-1995 гг. Несколько изменились соотношения амфор разных типов и их хронология. Это дает основание уточнить направления и объем торговых связей города в разные периоды его истории.

В отличие от предыдущего нашего исследования о торговых связях Китея, где мы использовали для статистических определений только ножки амфор, на этот раз были использованы также и другие профильные фрагменты: ручки, венчики, горла амфор, но лишь как аргументы о наличии других типов и центров в общем объеме поступающей продукции, не представленных ножками. Это позволит несколько уточнить картину торговых связей города. При этом мы будем иметь в виду лишь общий объем импорта, поскольку в амфорах перевозились не только вино и оливковое масло, но и мед, орехи и многое другое.

Главным итогом проведенного исследования стало выявление изменения соотношения находок амфор по хронологии их поступления. При этом, отметим, что в каждом из слоев города присутствуют и амфоры иных хронологических периодов. Наибольшее число таковых приходится на слои II-I вв. до н.э., причем как на территории жилых кварталов (раскоп I), так и на территории центрального городского святилища (раскоп II). Рассмотрим теперь соотношение находок амфор по городищу в целом.

В целом новые находки несколько изменили соотношение в направлениях и объемах торговых связей представленных в амфорной

таре. Так в ранний период истории города – в V в. до н.э., и по новым данным основным центром, из которого ввозили китейцы продукцию в амфорной таре, остается Хиос, что характерно и для Боспора в целом (Кузнецов, 2000, с. 108). Не случайно среди новых находок более всего (10) ножек амфор именно этого центра. На втором месте по числу находок фрагменты амфор Менде. Появляются также по одному новые типы амфор Фасоса, датируемых 2 и 3 четвертями V в. до н.э. и амфора круга Фасоса. Но в целом число амфор Фасоса существенно сокращается, вследствие передатировки амфор типа Зеест, 20ж с конца V на 1 половину IV в. до н.э. (Монахов, 2003, Табл. 42,1).

К V в. до н.э. относятся также фрагмент венчика амфоры круга Аттики (Зеест, 9а) с I раскопа и венчик с частью ручки амфоры Лесбоса (3., 7) с раскопа II, что позволяет говорить и о вероятности торговых связей Китея этого времени с Афинами и Лесбосом.

В общем количестве находок амфоры V в. до н.э. составляют теперь 5,4 %. Это на процент больше, чем по предыдущим данным (4,3%), но все же немного. Отметим также и такой факт, что соотношение по числу ножек амфор двух ведущих центров Хиоса и Менде (75% и 30,2% соответственно) и общему объему продукции, поступающей в них в целом дает значительно меньшую разницу в объемах поступления (51,7% и 42,4%), хотя преимущество Хиоса все же очевидно. В силу этого, мы и далее будем производить определение соотношения поставок продукции, прежде всего, по объемам, а не по числу амфор, разумеется, там, где это возможно.

Ситуация резко меняется в IV в. до н.э. Теперь значительно увеличивается число центров, являющихся торговыми контрагентами города и число типов их амфор. В первой половине IV века основным торговым контрагентом Китея становится Гераклея. Ее продукция составляет 36,7% от общего количества вина, поступавшего в это время (Табл. 1). На втором месте, также с большим отрывом от остальных, продукция Хиоса (35,3%), немногим уступающая ввозу из Гераклеи. Третье место занимают амфоры типа Пепарет I (11,8%). Остальные центры представлены сравнительно небольшим числом находок.

Надо, однако, отметить, что еще 2 типа амфор Фасоса и 2 типа амфор Муригиоль представлены только ручками и венчиками, что позволяет считать объем поставок этих центров несколько бóльшим, хотя вряд ли очень значительно.

Амфоры, относимые И.Б. Зеест к выпускам Пантикапея, в настоящее время специалисты, занимающиеся амфорным производством, относят к выпускам Пепарета и Икоса (Ломтадзе, Масленников, 2004, с. 150). При этом некоторая часть амфор типа Пепарет II возможно принадлежала Икосу, с которыми они совпадают и по морфологии, и по глине (Монахов, Федосеев, 2013, с. 257). Ножек амфор первой группы, датирующихся второй четвертью IV в. до н.э. в Китее найдено всего две. Остальные, но уже в достаточно большом количестве относятся ко второй половине века¹.

Кроме того, судя по клеймам, в Китей поступало в небольшом количестве вино из Аканфа. Эти амфоры представлены в Китее небольшим количеством венчиков и ручек.

Во второй половине века в Китее лидируют по количеству и объему продукции амфоры Пепарет II-Икос (27,0%). В то же время более чем в 4 раза возрастает количество продукции в амфорах из Синопы (22,3%), вышедшей на второе место в торговых связях Китея. Доля амфор Гераклеи опускается на третье место, Хиоса – на четвертое. Также резко (почти в 10 раз) увеличивается объем поставок вина с острова Фасос, который лидирует в то время в амфорной продукции Пантикапея (Табл. 4). Появляется в сравнительно небольшом количестве продукция Коса, Книда и Колхиды. Зато более чем на треть сокращается поступление амфор Хиоса и почти наполовину амфор Менде. Полностью прекращается поступление амфор типа Солоха I и Муригиоль. Общий объем продукции, ввозимой в амфорах, во второй половине века почти на треть выше предшествующего периода, что позволяет говорить о нарастании экономической активности Китея в течение всего IV в. до н.э.

¹ Объемы амфор рассчитаны как средние по опубликованным целым амфорам. См. Монахов, Кузнецова, 2009. С. 149-150.

Таблица 1.

(в этой и последующих таблицах в тексте: в числителе количество амфор, в знаменателе объем в литрах; процентное соотношение дано по объему; полужирным выделены три ведущих центра периода).

Центры	1 пол. IV в. до н.э.	2 пол. IV в. до н.э.	Всего
Хиос	205/4018 – 35,3	95/1862 – 10,9%	300/5880 – 20,5%
Гераклея	424/4176 – 36,7	629/3783,3 – 21,9%	1053/7959,3 – 27,8%
Фасос	23/85,25 – 0,75%	117/1128,3 – 6,5%	140/1214 – 4,2%
Синопа	37/812,4 – 7,1%	201/3850,8 – 22,3%	238/4663,2 – 16,3%
Менде	23/377,2 – 3,3%	13/213,2 – 1,2%	36/590,4 – 2,0%
Пепарет I	82/1344,8 – 11,8%	13/213,2 – 1,2%	24/393,6 – 1,4%
Пепарет II-Икос	2/52 – 0,4%	170/4658 – 27,0%	172/4710 – 16,4%
Солоха I	20/497 – 4,4%	-	20/497 – 1,7%
Кос	-	17/680 – 3,9%	17/680 – 2,4%
Муригиоль	3/?	-	3/?
Книд	-	9/ 414 – 2,4%	9/ 414 – 1,4%
Колхида	-	24/444 – 2,6%	24/444 – 1,5%
Итого	819/11 365,6	1288/17 246,8	2107/28 612,4

Пиком поступления в Китей продукции в амфорной таре остается вторая-третья четверть IV в. до н.э., что соответствует и материалам раскопок 1970-1995 гг. Ведущими центрами в то время являются Хиос, и Гераклея, продукция которых составляет почти 2/3 общего объема вина, поступавшего в город. Во второй половине века на первое место выходит Пепарет-Икос, оттесняя на второе место Синопу и на третье – Гераклею. Разница в поставках между этими центрами незначительна, но они также представляют почти 2/3 всего вина, поставлявшегося в город.

Кроме названных в таблице центров присутствуют фрагменты амфор еще трех, оставшихся неопределенными, что не меняет общего соотношения объемов.

Любопытно соотношение находок амфорных ножек IV в. до н.э. в Китее с Пантикапеем и Азовским побережьем Керченского полуострова (Табл. 2). Соотношение двух последних представлено в работе Г.А.

Ломтадзе и А.А. Масленникова (Ломтадзе, Масленников, 2004, с. 159-160). Как видно из таблицы 2 Синопа и Гераклея занимают соответственно второе и третье места в импорте Пантикапей и Генеральского Западного, в то время как в небольших поселениях Приазовья значительно преобладает и выходит на первое место импорт из Синопы, а Гераклея поднимается на второе место. В Китее же продукция Гераклеи стоит на первом месте, Синопа – на третьем. Столь же значительное преобладание гераклеяского импорта в IV в. до н.э. характерно и для Елизаветовского городища в устье Танаиса (Брашинский, 1984, с. 149-152). Возможно, такое совпадение связано с тем, что значительная часть вина, перевозимого в амфорах, шла на перепродажу окрестным скифам.

Существенно меньшее по сравнению со столицей Боспора количество продукции Фасоса в Китее, вероятно, связано с высокой стоимостью этого вина, хотя хиосское вино «одного из наиболее прославленных винодельческих центров античного мира» (Брашинский, 1984, с. 97) было лишь немногим дешевле (François Salviat, 1986, p. 155), а оно занимает второе место в Китее.

Таблица 2.

Соотношение (в %) импорта в амфорах в 70-е гг. IV – нач. III в. до н.э. (цифрами обозначены: 1 – Пантикапей, 2 – Генеральское Западное, 3 – юго-западный склон, 4 – Пустынный берег 1, 5 – Пустынный берег 2, 6 – Китей)

Центр производства	1	2	3	4	5	6
Гераклея	11	17	17	25	19	28,6
Фасос	26	21	8	4	6	4,3
Менда	8	13	8	5	-	2,1
Хиос	2	10	6	7	23	21,1
Пепарет-Икос	8	9	11	8	7	14,2
Синопа	21	19	33	29	41	16,7
Колхида	6	1	-	-	-	1,6
Херсонес	1	1	2	9	4	-
Амастрий	1	-	1	-	-	-
Книд	11	7	6	1	-	1,5
Кос	5	1	5	-	-	2,4
Солоха I	-	3	3	-	-	1,8

В III в. до н.э. общий объем ввозимой в амфорах продукции при незначительном увеличении числа амфор того времени все же резко (в 19раз) сокращается (Табл. 3). При этом в 3 раза сокращается число типов амфор и 1,5 раза число центров. Такое же падение наблюдалось и по материалам предыдущего исследования. Разумеется, такое падение, скорее всего, связано с экономическим кризисом на Боспоре того времени, но не исключены и такие факторы, как развитие собственного виноделия и какие-то политические события, может быть даже более жесткий контроль Пантикапея за внешнеэкономическими связями малых городов. Последнее приходит в голову при рассмотрении соотношения находок фрагментов амфор разных центров.

На первое место теперь выходят амфоры Фасоса (21,6%), число которых и в предыдущий период также резко увеличилось. Преобладание экспорта из Фасоса в Пантикапее мы уже отмечали выше. Это дает основания предполагать некоторую вероятность регулирования потоков поступающей продукции Пантикапеем, хотя и со знаком вопроса.

Второе место в импорте вина в Китей в III в. до н.э. занимают амфоры Коса (17,7%) и третье оказывается у амфор Херсонеса (14,6%). И тот, и другой центры поставляли более дешевую продукцию, что, по-видимому, сыграло в данном случае (кризисный период) решающую роль. Из других центров в небольшом отрыве друг от друга по количеству амфорных ножек представлены Синопа, Книд и Колхида. Среди амфор последней еще два типа представлены небольшим количеством ручек и венчиков, что делает ее экспорт в Китей более значительным, чем фиксируемый только по ножкам.

Менее всего представлен Родос, амфоры которого только появляются в то время в Китее. Правда, среди амфор этого центра есть еще фрагменты ручек, венчиков и горл типа 3., 49а, что делает импорт из Родоса более значительным, но насколько – об этом пока судить невозможно. Кроме того, 4 ножки амфор остались неопределенными.

Таблица 3

Центры	III в. до н.э.	Центры	II-I в. до н.э.
Фасос	26/463,9 – 21,6%	Синопа	137/2344,2
Херсонес	23/328,6 – 14,6%	Кос	44/1760
Кос	10/400 – 17,7%	Родос	15/393,9
Синопа	18/315,4 – 14,0%	Колхида	18/288
Колхида	17/307,7 – 13,6%	Херсонес	7/93,1
Родос	5/124,78 – 5,5%	Яблоновские	6/?
Книд	8/315,2 – 13,9%	Тип Елизаветинской	13/?
Итого	107/2255,7		240/4878?
Типов 20; Центров 11; Всего – 111 – 3,3%: н/о 4.		Типов 17; центров 10; Всего – 243- %; н/о – 3.	

В позднелллинистический период начинается рост ввоза в Китей, продолжающийся и в последующий период. Общий объем поступившей продукции увеличился в 2,3 раза (Табл. 3). При этом сократилось и число типов амфор, и центров. На смену амфорам Фасоса и Книда пришли амфоры типа Яблоновской и Елизаветовской, меньше стало амфор неопределенных центров (3). Кроме того, представлены фрагментами венчиков и ручек амфоры Коса (18), Херсонеса (11) и типа Яблоновской (3). Ведущее место в торговле в то время в Китее принадлежит Синопе и Косу, поставляющим почти 4/5 всей продукции. На третьем месте Родос. В меньших количествах поступало вино из Колхиды и Херсонеса. Отсутствие данных об объемах амфор типа Яблоновской и Елизаветовской не дают возможности сделать выводы о роли этих центров в торговле с Китеем, но, судя по числу их амфор, вряд ли она была очень значительной.

Первые века нашей эры стали этапом нового роста поступления в Китей продукции в амфорах. Она составила 12,8% от общего количества и дополнительно засвидетельствовала, что I-II вв. н.э. были временем второго расцвета города. Подавляющее большинство среди

амфор составляют обломки светлоглиняных сосудов. 49,1 % среди ножек амфор составили позднегераклейские всех типов. На втором месте псевдокосские амфоры C1a (28,7%). Из остальных центров в наибольшем количестве представлены Колхида и Синопа (таблица 4). Из приведенного соотношения видно, что спрос на продукцию, перевозимую в амфорах (прежде всего вино и оливковое масло) теперь удовлетворялся преимущественно за счет внутривосточной торговли, что характерно для Северного Причерноморья в целом в I-II вв. н.э. (Внуков, 2006, с. 204). При этом основным торговым контрагентом Китея опять становится Гераклея.

Таблица 4

Центры	I-II вв. н.э.	Центры	II-III вв. н.э.
Синопа	29/435 – 7,9%	З., 72а	10 – 5,6%
Псевдокосские C1a	93/1209 – 21,9%	З., 75а	10 – 5,6%
Псевдокосские C1б	25/375 – 6,8%	З., 75б	7 – 3,9%
Псевдопродосские CII	23/299 – 5,4%	З., 76г	19 – 10,7%
Позднегераклейские CIII, а	110/1430 – 25,9%	З., 80а	1 – 0,5%
Позднегераклейские CIVA	8/104 – 1,9%	З., 80б	43 – 24,3%
Позднегераклейские CIII-IV	5/65 – 1,2%	З., 82	1 – 0,5%
Позднегераклейские CIII,б	63/945 – 17,1%	З., 83а	3 – 1,7%
Позднегераклейские З., 66	3/39 – 0,7%	З., 84а	21 – 11,8%
Позднегераклейские З., 70	10/130 – 2,3%	З., 85	1 – 0,5%
Колхида	38/ 494– 8,9%	З., 90а	18 – 10,2%
Типа Итальянской З., 63в	5	З., 91а	15 – 8,5%
Неопределенные	19	З., 92	1 – 0,5%
Итого (без н/о и итальянских)	407/5525	З., 93. CIVD	24 – 13,6%
Всего амфор 431 – 12,8%. Расчет объема производился по средним данным объемов амфор. См. Внуков, 2006. С. 207-208.		Неопределенные	3 – 1,7%
		Всего амфор 177 – 5,2%. Расчет процентов по числу ножек амфор.	

Со второй половины II в. н.э. ситуация в торговле продукцией, транспортируемой в амфорной таре, несколько меняется. Это связано с тем, что в городах Боспора еще более развивается собственное

виноделие и начинается производство собственных амфор, предназначенных не столько для экспорта продукции, сколько для ее хранения в домашних хозяйствах. Тем не менее, ведущее место среди находок принадлежит красноглиняным амфорам с желобчатыми венцами (З., 806 – 24,3%), которые производились «в каком-то крупном греческом центре, связанным торговлей с припонтийским регионом и в то же время распространявшим свою продукцию в Средиземноморье» (Зеест, 1960, с. 115). На втором месте узкогорлые светлоглиняные амфоры типа CIVD (З., 91-93), составляющие 22,6% от общего числа находок. Это самая распространенная в Северном Причерноморье группа, которую некоторые исследователи даже относят к танаисскому производству (Шелов, 1978, с. 19). Но, вероятно, более прав С.Ю. Внуков, выделяющий их в отдельный тип позднегераклейской тары (Внуков, 2006, с. 14). Размеры этих сосудов невелики (высота корпуса 25-27 см), и в сравнении объемов продукции расхождение между ними и амфорами лидирующей группы еще больше в пользу последних.

Третьеместопочислуножеквэтотпериодзанимаютрозовоглиняные амфоры, вероятнее всего, местного боспорского производства (З., 84а – 11,8%). Во всяком случае, такие амфоры (в том числе и бракованные) обнаружены в гончарной печи в Нимфее, что позволяет не сомневаться в их производстве в этом городе (Соколова, 2001, с. 143). Размеры этих амфор (высота 1 м, ширина в плечах 47 см) заставляют думать, что вино в них не транспортировали, а хранили. Общий объем этих амфор в 4-5 раз превышает объем позднегераклейских, занявших второе место. И это значит, что вино, хранящееся в них, по объему вдвое превышало количество вина, привезенного в то время из Гераклеи.

Из других привозных амфор отметим красноглиняные амфоры с ручками треугольной в сечении формы (З., 76г), составляющие 10,7% находок и светлоглиняные амфоры с воронкообразным горлом (З., 90), составляющие 10,2% находок.

В последний период истории Китея количество продукции в амфорах снижается почти до уровня III в. до н.э. и составляет 3,4 %. В количественном отношении среди них преобладают амфоры типа

хараксской. Однако размеры этих амфор (высота 60 см, ширина 30 см) значительно уступают размерам амфор типа З., 96, относимых к производству Пантикапея. Найденные в Китее целые образцы амфор этого типа имеют высоту от 105 до 131 см и ширину от 56 до 70 см и соответственно их объем, как минимум в четыре раза выше. Однако такие амфоры использовались для хранения вина или других припасов. Поэтому они свидетельствуют только о развитости местного виноградарства и виноделия. В пользу этого свидетельствуют и амфоры из склада в помещении «Г» раскопа IV, которое в IV-VI вв. н.э. представляло собой домашнюю винодельню (Матукина, 2008, с. 152). Найденные здесь целые и раздавленные амфоры типов 99 и 102 (типа хараксской) по И.Б. Зеест и типа 5 по А.Л. Якобсону, были явно предназначены для разлива в них вина собственного производства. А значит, импорт продукции в них извне был одноразовым актом.

К пантикапейскому типу позднебоспорских амфор по своим морфологическим данным относятся и фрагменты амфор, относимых нами к производству Китая. В целом все это говорит о резком сокращении внешней торговли города и расширении внутрибоспорских торговых связей. В небольшом количестве поступало вино их Херсонеса и других, в большинстве своем оставшихся неопределенными центров (таблица 5).

Таблица 5.

Центры	IV-VI вв. н.э.	Центры	IV-VI вв. н.э.
З., 96 Пантикапей	21	З., 105г	4
З., 97 Фанагория	2	Абрамов 7.11.	1
З., 98б	9	Абрамов 7.29.	3
З., 99б	11	Китей (?)	10
З., 101 Херсонес	2	Якобсон I	2
З., 102б Харакс	25	Якобсон II	3
З., 103	1	Якобсон V	2
З., 104а	4	Якобсон IX	2
З., 105а	5	Неопределенные	7
З., 105б	1	Всего амфор 115 – 3,4%	

Таким образом, оценивая поступление в Китей продукции, перевозимой в амфорах, мы можем отметить следующие его особенности: наибольшее поступление импортной продукции в IV в. до н.э.; преобладание в каждый из периодов истории города на его рынке двух-трех центров импорта; преобладание со второй половины IV в. до н.э. и до конца истории города на его рынке причерноморских центров производства продукции, перевозимой в амфорах.

ЛИТЕРАТУРА

- Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., Наука, 1984. 248 с.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. СПб., Алетей, 2006. 320 с.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960, № 83. 180 с.
- Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1 . С. 107-120.
- Ломтадзе Г.А., Масленников А.А.* Реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 142-161.
- Матукина А.Н.* Позднеантичные амфоры из Китея // Боспорские исследования. Вып. XIX. Симферополь-Керчь, 2008. С. 151-155.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель. Москва-Саратов. 2003. 352 с.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Об одной серии амфор неустовленного дорийского центра IV в. до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Отв. ред. Копылов В.П. Ростов-на-Дону, 2009. С. 148-161.
- Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Заметки по локализации керамической тары. IV: Амфоры Икоса // АМА. 2013. Вып. XVI. С. 255-266.
- Соколова О.Ю.* О керамическом производстве в Нимфее // Боспор

- Киммерийский и Понт в период античности и средневековья.
Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 140-144.
- Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Хронология и периодизация // КСИА. 1978. № 156. С. 16-21.
- François Salviat. Le vin de Thasos amphores, vin et sources écrites // BCH. 1986.2. P. 145-196.

МОЛЕВА Н.В.
(ННГУ, Н-Новгород)

ТОРГОВЛЯ СОБОЙ: ЗАМЕТКИ О НАДГРОБИЯХ БОСПОРСКИХ ГЕТЕР

*Свободная женщина противостояла
давлению общества и обеспечивала себе
средства к существованию лишь торгуя
собственным телом.
Е. Вардиман. 1990. С. 264.*

Для греков любовь была более всеобъемлющим понятием, чем для современного человека. Она представлялась таинственной и могучей силой, управляющей жизнью человека, основой бытия и залогом извечного существования мира (Трофимова, 2006, с. 17). Античная культура и изобразительное искусство пронизаны идеями любви во всех ее проявлениях, причем, в сценах, в большей степени присущих людям, а не богам (Петракова, 2006, с. 117). Изучение различных сторон любовных отношений, в частности сексологии, является естественной и социально здоровой тенденцией доколе оно будет развиваться на сугубо научной основе и самоограничиваться строго эстетическими рамками (Виноградов Ю.Г., 1996, с. 113).

Следует отметить, что любовные наслаждения в Греции отнюдь не связывались с семейной жизнью. Как правило, такие утехы имели место на стороне и получались за плату, дорогую или дешевую в зависимости от качества этих услуг. Как писал Антипатр Сидонский во II в. до н.э. «знатных искателей рой... жадно стремится купить миг наслажденья продажной любовью» (Греческая эпиграмма, 1993. Пер. Л. Блуменау). Можно предположить, что сексуальность замужней женщины

осуждалась, а холодность имела положительную оценку (Кривошта, 1995, с. 67). Жены и дочери свободных греков были заняты ткачеством и домашним хозяйством. Они не могли присутствовать на симпозиях, вечеринках или спортивных состязаниях (Журавлев, 2006в, с. 99). Их воспитание было направлено на выполнение роли хозяйки дома и рождение законных детей, граждан государства.

В греческой античности на продажную любовь смотрели без предрассудков. О женщинах, оказывающих такие услуги, писали и говорили совершенно свободно, без тени смущения, и существенная роль, которую они играли в частной жизни, нашла свое отражение в литературе (Лихт, 1995, с. 224).

Исследователи выделяют несколько категорий таких женщин. На самой высокой ступни находились гетеры, которые пользовались уважением и отличались образованностью (Лихт, 1995, с. 230-231). Они могли свободно появляться на городских улицах, участвовать в праздниках и делать пожертвования в храмы. Насида (к. IV-IIIв. до н.э.) упоминает о даре принесенном Богине гетерою Помархидой (Греческая эпиграмма, 1993, с. 58. Пер. Л. Блуменау). Это были свободные женщины, внешние данные которых позволяли им заниматься таким ремеслом. Их обучали в специальных школах музыке, поэзии и искусствам. Обыденность их занятий облагораживалась красотой (Лихт, 1995, с. 266). Услуги их стоили дорого: от 1 драхмы и выше, а кроме того они получали и ценные подарки (украшения, покрывала и пр.); для сравнения: 3 оболы в день было жалованье моряка в Афинах и 1 драхма в день – жалованье гопплита).

Вторая категория – это женщины (проститутки в современном понимании этого слов), обитающие в публичных домах или работавшие на улице в одиночку. В отличие от гетер, они не могли появляться в храмах или на праздниках. Между этими двумя категориями – целая пропасть, проститутки занимали самую низшую ступень социального слоя. Их услуги ценились сравнительно дешево: 1 обол за вход и столько же за «работу». Иногда они получали небольшие подарки от клиентов. Содержание публичных домов находилось под надзором астиномов, а

владелец такого заведения выплачивал ежегодный налог государству. Уличные проститутки также облагались податью (Лихт, 1995, с. 2260230; Журавлев, 2006 б, с. 140-141).

Кроме того, в греческих городах существовала и храмовая проституция, связанная, в основном, с культами Афродиты Порнеи и Афродиты Пандемос. Служительницы этих культов назывались иеродулами, а гетеры посвящали в эти храмы значительную часть своих заработков (Лихт, 1995, с. 262; Fleming, 1999, р. 61). Е. Вардиман считает, что сакральная проституция была заимствована греками из Малой Азии (Вардиман, 1990, с. 257).

Пути пропадания женщин в гетеры или проститутки были разными. Чаще всего это был свободный выбор. Имели место и случаи продажи дочерей отцами бедных семейств, и отец становился сводником (Лихт, 1995, с. 263). Это мог быть плен и последующая продажа захваченных женщин в публичные дома (Fleming, 1999, р. 40-41). Некоторые исследователи, в частности Э.К. Фентон, рассматривают труд гетер и проституток в древнем Риме, как труд эксплуатируемых пролетариев, ссылаясь при этом на работы К. Маркса (Fenton, 2006, v. 1. Article 3, р. 1-2).

В Северном Причерноморье в классическое и эллинистическое время также получил распространение институт гетер, поскольку эротика являлась неотъемлемой частью жизни населения греческих городов (Журавлев, 2004, с. 130-131). Известны различного рода сведения (эпиграфические памятники, произведения искусства, о́лисбу́сы), подтверждающие существование там гетер и проституток. Наиболее значительным памятником является высеченная на мраморной плите переписка херсонеситов и легата Нижней Мезии по поводу подати с публичных домов в Херсонесе (IPE, I², 404. Пер. В.В. Латышева) Римскому гарнизону, сборщику этой подати (!) предписывалось не изменять в свою пользу ее размер, а отдавать все положенное в городское казначейство (Ростовцев, 1916, с. 65-66; Соломоник, 1964, с. 45). Вероятно, подобные традиции взимания ежегодного проституционного налога существовали во всех крупных городах Северного Причерноморья. Налог с публичных

домов и отдельных проституток составлял заметную статью дохода городского бюджета (Скржинская, 2010, с. 64).

Для Боспора тоже имеется ряд источников, подтверждающих наличие института гетер в его портовых городах, прежде всего, в Пантикапее. Самыми важными являются 14 надгробных стел V-III вв. до н.э. и I-II вв. н.э. (КБН, 155, 204, 246, 447, 475, 603, 678, 707, 798, 875, 909, 925, 1067, 1103). Основными критериями для определения рода занятий погребенных под ними женщин является отсутствие патронимиков или имен их мужей, а также присутствие прозвищ, не являющихся общепризнанными именами и упоминания о родине для инополиток и отсутствие патронимиков у их детей. Внешний вид самих памятников может свидетельствовать о степени материального достатка этих женщин.

Все эти 14 надгробий можно разделить на три группы. К первой относятся 5 стел, на которых высечено только одно женское имя. Это Индия (Корокондама, V в. до н.э., КБН 1103), Селенида (Гермонасса, IV в. до н.э., КБН 1067), Мелема (Пантикапей, без даты, КБН 798), Метробия (Пантикапей, в. до н.э., КБН 204) и Эвтихия (Пантикапей, I-II вв. н.э., КБН 603). Из этих пяти имен три представляются прозвищами, характерными для гетер: Силенида (Σιληνίς) – вероятно в честь силенов-флейтистов (у Леонида Тарентского упоминается свирель, на которой играла Сатира в III в. до н.э.. Греческая эпитафия, 1993, с. 135); Мелема (Μέλημα) сокровище, нежная забота; Эвтихия (Εὐτυχία) – добрая судьба. К этому ряду можно отнести Гемеру (Ἡμέρας) – день, полдень (КБН 475); Хрисион (Χρύσιον) золото, сокровище (КБН 909). Подобное прозвище имеется на ножке кратера, подаренного гетере Геликопиде (Ἐλεκώπιδα) – прекрасноглазой, быстроглазой – из Нимфея IV в. до н.э. (Толстой, 1953, № 107, с. 72-73). Все эти имена выглядят псевдонимами, типичными для греческих гетер, и этот ряд можно продолжить подобными же прозвищами, имеющими место в древнегреческой эпитафии: у Мелеагра (II-I вв. до н.э.) – Фанион (светильник); Трифера (дивная, роскошная); у Филодема (I в. до н.э.) Тригония (горлица)(Греческая эпитафия, 1993, с. 240, 268). Особо отметим, что прозвищами обычно наделялись знаменитые гетеры

(Лихт, 1995, с. 274).

За исключением самого позднего надгробия Эвтихии (КБН-Альбом, 603), для которого был использован более ранний низкий постамент стелы или статуи с не до конца стесанной первичной надписью, остальные памятники типичны для основной массы надгробий боспорян среднего достатка. Это гладкие плиты, завершающиеся анфемием (КБН-Альбом, 204), или карнизом (КБН-Альбом, 1067), с четко выполненными надписями со следами красной краски в буквах. Неизвестно, кем были поставлены эти надгробия, может быть товарками по ремеслу или поклонниками. Отсутствие патронимиков на них свидетельствует об отсутствии у этих женщин гражданского статуса и их низком социальном положении. Видеть в них рабынь или вольноотпущениц, как это предполагали В.В. Латышев, В.В. Шкорпил, В.Д. Блаватский (см. комментарии к соответствующим надписям в КБН), не представляется возможным, так как рабам памятников не ставили, а отпуская женщину из рабской зависимости «на свободу», ее отдавали в храм или синагогу (КБН 74, 1123) под охрану богов. В иных случаях на надгробиях таких женщин вместо патронимика фигурировало имя ее бывшего хозяина (КБН 407, 474, 1193).

Вторая группа надгробных стел представлена четырьмя памятниками из Пантикапея, Нимфея и Мирмекия. В надписях, высеченных на них, рядом с женскими именами нет имен их отцов или мужей, зато названа их историческая родина или отмечены музыкальные навыки. Это Атенаида хиянка (Пантикапей, IV в. до н.э., КБН 155), (такая-то?) гераклеотянка (Нимфей, IV в. до н.э. КБН 925), Мирсина гераклеотянка (Пантикапей, пер. пол. III в. до н.э., КБН 246) и, наконец, Пасафиликата, флейтистка (Мирмекий, втор. пол. IV в. до н.э., КБН 875). Следует отметить, что предположение о принадлежности Атенаиды и Мирсины к гетерам уже высказывала М.В. Скржинская (Скржинская, 2010, с. 63). А.Твардецкий считает их гражданками других городов, прибывшими на Боспор и там умершими (Twardecki, 2016, с. 33-34). Однако на родине у них тоже не было гражданского статуса. Доказательством тому могут служить две надгробные надписи из Пантикапея и Горгиппии на

памятниках умерших инополиток. Одна повествует о Клеопатре, дочери Мениска, гражданки Амиса (КБН 124); вторая посвящена Микке, жене Кокка, дочери Токона, гераклеянке (КБН 1193). Очевидно, что женщины из других греческих городов, жившие в семье отца или вышедшие замуж на Боспоре, кроме указания на памятниках родины имеют патронимик или имя мужа на надгробиях.

Что касается Пасафиликаты, то надпись прямо указывает на профессию гетеры. Ее необычное имя составлено из двух слов: (πᾶσα – всякая, каждая, и φίλικά – дружественная) и означало, вероятно «подруга каждому (или всякому)». Игра же на флейте, как правило, была присуща гетерам (Журавлев, 2006а, с. 95). Именно они обслуживали симпозиумы и вечеринки, работая по найму лично или по распоряжению хозяина (Журавлев, 2006а, с. 95). Один из таких случаев упоминается у Лукиана в «Разговорах гетер» (Лукиан, 1962, с. 368). Умение играть на флейте, свирели, кифаре и петь повышало статус гетеры, ее востребованность и, соответственно, заработка.

«Сладко звучала свирель всю ночь до зари у Сатиры,
юношам пела она в двери ломившимся к ней».

(Леонид Тарнтский. Греческая эпиграмма, 1993. С. 135

Пер. Л. Блуменау).

Иностранки, подвизавшиеся как гетеры в крупных боспорских городах, вероятно, были хорошо обучены, пользовались спросом и не бедствовали, судя по хорошему качеству их надгробных памятников. Их стелы представляют собой шлифованные известняковые плиты, увенчанные треугольным фронтоном с акротериями или профилированными карнизами, с каллиграфически выполненными надписями. В Древней Греции такие «гастроли» гетер были обычным явлением. Так, Платон упоминает «коринфского рода гетеру» (Греческая эпиграмма, 1993, с. 41. Пер. С. Соболевского), Асклепиад – гетеру «колофонянку» (там же, с. 74. Пер. Л. Блуменау), Мелеаг – гетеру из Коса (там же, с. 240. Пер. М. Гаспарова), Филодем – гетер из Пафосса, Самоса, Наксоса и Арголиты (там же, с. 262-268. Пер. Л. Блуменау и Г. Иваниц).

Третья группа включает в себя пять надгробий из Пантикапея и Тиритаки, поставленных детям, вероятно, уже взрослым, от имени матерей. И матери, и дети не имеют в надписях на памятниках ни имен отцов, ни имен супругов (КБН 447,475, 678, 707, 909). Очевидно, что эти дети были рождены вне брака и считались незаконнорожденными. Специфика гендерных и семейных отношений, а также социальная психология, характерные для греческой античности и Боспора в частности, абсолютно исключали возможность появления внебрачных детей у полноправных гражданок. Единственной категорией женщин, хотя и избегавших подобных ситуаций, но иногда все же рожавших, были гетеры и проститутки. Конечно, наличие потомства серьезно осложняло им жизнь. Но бывали обстоятельства, когда роды оказывались неизбежными. У Лукиана в уста гетеры вложены такие слова: «скоро мне придется кормить ребенка, а это ведь труднее всего для гетеры» (Лукиан, 1962, с. 344. Пер. Б. Казанского). Участь таких детей в обществе была незавидной. Легче было девочкам, которые, как правило, наследовали ремесло матери. В «Разговорах гетер» имеется несколько диалогов, в которых мать-гетера учит дочь жизни: «Сколько мы имеет выгоды от этого юноши?... он все только обещает... вот останешься без любовников и проживешь добродетельной как какая-нибудь жрица Деметры-Фесмофоры, а не гетера» (Лукиан, 1962, с. 352). Есть и уговоры дочери принять старого, богатого клиента: «разве ты не знаешь, что мы бедны?... смотри, как бы мы не порвали веревочку, слишком ее натягивая» (Лукиан, 1962, с. 347. Пер. Б. Казанского).

Рожденные гетерами мальчики обычно становились подкидышами, и тогда у них появлялся шанс пристроится в семью в качестве вскормленника и служить хозяину. О такой практике (подкидывать незаконнорожденных мальчиков) тоже упоминается у Лукиана (Лукиан, 1962, с. 344. Пер. Б.Казанского). Но если мальчик оставался при матери, ему в жизни приходилось крайне трудно. Его происхождение не забывалось никогда и считалось позорным. Диоскуриад (III в. до н.э.) пишет о таком юноше, пытавшемся принять участие в городской праздничной процессии; «сын потаскухи...позор

материнский» и называет его плодом «общедоступного разврата» (Греческая эпиграмма, 1993, с. 172. Пер. Л. Блуменау). Подобный пример имеется и в Северном Причерноморье. Матерью известного философа Биона Борисфенита была гетера, взятая в жены бедным вольноотпущенником «прямо из блудилища» (Диоген Лаэртский, IV, 7, 47). Несмотря на то, что, будучи проданным в рабство, Бيون попал к ритору, воспитавшему и обучившему его, был отпущен на волю и получил наследство, шлейф позорного происхождения тянулся за ним всю жизнь.

На боспорских надгробиях, поставленных гетерами своим взрослым умершим детям, сыновья упоминаются всего два раза. Это Гермес, сын Феоды (КБН 447) и Клеон, сын Хрисион (КБН 909). Интересен и тот факт, что в надгробных надписях, при перечислении имен детей гетер на первом месте всегда ставились имена дочерей, что совершенно противоречит общепринятым тогда нормам. Это Кулия и Феода, дочери Феоды (КБЮН 447), Муса, дочь Гемеры (КБН 475), умершие в I в. н.э. Им были поставлены довольно дорогие памятники с надписями и рельефами хорошего качества (КБН-Альбом, 447, 475). Ко II в. н.э. относятся стелы Фебеиды, дочери Исигоны (КБН 678), Стратоники, дочери Береники (КБН 707) и Пофиены, дочери Хрисион (КБН 909). Для надгробий II в. н.э. характерно повторное использование чужих, более ранних памятников, со стертыми (часто не до конца) надписями (КБН-Альбом, 678,808), что стоило гораздо дешевле.

В заключение следует отметить, что доходы даже состоятельных гетер, далеко не всегда могли покрывать их расходы, которые включали налог за ремесло, плату за жилье, одежду, обувь, продукты. Не случайно эти женщины стремились получать вознаграждение за свои труды в виде украшений, благовоний, предметов одежды (Лукиан, 1962, с. 351-352), а иногда – продуктов. Тем не менее, эти женщины обладали личной свободой и свободой выбора. Как писал Лукиан: «она свободная женщина и пойдет с тобой, если захочет (Лукиан, 1993, с. 356). Они не стеснялись своей профессии, а сильно пониженный социальный статус их не очень тяготил. Как писал Ф. Энгельс «именно на почве проституции выработались единственные яркие типы греческих женщин, которые

возвышались над общим уровнем женщин античности своим умом и художественным вкусом... то обстоятельство, что нужно было сначала сделаться гетерой, чтобы стать подлинной женщиной, служит самым суровым осуждением греческой (афинской) семьи» (Энгельс, 1961, с. 67). То же и в той же степени относится и к боспорской семье.

ЛИТЕРАТУРА

- Вардиман Е. Женщина в Древнем мире. М., Наука, 1990. Пер. с нем. М.С. Харитоновой. 335 с.
- Виноградов Ю.Г. Об интимной жизни ольвиополиток // Мир Ольвии. Киев, 1996. С. 113-114.
- Греческая эпиграмма. СПб., Наука, 1993. Под редакцией М.Л. Гаспарова.
- Диоген Лаэртский. О жизни, деяниях и изречениях знаменитых философов М., Наука, 1979. Пер. М.Л. Гаспарова. Под ред. А.Ф. Лосева.
- Журавлев Д.В. "Ολύβος из Пантикапея или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // Древности Боспора. Т. 7. М., 2004. С. 129-141.
- Журавлев Д.В. Греческий симпозиум // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006а. С. 95.
- Журавлев Д.В. Проституция в античности // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006б. С. 141-142.
- Журавлев Д.В. Женщина в античном мире // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006в. С. 99.
- Корпус Боспорских надписей. М.-Л., Наука, 1965. 951 с.
- КБН-Альбом. СПб., 2004. 431 с.
- Кривошта Н.А. Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии VII-V вв. до н.э. // Женщина в античном мире. М., Наука, 1995. С. 63-74.
- Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., Академия, 1995. 397 с.

- Лукиан. Разговоры гетер // Лукиан из Самосаты. Избранное. М., 1962.
Пер. Б. Казанского. С. 342-369.
- Петракова А.Е. «Милая, снимем одежды и, оба нагие, телами тесно друг к другу прильнем в страстном объятии любви» // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006. С. 117-121.
- Ростовцев М.И. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе. // ИАК. № 60. 1916. С. 63–69.
- Скржинская М.В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, Изд. АН Украины, 2010. 323 с.
- Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, Наукова Думка, 1964. 281 с.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М-Л., Изд. АН СССР, 1953. 154 с.
- Трофимова А.А. Мифы о любви в древнегреческом искусстве // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006. С. 10-18.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Собр. Соч. Изд. 2. Т. 21. М., 1961. С. 28-178.
- Латышев В.В. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Пгр., 1916.
- Fenton Erin K. Prostitution as Labor in Imperial Rome // *Studies in Mediterranean Antiquity and Classics*. V. 1. Issue 1. Article 3. P. 1-15.
- Flemming Rebecca. *QUAE CORPORE QUAESTUM FACIT: The Sexual Economy of Female Prostitution in the Roman Empire* // *Journal of Roman Studies*, Vol. 89 (1999), pp. 38-61.
- Twardecki A. Evidence of citizens in the Bosporan inscriptions. A second approach // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура*. СПб., 2016. С. 30-40.

МОРДВИНЦЕВА В.И.
(ИАК РАН, Симферополь)

О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ ЦИТАДЕЛИ НА ВЕРХНЕМ ПЛАТО ГОРЫ ОПУК

В 2013 г. Международная Южно-Боспорская археологическая экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством В.И. Мордвинцевой совместно с Институтом классической археологии университета Кельна под руководством С. Ортизи проводила исследования на верхнем плато горы Опук. Одной из задач экспедиции было уточнение времени сооружения крепостной стены цитадели. До этого постройка крепости была датирована В.К. Голенко периодом «не ранее первой половины IV в. н.э.» по материалам заполнения помещений «казармы» и «мусорных» напластований под куртиной [Голенко 2007, с. 125]. Для уточнения датировки с внешней стороны западной крепостной стены был выкопан стратиграфический шурф 2,6х1,5 м, глубиной 1,5 м от уровня современной поверхности до материковой скалы. Высота стены в этом месте достигала 2,4 м от нижнего края фундамента. В ходе исследования шурфа зафиксировано три основных слоя, включавших прослойки, различавшиеся по цвету и консистенции почвы.

В верхнем слое шурфа обнаружена яма, заполненная грунтом, перемешанным с камнями, фрагментами керамики различных эпох (от античной амфорной тары V в. до н.э. до эпохи позднего средневековья) и костями животных.

Не затронутый перекопами слой, залегающий между дерном и нижнем слоем на скале, содержал скопления фрагментов камней, появление которых в слое может быть связано с починками крепостной стены: в восточной профиле шурфа камни кладки уложены нерегулярно, тело стены в этом месте было заполнено грунтом с примесью небольших

камней. В этом слое обнаружено большое количество костей животных и керамического материала (46% профильных частей лепной керамики, доработанной на медленном гончарном круге, 54% профильных частей гончарной керамики¹). Среди лепных сосудов преобладают фрагменты сероглиняных мисок (рис. 1: 1-3, 5), реже встречаются сосуды закрытого типа (рис. 1: 4), горшки (рис. 1: 7) и кубки с вертикальной ручкой (рис. 1: 6).

Среди профильных частей столовой гончарной посуды преобладают венчики боспорских красноглиняных кувшинов (рис. 1: 11). Краснолаковая посуда представлена фрагментами тарелок понтийской римской сигилляты второй половины IV и первой половины V вв.н.э. (PRS, формы 1A-B и 3) (рис. 2: 2, 6), в том числе кусочек дна с резным гребенчатым орнаментом в виде звезды первой половины V в.н.э. (рис. 2: 5) [Arsen'eva, Domzhalski 2002, fig. 8: 272; fig. 9: 285; fig. 12: 509-513]. Кроме того, в слое обнаружены профильные части мисок фокейской сигилляты LRC/PhRS (рис. 2: 1), в том числе фрагмент венчика с штампованным орнаментом Rouletten, форма 3E конца V – 1 четверти VI в.н.э. [Arsen'eva, Domzhalski 2002, fig. 17: 623].

Тарная керамика представлена фрагментом венчика розовоглиняного боспорского пифоса и многочисленными частями амфор, среди которых преобладают красноглиняные амфоры типа Зеест 100 (35%) (рис. 1: 9), в том числе один фрагмент понтийской имитации этого типа (рис. 1: 8), Зеест 96/97 (18%) (рис. 1: 10, 13) и понтийские с валикообразным венчиком (14%), датирующиеся IV-V вв.н.э. Сравнительно много фрагментов светлоглиняных позднеримских амфор LRA 1A (рис. 2: 7) и LRA 1 (Киликия?) V в.н.э. (12%) и типа CSnpII-3b Karotte (7%). Остальные типы представлены единичными фрагментами красноглиняных амфор: с веретенообразным корпусом типа Böttger III-1 конца IV – начала VI в.н.э., типа 5 по Антоновой VI в.н.э., типа 72 (рис. 1: 12), 84 и 83/89 по Зеест, а также светлоглиняных амфор типа E по Д.Б. Шелову (рис. 2: 9).

¹ Благодарю А. Смокотину за помощь в определении керамического материала.

В том же слое обнаружены фрагменты стаканов прозрачного зеленоватого стекла с плоско срезанным венчиком (рис. 2: 3, 4) бытовавшие в IV – начале V в. н.э. [Isings 1957, p. 134 form 107; Сорокина, с. 85, 97, 99; Голофаст 2001, с. 123 рис. 81: 1-10].

В прилегающем к скале тонком слое обнаружены небольшие осколки известняка от обработки известняковых квадров стены, а также фрагменты выветренного ракушечника и многочисленные кусочки древесного угля, что позволяет интерпретировать данный слой как строительный горизонт. В этом слое обнаружен также керамический материал. Столовая посуда представлена фрагментом венчика боспорского розовоглиняного кувшина и венчика краснолакового блюда PRS 1A второй половины IV в.н.э. (рис. 2: 10). Из тарной посуды обнаружены профильные части амфор типов Зеест 72 III в.н.э. (рис. 2: 11), MRA 18 I-IV вв.н.э. (рис. 2: 12), Зеест 83/89 III в.н.э., Зеест 96/97 (рис. 2: 13), Зеест 100 IV в.н.э. (рис. 2: 14), типа Е по Д.Б. Шелову конца IV – 1 половины V в.н.э. и типа CSnpl-II (Зеест 100 или Karotte). Как видно, в этом слое отсутствует материал V-VI вв. н.э., представленный в слое, связанном, по-видимому, с ремонтом стены. Судя по обнаруженным материалам, наиболее вероятная дата постройки крепостной стены – вторая половина – конец IV в. н.э.

Обнаруженные в стратиграфическом шурфе находки, хоть и немногочисленные, но весьма выразительные, позволяют также сделать предварительные выводы о некоторых направлениях торговых связей жителей крепости. Амфорный материал, в целом, свидетельствует о связях населения городища на верхнем плато горы Опук с Понтийским регионом и Средиземноморьем. Большое количество фрагментов амфор и кувшинов боспорского производства указывает на интенсивные контакты в пределах территории Боспорского царства. Находки понтийской сигилляты, точное место производства которой до сих пор не установлено, подкрепляют сведения об участии населения юга Керченского полуострова в системе регулярных контактов с Понтийским регионом, прежде всего с региональными рынками Северного и Западного Причерноморья, где такая посуда обнаружена в наибольшем

количестве [Arsen'eva, Domzhalski 2002, p. 423]. В этом направлении связи остались неизменными по сравнению с предшествующим хронологическим периодом. Из слоя, связанного с починкой крепостной стены, происходят фрагменты фокейской сигилляты (LRC/PhRS), центры производства которой располагались в северо-восточной Эгее, и являлись, наряду с африканской сигиллятой, одним из основных поставщиков качественной столовой посуды в позднеантичное время [Hayes 1972, p. 323-370]. При этом в слое строительного горизонта фрагментов фокейской сигилляты не обнаружено, хотя в это время (конец IV в. н.э.) эгейские производственные центры уже функционировали. Вероятно, это связано с определенными сетевыми изменениями во второй половине V в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
- Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ VIII, 2001.
- Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА № 4, 1971.
- Arsen'eva T.M., Domzhalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua Bd. 8, 2002.
- Hayes J.W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
- Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen, 1957.

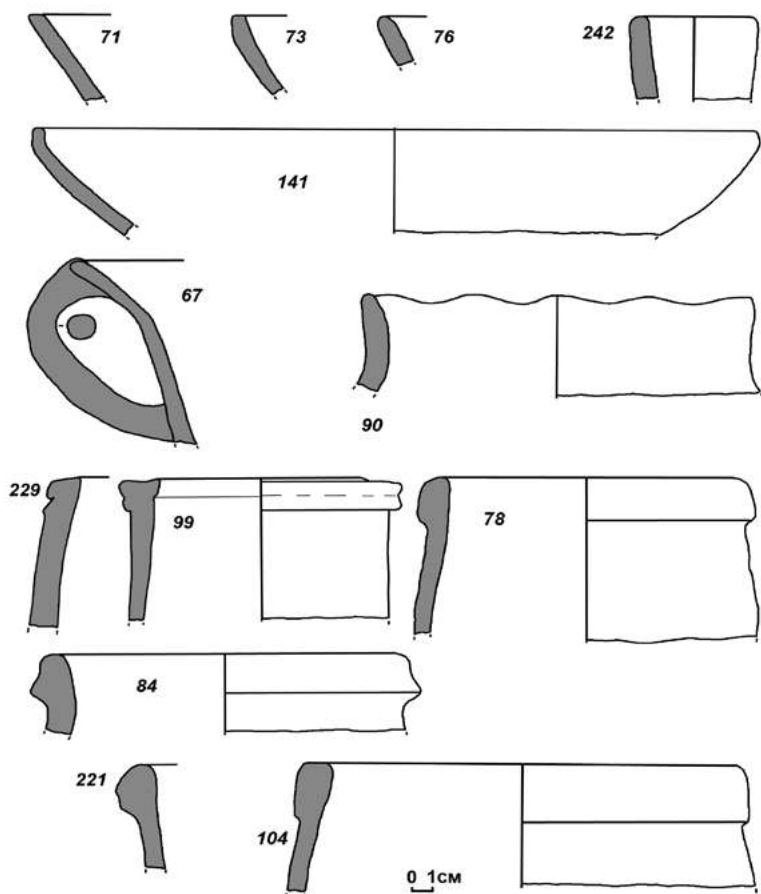

Рис. 1. Керамический материал из стратиграфического шурфа у оборонительной стены цитадели на верхнем плато горы Опук. Слой ремонта стены. 1-7 – лепная керамика. 8-13 – фрагменты амфор.

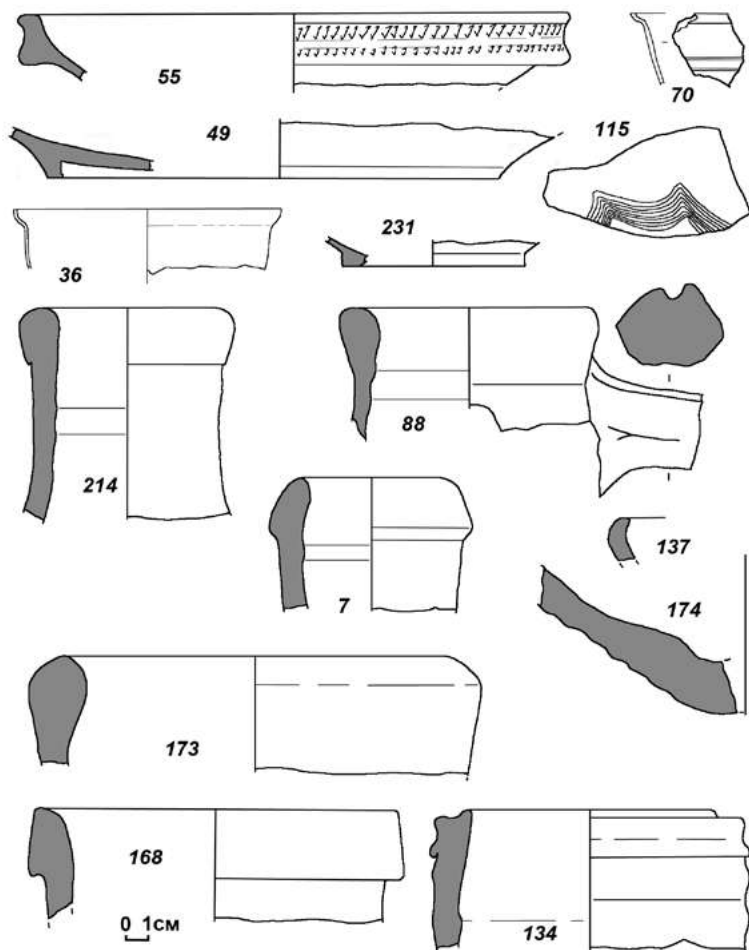

Рис.2. Керамический материал из стратиграфического шурфа у оборонительной стены цитадели на верхнем плато горы Опук. 1-9 – слой ремонта стены. 10-14 – слой строительного горизонта. 1-2, 5-6, 10 – краснолаковая посуда. 3-4 – фрагменты стеклянных стаканов. 7-9, 11-14 – фрагменты амфор.

НАУМЕНКО В.Е., ПОНОМАРЕВ Л.Ю.
(КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь; Керчь)

**К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОКРУГЕ БОСПОРА:
ИМПОРТНЫЕ КАТЕГОРИИ НАХОДОК**

В настоящее время на территории Керченского полуострова выявлено свыше двухсот салтово-маяцких поселений с общей датой в пределах второй половины VIII – первой половины X вв. Большинство из них (более 100 объектов) расположено в восточной части полуострова, очевидно, тяготея к Боспору и пролежавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям, несколько десятков – в его северо-западной части, преимущественно на побережье Азовского моря и долинах степных рек. Юго-западная часть Керченского полуострова (к югу от Парпачского хребта), включая побережье Черного моря от м. Чауда до Ак-Монайского перешейка, как и в античное время, оставалась в это время практически не заселенной. Освоению этого обширного региона препятствовали неблагоприятные физико-географические условия, прежде всего, недостаток пресной воды и малопригодные для сельскохозяйственного использования солонцеватые черноземы и степные солонцы [Пономарев, 2014, с. 138].

В зависимости от ландшафтно-топографических условий рассматриваемые салтово-маяцкие поселения делятся на две группы. Поселения первой группы располагались на побережье Керченского пролива, Черного и Азовского морей, при этом, прежде всего, осваивались берега заливов, бухт, пологие площадки мысов и морские террасы. К сожалению, реальную картину освоения приморских участков полуострова воссоздать уже вряд ли когда-нибудь удастся, поскольку часть поселений безвозвратно утрачены в результате береговой абразии.

Во вторую группу объединены памятники, обнаруженные в отдаленных от моря районах Керченского полуострова. Как правило, они занимали долины степных рек, балки с сезонными водотоками, южные склоны холмистых гряд и возвышенностей. Гораздо реже заселялись безводные вершины плато и останцевых холмов, причем, в большинстве случаев, новые поселения возникали на местах, где некогда располагались античные городища и поселения, руины которых были привлекательны с точки зрения наличия в изобилии строительного материала и еще сохранившейся жилой и хозяйственной инфраструктуры. Некоторые салтовские поселки размещались на территории позднеантичных могильников, практический интерес к которым обозначался благодаря склепам, повторно использовавшимся в качестве жилищ или хозяйственных помещений.

В наиболее пригодных для эффективной хозяйственной деятельности районах плотность проживавшего здесь во второй половине VIII – первой половине X вв. населения была довольно высокой. К числу таких районов можно отнести окрестности горы Опук, балку Чикграл-Джилга в юго-восточной части Керченского полуострова, участок побережья Керченского пролива у пос. Эльтиген и некоторые участки Азовского побережья от мыса Казантип до мыса Зюк. Не менее плотно были заселены и окрестности самого Боспора, включая прилегающие к нему с севера долины рек Мелек-Чесме, Катерлез и Булганак. Однако, этот наиболее интересный с точки зрения уровня хозяйственно-экономических и культурных взаимодействий города и его ближайшей сельской округи регион в настоящее время едва ли не полностью поглощен городской застройкой Керчи и, таким образом, практически недоступен для археологического изучения [Пономарев, 2014, с. 138–139].

К сожалению, подавляющее большинство салтово-маяцких поселений, нанесенных на археологическую карту Керченского полуострова, целенаправленно никогда не исследовались. Речь, прежде всего, идет о памятниках, открытых в 50-60-е гг. XX в. керченским краеведом В.В. Веселовым. В составленной им «Сводной ведомости

результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг.» о них содержатся сведения лишь самого общего характера, а именно краткое топографическое описание и общая хронология памятников. Основанием для установления последней послужил, очевидно, немногочисленный подъемный материал [Веселов, 2005]. К сожалению, автор «Сводной ведомости» не имел на момент ее составления возможности нанести выявленные археологические памятники на крупномасштабные топографические карты, ограничившись в своей работе их схематическими планами и привязкой к ближайшим населенным пунктам. В результате, так как большая часть открытых поселений и могильников в дальнейшем не исследовались, их точное местоположение остается, на сегодняшний день, неизвестным или представляется сомнительным. Кроме того, подъемный материал, датированный В.В. Веселовым в пределах VIII–IX вв., как правило, не сопровождался полевыми рисунками, из-за чего хронология этой группы салтово-маяцких древностей Керченского полуострова выглядит, по меньшей мере, дискуссионной.

Таким образом, большая часть наследия В.В. Веселова подлежит серьезной научной ревизии. Но эта ревизия не должна быть излишне критичной. Как показал опыт работы со «Сводной ведомостью», исследователь выделял памятники «VIII–IX вв.» с достаточной степенью надежности, опираясь, прежде всего, на находки фрагментов амфор «причерноморского типа» и салтово-маяцкой гончарной керамики. К тому же, консультации в этом отношении ему постоянно оказывали Д.Л. Талис и А.В. Гадло, с которыми он на протяжении нескольких лет плодотворно сотрудничал, принимая участие в работе их экспедиций на Керченском полуострове. Следовательно, есть основания полагать, что обнаруженные В. В. Веселовым памятники второй половины VIII – первой половины X вв. являются все-таки реальностью и их можно нанести на современную археологическую карту полуострова, оговорив, конечно необходимость повторного обследования.

Единственная попытка целенаправленного научного изучения и картографирования салтово-маяцких памятников Керченского

полуострова была предпринята в начале 60-е гг. XX в. Д.Л. Талисом и особенно А.В. Гадло. К сожалению, эта работа, в итоге, оказалась не завершенной, хотя и стала на многие годы основой для изучения салтово-маяцких древностей полуострова.

В 1960 г. Д.Л. Талис обследовал мыс Казантип и участок побережья Казантипского залива между селами Азовское и Верхнезаморское, а также окрестности сел Королево, Птичное, Калиновка, Марфовка, Новоселовка и Тамарино, расположенных в центральной, северо-западной и юго-западной части Керченского полуострова. В результате на археологическую карту региона им было нанесено 23 салтово-маяцких поселения. Материалы разведок своевременно не были опубликованы и лишь недавно частично введены в научный оборот [Пономарев, 2012, с. 479–511].

В 1962 г. разведки салтово-маяцких поселений на Керченском полуострове продолжил А.В. Гадло. В процессе работы им было обследовано девять новых поселений, на двух из которых (Героевка-3 и Пташкино) позднее проведены небольшие раскопки [Гадло, 1968а, с. 78–84; Гадло, 1969, с. 160–169; Гадло, 1980, с. 140–145; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435–449]. Спустя несколько лет А.В. Гадло опубликовал карту-схему «Южное Приазовье в период Хазарского каганата (конец VII – начала X вв.)», на которой в пределах Керченского полуострова обозначил 41 известное на тот момент салтово-маяцкое поселение [Гадло, 1968б, с. 60, № 45–85]. Именно эта карта легла в основу всех, составленных позднее мелкомасштабных археологических карт салтово-маяцких памятников Крыма.

К сожалению, едва оформившись, программа комплексного изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова была свернута уже к середине 60-х гг. XX в. В течение последующих десятилетий, вплоть до конца XX в., едва ли не единственным источником информации по истории и археологии региона интересующего нас периода времени являлись изданные материалы раскопок В.Ф. Гайдукевича, Д.Б. Шелова и А.В. Гадло на Тиритаке, Мирмекии, Илурате, поселениях Алексеевка, Пташкино и Героевка-3. Что особенно досадно,

не были опубликованы результаты разведок Д.Л. Талиса и А.В. Гадло, а многолетние исследования В.В. Веселова, за исключением некоторых салтовских поселений на месте античных памятников, вообще не нашли отражения на страницах научных изданий. В результате, опубликованные к настоящему времени археологические карты салтово-маяцких древностей Керченского полуострова не отражают реальной картины и нуждаются в существенном дополнении. Предварительная работа в этом направлении пока что проделана только для салтово-маяцких памятников южной части и восточной (между долиной р. Джерджавы и Тобечикским озером) оконечности Керченского полуострова [Пономарев, 2009, с. 499–514; Пономарев, 2011, с. 343–378]. В рамках этого же проекта опубликованы материалы разведок Д.Л. Талиса и А.В. Гадло [Пономарев, 2012, с. 479–511; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435–471].

Как уже говорилось, с середины 60-х гг. прошлого столетия археологическое изучение салтово-маяцких памятников Керченского полуострова было практически свернуто. Лишь те из салтовских поселений, которые функционировали на территории античных памятников, оказались раскопанными. Множество ныне известных салтово-маяцких поселений и некрополей было дополнительно выявлено в ходе разведок тех же античных памятников полуострова в последние десятилетия. Правда, информация о них в публикациях остается слишком краткой.

К числу памятников, результаты раскопок которых были частично или полностью введены в научный оборот относятся только салтовские поселения на античных городищах Тиритака [Зинько, Пономарев, 2009], Артезиан [Винокуров, Пономарев, 2015, с. 160–195; Винокуров, Пономарев, 2016а, с. 186–232; Винокуров, Пономарев, 2016б, с. 266–300.], Белинское [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 98–104], а также поселения этого времени на г. Опук (поселение «над источником») [Голенко, 2007, с. 233–243], Героевка-2 [Зинько, Пономарев, 2005б, с. 236–268], Героевка-6 [Зинько, Пономарев, 2008, с. 420–440] и Осовины-I [Зинько, Пономарев, 2007, с. 183–196]. Что особенно важно, на некоторых из них раскопки проводились планомерно и большими площадями. К тому же,

как в случае с городищем Тиритака, их материалы были опубликованы своевременно и в полном объеме.

Именно из раскопок перечисленных поселений происходит многочисленный, разнообразный и, что особенно важно, хорошо стратифицированный комплекс салтово-маяцкой керамики второй половины VIII – первой половины X вв., впервые выявленный в процессе археологического изучения памятников так называемого «хазарского периода» в Восточном Крыму. Статистически он лучше всего обработан для поселения на городище Тиритака (раскопки В.Н. Зинько 2002–2006 гг.) [Зинько, Пономарев, 2009; Науменко, 2009, с. 31–32]. Его, на сегодняшний день, можно рассматривать как некий эталонный памятник для изучения салтово-маяцких древностей в регионе. Впрочем, есть все основания полагать, что структура выявленного здесь керамического комплекса повторяется и на других салтовских поселениях Керченского полуострова.

Структура керамического комплекса второй половины VIII – первой половины X вв. из раскопок городища Тиритака (всего 28 656 фрагментов, происходящих из открытых и закрытых археологических комплексов) выглядит следующим образом: пифосы – 0,69%, амфоры «причерноморского типа» – 78%, высокогорлые кувшины с плоской ручкой – 1,56%, фляги – 0,15%, столовая красноглиняная посуда крымского производства (ойнохой «скалистинского» типа и горшки с пальцевым вдавлением на ручке) – 3,48%, салтово-маяцкая лощеная и нелощеная посуда – 16,06.

В рамках этой статистики обращают на себя внимание два наиболее важных момента. Прежде всего, немногочисленность собственно салтово-маяцкой керамики (около 16%), важнейшем этнокультурном маркере при атрибуции памятника. Впрочем, несмотря на отсутствие в публикациях результатов раскопок других салтовских поселений на территории Крыма, как правило, объективной статистики для тех или иных категорий керамического материала, можно предполагать, что это обычная ситуация в регионе. В качестве примера приведем керамический комплекс Тепсеньского городища, где салтово-маяцкая керамика имела

идентичное с Тиритакой процентное содержание – 16% [Фронджуло, 1968, с. 125]. Совершенно иное количественное содержание этой керамики характерно для салтово-маяцких памятников за пределами Крыма – от 50 до 80%, например, на поселениях в Подонье [Науменко, 2009, с. 32]. Другая важная особенность структуры керамического комплекса – явное преобладание в нем тарной керамики (амфор, кувшинов; всего около 80%), что делает ее изучение важнейшим условием для установления общей хронологии, внутренней периодизации и характера внешних экономических связей поселения.

Среди встреченной на Тиритаке тарной керамики абсолютно доминируют амфоры (78% от общего числа керамических находок). Все они, за исключением явно случайно попавшего в культурный слой археологически целого экземпляра ранневизантийской светлоглиняной амфоры типа LRA 1 [Riley, 1979, p. 212-216], принадлежат к различным типам «причерноморских амфор», производившимся на протяжении второй половины VIII – первой половины X вв., а, возможно, и немного позднее, в ныне хорошо известных и достаточно точно локализованных гончарных центрах юго-западной и южной части Таврики [Науменко, 2009, с. 35-50]. В этих же производственных центрах изготавливалась и немногочисленная на Тиритаке бытовая несалтовская керамика (красноглиняные фляги, кувшины «скалистинского» типа и горшки с пальцевым вдавливанием в месте прилепа ручки; всего менее 4%) [Науменко, 2009, с. 58-64]. Таким образом, более 80% керамики из раскопок поселения относятся к разряду импортной, целенаправленно и стабильно поступавшей сюда из производственных комплексов, расположенных в зоне непосредственного влияния Византийской империи на полуострове.

Менее определенным выглядит пока локализация района изготовления высокогогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками конца IX-XI вв. – район Таманского городища или даже шире, неизвестные пока гончарные центры Северо-Восточного Причерноморья. Однако, в любом случае, это еще одна важная категория импортной керамики на Тиритаке. Важно, отметить, что фрагментов высокогогорлых кувшинов

встречено на поселении совсем немного (1,56%), что определенно свидетельствует о прекращении его функционирования не позднее первой половины X в. [Науменко, 2009, с. 50-57].

Анализируя структуру керамического комплекса салтовского поселения на месте античной Тиритаки, еще раз подчеркнем явный дисбаланс в нем между собственно салтово-маяцкой керамикой, производимой на месте, и привозными тарными и бытовыми сосудами, изготавливаемыми, в большинстве своем, только в одном регионе – в гончарных центрах Южнобережной и Юго-Западной Таврики. Что может следовать из этого фактического наблюдения?

Во-первых, явное превалирование торгово-экономических связей салтовского населения Керченского полуострова, естественно, при посредничестве Боспора, с областями Таврики, контроль над которыми Византия сохраняла даже в период наибольшей территориальной и военно-политической экспансии Хазарского каганата в регионе. При этом на памятниках сельской округи Боспора второй половины VIII – первой половины X вв. не известен собственно византийский импорт – обычные для этого времени тарные сосуды типа «globular amphoras» [Vroom, 2005, p. 61] или ранняя византийская глазурованная керамика групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II» [Hayes, 1992, p. 15-29].

Во-вторых, специального изучения требует вопрос назначения такого количества импортной амфорной продукции на Тиритаке. Традиционно считается, что появление производственных центров по изготовлению «причерноморских» амфор в южной части Таврики свидетельствует о развитии здесь виноделия в это время, ориентированного на экспорт, в основном, в области Приазовья и Подонья. Эта гипотеза подкреплена наличием многочисленных скальных виноградодавилен IX-X вв. на городищах и поселениях Горного Крыма (Мангуп, Эски-Кермен, Качи-Кальон и другие) [см., например: Герцен, 2003, с. 104]. Между тем, в Восточном Крыму, несмотря на прочные традиции виноградарства в античное время, каких-либо его следов на известных здесь салтовских поселениях пока не обнаружено. Основными занятиями этого населения считаются земледелие,

приусадебное животноводство и домашнее ремесло [Зинько, Пономарев, 2005а, с. 411-414].

Наконец, в-третьих, выявленная структура салтово-маяцкого керамического комплекса Тиритаки заслуживает самого серьезного внимания в связи с отсутствием близких ей аналогий среди материалов других опубликованных сельских поселений Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв., за исключением, как уже говорилось, отдельных участков Тепсеньского городища, раскопанных М.А. Фронджуло. И причина, как нам представляется, отнюдь не в особом положении, которое занимало поселение на Тиритаке среди других однокультурных ему памятников в регионе, а лишь в лучшей статистической обработанности полученного здесь массового археологического материала, что дает ясные представления о характере и направлениях торгово-экономических связей проживавшего в ближайшей округе Боспора салтовского населения. Именно на этот аспект – полной и качественной статистической обработки всех категорий археологических находок, необходимо обратить особое внимание при подготовке публикаций результатов раскопок поселений Керченского полуострова интересующего нас периода времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum. II. М., 2005.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. 2015. № 3 (49).
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. 2016а. № 1 (51).
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.) // БИ. Керчь, 2016б. Вып.

XXXIII.

- Гадло А.В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968а. Вып. 113.
- Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. 1968б. № 14. Вып. 3. Июль.
- Гадло А.В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
- Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. Вып. 17.
- Герцен А.Г.* Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
- Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. Симферополь, 2005а. Вып. XI.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. Симферополь, 2005б. Вып. X.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / БИ. Supplementum 5. Симферополь; Керчь, 2009.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XXVIII.
- Науменко В.Е.* Керамика и находки из слоев и строительных комплексов VIII–X вв. Общая характеристика; Пифосы; Амфоры; Высокогорлые кувшины; Фляги; Столовая керамика // В.

- Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / БИ. Supplementum. 5. Симферополь-Керчь, 2009.
- Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. Симферополь, 2016. № 10.
- Пономарев Л.Ю.* К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. Симферополь-Керчь, 2009. Вып. XXI.
- Пономарев Л.Ю.* К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. Симферополь-Керчь, 2011. Вып. XXV.
- Пономарев Л.Ю.* О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // БИ. Симферополь-Керчь, 2012. Вып. XXVI.
- Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // ХА. Киев; Харьков. 2014. Т. 12.
- Фронджуло М.А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957-1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Hayes J.W.* The Pottery // Excavations at Saraçhane. Princeton-New Jersey, 1992. Vol. II.
- Vroom J.* Byzantine to Modern Pottery in Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005.

НАУМЕНКО С.А.
(Музей-заповедник «Танаис», Ростов-на-Дону)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ТАНАИСА С ПОНТИЙСКИМ РЕГИОНОМ

Амфоры одна из самых многочисленных категорий находок Танаиса. Анализ их количества, многообразия типов сосудов из хронологически сменяющих друг друга закрытых комплексов представляет бесспорный интерес для изучения истории античной торговли. Констатируя исчезновение одних типов амфор, характерных для определенного центра производства и появление других, можно судить о приоритетных направлениях торговых отношений, характерных для различных периодов истории города.

Учет общего числа целых форм амфор и их профильных частей дает нам огромное число – свыше 94 000 единиц (по состоянию на 2002 г.). В результате статистической обработки получается минимальное количество сосудов – свыше 15 000 единиц на раскопанную на сегодняшний день площадь, составляющую примерно одну десятую часть всей территории Танаиса, исключая Нижний город и западный пригород. Перенос приблизительного расчета числа находок из исследованной части площади на весь район города дал бы относительное общее их количество – около 150.000 амфор. Однако, к подобным вычислениям следует относиться осторожно, принимая во внимание разные функции отдельных раскопанных частей города (общественные площади и постройки, улицы, жилые кварталы) с их соответственно изменяющимся набором сосудов. Тем не менее, такая статистика может свидетельствовать о необычайно богатом общем составе находок.

Полностью исследованные археологические комплексы, содержащие амфорный материал, на сегодняшний день насчитывают около 150. Большая часть их открыта на территории цитадели и не менее 80 – на территории некрополя. К III-I вв. до н.э. относятся всего 6

комплексов. Остальные – к первым векам нашей эры.

В III-I вв. до н.э. важными торговыми партнерами Танаиса наряду с Родосом были Синопа, в меньшей степени Гераклея Понтийская, Херсонес и район Колхиды, где производились так называемые колхидские амфоры. Статистика дает нам следующее минимальное количество сосудов на исследованную площадь городища (по состоянию исследований на 2000 г.): Синопа – 89, Херсонес – 10, Гераклея – 7, Колхида – 5. Для сравнения приведем Родос: 433 – минимальное число амфор, клейм более 726 – по состоянию на 2000 г.

Синопа – один из важнейших торговых партнеров Танаиса. Торговые связи с городом и огромным регионом – Северо-Восточным Приазовьем, населенным кочевниками, зафиксированы на протяжении всего времени существования Танаиса, вплоть до поздней античности. Самые ранние для Танаиса синопские клейма относятся к концу 80-х гг. III в. до н.э. Однако основная масса синопских клейм приходится на 60-40 гг. III в. до н.э. В этот период Синопа производила сосуды позднего типа III, которые, по мнению С.Ю. Монахова, появляются со второй четверти III в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 152). Примером таких амфор может служить сосуд емкостью 19,5 л из подвала ИО (раскоп VI) с клеймом группы Vb астинома Антипатра сына Никона – около 248 г. до н.э. (рис. 1, 1.1). Эта амфора обнаружена в комплексе с родосской амфорой с клеймом (Шелов, 1993, с. 28, № 150) и чернолаковым кубком первой половины III вв. до н.э., (Арсеньева, Беттгер, Науменко, 2001, с. 92 сл., рис. 26-31). К концу III – началу II вв. до н.э. в Танаис ввозятся сосуды позднего типа варианта III-C, относящиеся к завершающему этапу синопского клеймения (Монахов, 1999, с. 556-559; Монахов, 2003, с. 154, табл. 104). Представление о форме сосудов дают нам находки из некрополя. На одной из амфор емкостью 17,9 л имеется клеймо с именем фабриканта Невмения (рис. 1. 1.2), К концу II в. до н.э. сосуды отличает меньший диаметр тулова, цилиндрическое горло, коническая ножка, являющаяся продолжением конического тулова, иногда со следами прокручивания. Емкость таких сосудов 13 — 13,6 л (рис. 1, 1.3). Такая форма амфор сохраняется, очевидно, и в I в. до н.э.

Для римского времени основные формы тары выделены С. Ю. Внуковым, доказавшим их синопское происхождение. На рубеже нашей эры происходит смена форм амфор. Синопа, как и Гераклея Понтийская, производила псевдокосские амфоры с двустольными ручками. Визуально фрагментированные сосуды обоих центров трудно различимы. Поэтому они не отражены и в нашей статистике псевдокосских амфор, насчитывающих около 600 сосудов минимально.

В конце I-первой половине II вв. н.э. в Танаисе бытует форма амфор, похожая на сосуды II-I вв. до н.э., но с некоторыми морфологическими отличиями, например, желобок под треугольным в сечении венчиком. Сосуды намного крупнее, их емкость 22 л (рис. 1, 1.4). По мнению С.Ю. Внукова, эти амфоры (тип Син II) производились и после середины III в. н.э. Однако в многочисленных закрытых комплексах Танаиса середины III в. н.э. они отсутствуют. Другая форма сосудов на широком плоском дне со слабо выделенным кольцевым поддоном емкостью 15-16 л. - тип Син IV6 (Внуков, 2006, с.16, рис. 1, 15) или Зеест 78 (Зеест, 1960, с. 116, табл. XXXIII, 78) отмечена в закрытых комплексах Танаиса около середины II и в первой половине III вв. н.э. (рис. 1, 1.6). Учтено их минимальное количество – 70 единиц. Что касается нижней границы этой формы сосудов, то они возникают, по мнению С.Ю. Внукова, предположительно еще в середине II в. до н.э. Этим сосудам, очевидно, предшествует форма амфоры, похожая своим горлом и оформлением венчика на кувшин. У нее широкое дно на невысоком кольцевом поддоне и очень узкое цилиндрическое горло с двумя опоясывающими его валиками (рис. 1, 1.5). Ее емкость 8, 850 л. Именно морфология сосуда, сопоставление его с формой амфоры типа Зеест 78, позволили Внукову С.Ю. увидеть в них варианты одного и того же типа Син IV а и б (Внуков, 2006, с.16, рис. 1, 14-15).

Херсонес представлен единичными находками фрагментов амфор (минимальное количество 10 ед.) и клейм. Известны клейма группы I В астинома Мейриоса 315-300 гг. до н.э., позволяющие, наряду с другими ранними находками, предположить более раннее время основания Танаиса.

Импорт товаров из метрополии Херсонеса – Гераклеи Понтийской в начальный период существования Танаиса незначителен. В комплексах встречены в основном обломки ручек с клеймами и ножки. Настоящий интерес к Танаису Гераклея проявляет лишь к концу эллинистической эпохи. Так называемые псевдокосские амфоры типа C1a, производившиеся в Гераклее с рубежа 60-50 гг. I в. до н.э. по первую четверть I в.н.э. (Внуков, 2006, с. 167, рис. 1. 1), начинают активно пробивать себе дорогу на Нижний Дон. С этого времени и вплоть до середины III в. н.э. Гераклея является одним из самых важных торговых партнеров Танаиса. Несмотря на незначительное количество закрытых комплексов I в. н.э. по вполне понятным причинам, в Танаисе засвидетельствовано огромное число позднегераклейских псевдокосских амфор типа C1. Минимальное учтенное количество – около 600 сосудов. Емкость ранних сосудов 30,7 л (рис. 1 2.1). Поздний вариант типа C1b изменился в пропорциях. Корпус стал более вытянутым и узким, объем уменьшился до 10-14 л (рис. 1, 2. 2-3). Время производства – I в. н.э. В Танаисе обломки этих сосудов в огромных количествах встречены в мусорных слоях I в. Ими вымощены улицы и площади.

С последней четверти I в. до н.э. из Гераклеи в Танаис ввозилось вино в сосудах, выделенных С.Ю. Внуковым в тип CIII (Внуков, 2006, с. 167, рис. 1, 4-5). В Танаисе небольшая статистика минимального количества сосудов (15 единиц). Это связано с тем, что морфологически венчики и ручки амфор этого типа имеют большое сходство с другим типом позднегераклейской тары – типом CIVA. Тем не менее, имеющиеся целые экземпляры дают нам представление о танаисских сосудах, емкость которых колеблется от 7 л (рис. 1, 2.5) до 10 л (рис. 1, 2.4).

Один из самых репрезентативных для Танаиса типов позднегераклейской тары – это узкогорлые светлоглиняные амфоры типов A-D (Шелов, 1978, с. 16-19, рис 1-8) или типа CIV, вариантов A-D (Внуков, 2006, с. 16, рис 1, 7-10), поступавшие в город в огромных количествах в период с I по III вв. н.э. В подвальных складах Танаиса, особенно середины III в. н.э., их находят большими партиями по 200-300 сосудов.

Самыми ранними в этом хронологическом ряду являются амфоры типа А или CIVА, производившиеся в I в. н.э. Среди них выделяются два варианта, отличающиеся размером поддона. Емкость сосудов 6,7-7,6 л (рис. 2, 1, А1-А2). Учтено их минимальное количество – 84 ед. по состоянию на 2002 г.

На смену этой форме сосудов приходит тип CIVВ, производство которого началось, по нашему мнению, во второй половине I в. н.э. или в начале последней трети I в. н.э. и продолжалось вплоть до начала II в. (Науменко, 2012, с. 64). По мнению С.Ю. Внукова их производство продолжалось вплоть до 40-х гг. II в. Меняется не только форма сосудов, но и их объем. Корпус резко удлиняется, а поддон уменьшается. Причем амфоры с относительно широкими поддонами имеют широкие ручки (CIV В1), их объем 6,1 л (рис. 2, 1. В1). У сосудов с узкими поддонами соответственно узкие ручки (CIV В2), горла у этого варианта массивные, высокие и узкие, слегка перекрученные, а оформление венчиков различное (В2а, В2б) (рис. 2, 1, В2а, В2б), их объем колеблется от 5,4 до 6 л. Для типа CIVВ статистика дает нам минимальное количество – 163 сосуда по состоянию на 2002 г.

Амфоры типа CIVС, по мнению С.Ю. Внукова, производились со второй четверти по конец II в. н.э. Однако, исследования в Танаисе показывают, что эта форма амфор появляется значительно раньше, по-видимому, на рубеже I-II вв. В одном из закрытых комплексов Танаиса последней трети I в. н.э. вместе с амфорами типа CIVВ2 отмечено и горло раннего варианта амфоры CIVС (Науменко, 2008, с. 271). Выделяются два варианта этой формы. Сосуды емкостью от 7 до 7,5 л с высокими почти цилиндрическими горлами, массивными венчиками диаметром около 8-10 см (рис. 2, 1, С1) отмечены в комплексах, погибших в пожаре около середины II в. н.э. Сосуды емкостью около 6 л (рис. 2, 1, С2) бытуют в течение второй половины II в., постепенно сменяясь следующим хронологическим типом CIVD, очевидно, на рубеже II-III вв. или в последние десятилетия II в. н.э. Минимальное количество сосудов типа CIVС – 4169 единиц по состоянию на 2002 г.

Тип CIVD появляется в последней четверти II в. и производится в

течение всего III в. Минимальное количество сосудов в Танаисе свыше 6000 ед. Емкость амфор колеблется от 2,8 до 4,9 л (у самых ранних экземпляров) (рис. 2, 1, D1). В середине III в. отмечены и совсем мелкие образцы сосудов, у которых иногда отсутствует на ножке кольцевой поддон, емкость таких сосудов около 2-2,1 л (рис. 2, 1, D2).

Не исключено, что и в позднеантичное время именно Гераклея являлась производителем продукции, транспортировавшейся в Танаис в сосудах типа Е и F.

Судя по количеству находок, торговые связи с Колхидой не были для Танаиса определяющими. Однако, фрагменты амфор из характерной коричневой глины, содержащей огромное количество пироксена, находят в Танаисе практически во всех слоях и закрытых комплексах I – середины II вв. н.э. и середины III в. н.э. Целых форм этих сосудов в коллекции Танаиса очень мало. Опираясь на данные стратиграфии к периоду эллинизма можно отнести несколько массивных ножек с завитками (рис. 2, 4).

На основании фрагментов профильных частей можно выделить два варианта сосудов, различающихся формой венчика и ножки. Вариант первый представлен горлом амфоры из подвала I в. н.э. в западной части городища (рис. 2, 3). У этих сосудов венчики или прямые, или отогнуты наружу, а невысокие, уплощенные ручки имеют характерный излом, ножки конические с округленной подошвой, иногда полые и редко встречается внутри характерный завиток. Представление о полной форме дает нам сосуд из Нижне-Гниловского городища (рис. 2, 2) Ко второму варианту следует отнести сосуды с ребром под венчиком (рис. 2, 5-6). Как правило, эти амфоры имеют невысокое узкое горло с почти незаметным переходом к сильно покатым плечам и длинный корпус, часто с перехватом в средней части. Ножки обычно конические с округлой подошвой, иногда еще встречаются спиралевидные завитки, свойственные более ранним экземплярам, или конические ножки с утолщением у подошвы; ручки почти плоские в сечении, дуговидные, близко посажены к горлу и часто крепятся в очень характерные «гнезда». Глина коричневая с разными оттенками оранжево-коричневого цвета,

содержит пироксен. В закрытых комплексах, погибших в середине III в. н.э., они встречаются довольно часто, но почти всегда фрагментированы, что, видимо, связано не только с их формой, но и с качеством глины (Арсеньева/Науменко, 1994, 71 сл., рис.14, 1-2). По мнению С.Ю. Внукова они близки, с одной стороны, колхидским образцам II-I вв. до н. э., с другой - амфорам с перехватом III - IV вв. н.э. и являются хронологической разновидностью коричневоглиняных амфор, производившихся в одном из центров Колхиды (Внуков, 1992, 87). Их появление он относит ко времени не позже конца II – начала III вв. (Внуков, 2006, 168).

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М., Бёттгер Б., Науменко С. А., 2001.* К истории эллинистического Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры. – № XI – Москва–Магнитогорск. – С. 84-120.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А., 1994.* //Вестник Танаиса. №1. –Ростов-на-Дону. – С. 61-113.
- Внуков С.Ю. 1992.* К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья, // Греческие амфоры, –Саратов. –С. 68-89
- Внуков С.Ю. 2006.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Санкт-Петербург. Алетейя. – 320 с.
- Зеест И.Б., 1960.* Керамическая тара Боспора. //МИА –№83. – 180 с.
- Монахов С.Ю., 1999.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н.э. –Саратов.– 680 с. с илл.
- Монахов С.Ю. 2003.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. –Москва, Саратов.– 352 с. с илл.
- Науменко С.А. 2008.* Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени// Nowensia. №18-19. –Warszawa, –С. 267-289
- Науменко С.А. 2012.* Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I- середины III вв. н.э.//Вестник Танаиса. – Вып. 3. –С. 63-88
- Шелов Д.Б. 1978.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология. //КСИА, № 156. –М. –С. 16-21.
- Шелов, Д.Б. 1993 (1994).* Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса. //Вестник Танаиса. №1. –Ростов-на-Дону. – С. 9-43

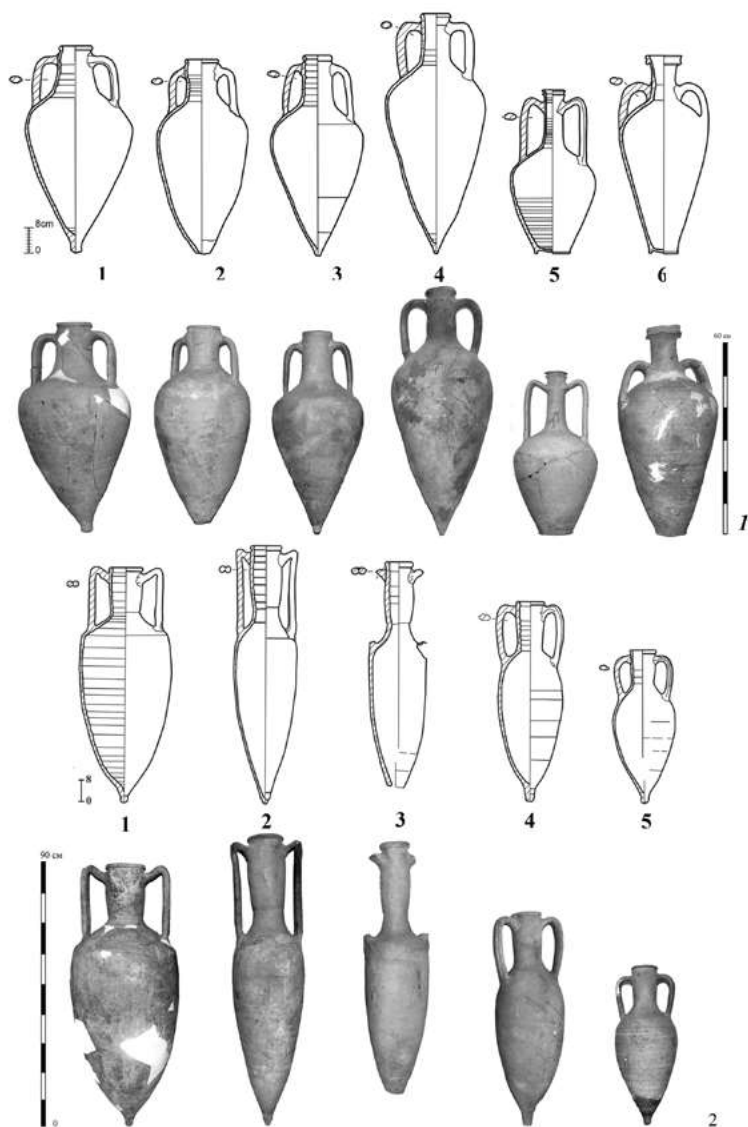

Рис. 1. 1 - синопские амфоры III в. до - III в. н.э., 2 –
позднегераклейские амфоры I в. до - I в. н.э.

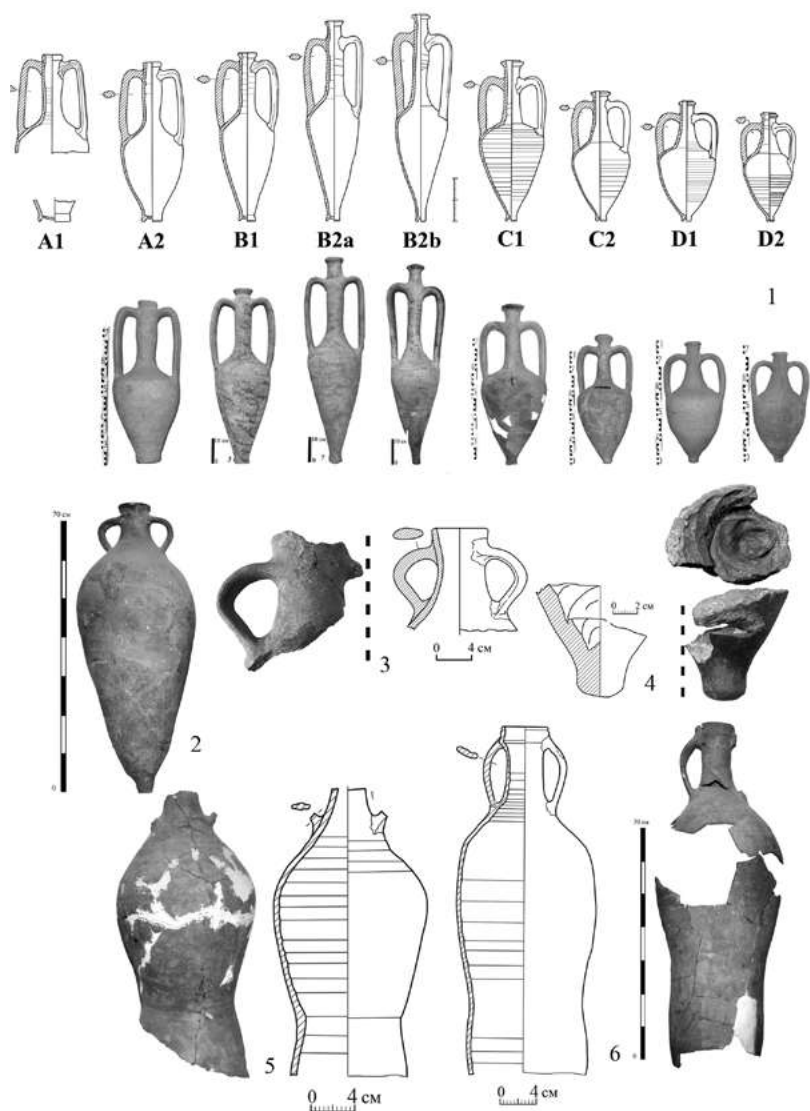

Рис. 2. 1 - типологический ряд узкогорлых светлоглиняных позднегераклейских амфор I-первой половины III вв., 2- 6 - колхидские амфоры

НОВОСЕЛОВА Н.Ю. АХМАДЕЕВА М.М.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург)

**КОМПЛЕКС РЕЛЬЕФНОЙ ПОСУДЫ ИЗ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ
УСАДЬБЫ XX КВАРТАЛА
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО**

В 2014 году экспедиция Государственного Эрмитажа возобновила работы в XX квартале Херсонеса Таврического.

Археологические исследования в XX квартале проводились Г.Д. Беловым в 1949 году и Ю.П. Калашником в 1982-1991 годах, но исследование квартала не было завершено (Белов, 1957, с.245-246; Калашник, 1989, 1990, 1991).

В сезоне 2016 года экспедиция Государственного Эрмитажа продолжила исследования в границах XX квартала Херсонесского городища, в квадратах К-Л-М/3-4 – основной целью исследования было изучение остатков усадьбы, которая прекратила свое существование в эллинистическое время, в середине II в. до н.э.

От усадьбы сохранились подвалы, вырубленные в скале, вытянутые по линии северо-восток юго-запад. Наибольший интерес представляют находки, сделанные в подвале №3. Размеры исследованной части подвала составили 3,2х2,1м, глубина достигает 1,1 - 1,3м. В данный момент исследование подвала №3 не завершено, чаша подвала продолжается на юго-восток, но к настоящему времени она перекрыта стеной №6 средневековой усадьбы. В следующем сезоне планируется завершить исследование подвала №3 и расширить площадь раскопа до границы с 10 Поперечной улицей.

Подвал №3 был засыпан рыхлым желтым суглинком со значительным включением золы. Здесь был обнаружен богатый комплекс, состоящий как из многочисленных фрагментов керамики, часто

относящейся к категории парадной посуды, так и обломков терракотовых статуэток, светильников, керамических грузил и т.д. Отдельно стоит упомянуть комплекс расписной штукатурки (Новоселова, 2016, с. 387-393). Для датировки засыпи подвала важно указать на находку ручки родосской амфоры с магистратским клеймом Andronikoz группы Vb 132-121 гг.до н.э, около 132 года до н.э. по Г.Финкельштейну (Finkielsztein, 1995, с. 279-296) В целом, весь остальной материал также укладывается в рамки II в. до н.э.

В настоящей работе мы остановимся на комплексе рельефной посуды, происходящем из засыпи подвала №3. Всего здесь было обнаружено 132 обломка рельефных чаш, из которых порядка двух десятков - достаточно крупные фрагменты, в том числе и 2 археологически целые формы.

Абсолютно все фрагменты принадлежат продукции Восточного Средиземноморья: в коллекции не встречено ни одного образца аттического, пелопонесского, или же боспорского производства. Более того, весь массив находок рельефной керамики из рассматриваемого контекста можно отнести к продукции производственного центра Эфеса, за исключением одного лишь фрагмента чаши, выпущенной, судя по всему, мастерскими пергамского круга. Одна из двух чаш, сохранившихся практически полностью, скорее всего, представляет собой произведение мастерской Менемаха: это сосуд, украшенный орнаментальным поясом в виде длинных лепестков, над которым помещен бордюр с овами со стрелкой справа, заключенный между линиями близко расположенных точек; на дне расположена типичная двухслойная 12-лепестковая розетка, вписанная в двойной круг. Другая археологически целая чаша принадлежит продукции мастерской Монограммиста [ΠΑΡ-]: тулово орнаментировано поясом с дельфинами, расположенными между 12-лучевыми звездами, над которым помещен бордюр в виде плетенки влево, ограниченный сверху и снизу линиями; в придонной части находится корзинка из листьев аканфа, чередующихся с остроконечными и ланцетовидными листьями по схеме 4+2+2, в центре

которой – типичная двухслойная 12-лепестковая розетка в двойном круге (рис. 1). К этой же мастерской можно отнести и еще одну чашу прекрасного качества, оттиснутую в высоком рельефе: под бордюром в виде типичных для этой мастерской подпрямоугольных 8-лепестковых розеток, ограниченным рельефными линиями сверху и снизу, помещена виноградная лоза с закрученными боковыми побегами и группами из трех точек; придонная часть украшена чешуйчатым орнаментом, образованным крупными остроконечными листьями с центральной прожилкой (рис. 2). Характерным для мастерской Монограммиста [ПАР-] является производство небольших рельефных одноручных чашечек, - два подобных образца встречены и среди находок из засыпи подвала №3 (рис. 3).

Рассматриваемая коллекция составляет довольно однородный комплекс близких по деталям, технике исполнения, происхождению, и, судя по всему, хронологически, произведений. Еще Альфред Ломонье, максимально полно опубликовавший и проанализировавший весь огромный массив находок рельефных чаш, происходящих из раскопок Делоса, подчеркивал, что выделенная им мастерская Менемаха и очень близкая ей хронологически и стилистически мастерская Монограммиста [ПАР-] представляют лучшую часть эфесской производственной традиции (Laumonier, 1977, с. 21-68, 129-213). Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что наши находки являются если не одной партией, то, по крайней мере, хронологически очень близкими поставками. Что касается хронологии, то все фрагменты укладываются в диапазон середины – второй половины II в до н.э. (Rogl, 2014, с. 132-133), что хорошо согласуется с датировкой уже упомянутого выше клейма на ручке родосской амфоры Andronikoz с датой 132 – 121 гг до н.э.

Как известно, Восточное Средиземноморье в эллинистический период являлось крупнейшим культурным, экономическим и производственным центром и важнейшим торговым контрагентом античных центров Причерноморья. Рельефные чаши, произведенные в керамических мастерских Эфеса во II – I вв до н.э. ярко отражают этот

тезис: эти сосуды были очень широко распространены во всех уголках эллинистического мира, несмотря на значительный уровень развития местного керамического производства. В случае с комплексом находок из засыпи подвала №3, мы можем констатировать не только преобладание, но и полное доминирование ионийской продукции в наборе дорогой парадной посуды во II в до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Г.Д.* Итоги раскопок Херсонеса за 1946-1950 гг.//История и археология древнего Крыма. Киев, 1957 г. с.245-246.,
- Калашник Ю.П.* Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Ленинград, 1989;
- Калашник Ю.П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1989 году, Архив ОАМ Государственного Эрмитажа
- Калашник Ю.П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1990 году, Архив ОАМ Государственного Эрмитажа
- Калашник Ю.П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 году - Архив ОАМ Государственного Эрмитажа
- Новоселова Н.Ю.* Комплекс расписной штукатурки из раскопок XX квартала Херсонесского городища (предварительные замечания) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола, Спб.:Палаццо,2016.
- Finkielsztejn G.* Chronologie basse des timbres amphoriques rhodiens at evaluation des exportations d'amphores. Acta Hyperborea 6. 1995, 279-296
- Laumonier A.* La ceramique hellenistique a reliefs. Ateliers "loniens". EAD XXXI. Paris. 1977
- Rogl Ch.* Moldmade relief bowls from Ephesos – The current state of research. Pottery, peoples and Places. Study and Interpretations of Late Hellenistic Pottery. BSS 16. 2014, 113-1

Находки из засыпи подвала №3 XX квартала Херсонеса (Херсонесская экспедиция Государственного Эрмитажа, 2016): рельефные чаши, Эфес, мастерская Монограммиста [ПАР-], середина – вторая половина II в до н.э.

ПАВЛИЧЕНКО Н. А, ХРШАНОВСКИЙ В. А.
(СПБНИИ, С-Петербург)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ ТРИЗН НА ЮГО-ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ КИТЕЯ

В начале 90-х годов XX века некрополь Китея, как и большинство известных к тому времени некрополей Восточного Крыма, подвергался массовым грабежам. В 1992 году в прибрежной зоне, на юго-западном участке некрополя Китея, в 60-180 м к юго-западу от западной крепостной стены были доследованы несколько грабительских шурфов. В ближайших к городищу (самых восточных) оказались позднеантичные грунтовые погребения (№№ 122 и 123), датирующиеся IV в. н. э. В наиболее удаленных (западных) шурфах в 1993 году были обнаружены остатки монументального склепа, сложенного из блоков и плит известняка (№ 141), построенного, предположительно, во второй половине IV – начала III вв. до н. э.

С тех пор на протяжении более двадцати лет (до настоящего времени) на этом участке, находящемся в зоне интенсивной береговой абразии, непрерывно ведутся охранно-спасательные работы. В результате здесь были заложены семь раскопов (XXIII, XXV, XXXIII, XXXIII-A, XL, XLVI, XLVII) (Рис. 1). В трех из них были обнаружены и исследованы большие эллинистические склепы, сложенные из блоков и плит известняка №№ 141, 206, 300 с жертвенными ямами №№ 271, 330, 331 (Хршановский, 2013. С. 182-200). Помимо этого, в непосредственной близости от склепа № 206 было открыто эллинистическое (?) грунтовое погребение (№ 342) (Хршановский, 2004. С. 387. Рис.4.). В верхних слоях над эллинистическими склепами, жертвенными ямами и рядом с ними, были открыты позднеантичные погребально-поминальные комплексы IV в. н. э.: грунтовой (засыпной) склеп (№ 344) (Хршановский, 2010. С. 455), более 40 грунтовых и плитовых могил (Хршановский, 2016. С. 108-141) и

многочисленные следы разнообразных по форме и богатым по материалу синхронных тризн. Тризны совершались в перекрывавших могилы насыпях, на организованных ритуальных площадках, в жертвенных ямах, внутри специальных ритуальных сооружений.

Наряду с многочисленными костями животных: лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, лисицы, зайца, диких и домашних птиц, в тризнах встречались кости дельфина и рыб, клешни крабов и раковины морских моллюсков (устриц и морских гребешков). Вещевые находки были представлены фрагментами терракотовых статуэток, немногочисленными обломками стеклянных сосудов, бусинами, медными монетами (от пантикапейских конца IV - начала III вв. до н. э. – до последних боспорских монет конца III - первой четверти IV вв. н. э.), фрагментами бронзовых и железных предметов, кусками штукатурки (в том числе со следами краски и росписи), кремневыми отщепами и каменными орудиями труда. Но подавляющее большинство материала в тризнах составляли фрагменты керамики: амфорной тары, разнообразной кружальной посуды (в том числе от расписной краснофигурной и чернолаковой до краснолаковой, красноглиняной с орнаментом, нанесенным белой краской, сероглиняной с лощением и резным орнаментом) и многочисленные обломки лепных сосудов.

Амфорная тара в тризнах, открытых на юго-западном участке в поминальных комплексах, в целом имеет ту же хронологическую вилку, что и другие датированные материалы (IV в. до н. э. – IV в. н. э., с преобладанием «полярных» раннеэллинистических и позднеантичных), принадлежит разным центрам и регионам (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа, Родос, Книд, Кос, Боспор и др.).

Среди прочих находок в позднеантичных погребениях и тризнах оказалось более полусотни амфорных и черепичных клейм Фасоса, Гераклеи Понтийской, Синопы, Родоса и других центров, датирующихся от конца 390-х гг. до рубежа 1-й и 2-й четв. I в. до н.э.¹

Большая часть найденного раннеэллинистического материала,

¹ В настоящее время их публикация готовится авторами данных тезисов.

по всей вероятности, происходит из открытых на этом же участке монументальных эллинистических склепов, вторично использованных через 700 лет уже в качестве ритуальных площадок для совершения тризн. Однако нельзя исключить, что еще какая-то часть использованного в тризнах материала (прежде всего позднеэллинистического и римского времени) была подобрана и принесена преднамеренно для совершения обряда. Во всяком случае, пока на этом участке некрополя не обнаружено ни одного комплекса (или чистого, не смешанного и не переотложенного слоя) откуда он мог бы происходить. В пользу этого предположения говорит и наличие среди амфорных остатков окатышей, возможно подобранных на морском берегу и принесенных на некрополь, и достаточно большое количество как будто специально сделанных амфорных сколов с клеймами. Последнее обстоятельство может отчасти объяснить худшую (по сравнению с обычной) сохранность клейм: большую потертость и сильную фрагментированность.

Самое раннее клеймо датируется концом 90-х гг. IV в. до н.э. – это фасосское клеймо магистрата Telea(s) (Garlan, 1999. P. 108 № 74). Фасосские клейма представлены еще несколькими экземплярами, это штампы магистратов Mes(---) (Рис. 2. 1) и Amyntor.

Гераклейские клейма составляют не менее 80 процентов от общего количества найденных. Примечательно, что ранние фабрикантские штампы полностью отсутствуют. Самые ранние «магистратские» штампы, принадлежащие Molossos, Aither, Ariston, относятся к 80-м гг. IV в. до н.э. (Гр. II А, Кац, 2007. С.429). Преобладающими же являются штампы 60–50-х гг. таких «магистратов», как, например, Hagnodamos, Lykon, Skythas, Andronikos (Рис. 2. 3), Lysitheos, Kallias (Рис. 2. 2) и Amphitas (Гр. III, IV – Кац, 2007. С. 429, 430). По-видимому, этим же временем датируется и не встречавшийся ранее штамп не вошедшего в списки В.И. Каца «магистрата» Euthyrres (Рис. 2. 4) (Федосеев, 2016. С. 66 № 357).

Кроме «магистратских» штампов на юго-западном участке китейского некрополя был найден штамп с именем Etymos с лунарной сигмой, датировка которого в последнее время вызывает оживленную дискуссию. Этот штамп относят и к середине – 3-й четверти IV в. до

н.э. (Полин, 2010. С. 285; Монахов, 2016. С. 367), и к последнему десятилетию IV в. (Федосеев, 2016. С. 34), и к концу IV – началу III в. (Кац, 2007. С. 294). Первоначально именно наличие лунарной сигмы побудило И.Б. Брашинского, руководствовавшегося общей логикой развития древнегреческих шрифтов, отнести клейма Etymos к концу IV в. до н.э. (Брашинский, 1965. С. 26). В дальнейшем, когда датировка комплексов с этими клеймами (например, Александропольского кургана) была понижена до 340-х гг., были предприняты попытки найти примеры употребления лунарной сигмы уже в это время. С.В. Полин, например, ошибочно принял за лунарную сигму (Мозолевский, Полин, 2005. С. 322) сигму со сближенными наклонными гасами в гераклейском штампе *Gyalos epi Bakkho* гроздь (Кац, 2007. С. 295; Федосеев, 2016. С. 58 № 270, 271). С.Ю. Монахов в качестве доказательства привлекает «рандомно» выбранные надписи на свинцовой пластинке, остраконе, белофонных лекифах и глиняной табличке, происходящие соответственно из Пантикапея, Ольвии, Аттики и Персеполя (Монахов, 2016. С. 367). Однако, все эти надписи не могут использоваться в качестве примеров раннего употребления лунарной сигмы, так как, во-первых, шрифт надписей, вырезаемых на штемпелях для клеймения амфор и черепицы, ближе по технике исполнения к шрифту лапидарных надписей, а не к шрифту надписей, которые процарапывались заостренным предметом или прописывались на сосуде. Во-вторых, аналогии должны происходить из того же полиса или близкого региона. Кроме клейм с именем Etymos лунарная сигма имеется в гераклейском штампе *Son/ikou*, который пока что не может быть точно датирован (ср. Федосеев, 2016. С. 111 № 908, С. 253 № 2496). В пределах Южного Понта аналогии для шрифта можно искать также в надписях Синопы. В договоре о симмахии между Гераклеей и Синопой (French, 2004. 1; 353/2 – 346/5гг. до н.э.) мы видим сигму с ломаными гасами. Нет лунарной сигмы и в синопских клеймах 340 – 330-х гг. до н.э.

Из синопских клейм штамп астинома *Histiaios I* с эмблемой «орел на дельфине» является самым ранним. Кроме того, имеются штампы астиномов *Naupon I*, *Epielpos I*, *Mnesikles I*, *Hikesios Simiou* (Рис. 2. 5),

Apollodoros II (Рис. 2. 6) и Pythokles (Рис. 2. 7).

Среди родосских клейм следует отметить штампы эпонимов III хронологической группы Thestor (Рис. 2. 10), Kratidas и Agestratos II (Finkielsztein 2001. Р. 192, Gr. III, 198–161 гг. до н.э.) и Anaxiboulos (Finkielsztein 2001. Р. 195, Gr. Va, 145–133 гг. до н.э.) и фабрикантов Linos (Рис. 2. 8) и Timoxenos (Рис. 2. 9).

Одно из керамических клейм, найденных на юго-западном участке китейского некрополя, относится к числу редко встречаемых в Причерноморье. Это клеймо Visell[i] (Рис. 2. 11) на ручке амфоры типа Brindisi (Павличенко, 2013. С. 108–110). Амфоры с таким клеймом производились в Апулии и относятся к продукции самого раннего этапа существования амфорной мастерской в Джиянкола, то есть к рубежу 1-й и 2-й четв. I в. до н.э. (Cocchiari et al., 2005. Р. 6) Амфоры из этой мастерской предназначались для транспортировки оливкового масла, ареал их распространения включает не только Италию, но и Иберию, Галлию, Египет, Палестину, восточное Средиземноморье, Малую Азию (Rovira Guardiola, 2004, Р. 257–259). Несколько экземпляров было обнаружено и в Северном Причерноморье – в Ольвии (IOSPE III (Римские клейма) № 77) и в Пантикапее (Придик, 1917, 60, № 4, 6; IOSPE III (Римские клейма) № 8, 78, 79). Д. Манакорда полагает, что Viselli – это родительный падеж имени владельца мастерской Гая Визелия Варрона, находившегося в родстве с Цицероном (Manacorda, 1990. Р. 383–384). Естественно, что находка единичного клейма не дает возможности говорить об экспорте оливкового масла из Италии в восточный Крым, во всяком случае, может являться своего рода маркером торговых связей между этими регионами.

Помимо подтверждения (и расширения) круга контактов Китея с другими античными центрами, узкая датировка клейм может повлечь за собой и пересмотр (удревление до первой половины IV в. до н. э.) хронологии трех монументальных склепов (№№ 141, 206 и 300) юго-западного участка некрополя.

Керамические клейма, которым посвящена публикация, имеют свою специфику. Амфоры на которых они когда-то находились, могли

использоваться трижды. Первоначально, по своему прямому назначению - как тара. Затем, в ту же эпоху, как погребальный инвентарь в склепах или (возможно уже в виде фрагментов) в сопутствующих поминальных обрядах. И, наконец, в последний раз - уже в составе тризн, связанных с погребальными комплексами IV в. н. э., открытыми в последние десятилетия на юго-западном участке некрополя Китея

ЛИТЕРАТУРА

- Брашинский И.Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. Т. 5. 1965.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь-Керчь, 2007а.
- Кац В.И.* Многострадальный гераклеийский фабрикант Этим (к вопросу о датировке поздних курганов скифской знати) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб., 2007б. С. 291–296.
- Мозолевский, Полин, 2005* – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Киев, 2005.
- Монахов С.Ю.* Еще раз о гераклеийских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Эtima // Stratum plus. 2016. № 1. С. 357–369.
- Павличенко Н.А.* Находка римского клейма в Китее / Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2013.
- Полин С. В.* Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.) // АМА. Вып. 14. Саратов, 2010.
- Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепице Эрмитажного собрания. Пг., 1917.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма. Гераклея Понтийская / Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм. Керчь, 2016.

- Хршановский В. А.* Новые погребальные комплексы V-IV вв. до н. э. на некрополе Китея // Боспорские чтения V. Этнические процессы. Керчь, 2004.
- Хршановский В. А.* Раскопки некрополей Китея и Илурата в 2009 году// Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ-Луцьк, 2010.
- Хршановский В. А.* Элитные склепы IV-III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея. Нижний Новгород, 2013
- Хршановский В. А.* Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992-2013 гг.). 2 Нижний Новгород, 2016
- Cocchiari A., Palazzo P., Annese C., Disantarosa G., Leone D.* La ricerca archeologica nell'ager Brundisinus: lo scavo della villa di Giancola // Volpe G., Turchiano M. Paesaggi e insediamenti rurali in Italia meridionale fra Tardoantico e Altomedioevo. Seminari sul Tardoantico e l'Altomedioevo in Italia meridionale I (Foggia 12 – 14 febbraio 2004), Bari, 2005.
- Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.–C. environ. Premier bilan. 2001
- French D.H.* The inscriptions of Sinope / Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 64. Bonn, 2004.
- Garlan Yv.* Les timbres amphoriques de Thasos. I Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Athenes, Paris, 1999.
- Manacorda D.* Le fornaci di Visellio. Primi risultati dello scavo / Vetera Christianorum. Vol. 27. Bari, 1990.
- Rovira Guardiola R.* Las relaciones comerciales entre Hispania y las provincias orientales durante el Alto Imperio romano. 5. La evidencia argüelológica. Egipto y las ánforas brindisinas. Barcelona, 2004.

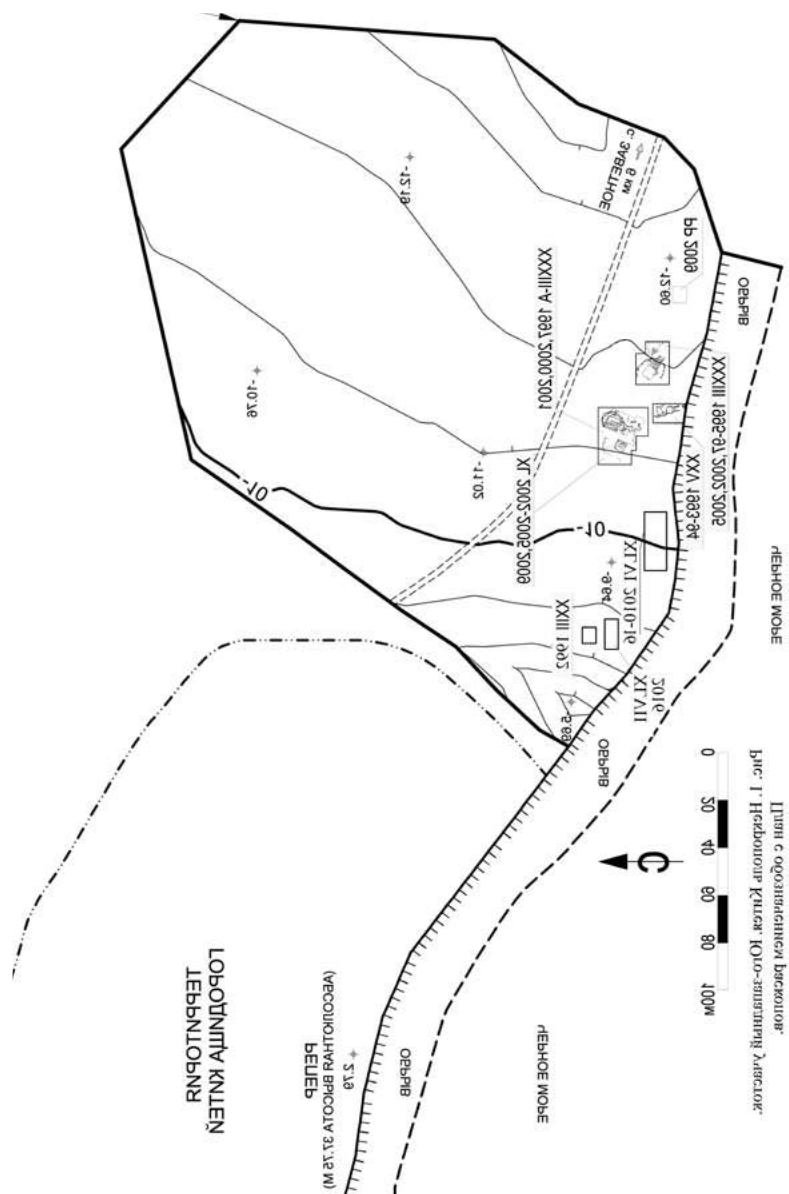

Рис. 1. Некрополь Китая. Юго-западный участок. План с обозначением раскопов.

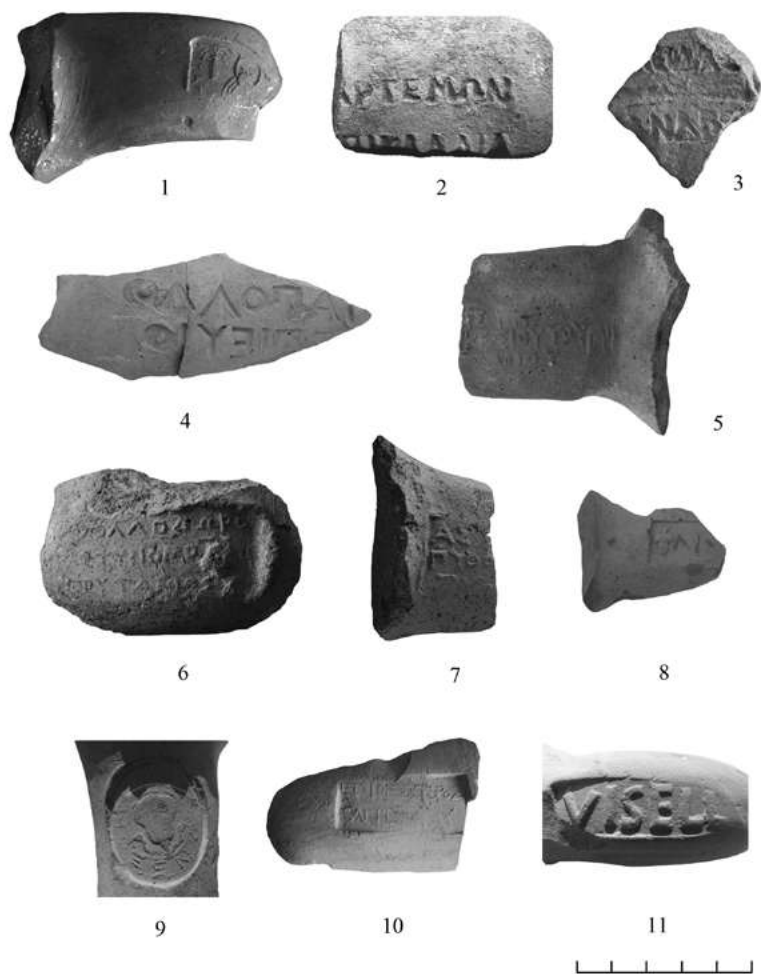

Рис. 2. Керамические клейма: 1– Фасос; 2-4– Гераклея; 5-7 – Синопа;
8-10 – Родос; 11 – Рим.

ПАНИН А.В., ХОХЛОВА О.С., БУНИН Д.С., ИЛЬЯШЕНКО С.М.
(Музей-заповедник «Танаис», Ростов-на-Дону)

**ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФОН
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТАНАИСА.
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ РАБОТ 2015-2016 ГГ)¹**

Как известно, Танаис был основан в конце первой четверти III в. до н.э. «греками, владевшими Боспором» [Strabo XI 2,3], на правом берегу Дона вблизи его впадения в Азовское море как «самый большой после Пантикапея эмпорий» [Strabo, VII, 4, 5] для осуществления торгово-экономических связей с кочевым варварским населением степей Подонья-Приазовья. Также из сообщения Страбона следует, что «Все азиатские меоты были подвластны частью владельцам торгового центра на Танаисе, частью же — боспоранам» [Strabo XI 2,10]. За время своего почти 800-летнюю историю город прошел как периоды процветания и экономического благополучия, так и периоды упадка.

Аспектами, имеющими актуальное звучание на настоящий момент, являются выявление конфигурации торговых путей в Подонье-Приазовье, локализация портовой зоны Танаиса в связи с изучением особенностей геоморфологии дельты Дона и климатических колебаний в регионе. В рамках проекта «Палеоэкосистемы и палеогеография античного Танаиса» нами был проведен ряд работ в окрестностях Танаиса и в дельте Дона. На настоящий момент, полученные в ходе исследований образцы обработаны не в полном объеме, поэтому изложенные ниже тезисы носят, в определенной мере, предварительный характер.

Танаис был основан в период становления раннесарматской

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-29-01151 офи_м

археологической культуры. Первые два века существования эллинистического города, т.е. III и II вв. до н.э., по-видимому, можно охарактеризовать как сравнительно комфортные и благоприятные для жизни по климатическим условиям. На основе изучения раннесарматских погребенных почв (IV-II вв. до н.э.) и проведенных реконструкций увлажненность, так же как и температурный режим этого отрезка времени признаны в степной зоне близкими к современным условиям (Александровский, 2005; Песочина, Зайцев, 1996; Хохлова, Хохлов, 2001). Вместе с тем, по некоторым палеопочвенным данным отмечалось относительное похолодание (Александровский, 2005); по обобщенным палинологическим спектрам в Северной Евразии хроносрез 2300 л.н. фиксировался в ряду других экстремумов потеплений (Климанов, 1996). Для Ростовской области изучены почвы хроносреза около 2400 л.н., которые по комплексу свойств были близки либо были чуть более «гумидными» по сравнению с современными почвами, (Песочина, 2013). Аридизация климата в степной зоне Среднерусской равнины, Предкавказья и Приазовья среднесарматского времени на рубеже эр практически не вызывает сомнений у исследователей, но расхождения имеют место по вопросам начала и длительности этой аридизации. Наиболее достоверными, по нашему мнению, можно считать сведения, которые получены по палеопочвам, погребенными под раннесарматскими курганами с досыпками. Досыпки курганов в пределах одной культуры совершались довольно быстро одна за другой, временной разрыв между ними мог составить не более 50 лет. Изучая палеопочвы, погребенные под основной насыпью и досыпкой (досыпками) кургана, сооруженного в завершающий период раннесарматской культуры, удалось проследить с точностью в пределах 25-50 лет изменение направленности климатических колебаний (от гумидных к аридным). По мнению исследователей, во второй половине II в. до н.э. в почвах появляются признаки начинающейся аридизации климата (Песочина, Зайцев, 1996; Моргунова и др., 2003), которая продолжалась до рубежа эр и немного за его пределами. Для кочевых культур, к которым относятся сарматы, это означало, в первую очередь, снижение количества и доступности

пищевых ресурсов, как для домашнего скота, так и для людей. Как известно, в период с 14 по 8 гг. до н.э. произошел опустошительный разгром Танаиса «за неподчинение», учиненный боспорским царем Полемоном [Strabo XI 2,3]. Археологические раскопки подтверждают факты значительных пожаров и разрушений в жилых кварталах, а также почти полное уничтожение фортификационной системы города (Шелов, 1970, С. 226-253). Примечательно, что в климатическом отношении это время совпадало с пиком аридизации в степной зоне, вследствие которой торговля, товарооборот и экономическое состояние города также могли значительно ухудшиться (Хохлова, Трифонова, Ильяшенко, Бунин, 2016). Возможно, что это обстоятельство следует включить в список причин, связанных с полемоновским нашествием.

Данные античной традиции о палеогеографической ситуации в районе Танаиса фрагментарны, но свидетельствуют о том, что еще до момента основания города к IV в. до н.э. отмечалась тенденция к обмелению и заиливанию Азовского моря, которое привело к невозможности использовать торговые суда с большой осадкой, о чем упоминал Аристотель [Arist. Meteor. I, 60]. Характерно, что во II в. до н.э., обмеление Меотиды будет упоминаться Полибием как уже свершившийся факт [Pol. IV, 40]. Страбон, живший во второй пол I в. до н.э. – первой трети I в.н.э. непосредственно засвидетельствует положение Танаиса «на реке и на озере» [Strabo XI, 2, 3]. Таким образом, письменные источники свидетельствуют об определенной и устойчивой динамике в трансформации условий мореплавания и морской торговли в регионе.

Историография этого вопроса, характеризуется существенной полярностью взглядов. При реконструкции палеогеографической обстановки в устьевой области Дона в античное время большинство исследователей древнего Танаиса опирается на концепцию т.н. фанагорийской регрессии, предполагающей понижение уровня Азово-Черноморского бассейна на 5-6 м в период вокруг 2500 л.н. (Федоров, 1963; Balabanov, 2007 и др.) Это дает основание, в частности, для проведения морского края дельты Дона в районе изобаты -5 м, т.е. на

10-15 км западнее ее современного положения (Копылов, Рылов, 2006). Существуют и оценки, предполагающие более глубокое падение уровня моря на пике фанагорийской регрессии 2500-2700 л.н. – на 10-15 м (Чепалыга, 2002; Cherpalyga, 2007). Полное или почти полное осушение Азовского моря в середине I тысячелетия до н.э. предполагалось рядом геологов и археологов еще в советское время (Панов, 1965; Шилик, 1977).

По другим представлениям, снижение уровня Азовского моря привело к его изоляции от Черного моря и превращению в мелководный опресненный бассейн (Артюхин, 2011). С другой стороны, ряд исследователей считает, что значительного снижения уровня Черного и Азовского морей в античное время не происходило, т.е. фанагорийской регрессии не существовало (Brückner et al., 2010; Дикарев, 2011; Fouache et al., 2012). Эти взгляды базируются, прежде всего, на отсутствии свидетельств регрессии этого времени в других районах Мирового океана, в том числе в Средиземном море. Затопленное состояние ряда античных памятников на черноморском побережье трактуется как результат локальных опусканий в последние 2 тысячи лет на разных участках побережья, имеющих тектоническую природу или происходящих в результате уплотнения осадков. Кроме того, малакологический анализ ряда колонок морских отложений в восточной и центральной частях Азовского моря показывает, что в позднем голоцене соленость в Азовском море не опускалась ниже 15-17 промилле, что также указывает на отсутствие снижения уровня моря (Набоженко, 2013).

Таким образом, история Азовского моря в античное время остается дискуссионной, что допускает разные сценарии реконструкции природного окружения Танаиса. Если в античное время Азовского моря не существовало или оно сильно сокращалось в размерах, Танаис был заведомо речным портом. В случае, если заметного снижения уровня моря не было, возникает возможность его приморского положения. Заметим также, что предшествующие исследования принимали во внимание лишь возможные изменения уровня моря и не учитывали динамики осадконакопления и рельефообразования античного времени в дельте Дона, топография которой могла существенно

отличаться от современной. Это, несомненно, стоит в непосредственной связи с проблемой определения путей и особенностей ввоза и вывоза товаров в Танаис и локализацией портовой зоны.

В итоге, ввиду невозможности опираться на результаты предшествующих исследований, для решения вопроса о природном окружении Танаиса нами было принято решение о сборе и анализе новой геологической информации.

Сбор геологической информации был начат с ранее подробно не изученных проб (см. Рис. 1), полученных в ходе работ В.В. Козловской и С.М. Ильяшенко (Kozlovskaya, Ilyashenko, 2013). Был выполнен литолого-малакофаунистический анализ буровых кернов, хранящихся в фондах музея-заповедника (литологическое описание выполнено к.г.н. С.А. Сычевой). По этим данным и данным топографической съемки построен геолого-геоморфологический профиль прибрежной полосы от уреза воды М.Донца до скального склона в потенциальной портовой зоне античного времени. Скважины глубиной 6-8 м вскрывают чередование песчаных и глинистых осадков, часто с включениями крупнообломочного материала галечно-щебнистой размерности. Пески в верхней части разреза мелкозернистые, в нижней – крупнозернистые. Как общая глинистость разреза, так и содержание крупнообломочных включений растут в сторону коренного склона. Неокатанные обломки (щебень) имеют, очевидно, склоновое происхождение – были снесены со скального склона гравитационными или эрозионными процессами. Они чаще встречаются в верхней, более глинистой части разреза. В нижней части разреза, слои крупнозернистого песка с обильным часто содержат окатанные обломки – гальку, наряду с обильным боем ракуши. Поскольку уклоны и скорости течения Дона на данном устьевом участке невелики, и оставались таковыми и в античное время, можно предположить, что транспортировка и окатывание гальки происходили в результате волновой деятельности. В двух скважинах обнаружены признаки наличия культурного слоя – обломки керамики, угли (скв. 5 – 400-450 см, скв. 6 – 440-460 см).

Для выяснения обстановки осадконакопления выполнен

анализ фауны моллюсков в скважинах 5, 6 (видовые определения и палеоэкологическая интерпретация выполнена д.г.н. А.Л. Чепалыгой). Индикаторами пресноводных обстановок служат раковины речных моллюсков: *Viviparus viviparus*, *Lithoglyphus naticoides*, *Theodoxus fluviatilis*, *Unio* sp., солоноватоводных – *Dreissena polymorpha*, *Micromelania*, *Macra* sp., из которых последняя указывает на наиболее осолоненную среду. В разрезах двух изученных скважин можно выделить два типа слоев – содержащие только пресноводные различия и содержащие ассоциации пресно- и солоноватоводных моллюсков (см. Рис. 2). Отсутствие солоноватоводной малакофауны уверенно указывает на дельтовую обстановку осадконакопления. Смешение двух типов малакофауны могло возникнуть как в результате выноса раковин пресноводных моллюсков из дельтовых рукавов в кутовую часть Таганрогского залива, так и в результате поступления солоноватых морских вод в низовья дельтовых рукавов при ветровых нагонах, типичных для донской дельты при сильных западных ветрах («низовке»). В качестве рабочей гипотезы пока принята первая интерпретация.

Таким образом, отложения низкой аллювиально-морской террасы под Недвиговским городищем указывают на обстановку зоны смешения речных и морских вод на мористом крае дельты, которая, возможно, чередовалась с прибрежно-морской обстановкой. Такое чередование могло вызываться изменениями уровня Азовского моря в античное время. Низы скважин 5 и 6 (ниже культурного слоя) могут относиться к пику фанагорийской регрессии (2300-2700 л.н.), средние части с признаками как пресно- так и солоноватоводных условий – к начальной фазе нимфейской трансгрессии (2000-2300 л.н.), в ходе которой уровень моря стал близким к современному. Верхние 1-1,5 м разреза накапливались уже в условиях дельтовой поймы в пост-античное время.

Как видим, результаты палеоклиматических и геоморфологических исследований на данном этапе не вступают в противоречие античной письменной традиции. В связи с этим, необходимо также упомянуть результаты, собственно, археологических раскопок в районе южной оборонительной стены цитадели Танаиса, позволивших открыть

комплекс построек, относящихся ко времени кон. I - нач. II вв. н.э. (ворота, дорога) и связанные с ними строительные надписи (Ильяшенко, 2013). Особый интерес представляет надпись (КБН 1244), сообщающая о восстановлении, по всей видимости, именно ворот, относящихся к данному комплексу «повернутыми». Исходя из конструктивных особенностей и ширины ворот, можно утверждать, что они были предназначены, в том числе, для проезда грузовых телег. Направление въезда и предполагаемая линия дороги, ведущей в Юго-Юго-Западном направлении, позволяют предполагать, что это был наиболее оптимальный путь доставки товаров из портовой зоны, по крайней мере, для географической ситуации I в.н.э. При этом, судя по всему, до перестройки ворота были развернуты именно на Юг, что могло соответствовать иной схеме ввоза-вывоза товаров, обусловленной отличавшейся конфигурацией береговой линии, глубинами и менее интенсивной застройкой приречной части города (подробнее: Ильяшенко, 2013).

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А.Л.* История почв и климата на Юге России в голоцене // II Городцовские чтения. Мат-лы науч. конф., посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в Гос. историч. музее, апрель 2003 г. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005. С. 79-87.
- Артюхин В.Ю.* Роль природных катаклизмов в нарушении торгово-экономических связей Боспорского царства // Боспорский феномен, население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции (22–25 ноября 2011, Санкт-Петербург). СПб. 2011. С. 72–76.
- Варущенко С.И., Варущенко А.И., Клиге Р.К.* Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 238 с.
- Дикарёв В.А.* Проблема фанаторийской регрессии Черного моря //

- Вестник Московского университета. Серия 5: География. №1. 2011. С. 35–40.
- Ильяшенко С.М.* Верхний и нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. 2007. Вып. 2. С. 23-39.
- Ильяшенко С.М.* Южные ворота Танаиса // Археологические записки. 2013. Вып. 8. С. 159-177.
- Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным). Автореферат дис... докт. географ. наук. М., 1996. 46 с.
- Копылов В.П., Рылов В.Г.* Историко-географические предпосылки начала освоения греками устьевой области реки Танаис // Сборник научных трудов Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения проф. П.О. Карышковского. Одесса, 2006.
- Костин С.И.* Колебания климата на Русской равнине в историческую эпоху // Тр. ГГО им. Воейкова. Л.: Гидрометеиздат, 1965. Вып. 181. С. 56-74.
- Кременецкий К.В.* Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ. Тр. ГИН, М., 1997. С. 30-45.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. 391 с.
- Набоженко М.В.* Реконструкция и динамика таксоценоза двустворчатых моллюсков (Mollusca: Bivalvia) Азовского моря в позднем голоцене в связи с изменением солёности // Труды зоологического института РАН. Приложение № 3. 2013. С. 182–191.
- Панов Д.Г.* 1965. История развития Азовского моря в голоцене // Океанология. 1965. 5. С. 673–682.
- Песочина Л. С., Гольева А. А., Зайцев С. В.* Изменчивость почв и природных условий северо-восточного Приазовья в среднесарматское время // Почвоведение. 2000. №6. С. 683-691.
- Песочина Л.С.* Позднеголоценовая динамика биогеохимического цикла

- углерода в степных ландшафтах юга Русской равнины // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2013. Т.18. Вып.3. С. 683-691.
- Песочина Л.С., Зайцев С.В.* Палеопочвы курганного могильника «Покровка 7» как индикаторы природных условий раннесарматского времени // Курганы левобережного Илека. М., 1996. Вып.4. С. 53-60.
- Федоров П. В.* Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. М. 1963.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Проблемы палеоклиматических реконструкций при изучении палеопочв, погребенных под курганами ранних кочевников на юге Оренбургской области // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы международной научной конференции. Оренбург, 2001. С.144-145.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А., Кузнецова А.М., Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г.* Изменение свойств почв при разнонаправленных климатических колебаниях позднего голоцена в полупустынной зоне (на примере курганного могильника Паласа-Сырт) // Почвоведение. 2015. №1. С. 31-48.
- Хохлова О.С., Трифонова Т.А., Ильяшенко С.М., Бунин Д.С.* Палеоэкологические условия функционирования античного Танаиса в раннем железном веке // Эколого-географические проблемы регионов России. материалы VII всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2016 .
- Чепалыга А. Л.* Черное море // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов северной Евразии за последние 130000 тысяч лет. М. 2002. С. 208-213.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 252 с.
- Шилик К.К.* Изменение уровня Чёрного моря в позднем голоцене и палеотопография античных памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С.

158–163.

- Balabanov I.P.* Holocene sea-level changes of the Black Sea // *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement*. NY. 2007. P. 711-730.
- Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A. and Vött A.* The Holocene sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // *Quaternary International*. 225. 2010. P. 160–179.
- Chepalyga A.L.* Archaeological site Phanagorea and problem of the Phanagorean regression // *IGCP 521-481 Field Trip Guide (September 2007, Gelendzhik)*. M. 2007. P. 15–16.
- Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A. and Dikarev V.* The Late Holocene evolution of the Black Sea e a critical view on the so-called Phanagorian regression // *Quaternary International*. 300. 2011. P. 1–13.
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Oleynik S.A., Gabuev T.A., Malashev V.Yu.* Paleosols from the groups of burial mounds provide paleoclimatic records of centennial to intercentennial time scale: a case study from the Early Alan cemeteries in the Northern Caucasus (Russia) // *Catena*. 2007. V. 71. N 3. P. 477–486.
- Kozlovskaya V. and Ilyashenko S. M.* The Lower City of Tanais // *Exploring the Hospitable Sea: Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012*. BAR International Series 2498, 2013. P. 83-94.

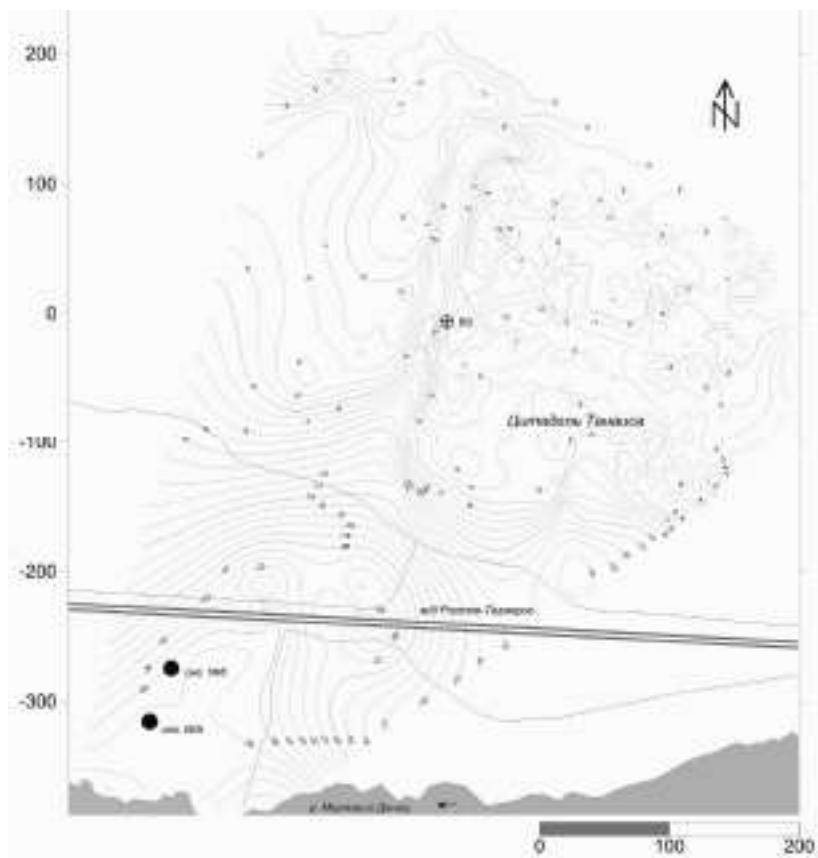

Рисунок. 1. Схема расположения скважин, пробуренных в ходе исследований В.В. Козловской и С.М. Ильяшенко

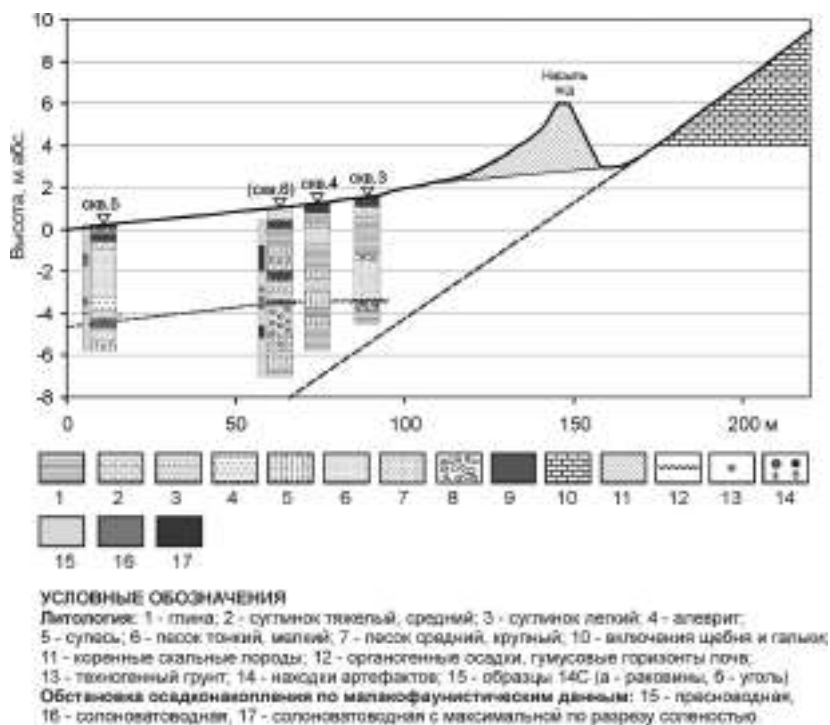

Рисунок 2. Геолого-геоморфологический профиль через низкую аллювиально-морскую террасу в районе Недвиговского городища

ПАНЧЕНКО В.В.

(ГИМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

ОБ АТРИБУТАЦИИ ДВУХ БЮСТОВ РИМСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА РЕВЕРСЕ СТАТЕРОВ РЕСКУПОРИДА IV

Общеизвестно, что монеты являются ценным историческим источником для изучения различных сторон жизнедеятельности античных обществ. Изучение монетного дела античных государств Северного Причерноморья может предоставить исследователям ценную информацию о политических процессах, об уровне социально-экономического развития и о торговых связях этих государств между собой и с внешним миром. Особое значение при этом имеют изображения на обеих сторонах монет, дополнительную информацию представляют их химический состав, размеры, вес, характеристики штемпелей, использованных при чеканке. В частности, изображения на реверсе боспорских статеров 261/262 – 264/265 г.н.э. двух бюстов римских императоров позволяют поставить вопрос о разнообразных связях, которые установились в этот короткий период между Боспором и правителем Пальмиры Оденатом, проследить хронологию этих отношений и высказать определенные предположения о причинах их установления и прекращения.

На протяжении более чем трехвековой истории эмиссии статеров династии Тибериев Юлиев с I по IV вв.н.э. известны редкие случаи изображения на реверсе двух бюстов римских императоров. На реверсе статеров царя Евпатора (154-170 г.н.э.) в период с 458 г.б.э. (161/162 г.н.э.) по 463 г.б.э. (166/167 г.н.э.) были отчеканены бюсты соправителей Марка Аврелия и Луция Вера (Анохин, 1986, с.112; <https://bosporan-kingdom.com/538-4367/>). На реверсе статеров Савромата 2 (174-210 г.н.э.) в период с 493 г.б.э. (196/197 г.н.э.) по 503 г.б.э. (206/207 г.н.э.)

были изображены портреты Септимия Севера и Каракаллы (Анохин, 1986, с.114; <https://bosporan-kingdom.com/578-4318/>).

При этом необходимо заметить, что случаев соправительства в истории Римской империи было гораздо больше, чем два зафиксированные на боспорских статерах. В качестве примера можно провести совместное правление Диоклетиана и Максимиана периода тетрархии (286-305 г.н.э.), которое не получило никакого отражения в чеканке Фофорса (285-308 г.н.э.). В правление Рескупорида IV (242-276) ситуация выглядела аналогично: эмиссии статов совершенно не фиксируют соправительства Филиппа Араба и его сына Филиппа Младшего в 247-249 гг. (Циркин, 2015, с.130), Деция и его сына Геренния Этруска в 250-251 гг. (Циркин, 2015, с.162), Требониана Галла, его сына Волузиана и Гостилиана в 251-253 гг. (Циркин, 2015, с.175). Возможно, отсутствие отображения соправительства на реверсах монет связано с тем, что эти соправительства в известной мере носили формальный характер, в качестве соправителей выступали малолетние сыновья действующих императоров, и правители Боспора не считали необходимым фиксировать эти незначительные с их точки зрения факты. В этой связи достойно удивления отсутствие двух бюстов в период соправительства Галлиена и Валериана (253 – 260 г.н.э.). Их совместное правление никак нельзя назвать формальным, их деятельность – малозаметной. Оба императора были вполне дееспособны и весьма энергичны. Каждый из них отвечал за определенную часть Империи: Валериан за Восток, Галлиен за Запад. И каждый активно действовал во благо Империи.

Но в 558 году боспорской эры (261/262 г.н.э.) на реверсе статов Рескупорида IV были отчеканены два бюста римских императоров (рис. 1). В 559-561 гг.б.э. (262/263–264/265 г.н.э.) эмиссия монет с этим изображением была продолжена. Оба бюста обращены лицами друг к другу (Фролова, 1997, с.48-49; <https://bosporan-kingdom.com/707-4072/>). Известно, что в этот период Римской империей правил один законный император – Галлиен (253-268 гг.) (правда, имелось множество узурпаторов). Вряд ли эти изображения появились случайно. В них должна присутствовать своя логика.

На «двухфигурные» реверсы статеров Рескупорида IV обращали внимание многие исследователи, а некоторые попытались объяснить их (А.Н.Зограф, И.Т.Кругликова, М.М.Чореф, О.Н.Мельников). Они справедливо пришли к выводу о том, что это изображения соправителей Римской империи. Вопрос – каких? Ряд исследователей высказали мнение, что на оборотной стороне представлены бюсты Валериана и Галлиена (Зограф, 1951, с.210; Ашрафиан, 1982, с.67). К 558 г.б.э. (261/262 г.н.э.) Валериан уже был пленен царем Персии Шапуром I в результате событий под Эдессой (Циркин, 2015, с.204-205), и соответственно его бюст вряд ли мог быть отчеканен на реверсе статера. Относительно 558 г.б.э. И.Т.Кругликова выдвинула предположение, что это сыновья Макриана Старшего – узурпаторы Макриан Младший и Квиет (Кругликова, 1958, с.138). В своей недавней статье, касаясь статеров 558 г.б.э., М.М.Чореф отметил вероятность того, что на реверсе были отчеканены бюсты Галлиена и одного из его соправителей. Его аргументация сводилась к следующему: отец Галлиена, старший соправитель Валериан (253-260 гг.) в 260 г. был пленен персами, а дети, младшие соправители, Валериан Младший и Салонин, к тому времени были уже мертвы. Исходя из этого, М.М.Чореф поддержал тезис И.Т.Кругликовой о том, что на реверсе статеров 558 г.б.э. отчеканены бюсты Макриана Младшего и Квиета (Чореф, 2012, с.188).

Принято считать, что провозглашение сыновей Макриана императорами произошло в сентябре 260 г. после успешного завершения борьбы с персами (Циркин, 2015, с.213). Первое упоминание об императорах Макриане и Квиете в египетском папирусе относится к 17 сентября 260 г. (Legutko, 2002, с.136). Соответственно в промежутке времени 29 августа 260 – 28 августа 261 г. Александрийский монетный двор выпускал монеты первого года правления Макриана и Квиета. Когда точно началась чеканка монет с их изображениями сказать невозможно, однако в ноябре 260 года они уже имели хождение в Оксиринхе. (Legutko, 2002, с.136-137). Власть сыновей Макриана признали Египет и значительная часть азиатских провинций Империи (Циркин, 2015, с.213). В частности, известна чеканка монет с их изображениями рядом городов Малой Азии: Византий, Гераклея, Никея (Salamon, 1970, с.156).

Весной 261 г. Макриан с Макрианом Младшим выступили в поход на Рим против законного императора Галлиена. Квиет остался на Востоке. На территории Балканского полуострова войско Макрианов было разгромлено верными Галлиену войсками. Оба Макриана были убиты. Вслед за тем правитель Пальмиры Оденат убил Квиета (Циркин, 2015, с.214). Монет, относящихся ко второму году правления Макриана и Квиета, Александрийский монетный двор не чеканил. Соответственно, эмиссия их монет прекратилась до 28 августа 261 г. Напротив, имеются монеты Галлиена, относящиеся уже к его единоличному (без Валериана) правлению, отчеканенные в промежутке 29 августа 260 – 28 августа 261 г. (Legutko, 2002, с.137). Последние упоминание Макриана и Квиета в Фаюмском папирусе относится к 30 октября 261 г. (Legutko, 2002, с.144).

558 г.б.э. начался согласно боспорскому календарю 1 октября 261 г.н.э. К этому времени мятеж Макрианов или был окончательно разгромлен или близился к логическому завершению. Александрия перестала чеканить их монеты. Вероятность чеканки бюстов Макриана Младшего и Квиета на реверсе боспорских статов на этом фоне ничтожно мала. Также необходимо обратить внимание на тот момент, что в 558 г.б.э. были отчеканены статы Рескупорида IV с изображением одного императора (Фролова, 1997, с.48, <https://bosporan-kingdom.com/706-4745/>). Предположение о том, что оба типа статов чеканились одновременно, не выдерживает критики. Они чеканились в разное время. Попытаемся выяснить последовательность. Сомнительно, что в начале 558 г.б.э. были отчеканены статы с двумя бюстами, потом – с одним бюстом и в следующем 559 г.б.э. снова с двумя. Логично предположить, что вначале были отчеканены статы с одним бюстом, затем ситуация изменилась, и Рескупорид IV на протяжении ряда лет чеканил статы с двумя бюстами.

В недавней работе О.Н.Мельников высказал предположение о том, что на статах 558 – 561 гг.б.э. изображены два императора-соправителя – Галлиен и Постум, обращенные лицами друг к другу (Мельников, 2014, с.62). Представляется сомнительным одновременное размещение на одной монете обоих правителей, которые не признавали друг друга и, более того, постоянно находились в состоянии войны

(Циркин, 2015, с.366-385). М.М.Чореф высказал гипотезу о том, что после Макрианов на реверсе статеров в качестве соправителей изображены Галлиен и Оденат (Чореф, 2012, с.188). Это предположение представляется более обоснованным с поправкой на то, что оба бюста изначально принадлежали Галлиену и Оденату.

Что происходило на римском Востоке в течение 558 г.б.э. (1 октября 261 – 30 сентября 262 гг.н.э.) и в последующие годы? Правитель Пальмиры Оденат, который к тому времени отличился в разгроме персов, осадил резиденцию Квиета Эмсу, захватил и убил незадачливого узурпатора (Циркин, 2015, с. 343). На победной волне Оденат провозгласил себя царем царей. Галлиен, который в это время находился в сложном положении, воюя на несколько фронтов, предпочел пойти на компромисс с Оденатом. Он официально назначил Одената корректором/правителем всего Востока (*corrector totius Orientis*). Существует путаница относительно того, какой титул носил Оденат. Имеется зыбкое свидетельство о том, что Оденат был провозглашен императором (SHA, Gallien., 12, 1; SHA, Trig. туг., 15, 3). Но этот титул, даже если был присвоен местным населением, вероятно, не был признан ни Галлиеном, ни римским сенатом (Циркин, 2015, с.343-345). До нас не дошла ни одна монета, в которой Оденат имел бы титул Августа (Сергеев, 1999, с.128). Впрочем, он вообще не выпускал собственных монет (Циркин, 2015, с.348). Возможно, Оденат имел несколько титулов для внутреннего и внешнего пользования. Но в любом случае он признавал верховенство Галлиена (Циркин, 2015, с.345-346).

Не вполне понятно, какие территории контролировал Оденат. Одни исследователи полагают, что под его властью находились только Сирия, Палестина и римская Месопотамия (Циркин, 2015, с.347). Другие считают, что Оденат был фактическим правителем римских владений в восточной части Империи от гор Тавра на севере до Персидского залива на юге (провинций Киликии, Сирии, Месопотамии, Финикии, Палестины и Аравии) (Сергеев, 1999, с.129). Оденат вел активную борьбу против Сасанидов (Сергеев, 1999, с.128). Помимо этого он пытался участвовать в противодействии морским походам варваров через Понт. В частности, когда в период 266-267 гг., «скифы» атаковали римские владения в

Малой Азии, Оденат прервал очередной персидский поход и направился в район Гераклеи Понтийской (Циркин, 2015, с.350).

Таким образом, после 261 г. Оденат из локального династа превратился в могущественного правителя ряда восточных провинций Империи, зона ответственности которого простиралась от Малой Азии до Месопотамии. В некоторой степени он стал фигурой равновеликой римскому императору Галлиену и персидскому шаху Шапуру I. Известно, что правление Рескупорида IV совпало с многолетним полномасштабным кризисом Боспорского царства. Вторжения варваров, потеря территорий и городов (Танаис, Гермонасса, Патрей), династические неурядицы, разрыв связей с Римом (Zos., I, 31; Болгов, 1996, с.26-32; Зубарь, Зинько, 2006, с.161-163). Не исключено, что эти явления сопровождалась внутренней борьбой различных группировок (Шаров, 2009, с.26-27; Панченко, 2008, с.171-174). Возможно, находясь в затруднительном положении, Рескупорид IV пришел к выводу о необходимости поиска дополнительной внешней поддержки, в частности, у фактического правителя Востока Одената. Потенциальная поддержка могла выражаться в разных формах: политическое покровительство, гарантии безопасности, финансовая помощь, торговые преференции. В рамках этой ориентации боспорский царь решил отобразить на статерах бюст Одената наряду с изображением Галлиена.

Эмиссия с изображением двух бюстов продолжалась на протяжении 558 – 561 гг.б.э. На реверсе были отчеканены бюсты правителей Римской империи друг против друга, между ними – точка/шар, внизу дата по боспорскому летоисчислению (рис. 1). Правители изображены схематично, выделить персональные признаки не представляется возможным (Фролова, 1997, с.48-49; <https://bosporan-kingdom.com/706-4558/>). Впрочем, это относится и к одиночным изображениям императоров на реверсах статеров предыдущих лет. Левый более крупный бюст, видимо, принадлежит старшему по рангу соправителю, правый – младшему. Средний вес биллоновых статеров составляет около 7,5 грамм и в целом соответствует весу статеров того времени. Содержание серебра в статерах 560-561 гг.б.э. варьируется от 3,5 до 20 %, что значительно превосходит данные статеров 551-553

г.б.э. (0,006 – 10 %) (Фролова, 1997, с.57).

Помимо биллоновых и медных статов в 560 г.б.э. впервые после долгого перерыва чеканились золотые монеты, в 560 – 561 гг. б.э. – серебряные монеты с аналогичным изображением на реверсе (<https://bosporan-kingdom.com/711-4520>). Н.А.Фролова связывает эмиссию этих монет с реформой денежного обращения, предпринятой Рескупоридом 4 (Фролова, 1997, с.57). Примечательно, что со следующего 562 г.б.э. золотые и серебряные монеты не чеканились вовсе, и одновременно исчез один из бюстов. Возможно, между этими фактами существует определенная связь. Соблазнительно предположить, что один из соправителей перестал предоставлять средства, и поэтому его изображение стало излишним.

Итак, последним годом изображения двух бюстов на реверсе статов является 561 г.б.э. От этого года также известны статы с одним бюстом, причем их количество превалирует (рис. 2) (Фролова, 1997, с.49-50, <https://bosporan-kingdom.com/712-4185/>). Почему исчез бюст одного из соправителей в 561 г.б.э. (264/265 г.н.э.)? Чтобы прояснить ситуацию, необходимо рассмотреть ход событий. Галлиен, разгромив большинство узурпаторов, прочно удерживал власть в Риме, на Балканском полуострове, в Малой Азии, Северной Африке и Египте. Царь царей и по совместительству корректор Востока Оденат находился на пике могущества. Он вел победоносную войну в Персии. Войска Одената захватили Низибис и Карры в Месопотамии и двинулись на Ктезифонт (SHA, Gallien., 10, 1-8). Одновременно в 264 г. состоялся морской поход коалиции варварских племен Северного Причерноморья в Малую Азию. Поход проходил через территорию Боспора и по сравнению с предыдущими акциями носил масштабный характер. Вопреки обыкновению варвары вторглись вглубь римских владений и опустошили несколько провинций: Каппадокию, Галатию, Вифинию (Ременников, 1954, с.108-110). Ни Галлиен, ни Оденат в силу разных причин не смогли или не успели среагировать на вторжение и послать войска (Панченко, 2016, с.63). Вероятно, после успешного похода варваров Оденат, который не смог защитить малоазийские владения, перестал считаться в глазах правителя Боспора гарантом безопасности в бассейне Понта

Эвксинского, утратил свой авторитет. Можно предположить, что в начале года статеры с двумя бюстами еще чеканились какое-то время, но вскоре на смену им пришли монеты с одним бюстом (их большинство). Теперь это привычное для боспорской нумизматики крупное погрудное изображение императора вправо.

Более того, известны случаи, когда изображение второго бюста тем или иным образом удалялось. В частности, известен статер 560 г.б.э.(263/264 г.) из Фанагорийского клада, на реверсе которого правый бюст был тщательно переделан резчиком в букву Ι (йота), которая обозначает номинал 10 (Абрамзон, Кузнецов, 2014, с.62-63).

К 267 г. относится еще один интересный факт: В этом году на Боспоре была предпринята перечеканка статеров прежних лет. Основную часть перечеканенных статеров составили статеры 558 и 559 гг.б.э. (261/262 и 262/263 гг. соответственно) (Фролова, 1997, с.60). При этом два бюста на реверсе были заменены одним бюстом и добавлена буква Κ (каппа), которая обозначает номинал 20. Н.А.Фролова считает, что спешная перечеканка статеров с увеличением номинала была произведена в целях повышения их стоимости. Она представляла собой попытку мобилизации денежных средств в условиях острой нужды (Фролова, 1997, с.60, Абрамзон, Кузнецов, 2014, с.67). Вместе с тем необходимо отметить, что примерно в это время (между 28 августа 266 г. и 28 августа 267 г.) произошло убийство Одената в результате заговора (Циркин, 2015, с.350). Монеты с двумя бюстами – Галлиена и Одената – оказались устаревшими с политической точки зрения, и необходимость их замены стала дополнительным резонансом в пользу их перечеканки. Если наши рассуждения справедливы, можно констатировать появление еще одного хронологического репера смерти Одената.

Размещение на реверсе статеров двух бюстов правителей Римской империи с нашей точки зрения свидетельствует о том, что Рескупорид IV фиксировал в своих эмиссиях не формальную ситуацию с верховной властью в далеком Риме, а фактическую. При этом боспорские власти внимательно отслеживали политическую ситуацию именно на Востоке, который расположен относительно близко. И чутко реагировали на важнейшие изменения в балансе сил. Проявлением этой реакции стала

чеканка изображения Одената в 261/262 г.б.э., когда он достиг вершины могущества, и исчезновение его бюста в 264/265 г.б.э., когда он не смог защитить малоазийские провинции и тем не оправдал возлагавшихся на него царем Боспора надежд.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Клад боспорских статеров 3-4 вв.н.э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 2014. № 4. с. 56-86.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
- Ашрафиан А.А.* 1982: О некоторых нумизматических датах Боспора в III в. н.э. // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. с.64-71.
- Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Зограф А. Н.* Античные монеты. В: Граков В. Н.(отв. ред.). МИА 16. 1951.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху // Боспорские исследования. 2006. Вып. XII. 304 с.
- Кругликова И.Т.* Клад боспорских статеров III в.из дер. Семеновки. // СА. 1958. № 3, с. 134—143.
- Мельников О.Н.* Соправительство и коммеморативность в нумизматике Боспора этапа поздней империи (210 – 341/342 гг.) // Записки отдела нумизматики и тореvтики Одесского археологического музея. 2014. Вып. II. С. 59-73
- Панченко В.В.* Внутриполитическая борьба в Боспорском царстве во второй половине 3 – начале 4 вв.н.э. // Сугдейский сборник. Вып.3. Киев-Судак, 2008. с.169-182.
- Панченко В.В.* Морской поход племен Северного Причерноморья 264 г. н. э. на территорию Малой Азии и ситуация на Боспоре // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XIX (VI). Серия А. Античность и средневековье. Севастополь, 2016. с. 61-64.
- Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954. 148 с.
- Сайт «Монеты Боспора». URL: <https://bosporan-kingdom.com/> Дата

обращения: 31.01.2017.

Сергеев И.П. Римская империя в 3 в.н.э. Харьков, 1999.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина 1 в.до н.э. – середина 4 в.н.э.). Т.1-2. М., 1997.

Чореф М.М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // *Stratum plus*. 2012. № 4. с.171-200.

Циркин Ю.Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб, 2015.

Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина 2 – середина 4 вв.н.э.). Автореферат докт. дисс. СПб., 2009.

Legutko P. A. The Revolt of Macrianus and Quietus and its effect on Alexandrian Coinage, AD 260-263 // *The Numismatic Chronicle*. Vol. 162. 2002. p. 135-168.

Salamon M. Przyczyny zaniku mennic miejskich w Azji Mniejszej w drugiej połowie III w.n.e. *Wiadomosci numizmatyczne*. Rok XIV. Warszawa, 1970. s.146-162.

Рис.1. Статер Рескупорида IV 558 г.б.э. (261/262 г.н.э.) (сайт «Монеты Боспора» <https://bosporan-kingdom.com/706-4558/11.html>)

Рис.2. Статер Рескупорида IV 561 г.б.э. (264/265 г.н.э.) (сайт «Монеты Боспора» <https://bosporan-kingdom.com/712-4185/16.html>)

ПАРОМОВ Я.М.
(ИА РАН, Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА ВО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ 6 В. ДО Н.Э.

Из сведений, сообщаемых древними авторами, известно, что в античную эпоху берега Понта Евксинского и Меотиды были хорошо знакомы греческим мореплавателям. Маршруты, на первый взгляд, были простыми. Их корабли, выйдя из Боспора Фракийского в Понт, направлялись по одному из двух путей: либо вдоль западного берега к Ольвии, откуда, обогнув Тавриду, приходили к Боспору Киммерийскому, либо от Фракийского Боспора они двигались к Киммерийскому в другом направлении, вдоль южного и восточного берегов Понта. Если торговые дела вели их в устье Танаиса, то далее, пройдя по Боспору Киммерийскому, они плыли к цели в виду восточного берега Меотиды. Со временем греческие кормчие научились ходить от южного берега Понта до Тавриды напрямую, однако этот краткий путь был освоен ими позже, в 4 в. до н.э. В ранний период плавание по морю было только каботажным (Максимова. 1954; Гайдукевич. 1969; Брашинский. 1984. С. 177).

В 7 и первой половине 6 в. до н.э. морские торговые пути в Причерноморье, вероятнее всего, не представляли собой замкнутого кольца. Северо-восточное побережье практически не посещалось купцами и мореходами, о чем свидетельствуют археологические исследования. На памятниках Колхиды самый ранний античный материал относится ко второй половине 6 в. до н.э. (Лордкипанидзе. 1979. С. 246–249). Западнее Колхиды, на значительной части побережья от реки Псоу до Геленджикской бухты античные вещевые и нумизматические находки были зафиксированы только в 13 пунктах. Анализируя эти материалы, И.Б. Брашинский поставил вопрос о распространении боспорского

влияния на этот регион в 4 в. до н.э. – 3 в. н.э. (Брашинский. 1968). Для нашей темы здесь прежде всего важна нижняя дата. Более раннего материала, насколько известно, не было найдено в этих местах и после публикации, о чем наглядно свидетельствует хотя бы так называемый Мзымский клад – разрозненный комплекс серебряных и бронзовых изделий 4 в. до н.э. – 2 в. н.э., изъятых в Сочи у «черных археологов» (Хрисанова. 2005).

Далее к западу расположены три пункта: известные древним авторам Торик и Баты (селение и гавань), а также раннеантичное поселение на месте Анапы. О датировке Торики, локализованного Н.А. Онайко на западном берегу Геленджикской бухты, следует сказать особо. Найденный и раскопанный ею памятник предварительно был датирован 6–5 вв. до н.э.; в обобщающей работе его основание отнесено к первой половине 6 в. до н.э. (Онайко. 1972. С. 135; 1980. С. 120). В то же время опубликованные ею фрагменты амфор и один целый сосуд при ближайшем рассмотрении не выходят за хронологические рамки третьей четверти 6 – начала 5 в. до н.э. (Онайко. 1980. Табл. I–IX). Селение и гавань Баты, до настоящего времени не идентифицированные, находились, предположительно, вблизи Новороссийска и на его территории (Гайдукевич. 1949. С. 220). В том же районе было выявлено не менее семи небольших античных поселений конца 6 – начала 5 в. до н.э., бывших, по мнению автора разведок, хорошей известной по литературе Баты (Онайко. 1970. С. 131–138). Значительное раннеантичное поселение, существовавшее в последней четверти 6 – конце 5 в. до н.э. на берегу Анапской бухты на месте более поздней Горгии, судя по всему, как и упомянутая Бата, имело свою хору в виде укрытого плавнями речки Анапки небольшого поселения, также возникшего в последней четверти 6 в. до н.э. (Алексеева. 1991. С. 7–19).

Таким образом, ранее третьей четверти 6 в. до н.э. морского торгового пути вдоль северо-восточного побережья Понта Евксинского, скорее всего, не существовало. В этот период, охватывающий около века (третья четверть 7 – вторая четверть 6 в. до н.э.) вся колонизационная деятельность греков в Северном Причерноморье осуществлялась

западным путем, опорными пунктами которого были основанные Милетом в низовьях крупнейших рек Истрия, Борисфен (Березанское поселение) и Кремны (Таганрогское поселение), ставшие центрами греко-варварской торговли в западной, средней и восточной частях Скифии (Федоров, Полевой. 1973. С. 155–157; Шувалов. 2008. С. 144; Соловьев. 2000. С. 95; Копылов. 2009. С. 28, 29). Очевидно, достаточно активное движение судов по Боспору Киммерийскому происходило еще до основания греческих колоний к Крыму и на Таманском полуострове, в связи с чем появление здесь первых апойкий было значительно облегчено предварительным знакомством с берегами.

На европейской стороне самым ранним из этих поселений стал Пантикапей, возникший на рубеже 7–6 вв. до н.э. в наиболее высокой и защищенной части горы Митридат (Тугушева, Толстиков. 2015. С. 359). Наиболее ранним на азиатской стороне могло быть поселение, оставившее Тузлинский некрополь. По общему мнению, это была размытая морем Корокондама, находившаяся на мысу или узком перешейке в начале Тузлинской косы (Сорокина. 1957. С. 48–54; Кондрашев. 2010. С. 118, 124). О времени основания Корокондамы можно судить только предположительно, исходя из того, что самую многочисленную группу в ранней керамике Тузлинского могильника составляют ионийские сосуды рубежа 7–6 и 6 в. до н.э. (Сорокина. 1957. С. 9), а также, принимая во внимание ту общую закономерность, что могильники могли быть лишь «моложе» поселений, которым принадлежали, так как старшее поколение граждан не участвовало в выведении колоний. Следует особо отметить выгодное место расположения первых поселений – Пантикапея, находившегося в глубине удобной и защищенной бухты, и Корокондамы, расположенной вблизи Тузлинской косы, где еще в эпоху, предшествовавшую греческой колонизации, существовала якорная стоянка (Кондрашев. 2000. С. 159, 160). Следует отметить также, что морские подходы к этим местам не были связаны со сколько-нибудь существенным отклонением от главного торгового пути, проходившего по Боспору Киммерийскому. Появление этих поселений означало собой зарождение на берегах Боспора новой,

античной системы расселения и было первым шагом в освоении земель Керченского и Таманского полуостровов древними греками.

Следующим этапом этого освоения стало появление на крымской стороне Боспора двух новых апойкий – Нимфея и Мирмекия, основанных на рубеже первой–второй или во второй четверти 6 в. до н.э. в 17 км к юго-западу и в 4 км к северо-востоку от Пантикапея (Соколова. 2013. С. 51; Лебедева. 1999. С. 44–46; Бутягин, Виноградов. 2006. С. 3). На азиатской стороне в рассматриваемый период возникло пять населенных мест (рис. 1). Три из них были известными по письменным источникам городами – Патреем, Гермонассой и Кепами, основанными на берегах Корокондамского озера (современного Таманского залива) не позднее второй четверти 6 в. до н.э. или в течение этого отрезка времени (Абрамов. 2010. С. 529; Финогенова. 2005. С. 433; Журавлев, Кузнецов. 2010. С. 541). Поселения Ахтанизовская 4 (95) и Голубицкая 2 (221) были расположены на двух мысах одно напротив другого, контролируя выход из нынешнего Ахтанизовского лимана в Меотиду через один из рукавов Гипаниса-Антикита (современное Пересыпское гирло) (Паромов. 2006. С. 370, 371; Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер. 2010. С. 557, 558). В конце второй четверти 6 в. до н.э. или в середине столетия на европейской стороне пролива, в 11 км к юго-западу от Пантикапея появилось еще одно поселение – Тиритака. Судя по керамическим материалам, вывод колонии в эту часть побережья Боспора Киммерийского произошел не ранее 565–560 гг. до н.э. (Гайдукевич. 1941. С. 86; Зинько. 2010. С. 229).

Уже на раннем этапе освоения древними греками этого региона отчетливо выявились характерные особенности и различия в развитии античной системы расселения на территории Европейского и Азиатского Боспора. Упомянутые города на европейской стороне (Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака) находились в приморской полосе, на побережье Боспора Киммерийского. Все они были основаны на местах более ранних местных поселений, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты керамики кизил-кобинской культуры, каменные шлифованные орудия, изваяния и другие находки эпохи бронзы и раннего железного века (Толстиков. 2014. С. 235; Сенаторов. 1999; Бутягин, Виноградов. 2006.

С. 11; Гайдукевич. 1949. С. 172). Это явление говорит о нехватке в этом регионе свободных мест, удобных для размещения новых поселений, о сравнительно плотной освоенности его селитебного пространства. На Азиатском Боспоре картина была совершенно иной. Первые поселения и там, и тут были береговыми. Иными они и не могли быть. Известно, что «греки живут вокруг моря, как лягушки вокруг болота». Однако, если на Европейском Боспоре первые поселения находились в прибрежной полосе вдоль главного торгового пути, то на азиатской стороне они, за исключением Корокондамы, находились в глубине территории нынешнего Таманского полуострова, то есть были, условно говоря, внутренними береговыми поселениями. Корокондамское озеро, лиманы и протоки Гипаниса-Антикита связывали их внутренними водными путями. Многие различия в системе расселения на Европейском и Азиатском Боспоре объясняются их природно-географическими особенностями. Если Пантикапей обладал замечательной гаванью – удобной стоянкой для кораблей, знаменитым портом и центром торговли, то поселения на другой стороне пролива были окружены плодородными полями, хлебной нивой, составившей подлинное богатство Азиатского Боспора.

Торговые связи самых ранних поселений Азиатского Боспора осуществлялись только водными путями. Вход во внутренние водоемы, на которых они располагались, открывался в двух местах. Первое находилось около мыса Тузла, в 10 стадиях (1,776 км) от поселка Корокондама, где, называвшееся по поселку Корокондамским, озеро (современный Таманский залив) соединялось с морем (Страбон, XI, 2, 9). Вторым входом во внутренние воды являлось Пересыпское гирло (в древности рукав Гипаниса-Антикита), до нашего времени соединяющее пресноводный Ахтанизовский лиман с Азовским морем (Меотидой). Оба входа были расположены у главного торгового пути, проходившего по Боспору и в виду меотийского берега. Первым путем, пройдя Корокондаму и войдя в Корокондамское озеро, можно было, плывя в восточном направлении, придти и в Гермонассу, и в Патрей, и в Кепы. Длина всего пути от Корокондамы до Кеп составляла около 32 км или 180 стадий. Вторым путем через Пересыпское гирло можно было пройти

и к поселению Ахтанизовская 4, и к поселению Голубицкая 2. Длина этого пути от входа в гирло до первого поселения составляла 3,2 км (18 стадий), до второго – 4,1 км (23 стадия). Вероятно, в рассматриваемое время можно было от Кеп добраться по воде до поселений Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2, плывя в восточном направлении по рукаву Гипаниса-Антикита, соединявшему северную часть Ахтанизовского лимана с Корокондамским озером, реально существовавшему еще в 19 в. (Войцеховский. 1929–1930. С. 6; Миллер. 1931. С. 27). Длина пути по этому руслу от Кеп до обоих поселений равнялась 16–16,5 км (около 90–93 стадий). Выгодные места первых поселений и удобные связи открывали хорошие перспективы для успешного освоения земель Азиатского Боспора.

Свободное расположение четырех городов на берегах Корокондамитиды (Гермонассы и Корокондамы – на южном, Патрея – на северном и Кеп – на восточном берегу), а также двух поселений (Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2) – на ключевых позициях в Ахтанизовском лимане, свидетельствуют о беспрепятственном выборе наиболее удобных мест для жизни. О том же говорит отсутствие следов более раннего обитания человека в этих местах. Патрей, где были выявлены остатки поселения тудоровского этапа сабаатиновской культуры, не составляет исключения, поскольку между поселением этого периода и античными слоями существовал определенный хронологический разрыв (Абрамов. 2010. С. 530). Следует отметить при этом, что среди упомянутых античных селений лишь Корокондама имела негреческое название (Сорокина. 1957. С. 50). Сказанное вовсе не означает, что апойки выводились в совершенно не обжитые места. В ту пору коренными жителями Нижнего Прикубанья и Приазовья являлись оседлые племена, обобщенно называемые меотами (синды, дандарии, тореты, керкеты, меоты и другие). Жизнь новых поселений в значительной мере зависела от взаимодействия их обитателей с представителями местного населения. Анализируя процесс внедрения греков в период колонизации в иные культурные зоны Северного Причерноморья, А.Н. Щеглов выделял два основных типа, или две модели колонизации.

Первый тип, по его мнению, отличается гибкостью приспособления к самым разным местным условиям, контактность, способность восприятия, воспроизведения и переработки элементов чуждых культур. Второй тип – это более простая и жесткая модель внедрения греческих поселенческих структур в инокультурную среду; суть ее состоит в захвате территории, который сопровождается вытеснением негреческого населения, его полным или частичным подчинением, или же сочетанием того и другого – частичным вытеснением и частичным подчинением представителей местных племен (Щеглов. 1993. С. 28, 29). Вероятно, первый, более гибкий тип взаимодействия греков с местным населением более подходит для характеристики колонизации Азиатского Боспора, а второй, более жесткий – для оценки этого процесса в Восточном Крыму.

В третьей четверти 6 в. до н.э. число поселений на Таманском полуострове увеличилось с шести до 36 (рис. 2). Этот рост убедительно подтверждает высказанное выше предположение о характере его освоения. Очевидно, уже на первых этапах колонизации местное население было включено в активный процесс освоения Азиатского Боспора и составило значительную часть жителей ранних поселений и городов (Паромов. 1989. С. 78). Это мнение было основано на данных разведок еще в то время, когда раскопки поселений практически не производились. Поэтому для нас в высшей степени показательны сведения о двух больших поселениях – Волна 1 и Артющенко 1, исследуемых в настоящее время. О каждом из этих поселений, по данным архаических керамических комплексов, схожих с лепной посудой земледельческих племен Прикубанья, с уверенностью говорится, что среди их жителей с самого начала существования имелись (или составляли большинство) представители местного меотского или синдского населения (Соловьев, Бутягин. 2002. С. 78; Виноградов. 2006. С. 75). На втором этапе развития античного расселения на землях Таманского полуострова появились его ярко выраженный центр – Фанагория, развитая система поселений, земельных наделов и главных дорог (Паромов. 1998; 2000; 2006. С. 368–372).

В этот же период произошло освоение юго-западного берега

полуострова от мыса Тузла до мыса Панагия, где у поселения Волна 2 (138) возникла вторая якорная стоянка для судов (Кондрашев. 1993), а также дальнейшее продвижение вдоль берега Понта в восточном и юго-восточном направлении. Главным результатом этого продвижения явилось открытие третьего прохода во внутренние водоемы (лиманы Бугазский, Кизилташский, Цокур и Старотитаровский) через Бугазское гирло, находившееся около озера Соленого и поселения Артющенко 1 (150). Этот проход открыл доступы с воды к поселениям Вышестеблиевская 1 (173), Виноградный 2 (161), Веселовка 1 (151) и Таманский 3 (143), расположенным на берегах лимана Цокур, к поселению Старотитаровская 5 (193) – на Кизилташском лимане и поселению Стрелка 2 (210), находившемуся на высоком месте над речной поймой, там, где главное русло Гипаниса-Антикита расходилось на несколько рукавов. Доступ с воды к поселению Соленый 3 (90) – на берегу Малого Ахтанизовского (Соленого) лимана и к поселениям Стрелка 1 (209), Старотитаровская 13 (201) – на берегу Старотитаровского, открылся в процессе освоения акватории Ахтанизовского лимана и рукавов Гипаниса от их впадения в лиманы до разветвления главного русла. Таким образом, в течение третьей четверти 6 в. до н.э. сложилась единая система водных и сухопутных связей Таманского полуострова, включавшая проходы с моря во внутренние водоемы, доступ по воде ко всем поселениям, расположенным на их берегах, и развитую сеть дорог, соединявших поселения по суше с центром (Фанагорией) и друг с другом.

Развитие морских связей Азиатского Боспора продолжилось как в рассматриваемое время, так и позже, в последней четверти 6 в. до н.э. В этот период в трех бухтах – Анапской, Новороссийской и Геленджикской были основаны упомянутые в начале статьи Торик, Бата и раннее поселение на месте Анапы. По общей культуре и присутствию в керамических комплексах сосудов меотского облика они близки таманским поселениям Волна 1, Артющенко 1 и другим (Алексеева. 1990; 1991. С. 7–20; Онайко. 1970. С. 131–133; 1980. С. 84–90). Наиболее ранним центром речной торговли был Лабрис (Семибратнее городище), основанный в самом начале 5 в. до н.э. (Горончаровский. 2010. С. 52).

Он находился на левом берегу Гипаниса-Антикита в 48–50 км (270–280 стадий) к востоку от Фанагории и в 9–15 км (50–85 стадий) вверх по реке от разделения ее на главные рукава. Город был окружен стеной и несколько веков являлся главным местом контактов Азиатского Боспора с земледельческим населением Прикубанья.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П.* 2010. Патрей // АНК. Т. I. М. С. 528–539.
- Алексеева Е.М.* 1990. Ранее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // КСИА. Вып. 197. С. 19–30.
- Алексеева Е.М.* 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Брашинский И.Б.* 1968. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 62–72.
- Брашинский И.Б.* 1984. Торговля // АГСП. М. С. 174–186.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* 2006. Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб.
- Виноградов Ю.А.* 2002. Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. Вып. 4. С. 61–66.
- Виноградов Ю.А.* 2006. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 1. СПб. С. 69–76.
- Войцеховский С.Ф.* 1929–1930. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // ЗСКОАИЭ. Кн. 1 (3). Вып. 5–6. Ростов-на-Дону. С. 4–9.
- Гайдукевич В.Ф.* 1941. О местоположении древней Тиритаки // МИА. № 4. М.–Л. С. 85–92.
- Гайдукевич В.Ф.* 1949. Боспорское царство. М.–Л.
- Гайдукевич В.Ф.* 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. Вып. 116. С. 11–19.
- Горончаровский В.А.* 2010. Лабрис (Семибратнее городище): итоги

- исследований 2001–2008 гг. // SUMBOLA. Вып. 1. Москва–Киев. С. 51–57.
- Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д. 2010.* Кепы // АНК. Т. I. М. С. 540–555.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауер У. 2010.* Памятники северо-восточной части Таманского полуострова // АНК. Т. I. М. С. 556–580.
- Зинько В.Н. 2010.* Основание и становление Тиритаки // ДБ. Т. 14. С. 220–232.
- Кондрашев А.В. 1993.* Подводные исследования у мыса Панагия // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар. С. 84–90.
- Кондрашев А.В. 2000.* Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Таманская старина. Вып. 3. СПб. С. 159–160.
- Кондрашев А.В. 2010.* Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // SUMBOLA. Вып. 1. Москва–Киев. С. 118–124.
- Копылов В.П. 2009.* Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону. С. 28–38.
- Лебедева Е.В. 1999.* Греческая расписная керамика первой половины VI в. до н.э. из раскопок Мирмекия и Нимфея (опыт сравнительного анализа) // Боспорский город Нимфей. СПб. С. 44–46.
- Лордкипанидзе О.Д. 1979.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 187–256.
- Максимова М.И. 1954.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. № 33. М. С. 45–57.
- Миллер А.А. 1931.* Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. № 1. С. 26–29.
- Онайко Н.А. 1970.* Разведки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА. № 1. С. 130–139.
- Онайко Н.А. 1972.* О работе Новороссийской экспедиции // АО 1971. М.

- С. 134–135.
- Онайко Н.А.* 1980. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.
- Паромов Я.М.* 1989. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. С. 72–78.
- Паромов Я.М.* 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. Т. 1. С. 216–225.
- Паромов Я.М.* 2000. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. № 7. СПб. С. 309–319.
- Паромов Я.М.* 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время // ДБ. Т. 10. С. 365–388.
- Сенаторов С.Н.* 1999. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей. СПб. С. 60–66.
- Соловьев С.Л.* 2000. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб. С. 94–111.
- Соловьев С.Л., Бутягин А.М.* 2002. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. СПб. С. 67–80.
- Соколова О.Ю.* 2013. Нимфей // БРЭ. Т. 23. С. 51–52.
- Сорокина Н.П.* 1957. Тузлинский некрополь. М.
- Толстиков В.П.* 2014. Пантикапей // БРЭ. Т. 25. С. 235–237.
- Тугушева О.В., Толстиков В.П.* 2015. Керамика восточно-греческих центров из раскопок Пантикапея // ДБ. Т. 19. С. 351–376.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л.* 1973. Археология Румынии. М.
- Финогенова С.И.* 2005. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. Т. 8. С. 422–442.
- Хрисанова О.* 2005. Греческий клад в Сочи. Сочи.
- Шувалов П.В.* 2008. Истрия // БРЭ. Т. 12. С. 144.
- Щеглов А.Н.* 1993. К изучению механизма трансляций культур в северочерноморском ареале расселения греков // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. СПб. С. 28–29.

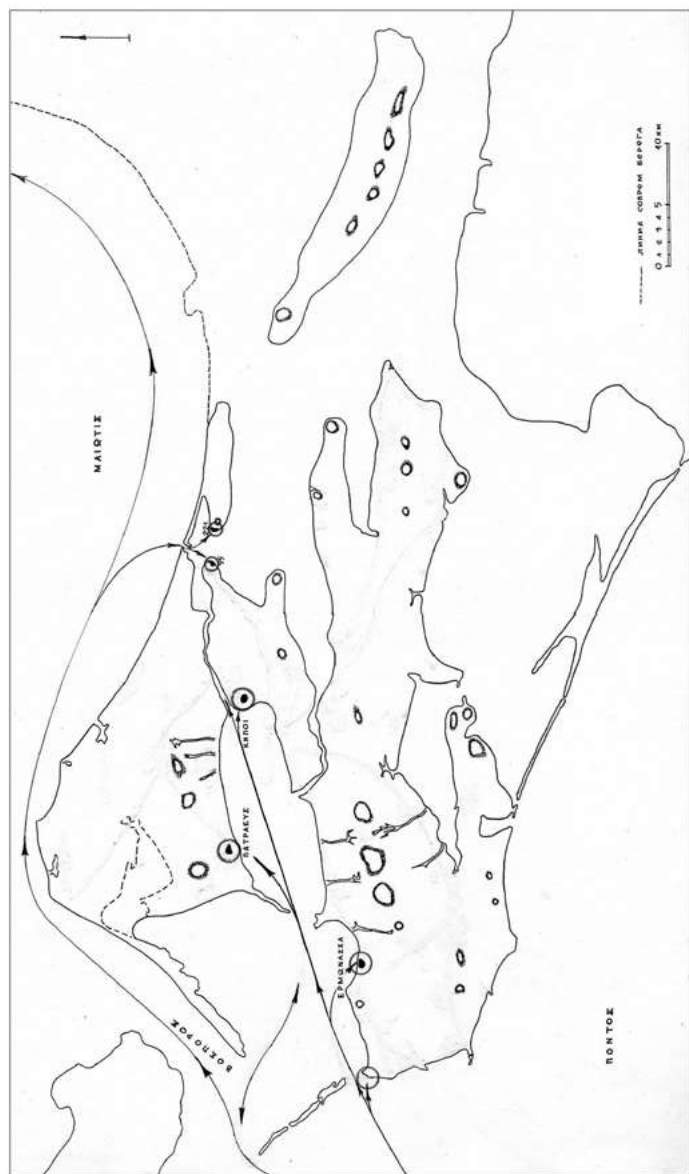

Рис. 1. Таманский полуостров. Вторая четверть 6 в. до н.э.

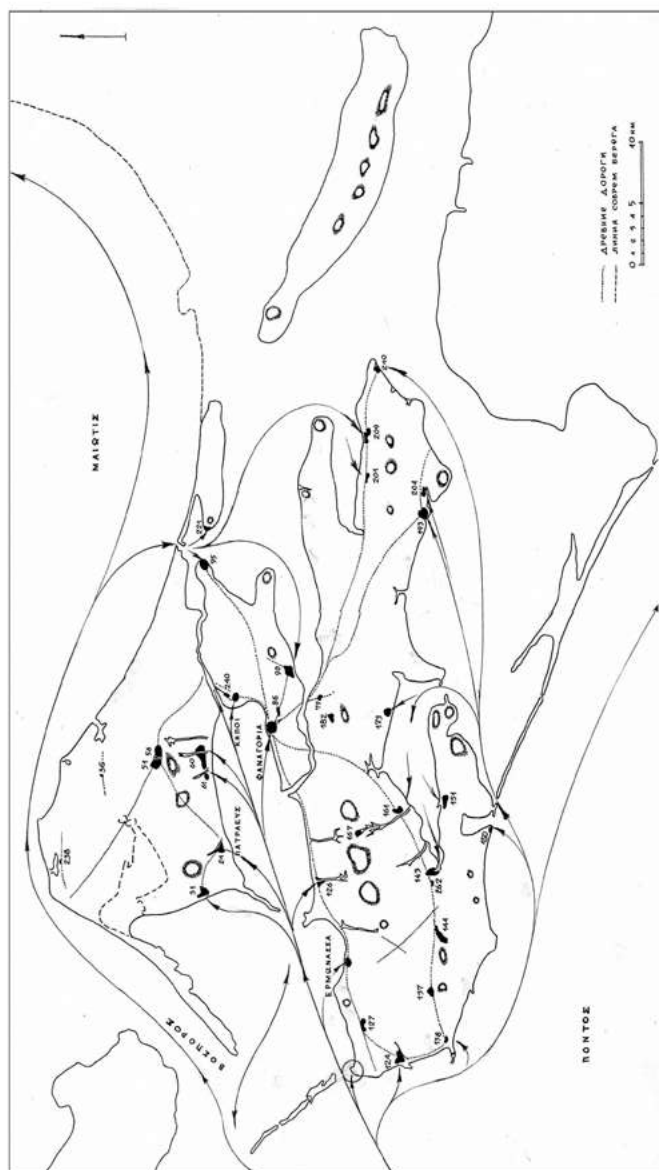

Рис. 2. Таманский полуостров. Третья четверть 6 в. до н.э.

ПЕТРОВСКИЙ В.М., ТОЛСТЫКИН П.В.,
ШАМРАЙ А.Н., ЗИНЬКО А.В.
(СГУ, Саратов; Москва; Темрюк; Керчь)

**КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ТОРГОВОГО
ПАРУСНИКА XIX В. У МЫСА ТУЗЛА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)**

Боспорская подводная археологическая экспедиция в 2016 г. провела разведки вдоль песчаной косы солёного озера Тузла. Коса и озеро примыкают с северо-востока к одноимённому мысу и территориально относятся к его акватории (рис.1). Общей целью работ было археологическое изучение подводных отмелей (банок). В задачи начального этапа разведок входило:

- определение общих батиметрических характеристик отмелей;
- выявление видовых и размерных характеристик слагающих их отложений;
- поиски археологического материала.

На одной из таких отмелей, в 1,4 км к северо-востоку от мыса и 0,5 км от берега косы, на глубине 2,5 – 3 м открыты остатки деревянного корпуса парусного судна [Зинько, 2017]. Контуры судна прослеживаются по частично сохранившимся деревянным конструкциям, остаткам трюмного груза, якорным и камбузным устройствам в форпике (рис.2,3). Судно лежит на дне форштевнем на юго-запад, его длина около 25 м, ширина по мидель - шпангоуту около 7 м. Деревянный корпус судна, очевидно, хорошо сохранился до ватерлинии на высоту 1,5–2 м, так как был скрыт песчаными наносами. Выше уровня наносов выступают сохранившиеся части шпангоутов, изъеденных древоточцем, а также груды балластных камней и некоторые судовые устройства. Местами из-под наносов выступает борт с внешней и внутренней обшивкой, внешняя об-

шивка покрыта листами меди, общая толщина борта 0,3 м.

В носовой половине корабля песок смыт до уровня деревянных поперечных конструкций под палубой. Скорее всего, это бимсы верхней палубы. В форпике корабля сохранились остатки всех якорных и хозяйственных судовых устройств. По скоплениям якорных цепей определяются места расположения цепных ящиков, между которыми залегает металлическая конструкция шпиля с цепями, вытравленными в сторону сброшенных якорей. Один из них обнаружен в 40 м к юго-западу от носа судна, а второй не найден. Якорь относится к типу адмиралтейских с металлическим штоком и по форме дуговидных рогов, скорее всего, изготовлялся в Европе. За линией якорных устройств находятся остатки камбузных конструкций. С левого борта форпика была устроена мельница, которая хорошо сохранилась в виде каменных жерновов прямоугольной формы, некогда работавших между собой на деревянных катках. По правому борту форпика, находилась камбузная печь, сохранившаяся в виде развала кирпичей из обожженной глины, размер которых соответствует стандарту XIX в. Рядом с кирпичами лежат обломки глиняной посуды и черепицы (?). Среди этих предметов находился окаменелый (покрытый конгломератными обрастаниями) судовой железный гвоздь (рис.2,4). Перед форпиком с правого борта обнаружен ротор небольшой динамо-машины. Если это не остатки груза, то на судне было электричество.

Посередине судна от борта к борту уложены балластные камни из колотого базальта черноватого оттенка (рис.2,2). У балластной кучи камней с левого борта найден деревянный шкив судового блока с характерной для того времени бронзовой вставкой под металлическую ось (рис.2,1).

В корме судна находился склад такелажных канатов и вантовых тросов, которые сохранились в виде окаменевшей бесформенной кучи. Рядом с этой кучей, по правому борту, лежит железное колесо, вероятно, принадлежавшее палубной лебёдке или рулевому устройству. В 15 м к северу от кормы над песчаным грунтом на высоту 1,8 м возвышается стальной вал пера руля. Само перо на три четверти своего размера

скрыто в песчано-раковинных наносах. Оно также металлическое, но изготовлено не цельным листом, а на полом каркасе из двух листов стали и имеет оригинальную ланцевидную форму. Подобные формы рулей устанавливались на мелкосидящих судах класса яхт и канонерских лодок, начиная с середины XIX в.

Гибель парусника, очевидно, связана с его выносом на мелководную галечно-песчаную отмель при очень сильном юго-западном ветре. Об этом свидетельствуют далеко сброшенный якорь, значительно вытравленная цепь и оторванная корма.

Археологический комплекс предварительно датируется второй половиной XIX в. За хронологические признаки датирующие судно приняты: конструкции адмиралтейского якоря, пера руля, ротора динамо-машины, кирпичей и деревянного блока, которые по письменным историческим источникам относятся к этому времени. Данный памятник судостроения по степени сохранности деревянных конструкций, судовых устройств и их деталей, является весьма привлекательным для наглядного отражения истории мореплавания в Керченском проливе в XIX в. Его как объект научно-прикладного значения можно превратить в подводный музейный комплекс или учебно-тренировочный полигон для подготовки начинающих подводных археологов, но это требует серьёзного финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

Зинько А.В. Отчёт Боспорской подводно-археологической экспедиции
НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского о подводных
археологических разведках в Керченском проливе в 2016 г.
// Архив ИА РА. Керчь, 2017, С.109.

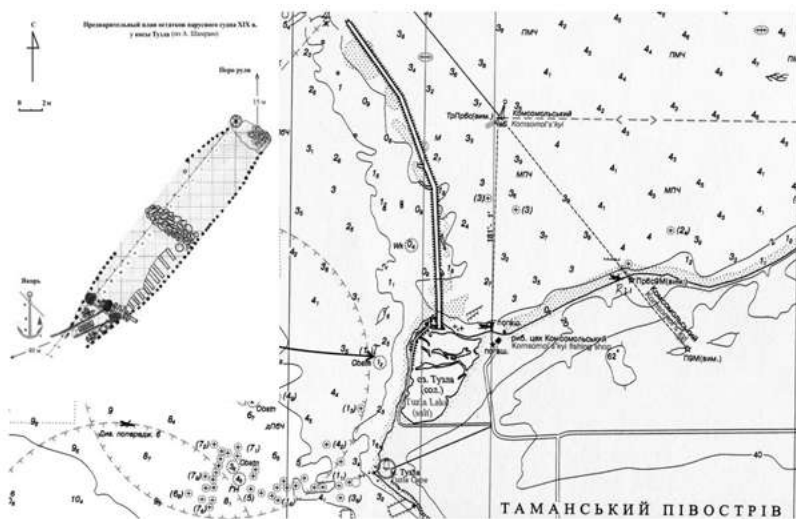

Рис. 1 Карта южной части Керченского пролива (акватория мыса Тузла).
План остатков парусного судна XIX в.

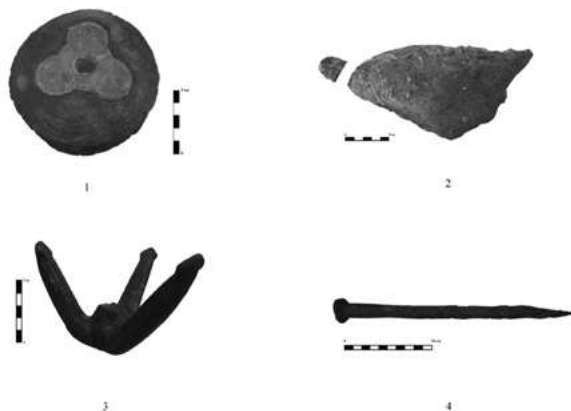

Рис.2 Детали оснастки судна. 1 – шкив блока, 2 – балластный камень,
3 – такелажная кошка (рым сломан), 4 – корабельный гвоздь.

ПОВАЛЯЕВ Н.Л.
(ГУ, Гёттинген)

**АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИС И
ТОРГОВЛЯ. К ОЦЕНКЕ СВЕДЕНИЙ ДЕМОСФЕНА О ЗЕРНЕ ИЗ
ПОНТА**

Сообщение Демосфена (XX 32) в речи против Лептина о ввозе 400 000 медимнов боспорского зерна в Афины играет ключевую роль в оценке исследователями, как сельскохозяйственного производства в Аттике, так и экономического потенциала державы Спартокидов. В последнем случае дискуссия ведется о том, мог или не мог Боспор ежегодно производить и транспортировать экспортное зерно в таких объемах (Кузнецов 2000, 107-120; Гарбузов 2016, 176-196). Вопрос о внутренней достоверности сказанного Демосфеном, о месте этого высказывания в системе ценностей афинского полиса того времени и влиянии этих ценностей на восприятие торговли практически не поднимается отечественными исследователями. Между тем подобный анализ должен если не предварять, то, во всяком случае, дополнять любые рассуждения об аграрном потенциале Киммерийского Боспора и Аттики тоже.

Если говорить о внутренней логике знаменитой речи, то следует отметить, что и Демосфен и его противник, Лептин, оперировали в своих построениях с идеями, ключевыми для афинской идентичности. Каждый из ораторов представлял свое предложение, соответственно, контрпредложение, как возвращение к базовым принципам установленным «отцом афинской демократии» Солоном (XX 88-92). Цель ораторского выступления заключалась при этом не в выявлении истины и презентации «объективных» фактов, а в убеждении аудитории. Лучший способ для достижения такой цели заключался в осознанном

или, по-моему мнению, в большинстве случаев неосознанном потакании идеализированным представлениям слушателей о самих себе, иными словами, вплетении своей аргументации в мифологизированную схему афинской идентичности (см. Morris 1994, 355-356).

То, что самоидентификация афинской демократии 4 в. до н.э. была интенциональна, т.е. сконструирована и можно сказать антиисторична с современной научной точки зрения не требует слишком развернутого обоснования. Достаточно указать на отмеченную несколькими строками выше оценку установлений Солона, как базового демократического порядка и, соответственно, личности последнего, как «отца» афинской демократии. Даже если не впадать в излишний критицизм и не отрицать историчности Солона как реального политика и поэта (см. дискуссию о «солоновской» традиции Raaflaub 2006, 390-428), следует признать, что отраженный в приписываемых ему законах порядок являлся олигархическим (Foxhall 1997, 113-136; Wees 2006, 351-389). Никакого автоматического пути к радикальной демократии 5-4 вв. до н.э. солонский строй не предполагал.

Система норм, о которой мы можем судить по его элегиям, безотносительно того, рассматривать ли их в рамках «элитарной» или «эгалитарной» тенденций (Morris 2000, 169-171) была олигархически-аристократической и соответствовала ценностям аристократической гетерии (Lardinois 2006, 15-35).

ὄλβιος ὃ παῖδες τε φίλοι καὶ μώνυχες ἵπποι καὶ κύνες ἀγρεῦται καὶ ξένος
ἄλλοδαπός.¹

«Счастлив у кого милые дети, твердокопытные кони, собаки охотничьи и
друг вдалеке»

В этом двустишии отразилась по крайней мере часть идеалов греческой «аристократии» архаического времени. Предпринятые в последние годы исследования (Morris 2000, 234-235; Duplouy 2006, 282-

¹ Plat. Lys..212e

288; Schmitz 2014, 28-29) позволяют выделить следующие основные черты в самоопределении греческой архаической «аристократии», которые сохраняли свое значение на протяжении столетий (Morris 2000, 235). Греческий «аристократ» подчеркивал: 1) свое богатство; 2) свою связь с прошлым, например, через создание генеалогий, как Гекатей милетский, и таким образом свою «способность» преодолевать временные барьеры; 3) свою способность устанавливать контакты, дипломатические, брачные и т.п., за пределами родного полиса и расширять их как можно дальше, т.е. «способность» преодолевать пространственные барьеры (Morris 2000, 235; Schmitz 2014, 28).

Нормативная система гражданина демократического полиса, у истоков которой стояла крестьянская община (Schmitz 2004, 52-63), могла подчеркивать другие качества: 1) умеренный достаток: как бедные, так и богатые вызывали подозрение; 2) локальную ориентированность: соседи важнее дальних друзей; 3) временную ограниченность: сейчас важнее всего (Morris 2000, 114-121).

На индивидуальном уровне противоположности двух систем кажутся очевидными. В то же время, если присмотреться к основным мифологемам идентичности афинского полиса классического времени, то можно с уверенностью утверждать, что демократический полис как целое унаследовал ценностную систему аристократической гетерии.

1) Афинский полис был богат, богаче остальных полисов Греции. Причем можно видеть, как в сочинениях формирующих и одновременно отражающих самоопределение афинян, тема богатства полиса все более мифологизируется. Геродот (5. 72) видел богатство Аттики в ее людях. Для природных богатств страны у «отца истории» не нашлось особых слов. Здесь безусловно сыграла свою роль одна из ключевых установок Геродота, легшая в том числе, в основу его объяснения причин победы греков над персами: Богатые, изобильные страны производят изнеженных людей (9.122). Можно с уверенностью утверждать, что ясно различимая мифологема Геродота оставалась сущностной для афинского самоопределения как во второй половине 5-го так и в 4. вв. до н.э. Фукидид (1. 2,5) который устами Перикла говорит о богатстве

Афин, прямо подчеркивал скудость аттической почвы. Демосфен, как можно проследить по его речам (De Corona, 203-204; Phil. 4, 16), пел оды рукотворному богатству родной земли.

2) Афины были связаны с прошлым намного прочнее других греческих полисов. Они были древнее и превосходили по старшинству другие греческие государства, и потому имели все права на руководство греческими делами и всей Грецией. Эта претензия основывалась на мифе об автохтонности афинян, выделявшей их из всех греческих племен, за исключением может быть аргивян. Этот миф, принадлежащий ядру афинской идентичности, занимающий значительное место уже у Геродота (7. 161; 9. 26), особенно расцвел в 4 в. до н.э. Политическое равенство афинян, их превосходящий других общественный строй, основывались по утверждению Платона (Men. 238c-239b) на их происхождении, на праве первородства от аттической почвы. Вне всякого сомнения Демосфен разделял и пропагандировал этот миф. Для него богатства Аттики были следствием особенности афинян, которая была обусловлена, аналогично мнению Платона, их происхождением и старшинством над греками (De Corona, 186).

3) Афины контактировали с миром и даже самыми дальними его уголками, т.е. были способны преодолевать пространственные барьеры, в гораздо большей по сравнению с другими греческими государствами степени. Способом, который вовлекал весь полис и каждого его гражданина, независимо от степени его «умеренности», в такого рода контакт была торговля. Этот тезис впервые наиболее четко сформулировал Фукидид (1. 13-15; 2. 38) в своей археологии и надгробной речи Перикла. Всеохватывающая торговля, благодаря которой богатства мира стекаются в Афины, вот один из сущностных аспектов афинской демократии. Можно с уверенностью полагать, что Демосфен разделял эту точку зрения (см. ниже).

Прежде чем перейти к непосредственному анализу демосфеновской речи следует подчеркнуть следующее. Сам факт ввоза боспорского зерна в Афины не ставится под сомнение. Об это свидетельствуют почетные декреты афинян (см. ниже). Речь здесь

идет о степени достоверности сообщаемых Демосфеном данных. Есть серьезные основания думать, что оратор очень сильно искажал реальное положение дел. Он делал это не потому, что был политиком или продажным журналистом (ср. Garnsey & Scheidel 1998, 184), а потому, что разделял перечисленные выше мифологемы и воспринимал реальность через них (Поваляев 2015, 262-263). Знаменитое упоминание о 400 000 медимнах находится в контексте, в котором Демосфен изображает слушателей и, естественно себя, согласно идеализированному самопредставлению, как людей, чей образ жизни соответствует, по меньшей мере, двум вышеупомянутым, а именно первому и третьему критериям аристократичности. В рамках такого подхода неизбежны появление обобщающего «мы» и производных от него местоимений, как отделяющих правильное от неправильного, а также утверждений, подлинность которых проверить невозможно, но которые, будучи идентификационными, разделяются аудиторией. Именно с этой точки зрения следует рассматривать его аргументацию, в том числе озвученные им цифры.

Во вводном предложении (ἴστε ὅτι ἄρ δῆπου τοῦθ', ὅτι πλείστῳ τῶν πάντων ἀνθρώπων ἡμεῖς ἐπεισάκτω σίτῳ χρώμεθα – XX 31), автор сразу обращается к интенциональному «мы», частью и одновременно проводником интересов которого он является и предьявляет публике нужные ему два описанных выше и не могущих быть поставленных под сомнения аспекта идентичности. Как было сказано выше, обильный ввоз не воспринимался аудиторией как слабость, а как признак могущества и богатства родного полиса, его элитарности. Как показывают палеоботанические исследования основной культурой Боспора были сорта мягкой пшеницы (Povalahev 2011, 91), которые видимо и шли на экспорт. Пшеничный хлеб не являлся, однако, предметом первой необходимости. Можно полагать, что ячменный хлеб и ячменная мука были основной едой подавляющего большинства населения Аттики (Garnsey & Scheidel 1998, 193). Однако даже относительно редкое потребление пшеничного хлеба, давало большинству ощущение элитарности и чувство приобщенности к общим ценностям и следовательно иллюзию,

что оратор говорит правду. Именно на это делает упор Демосфен.

Далее, сам факт торговли с Киммерийским Боспором и в целом с Понтом был также важен для афинской идентичности. Афиняне вели торговлю с легендарной землей киммерийцев, с окраиной Ойкумены. Само название, Боспор Киммерийский, должно было, по-моему мнению, вызывать у слушателей определенные ассоциации с героическим прошлым и гордость за себя любимых. Чем дальше от Афин лежала земля, откуда были доставлены продукты, тем больше чести это делало тем, кто их привез и потребляет. Демосфен стремится доказать, что все афиняне стоят, говоря терминами современной антропологии, в системе реципрокных связей на одном уровне с Левконом, обладающим огромным уровнем власти и могущества (ἀλλὰ διὰ τὸ κύριον ὄντα τὸν Λεύκων' κτλ. – XX 31). В первую очередь потому, что данная Левкону и его детям ателия распространяется, благодаря всеохватывающему характеру афинского потребления ответным образом, на всех афинян (ἔχων γὰρ ἐκεῖνος ἑαυτῷ καὶ τοῖς παῖσι τὴν ἀτέλειαν ἅπανι δέδωκεν ὑμῖν. – XX 31).

Здесь, по-моему мнению, лежало решение задачи, стоящей перед Демосфеном. Оратор ставит своей целью доказать именно последний пункт, всеобщее потребление боспорского хлеба афинянами, чтобы убедить их не отменять ателию Левкону и его детям, иначе разрушатся реципрокные связи и описанные выше критерии идентичности афинского полиса окажутся под угрозой. Афины станут беднее, замрет торговля и таким образом ухудшится способность Афин преодолевать пространство. Отсюда и появляются гигантские цифры импортируемого зерна. Можем ли мы им доверять и принимать как данные о регулярном, даже годовом, боспорском экспорте в Афины? Следует обратить внимание на то, что данные о зерне из Боспора смешаны с данными о зерне из Понта (πρὸς τοῖνυν ἅπαντα τὸν ἐκ τῶν ἄλλων ἐμπορίων ἀφικνούμενον ὁ ἐκ τοῦ Πόντου σίτος εἰσπλέων ἐστίν. – XX 31). Следующее предложение наводит некоторых исследователей на мысль, что под Понтом имеется в виду царство Левкона. По-моему мнению, это не может быть основанием для гипотезы, что Боспор Киммерийский назывался Понтом. Понт был прежде всего широким географическим понятием, морем с прилегающими к нему

береговыми районами, которые включали в себя Киммерийский Боспор, но не только его. Это, по-моему мнению, достаточно четко видно из речи современника Демосфена, Динарха. Так например, Динарх, обвиняя Демосфена в политической ангажированности и лоббизме, говорит о детях Левкона как тиранах из Понта (ἐκ τοῦ Πόντου τυράννους κτλ. – 1.43), но не тиранах Понта. Насколько мне известно, нет ни одного упоминания Понта как узкой конкретной области, или же политического образования в классических источниках. Нечеткая дифференциация между ввозом с Понта и ввозом с Боспора делала невозможным проверку озвученных Демосфеном данных. Это сознательная манипуляция нашего оратора, в том числе и подгонка реальности в идеализированную схему.

Точно так же, как непроверяемые данные, следует оценивать его упоминание записей ситофилаков, которые каждый может посмотреть (καὶ τοῦτ' ἐκ τῆς παρὰ τοῖς σιτοφύλαξιν ἀπογραφῆς ἂν τις ἴδῃ. – XX 32). Здесь Демосфен снова оперирует мифом принимаемым на веру. В определенном смысле его ссылка на ситофилаков бесприкрыта. Никто не будет просматривать бухгалтерские книги, которые велись отдельными магистратами, и высчитывать несуществующую «годовую» сумму, только человек не разделяющий идентификационного «мы». Я убежден, что сам Демосфен тоже не занимался подобными изысками. Имеющиеся данные о деятельности ситофилаков (см. Garnsey 1988, 141) не дают оснований полагать, что в их обязанности входил учет зерна отдельно с Боспора. Отсутствие в наших источниках дифференциации зерна с Понта от зерна с Боспора или из другой причерноморской области делает весьма вероятным, что такого рода «неучет» был общераспространенной практикой, которой следовали афинские официальные лица. «Конкретика» могла появиться лишь в политически мотивированных процессах, но не в записях ситофилаков.

Откуда все же взялась тогда цифра в 400000 медимнов зерна? Она не была абсолютно произвольной и не возникла на пустом месте, а являлась результатом калькуляции Демосфена, который исходил из данных афинских декретов. По крайней мере это было надежнее, чем просматривать учетные записи. Декреты были у всех на слуху, их

можно было зачесть в зале суда, их аргументативную часть можно было использовать, чтобы придать большую убедительность собственной речи. Оратор утверждает, что от 400 000 медимнов, которые он ради наглядности разлагает в сумму из трехсот и ста тысяч медимнов, около 13 000 медимнов, т. е. тридцатая часть, представляет дар Левкона Афинам (οὐκοῦν παρὰ μὲν τὰς τριάκοντα μυριάδας μυρίους δίδωσι μεδίμνους ἡμῖν, παρὰ δὲ τὰς δέκα ὡσπεραεὶ τρισχίλιους. – XX 32).

Можно с уверенностью полагать, что приблизительно таковые объемы зерна действительно присылались время от времени боспорскими владыками в дар афинянам. По крайней мере более поздняя надпись 284 г. до н.э. в честь Спартока III (IG II² 653) говорит о дарении 15 000 медимнов зерна (стр. 23-24). В ответ афинский демос наградил донатора золотым венком, в его честь поставили стелу и две статуи, причем одну на агоре, рядом со статуями предков (стр. 40-41). Обращает на себя внимание, что размер ответных даров Спартоку III несколько превосходит подношения, полученные Левконидами за их предыдущие подарки, упомянутые в надписи (IG II² 212) от 347/6 гг. до н.э. В их честь была установлена стела, они получили золотые венки и право нанимать в Афинах специалистов мореходного дела (стр. 59-60). Учитывая что размер почестей, судя по дарам владыке пеонов Авдолеону и Птолемею II, соответствовал объемам подаренного зерна (Ровалаhev 2011, 101, Anm.78), можно полагать, что дары наследников Левкона были немногим меньше дара Спартока III. и соответствовали приблизительно 13 тыс. медимнов зерна.

Дополнительные данные о размере дарений самого Левкона можно получить из упоминания Демосфеном проданной Каллисфеном приблизительно в 357 г. до н.э. за 15 талантов части полученных с Боспора зерновых. Стандартной ценой одного медимна согласно оценкам Л. Моретти считаются 4 драхмы (Moretti 1976, 163). Если исходить из этого, тогда объем проданного зерна составлял 22 500 медимнов. Если исходить из спекулятивных цен, характерных для чрезвычайной ситуации (XX 33), т.е. от 6-7 драхм и выше, то мы получаем объемы от 15 до 13 тыс. медимнов и даже меньше. Эти цифры очень близки или совпадают

с объемом даров Спартока и предполагаемых даров Левконидов. То, что афиняне спекулировали подаренным зерном, не должно нас сильно удивлять. Скорее наоборот, такого рода транзакции были нормальной, по-моему мнению, практикой.

Из сказанного выше можно заключить следующее. Кажется очень вероятным, что Демосфен взял цифру в приблизительно 13000 медимнов зерна из одного во временном отношении актуального для него и его слушателей декрета. По крайней мере, правда, несколько более поздний декрет 347/6 г. до н. э. в своей аргументативной части в некоторых аспектах буквально совпадает со словами оратора. И Демосфен и декрет старательно избегают намек на тираннический характер власти Левконидов и называют их мужами (XX 30; IG II² 212, стрк. 13).² Далее, оратор «восстановил» общий объем боспорскопого экспорта, исходя из посылки, что озвученные 13 тыс. медимнов составляют тридцатую часть ввозимого зерна. Почему именно тридцатую? Потому, что тридцатую часть вывозимого в Афины зерна Левкон должен был удерживать в качестве сбора (XX 32). Демосфен старается доказать особое бескорыстие Левкона, который дарит полученный зерновой сбор афинянам. Эта достаточно сложная логическая конструкция удовлетворяла афинским идеалам и давала возможность оратору развернуть свою аргументацию. Учитывая сезонные колебания урожайности и тот факт, что реальные дарения были не ежегодными, иначе трудно представить себе ситуацию с ответными подарками афинян, а также сам факт обращения к примеру с Каллисфеном, можно с уверенностью полагать, что данные о 400 000 медимнов зерна, являются риторической фигурой, логичной в системе афинских идеализированных представлений, но далекой от реальности. Насколько современное изучение античности подвержено влиянию высказанных в классику идей и установок можно видеть на примере

² Такого рода эвфемизм был необходим, чтобы оставаться в рамках еще одного важного для афинской идентичности мифа, а именно о врожденной ненависти афинян к тирании. Характерно, что враги Демосфена, ставили ему контакты с тиранами в вину (см. выше обвинение Динарха), как раз с той целью, чтобы показать его внутреннюю чужеродность афинянам.

восприятия теорий Аристотеля о характере тираннической власти (Ostwald 2000, 12). Через чур буквально воспринимают многие исследователи, чтобы назвать еще один выдающийся пример, сообщения Фукидида об основании колоний и восстанавливают на их основе картину греческой колонизации, как направляемого метрополией формализованного процесса (ср. Bernstein 2004, 11-42). Здесь можно возразить, что реальные социально-экономические механизмы, действовавшие в архаическую эпоху авторам позднеклассического времени понять было, ввиду особенностей восприятия истории и исторического процесса крайне сложно, если вообще возможно (Поваляев 2016, 370ff.). Обусловленность высказываний авторов классической эпохи, как впрочем и последующих периодов, ценностными установками своего собственного времени, подчиненность актуальным идеологическим спорам, практически не принимается у нас во внимание.

Аналогичным образом, а именно, буквально, реагирует большая часть научного сообщества на данные Демосфена. Можно с уверенностью констатировать, что античная стилизация Аттики, как, в первую очередь богатой на особый тип людей, а не на почву, влияет до сего времени на оценки ее сельскохозяйственного потенциала в классическое время и вызывает сомнения в способности прокормить собственное население (ср. Garnsey & Scheidel 1998, 192). Причем обаяние афинской классической идеологии настолько велико, что постулируемая ею зависимость Афин от ввоза хлеба переносится в архаику. Как подтверждение этого тезиса рассматривают т. н. закон Солона о запрете вывоза зерновых из Аттики (см. Garnsey 1988, 111). Современное состояние изученности этого вопроса позволяет отвергнуть такую трактовку (о законодательстве Солона см. Schmitz 2004, 249ff.). Кажется необоснованным и модифицированный тезис зависимости: последняя становится неизбежной якобы после пелопонесской войны (Garnsey 1988, 131-132). Если учесть, что при всей засушливости Аттики, ее почвы хорошо подходят для ячменя (ср. Theophr. Hist. pl. 8.8.2), количество пахотной земли могло достигать значительных размеров,

около 35-40% согласно (Garnsey 1988, 92)³, а стратегии минимизации ущерба и противостояния колебаниям урожайности были разработаны уже к началу классической эпохи, если не раньше (Morris 1998, 78), то тезис об абсолютной импортной зависимости афинского полиса является лишь следствием односторонней трактовки Демосфена.

Такой подход обуславливается, во многом тем, что исследователи на ценностном уровне разделяют идеализированные представления оратора и его публики и не учитывают характер жанра судебных речей. Какова же была ситуация в действительности? Нет оснований полагать, что население Афин в середине 4 в. до н.э. существенно выросло или изменилось по социальному составу по сравнению с серединой 5 в. до н. э. или перед началом пелопонесской войны. Напротив, потери среди гребцов, т. е. среди представителей беднейшего и малоземельного демоса превосходили потери среди гоплитов, так что предположение о том, что демос афинян в 4 в. до н.э. состоял из людей полностью зависящих от импорта зерна лишено серьезной доказательной базы. Афиняне получали подарки от боспорских владык, спекулировали ими, использовали удобный случай, чтобы перепродавать излишки. Афины и Пирей могли быть своего рода биржами зерна для всей Греции, иначе трудно объяснить появление огромных, непредставимых для обычного слушателя судебных заседаний, сумм денег в судебных тяжбах (Morris 1994, 359ff.). В целом торговля была подвержена сильным колебаниям, зависящим, в свою очередь, как было сказано выше, от колебаний урожайности, в Аттике, на Боспоре и других местах. Описанная Полибием (4. 38) ситуация, а именно, об отсутствии в Понте постоянных экспортеров

³ По данным П. Гарнси 30% площади Аттики были классифицированы в 1961 г., когда уже более 20 % всех земель были выведены из оборота, как пригодные для зерновой культивации (Garnsey & Scheidel 1998, 192). Уже 25% пахотной земли дают возможность Аттике прокормить более 180 000 человек постоянного населения (Garnsey & Scheidel 1998, 193, Table 11.2) в обычных условиях. Может конечно возникнуть вопрос об уместности использования современных данных для античности. Следует учитывать, что греческое сельское хозяйство в классическую и уже в архаическую эпоху, хотя и являлось доиндустриальным и примитивным, стояло на высшей степени интенсивности, доступной таким системам (Garnsey 1988, 92; Wees 2006, 383-385).

зерна и меняющемся направлении ввоза и вывоза, лучше отражает действительность. Часто используемые, как подтверждение постоянного и массивного экспорта боспорского зерна в Афины, сообщения Страбона (VII 4, 6) следует рассматривать с крайней осторожностью, в контексте пропагандистской войны Митридата VI против римлян. Понтийский царь стремился представить не только себя лично, превосходящим по своим качествам римских полководцев, но и показать, что возможности его царства выше потенциала римских владений.

ЛИТЕРАТУРА

- Гарбузов Г. П.* 2016. Корабли с зерном из Понта, ДБ 20, 175-196.
- Кузнецов В. Д.* 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля, РА 1, 107-120.
- Поваляев Н. Л.* 2015. Интенциональное восприятие окружающей среды. Геродот и археология. XVI Боспорские Чтения. Керчь, 258-265.
- Поваляев Н. Л.* 2016. Античный историк и его «ремесло». Целеполагание в рамках «интенциональной истории». XVII Боспорские Чтения. Керчь, 366-378.
- Bernstein F.* 2004. Konflikt und Migration. Studien zu griechischen Fluchtbewegungen im Zeitalter der sogenannten Großen Kolonisation. St. Katharinen.
- Duplouy A.* 2006. Le Prestige des Élités : Recherches sur les modes de reconnaissance sociale en Grèce entre les Xe et Ve siècles avant J.-C. Paris.
- Foxhall L.* 1997. A view from the top: Evaluating the Solonian property classes, in: L. G. Mitchell & P. J. Rhodes (eds.), The Development of the Polis in Archaic Greece. Routledge, 113-136.
- Garnsey P.* 1988. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Oxford.
- Garnsey P. & Scheidel W.* 1998. Cities, Peasants and Food in Classical Antiquity. Cambridge.
- Lardinois A.* 2006. Have we Solon's verses? in: Solon of Athens. New

- historical and philological approaches. Brill, 15-35.
- Moretti L.* 1976. Inscrizioni storiche ellenistiche, II. Firenze.
- Morris I.* 1994. The Athenian Economy twenty years after the Ancient Economy, CIPh Vol. 89. No.4, 351-366.
- Morris I.* 1998. Archaeology and Archaic Greek History, in: N. Fisher & H. van Wees (eds.), Archaic Greece: New Approaches and New Evidence. London, 1-91.
- Morris I.* 2000. Archaeology as Cultural History. Oxford.
- Ostwald M.* 2000. Oligarchia. The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart.
- Povalahev N.* Woher kam das Korn: Zum Kornreichtum und Kornhandel am Nordpontos, in: N. Povalahev & V. Kuznetsov (Hrsg.), Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos. Göttingen, 77-102.
- Raaflaub K.* 2006. Athenian and Spartan eunomia, or: what to do with Solon's timocracy, in: Solon of Athens. New historical and philological approaches. Brill, 390-428.
- Schmitz W.* 2004. Nachbarschaft und Dorfgemeinschaft im archaischen und klassischen Griechenland. Berlin.
- Schmitz W.* 2014. Die griechische Gesellschaft. Eine Sozialgeschichte der archaischen und klassischen Zeit. Heidelberg.
- Wees H.* 2006. Mass and elite in Solon's Athens: the property classes revisited, in: Solon of Athens. New historical and philological approaches. Brill, 351-389.

ПРОХОРОВ Д.А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

**ПРЕДМЕТЫ КАРАИМСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ МУЗЕЙНЫХ
СОБРАНИЙ КРЫМА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОРГОВЫХ
КОНТАКТОВ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА В XVIII – XIX ВВ.¹**

В средневековом Крыму караимские общины существовали в Солхате (с XIII вв.), а затем появились в Кырк-Йере (Чуфут-Кале; между 1342 и 1357 гг.), Карасубазаре (ныне – Белогорск), Мангупе (во второй половине XV в.), Гёзлёве (Евпатория; в конце XVII – начале XVIII вв.), а также в ряде других, менее крупных населенных пунктах Крымского полуострова. На протяжении длительного времени крымские караимы активно контактировали с единоверцами, проживавшими на территории Турции, Персии, Сирии, Египта и других стран Ближнего Востока, причем эти связи носили не только общинно-религиозный характер, но и были взаимовыгодны с экономической точки зрения. Наглядным свидетельством таких контактов являются артефакты, хранящиеся в караимских коллекциях музеев Республики Крым.

Предметы этнографической части караимской коллекции «Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника» (ГБУ РК «БИКАМЗ») представлены, в основном, различными видами изделий из орнаментированной ткани. По словам известного исследователя 1920-х – 1930-х гг. П.Я. Чепуриной, «в эпоху крымских ханов обучение орнаментному шитью являлось делом не только женщин, но и мужчин. Вышивальщики – “казасы” – составляли

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783-1825» № 15-31-10112.

даже зарегистрированные цехи ремесленников». Они занимались такими сложными и трудоемкими видами работ, как изготовление чепраков для лошадей, походных палаток для ханов, больших, т.н. «пристенных» подушек диванов (чатма йастыкъ) для ханского дворца в Бахчисарае (вдоль стен комнат дворца располагались диваны, на которых сидели члены совета, «Дивана», приближенные хана). Из числа караимских женщин-вышивальщиц и ткачих в конце XVIII в. известностью пользовалась дочь Моше Йерушалми Мурат (Армянский Базар (?) – 1773 г., Чуфут-Кале). По сведениям караимского газзана Б.С. Ельяшевича, она занималась «выработкой разного рода изящных тканей и вышивок «чичитов» для облачения караимского духовенства во время молитвы».

Среди жителей Крыма было широко распространено орнаментное шитье каснак («тамбурная» техника шитья, от формы круглых пялец), на которых выполнялся этот вид шитья на Ближнем Востоке до конца XIX в. Крымские караимы постоянно взаимодействовали с единоверцами из Ближнего Востока (в частности, с караимами Дамаска и Багдада), и «зачастую заказывали там для своих молитвенных домов такие ковры». Еще одним видом декоративного шитья являлось аппликационное, получившее наибольшее распространение среди крымских татар-жителей Южного Берега, а также у караимов и армян Крыма. Эта техника применялась для выделки ковров, которыми покрывали стены комнат, полы в кенасах. Орнаментальное шитье пул (при этой технике металлические блески серебра или золота нашивались на предмет по начерченному заранее узору) использовалось при изготовлении марама (покрывал для невест), фесов (мужских и женских шапочек с украшениями), кисе (кисетов). По словам П.Я. Чепуриной, шитье жемчугом и бисером было «чрезвычайно распространено среди состоятельных татар и караимов».

К 1930-м гг. в «Караимском отделе» Бахчисарайского музея была собрана довольно обширная этнографическая коллекция (о ее составе можно судить по сохранившимся фотонегативам – ГБУ РК «БИКАМЗ», КП-4291/885, КП-4292/886, КП-4293/887, КП-4294/888, КП-4295/889, НВ-11505, НВ-11506). Так, например, в экспозиции отдела были

представлены: три женских кырхи, или салтамарки², детская рубаха с косым воротом (кольмек, кулек), молитовный шарф (чичит), кисет, детская колыбель (бешик)³, три ковра (килим), большой металлический поднос (сини), металлическая миска (тепси), деревянный диван (сэт)⁴, пристенные подушки (чатма йастык), покрывала на подушку, а также несколько бахча⁵. Однако сегодня в фондах ГБУ РК «БИКАМЗ» в описи числятся только ковер ручной работы, столик, люстра и стол. Причем относительно ковра (КП-3051/760) при проведении сверки работниками музея было выяснено, что экземпляра, хранящийся ныне в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» (ранее записанный как предмет имущества Дома для приема гостей в Чуфут-Кале), не аутентичен, а его внешний вид и размеры не совпадают с имеющимся описанием. Очевидно, что этот экземпляр коллекции был заменен другим ковром, однако сведений о том, когда именно это произошло, нет.

Как сообщал директор Бахчисарайского музея У.А. Боданинский, в начале 1927 г. из музейного фонда в основную коллекцию поступила (в порядке обмена на новейшие ковры) партия старинных килимов – ковров без ворса. Общей их особенностью являлись схематические растительные и бытовые мотивы, а преобладающей цветовой гаммой – интенсивный темно-синий бархатный, желтый, «рыжий» и коричневый цвета. Присутствовали

² Кырха, салтамарка, марка – женский короткий пиджак или куртка с широким рукавом без пуговиц; шились, как правило, из темно-синей, темно-зеленой, темно-красной или коричневой, чаще всего кофейного цвета ткани (в основном, бархата), и вышивалась золотыми нитями сложным растительным или геометрическим узором; края рукавов и воротник оторачивались мехом.

³ Согласно караимским обычаям, детскую люльку крепили только деревянными гвоздями.

⁴ Такие сэты, как правило, имели 2 м в длину и 1 м в ширину, и стояли на небольших (8–10 см) ножках, без спинок. Сэты накрывали мандаром (тюфяком, набитым овечьей шерстью), а сверху – ковром, вдоль стен обкладывали подушками, также набитыми овечьей шерстью. В ящики сэтов днем убирали постельные принадлежности. Жители Бахчисарая сэттом также называли глиняное возвышение, тянущееся на высоте 18 см вдоль внутренней части стен дома.

⁵ Бахча (бохча, бакча, бакша) – отрез ткани в форме квадрата (салфетка, шаль, узел), в которую заворачивали одежду, белье и пр.

на рисунках ковров и полутона: бирюзовый, розовый, зеленый, кремовый с светлым тоном самой белой шерсти. Окраска килимов производилась растительными минеральными и животными красками. Часто в орнаментальном рисунке ковров встречалось сочетание античного рисунка меандра с характерной закавказской и среднеазиатской ковровой деталью – гюль («розой»), изредка трансформированной по краям в крутые и сильно выдающиеся завитки кыс, или кыш («краб»). Судя по фотонегативу с изображением войлочных ковров, использовавшихся в кенасе Чуфут-Кале (КП-5076/118), а также фотонегативам с экспозицией «караимской комнаты» Музея Тюрко-татарской культуры (КП-4291/885, КП-4293/887; Рис. 2), где также хорошо видны три ковра, можно констатировать, что все они были выполнены в той же технике, с чередованием геометрического (большие и малые ступенчатые ромбовидные фигуры, некоторые из них – вписаны в квадраты) и растительного орнаментов (стилизация тюльпана, розы); орнаментальные композиции – «бесконечно» продолжающиеся, без выделенного центра. При этом орнаментальные композиции на коврах из «караимской комнаты» имели ярко выраженный растительный орнамент: фитоморфные композиции с выделенным центром в обрамлении повторяющихся растительно-геометрических узоров.

Ярким образцом ближневосточного искусства является йастыкъ усту, покрывало для диванной подушки (Турция (?), XIX в. КП-2678/Т678; в БИКЗ поступила из Эрмитажа в 1973 г.). В экспозиции ГБУ РК «БИКАМЗ» она была идентифицирована, как караимская вышивка. Орнаментальный сюжет характерен для ближневосточного региона: по центру квадратной покрывала вписан квадрат меньшего размера с насыщенным орнаментальным сюжетом, восходящим к арабеске (средневековым мотивам искусства мусульманских стран). В основе орнамента – пространственное развитие повторяющихся групп орнаментальных геометрических мотивов, совмещенных с фитоморфными элементами. Присутствует многократное ритмическое наложение однородных форм, что создает впечатление запутанного прихотливого узора.

Из мебели, предметов интерьера и обихода в караимской части коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» имеется курсю, шестигранный столик

из орехового дерева, инкрустированный вставками из белой кости, перламутром, черепахой, костью и рогом (легенда – из имущества Дома для приема гостей в Чуфут-Кале) (Рис. 1). Такие столики (всего в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» имеется 26 экземпляров) использовались, как правило, для размещения на них осветительных приборов, или же для сервировки. В стилевом отношении имеющийся в коллекции экземпляр изготовлен в традициях турецких мастеров (возможно, имеет турецкое происхождение); сама столешница выполнена в форме декагона, а проемы ножек представляют собой стилизованные ориентальные арки с колоннами. Сюжет на внешних поверхностях столешницы и ножек состоит из фигур двух основных типов орнамента – геометрического (гириха) и растительного (ислими), элементы которого (квадраты, ромбы, треугольники, стилизованные лилии и др.) вписаны в окружности и многоугольники разных диаметров; непосредственно для сюжета, центром которого является вписанная в сложносоставные окружности (выполненные из многочисленных геометрических фигур и растительных элементов) орнаментальная композиция (цветки «нар», или граната), использован метод многократного наложения и переплетения многоугольников, что является отличительной чертой такого рода изделий.

В фондах Крымского этнографического музея (ГБУ РК «КЭМ») собраны предметы, относящиеся к повседневному быту караимских семей; большинство из них датировано концом XIX – серединой XX вв. Среди них значительную часть составляют предметы, приобретенные музеем в начале 1990-х гг.; некоторые экземпляры были переданы в дар непосредственно от членов караимских семей Симферополя и Евпатории. Значительную часть караимской коллекции музея составляют предметы повседневного обихода, кухонная и столовая утварь. Например, среди экземпляров, собранных в коллекции, имеется традиционная посуда для приготовления и подачи блюд, бытовавшая как в караимских семьях, так и в семьях крымских татар, греков, армян и пр. Это – традиционные медные кованые сковороды-тазы (тава), казаны, большие круглые и квадратные подносы (сини), медные тазы (леген), кувшины (гугум,

куман), кофеварки (джезве) и пр. Подавляющая часть этих предметов изготовлена в Крыму местными ремесленниками.

В собрании «Центрального музея Тавриды» (ГБУ РК «ЦМТ») также имеется несколько предметов, относящихся к этнографической части коллекции караимских предметов. Так, сохранилась бахча (КП-14034, И-249; размеры 71х71 см), которая, согласно карточке научного описания, была передана караимским музеем Евпатории. Как правило, подобные отрезки тканей в виде платка или салфетки использовались для завязывания в них мелких предметов. Экземпляр из фондов ГБУ РК «ЦМТ» выполнен из ткани светлого цвета, на подкладке. Орнамент – геометрический, состоит из различных фрагментов цветной ткани; по углам бахчи квадраты разной величины, вписанные друг в друга, в центре – стилизованный цветок из 8 ромбов в окружении вписанных один в другой квадратных разноцветных фрагментов. По углам бахчи имеются металлические кольца (очевидно, вторично использовался для других целей; возможно, для подвешивания на стену в виде ковра).

Что касается предметов религиозного культа и убранства караимских кенас, то здесь ближневосточное влияние ярко иллюстрируют парохеты, или алтарные завесы. Большинство имеющихся сегодня в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» парохетов ранее составляли имущество кенас Бахчисарая и Чуфут-Кале. Орнамент, вышитый на них, имеет вид растительного узора, перемежающегося графическими линиями и фигурами (в часть таких геометрических фигур вписаны симметрично повторяющиеся детали растительного орнамента). Рисунок на парохетах вполне традиционен для этого вида караимских культовых артефактов и представлен такими сюжетами, как: бутоны роз, гвоздик, мальвы (отдельные цветы и букеты в стилизованных вазах), плоды растений (вероятнее всего, миндаля или бадема)⁶, виноградная лоза (символ плодородия). Что касается сочетания в

⁶ Бадем – один из наиболее распространенных сортов крымского раносозревающего тонкокорого сорта лесного ореха, с длинными, несколько сплюснутыми плодами. Помимо этого, «badem» в переводе с турецкого языка означает «миндаль», который является символом супружеского счастья.

декоре орнамента и текстуальной части, то близкие аналогии можно найти в т.н. «мавританском» стиле мудехар, в котором строки стихов из Псалмов чередуются с декоративными растительными виньетками⁷. Материал, из которых изготовлены парохеты – атлас, домотканый холст, шелковые цветные, серебряные и золоченые нити, канитель, бахрома. В сочетании с желтым, зеленым, синим, малиновым цветом атласных вставок ткани, положенной на более плотную основу (как правило, это сукно серого цвета) вышеприведенные характеристики дают основание предполагать, что парохеты имеют не только крымское, но и турецкое, а также ближневосточное происхождение (например, парохет КП-260/167 из коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ»).

Также следует упомянуть о книжной и рукописной частях караимских музейных коллекций. Например, в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» хранится несколько рукописных фрагментов и целых свитков Священного Писания. Экземпляры КП-5076/11 и КП-10030/К731 заключены в аутентичные футляры. Высота свитка КП-5076/11 составляет 35 см; текст имеет 44 строки в амуде. Анализ написания свидетельствует о том, что это – т.н. «Нусах Аризаль» (вариант текстов молитв, соответствующий обычаям какой-то определенной общины). Свиток, очевидно, написан 200–300 лет назад, и, скорее всего, он сефардского происхождения. Свиток КП-10030/К731 имеет высоту 36 см, 54 строки в амуде. Судя по пустым строкам между параграфами (паршийот), и по некоторым другим признакам (например, по скругленному написанию буквы «Шин»), можно предположить, что свиток довольно древний – он мог быть написан более 300 лет тому назад (возможно, свиток имеет ашкеназское происхождение).

Также в коллекции ГБУ РК «БИКАМЗ» имеются и несколько отдельных фрагментов Торы. Например, КП-10031/732 представляет

⁷ Следует заметить, что здания большинства караимских кенас, построенных в XIX – начале XX вв. на территории Российской империи, отличались ярко выраженным эклектизмом, и сочетали в себе мавританский, византийский и готический стили – типичным примером такого эклектизма являются здания кенас в Симферополе, Киеве, Евпатории, Бердянске.

собой одну ерию с тремя столбцами текста, и содержит отрывок из Бамидбар или Дварим (четвертая и пятая книги Пятикнижия). Размер фрагмента клафа (он имеет повреждения и сильно покороблен) 48,5 x 47 см; 42 строки в амуде; написан черными чернилами. В написании применен образец молитвенного канона Нусах Аризаль. Свиток написан не более 200 лет назад, и имеет, скорее всего, ашкеназское (вероятно, хасидское) происхождение. КП-10031/733 – это одна ерия с тремя столбцами текста, конец пятой книги Пятикнижия, Дварим (последняя ерия). Размеры клафа 40,5 x 31 см.; текст имеет 52 строки в амуде и выполнен черными чернилами. Канон написания – Нусах Аризаль. Свиток написан 200–300 лет назад, и он, возможно, сефардского происхождения⁸. Кроме того, имеется также несколько экземпляров Пятикнижия, изданных в Турции в 1833 г. «на языке константинопольских караимов» (КП-9983/684).

Следует также заметить, что тесные торговые связи сохранились между караимами Крыма и их единоверцами из ближневосточного региона и после присоединения полуострова к России в конце XVIII в. Так, в 1837 г. российский император Николай I изъявил желание посетить Крым вместе с семьей; в связи с этим было принято решение провести в Бахчисарайском дворце ремонтные работы, которые производились под наблюдением Таврического и Одесского караимского гахам Симхи бен Шломо Бабовича. По поручению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова гахам специально ездил в Стамбул для приобретения необходимых материалов для восстановительных работ, покупки мебели, ковров, тканей, утвари и украшений (причем, по словам современников, активное содействие в этом вопросе Симхе Бабовичу оказывал великий визирь Османской империи Ивазаде Халил-паша (Галиль-бей).

⁸ Автор выражает благодарность доценту кафедры иудаики «Государственной классической Академии им. Маймонида» И.В. Баркусскому, научному сотруднику РГБ в Еврейском музее и Центре толерантности Е.Р. Олешкевич, научному сотруднику библиотеки РГБ А.В. Лисицыной (г. Москва) за помощь в атрибуции свитков с текстами Пятикнижия.

Таким образом, рассмотренная часть караимских коллекций ГБУ РК «БИКАМЗ», ГБУ РК «ЦМТ» и ГБУ РК «КЭМ» представлена предметами, не только имеющими безусловную этнографическую и историко-культурную ценность, но и свидетельствующими о тесных торговых контактах крымских караимов с партнерами из стран ближневосточного региона, а также о взаимовыгодном культурном обмене.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпашкина О.Н.* Изящные столики под узорчатыми крышками // Восточная коллекция. М., 2014. № 4(59). С. 108–112.
- Боданинский У.А.* Производство шерсти у крымских татар // Крым. М.-Л.: Госиздат, 1924. № 1 (6). Вып. 2. С. 65–75.
- Герцен А.Г.* Археологический аспект истории иудейской общины Мангупа // Материалы Восьмой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. М.: Сефер, 2000. С. 58–61.
- Герцен А.Г.* Археологические исследования караимских памятников в Крыму // Материалы археологии, истории, этнографии Таврии; Ред.-сост. А.И. Айбабин. – Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 744–751.
- Ельяшевич Б.С.* Караимский библиографический словарь (с конца VIII – до 1960 г.). Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. XIV. Кн. 2.
- Желтухина О.* Амальгама природы: искусство вышивки крымских татар // Qasevet. 1998. №1 (26). С. 8–12.
- Кизилов М.Б.* К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7 (25). С. 113–122.
- Кизилов М.Б.* К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. Вып. 6. М., 2003. С. 127–140.
- Кизилов М.Б.* Караимская община Гезлева (Евпатория) в XVIII–XIX вв. по свидетельству очевидцев // Тирош: Труды по иудаике. М.,

2001. Вып. 5. С. 245–256.

Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (Материалы и вопросы) / Мемуары Этнографического отдела ОЛЕАиЭ. М., 1925.

Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв.: Историкоэтнографическое исследование. М.: Наука, 2000.

Чепурина П.Я. Татарская вышивка // Культура и искусство. М., 1936. № 2. С. 103–105.

Чепурина П.Я. Орнаментальное шитье Крыма. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938.

Чепурина П.Я., Ельяшевич Б.С. Караимские брачные договоры «шетары» // ИТОИАиЭ. Симферополь, 1927. Т. 1. С. 181–195.

Morelowski M. Tkaniny Ludowe Karaimskie a sprawa pochodzenia Karaimow krymskich i polskich // Mysl karaimska. Wilno, 1934. Zeszyt 10. S. 44–47.

Shapira D. A Karaim Poem in Crimean-Tatar from Mangup. A New Source for Jewish Turkish History // Turkish-Jewish Encounters/ Studies on Turkish-Jewish Relations throughout the Ages. Haarlem, 2001. P. 79–98.

Рис. 1. Столик (курсю). ГБУ РК «БИКАМЗ», КП-669/22. Вид сбоку.

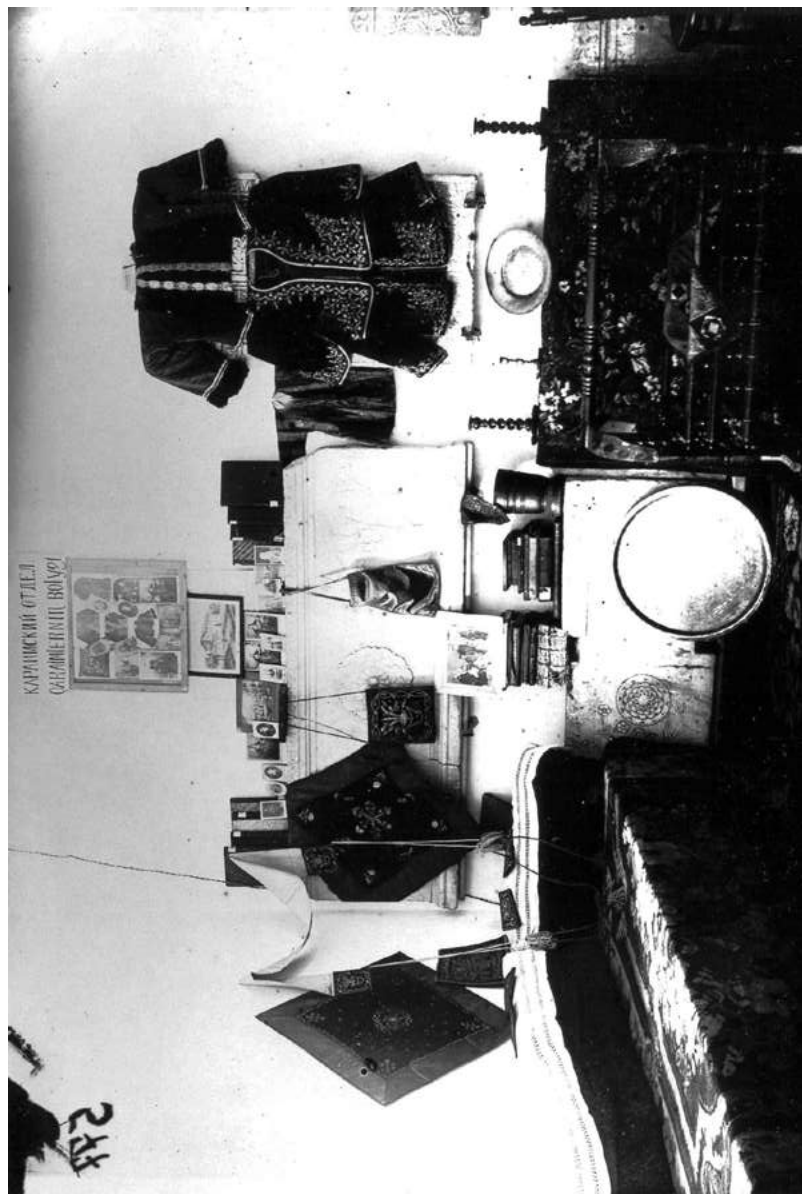

Рис. 2. Интерьер караимской комнаты музея Тюрко-татарской культуры; негатив на стекле, 1930-е гг. ГБУ РК «БИКАМЗ», КП-4293/887.

СИДОРЕНКО В.А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ФРАГМЕНТ ПРОКСЕНИЧЕСКОГО ДЕКРЕТА ИЗ КЕРЧИ

Фрагмент мраморной плиты с шестью строками надписи, обломанный с четырех сторон, был найден в начале сентября 2006 г. при раскопках, проводившихся А. И. Айбабиным на территории Керчи. Размеры: высота 10,4 см, ширина 8 см, толщина 2,2 см. Высота букв 9-14 мм. Шрифт надписи: альфа с «ломаной» горизонтальной гастой, омикрон крупный, диаметром 9-11 мм, мю с апексированными наклонными боковыми гастами, омега различается в написании – в одном случае с расходящимися в стороны нижними горизонталями (ст. 1), в двух других – в виде незамкнутого внизу круга с апексами по краям разрыва и углубленной точкой в центре окружности (стт. 3, 6). Форма пи характеризуется равными шириной и высотой (квадратна) с незначительно выступающей по сторонам горизонтальной гастой. В целом шрифт близок лапидарному письму первых веков н.э. (Рис. 1).

При самом беглом осмотре надписи бросается в глаза повторение фрагментов одного и того же имени Аполлония в стт. 1, 3 и, очевидно, патронимика Фарнакион в стт. 4, 6. Можно заключить, что надпись не могла относиться к списку имен, а представляла собой необычный для боспорской эпиграфики проксенический декрет первых веков н.э., категорию эпиграфических памятников, распространенную в полисах Ойкумены.

Чтение фрагмента декрета:

[Ἀπολ]λῳνιο[ς τοῦ Φαρνακίωνος]

[ἐκ προγόνων φιλ]ότειμο[v]

[Α]πολλωνί[ου τοῦ Φαρνακίωνος]

[... ἐπειδὴ Ἀπολλῳνιο]ς τοῦ Φα[ρνακίωνος]

[φιλοπᾶτ]ρου δῆ[μωι ... ἐπαινέσαι μὲν ἐπὶ τοῦτοισ]

[Ἀπολλώνιον τοῦ Φαρνακίου νο[ς δεδόσθαι δὲ αὐτῷ καὶ
ἐγγόνοις προξενίαν, πολιτείαν κ.т.λ.].

Рис. 1. Фрагмент проксенического декрета из Керчи.

Перевод: «Аполлоний, (сын Фарнакиона)...(от предков) достойный... Аполлонию, (сыну Фарнакиона)... (поскольку) Аполлоний, сын Фарнакиона... любви к отечеству, народ... (постановил восхвалить за это Аполлония, сына) Фарнакиона, (и дать ему проксению, гражданство) и т.д.».

Нельзя исключать случайность попадания обломка иногородней мраморной плиты на Боспор. Вероятно, в средневековые мрамор в виде обломков являлся предметом торговли в качестве сырья для приготовления извести, чем объясняется находка в Судакe фрагмента боспорской надписи при зачистке известковообжигательной ямы. Но именно то, что боспорские мраморные обломки чаще всего являлись предметом вывоза в ближайшую, бедную известняками округу, опровергает необходимость

обратного – ввоза на Боспор мраморного боя, которого в виде остатков античных памятников здесь вполне хватало. Обломок камня мог также быть привезен вместе с балластом кораблей. Иначе объяснить, кажется, невозможно находку в море у берега Херсонеса окатанного фрагмента мрамора со следами надписи в невиданной для Херсонеса манере стойхедон и реконструируемыми названиями гераклейских фил, впрочем, публиковавшуюся как херсонесская. Но для подобного случая надпись из Керчи мало подходит, поскольку найдена при раскопках в отдалении от морского берега. Таким образом, достаточно велика вероятность, что появиться в Керчи (Пантикапее, Боспоре) декрет мог в том случае, если проксеном являлся гражданин Пантикапея-Боспора, которому на родине устанавливалась копия проксении, данной ему дружественным полисом.

Имя Аполлоний широко распространено в античных городах Причерноморья, но Фарнакион встречается не так часто и весьма популярно в Пантикапее. Если имя Аполлония только по упоминаниям в «Корпусе боспорских надписей» встречается более 40 раз, то Фарнакиона – 63, но конкретного лица – Аполлония, сына Фарнакиона, здесь не находится.

Установить по фрагменту декрета, каким из городов была дана проксения гражданину Боспора, к сожалению, не представляется возможным. Круг поиска такого города может быть ограничен употреблением в декрете формы постановления от имени только народа без упоминания Буле (Совета), что, например, встречается в Ольвии, но известно и в некоторых других городах Северо-Западного Причерноморья. Находка в Керчи фрагмента проксенического декрета не открывает нового в ранее известных по иногородним документальным свидетельствам широких торговых связей Боспора с приморскими городами, но подтверждает вознаграждаемое наследуемым потомками правом проксении участие его граждан в экономической и политической жизни этих городов.

СМЕКАЛОВА Т.Н.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

О РАСПОЛОЖЕНИИ ДРЕВНИХ ПРОЕЗДОВ ЧЕРЕЗ УЗУНЛАРСКИЙ ВАЛ ПО ДАННЫМ ДИСТАНЦИОННЫХ И КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Как известно, 2016 г. ознаменовался замечательной находкой древнего каменного моста через Узунларский вал (Супренков, 2016). Открытие этого проезда исследователи относят к счастливой случайности, однако настолько ли непредсказуемым был этот результат? В данной статье на основании анализа дорожной сети, представленной на старинных картах Керченского п-ва, рассматриваются возможная связь древних проездов через Узунларский вал с местами пересечений его дорогами XIX в. Работы проводились при финансовой поддержке проекта № 33.5604.2017/БЧ Госзадания и проекта РГНФ № 15-31-10151.

Узунларский (Аккосов, Турецкий, Киммерийский) вал полностью отсекает восточную часть Керченского п-ва от остальной части Крыма и простирается от Азовского побережья (в районе с. Ново-Отрадное, бывш. д. Аджи-Бай) до северного берега Узунларского оз. (в районе бывш. д. Узунлар) (рис. 1). Вал был проложен с максимальным учетом рельефа и гидрогеологической ситуации. Его длину удалось сократить на четверть, включив в линию обороны Узунларское озеро длиной в меридиональном направлении почти 10 км. Вал поражает не только своей протяженностью (35 км), но и прекрасной сохранностью насыпи и рва, достигающих местами высоты 2,5-3 м и глубины до 2 м соответственно. Исследователей и картографов, начиная с XVIII в. неизменно привлекал этот выдающийся элемент древней фортификации Крыма (Бларамберг, 1848; Марти, 1926; Гайдукевич, 1949; Блаватский, 1954; Мосейчук, 1983; Ланцов, Голенко, 1999; Колтухов, Труфанов, Ужинцев, 2003). В

конце 1990-х и начале 2000-х гг. было предпринято широкомасштабное исследование вала под руководством А.А. Масленникова, результатом которого явилась монография (Масленников 2003). В этом проекте принимала участие и автор данной статьи; в нашу задачу тогда входили магнитные съемки предполагаемых башен на валу. Полученный чрезвычайно ясный и информативный магнитный план одной из нераскопанных башен, располагающейся на южном гребне Таганашской котловины, свидетельствует о высокой степени стандартизации башенных построек вдоль вала (Масленников, 2003, с. 99). К сожалению, в 2011 г. в самой непосредственной близости от этой башни была воздвигнута вышка ветряной «мельницы», разрушившей восточную округу башни. Археологи, проводившие предварительные исследования перед строительством ветроэлектростанции, по-видимому, не были знакомы с опубликованными результатами этих работ, что вызвало существенные повреждения важного археологического объекта, входившего в систему Узунларского вала.

Как показали раскопки 2016 г., проведенные по проекту магистрального газопровода, Узунларский вал хранит еще много тайн и требует продолжения исследований. Недостатком предшествующих работ по изучению этой важной фортификационной линии, следует, вероятно, признать отсутствие изучения ее как части крупной инфраструктуры, главную роль в которой играет сам ров и вал. Для того, чтобы понять все особенности вала, необходимо изучать его положение в древнем и уже сложившемся культурно-историческом ландшафте. Как и другие протяженные археологические структуры, исследование вала необходимо проводить с использованием всего арсенала дистанционных и картографических методов - космических снимков, архивных аэрофотографий, и, обязательно, старинных и современных карт. Обнаруженные особенности необходимо проверять в ходе автомобильно-пеших разведок, геофизических съемок и выборочных раскопок.

В данной работе в фокусе исследования было изучение старинной дорожной сети в районе Узунларского вала с целью обна-

ружения возможных древних проездов через него. В качестве рабочей гипотезы служило предположение о том, что проселочные дороги, пересекавшие вал и ров издавна вплоть до наших дней, должны были использовать уже существующие древние мосты через ров и проезды в валу. Действительно, ров и вал были препятствием для гужевого транспорта и всадников не только на протяжении античной эпохи, но и вплоть до XIX в. И сейчас эта фортификационная линия является преградой для движения автомобилей. В силу монументальности капитально построенных в древности проездов, они могли использоваться еще долгое время после окончания функционирования этой античной линии обороны.

Для проверки этой гипотезы в программах MapInfo и Google Earth Pro были совместно изучены все доступные геореферированные карты XVIII и XIX в., с нанесенными на них дорогами (карты Федора Черного 1790 г., генерал-майора Мухина 1817 г., полковника Бетева 1842 г., трехверстовая военно-топографического депо (ВТБ) 1847 г., полуверстовая 1897 г.). Выявленные возможные проезды через вал затем изучались на космических и архивных аэрофотоснимках для того, чтобы определить особенности местности, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположение о наличии древнего проезда через вал. К числу таких особенностей относятся видимые разрывы в линии вала, наличие всхолмлений в непосредственной близости от него с восточной (внутренней, защищенной) стороны, изломы и резкие изгибы линии вала и рва, наличие «бастионов», уширений и т.п. неоднородности.

Первым подтверждением выдвинутой гипотезы послужил тот факт, что только что обнаруженный античный мост через ров и вал действительно служил активно действующим проездом вплоть до конца XIX в. Об этом свидетельствуют все имеющиеся карты: Бетева 1842 г., ВТБ 1847 г. и полуверстовая 1897 г. (рис. 1, 2а). Дорога, устремляющаяся к этому проезду, маркировалась курганами, отмеченными на полуверстовой карте, что говорит о древности этого маршрута (рис. 2а, 1). Проезд находился в 1,6 км вдоль по линии вала от основной шоссейной дороги Феодосия-Керчь. На карте 1897 г. с юго-восточной стороны у проезда

обозначена курганообразная возвышенность высотой 1,1 сажени (2,34 м) (рис. 2а, 3). На космическом снимке от 25 мая 2015 г., эта возвышенность хорошо видна, а также ясно просматривается и проезд в валу (рис. 2б, 1, 3). Так «Ворота на Боспор» выглядели до начала масштабных раскопок по проекту газопровода. Согласно результатам раскопок 2016 г., возвышенность оказалась курганом с двумя кольцевыми каменными обкладками, на вершине которого была сооружена сторожевая башня стандартного плана и примерно таких же размеров, как и две другие башни на южном и северном краях Таганашской впадины (Супренков, 2016, с. 330; Масленников, 2003, с. 99).

Вдохновленные удачей, мы продолжили анализ старинных карт и современных космических снимков с целью нахождения других возможных проездов через ров и вал. Наиболее информативными оказались карты Бетева, ВТБ (рис. 1) и полуверстка. На них удалось наметить 16 предполагаемых проездов, в районе которых при визуальных автомобильно-пеших разведках, а также по космическим и архивным аэрофотоснимкам обнаружены сопутствующие археологические структуры, характерные для районов ворот. Начнем рассмотрение этих гипотетических проездов с севера.

«Проезд 1». Находится в 1,5 км вдоль по линии вала от Азовского побережья. Вал пересекается дорогами на картах Бетева и трехверстовой военно-топографического (ВТБ) (рис. 1, 1) и полуверстовой. В этом месте зафиксирован излом Узунларского вала, так что он делает резкий поворот к западу на 40°. Высота предполагаемого проезда над уровнем моря – 51,4 м. В 120 м к северо-востоку от «проезда» находится крупный курган высотой до 4,5 м. В нем А.А. Масленников много лет назад наблюдал каменный ящик с «елочным» орнаментом черной краской (Масленников, 2003, с. 57). Курган сильно разрушен капониrom времен войны.

«Проезд 2». Находится в 1,6 км к югу вдоль по линии вала от предыдущего «проезда». Его абсолютная высота – 65 м над уровнем моря. Здесь вал пересекается многочисленными дорогами, показанными на картах Бетева, ВТБ (рис. 1, 2) и полуверстке. В 1,8 км к востоку-юго-востоку от этого проезда располагается крупное городище

Белинское позднеантичного времени, с которым, вероятно, этот проезд непосредственно связан. «Проезд 2» на полуверстовой карте детально показан в виде не просто разрыва в линии вала, а как совершенно определенное смещение оси северной части вала относительно оси южной. Отмечено также какое-то утолщение южной оконечности вала, которое хорошо заметно и на космическом снимке. В 60 м от «проезда» с внутренней стороны находилось небольшое всхолмление, которое, как показали раскопки 2000 г., оказалось прямоугольной башней, внешними размерами 11,8 x 9,8 м, разделенное на два помещения, с находками второй половины I в. до н.э. (Масленников, 2003, с. 77).

«Проезд 3». Находится в 860 м к югу от предыдущего «проезда» вдоль линии вала в том месте, где вал огибает с запада возвышенность высотой 92,8 м над уровнем моря, носящую имя Керменчик (рис. 1, 3). Здесь вал пересекают дороги, показанные только на полуверстовой карте. Этот «проезд» оформлен в виде полукруглого «бастиона», который прекрасно виден как в рельефе местности (Масленников, 2003, с. 96), так и на космическом снимке. Он показан и на полуверстовой карте в виде круто отогнутой линии вала. На г. Керменчик могла находиться сторожевая башня, аналогичная встреченным у «проезда 2» и по обеим сторонам Таганашской впадины.

«Проезд 4». Находится в 1,6 км от предыдущего вдоль линии вала, с северной стороны Таганашской впадины. Дороги пересекают здесь вал на всех рассмотренных картах (рис. 1, 4). Как известно, на северном гребне, ограничивающем впадину, на вершине 117,3 м над уровнем моря, находилась сторожевая башня, которая была раскопана в 2000 г. (Масленников, 2003, с. 99). Вероятно, эта башня и охраняла проезд через ров и вал.

«Проезд 5». Отстоит от предыдущего проезда на 2,11 км. Проходит с южной стороны Таганашской впадины и находится «под присмотром» уже упоминавшейся стандартной башни, выявленной магнитной съемкой на вершине южного гребня высотой 143,9 м, ограничивающего впадину. В этом месте на всех рассмотренных старых картах дороги пересекают Узунларский вал (рис. 1, 5).

«Проезд 6». Находится в 2,3 км вдоль линии вала от предыдущего «проезда». На картах Бетева, ВТБ и полуверстке дороги пересекают вал в этом месте (рис. 1, 6). Оно весьма примечательно, так как здесь, с восточной, внутренней, стороны вала, находятся рядом два кургана, один из которых имеет высоту 7 м и диаметр 45 м, другой несколько меньших размеров (высота 4 м и диаметр 30 м). На полуверстовой карте видно, что дорога проходит между курганами.

«Проезд 7». Находится в 1,3 км от предыдущего «проезда» вдоль по линии вала, у северного подножья возвышенности (178,3 м над уровнем моря). Эту возвышенность занимает городище, предполагаемый боспорский городок Савроматий. На всех исторических картах, да и в наше время, дороги пересекают вал в этом месте (рис. 1, 7). С южной стороны городища вал делает резкий излом, но «проезда» в этом месте на старых картах не наблюдается. Вероятно, данная особенность вала имеет отношение к фортификации городища.

«Проезд» 8. Наконец, в 1,45 м от предыдущего «проезда» находились «Боспорские ворота», раскопанные в 2016 г. Как уже упоминалось выше, на всех исторических картах дороги пересекают вал в этом месте (рис. 1, 8). До начала раскопок здесь был виден проезд и возвышенность с восточной (внутренней) стороны. Как уже упоминалось, здесь оказался древний переезд через ров, оформленный по сторонам каменными створками. На вершине кургана находилась сторожевая двухкамерная башня прямоугольной формы внешними размерами 10х6 м (Супренков, 2016, с. 329). Абсолютная высота проезда над уровнем моря 131 м.

Почти сразу за этим проездом, в 88 м к юго-востоку вдоль гипотетической линии вала, он уничтожен современной распашкой на протяжении 940 м. Вал снова виден только у самого шоссе, в 600 м от последнего.

«Проезд 9». Один из главных проездов через Узунларский вал проходил, вероятно, на месте шоссе-ной дороги Феодосия – Керчь, которая не только помечена на всех рассматриваемых картах, но и поныне является главной магистралью Керченского п-ва (рис. 1, 9).

Абсолютная отметка высоты у проезда – 125 м. «Проезд 9» отстоял от «Боспорских ворот» на 1,68 км. В 1827 г. И.Г. Бларамберг сделал три разведывательные траншеи в 50 шагах вправо и влево от дороги, в которых он обнаружил остатки стены из грубых камней, служивших, возможно, основой земляной насыпи. Во второй траншее были открыты «признаки стены или фундамента из тесаных камней, без цемента, но образующих строение, по системе кладки одного над другим». В третьей траншее находилась стена, которая «была подкреплена полукруглой башней, которая прикрывала ограду и защищала «анфиладою» ров (Бларамберг, 1848, с. 10; Масленников, 2003, с. 39-41). Не являются ли все эти остатки еще одним каменным мостом через ров и остатками сторожевой башни, наподобие таких же объектов, раскопанных в 2016 г.?

Не исключено, однако, что древний проезд находился в 300 м к северу от шоссе, там, где на всех картах отмечен изгиб вала. Особенно ясно он виден на полуверстовой карте, кроме того, здесь также обозначена какая-то продолговатая насыпь с восточной, внутренней, стороны (рис. 2а, 2).

«Проезд 10». Следующий «проезд» находится уже к югу от шоссе, в 2 км к юго-востоку вдоль по валу, у начала подъема на полукруглую в плане возвышенность высотой 174,8 м (рис. 1, 10). На всех рассматриваемых картах здесь отмечены дороги, пересекающие ров и вал. На карте 1957 г. масштаба 1:25 000 здесь показан разрыв в линии вала.

На вершине возвышенности, на перегибе линии вала с восточной (внутренней) стороны на полуверстовой карте отмечена небольшая насыпь (курган ?). С западной стороны к этой точке подходит целая цепочка курганных насыпей, идущих по вершине естественного поднятия.

Далее вал проходит в более сложных рельефных и гидрогеологических условиях. Поднявшись на вершину восточной оконечности Парпачского гребня, он точно повторяет плавный изгиб этой естественной возвышенности.

«Проезд 11». В 1,58 км вдоль по линии вала от предыдущего проезда находится еще один «проезд», который отмечен на всех

рассматриваемых картах (рис. 1, 11). В начале 2000-х гг. здесь была построена газоперекачивающая станция и через вал проложена ветка газопровода (Колтухов, Труфанов, Ужинцев, 2003). На карте 1955 г. масштаба съемки 1:25000 здесь показано явное понижение рельефа гребня не менее, чем 5 м (абсолютная высота 165,0 м). По верхушке гребня идут многочисленные курганы. Не исключено, что какие-то из них могут содержать в себе сигнальные сторожевые башни.

«Проезд 12». Находится в 1,6 м от предыдущего, если считать вдоль по линии вала. Он находится приблизительно посредине дуги возвышенности. На полуверстовой карте, а также на космическом снимке здесь отображаются естественное понижение гребня не менее, чем 5-7 м, а также резкие локальные изгибы вала и рва и небольшая насыпь, примыкающая к валу с восточной (внутренней) стороны (рис. 1, 12).

«Проезд 13» находится в 2,9 км от предыдущего, в том месте, где дуга естественной возвышенности понижается более чем на 40 м (высота в районе проезда 137,6 м). На всех рассматриваемых картах дороги пересекают в этом месте вал и ров (рис. 1, 13). Невдалеке от предполагаемого «проезда» имеется две небольших возвышенности, одна из которых, высотой 4 м, очень четко видна на космических снимках. Возможно, именно здесь в 1926 г. провел исследования директор Керченского музея Ю.Ю. Марти в связи с находкой в кургане захоронения с богатым набором вещей «готского стиля». Он отмечал, что здесь в линии вала существовал разрыв, или ворота, фланкированные двумя круглыми «усеченными» возвышенностями, усеянными черепками. Рядом исследователь отмечал наличие на линии вала двух курганообразных насыпей в 120 шагах к северу, другая всего в 30 шагах к востоку (Марти, 1926, с. 91).

«Проезд 14» находится в 1,42 км от предыдущего, с северной стороны Марфовской котловины. На всех картах у этого места показаны дороги, ведущие в обход озера с северной стороны и выходящие по склону к прерывающейся в районе оврага линии вала и далее на восток (рис. 10, 14). Здесь на полуверстовой карте отмечены несколько колодцев. Абсолютная высота проезда – 132,5 м.

«Проезд 15» находится на расстоянии 4,5 км от предыдущего «проезда» и располагается с южной стороны Марфовской котловины, в месте естественного понижения природных гребней. На всех картах здесь через вал проходят дороги (рис. 1, 15). Поблизости от «проезда» на полуверстовой карте отмечены колодцы, в 360 м к востоку – возвышенность (курган?). В этом месте вал поврежден современной асфальтовой дорогой на Марьино. Далее вал снова следует по гребню естественной возвышенности и проходит через г. Биегр высотой 144,2 м. Затем, вместе с гребнем возвышенности, вал спускается к оз. Узунлар, где и находится последний педполагаемый «проезд» через него.

«Проезд 16» расположен на склоне, в 5,04 км от «проезда 15». Здесь его пересекают дороги, что показано на всех старинных и более современных картах (рис. 1, 15). На полуверстовой карте в данном месте отмечен колодец.

Выводы. Предполагаемые проезды в Узунларском валу идут с фиксированным интервалом, равным, в среднем, 2 км, несколько нарушаемым только природными особенностями местности. Интересно, что в северной части среднее расстояние между проездами меньше и равно 1,6 км. Возможно, этот интервал, близкий к 10 греческим стадиям был «заложен» в первоначальном проекте сооружения рва и вала, и был скорректирован при перенесении проекта на реальную местность с ее рельефными и гидрогеологическими особенностями. Почти возле каждого предполагаемого проезда имеется возвышенность, которая может таить в себе сторожевой пост в виде башни стандартных размеров и планировки. Предполагаемые «башни» находятся в системе прямой визуальной связи, что нами проверено с помощью viewshed анализа в программе MapInfo и ее приложении Vertical Mapper. В силу большой протяженности вала, в дальнейшем необходимо применять дистанционные методы исследования, среди которых особенно эффективным может оказаться лазерное сканирование поверхности с земли и воздуха, микротопографическая прецизионная и геофизическая съемки.

ЛИТЕРАТУРА

- Бларамберг И.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. II. 1.
- Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1954.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л. 1949.
- Колтухов С.Г., Труфанов А.А., Ужинцев В.Б.* Новые материалы к строительной истории Узунларского вала // Древности Боспора, №6, с. 176-183.
- Ланцов С.Б., Голенко В.К.* О западной границе Боспора в IV в. до н.э. // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. СПб. 1999.
- Мартин Ю.Ю.* Сто лет керченскому музею. Симферополь. 1926.
- Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М. 2003.
- Мосейчук С.Б.* Аккосов вал // КСИА. 174.
- Супренков А.А.* Боспорские ворота – новейшее открытие при раскопках на Узунларском валу // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб, 2016, 328-333.

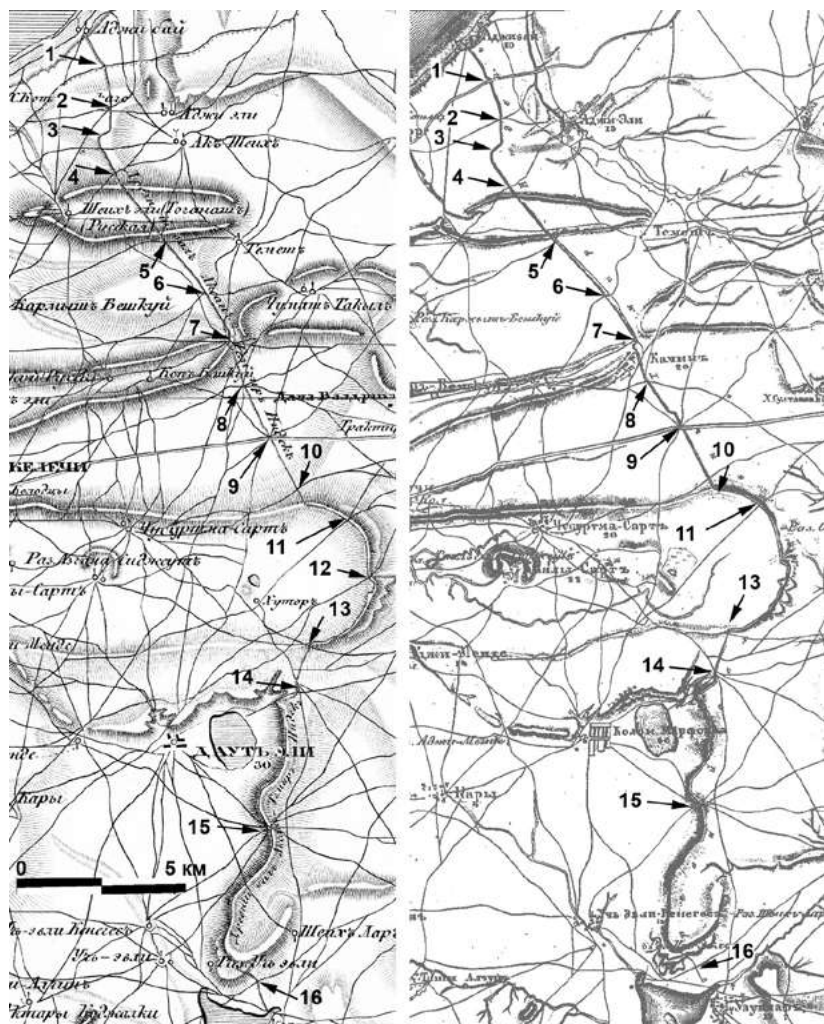

Рис. 1. Узунларский вал, показанный на картах полковника Бетева 1842 г. (а) и трехверстовой военно-топографического депо (ВТБ) 1847 г. (б). Цифрами обозначены возможные проезды через вал.

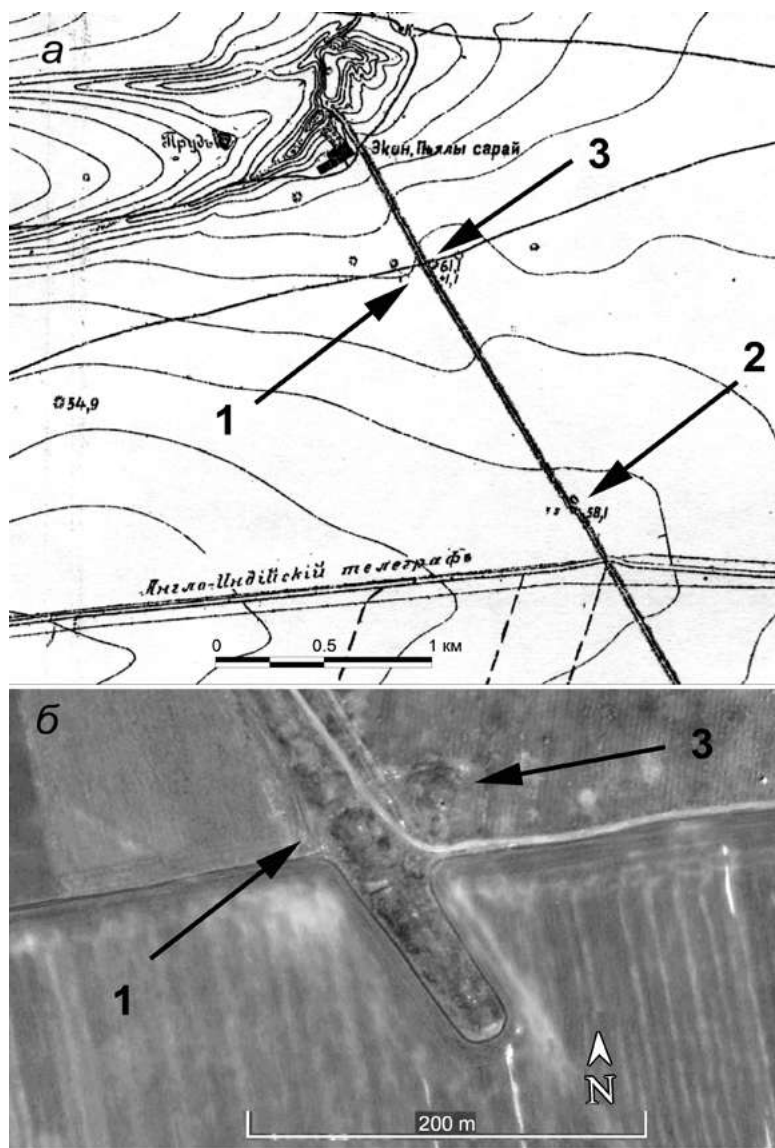

Рис. 2. а – Полуверстовая карта Проезда (№8) в Узунларском валу к северу от шоссе Феодосия-Керчь, раскопанного в 2016 г. б – Космический снимок от 15.04. 2011 г. этого проезда. 1 – проезд в вале, 2 – насыпь и излом вала; 3 – возвышенность, скрывавшая башню и курган.

СМЕКАЛОВА Т.Н., КУТАЙСОВ В.А.
(НИЦ ИАК КФУ; ИАК РАН, Симферополь)

**«ВОРОТА» НА ТАРХАНКУТ.
ДРЕВНИЕ КОЧЕВНЕЧЕСКИЕ ПЕРЕПРАВЫ В ВЕРХОВЬЯХ
ОЗ. ДОНУЗЛАВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ**

В 2012-2016 гг. были предприняты систематические комплексные разведки и выборочные раскопки в верховьях озера Донузлав - одного из крупнейших и глубочайших внутренних водоемов Крыма, находящегося в северо-западной части полуострова. Ранее, в 2011 г. берега нижней части озера от морского побережья до шоссеиной переправы - Аблямитова моста - были исследованы в рамках проекта РГНФ по изучению творческого наследия П.Н. Шульца, который в 1960-62 гг. провел исследования берегов озера перед строительством здесь базы ВМФ. Карта П.Н. Шульца и результаты наших разведок 2011 г. были опубликованы в виде монографии [Смекалова 2012, 6-221]. Новые междисциплинарные археологические исследования 2012-2016 гг. коснулись важной части озера, его верховьев, которая в древности служила своеобразными «воротами на Тарханкут». Исследования проведены при финансовой поддержке проекта № 33.5604.2017/БЧ Госзадания «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке» и гранта РГНФ-а(ц) № 10107.

Со времени своего образования, оз. Донузлав служило естественной преградой для людей и животных, обитающих на его берегах. Поэтому песчано-ракушечная пересыпь между озером и морем, с юга, и броды в верховьях Донузлава, с севера, были единственными сухопутными переправами через него. Эти пути, следовательно, во все исторические периоды имели важное коммуникативное значение.

Действительно, в то время как главная сухопутная античная дорога из Херсонеса в северо-западную Таврику пролежала вдоль побережья и маркировалась многочисленными греческими поселениями (рис. 1а), пути кочевников из степного Крыма проходили в верховьях Донузлава (рис. 1б). Здесь находились древние переправы, пересекающих русла оврагов водосбора Донузлава, прослеживающиеся по курганным цепочкам, устремляющимся к этим местам (рис. 2). Здесь же бьют многочисленные и мощные родники (см. на рис. 1б), дающие начало ручьям, сливающимся затем в мощное тело глубокого, длинного и извилистого озера Донузлав. В древности именно здесь можно было перейти озеро, являющееся естественной границей Тарханкута, а также предоставить отдых и водопой людям и животным. Район верховьев Донузлава был важен в особенности для кочевых племен, так как он является своеобразными «воротами» для прохода из обширных степей Центрального Крыма на полуостров Тарханкут с его более мягким климатом, прекрасными пастбищами и природными укрытиями в глубоких и извилистых оврагах. Поэтому не удивительно, что верховья Донузлава в древности были довольно густо заселены: здесь обитали оседлые или полuosедлые племена, существовали сезонные и транзитные стоянки на пути перекочевков.

На всех водоразделах балочной системы верховьев Донузлава фиксируется большая концентрация крупных курганов с земляными насыпями (рис. 2). Длинная цепочка крупных курганов, состоящая из не менее, чем 11 насыпей, тянется по вершине водораздела между Донузлавской балкой и ее восточным притоком. Именно в районе современного села Красноярское (бывшей татарской деревни Донузлав), главные пути из центрального степного Крыма на Тарханкутский полуостров пересекали верховья озера Донузлав (рис. 1б). Длинные курганные цепочки, идущие по вершинам водоразделов, маркируют эти пути, протянувшиеся от центрального и предгорного Крыма далее к востоку и северо-востоку по направлению к западной оконечности п-ва Тарханкут (рис. 2).

С сезонными передвижениями кочевых племен связаны стоянки

и зимовья, находящиеся под укрытием высоких берегов и поблизости от многочисленных родников в верховьях оз. Донузлав и, особенно, в длинных петляющих балках, являющихся его истоками. Глубокий и чрезвычайно извилистый овраг Агар-Су, впадающий с запада в оз. Донузлав, образует крутые повороты и петли (рис. 16). Внутри одной из таких «петель» нами были обнаружены каменные сооружения, которые, вероятно, являлись загонами для скота (рис. 16, 1). Судя по внешнему виду и степени сохранности этих построек, они относятся к недавнему времени. Вдоль обрывистого берега оврага с западной стороны при входе в «петлю» на два десятка метров тянется стена, сложенная в технике двухфасной кладки из необработанного камня. Загоны составлены из крупных камней, рядом с ними находятся какие-то небольшие строения, состоящие из нескольких помещений. Выделяется круглое каменное сооружение диаметром около 15 м. В целом можно интерпретировать данный комплекс сооружений как систему загон для скота. Мы уже встречали подобные сооружения в центральном Крыму, в урочище «Зимники» к северу от с. Луговое Белогорского района. Вероятно, и здесь мы также имеем дело со старинным местом зимовки скота, так как пониженная в рельефе долина, образованная полной петлей оврага Агар-Су, защищена от холодных ветров всех направлений. В обоих случаях использовались природные особенности местности, позволяющие содержать большие стада на защищенных от холода местах. Узкая долина, идущая по дну оврага Агар-Су заполнена наносами плодородной почвы и могла служить превосходным пастбищем. В настоящее время долина распахивается и засеивается зерновыми культурами, поэтому в мае, во время разведок, она выглядела как «зеленая река». И сейчас в излучинах оврага видны следы многочисленных татарских загон, выстроенных из крупных камней. Вполне вероятно, что подобные зимники использовались и скифами-кочевниками, хотя прямых доказательств этому у нас пока нет. В следующей к востоку «петле» также находится загон, построенный из огромных камней.

Помимо скотоводческих стоянок и «зимников» в овражной системе верховьев Донузлава находятся многочисленные и хорошо

сохранившиеся поселения раннего железного века. Они относятся к джангульской этно-культурной группе, признаки которой недавно были сформулированы в работе: «Археологический атлас Северо-Западного Крыма» [Смекалова, Кутайсов 2017, с. 425]. Эта общность была выделена после систематических исследований автора в 2007-2016 гг. глубинных территорий Северо-Западного и Предгорного Крыма, когда выяснилось, что уже во второй половине IV в. до н. э. Северо-Западная Таврика была густо населена многочисленными родственными племенами земледельцев и скотоводов. В античное время здесь сосуществовали три этно-социальные группы: эллины-колониисты, скифы-номады и автохтонное оседлое население, родственное кизил-кобинцам или таврам. Именно последние и были, вероятно, той рабочей силой, которую греки использовали для производства необходимого для Херсонеса и Боспора количества зерна. Ареал этого местного земледельческого населения, выходит далеко за рамки Северо-Западного Крыма и охватывает пограничную полосу степей и предгорий и Керченский полуостров. Поселения, относящиеся к джангульской этно-культурной группе, все сходны между собой и различаются только размерами. Они объединяют жилые и хозяйственные комплексы, в состав которых входят: большая постройка, малая постройка (постройки), группа ям, загоны и, иногда, полуземлянки и зольники. Число комплексов колеблется от 1-2 до 20-25.

Помещения приближаются по форме к прямоугольным, или имеют неправильную форму. Стены построены в технике двухлицевых кладок, с применением крупных необработанных плит, поставленных на ребро, облицовывавших внутреннюю часть помещений. Верхние части плит, составляющих кладки, возвышаются над современной поверхностью в виде зубцов. Часто встречаются два больших плоских камня, поставленных параллельно на ребро на небольшом расстоянии друг от друга. Возможно, они оформляют вход. Поселения неукрепленные, постройки располагаются свободно, на расстоянии от 20 до 70 м друг от друга.

На ближайших локальных водоразделах находятся каменные

курганы небольших размеров, соотносящиеся по числу с количеством домов на поселении. Курганы с каменной или, реже, с каменно-земляной насыпью, имеют крепиды кольцевой формы (очень редко – прямоугольной) из крупных необработанных блоков. Эти ограды опоясывают центральную часть кургана и каменные «ящики» или склепы, сложенные из больших необработанных плит. Часто в центре кургана, на его вершине, лежат плашмя или наклонно колоссальные плиты сводчатого перекрытия склепов. Дромосы сдвинуты относительно продольной оси склепа: одна из стен дромоса обычно является продолжением стены погребальной камеры. Поселения привязаны к балочной системе и располагаются на мысах между двумя балками, на берегах балок, их склонах в придонной части, в верховьях балок.

Поселение 605

Резкий изгиб оврага Агар-Су и боковой его приток Керкелиз образуют еще одну большую замкнутую «петлю» неправильной формы. Здесь обнаружено «варварское» поселение эллинистического времени, получившее номер 605 (рис.26, 2) Оно расположено на высоком берегу, полого спускающемся ко дну оврага Агар-Су. Поселение находится на небольшом мыске, а также на противоположной стороне маленькой балки и состоит из не менее, чем четырех-пяти каменных наземных строений. Поселение является типичным, относящимся к джангульской этно-культурной группе.

К северо-западу от поселения и к западу от кургана на космическом снимке хорошо различимы полосы – границы древних «длинных полей». Район поселения 605 является самым восточным участком на Тарханкуте, на котором мы встретили следы пахотных полей.

Поблизости от поселения 605 находится курганная группа, состоящая из 4-х насыпей, вероятно, относящаяся к нему.

Поселение Тобень-Кара

Далее на восток, в самой нижней точке следующей «петли» обнаружена прямоугольная каменная постройка, рядом с которой были найдены фрагменты татарской керамики. Вероятно, эти руины относятся к мечети Тобень-Кара, отмеченной на полуверстовой карте 1899 г.

Всю площадь «петли» занимает крупное поселение, получившее название по названию мечети - Тобень-Кара (рис. 16, 3). Поселение состояло из одной очень крупной постройки и еще не менее шести более мелких. Двухфасные стены построек выступают над поверхностью как зубцы, так как крупные необработанные камни кладок поставлены на ребро. Два наиболее крупных камня обычно оформляют «вход» в помещение. Повсюду видны древние каменоломни: следы ломки камня по краю выступающего на поверхность пласта известняка. Подъемный материал и внешний вид построек, идентичных таким же постройкам по всему Тарханкуту, позволяет отнести это поселение к джангульской этнокультурной группе эллинистического времени.

Поселение Донузлав 1

На левом берегу Донузлава у его верховьев находится крупное поселение, получившее название Донузлав 1, напоминающее поселение Тобень-Кара. Но ландшафтная позиция поселения Донузлав 1 существенно отлична от положения других «варварских» поселений: поселение Донузлав 1 целиком погружено в глубокий овраг, скорее напоминающий ущелье (рис. 16, 4).

Поселение было открыто Смекаловой Т.Н. во время пеших разведок 27 апреля 2013 г. Визуально, а также на архивных аэрофотографиях и космических снимках удивительно хорошо видны все 20 жилищно-хозяйственных комплекса этого большого поселения. Топографическая съемка дает представление о его протяженности и планировке. Дома располагаются в нижней части оврага, на первой надпойменной террасе. Все «дома» крупные, многокамерные, помещения узкие, продолговатые, стены сложены из камней, поставленных на ребро. Кладка двухпаницирная, промежуток между лицевой и внутренней частями кладки заложен мелким бутовым камнем.

Один из «домов» был полностью раскопан в 2013 г. под руководством С.А. Мульда силами Гео-археологической экспедицией (нач. Смекалова Т.Н.). Предварительно здесь была проведена магнитная съемка, которая выявила слабые отрицательные (светлые) линейные аномалии от стен или загорода, а также локальные положительные

(темные) аномалии от ям. Автор раскопок считает возможным датировать это поселение IV в. до н.э. Планировка раскопанного дома, технические приемы возведения кладок и использования камня, размеры помещений – все эти характеристики полностью совпадают с таковыми другого раскопанного строительного комплекса - СК-17 поселения Джангуль на западе Тарханкута [Смекалова, Кутайсов 2017, рис. VII. 1. 15-19]. Следует заключить, что оба поселения (Донузлав 1 и Джангуль) одновременны и оставлены родственным населением, относящимся к джангульской этно-культурной группе.

Неподалеку от поселения Донаузлав 1 на вершинах водораздела находятся несколько каменных курганов, таких же, как и на п-ве Тарханкут, что еще больше убеждает нас в единстве археологической культуры местного оседлого или полуседлого населения, вероятно, родственного кизил-кобинцам, обитавшего в эллинистическое время в Северо-Западной Таврике.

Поселение Донаузлав 2

Следующее поселение находится на том же берегу Донаузлава, далее к югу, по направлению к морю. Оно было открыто 27 апреля 2013 г. Смекаловой Т.Н. (рис. 16, 5). Здесь на двух небольших мысах, образованным берегом озера и боковыми оврагами, было обнаружено не менее пятнадцати строительных комплексов. Многие здания крупные, стены помещений сложены из камней, поставленных на ребро, кладка двухлицевая. Это поселение аналогично остальным «варварским» поселениям северо-западного Крыма эллинистического времени и относится к джангульской этно-культурной группе.

Неподалеку от описываемого поселения, на высоком мысу, защищенного самой природой крутыми скалистыми склонами, находится Аблямитовское раннесредневековое городище салтовской археологической культуры (рис. 16, 6) [Павленков, 1987].

Комплексная методика, сочетающая изучение космических снимков, архивных аэрофотографий, магнитную съемку, автомобильно-пешие разведки и выборочные направленные раскопки помогла детально исследовать важный район Северо-Западного Крыма –

верховья озера Донузлав. Этот район во все исторические периоды был транзитным, здесь проходили пути кочевников из засушливого степного Центрального Крыма на Тарханкут с его мягким климатом, многочисленными источниками воды и прекрасными пастбищами. В ходе исследования было выявлено, помимо большого количества крупных курганов с земляными насыпями, также поселения раннего железного века и ассоциирующиеся с ними небольшие каменные курганы. Поселения этого времени идентичны поселениям Тарханкута и относятся к джангульской этнокультурной группе.

Для развернутой характеристики поселений необходимы дальнейшие детальные исследования по разработанной специальной междисциплинарной методике, а также раскопки.

ЛИТЕРАТУРА:

- Павленков В.И.* Аблемитское городище на озере Донузлав в Крыму. Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М. 1987, 65.
- Смекалова Т.Н.* Археологическая карта берегов Донузлавского озера П.Н. Шульца и современные исследования в данном районе. (Материалы к археологической карте Крыма.). 2012, 8, 2, 9-221.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. Санкт-Петербург, «Алетейя». 2017.

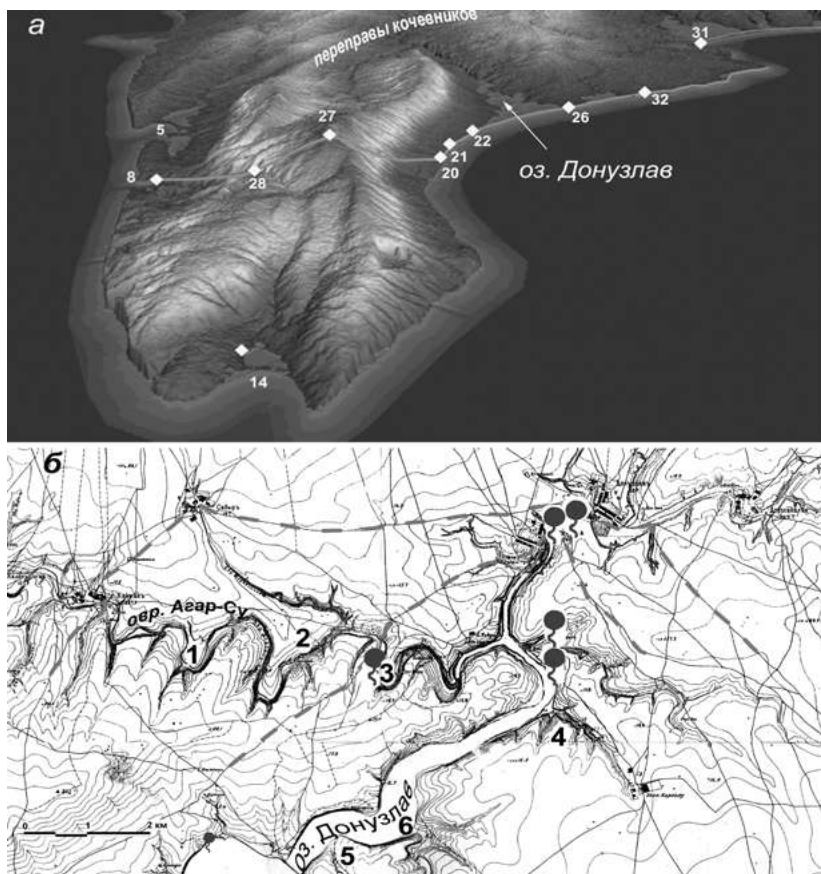

Рис. 1. а - Трехмерное изображение карты рельефа Тарханкута, построенное на основании цифровой модели Северо-Западного Крыма. Вид с запада на восток. Цифрами отмечены следующие античные поселения: 5 – Панское I, 8 – Ак-Мечетское городище (Калос-Лимен), 14 – Караджинское городище, 20 - Джага-Кульчук (Лазурное), 21 - Кульчук, 22 - Беляус, 26 - Поповка (Южно-Донузлавское), 27 – Чокрак-Верхнее, 28 - Кунан, 31 – Евпатория (Керкинитида), 32 - Аирчи.

б - Полуверстовая карта 1899 г. верховьев оз. Донузлав и оврага Агар-Су (Старый Донузлав), на которую нанесены родники, места удобных переправ и бродов (пунктирные линии). 1 – зимовье кочевников с загонами для скота; 2 – поселение 605; 3 – поселение Тобень-Кара; 4 – поселение Донузлав 1; 5 – Аблямитовское городище; 6 - поселение Донузлав 2.

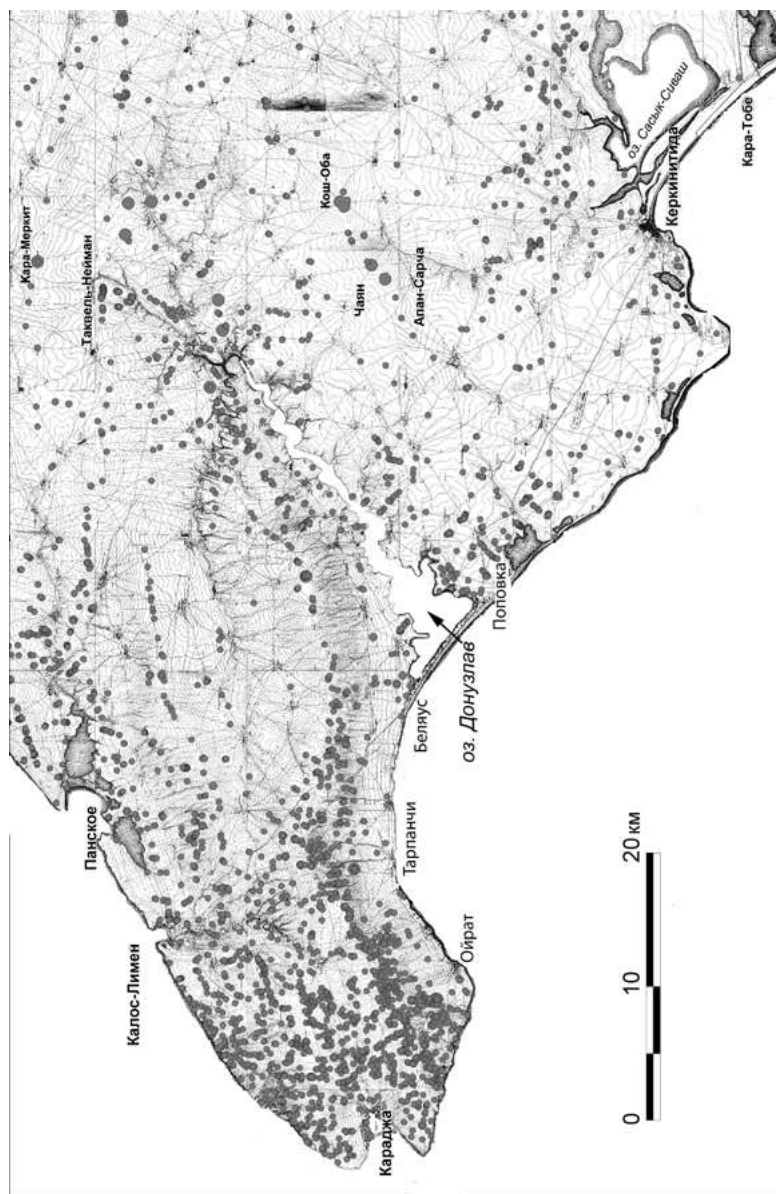

Рис. 2. Карта распространения курганов в Северо-Западном Крыму, построенная на основе полуверстовой карты 1898-1899 гг.

СМЕКАЛОВА Т.Н. (НИЦ ИАК КФУ, Симферополь),
ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. (ИАК РАН, Симферополь),
ГАРИПОВ А.С. (Заповедник Калос Лимен, Черноморское)

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛИНЯНОГО ТЕСТА АНТИЧНОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ И ЧЕРЕПИЦЫ. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Керамика, начиная с эпохи неолита, является наиболее массовым археологическим материалом. Для античной эпохи импортные и местные амфоры и черепица, особенно имеющие штампы производителя (клейма), служат важнейшим источником по истории торговых связей древнегреческих центров Северного Причерноморья и Средиземноморья и являются основным датирующим средством. Поэтому для отечественной археологической науки так важно углубленное изучение места и времени производства античных амфор, пифосов, черепицы и другой клейменной продукции. Работа написана при финансовой поддержке гранта № 33.5604.2017/БЧ Госзадания «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».

При изучении массового керамического материала, производившегося в разных греческих центрах (керамическая тара, строительная керамика, различные виды посуды и т. д.), прежде всего, возникает необходимость упорядочить добытую раскопками массу фрагментов и целых изделий, распределив их по формально-типологическим признакам, времени и центрам производства. Традиционно, исследователи определяют центры производства стандартизированной массовой керамической продукции методами визуального сопоставления формы сосудов или их частей, а также особенностей керамической массы, из которой они сделаны (цвет,

плотность, наличие или отсутствие включений в глине и их характер и т. д.). Однако, это далеко не всегда возможно.

Многие центры, производившие и экспортировавшие массовые изделия своих керамических мастерских, не могут быть в настоящее время локализованы, особенно если их продукция имеет очень близкие или даже тождественные формы с аналогичными изделиями других центров, а различия в формовочной массе, из которой они сделаны, на глаз уверенно неразличимы. Да и в керамике некоторых локализованных центров такие важнейшие признаки, определяемые визуально, как цвет и примеси, далеко не всегда устойчивы — они имеют весьма расплывчатые границы и значительный спектр колебаний, по-видимому, зависящий от многих причин, таких, например, как температура обжига, количественный и качественный состав добавок в глину и других.

Дополнительно к традиционным необходим поиск других методов выявления устойчивых особенностей, которые были бы присущи глиняным формовочным массам того или иного центра производства в определенное время.

Как правило, для этих целей привлекался оптико-петрографический анализ (Щеглов, 1992; Внуков, 2006). С.Ю. Внуков, на материале Боспора и Херсонеса (всего 272 образца) провел анализ по 20 признакам. В результате был проведен кластерный анализ и выделено 7 групп керамики, что, в принципе совпадает с визуальным делением керамики на центры производства. Были получены определённые результаты, но необходимо отметить, что этот метод не нашел пока поддержки среди исследователей-античников. Наиболее слабой стороной этого метода является элемент субъективизма, когда исследователь, глядя в микроскоп, считает сколько характерных элементов он наблюдает. Та же методика использовалась британским ученым И.К. Уайтбредом (Whitbread, 1995).

Мезо- и микроморфологический анализ коллекции позволил исследователям памятника Пор-Бажын на юго-востоке Тувы выделить три основных морфотипа керамики (Бронникова, Турова, Аржанцева, Болелов, Нуретдинова, 2014).

Необходимость новых естественнонаучных методик и анализов, свободных от субъективизма, позволит решить ряд проблем, стоящих перед исследователями.

В планирующейся работе будет использоваться имеющаяся в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» аппаратура (электронный микроскоп с анализом микропроб, рентгеновский флуоресцентный спектрометр, дифрактометр и др.) для выявления устойчивых характеристик глиняного теста клейменых амфор и другой керамической продукции.

Подготовленная коллекция образцов состоит из двух крупных категорий археологического материала:

1. Сколы с керамических клейм (V-II вв. до н.э.) из различных районов Средиземноморья и Причерноморья. Образцы брались с клейм амфор как хорошо известных центров, так и неизвестных. Данные по образцам с амфор известных центров войдут в генеральную базу данных.

Существует ряд керамических клейм так называемых неопределенных центров. Это относится в первую очередь к району Средиземноморья. Исследования накопленной выборки образцов уже известных центров, позволит локализовать центры производства пока неизвестных амфор.

2. Образцы с клейменной и неклеяемой черепицы, происходящей из разных центров Причерноморья (Синопа, Гераклея, Херсонес, Боспор). В частности, образцы черепицы из раскопок Загородная усадьба (в пределах г. Керчи), позволит решить одну важную проблему: вся ли черепица изготавливалась на территории европейского Боспора (г. Керчь) или частично выполнялась на территории азиатской части Боспора, конкретно в античной Горгиипии (г. Анапа). Если окажется, что часть заказов на производство черепицы выполняла Горгиипия, и клеймилась там различными штампами, характерными для европейского Боспора, то мы должны будем пересмотреть наши знания о керамическом производстве черепицы на Боспоре в III-II вв. до н.э.

Второй пример относится к полному набору (более 13 тысяч

фрагментов) черепичной крыши, открытой при раскопках башни херсонесской усадьбы Ортили на северном берегу оз. Сасык-Сиваш в окрестностях Керкинитиды. По внешнему виду состава глиняного теста вся черепица - синопского производства. В ходе раскопок найдено 25 клейм мастера Гиритта и фабриканта Тедора, датирующейся ок. 331 г. до н.э. (Федосеев, 2017), что говорит о крупной поставке черепицы именно из этой мастерской (рис. 1). Иными являются два оттиска штампа астинома Посидония 4 и гончара Синопиона, сына Антисфена, с эмблемой змея-колос. Этот оттиск хорошо известен [IOSPE III, №№6652, 6697-6699; Граков, 1929. Табл.8, 8] и датируется 314 г. до н.э. (Федосеев, 2017).

Встречена только одна целая черепица гераклейского производства с клеймом ΣΥΡΟ (Кутайсов, Смекалова, 2014, с. 171) (рис. 2). В ходе планирующихся работ будет проверена степень однородности физико-химических характеристик образцов, взятых с клейменной и неклеяемой синопской черепицы. По полученным результатам будут сделаны выводы о постоянстве или изменчивости рецептурных добавок, рассмотрены причины, под воздействием которых происходили возможные изменения (разные керамические мастерские в пределах одного географического района, хронологические изменения и т.п.).

3. Образцы, взятые с других античных и местных керамических изделий, найденных в ходе раскопок в Крыму.

В результате планирующихся исследований будет создана база данных физико-химических характеристик глиняного теста амфор известных и неизвестных центров, клейменных и неклеяемых. Аналогичная база данных будет собрана по данным для античной черепицы, найденной на памятниках Крыма. При наличии этих баз данных, образцы глиняного теста, взятые из амфор и черепицы неизвестных городов, могут быть локализованы к тем или иным центрам производства. Такая база должна постоянно пополняться, тем самым результаты по идентификации керамики (не только амфор, но и столовой керамики, пифосов и т.д.) по образцам глиняного теста будет становиться все более надежными.

ЛИТЕРАТУРА

- Бронникова М.А., И.В. Турова, И.А. Аржанцева, С.Б. Болелов, А.Р. Нуретдинова.* Мультидисциплинарные подходы в изучении археологической керамики: методология, возможности, результаты // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. Санкт–Петербург, 2006. 320 с.
- Граков Б.Н.* Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1929. 223 с.
- Кутайсов В.А. и Смекалова Т.Н.* Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Материалы к археологической карте Крыма, 2013 г., т. XI, ч. 2. 272 с.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н..* Итоги археологического изучения античного поселения Ортли в Северо-Западном Крыму (раскопки 2012 – 2014 гг.) // История и археология Крыма, 2015, т. 2, с. 134-152.
- Федосеев Н.Ф.* Крыша усадьбы в бухте Ветреная (Северо-Западный Крым) // Труды конференции «Археология Северо-Западного Крыма», посвященной 30-летию Черноморского историко-краеведческого музея и 20-летию Историко-археологического музея-заповедника «Калос Лимен», пгт. Черноморское, 29-31 мая 2017 года (в печати).
- Щеглов А. Н., Селиванова Н. Б.* Оптико-петрографическое исследование причерноморских клейменных амфор IV—III вв. до н. э. // Греческие амфоры. Саратов, 1999.
- Whitbread I. K.:* Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study. (British School at Athens, Fitch Laboratory Occasional Papers, 4.) Pp. xxiv + 453, ill. Athens: The British School at Athens, 1995.

Рис. 1. Клеймо мастера Гиритта и фабриканта Тедора на черепице из раскопок херсонесской усадьбы
Ортли в Северо-Западном Крыму.

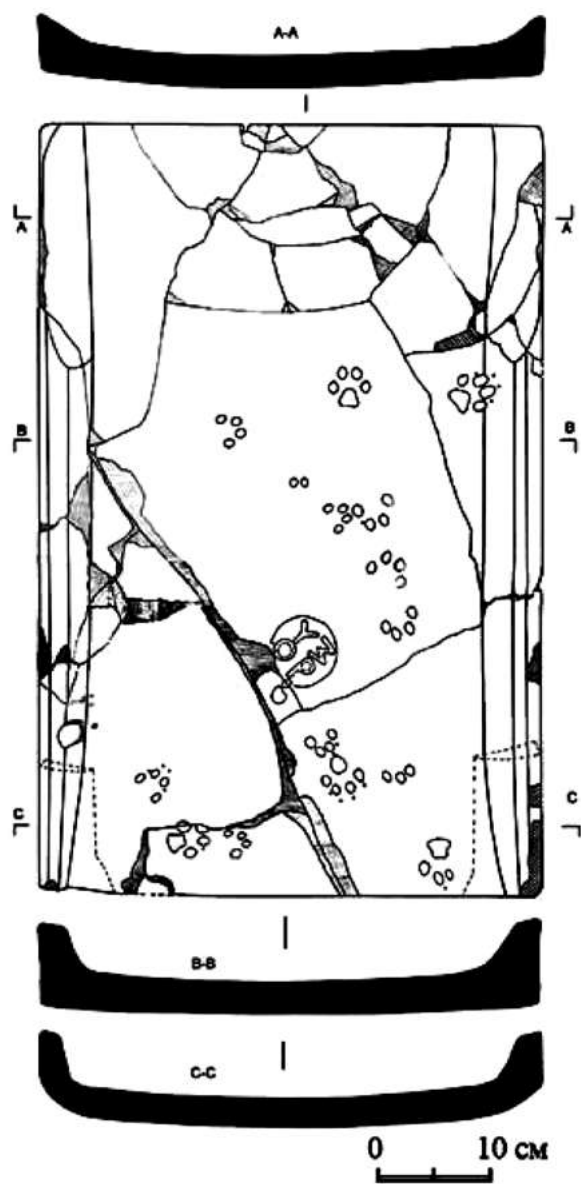

Рис. 2. Черепица гераклейского производства с клеймом $\Sigma\Upsilon|\rho\omicron$ из раскопок усадьбы Ортли.

СМОКОТИНА А.В.

(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ Г. БОСПОРА В КОНЦЕ IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАХОДОК АМФОР)

Поступление в Крым импортной керамики конца IV – первой половины VI вв. свидетельствует о регулярных торгово-экономических связях полуострова с другими причерноморскими, а также средиземноморскими центрами. Поставки товаров в амфорах осуществлялись, преимущественно, морским путем, поэтому наиболее полные представления об интенсивности внешней торговли и основных ее направлениях могут быть получены в результате анализа материалов из раскопок портовых центров Крыма, таких как город Боспор – главный военно-политический, торгово-экономический и культурный центр на берегу пролива Боспор Киммерийский.

В ходе проводившихся в последние десятилетия археологических исследований в г. Боспоре были открыты новые археологические комплексы, накопился обширный керамический материал. Его анализ имеет важное значение для реконструкции основных направлений торговых связей и торгово-экономической истории Боспора в целом.

В IV и V вв. в керамическом комплексе города Боспора доминировали амфоры местного производства, имевшие в основном региональное распространение и предназначенные, главным образом, для транспортировки и хранения рыбы и рыбной продукции, а также, возможно, для хранения зерна и других домашних запасов. Со второй половины IV в. в таком качестве в основном использовали амфоры типов Зеест 96-97 (Зеест 1960, с. 119-120, таб. 38,96,97).

В то же время среди импортной продукции наиболее популярным товаром было вино. В IV-V вв. оно доставлялось на Боспор

преимущественно из южнопонтийских центров, в амфорах синопского и гераклейского производства.

Гераклейские амфоры типа F по Шелову (Шелов 1978, с. 19, рис. 10) хорошо представлены многочисленными обломками профильных частей сосудов, на горле которых часто сохранялись дипинти красной краской. В конце IV – начале V вв. они эволюционируют в круглодонные сосуды типа E (Шелов 1978, с. 19, рис. 9) с более массивным венчиком и ручками, которые в большом количестве присутствуют в боспорских комплексах первой половины V в.

Начиная с IV в. вино доставлялось на Боспор также в амфорах более известных как тип 100 по Зеест или «Делакеу», которые изготавливались в мастерских Демирджи в районе Синопы (Зеест 1960, с. 120, табл. 39, 100; Kassab Tezgör 2010, p. 128-129, pl. 18, 1-5). Пик синопского импорта приходится на вторую половину IV – первую половину V вв. В боспорских комплексах первой половины V в. их доля достигает в среднем около 20-30%. Одновременно на Боспор начинают поступать также другие типы амфор из мастерских в Демирджи. Но уже к началу VI в. доля синопского импорта существенно уменьшается и в комплексах первой половины VI в. они присутствуют лишь в небольшом количестве, уступая место продукции других центров (Смокотина 2011, с. 355-358).

Коричневоглиняные амфоры с небольшим перехватом в нижней части вытянутого корпуса продолжали линию развития колхидских амфор римского времени. Они использовались, по всей видимости, для транспортировки вина и изготавливались из глиняного теста без примеси пироксена, но со сложным набором различных минеральных включений, характерных, в частности, для производства на территории современной Абхазии (Внуков 2012, с. 7, 13, рис. 2,2-7). Такие сосуды производились со второй половины IV и, очевидно, до конца VII вв., однако их более детальная эволюционная типология пока не разработана.

Все перечисленные выше амфоры, за исключением местных боспорских, использовались для транспортировки, главным образом, вина из различных причерноморских центров. Редкие поставки

оливкового масла зафиксированы благодаря находкам фрагментов североафриканских амфор типа Keau 8B (Keau 1984, p. 126-129). Они производились в нескольких мастерских в центральном Тунисе начиная со второй четверти V в. и являлись наиболее известным и широко распространенным типом тунисских амфор во всем Причерноморье и Восточном Средиземноморье. Кроме того, со второй половины или с последней четверти V в. на Боспор попадали и некоторые другие типы североафриканских амфор, перевозившие помимо оливкового масла также вино и соленую рыбу (Smokotina 2014, p. 72, fig. 6; Смокотина 2011а, с. 349).

Находки амфор производившихся на юге Палестины в районе сектора Газа и за его пределами также довольно редки в г. Боспоре. Они предназначались, главным образом, для транспортировки вина, хотя известны случаи вероятного вторичного использования таких сосудов для хранения или перевозки других товаров: оливкового и кунжутного масла, зерна и даже рыбной продукции. Найденные в боспорских комплексах фрагменты принадлежат, главным образом, двум вариантам этих амфор (Late Roman 4B1 и 4B2), которые изготавливались с последней трети V и вплоть до VII вв. (Pieri 2005, p. 105-109).

Из района Эгейского моря пока еще не определенная достоверно продукция, скорее всего вино, но не исключено что и оливковое масло, доставлялась на Боспор в амфорах с воронковидным горлом (Late Roman 2). Большая фрагментированность и немногочисленность найденных сосудов часто не позволяет установить их точную хронологию. Однако большая часть таких амфор, по всей видимости, принадлежит вариантам, производившимся с конца IV до конца VI вв. (Pieri 2005, p. 86-88).

В относительно небольшом количестве вино доставлялось на Боспор также из района Эфеса на западе Малой Азии в амфорах типа Late Roman 3 (LR 3). Такие сосуды выделялись изящными пропорциями, большим содержанием слюды в глиняном тесте и относительно небольшим объемам перевозимой продукции от 1-2 до 6-8 литров. Морфология профильных частей этих амфор активно эволюционировала на протяжении V-VII вв., поэтому их находки имеют важное значение для

уточнения хронологии боспорских комплексов (Pieri 2005, p. 69-85).

С конца IV – начала V вв. в Причерноморье начинает поставляться вино в амфорах Late Roman 1 (LR 1), которые производились, главным образом, в Киликии и на Кипре. В V в. их находки в боспорских комплексах очень редки, они представлены немногочисленными обломками раннего узкогорлого варианта с венчиком в виде пояса или ленты. В целом доля таких амфор на Боспоре в этот период не превышает 2-3%.

К рубежу V-VI вв. морфология амфор LR 1 постепенно меняется и со второй четверти VI в. резко возрастает импорт нового варианта таких сосудов с ребром на венчике вместо пояса и с более широкой нижней частью тулова. В разных комплексах их доля теперь варьируется преимущественно в пределах 12-25%. При этом они становятся третьим по численности типом после новых критских и понтийских амфор, которые появляются одновременно и начинают доминировать в причерноморских комплексах также начиная со второй четверти VI в. (Смокотина 2014, с. 68-78).

Место производства понтийского типа амфор Антонова 5 (Антонова и др. 1971, с. 85, рис. 6) пока еще точно не локализовано. Такие амфоры имеют преимущественно региональное причерноморское распространение и производились, очевидно, в пределах бассейна Черного моря, предположительно на южном его побережье, где продолжают линию развития понтийских амфор римского времени. Фактически, это один эволюционный тип амфор, который изготавливался, вероятно, в тех же или в нескольких близких производственных центрах, с конца II и до конца VII вв. (Orait 2004, p. 27-29).

Почти одновременно с появлением и массовым распространением амфор типа Антонова 5, на Боспор в большом количестве начинает доставляться продукция (вероятно, вино) с о-ва Крит, главным образом, в амфорах типа Зеест 99 (Зеест 1960, с. 120, табл. 39, 99). К середине VI в. их доля достигает в среднем около 30% и вместе с понтийскими амфорами они доминируют в боспорских комплексах. Одновременно, в Причерноморье доставляется продукция и в других более редких типах критских амфор, некоторые из которых также были обнаружены на

Боспоре.

Таким образом, анализ амфорного материала из недавних раскопок г. Боспора позволил зафиксировать хронологические и количественные изменения поставок импортных товаров в амфорах. Близкая ситуация наблюдается также на примере изучения краснолаковой керамики (Смокотина 2015, с. 315-322).

На протяжении IV-V вв. в керамическом комплексе абсолютно преобладает продукция различных центров причерноморского региона. В большом количестве использовались местные боспорские амфоры, в первую очередь, вероятно, для транспортировки и хранения рыбы. При этом импортные товары, прежде всего, вино в амфорах, поступали на Боспор, главным образом, из южнопонтийских центров, таких как Синопа и Гераклея.

Ситуация меняется во второй четверти VI в., что, вероятно, было связано в том числе с переходом Боспора под контроль Византийской империи. Политические события, по-видимому, сопровождались переориентацией некоторых торгово-экономических связей. Ко второй четверти VI в., очевидно, прекратилось производство боспорских амфор, синопский и гераклеяский импорт резко сокращается и практически сходит на нет. Взамен увеличиваются поставки товаров в амфорах из одного пока еще не локализованного южнопонтийского центра, а также резко возрастает импорт, прежде всего вина, из Восточного Средиземноморья, в частности с о. Крит и региона Киликии и Кипра.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81-107.
- Внуков С.Ю.* Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. №4. С. 5-15.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. М., 1960. № 83. 180 с.
- Смокотина А.В.* О хронологии амфор типа C Spn I («Делакеу») // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 355-360.
- Смокотина А.В.* Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2011а. Вып. XVII. С. 328-362.
- Смокотина А.В.* Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68-87.
- Смокотина А.В.* Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 312-339.
- Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 16-21.
- Kassab Tezgör D.* Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope / Ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2010a. P. 121-140.
- Keay S.J.* Late roman amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence. Oxford: British Archaeological Reports IS 196 (i), 1984. 398 p.
- Opaiț A.* Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. BAR International Series 1274. Oxford: Archaeopress. 2004. 180 p.
- Pieri D.* Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve – VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005. 329 p.
- Smokotina A.* The North African red slip ware and amphorae imported into Early Byzantine Bosphorus // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2014. 43. P. 71-80.

СОКОЛОВА О.Ю.
(Гос. Эрмитаж, С-Петербург)

«СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...»¹

В коллекции бронзовых изделий из раскопок боспорского города Нимфея, которая хранится в Государственном Эрмитаже, представлено 14 экземпляров зеркал. Они были найдены при раскопках как на территории городища с 1939 по 1991 гг., так и, преимущественно, на территории некрополя, которые проводились в 1876–1880 и 1973–1978 гг.

По мнению исследователей первые зеркала с ручками появились в период Среднего царства в Египте и в дальнейшем получают широкое распространение в Средиземноморье – на Крите, Кипре, а в начале VI в. до н.э. появляются в Греции (Билимович 1976, с. 33). Греки приписывали изобретение зеркал Гефесту (Procl. In Plat. Tim I, 142, 26; II, 80, 20).

По находкам в Греции исследователи выделяют три основных типа зеркал: зеркала на подставках; зеркала с ручками, которые делятся на класс плоских зеркал и класс зеркал со стержнем для насаживания ручки; зеркала с крышками (Билимович 1976, с. 33). В отличие от эллипсоидных египетских зеркал греческие были круглыми, с плоскими или слегка выпуклыми дисками. При их изготовлении использовалась преимущественно бронза, но по археологическим находкам и письменным источникам известно, что зеркала могли быть из золота и серебра (Билимович 1976, с. 33, 54 прим. 14; Скржинская 1984, с. 106–107), а ручки – цельнолитые с диском или из дерева или кости.

Кузнецова Т.М. в монографии, посвященной зеркалам Скифии, приводит обзор публикаций зеркал с обширной территории, в которых

¹ Пушкин А.С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1975. С. 311.

отражено все многообразие подхода к классификации данной группы материала (Кузнецова 2002, с. 11–16), а также предлагает свою классификацию этих изделий из раскопок памятников степной и лесостепной зон Северного Причерноморья с привлечением аналогий с территории от Карпато-Балканского региона до Саяно-Алтая. Все зеркала разделены на 2 класса – односоставные и сложносоставные. В зависимости от наличия и расположения ручки относительно диска зеркала распределяются по отделам. А в классе сложносоставных зеркал, в зависимости от материала, из которого изготовлены ручки, выделяется 5 групп, а в 6 группу входят зеркала с утраченными ручками (Кузнецова 2002, с. 32).

В нимфейской коллекции можно выделить два основных типа зеркал: с ручками и дисковидные (без ручек). Первый тип делится на три группы: 1. зеркала со стержнем для насадки ручки; 2. зеркала с приклепанной ручкой; 3. зеркала с ручкой-петелькой.

Зеркала со стержнем для насадки ручки были, обычно, литыми, при этом диск отливался вместе со стержнем, а насаживаемая ручка изготавливалась из дерева или кости.

В нимфейской коллекции представлено два зеркала этого типа. Одно из них (ГЭ, инв. № ННФ.76.223 – рис. 1) найдено в женском погребении, которое датируется концом VI – началом V вв. до н.э. (Грач 1999, с. 98–99). Следует отметить, что бронзовый стержень у этого зеркала в процессе эксплуатации был обломан и вместо него с оборотной стороны припаян железный, который прикрывается бронзовой пластинкой в виде листа плюща. Выступ для стержня украшен рельефной пальметкой (ср. Билимович 1976, с. № 29).

Подобные зеркала исследователи относят к группе «рельефных» аттических зеркал с «У-образным» выступом под диском (Oberländer 1967, S. 128–149; Кузнецова 2010, с. 42, с. 53 табл. 32 № 361-а).

Второе зеркало (ГЭ, инв. № ГК/Н.95 – ил. 2) было обнаружено в 1876 г. при раскопках гробницы в кургане 24, набор инвентаря из которой датируется второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Силантьева 1959, с. 66, 105). Выступ с четырехгранным штифтом у этого зеркала украшен

резными волютами, соединенными семилепестковой пальметкой, а по краю диска – резные изображения животных: на одной стороне – львы, собаки, пантера (?); на другой – львы, собаки, грифон (?).

Данное зеркало по форме относится к подгруппе зеркал «с волютообразными выступами под диском и стержнем для насадки ручки» группы аттических «рельефных» зеркал (Oberländer 1967, S. 128–149; ср. Кузнецова 2010, с. 41 рис. 13, с. 49–50, 52 табл. 28–29, 31), время существования которых V в. до н.э.

Аналогиями нимфейскому экземпляру могут служить ещё два зеркала эрмитажного собрания – из раскопок на горе Митридат в Керчи (Билимович 1976, с. 41–42, рис. 8; с. 44, 61 кат. 29) и зеркало из VI Семибратнего кургана (Билимович 1976, с. 41–42, рис. 9; с. 44, 61 кат. 30). По мнению Билимович З.А. эти зеркала могли быть изготовлены в северопричерноморской мастерской по греческому образцу (Билимович 1974, с. 44).

Следующая группа включает зеркала с приклепанной ручкой. Диски для этих зеркал отливались отдельно, затем у края просверливались отверстия, где при помощи заклепок крепилась ручка, которая могла быть изготовлена из бронзы, железа, дерева или кости. Среди них выделяются два вида зеркал – с плоским диском и с диском с бортиком.

К первому виду относятся два зеркала из нимфейской коллекции, которые имеют слегка выгнутые диски, с точечным орнаментом вдоль края. Сохранившиеся отверстия у края одного из зеркал фиксируют место крепления ручки при помощи заклепок (ГЭ, инв. № ГК/Н.44 – рис. 3). Это зеркало было найдено в богатом воинском захоронении с варварскими чертами погребального обряда, которое датируется второй половиной V в. до н.э. (Силантьева 1959, с. 71–78; с. 72 рис. 39.1; с. 105–106).

У второго зеркала с точечным орнаментом (ГЭ, инв. № НФ.39.608 – рис. 4), сильно обломаны края, поэтому следы крепления ручки не зафиксированы. Найдено оно в святилище Деметры, в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. (Худяк 1952, с. 266).

Точечный орнамент по краю диска встречается на некоторых цельнолитых односоставных зеркалах, которые получили название

«пелопонесских», так как первоначально в большом количестве были найдены на Пелопоннесе. Они имели широкое распространение в Греции и на островах в VI–V вв. до н.э. (Oberländer 1967, S. 238–243 N 366–389; Билимович 1976, с. 41–42). Аналогичные по форме зеркала известны и в Северном Причерноморье, в частности, в некрополе Ольвии (Билимович 1976, с. 41–42). Зеркала этого вида из степной и лесостепной зон Северного Причерноморья выделены Кузнецовой Т.М. в V тип II отдела I класса – односоставные зеркала с плоской боковой ручкой (Кузнецова 1987, с. 38, рис. 3; Кузнецова 2002. Табл. 39.45–46). В классе сложносоставных зеркал пуансонный орнамент по краю отмечен для зеркал X типа I группы II отдела с плоским, без бортика диском, которые встречаются в комплексах IV–III вв. до н.э. (Кузнецова 1987, с. 39–40, рис. 4 часть 1; с. 45 табл. 1; ср. Кузнецова 2010, с. 142 рис. 25, с. 179 рис. 29, табл. 138–140, 142–144).

Возможно, еще два зеркала нимфейской коллекции следует отнести к группе зеркал с боковыми ручками. Два зеркала (ГЭ, инв. № НФ.39.555 и ННФ.77.165 – рис. 5–6) имеют круглый слегка выгнутый диск, при этом у второго экземпляра край с небольшим утолщением. Зеркала были найдены в обломках, на которых не сохранилось даже следов крепления ручки к диску, что, к сожалению, не позволяет однозначно определить тип изделий – были это цельнолитые изделия или с приклепанными ручками. По сопровождающему инвентарю оба зеркала датируются V в. до н.э. (Худяк 1952, с. 266; Грач 1999, с. 96 № 4).

Ко второму виду зеркал с приклепанной ручкой в нимфейской коллекции относится зеркало с бортиком из фависсы в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры (ГЭ, инв. № НФ.41.93 – рис. 7).

Исследователи отмечают, что тип зеркал с бортиком и боковой ручкой был создан ольвийскими мастерами в соответствии со вкусами внешнего рынка (Скржинская 1984, с. 115). Появляются эти зеркала не ранее второй половины VI в. до н.э., а в литературе они получили название «ольвийские» или «скифские» (Скуднова 1962; Кузнецова 2010, с. 239). Для этих зеркал применялся особый прием крепления

ручки к диску, при этом ручки украшались фигурками животных. Ручки с фигурками животных отливались отдельно от диска. У диска удалялась часть бортика и на это место припаивался полукруглый выступ, оформляющий верхнюю часть ручки (Скржинская 1984, с. 116).

Кузнецова Т.М., проанализировав находки подобных зеркал на обширной территории, пишет, что они фиксируют направления, которые известны как «священные пути» греков (Кузнецова 2002, с. 219), а ареал их распространения свидетельствует об их связи с античным миром, а не со скифами (Кузнецова 2002, с. 208). Автор предлагает называть подобные изделия «зеркалами – <патерами>» (Кузнецова 2002, с. 208), отмечая, что данная форма, возможно, является прототипом для античных патер более позднего периода (Кузнецова 2002, с. 208, 219; Кузнецова 2010, с. 7–8). Отмечено, что часть подобных изделий является продукцией северопрichernоморских мастеров (Кузнецова 2002, с. 241).

Последняя группа зеркал I типа, представленная в нимфейской коллекции, – зеркала с ручкой-петелькой. Зеркала с валиком по краю, рельефным орнаментом и боковой ручкой-петелькой известны по находкам в Поволжье, на Кубани, в Крыму, на Украине и вплоть до Румынии (Соломоник 1959, с. 36; Хазанов 1963, с. 65). Подобные изделия получили распространение в Северном Причерноморье начиная с I в. и далее во II–III вв. н.э. (Книпович 1949, с. 57; Глухов 2003, с. 94–95). Появление их связано с притоком в этот регион сарматов. Разработкой типологии и классификации зеркал-подвесок, определением центров их производства занимался ряд специалистов (Хазанов 1963, с. 65–66; Скрипкин 1990; Глухов 2003). Одни полагают, что этот тип зеркал пришел из Сибири (Хазанов 1963, с. 65), другие считают, что их производили на Кавказе и затем экспортировали в другие районы (Абрамова 1971, с. 131; Барцева 1971, с. 133–138).

Одно из нимфейских зеркал этой группы украшено солярным орнаментом в виде лучей, которые расходятся от окружности с небольшой выпуклостью в центре (ГЭ, инв. № ННФ.74.401 – рис. 8). Зеркала с похожим орнаментом известны по находкам в Танаисе (Книпович 1949, с. 56, рис. 14а), Усть-Альминском некрополе (Высотская 1994, с. 117–118,

рис. 35.3), некрополе Неаполя Скифского (Драчук 1975, табл. XVI, рис. 29, 30; Соломоник 1959, с. 37–38, рис. VI, IV; Сымонович 1983, с. 97, табл. XLII.16). Нимфейское зеркало было найдено в ограбленной катакомбе № 23, материал из которой датируется второй половиной I–III вв. до н.э. (Грач 1999, с. 154).

У второго зеркала (ГЭ, инв. № ННФ.74.375 – рис. 9) поверхность повреждена, поэтому полностью рассмотреть орнамент не удастся: частично прослеживается небольшая окружность в центре, от которой расходятся лучи, часть которых завершается «гусиными лапками». Зеркала с орнаментом в виде «гусиных лапок», в том числе сочетающихся со свастикой, встречаются в Прикубанье (Соломоник 1959, с. 145сл., № 108–113; Драчук 1975. Табл. XVIII.6, 7), Крыму (Богданова, Гущина, Лобода 1976, рис. 2.26; 8.92; Сымонович 1983, с. 97, табл. XLII.10–11, 14–15, 17, 19, 21), Среднем Поднепровье (Драчук 1975, табл. XVI.44, 48). Нимфейское зеркало найдено в ограбленной катакомбе № 22, материал из которой датируется концом I–II вв. н.э. (Грач 1999, с. 118).

Еще один экземпляр в этой группе представлен обломком миниатюрного круглого зеркала, с валиком по краю и частью рельефного орнамента в виде тамгообразных знаков (ГЭ, инв. №№ НФ.62.302 – рис. 10). Найден фрагмент при раскопках на городище в слое первых веков н.э. К сожалению, фрагмент очень небольшой по размерам и восстановить рисунок орнамента затруднительно. В целом, подобные зеркала с ручкой-петелькой были распространены в I–III вв. н.э.

Простые дисковидные зеркала без ручек представлены в нимфейской коллекции двумя экземплярами. Одно из зеркал, диаметром 9,1 см (ГЭ, инв. № НФ.39.571 – рис. 11), было найдено в здании второй половины V – начала IV вв. до н.э. святилища Деметры (Худяк 1952, с. 266).

Второе, диаметром 8,5 см (ГЭ, инв. № ННФ.76.190 – рис. 12), происходит из разрушенного захоронения А-122 нимфейского некрополя (Грач 1999, с. 66; с. 230 табл. 66.2), сохранившийся погребальный инвентарь из которого может быть датирован II–III вв. н.э.

Дисковидные зеркала являются довольно распространенным

типом. Они встречаются в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья в материалах из раскопок памятников IV–III вв. до н.э. Кузнецова Т.М. определяет их как односоставные зеркала с плоским диском без бортика и без ручек (Кузнецова 1987, с. 38–39, рис. 3). В сарматских памятниках простые дисковидные зеркала без ручек известны на протяжении длительного времени. Хазанов А.М., выделяя эти зеркала в VI группу, отмечает, что на территории распространения сарматской культуры эти зеркала появляются в конце III в. до н.э. и получают наибольшее развитие в I в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов 1963, с. 58, 59 рис. 1; с. 62). Мошкова М.Г. связывает их происхождение с савроматскими зеркалами (Мошкова 1963, с. 41). По классификации Скрипкина А.С. дисковидные зеркала без ручек относятся к типу 1.0, для которого он выделяет два варианта в зависимости от диаметра диска: с диаметром 50–90 мм – вариант 1 (Скрипкин 1990, с. 93, 261 рис. 34.1–7), а с диаметром 100–240 мм – вариант 2 (Скрипкин 1990, с. 93, 261 рис. 34.8–10).

В катакомбе № 26 (ГЭ, инв. № ННФ.74.513), датированной I – серединой II вв. н.э. и в склепе № А-77 (ГЭ, пол. № НН.76.229), который содержал разновременный материал от III в. до н.э. по I в. н.э., также были найдены фрагменты зеркал с плоским диском и гладким краем, сохранность которых затрудняет отнесение их к какому-либо определенному типу.

Таким образом, бронзовые зеркала небольшой, но разнообразной коллекции из раскопок Нимфея, хранящейся в Государственном Эрмитаже, относятся к двум хронологическим группам – концу VI – началу IV вв. до н.э. и к I–III вв. н.э. Среди них представлены два типа изделий: зеркала с ручками и дисковидные зеркала без ручек. Наиболее многочисленны зеркала первого типа. Отсутствие самих ручек у нимфейских зеркал первого типа затрудняет поиск аналогий для них и сопоставление с разработанными классификациями зеркал для разных территорий.

В целом, можно отметить наличие в коллекции изделий греческих мастеров и зеркал, изготовленных северопричерноморскими мастерами

по греческим образцам. Четыре зеркала характерны для материалов из раскопок сарматских памятников, что позволяет говорить как о наличии торговых контактов Нимфея с сарматами, так и о возможном присутствии представителей сарматских племен среди жителей города.

Следующим этапом работы, для уточнения вопросов происхождения и производства зеркал нимфейской коллекции, будет проведение спектрального и химического анализа этих изделий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н.э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. Москва, 1971. С. 121–132.
- Барцева Т.Б.* Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. Москва, 1971. С. 133–138.
- Билимович З.А.* Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства / науч. ред. К.С. Горбунова. Ленинград, 1973. С. 42–50.
- Билимович З.А.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 32–66.
- Вагнер Е.В.* История изучения сарматских зеркал // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. Вып. 1 (21). С. 168–176.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. Киев, 1994.
- Глухов А.А.* Типология и хронология зеркал среднесарматского времени // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2003. Вып. 6. С. 89–102.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. Л., 1999.
- Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
- Книпович Т.Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. Москва

– Ленинград, 1949.

Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) // СА. 1987. № 1. С. 35–47.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. I. Москва, 2002.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. II. Москва, 2010.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д 1-10.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 4–107.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скуднова В.М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 5–27.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья / отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Киев, 1984. С. 105–129.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Соломоник Э.И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев: Наукова думка, 1983. С. 80-95.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.

Худяк М.М. Раскопки святилища в Нимфее // СА. 1952. Т. XVI. С. 232–281.
Oberländer P. Griechische Handspiegel. Hamburg, 1967.

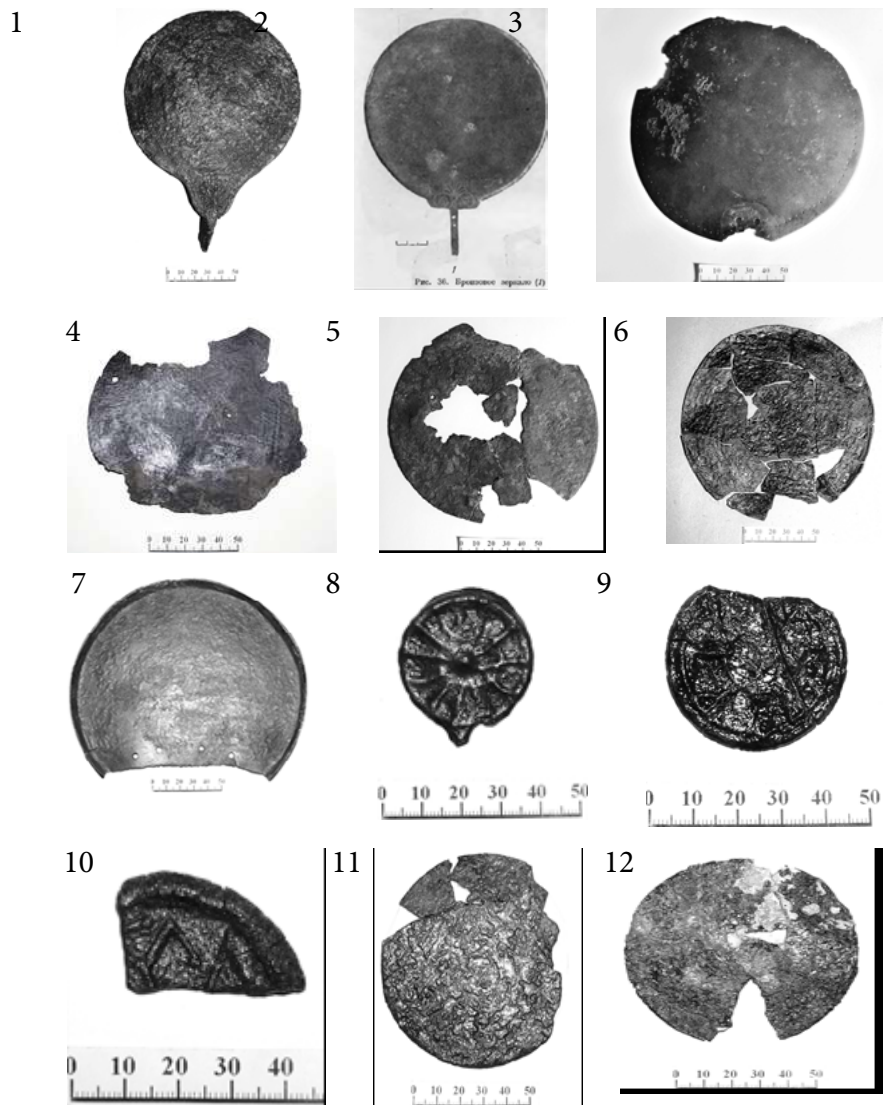

Рис.1. Бронзовые зеркала из раскопок Нимфея в собрании Государственного Эрмитажа.

СОКОЛОВА О.Ю.*, КОРЖЕНКОВ А.М.**, ОВСЮЧЕНКО А.Н.**,
ЛАРЬКОВ А.С.**, МАРАХАНОВ А.В.**

(*Гос.Эрмитаж, С-Петербург;

**Институт физики Земли РАН, Москва)

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО ФАКТОРОВ В СУДЬБЕ АНТИЧНОГО ГОРОДА НИМФЕЙ

Городище Нимфей расположено на небольшом скалистом мысу у берегов Керченского пролива. Плодородие окружающих земель и наличие в городе хорошей гавани служили основой благосостояния его жителей и обеспечили Нимфею положение важного торгового центра, одного из ведущих экспортеров боспорского хлеба. Земледелие и хлебная торговля оказали влияние и на характер культов, получивших распространение в среде горожан. В Нимфее открыто одно из самых ранних в Причерноморье святилищ покровительницы земледельцев Деметры. Первые жертвоприношения осуществлялись у широкой расселины скалы, а около середины VI в. до н.э. возводится небольшое здание святилища [Худяк. 1952. С. 245]. Комплекс святилища просуществовал до III в. до н.э. [Худяк. 1952]. В V в. до н.э. Нимфей переживает период расцвета, в городе ведётся большое строительство, реконструируются святилище Деметры и комплекс, интерпретированный М.М. Худяком как «святилище Афродиты». В первой половине IV в. до н.э. происходит присоединение Нимфея к Боспору в ходе военной экспансии Пантикапея против Феодосии. Согласно Эсхину, это произошло в результате измены Гилона, сдавшего город Боспору, за что он получил в награду местечко Кепы [Aesh. III. 171–172]. Но несмотря на разрушения, которым подвергся город, он был быстро восстановлен. Около середины IV в. до н.э. Нимфей окружен крепостной стеной [Худяк. 1962. С. 33–35;

Чистов. 2000. С. 244].

В IV в. до н.э. на южном склоне нимфейского плато возводится монументальный архитектурный ансамбль, включающий целый ряд сооружений, среди которых святилище Афродиты Навархиды и морских богов [Грач. 1984], алтари и многофункциональное сооружение с амфитеатром и пропилеями, которые просуществовали до III в. до н.э. Рустованный цоколь этого ансамбля позднее был включен в систему оборонительных сооружений [Грач. 1985. С. 337]. Разрушения дворцового ансамбля горы Митридат в Пантикапее на рубеже первой и второй четвертей III в. до н.э., как и разрушения святилищ в Нимфее, интерпретируются как последствия катастрофического землетрясения [Соколова. 1999. С. 68–71; Толстиков. 1999. С. 72–75].

К концу III в. до н.э. происходят изменения в экономической жизни города, возрастает роль виноградарства и виноделия, что позволяет говорить о товарном характере производства вина в Нимфее [Соколова. 2002. С. 43–44]. Весьма процветавшие сельские местности вокруг Нимфея, как и в других районах Боспора, приходят в упадок во 2-ой половине II – начале I в. до н.э. в результате усилившихся вторжений варварских племен [Зинько. 2003. С. 184].

Период I – первой половины II вв. н.э. в Нимфее, как и в других боспорских городах – эпоха второго расцвета. Здесь проводятся большие работы по перепланировке города с сохранением, однако, основных принципов застройки предшествующих периодов. В центральной части города возводится ряд домов I – начала II вв. н.э., разделённых небольшими улочками [АГСП. 1984. С. 65]. Жилые и хозяйственные постройки возводятся вокруг мощеных внутренних дворов. В городе активно развивается гончарное производство. Первой половиной II в. датируются разрушения в центральной части Нимфея. Однако следов новых укреплений или восстановления старых оборонительных стен вокруг города нет [Древний город. 1999. С. 12–13]. Во II–III вв. в центральной части города возводятся дома усадебного типа. В городе продолжает развиваться виноделие, а также гончарное производство.

В III в. н.э. Боспор, а вместе с ним и Нимфей вступают в полосу

экономического кризиса и упадка [Гайдукевич. 1949. С. 179]. Кризис экономики и финансов, сокращение внешней торговли, невозможность поддерживать обороноспособность приводят к сокращению территории города и запустению. Все это усугублялось опустошительными набегами варварских племен. В конце III в. Нимфей был разрушен готским нашествием, после чего жизнь города в прежнем объеме уже не восстанавливалась. Культурные слои и строительные остатки конца III – начала IV в. н.э. на городище отсутствуют, однако, случайные находки монет в гумусовом слое почвы и группы могил этого времени, служат свидетельством того, что жизнь здесь в начале IV в. н.э. ещё продолжалась [Грач. 1999. С. 181].

В эпоху раннего средневековья жизнь на этой территории возобновилась. В VIII–X вв. территория нимфейского городского некрополя была занята поселением, о чём свидетельствуют остатки стен зданий, оград, хозяйственных ям и находки керамики салтово-маяцкого типа [Грач. 1999. С. 181], а на месте античного города располагался некрополь [Грач. 1989. С. 67].

Намеченные к настоящему времени основные вехи истории Нимфея свидетельствуют о тесном сплетении политического, торгово-экономического и природного факторов в судьбе этого древнего города. В то же время, высказанное положение требует многочисленных пояснений. В особенности это касается конкретных свидетельств природных катастроф и, в частности, сейсмических разрушений, позволяющих представить параметризованную картину землетрясений и датировать их.

О сейсмических катастрофах вполне определённо свидетельствуют выявленные нами в 2015–2016 гг. следы специфических разрушений и деформаций городских стен, хозяйственно-жилых и культовых сооружений.

Значительные наклоны стен, в том числе и таких прочных, как городские (рис. 1) до 45°. Известно, что систематические направленные наклоны и обрушения стен, колонн, а также горизонтальное смещение верхних частей строительных конструкций является результатом сильных

землетрясений. В таких случаях нижняя часть строительной конструкции сместилась вместе с грунтом в направлении соответствующих сейсмических подвижек, в то время как верхние части остаются на месте вследствие инерции (Korzhnikov, Mazor. 1999).

Разрыв и смещение строительных элементов (рис. 2). Трещины (иногда со смещением) в дверных порогах, подоконниках, а также в дверных и оконных перекрытиях вызываются сейсмическими движениями, действующими параллельно упомянутым строительным элементам (Korzhnikov, Mazor. 1999).

Развороты строительных конструкций (рис. 3). Вращения отдельных каменных блоков или частей стен вокруг вертикальной оси по часовой или против часовой стрелке является обычным результатом землетрясения. Они вызываются сейсмическими движениями, действующими под углом (в плане) к стене соответствующего направления. Вращения строительных элементов вокруг горизонтальной оси также могут наблюдаться в поврежденных зданиях. Они могут быть вызваны высвобождением неравномерных напряжений, накопившихся в стенах (Korzhnikov, Mazor. 1999).

Сквозные трещины (joints) в строительных элементах (рис. 4). Трещины, пробивающие насквозь несколько соседних строительных блоков или даже целую стену свидетельствуют о сильном землетрясении, так как значительная энергия необходима трещине для преодоления пространства между соседними блоками. Конечно подобные трещины образуются также при взрывах и воздействии таранов, но никогда со временем при статической нагрузке (Korzhnikov, Mazor, 1999).

Деформации устьев колодцев (рис. 5).

Анализ исследованных в Нимфее деформаций однозначно подтверждает сейсмогенную причину их образования. На верхней площадке раскопа было выявлено систематическое наклонение и выдвигание меридиональных стен на восток, а широтных – на север, что однозначно указывает на СВ-ЮЗ простираение оси суммарных максимальных сейсмических воздействий. В нижней части раскопа по направлению поворотов строительных конструкций предварительно

намечается СЗ-ЮВ ось суммарных максимальных сейсмических воздействий. Местная сейсмическая интенсивность была (VIII) $\leq$ I $\leq$ IX. Точный возраст землетрясения(й) предстоит еще определить.

Подобные сильные землетрясения обычно приводят к дезорганизации всех видов общественной жизни на площади в тысячи квадратных километров – территории целых государств. Соседние кочевые народы, видя подобные разрушения и ослабление государственной власти, устремляются на грабеж и захват парализованного политического образования. На какое-то время меняется жизненный уклад населения, прекращаются или изменяются традиционные торговые пути. Доставка товаров теперь контролируются другими региональными лидерами, меняются межгосударственные отношения и сферы политического влияния.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. 624 с.
- Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее (предварительное сообщение) // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–98.
- Грач Н.Л.* Нимфей в конце IV–I вв. до н.э. (Особенности развития) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тб., 1985. С. 333–341.
- Грач Н. Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 61–79.
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 328 с.
- Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999.
- Зинько В.Н.* Хора Боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Вып. IV. 320 с.
- Соколова О.Ю.* Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1998) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов

- Северного Причерноморья. СПб., 1999. С. 68–71.
- Соколова О.Ю.* О развитии виноградарства и виноделия в Нимфее // Дионис – Вакх – Бахус в культуре народов мира: Научный сборник. Вып. 1. Симферополь, 2002. С. 40–45.
- Толстиков В.П.* К проблеме землетрясения III в. до н. э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб., 1999. С. 72–75.
- Худяк М.М.* Раскопки святилища Нимфея // Советская археология. 1952. Т. XVI. С. 232–281.
- Худяк М.М.* Из истории Нимфея. VI–III вв. до н. э. Л., 1962.
- Чистов Д.Е.* Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н.э. // SISSITIA. Сборник статей памяти Юрия Викторовича Андреева. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2000.
- Korzhnikov A.M., and Mazor E.* 1999. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technologies. No. 1. P. 62–74.

Рис. 1. Наклон городской стены с простиранием $45-50^\circ$ на ЮВ под углом в $60-65^\circ$.

Рис. 2. Разрыв (правый сдвиг) и смещение на 15 см ряда каменной кладки, выполнявшей роль ступени в одном из помещений Нимфея.
Простираение ступени 75° .

Рис. 3. Поворот верхней части стены по часовой стрелке. Простирание нижнего ряда камней, оставшегося *in situ* - 85° , повернувшийся фрагмент стены имеет простирание 90° . Западная часть повернутой стены сместилась на север на расстояние в 30 см.

Рис. 4. Сквозные трещины через несколько строительных блоков в одной из лестнице в Нимфее.

Рис. 5. Деформированное устье одного из колодцев на верхней площадке раскопа в Нимфее. Западная стена колодца (аз. прост. 170°) наклонилась к востоку под углом 80°.

СУВОРОВА Н.И.
(Музей-заповедник Танаис, Азов)

**БОГИНЯ ИЗ НИСЫ
(К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ СВЯЗЯХ С СЕВЕРНЫМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ)**

В первых веках нашей эры Танаис переживал эпоху расцвета. Город в это время был главным производственным и торговым центром для обширных приазовских, донских и волжских степей, занятых кочевыми сарматскими племенами. [14. Шелов, 1972. С. 6]. Среди привозных предметов начала нашей эры, найденных в Танаисе, преобладает импорт из Малой Азии, Египта, Италии, Кавказа. Очевидно, эти направления торговли были доминирующими. Однако существует небольшая категория предметов восточного происхождения. О них и пойдет речь далее.

В 1972 - 1976 годах в центральной части акрополя Танаис была открыта усадьба 19 квартала III, существовавшая во II – первой половине III в. н. э. [2. Арсеньева, Наumenко, 1992. С. 83]¹. В подвале Е указанной усадьбы среди немногочисленных находок был обнаружен фрагмент объемной женской статуэтки (богини Ники?)². Сохранилась верхняя часть лицевой стороны: голова, верхняя часть обнаженного туловища, верхняя часть левой руки и часть крыла (?). Лицо овальное, хорошо смоделировано. Глаза большие, миндалевидные; брови широкие; нос небольшой, чуть заострен; рот маленький, губы пухлые, улыбающиеся; подбородок округлый. Голова чуть повернута вправо с небольшим наклоном влево. Голову обрамляют густые волосы, уложенные горизонтально четырьмя большими прядями с каждой стороны (рис. 2 а).

¹ Выражаю глубокую признательность С.А.Наumenко за предоставленный план городища Танаис.

² Т - 76, XIV, пом. «Е», № 828; АМЗТ, КП 154 АГ 37/35.

Обращают на себя внимание огромные миндалевидные глаза «восточного типа» богини, не характерные для статуэток, произведенных в античной Греции и Северном Причерноморье. Ближайшей аналогией оказалась терракотовая статуэтка, найденная в 1951 г. в сокровищнице парфянского дворцового комплекса в Старой Нисе (рис. 2 б). По сохранившемуся фрагменту трудно определить, какую богиню она изображает. Известно, что в Парфии господствующей религией был зороастризм. Однако это не мешало распространению и других верований. В придворной среде были популярны и небожители священного Олимпа. Особой популярностью среди воинственных парфян пользовалась, вероятно, Ника [10. Массон, 1953. С. 152]. Время функционирования сокровищницы III в. до н. э. – III в. н. э. Таким образом, эти две терракоты сближают не только общие стилистические особенности, но и время их существования.

Примечательно, что в 2007 году на XIX раскопе в подвале R2 был обнаружен фрагмент оборотной стороны объемной статуэтки, морфологически идентичной найденной на усадьбе 19 в Танаисе в 1976 году³. Фрагмент изображает заднюю часть женской головы с волосами, уложенными в сложную прическу: лицо обрамляют густые пряди волос, уложенные горизонтально четырьмя большими прядями с каждой стороны (рис. 2 в). Терракота была найдена на полу подвала, датирующегося первой половиной III в. н. э. [1. Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2009. С. 49]. Данный фрагмент размерами чуть меньше и не стыкуется с терракотой, найденной на усадьбе 19 в 1976 году. Однако иконографически близок к ней и абсолютно повторяет форму прически головы. Что дает нам возможность атрибутировать его как фрагмент статуэтки богини Ники.

Еще один фрагмент терракоты, имеющий, на наш взгляд, «восточный облик», был обнаружен в 2015 году на XIX раскопе при исследовании постройки 21.⁴ Данная терракота, вероятно, представляет собой навершие в виде мужской маски устрашающего типа (рис. 3

³ Т - 07, XIX, R2, № 68; АМЗТ, КП 377 АГ 122/103.

⁴ Т - 15, XIX, постр. 21, № 864; АМЗТ, ВХ 461/864.

а)⁵. Датируется оно временем функционирования постройки – первой половиной III в. н. э. Точных аналогий терракоте не найдено. Однако, стилистически она близка к глиняным скульптурам из Халчаяна I – II вв. н. э. [4. Беленицкий, 1977. С. 154] и Дильберджина I – III вв. н. э. [10. Кругликова, 1977. С. 87]. Все вышеперечисленные терракоты могли быть изготовлены в мастерских среднеазиатских центров кушанского времени.

Помимо терракоты в Танаисе были найдены другие предметы восточного происхождения. По соседству с усадьбой 19, где была найдена статуэтка Ники, находится усадьба 16, при исследовании которой в 1986 году в подвале ЕЖ была обнаружена бронзовая монета Канишки I, датирующаяся II в. н. э. (рис. 3 б).⁶ Это единственная кушанская монета, найденная в Танаисе.⁷ Ареал находок медных монет Канишки I на территории Таджикистана охватывает только южные районы республики. Их обнаруживают на городищах, в кладках и некрополях кушанского времени [8. Зеймаль, 1983. С. 196].

В 1996 году на раскопе XX в северной части подвала Д «позднего», датирующегося первой половиной III в. н. э., была обнаружена фигурка из слоновой кости.⁸ По-видимому, она служила украшением или навершием (рис. 3 в). Фигурка изображает сидящего мужчину с согнутыми в коленях и перекрещенными «по-восточному» ногами. Подобное изображение можно увидеть на золотой ажурной гривне из кургана 10 Кобяковского курганного могильника [6. Гугуев, 1992. С. 124].

В 1996 году на раскопе XX на полу южной части подвала Д «раннего» был обнаружен обгоревший фрагмент костяной накладки (рис. 3г).⁹ Сохранилась средняя часть женской фигуры, возможно, богини Афродиты. Подвал Д «ранний» был вырублен в скале и датируется I в.

⁵ Выражаю глубокую признательность С. М. Ильяшенко за возможность опубликовать данный предмет.

⁶ Монета определена Г. А. Кошеленко.

⁷ Т – 86, VI, ЕЖ, шт.23, № 79; АМЗТ, КП 206 НУМ 363/362.

⁸ Т – 96, XX, Д, № 1303; АМЗТ, КП 211 АГ 66/394.

⁹ Т – 96, XX, Д, № 1401; АМЗТ, КП 211 АГ 66/410.

до н. э. – I в. н. э. [3. Арсеньева, Науменко, 2001. С. 64]. По технике исполнения найденный предмет близок к костяной накладке ларца, обнаруженной в сокровищнице парфянского дворцового комплекса в Старой Нисе. На ней изображение парфянского Диониса, задрапированного в пышные восточные одеяния, опирающегося правой рукой на тирс [10. Массон, 1953. С. 155].

Еще один предмет заслуживает внимания в контексте данной статьи. Это фрагмент бронзового китайского зеркала, обнаруженный в 1968 году в ограбленном погребении кургана 10 северного некрополя Танаис (рис. 3 д)¹⁰. Погребение датируется не ранее II в. н. э. Еще два зеркала этого типа были обнаружены в курганах 1 и 10 Кобяковского могильника. Такие зеркала были распространены в Китае в эпоху Западной Хань и датируются III – I вв. до н. э. [7. Гугуев, Трейстер, 1995. С. 147].

Таким образом, на городище и в некрополе Танаис обнаружено семь предметов восточного происхождения (рис. 1). Однако подобные предметы были распространены не только среди оседлого населения Нижнего Дона, но и среди кочевого. Так, на территории Нижнего Подонья в курганах сарматской знати I – II вв. н. э. встречаются предметы восточных импортов [6. Гугуев, 1992. С. 127].

Кроме того, прослеживаются общие тенденции в развитии гончарного производства Кушанского царства и городов Северного Причерноморья, в том числе и Танаиса [11. Сычева, 1978. С. 252]. Что, несомненно, говорит о взаимных влияниях культур этих регионов.

Каким же образом попадали эти предметы в Танаис и курганы кочевников? Как осуществлялось взаимное влияние культур столь отдаленных друг от друга территорий? Возможно, подобно тому, как греческие мастера Северного Причерноморья изготавливали ювелирные украшения и предметы торевтики по заказу скифской знати, мастера-бактрийцы выполняли заказы вождей саков, юэджей, сарматов [6. Гугуев, 1992. С. 128]. Не исключено и попадание к сарматам этих изделий роскоши в результате ограбления царских (храмовых?) сокровищниц,

¹⁰ Т – 68, СН, к. 10, п. 2, № 211; АМЗТ, КП 71 АН 3/116.

либо в качестве даров [7. Гугуев, Трейстер, 1995. С. 152], а также путем непосредственной инфильтрации части среднеазиатского населения в состав сарматских орд [5. Гугуев, 1990. С. 72].

Нельзя забывать также и о существовании торгового «Великого шелкового пути», имевшего выход к Танаису (рис.4). В. М. Массон полагал, что северный путь имел характер косвенных контактов через посредство кочевых племен. Тем самым снижая роль северного пути в римско-кушанских связях. Анализируя керамический материал, Н. С. Сычева пришла к выводу, что северный путь был весьма важен в области распространения тех или иных черт керамики Северного Причерноморья в керамике Северной Бактрии кушанского времени. Что подтверждает существование непосредственных торговых контактов между этими двумя весьма отдаленными друг от друга территориями [11. Сычева, 1978. С. 254].

Свидетельством караванной торговли, безусловно, являются и находки костей верблюдов на городищах Северного Причерноморья. В культурном слое Танаиса было найдено 53 кости, минимально от 7 особей, в том числе двух молодых [12. Цалкин, 1969. С. 282]. Верблюд не принадлежал к числу местных домашних животных и не имел в хозяйстве народов Северного Причерноморья сколько-нибудь серьезного значения. По мнению В. И. Цалкина, появление верблюда на этой территории в эпоху раннего железа связано с торговыми отношениями, существовавшими между Северным Причерноморьем, с одной стороны, и Закаспийской областью и Закавказьем, с другой [13. Цалкин, 1960. С. 51].

Обращает на себя внимание тот факт, что все вышеперечисленные находки костей верблюдов относятся к римскому времени. Вероятно, именно в этот период торговля с восточными территориями велась более интенсивно. А Танаис, судя по преобладающему количеству подобных находок, был ключевым торговым центром северного направления «Великого шелкового пути» в античное время. Именно отсюда восточный импорт распространялся среди оседлого и кочевого населения Нижнего Дона и всего Северного Причерноморья.

Среди товаров преобладали предметы роскоши, встречались также и терракотовые статуэтки.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А.* Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н. э. // ДБ, том 13. М. 2009.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Усадьбы Танаиса. М. 1992.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ, том 4. М. 2001.
- Беленицкий А. М.* Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М. 1977.
- Гугуев В. К.* Кобяковская гривна (происхождение и датировка) // ИАИАИАНД, вып.9. Азов. 1990.
- Гугуев В. К.* Кобяковский курган. (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. – начала II в. н. э.) // ВДИ, № 4. М. 1992.
- Гугуев В. К., Трейстер М. Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА, № 3. М. 1995.
- Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983.
- Кругликова И. Т.* Идолы из Дильберджина // История и культура античного мира. М. 1977.
- Массон М.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. (Из работ ЮТАКЭ 1951 г.) // ВДИ, № 1. М. 1953.
- Сычева Н. С.* Античные элементы в керамике Северной Бактрии – Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М. 1978.
- Цалкин В. И.* Фауна Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М. 1969.
- Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА, № 53. М. 1960.
- Шелов. Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972.

Рис. 1. Общий план Танаиса с исследованными участками

Рис. 2. а, в (находки из Танаиса)
а - богиня Ника, в - фрагмент головы богини Ники; б - терракота из Старой Нисы.

Рис. 3. а - терракотовая маска, б - монета Канишки I, в - навершие из слоновой кости, г - костяная накладка, д - фрагмент китайского бронзового зеркала.

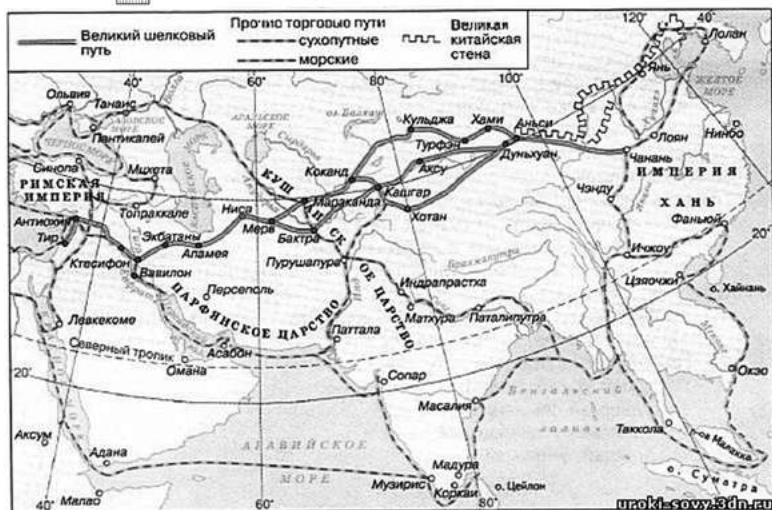

Рис. 4. «Великий шелковый путь» в античную эпоху.

СУДАРЕВ Н.И.
(ИА РАН, Москва)

**«ТОРГОВЛЯ: ПУТИ – ТОВАРЫ –
ОТНОШЕНИЯ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИЗУЧЕНИЯ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЗИАТСКОГО БОСПОРА**

Тема XVIII Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения» является поистине безграничной и затрагивает практически все сферы жизни Боспора и большинство направлений его изучения. Не исключение в этом и изучение погребальных памятников.

Действительно, в погребальных памятниках мы встречаем огромное количество вещевого материала, который по большей части попадал к жителям Боспора через посредство торговли. Это касается как импортной посуды, так и местной, включая сосуды, специально изготовленные для погребений. Это касается надмогильных сооружений, стел и даже саркофагов и прочего. Описать все это в рамках небольшой статьи невозможно, да, впрочем, и не нужно. Данная работа сфокусирована лишь на одном, казалось бы, локальном, но, тем не менее, очень важном вопросе.

Как, вероятно, известно части читателей, я в течение многих лет занимаюсь проблемами изучения некрополей Боспора. В 2005 г. по этой теме мною была защищена диссертация, главным выводом которой я считаю то, что мы должны говорить не о погребальном обряде всего Боспора, не о некоем общем погребальном обряде греков, а о погребальных обрядах разных городов. Тогда же мною были выделены некоторые признаки, по которым мы можем отличать друг от друга обряды разных городов, рассмотрены признаки, отличающие города, основанные Милетом, от городов, основанных дорийцами или иными

греческими полисами [Сударев 2005. С. 255 сл.]. Несмотря на то, что некоторые аспекты диссертации со временем устарели, основные положения актуальны по сей день, несмотря на качественное увеличение объема данных.

В 2003 и 2012 г. в составе Фанагорийской экспедиции нами было исследовано два участка восточного и юго-восточного некрополей Фанагории, где было выявлено около 220 погребений в разнообразных погребальных сооружениях. Значительная часть погребений относилась к VI-II вв. до н.э.. Наряду с простыми грунтовыми ямами, основными типами погребений являлись подбойные могилы, часто с закладом из сырцовых кирпичей, сырцовые ящики и грунтовые склепы. Для младенческих погребений использовались амфоры или их фрагменты. Основной способ обращения с трупом – ингумация. Встречены кремации: в том числе кремации на месте и на стороне с последующим захоронением в урне. Основное положение костяка в могиле является вытянутым на спине. В то же время для ранних погребений часты варианты скорченности костяка: в первую очередь, на спине с разведенными в разные стороны коленями (т.н. «поза всадника») или ее вариации (обе ноги завалены в одну сторону, или одна вытянута, другая согнута или полусогнута).

За 2015-2016 годы работ на некрополе Виноградный 7 нами было исследовано около 700 погребений, из которых к V-II вв. до н.э. относится 564 [Сударев Н. И. 2016 С. 333-340; Сударев Н.И., Кашаев С.В. 2016. С. 471-480]. До указанного времени раскопки некрополя велись в течение 6¹ полевых сезонов с 1993 года экспедицией КубГУ под руководством И.И.Марченко. В этот период исследовалась в основном северо-западная часть некрополя, где помимо курганов был выявлен и частично исследован участок поселения раннесредневекового и средневекового времени, а также синхронный ему грунтовый некрополь².

¹ В 1993 (Лимберис Н.Ю.), 2001 (Лимберис Н.Ю.), 2002 (Бочковой В.В.), 2004 и 2005 (Кононов В.Ю) и в 2006 (Бочковой В.В.)

² В дальнейшем этот участок был выделен в отдельное поселение и ему присвоено имя «Гора «Чиркова» 1». Под этим наименованием оно исследовалось в 2015 и 2016 гг.

Всего экспедицией И.И. Марченко было исследовано 20 курганов. В процессе исследований было выявлено, что часть «курганов» являлась естественными всхолмлениями, использованными под захоронения в античное и средневековое время.

Всего было исследовано 197 погребений, из которых 2 относятся к эпохе бронзы, 80 – средневековые, 104 – античного времени, остальные не атрибутируются. Из античных погребений к IV в. до н.э. относятся 2, к III-II – 85 [Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 1993; Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю., 2007; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010]. Таким образом за все годы раскопок на некрополе Виноградный 7 исследовано 651 погребение V-II вв. до н.э.

Основными типами погребальных сооружений некрополя Виноградный 7, как и в Фанагории, являлись простые грунтовые ямы; встречены 36 подбойных могил, обычно с закладом из сырцовых кирпичей; исследовано 20 сырцовых ящиков, 7 сырцовых склепов и свыше 50 грунтовых склепов. Для младенческих погребений использовались амфоры или их фрагменты. Так же, как и в Фанагории, основной способ обращения с трупом – ингумация. Как в Фанагории, встречены кремации, в том числе кремации на месте и на стороне с последующим захоронением в урне. Основным положением костяка в могиле является положение «вытянуто на спине». В то же время, как в Фанагории, для ранних погребений часты варианты скорченности костяка в «позе всадника». Помимо одинакового набора типов погребальных сооружений, наблюдается значительное количество параллелей в наборе инвентаря, а именно: присутствие в погребениях игл, нижних частей сосудов, преднамеренно разбитых лекифов и т.д. Более того, часть сосудов (например, ряд пелик и лекан местного производства) явно были произведены в одной местной мастерской.

Следует отметить, что все эти признаки на территории различных греческих некрополей вообще и Боспора в частности встречаются в разном процентном соотношении. Так, детские захоронения в амфорах нехарактерны для большинства некрополей Боспора, кроме

фанагорийского, нимфейского, пересыпского и кепского³. В других некрополях Боспора и милетских колоний Северного Причерноморья данный тип погребений либо не встречается, либо встречается в очень небольшом процентном соотношении [Сорокина Н.П., Сударев Н.И., 2000. С. 193-204; Сударев Н.И. 1999. С.109-111; Сударев Н.И. 2010. С.425-427]. Такая же ситуация и с подбойными могилами, которых нет в некрополях Нимфея, у м.Тузла, у м. Панагия, Мирмекия, Гермонассы, Китея, Горгии. Они встречены в некрополе Фанагории, в некрополе Кеп, в некрополе у пос. Пересыпь, где они появляются в IV в. до н.э. и получают распространение с III в. до н.э. Известны они также в небольшом количестве некрополе Пантикапея [Сударев Н.И. 2010. С.436]. Положение костяка в «позе всадника» на Боспоре встречается в основном на Азиатской стороне [Масленников А.А. 1976. С. 25-27]. Однако и там он встречается в разных некрополях в разной степени. В наибольшем процентном соотношении «поза всадника» представлена в некрополях Фанагории, Кеп, в некрополе у пос. Пересыпь, а в некрополе Панагии только 1 раз, в некрополе у м. Тузла – ни разу [Сударев Н.И., 2005. С. 133-136; Сударев Н.И. 2004. С. 332-344]. Такая же ситуация с наборами погребального инвентаря⁴, их взаимовстречаемости с иными категориями инвентаря и т.д. Однако во всех случаях наибольшее сходство мы увидим между некрополями Фанагории и Виноградного 7.

Признаки, указанные выше, а также расположение некрополей на одной дороге, идущей от Фанагории к Виноградному 7 и далее к Кизилташскому лиману, привело нас к следующим выводам: во-первых, перед нами некрополи, оставленные родственными группами населения; во – вторых, поселение Виноградный 7 принадлежит к территории

³ Большое количество детских погребений в амфорах известно также в некрополе пос. Волна 1. Благодарю авторов раскопок за любезно предоставленную информацию.

⁴ Например, леканы. В различных некрополях их процентное соотношение различно. Так их совсем нет в некрополях Мирмекия, пос. Войкова, Тиритаки, Гермонассы, Тузлы, Панагии и т.д. С другой стороны, в погребениях кепского некрополя встречено 20 шт. В некрополе Фанагории их более 60. А в некрополе Пантикапея из 872 их всего 10.

Фанагории [Сударев Н. И. 2016. С. 333-340; Сударев Н.И., Кашаев С.В. 2016. С. 471-480].

Однако, помимо данных некрополей, в 2016 году нами был исследован некрополь «Виноградный Северо-Восточный», расположенный в 2,5 км к юго-западу от поселения Виноградный 7 и примыкающий к крупному раннему поселению Виноградный 1 [Гарбузов Г.П., Завойкин А.А, Строкин В.Л., Сударев Н.И., 2011. С. 101-131]. Там исследовано 25 погребений IV-II вв. до н.э. Несмотря на сравнительно небольшое количество захоронений, его принадлежность к той же группе, что и некрополь Виноградного 7, не вызывает сомнений. Там представлены те же типы погребальных сооружений, что и на Виноградном 7, те же наборы инвентаря, те же позы погребенных и т.д. Последнее сомнение снимает наличие в обоих некрополях сырцовых склепов со входом - тип погребений, более не встреченный нигде. Форма и конструктивные особенности совпадают до мелочей: так же смещены относительно основной оси входы в погребальную камеру, так же сырцовыми кирпичами выложен пол и лежанка и прочее. Территориальная близость двух поселений, расположение на одной дороге, плюс указанное выше – маркеры того, что они оставлены родственными группами населения.

Сходство некрополей Виноградный 7 и Виноградный Северо-Восточный с некрополем Фанагории приводит нас к ещё одному выводу, что политическое влияние Фанагории уже как минимум в V веке до н.э. распространялось на расстояние 10 км к юго-западу и практически достигало Кизилташского лимана. Если выразиться иначе, по нашему мнению, городки Виноградный 7 и Виноградный 1 уже в это время входили в понятие «полис Фанагория».

Наибольший интерес вызывает картографирование этих памятников и совмещение их с древними дорогами [Паромов Я.М., 1998. С. 219-220, Сударев Н.И.2016, с. 333]. Так поселение Виноградный 7 оказывается расположено прямо на перекрестке двух основных дорог Таманского полуострова. Одна соединяла Фанагорию с пос. Виноградный

1 и северо-западной оконечностью Кизилташского Лимана⁵ - крупнейшего лимана дельты Кубани, имеющего выход в Черное море⁶. По мнению Я.М. Паромова, эта дорога была одной из трех основных дорог Таманского полуострова и проходила от Голубицкого острова через Фанагорию до м. Панагия [Паромов Я.М. 1998, с.219-220, рис.2]. В районе поселения Виноградный 7 ее пересекает еще одна крупная дорога, идущая с запада на восток от пос. Солёный в сторону поселений Волна 1, Тамань 1, к мысу Панагия и Черному морю. Она маркируется цепочкой курганов и поселений. Вероятно, еще существовали ответвления в восточном направлении в сторону поселений Вышестеблиевская 16 и 10, а также в юго-восточном в сторону поселения Вышестеблиевская 9. Судя по наличию в курганах, маркирующих эти дороги, погребений эпохи бронзы и раннежелезного века, а также расположенных на ней поселений XIV-VIII(VII?) вв. до н.э. можно предположить, что они сформировались ещё в догреческий период, вероятно в эпоху ранней бронзы, и действовали к моменту греческой колонизации региона. Все это делает поселение Виноградный 7 не просто сельским поселением, как это предполагалось ранее, а важным стратегическим и торговым пунктом. В пользу этого, помимо расположения, говорят также размеры поселения, наличие крупного и богатого некрополя, а также находки на поселении фрагментов архитектурных деталей от разнообразных каменных строений, в том числе фрагменты антаблемента эллинистического храма дорического ордера, архитрава с овами и двустрочной надписью и т.д.

Не менее примечательно и расположение поселения Виноградный 1. Оно расположено не только на берегу Кизилташского лимана, имеющего выход в Черное море, но и на месте разветвления дороги. На запад: в сторону поселений Волна 1, Тамань 1, м. Панагия и к Черному морю. На восток: в сторону крупных поселений «Старотиторовская 14» (которое, по нашему мнению, являлось одним из ключевых пунктов в торговле со внутренними областями Кубани

⁵ В настоящее время эта часть называется Цукур Лиман.

⁶ До начала XX века именно в этот лиман вливалась большая часть вод Кубани.

[Сударев Н.И. 2015. С. 95-102; Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. С.156-166]), а также в сторону поселений Стрелка 1 и Белый Юго-восточный, которые расположены в районе древних переправ через т.н. «Кубанский Боспор».

Таким образом, если признать, что крупные поселения Виноградный 7 и Виноградный 1, расположенные на стратегически важных местах (а анализ погребальных памятников четко указывает на это) входили в полис Фанагория (а возможно, и основаны были им), то оказывается, что с V в. до н.э., а возможно, и ранее, Фанагорийский полис имел выход к Черному морю и контролировал основные пути торговли с внутренней Кубанью.

К сказанному стоит добавить еще несколько наблюдений. Еще в 1968 г. А.К. Коровина выдвинула предположение, что поселение у пос. Пересыпь могло возникнуть и в процессе внутренней колонизации, и что его основали выходцы из Фанагории [Коровина А.К., 1968, с.74]. Анализ погребальных памятников Боспора и исследования некрополя Фанагории в 2012 г. привели нас к этому же выводу [Паромов Я.М., Сударев Н.И., 2000. С. 210-211, Сударев Н.И. 2005. С. 257; 2010. С. 458]. Анализ погребального обряда привел нас к выводу, что некрополь у пос. Пескокарьер (Кепы) также оставлен населением, близким к фанагорийскому. Этот вывод заставляет нас предположить следующее: либо поселение у пос. Пескокарьер не Кепы, либо Кепы уже в ранее время были захвачены Фанагорией [Сударев Н.И. 2005. С. 257-258; 2010. С. 458-459].

Сопоставление поселений Пересыпь и Кепы с картой основных древних дорог Тамани показывает, что оба этих пункта также находились на стратегически важных дорогах. Пересыпь располагалась на разветвлении главной дороги Тамани, которая вела из Прикубанья через Кандаур и Голубицкий останец на Фонталовский полуостров и связывала Прикубанье с северной переправой через Керченский пролив. Другие ответвления дороги шли к Фанагории, Кепам, выходили на дорогу, пересекающую Тамань с запада на восток. Через Кепы также шла одна из дорог на Фонталовский полуостров и далее к переправе.

Древние авторы определяют Фанагорию не только как столицу

Азиатского Боспора, но и как главный торговый пункт. Страбон пишет: «Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (ибо и так называется этот город); и торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как кажется, Фанагорий» (кн. XI, гл. II, 10). Аппиан в «Митридатовых войнах» называет Фанагорию «эмпорием» (108). Стефан Византийский, со ссылкой на Гекатея пишет: «Фанагория — город, названный от имени Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии⁷. Остров называется Фанагорой и Фанагорией; есть еще торговое место Фанагорий, среднего рода».

Однако если мы взглянем на карту Таманского полуострова, то увидим, что городище Фанагория расположено практически в самой дальней от моря, восточной части Таманского залива, и его расположение ничуть не удобнее для морской торговли, чем у Корокондамы (м. Тузла), Гермонассы (совр. Тамань), Патрея (совр. Гаркуши), пос. Тамань 1 (бывш. Хут. Кротенко) и т.д. И понять, почему именно Фанагория стала столицей Азиатского Боспора, «эмпорием», «торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны» или «торговым местом», о чем нам повествуют древние авторы, исходя из этого расположения, невозможно. Однако, учитывая данные, полученные на основе изучения погребальных памятников и сопоставляя их с трассами древних дорог, мы понимаем, что в реальности Фанагория контролировала все основные сухопутные пути Таманского полуострова, связывающие Боспор с варварскими территориями Прикубанья с конца VI — первой половины V в. до н.э., а возможно, и ранее.

Изучение погребальных памятников конкретных некрополей позволяет нам по - новому взглянуть как на само понятие «полис Фанагория», так и на причины, превратившие Фанагорию в важнейший торговый центр Азиатского Боспора

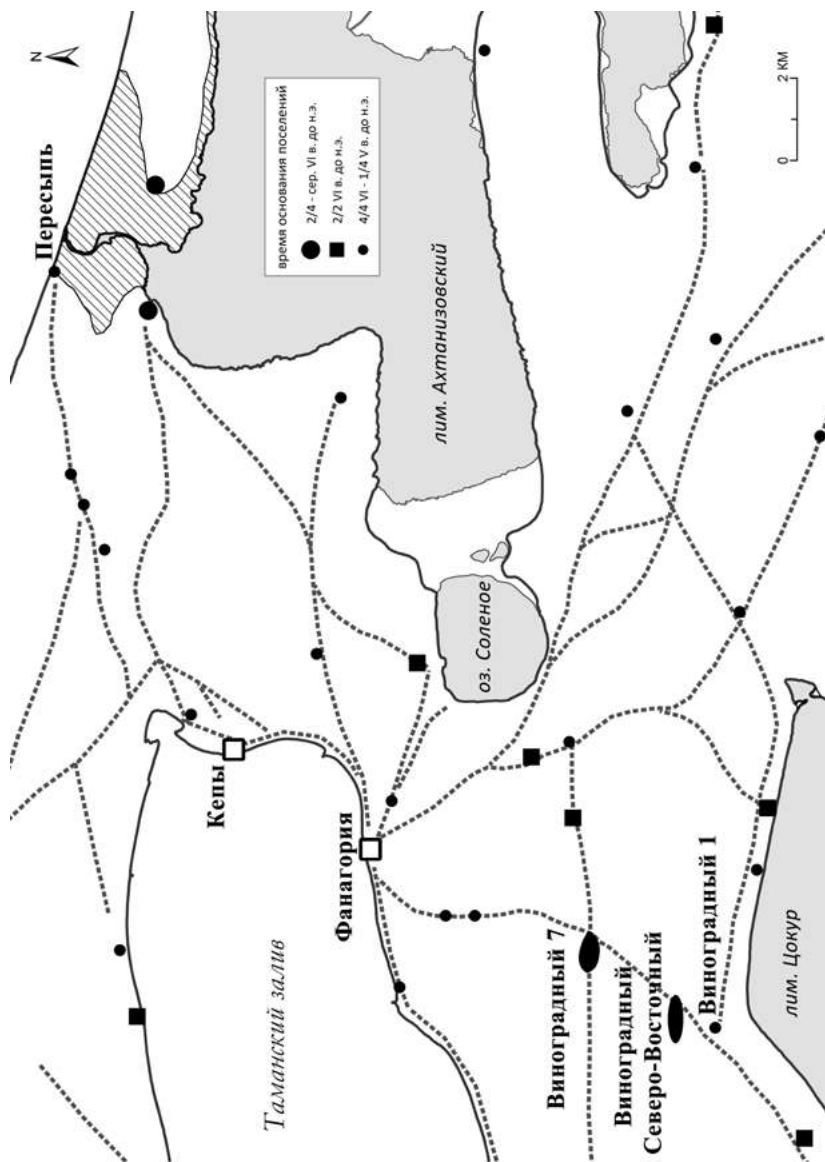
⁷ [Hec., fr. 164].

ЛИТЕРАТУРА

- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И. Освоение греками Таманского полуострова в VI –V вв. до н. э. // Древности Боспора. 2011. Т. 15.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 1993. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградный 7// ΣΥΜΒΟΛΑΙ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва.
- Коровина А.К. 1968. Тирамба (городище и некрополь) итог археологических работ экспедиции государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961-1963 и 1965 годы.// СГМИИ. IV.
- Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю., 2007 Раскопки могильника «Виноградный 7» на Тамани в 2005-2006 гг.//Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- Масленников А.А. 1976. Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов// СА, № 3.
- Паромов Я.М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время// Древности Боспора. Т.1. М.
- Паромов Я.М., Сударев Н.И., 2000. Новые погребения из раскопок некрополя у пос Пересыпь («Тирамба») // ДБ. Вып.3. М.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И., 2000. Детские погребения Северного Причерноморья VI-III вв. до н.э. // Stratum plus № 3. СПб. -Кишинев-Одесса- Бухарест.
- Сударев Н.И. 1999. Детские погребения Боспора VI-III вв. до н.э. // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. Тезисы докладов. М.
- Сударев Н.И. 2004. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI-II вв. до н.э.// Древности Боспора.

Т.7. М.

- Сударев Н.И. 2005* «Грунтовые некрополи боспорских городов VI-II вв. до н.э. как исторический источник». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.
- Сударев Н.И. 2010.* Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. Ответственные редакторы – Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. М.
- Сударев Н.И.* Греки и Варвары в Синдике//»Погребальная культура Боспорского царства. « Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914-1998). СПб. 2014.
- Сударев Н. И., Гарбузов Г. П.* К вопросу о колонизации Боспора.// Таврические студии. Серия: Исторические науки. 2015. № 7
- Сударев Н. И. 2016* Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола
- Сударев Н.И., Кашаев С.В. 2016.* История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. //XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь. 2016.

СУДАРЕВ Н.И., КАШАЕВ С.В.
(ИА РАН, Москва; ИИМК, С-Петербург)

ИМПОРТНЫЕ МЕГАРСКИЕ ЧАШИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ У ПОСЕЛЕНИЯ ВИНОГРАДНЫЙ-7

В 2015-2016 гг. сотрудниками Восточно-Боспорской АЭ проводилось археологические раскопки поселения Виноградный-7 (Темрюкский район, Краснодарский край). Поселение расположено в 4,8 км к северо-западу от ст-цы Вышестеблиевской.

Памятник охраняется государством согласно распоряжению комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 18 декабря 2002 г. №3-р.

Впервые поселение Виноградный-7 было, предположительно, отмечено, как «следы античной культуры», на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1920-х гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект, как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», поместив его под №32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930-31 гг.

В 1980-2000-х гг. разными исследователями на памятнике проводились разведки и раскопки. Все археологические работы 2001-2006 гг., которые формально связывались с поселением Виноградный-7, фактически затрагивали лишь расположенные вблизи поселения курганный и грунтовые некрополи, и площадь средневекового селища Гора Чиркова-1 [Сударев, Кашаев, 2016, с.471-479].

В 2011 г. для составления учётной карты археологического памятника «Поселение Виноградный-7» он был обследован отрядом под руководством сотрудника Восточно-Боспорской экспедиции С.А.

Буравлёва. С целью уточнения границ поселения, мощности культурного слоя и датировок на территории распространения подъёмного материала с южной стороны железной дороги было заложено 6 шурфов. Объект культурного наследия был вытянут по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. При этом его западная оконечность уходила на 200 м к северу от железнодорожного полотна, а восточная примерно на 150 м сдвигалась к югу от него. Северная граница памятника, судя по его топоплану, включенному в учётную карту, пересекала линию железной дороги в районе 100-го железнодорожного пикета. Датировался памятник VI-I вв. до н.э. Кроме того, западную часть памятника исследователь на основе распространения средневекового подъёмного материала, а также, учитывая результаты раскопок 2001-2006 гг., выделяет в отдельное поселение: Гора Чиркова-1. Его площадь частично перекрывает западный край поселения Виноградный-7, бытовавшего на этом месте в IV-III вв. до н.э. Размеры поселения Гора Чиркова-1 составляют 600x380 м, что предполагает площадь около 17,72 га. Датруется памятник VIII-X вв. Площадь же собственно поселения Виноградный-7 была определена в 38 га.

В ходе раскопок 2015-2016 гг. памятник исследован на площади более 100 тыс. кв. м. Помимо поселенческих комплексов и объектов, в зону раскопок попала обширная территория некрополя, расположенного в северной и восточной части памятника [Сударев, 2016, с.333-340].

За два сезона работ обнаружено около 400 погребений разного времени, от эпохи бронзы до средневековья. Основная часть захоронений датируется античным периодом V в. до н.э. – II в.н.э.

Большой интерес вызывают обнаруженные в погребениях предметы импортного происхождения. Из всей массы находок особо выделяются мегарские чаши, обнаруженные в трех погребениях №№ 25 (2015), 29/30 (2015) и 24 (2016). Они свидетельствуют об интенсивной торговле греческих центров с городами Северного Причерноморья, и в частности – о поступлении импортных товаров на внутренние рынки Боспора.

Погребение 25 (2015) конструктивно, представляет из себя подбойную могилу, состоящую из впускной ямы и ямы подбоя. Подбой

был закрыт закладом из вертикально поставленных сырцовых кирпичей. Общий размер могильной конструкции около 1,5х2,1 м. Скелет лежал по линии запад-восток вытянуто на спине, головой был ориентирован на восток. Костяк средней сохранности, принадлежал женщине 25-30 лет.

Из индивидуальных находок в погребении присутствовали: мегарская чаша, лагинос красноглиняный, унгвентарий, бронзовое зеркало, нитка бус.

Мегарская чаша №1 (Рис.1.2; 2.2) с прямым, слегка скошенным внутрь венчиком и полусферическим туловом на прогнутах к центру дне. В верхней части тулова расположены два врезных параллельных узких полукруглых в разрезе горизонтальных желобка; между желобками расположен орнаментальный ряд из крупных «ов». Между ними расположены вертикальные неширокие бордюры, каждый из которых разделен на четыре части косоидущими слева направо желобками. Ниже вся поверхность тулова сплошь покрыта ассиметричными ромбами с укороченной верхней частью – нижние стороны выше расположенных ромбов частично образуют верхние стороны последующих; в каждый из ромбов вписаны направленные вверх стебли с отходящими от них в обе стороны отростками. На дне сделана надпись – рельефное выступающее имя ΦΙΛΩΝΟ.

Сосуд совершенно целый, высота 7,5 см; диаметр венчика 13,0 см; диаметр дна 4,8 см. Чаша стояла в изголовье погребенного вертикально венчиком вверх с небольшим наклоном к востоку-северо-востоку в юго-восточной части могилы.

Погребение 29/30 (2015) представляет собой комплекс из двух погребений расположенных вплотную друг к другу, связанных планиграфически и хронологически, и образующих, по сути, единый комплекс. Конструктивно оба погребения представляют собой подбойные могилы, состоящие из впускной ямы и ямы подбоя. Подбой был закрыт закладом из вертикально поставленных сырцовых кирпичей толщиной до 0,10 м. Погребение 29 принадлежит ребенку (предположительно мальчику), Погребение 30 – взрослой женщине, скорее всего его матери. Предположительно сначала был захоронен ребенок, затем его мать.

Из индивидуальных находок в погребении можно отметить:

розовоглиняный лагинос, мегарскую чашу, чашу фиалу, фрагменты железного кинжала, пряжку из желтого металла.

Мегарская чаша №2 (Рис.1.1; 2.1) с рельефным орнаментом, прямым чуть скошенным внутрь венчиком, усеченно-коническим туловом и вогнутым внутрь дном. Венчик от тулова отделен поперечным валиком. Ниже между двумя горизонтальными валиками идет ряд «ов», разделенных вертикальными рубчатыми валиками. Остальная часть тулова украшена изображениями листьев с полукруглым краем, направленных вверх, идущих от дна к верхнему фризу и разделенных рядами вертикальных выпуклых точек (их в каждом ряду от 10 до 13). На дне надпись: имя ΦΙΛΩΝ.

Сосуд совершенно целый, высота 5,4 см; диаметр венчика 8,6 см; диаметр тулова 9,3 см; диаметр дна 3,6 см.

Погребение 24 (2016) конструктивно является простой грунтовой могилой, размеры могильной ямы около 1,6х0,7 м. Скелет лежал по линии запад-восток вытянуто на спине, головой был ориентирован на восток. Костяк очень плохой сохранности. Сохранились длинные кости рук и ног, фрагменты костей таза, ребер и черепа.

Из индивидуальных находок можно отметить мегарскую чашу красноглиняную, унгвентарий красноглиняный, бронзовый перстень, солонку красноглиняную, фрагмент черепицы.

Мегарская чаша №3 (Рис.1.3; 2.3) с прямым вертикальным венчиком и полусферическим туловом на округлом дне. В верхней части тулова расположены два параллельных узких, полукруглых в разрезе валика, ниже пояс орнамента в виде бегущей волны, далее пояс стилизованного меандра. Пересечение линий меандра образует подобие цепочки свастик. Ниже, расположен ряд вертикальных рубчатых валиков, далее к центру вся поверхность тулова сплошь покрыта растительным орнаментом в виде стилизованных листочков с рельефными прожилками. В центре расположена розетка.

Высота сосуда 7,3 см; диаметр венчика 13,5 см; диаметр дна 2,5 см. Чаша археологически целая - склеена из фрагментов, часть стенок утрачена.

Примечательно, что на чашах №№1 и 2 написано одно имя

– ΦΙΛΩΝΟ. На фрагменте чаши, найденном в Пантикапее, имеется такая же надпись. Происходит она, по мнению авторов, из мастерской Мнесимаха [Кастанаян, Арсеньева, 1984, с.354, табл. CLXIII.17в].

Подобные чаши довольно регулярно встречаются на территории Боспора и относятся к т.н., «делосской» группе мегарских чаш [Courby, 1922, ch. XIX-XXI]. Однако эта группа очень разнится как по качеству, цвету лака, так и по составу глины [Лимберис, Марченко, 2000, с. 8-9]. В настоящее время считается, что эти чаши производились в различных городах Ионии, имевших торговые отношения с Боспором [Лимберис, Марченко, 2000, с.9].

Вероятно и на Боспоре существовало собственное производство этих сосудов [Лосева, 1962, с. 204-205]. Так, по мнению Н.М. Лосевой к боспорским мастерам относится Деметрий [Лосева Н.М. 1962, с. 204-205].

Сосудов работы мастера Филона довольно много найдено на Боспоре. Они известны в Пантикапее [Лосева, 1962, с. 197; Гжегжулка, 2010, с. 28, 38-39], в Келах [Усачева, 1978, с. 100-107], известны они и в меотских памятниках Кубани [Лимберис, Марченко, 2000, с. 4-18], где они были предметом роскоши, поступившим через посредство торговли с Боспором.

Скорее всего, партия керамики из этой мастерской была привезена купцами на рынок Пантикапея, где впоследствии они были раскуплены жителями обеих берегов Боспора, и, в том числе, древними обитателями Виноградного-7.

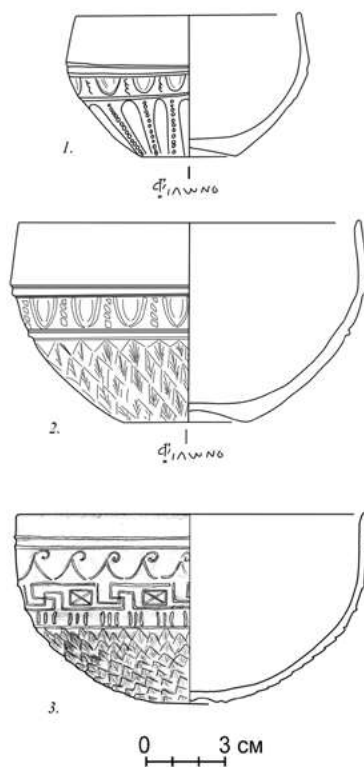
Рельеф, аналогичный изображенному на нашей чаше №1, можно найти в материалах Афинской агоры. Наиболее близок он афинским находкам №№ 336 и 398, датированным второй половиной II в. до н.э. [Rotrof, 1982, №№336, 398].

Расположение некрополя у древнего пути, ведущего от Фанагории к Кизилташскому лиману, а также анализ погребального обряда, погребальных сооружений и инвентаря говорит о связи населения, его оставившего, с хорой Фанагории. С другой стороны, этот пункт расположен на перекрестке с более древней и явно, более значимой, дорогой, ведущей через Таманский полуостров с Запада на Восток

и являвшейся, видимо, основной трассой, связывающей варварские территории с Боспором. Таким образом, слова Страбона: «торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как кажется, Фанагории, а для доставляемых туда с моря — Пантикапей», - иллюстрируются на примере небольшой группы материала и наполняются конкретным содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

- Гжегжулка С.*, «Мегарские» чаши из собрания Керченского Историко-Культурного Заповедника. Т.1. Варшава. 2010.
- Кастанаян Е.Г., Арсеньева Т.М.* Керамика // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984. с. 229-231.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 2000. «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый Свет: Археология, история, этнография. Краснодар. 2000.
- Лосева Н.М.*, 1962. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // МИА № 103. М. 1962
- Сударев Н.И., Кашаев С.В.* История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XVII Боспорские Чтения. Керчь. 2016. с.471-479.
- Сударев Н.И.* Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2105-2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб. 2016. с. 333-340.
- Усачева О.Н.*, 1978 Рельефная керамика из Кеп // КСИА № 156. М. 1978.
- Courby F.* 1922. Les Vases Greks a reliefs. Paris. 1922.
- Rotrof S.I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls // The Athenian Agora. Princeton. NJ. 1982. Vol. XXII.

**Рис.1 Некрополь поселения Виноградный-7.
Мегарские чаши из погребений.**

1- погребение 29/30 (2015),
2- погребение 25 (2015),
3- погребение 24 (2016).

**Рис.2 Некрополь поселения Виноградный-7.
Мегарские чаши из погребений.**
1- погребение 29/30 (2015),
2- погребение 25 (2015),
3- погребение 24 (2016).

СУДАРЕВ Н.И., ПОРОТОВ А.В., ГАРБУЗОВ Г.П.
(ИА РАН; МГУ, Москва; Ростов-на-Дону)

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
АРХЕОЛОГО-ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ КУБАНИ.**

1. Введение.

Проводимые Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН в последнее десятилетие археологические разведки и раскопки в Анапском районе Краснодарского края позволили выявить несколько крупных городищ и несколько десятков усадеб и поселений. Часть из них возникает во второй половине VI в. до н.э., большинство существует до IV-III вв. до н.э. (Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011; Иванов, Сударев, 2014). На многих из этих поселений уже в V в. до н.э. отмечается каменное домостроение, собственное производство черепицы, с этого же времени мы находим здесь сельскохозяйственную территорию, которая по многим показателям выглядит более «греческой», чем некоторые области Таманского полуострова. Исследование раскопками поселений местного населения и их некрополей показывает следы сосуществования греков и варваров, а также свидетельствует об очень ранней и сильной эллинизации последних. Полученные археологические материалы ставят вопросы о времени и путях заселения греками данного региона, ответы на которые, в свою очередь, не могут быть получены без реконструкции палеоландшафтной ситуации в Нижнем Прикубанье в сер. I-го тыс. до н.э. В комплексе задач, связанных с изучением палеогеографического развития дельты Кубани, самостоятельный интерес представляет реконструкция пространственно-временных особенностей выдвижения фронтальной зоны дельты. Этот интерес обусловлен представлениями о существовании в античное время обширного палеолимана, включавшего не только территории современных Черноморской (Старой Кубани) и Темрюкской дельт Кубани,

но и часть кубанской долины вплоть до современной ст. Варениковской (Журавлев и др., 2015). Как можно полагать, именно этот палеолиман обеспечил возможность быстрого освоения внутренних территорий востока Таманского архипелага и равнин кубанского левобережья.

2. Результаты археологических исследований.

В ходе разведок на территории современного Анапского района вдоль южного борта долины Кубани было обнаружено несколько неизвестных ранее поселений, часть из которых основана греками-колонистами на первых этапах освоения Азиатского Боспора. Каждое из этих поселений было звеном в цепи мест, расположенных на берегах древнего лимана. К сожалению, большинство этих памятников до настоящего времени еще не подвергалось раскопкам, и их датировка базируется лишь на анализе подъемного материала. Часть из поселений сохранила остатки фортификационных сооружений, впрочем, их хронология далеко не всегда ясна.

В районе пос. Джигинка группа памятников представлена в основном усадьбами, возникшими в конце VI в. до н.э., среди которых наиболее крупным укрепленным поселением, является городище Джигинка 3, основанное во второй половине VI в. до н.э. В литературе уже неоднократно отмечали связки из двух-трех ранних поселений, возникших на противоположенных берегах палео-Кубанского лимана, наиболее упоминаема пара укрепленных поселений Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2 (Журавлев и др., 2015; Паромов, 2006). Возможно, что такие пары являлись частью торговых путей и контролировали переправы через палеолиман, хотя для архаического времени (указанные поселения основаны очень рано, во второй четверти VI в. до н.э.) это предположение требует дополнительного обоснования. К гипотезе о переправах можно привлечь также поселения Белый Юго-Восточный и Белый 2, расположенные на правой стороне долины Старой Кубани, и лежащее почти напротив на другой стороне долины поселение Джигинка 3.

Далее на восток вдоль коренного борта долины в сторону Семибратнего городища известно несколько сельских поселений V-III вв. до н.э. Следующей самой крупной на данной территории является долина

реки Чекон. На ней расположено крупнейшее в регионе Семибратнее городище, а также большое количество усадеб и поселений, большинство из которых датируется от рубежа VI-V вв. до н.э. В округе Семибратнего городища самым восточным раннеантичным памятником является недавно выявленное нами поселение на реке Чекупс (расположено приблизительно в 2,5 км к востоку от городища), еще восточнее поселений раннеантичного времени нам не известно. На расположенном напротив Семибратнего городища т.н. острове Кандаур (Темрюкско-Курчанской гряде) материалов ранее IV в. до н.э. практически неизвестно. На крупном укрепленном городище Красный Октябрь также до настоящего времени материалов ранее IV в. до н.э. не выявлено.

В связи со сказанным следует упомянуть о трех ранних варварских памятниках, расположенных выше по течению р. Кубань, которые пунктиром отмечают пути торговли с варварским населением внутренних территорий. Это неукрепленное поселение Красное, расположенное в 32 км к востоку-юго-востоку от Семибратнего городища и в 12,7 километрах к юго-востоку от Краснобатареиного городища. Наиболее ранний археологический материал датируется последней четвертью VI в. до н.э. Чуть более поздним временем (в пределах начала V в. до н.э.) датируется поселение Ударное, расположенное практически в плавнях реки Кубани в 6 км к востоку от Краснобатареиного городища и 28,6 км к юго-востоку от Семибратнего; а также поселение Кувичинское, расположенное в 53 км на восток-северо-восток от Семибратнего городища практически в пойме Кубани на северной оконечности Варнавинского водохранилища. Полученные результаты дают возможность обоснованно говорить о «южном» или «восточном» пути колонизации территории Азиатского Боспора (Паромов, 2006; Журавлев и др., 2015), направленном от пра-Бугазского гирла палеолимана вверх по долине Кубани, вплоть до Семибратнего городища и его округи.

3. Результаты палеогеографических исследований.

Для реконструкции динамики фронтальной части дельты и развития долины Кубани в античное время проводились исследования дельтовых отложений на протяженном участке от Темрюка до пос. Красная

Батарейка. Особый интерес представлял район дельтовой равнины к востоку от Семибратнего городища, в которой по результатам предшествующих работ локализовалась фронтальная зона дельты в раннеантичное время (Kelterbaum et al., 2011; Fouache et al., 2012; Giaime et al., 2016). Объясняется это тем, что определение положения фронта дельты до последнего времени основывалось на ограниченном геологическом материале.

Наряду с макроскопическим описанием скважинного материала, основное внимание уделялось возрастной структуре дельтовых отложений и их палеоландшафтной интерпретации. Возрастная привязка реперных слоев основывалась на основе радиоуглеродного датирования погребенных торфов и раковинного материала. Для введения поправки на изотопное фракционирование при определении календарного возраста проводились изотопно-геохимическое определение $\delta^{18}\text{O}$ и $\delta^{13}\text{C}$, которое дополнительно позволяло оценить палеогидрологические условия в дельте Кубани за последние 5,0 тыс. лет. Кроме этого, аналитическая часть включала палинологический и палеоботанический анализы торфов и определение видового состава раковинного материала. В качестве возрастных реперов использовались горизонты погребенных торфяников, фиксирующие положение древней поверхности пойменной равнины в прошлом, а также прослой раковинного материала, условно маркирующие палеобатиметрию древнего лимана.

Очевидно, что положение фронтальной зоны дельты Кубани в историческое время сопровождалось существенными изменениями под влиянием аккумуляции речных выносов, колебаний уровня моря, а также антропогенной деятельности. О темпах выдвижения фронта дельты и выполнении акватории палео-Кубанского лимана за сравнительно короткие промежутки времени дают представления материалы развития Темрюкской дельты р. Кубани за XIX – XX вв. До конца XVIII в. Черноморское русло являлось основным, по которому осуществлялся речной сток Кубани через Кизилташский лиман в Черное море. При этом, речной сток из Кизилташского лимана в Черное море осуществлялся согласно описаниям, приведенным в Лоциях Черного моря (1807, 1850), через от-

носителем широкие (до 100 м) и сравнительно мелководные протоки. Расчистка в конце XVIII в. русла р. Переволоки, соединявшей р. Кубань с Ахтанизовским лиманом, вызвало перераспределение стока в сторону Азовского моря, сопровождавшееся постепенным отмиранием старого Черноморского русла и формированием современной Темрюкской дельты. Выдвижение новообразовавшейся дельты за прошедшие немногим больше 200 лет проходило со средней скоростью около 5,0-6,0 км в столетие. В связи с этим, реконструкции очертаний палео-Кубанского лимана и положения края дельты за сравнительно короткие промежутки времени (в масштабе первых столетий) на фоне сравнительно высоких темпов его выдвижения края представляет собой достаточно сложную задачу, требующую значительной детальности геологической информации, которая до настоящего времени остается далеко неполной.

Для детализации реконструкции очертаний береговой линии во внутренней части палеолимана на участке долины, расположенной восточнее Семибратнего городища, было проведено бурение, материалы которого существенно дополнили представления о палеогеоморфологической ситуации в этом районе в античное время.

Строение осадочной толщи Кубанской дельты характеризуется отчетливо выраженной ритмичностью, образованной чередованием прослоев тонких глинистых илов, мощностью 0,5-1,5 м, и разделяющих их прослоев более мелководных типов отложений, представленных алевритами и мелкозернистыми песками. В прикраевых участках долины прослой песчано-алевритовых отложений замещаются линзами оторфованных илов. Если образование илистых отложений происходило в условиях относительно глубоководного полуизолированного лимана, занимавшего обширные внутренние территории дельты в периоды ускорения темпов подъема уровня моря, то накопление прослоев погребенного торфа по материалам палеоботанического изучения происходило в обстановках мелководных пресноводных озер–лиманов, возникавших в пределах дельты во время замедления темпов повышения уровня моря, сопровождавшимися активизацией выдвижения края дельты (Bolokhovskaya et al., 2004). Один из таких этапов замедления подъема уровня моря и широ-

кого развития остаточных озер во внутренних участках дельты по материалам геохронологического изучения совпадает со второй половиной I тыс. до н.э. Подобная особенность строения верхнего слоя дельтовых отложений установлена в ходе исследований, проведенных в последнее десятилетие (Внуков и др., 2012; Fouache et al., 2012), на сравнительно протяженном участке дельты от Джигинского поворота русла Кубани до ст. Варенниковской, что послужило основой для детализации пространственных реконструкций положения границы дельты в античное тысячелетие.

Материалы исследований во внутренней части дельты показали, что в ее центральной части, под приповерхностной толщей пойменных суглинков залегает слой опесчаненных илов, мощностью до 4,5 м, содержащий толстостенный раковинный материал. Присутствие в толще дельтовых отложений однородного по составу и сравнительно выдержанного по площади прослоя илов, прослеженного от Семибратнего городища вверх по долине Кубани до современного лимана Куркай, свидетельствует о сохранении в южной части палеодолины Кубани водоема лиманного типа, время существования которого по данным радиоуглеродного датирования охватывает период от сер. III тыс. до н.э. до нач. I тыс. н.э.

Наряду с этим, материалы бурения в северной половине долины, прилегающей к городищу «Красный октябрь», показали, что смена лиманных условий на дельтовые произошло на рубеже II и III тыс. до н.э. При этом, в первую половину античного тысячелетия фронт дельты Кубани в северной части долины располагался на траверсе Семибратнего городища, т.е. выдвижение дельты происходило неравномерно, в виде отдельных лопастей, разделенных несколькими широкими протоками, глубоко приникавших в дельту и разделявших ее на отдельные острова. Одна из них располагалась в месте современного русла Кубани у ст. Варенниковской и протягивалась восточнее, по крайней мере, до пос. Адагум, другая охватывала северную часть дельтовой равнины, прилегающей к городищу Красный Октябрь.

Полученные материалы, наряду с детализацией палеогеоморфологической ситуации в низовьях Кубани, позволили уточнить восточные

рубежи судоходного сообщения по внутренней акватории палеолимана в первые века греческой колонизации, а также дают основания для предположения о возможности нахождения припортовой, нижней части городища «Красный октябрь».

4.Выводы:

Палеогеографические исследования в дельте Кубани подтвердили предположение о существовании в раннеантичное время обширного палеокубанского лимана, не только объединявшего современные Кизилташский и Ахтанизовский лиманы, но и распространявшегося вверх по долине Кубани. Полученные геологические материалы позволяют локализовать положение фронтальной зоны дельты в раннеантичное время в 5-6 км восточнее современной ст. Варениковской, что расширяет границы судоходного сообщения во внутренней территории Азиатского Босфора, а также подтверждает возможность расселения греков на территории современного Анапского района посредством каботажного плавания по палео-Кизилташскому лиману.

В ходе миграции вдоль побережья палеолимана греки осваивали все наиболее пригодные для устройства поселений участки вблизи устьев небольших рек, вступая в торговые отношения с местным аборигенным населением. В дальнейшем они осваивали прилегающую территорию либо образованием новых поселений, либо вселяясь и эллинизируя уже существующие. На местах, благоприятных для переправ, образовывались своего рода «пары» (или «тройки») поселений. Крайним пунктом на пути такого продвижения стала долина реки Чекон, где было образовано самое крупное поселение – Семибратнее городище. Городище, видимо, являлось конечным пунктом на пути морской торговли и перегрузки товаров на речные суда для торговли с местным аборигенным населением. Позже (в пределах второй половины V-IV в. до н.э.) греки начинают осваивать Темрюкско-Курчанскую гряду и вышележащую долину Кубани (Краснобатареиное городище).

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков С.Ю., Порохов А.В., Пушкарев П.Ю., Кельтербаум Д. Археолого-палеогеографические исследования Семибратнего городища. Задачи и методы исследования // ДБ. 12.1. 2008.
- Журавлев Д.В., Дан А., Герке Х., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // Боспорские чтения. XVI. Керчь, 2015.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // Боспорские чтения. XV. Керчь, 2014.
- Паромов Я. М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI - V вв. до н.э.) // ДБ. 10. 2006.
- Чевелев О.Д., Кашаев С.В., Сударев Н.И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // Боспорские чтения. XII . Керчь, 2011
- Bolikhovskaya, N., Kaitamba, M., Porotov, A., Fouache, E., 2004. The environmental changes of northeast Black Sea's coastal region during the Middle and Late Holocene (Chapter 17) // Scott E.M. (ed.) Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Kluwer Academic Publishers, Netherlands.
- Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A. The Late Holocene evolution of the Black Sea: a critical view on the so-called Phanagorian regression // Quaternary International. 266. 2012.
- Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange Ch., Marriner N., Rostek F., Porotov A., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaum D. Evolution of Taman Peninsula's ancient Bosphorus channels, south-west Russia: Deltaic progradation and Greek colonization // Journal of Archaeological Science: Reports. 5. 2016.
- Kelterbaum D., Bruckner H., Porotov A., Zhuravlev D., Schlottzhauer U. Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // DIE ERDE. 143 (3). 211.

ТЕСЛЕНКО И.Б.
(ИАК РАН, Симферополь)

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА В КРЫМУ И
ПРИАЗОВЬЕ НА ЗАРЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЭПОХИ В ЧЕРНОМОРСКОЙ
ТОРГОВЛЕ (XIII – НАЧАЛО XIV ВВ.)**

После четвертого крестового похода, одним из результатов которого стало завоевание Константинополя, Византия навсегда утратила тотальный контроль над торговыми операциями в Черном море. Последующая реставрация империи Ромеев в 1261 г. не способствовала его возвращению. С начала XIII в. главенствующие позиции в черноморской торговле оспаривают итальянские купцы Венеции, Пизы и Генуи, используя с различным успехом политическую конъюнктуру и открытые вооруженные противостояния в своей жесткой конкурентной борьбе.

Основные цели коммерческих операций – непосредственный выход на богатые восточные рынки, новые перспективы которых открылись с образованием Монгольского государства – формировали направления главных торговых маршрутов через Черное море. В этой системе Крым и Приазовье (устье Дона) приобретали особую важность, как конечные пункты средиземноморской торговли. Именно сюда устремлялся поток «западных» товаров, в том числе ромейских, ассортимент которых довольно хорошо освещен в различных письменных источниках (см. напр. Каргов, 2011).

В то же время керамика практически не упоминается в коммерческих записях, однако археологические источники сви-детельствуют о том, что поставки поливной посуды различного происхождения, в том числе византийской, в Северное Причерноморье

на протяжении XIII – первой половины XIV вв. были значительными¹. Информацию об объемах импорта и ассортименте гончарных изделий содержат материалы раскопок в Крыму и Приазовье. Преимущество исследованных здесь археологических объектов, среди которых представлены как наземные, так и подводные, заключается в том, что многие из них достаточно хорошо датированы.

По способу аккумуляции и хронологии их можно разделить на следующие группы.

1. Объекты длительного существования, единовременно погибшие в 60-70-х гг. XIII в. (жилые кварталы и отдельные усадьбы со слоями пожара соответствующего периода исследованы в Херсонесе, Ески-Кермене, Бакле, Алуште и др.)² и в 60-х гг. XIV в. (жилые кварталы в портовом районе Херсонеса и усадьбы Лусты/Алушты).

2. Комплекс единовременного формирования – кораблекрушение у пос. Новый Свет, датирующийся монетами трапезундского императора Мануила I Комнина 1238-1263, предположительно 60-х гг. выпуска (Дергачева, Зеленко, 2008).

3. Объекты кратковременного функционирования в диапазоне от середины XIII до середины XIV вв. (поселение Кабарди в Приазовье, Посидима в Крыму, закрытые комплексы Азака, датируемые монетами) (Бочаров, Масловский, 2012: 20-21).

Сопоставляя находки византийской поливной керамики из этих комплексов можно проследить динамику и период поступления тех или иных групп продукции различных византийских гончарных центров в Северное Причерноморье.

¹ Кроме поливных изделий византийского круга в Северное Причерноморье в обозначенный период морским путем поступали и иные группы столовой посуды, например из Италии, Юго-Восточной Анатолии, Сирии пр. (см. напр. Waksman et al., 2009; Голофаст, Рыжов, 2003, др.), анализ которых не входит в задачи настоящей работы.

² По поводу точной даты катастрофических событий, приведших к гибели городов, все еще ведутся споры. Введенные на сегодняшний день в научный оборот нумизматические находки из этих объектов не выходят за рамки 60-х гг. XIII в. (Алексеев 1996).

Среди наиболее ранних из них – “Middle Byzantine Production” (MBP) из Эгейского региона и Кипра, “Zeuxippos Ware sensu stricto”(class I&II) (ZWss), константинопольские “Glazed White Ware IV” (GWW IV).

MBP объединяет несколько известных стилистических типов изделий, которые были широко распространены в Средиземноморье (в особенности Восточном) и Черноморском регионе на протяжении XII – первой половины XIII вв. (п-ру см. Waksman et al., 2014). В слоях пожара последней трети XIII в. на наземных памятниках в Крыму встречаются “Champleve”, “Incised Sgraffito”, “Slip-Painted” ware, хотя количество их, по сравнению с другими импортами, здесь, в целом, незначительно (см. напр. Голофаст, Рыжов 2003; Айбабин, 2014). По мнению исследователей, это связано с тем, что пик их бытования не совпадает со временем разрушения построек. В настоящее время известно несколько гончарных центров в центральной и южной Греции (Халкис, Фебс, Коринф), где изготавливалась подобная керамика вплоть до середины XIII в., то есть уже в период франкского правления (Waksman et al., 2014).

Археометрические исследования некоторых образцов “Incised Sgraffito” и “Champleve”, найденных в Херсонесе, проведенные Й. Ваксман в керамологической лаборатории Лиона, подтверждают их происхождение из мастерских Халкиса (Waksman et al., 2014). В Крым они могли быть доставлены, скорее всего, венецианцами, имеющими на то время торговые привилегии в Эгейском регионе.

Несколько изделий иного типа “Incised Sgraffito” и “Slip-Painted”, но уже кипрского происхождения (Пафос), которое также подтверждено лабораторными исследованиями в Лионе, обнаружены при раскопках корабля у пос. Новый Свет (Waksman et al., 2009).

Таким образом, бытование “MBP” в Северном Причерноморье ограничивается третьей четвертью XIII века. Киприотская группа, вероятно, была в обращении несколько дольше.

GWW IV, как и ZWss (class IA&II) являются наиболее частыми находками византийского импорта в комплексах середины – второй половины XIII в. Крыма. Обеим группам посвящена довольно обширная и обстоятельная литература (обзор см. напр. Hayes, 1992; Waksman,

Francois, 2004-05). К тому же, группа GWW IV в изобилии представлена в грузе корабля, затонувшего у пос. Новый Свет, то есть она все еще составляла значительную часть импорта в 60-70-е гг. XIII в. Однако в закрытых комплексах начала XIV в. эти изделия уже не встречаются.

ZWss (class IA&II) были широко распространены во всем Византийском мире, достигая Северной Италии, Ближнего Востока и Руси. Согласно лабораторным исследованиям изделия этой стилистической группы происходят из различных гончарных центров. Некоторые из них к настоящему времени локализованы на Кипре и в западной Анатолии (Waksman, Francois, 2004-05; etc.). В Крыму ZWss часто находят в одном хронологическом контексте с GWW IV. Однако, на «новосветском» корабле они представлены всего несколькими экземплярами. Не исключено, что массовое производство этой керамики заканчивается несколько ранее, чем изготовление GWW IV, но не ранее третьей четверти XIII в.

В то же время, стиль ZWss породил множество региональных имитаций, известных в настоящее время как “Zeuxippus Derivative”, “Zeuxippus Influence Ware”, “Zeuxippus Ware Family”, др. Среди них самой популярной стала керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора (“Sgraffito with Concentric Circles” [SCC]). Эти изделия получили наибольшее распространение с последней трети XIII до первой четверти XIV вв. включительно и встречается даже на небольших поселениях, в том числе в Крыму и Приазовье. SCC производилась во множестве больших и малых мастерских от Северной Италии и Эгейского региона до Крыма, включая Западную Анатолию, Центральную Грецию и Балканы. Продукция одной из крупных мастерских, местоположение которой еще не установлено, составляла главный груз корабля, затонувшего у пос. Новый Свет, отчего и получила условное название «Novy Svet Ware» (NS) (Waksman, Teslenko, 2010).

Практически синхронно с SCC в Северное Причерноморье поступали красноглиняные кувшины с росписью вертикальными полосами белого ангоба, также хорошо известные по находкам из подводного и

наземных археологических объектов Крыма и Азака последней трети XIII – начала XIV в. Согласно химическим анализам изделия, украшенные в подобном стиле, также имеют различное происхождение. Например, кувшины из «новосветского» корабля принадлежат к трем химическим группам, одна из которых близка к продукции мастерской из района Сиркеджи (Стамбул) (Waksman, Teslenko, 2010).

Кроме того, в керамических комплексах Северо-Причерноморского региона с конца XIII – первой четверти XIV вв. на рынок поступают иные группы и стилистические типы византийского импорта, как монохромные (Monochrome Sgraffito Ware), так и украшенные минеральными красками (Manganese Painted Plane or Sgraffito Ware, Green or Green and Brown Sgraffito Ware) (Масловский, 2010). Химические исследования сырья этих находок из Северного Причерноморья еще не проводились, поэтому сейчас сложно с уверенностью соотнести их с продукцией какого-либо из известных центров. В то же время, близкие параллели в стиле оформления сосудов прослеживаются среди изделий мастерских Солоник, Микро Писто, Константинополя. Согласно материалам из раскопок Азака, наибольшее распространение этой группы в Северном Причерноморье приходится на 20-40-е гг. XIV в. (составляет до 50% в комплексах поливной керамики), к середине XIV в. она практически выходит из обращения (Масловский, 2010).

Примерно со второй четверти и середины XIV в. стали появляться новые группы византийской столовой посуды (кувшины, а затем чаши, украшенные с использованием выемчатой техники, т.н. «Elaborate Incised Ware»), но в значительно меньшем объеме.

Таким образом, несмотря на то, что итальянские купцы с начала XIII в. становятся лидерами в Черноморской торговле, византийская керамика при их посредничестве еще примерно полтора столетие составляла довольно значительную статью импорта в Северное Причерноморье. До середины – третьей четверти XIII в. ассортимент византийских поливных изделий оставался таким же, как и в начале столетия, до завоеваний крестоносцев. Однако к последней трети на смену приходит более простая в декоре и более дешевая продукция,

возможно, иных мастерских. Рынки Северного Причерноморья повсеместно заполняют подражания ZWss, украшенные орнаментом сграффито в виде концентрических кругов и спиралей.

К первой четверти XIV в. появляются новые массовые группы изделий с более разнообразной графической орнаментацией. Однако к середине XIV столетия поставки имперской керамики значительно снижаются. Среди основных причин этого явления следует назвать развитие местного производства поливной посуды в Северном Причерноморье, в особенности в Юго-Восточном Крыму, продукция которого к середине XIV в. стала доминирующей как на полуострове, так и среди поливного импорта региона, а также завоевания турками-османами малоазийских территорий, где располагались крупные гончарные центры (Никея/Изник, Эфес, Анайя/Кадикалеси, Пергамон, др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен. АДСВ. 2014. 42, 215-227.
- Алексеев Н.А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии. ХСб. VII, 187-191.
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.). Волжская археология. 2012. 1, 20-36.
- Масловский А.Н.* Об одной группе византийской поливной керамики кон. XIII – 1-й пол. XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2010. Т.8. С. 231-252.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Н.* Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. X, 182-260.
- Дергачева Л.В., Зеленко С.М.* Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. 2008. III, 425-439.

- Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery. Princeton: Princeton University Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 2.
- Karpov S.P.* Main Changes in the Black Sea Trade and Navigation, 12th-15th centuries // Proceedings of the 22nd International congress of Byzantine Studies, Sofia, 22-27 August 2011. Sofia, 2011. I, 419-429.
- Waksman S.Y., François V.* Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // Bulletin de correspondance hellénique. 2004-2005. 128-129, 629-724.
- Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S.* Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Svet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006. J. Zozaya, etc. (eds.). 2009. II, 851-856.
- Waksman S.Y., Teslenko I.* "Novy Svet Ware", an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. International Journal of Nautical Archaeology. 2010. 39.2, 357-375.
- Waksman S.Y., Kontogiannis N.D., Skartsis S.S., Vaxevanis G.* The main "Middle Byzantine Production" and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. 2014. 109, 379-422.

ТУРОВСКИЙ Е.Я.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

КЕРАМИКА КИЗИЛ-КОБИНСКОГО ОБЛИКА НА ГРЕЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ: НАСЕЛЬНИКИ ИЛИ ИМПОРТЫ?

Нужно сразу же подчеркнуть, что при современном состоянии изученности источников, ответить на поставленные в заголовке вопросы, однозначно вряд ли, возможно. Нужно подчеркнуть, что среди исследователей идея о том, что наличие большого числа определенного культурного варианта варварской керамики на античном памятнике, является показателем присутствия представителей этого этноса среди насельников поселения является преобладающей [Марченко, 1998, с.107 сл.; Соловьев, 2013, с.62-77], другие гипотезы, исключающие присутствие варваров на эллинских поселениях менее многочисленны [Буйских, 2007, с.110-125]. Однако так ли всё очевидно, как иногда кажется? Рассмотрим этот вопрос, учитывая и альтернативные варианты.

В литературе долго дискуссировался вопрос о происхождении кизил-кобинской культуры, в настоящее время после находок на таких поселениях Восточного Крыма как Каменка, Генеральское Западное и Айвазовское [Масленников, 1995, с.12; Масленников, 2001, с.298] стало понятно, что корни культуры лежат, скорее всего, в местных крымских культурах финальной и даже средней бронзы [Сенаторов, 2002, с.91-97].

Долгое время в литературе преобладала гипотеза, согласно которой тавры (они же *αργίοι* – кизил-кобинцы) в виду своей крайней дикости и некоммуникабельности практически не контактировали с эллинами, исключая небольшие группы таврского населения, оказавшихся в непосредственном соседстве с греческими поселениями (в контактной зоне), и ставшими частью зависимого от греков сельского населения. Существовала идея и о таврских женах в греческих городах, ввиду дефицита женщин у первопоселенцев (этакий аналог индейских

жен-скво у покорителей Аляски).

Нужно отметить, что *contra* этой идеи можно привести главный и неопровержимый аргумент – отсутствие каких-либо признаков варварских погребальных практик на греческих некрополях. В самом деле, если бы варварские насельники греческих поселений действительно там проживали, да еще и осуществляли лепное керамическое производства в рамках своих этнических традиций, то и погребальные практики варварского населения неизбежно бы сохранялись, по крайней мере, на первом этапе. Однако мы не наблюдаем этого нигде.

Теперь несколько слов об ареале распространения кизил-кобинской керамики. В настоящее время можно уверенно предполагать, что он гораздо шире района южнее линии от Феодосии до Керкинитида. Прежде всего, отметим необычно высокое количество кизил-кобинской керамики на раннем греческом поселении на острове (в древности полуострове) Березань. Причем большая часть этой посуды найдена в ранних слоях поселения (конец VII-VI вв. до н.э.). Как же попало на Березань так много таврской (кизил-кобинской) посуды? Доставлялась эта посуда морем или делалась на месте? Если допустить последнее, то опять же, где другие следы стационарного пребывания тавров (кизил-кобинцев) на поселении, где могилы?

Рассмотрим, однако, и другие возможности. Прежде всего, торговля. Если наличие у тавров судов, пригодных для морской торговли ничем не подтверждается, то существование у них, если и не колесного транспорта, то вьючных животных вполне допустимо. Оттолкнемся от противного: наличие большого количества греческой керамики на варварском поселении не обязательно означает присутствие там греков. На наш взгляд, обратное утверждение не менее справедливо. Товарооборот, безусловно, существовал. Безусловно, номенклатура товаров могла быть очень широкой, но на проверку мы видим в основном керамику. Можно, на наш взгляд, предполагать большую номенклатуру продуктов и товаров органического происхождения не оставивших материальных следов.

Следует подчеркнуть, что для разных греческих регионов

Северного Причерноморья положение с присутствием варваров, скорее всего, существенно отличался: на Боспоре, как отмечает А.А. Масленников, степень инкорпорации варваров в греческую среду была очень высокой [Масленников, 1981, с.89-93], при этом, в Ольвии [Снытко, 2013, с.628] и особенно в Херсонесе [Рогов, 1992, с.38,39] проникновение варваров в греческую среду было весьма незначительным.

Возвращаясь к керамике кизил-кобинского типа на Березани, отмечу недавнюю работу И.В. Бруяко, специально обратившегося к этой проблеме. Он отмечает, что, безусловно, часть лепной посуды на греческих памятниках была греками изготовлена для хозяйственных нужд, а предположение о том, что варвары могли торговать с греками абсурдно, поскольку ввиду и малой эстетичности и сомнительной функциональностью она была не нужна даже малоимущим гражданам Березанского полиса. И другое важное заключение, высказанное чуть выше: варварам вполне по силам было преодолевать некоторое расстояние и их присутствие в том или ином центре совсем необязательно должно быть связано с наличием или отсутствием варварских поселений за стенами города [Бруяко, 2015, с.213].

Так все-таки, может быть, не следует отвергать возможность использования варварами (не только таврами) своей посуды в качестве тары под различные товары, например, мед, сыр, воск и прочее.

Литература

- Бруяко И.В.* Несколько сюжетов на тему колонизации Северо-Западного Причерноморья//АМА. Вып.17. Саратов, 2015. С.209-237.
- Буйских С.Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужьи архаического времени//ССПіК. 2007. Т.IV. С.110-125.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М.:Наука, 1981.
- Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма: (К истории сел. населения Европ. Боспора VI-I вв. до н.э.)//БСб. 1995. №8.
- Масленников А.А.* Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем//Древности Боспора. М.,2001. Вып.4.

- Рогов Е.Я.* О некрополе Херсонеса V-IV вв. до н.э.//Межполисные отношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Материалы к конференции в Херсонесском заповеднике. Севастополь, 1992. С.38,39.
- Сенаторов С.Н.* Лепная керамика с резным орнаментом из погребений Восточного и Юго-Восточного Крыма второй половины VI – начала III в. до н.э.//Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб.:Изд-во ГЭ. СПб., 2002. С.91-104.
- Снытко И.А.* Погребальные сооружения некрополей хоры Ольвии VI-III вв. до н.э.: этнокультурный и социальный аспекты// Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 625-629.
- Соловьев С.Л.* Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья //Причерноморье в античную и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013. С.62-77.

ТЮРИН М.И., ФИЛИППЕНКО А.А.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

**ВАРВАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ХЕРСОНЕСА
В ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА
ИЗ РАЗВЕДОК 2014-2016 ГГ.¹**

Планомерные археологические разведки, ведущиеся на территории массива Мекензиевых гор к северу от современного Севастополя в последние годы, позволили выявить ряд ранее неизвестных объектов античного времени. Значительная часть из них относится к III–I вв. до н. э., периоду, который до недавнего времени оставался вне поля зрения исследователей при изучении территории херсонесско-варварского пограничья. Действительно, объекты, относящиеся к интервалу между 70-ми гг. III в. до н. э. и рубежом н. э. в округе Гераклеяского полуострова оставались немногочисленными, а культурная принадлежность ближайшего варварского окружения Херсонеса почти не изучалась.

К настоящему времени в центральной части Мекензиевых гор в районе балки Темной и Камышловского оврага выявлены три новых поселения: Биюк-Бурун, Камышловское-2 и Сол-Кулак, а также одноименный могильник. Еще не менее трех объектов выделяются предположительно.

Поселение Биюк-Бурун (рис. 1, 1) выявлено А.А. Филиппенко в ходе разведок 2014 г. Объект расположен к юго-востоку от с. Камышлы, на крутом склоне Темной балки. Примечательно, что шурфовка на плато возвышенности не выявила следов поселенческой структуры. По-види-

¹ Работа выполнена в рамках проекта 16-31-01082 «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени» (РГНФ, № 16-31-01082a2).

тому, жилая и хозяйственная деятельность была сосредоточена непосредственно на склоне. Центральная часть объекта уничтожена грабительским раскопом. Культурный слой представлен напластованиями золистого грунта, насыщенного материалом II–I вв. до н. э. Слой интерпретируются нами как бытовая свалка при поселении позднеэллинистического времени.

Более половины от общего количества находок составляет лепная керамика. Вместе с тем, достаточно многочисленны находки гончарных сосудов, преимущественно импортного происхождения. Массовым материалом в слоях поселения являются амфоры производства Коса типа V (рис. 1, 2) (Монахов, 2014, с. 214). В некоторых случаях на верхнюю часть тулова нанесены фрагментарно сохранившиеся граффити (рис. 1, 3). Родосская тара менее многочисленна. На ручке родосской амфоры сохранился фрагмент клейма: [...]οδ[...] (рис. 1, 5). Интерес представляет массивный расширяющийся кверху высокий венец, профилированный снизу невысоким валиком и подрезом-воротничком (рис. 1, 4). Черепок оранжевый, с включениями крупных (до 3 мм) светлых частиц. Поверхность светло-бежевая. Амфоры с высоким венцом бытовали во второй половине II - I вв. до н.э., производились в ряде средиземноморских центров (в особенности, в Сикионе), в Крыму известны по материалам городища Кара-Тобе (Внуков, 2016, с. 113, 114, Рис. 5, № 14 /440). Тара данного варианта предназначались для транспортировки масла (то же). Учитывая, что на настоящий момент на поселении не обнаружено ни одного фрагмента светильников, следует предположить, что амфора попала на поселение в процессе вторичного использования.

Тара причерноморских центров представлена фрагментами синопских сосудов варианта III-D (Монахов, 2004, с. 159) или Син Ib (Внуков, 2003, с. 132) с валикообразным венцом с глубоким подрезом (рис. 1, 6). К более позднему времени относится желудевидная ножка амфоры (рис. 1, 7) варианта Син III (Внуков, 2003, с. 145, 146). Единично встречены фрагменты «псевдокосских» позднегераклейских амфор типа C I, колхидской коричневоглиняной тары. Несколько фрагментов относятся к амфорам типа «Херсонес-V» (см. Внуков, 2016, с. 115). Несомненно

херсонесское происхождение имеют фрагменты кувшинов, в том числе с горизонтальными полосами краски на тулове. Примечательны находки фрагментов синопских керамид.

Краснолаковая керамика представлена открытыми формами: мисками с загнутым краем (рис. 2, 1, 2), чашами с утолщением со внутренней стороны закраины (рис. 2, 3) (ср.: Шапцев, 2014, с. 215, рис. 2, 17). Донце тарелки декорировано кольцевыми насечками (рис. 2, 5). Здесь же встречена полусферическая чаша с отогнутым бортиком (рис. 2, 4). Тулово под венцом профилировано желобками и валиками. Аналогичные сосуды известны в слоях разрушения городища Ахтанизовская 4, связанных с т.н. «Полемоновой» войной конца I в. до н.э. (Ломтадзе, 2015, с. 156, 157, рис. 12, 11); среди инвентаря погребений Беляусского некрополя, датирующихся I в. до н.э. (Дашевская, 2014, табл. 29, 10; 68, 2; 73, 3). Встречены фрагменты сероглиняных полусферических рельефных чаш ионийского производства (рис. 2, 6, 7).

Таким образом, основная масса импортной керамики из слоев поселения Биюк-Бурун датируется в пределах конца II - I вв. до н.э.

На склоне соседней балки (рис. 1, 1) выявлено синхронное поселение Сол-Кулак. Следы объекта обнаружены в ходе работ сезона 2015 г. на естественной террасе г. Кара-Топе. Культурный слой представляет собой золистый грунт. Помимо лепной керамики, подъемный материал выражен многочисленными фрагментами позднегераклейских амфор типа C I. Среди массы подъемного материала выделяется верхняя часть краснолакового кувшина (рис. 2, 8) с орнаментацией белой накладной краской (ср.: Шапцев, 2014, с. 221, рис. 5, 17). Горло кувшина профилировано двумя горизонтальными желобками, переход к горлу резкий, профилирован невысоким валиком. Находки позволяют предварительно отнести функционирование объекта к I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.

В 150 м восточнее выявлен одноименный могильник, очевидно, связанный с поселением. Некрополь неоднократно подвергался разграблению в новейшее время. В грабительском отвале обнаружено значительное количество кальцинированных костей (пережжены до белого каления), деформированные стеклянные бусины, единичные металличе-

ские изделия, фрагменты амфор. В ходе разведок обнаружена одна нетронутая кремация. В качестве погребальной урны использован лепной сосуд. Из выбранных в отвале грабителей фрагментов удалось собрать части амфор производства Синопы (варианта III-D – Син IV), Родоса и неустановленного центра. Очевидно, эти амфоры использовались в качестве урн.

Еще недавно обряд кремации не считался характерным для населения Юго-Западного Крыма позднеэллинистического и раннеримского времени. Однако в 2014–2015 гг. О.Я. Савеля, Д.Ю. Савеля (Савеля, Савеля, 2017) и В.А. Нессель (Нессель, 2017) исследовали три могильника в районе с. Гончарное и Передовое в Варнутской и Байдарской долинах. Памятники выделяются погребальным обрядом (кремации в урнах), коренным образом отличающимся от синхронных позднескифских могильников. Инвентарь погребений датируется в пределах конца II в. до н. э. – начала II в. н. э. Очевидно, могильник Сол-Кулак пополняет вновь открытую группу некрополей погребальных урн Юго-Западной Таврики.

Начаты исследования поселения Камышловское-2 (рис. 1, 1), обнаруженного в устье Камышловского оврага, на восточном его склоне. Как и в предыдущих случаях, культурный слой выявлен на крутом склоне оврага, ближе к вершине возвышенности. Импортная керамика представлена фрагментами синопских и колхидских амфор, чернолаковых сосудов производства неаитических центров. Среди подъемного материала выделяется ручка херсонесской амфоры с клеймом астинома Сокрита, сына Артемидора, 30–20-х гг. III в. до н. э. (Кац, 2007, с. 442).

Таким образом, материалы на выявленных памятниках района Камышловского оврага и балки Темная фиксируют жизнедеятельность с III в. до н. э. до начала I в. н. э., однако наибольшее количество находок приходится на позднеэллинистическое время. Причем, если в начале III в. до н. э. этот район был приграничным или даже контролировался Херсонесом (раскопками А.А. Филиппенко и М.И. Тюрина в 2013–2014 гг. исследована античная усадьба на высоте Масляная [Филиппенко, Тюрин, 2015, с. 352]), то для II–I вв. до н. э. таких данных в нашем распоряжении нет.

Этническая принадлежность обитателей описанных поселений требует дальнейшего изучения. Однако можно предположить, что они, а также связанные с ними некрополи, оставлены общностью, которая в письменных источниках (Strabo. VII.4.2) и памятниках херсонесской лапидарной эпиграфики митридатовского времени (IOSPE I² №352, col. I, v. 9) именуется таврами (οἱ ταρακοῖντες ταῦροι).

Обилие импортной керамики на всех описанных объектах свидетельствует о тесных контактах населения массива Мекензиевых гор с Херсонесом в позднеэллинистическую эпоху. Интенсивное поступление товаров происходит как в митридатовское время, так и позднее, во второй половине I в. до н.э. Очевидно, это может свидетельствовать о стабилизации отношений между херсонеситами и варварами Юго-Западной Таврики, наступившей после походов Диофанта.

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003.
- Внуков С.Ю. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. Вып. 20. 2016.
- Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014.
- Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII.
- Ломтадзе Г. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. М., 2015.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003.
- Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus, 2014, №3.
- Нессель В.А. Керамический комплекс могильника у с. Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. 2017. Вып.

XIX.

- Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.* Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. 2017. Вып. XIX.
- Филиппенко А.А., Тюрин М.И.* Херсонесская укрепленная усадьба Масляная гора: результаты раскопок 2013–2014 гг. // Боспорские чтения. 2015. Вып. XVI.
- Шапцев М. С.* Краснолаковая керамика из позднескифского городища Булганак // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского.- Симферополь, 2014.

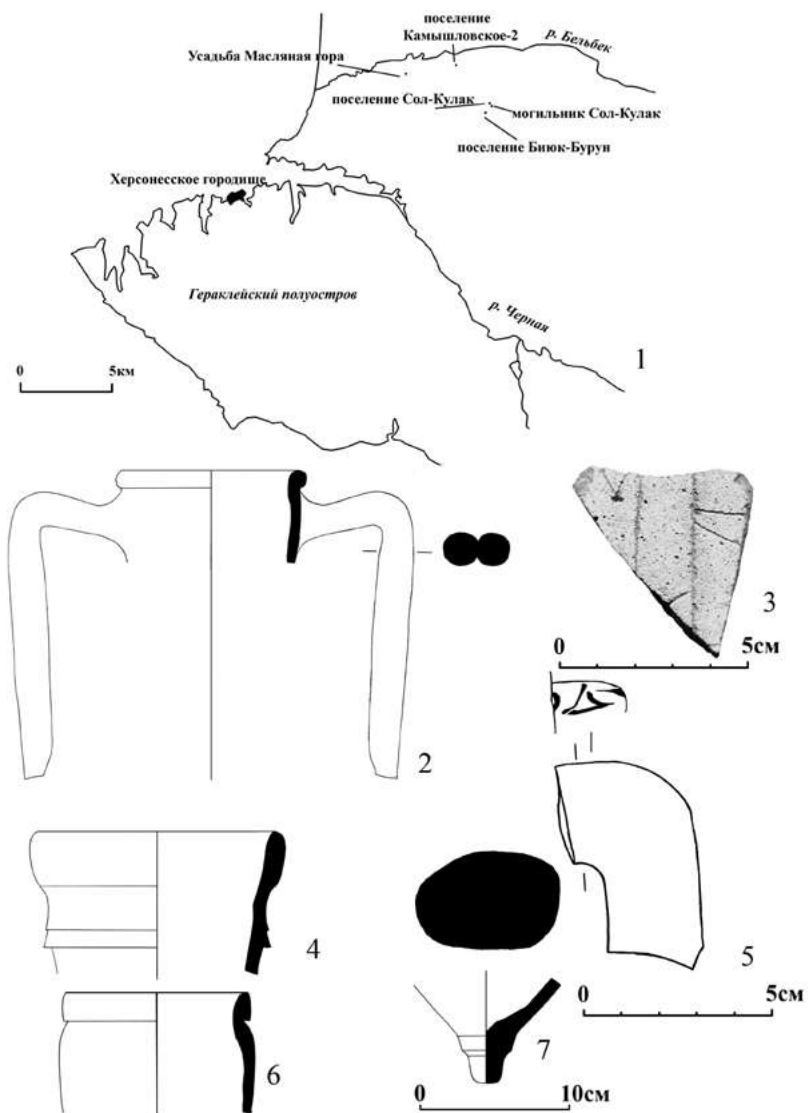

Рис. 1 Материалы из разведок поселения Биук-Бурун. 1 - местоположение выявленных объектов; 2, 3 - фрагменты косских амфор; 4 -фрагмент амфоры с высоким венчиком; 5 - фрагмент родосской амфоры; 6, 7 - фрагменты синопских амфор.

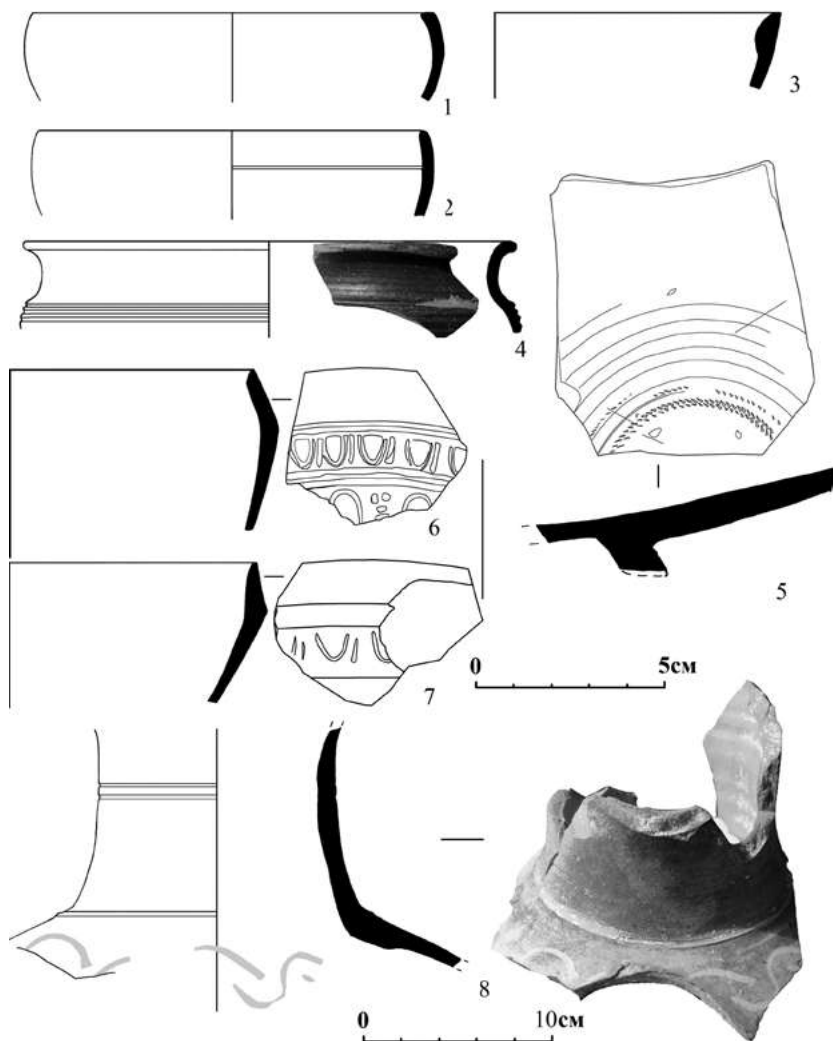

Рис. 2 Краснолаковая керамика и рельефные полусферические чаши из разведок поселений Бюк-Бурун (1-7) Сол-Кулак (8).

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф.
(ИАК РАН, Симферополь)

О СОЕДИНЕНИИ ТАМАНСКОГО ЗАЛИВА С МЕОТИДОЙ

В последние годы вновь вспыхнула дискуссия о существовании Кубанского Боспора. Оставляю сейчас анализ палеогеологических исследований специалистам, предлагаю взглянуть на проблему с экономической точки зрения: могла ли Фанагория стать второй столицей Боспора при отсутствии Кубанского Боспора? Оправдано ли существование античных городов по берегам мелководного Таманского залива? Ответ – нет.

Стоит взглянуть на карту, чтобы понять, что Фанагория расположена в глубине Таманского залива, в таком тупике. При современном положении античных городов трудно представить, что корабли заходили в пролив для разгрузки и разворачиваясь обратно, следовали в Меотиду. Аналогичным образом, современная станица Сенная, территориально расположенным вблизи античной Фанагории, несмотря на крупнейший винзавод, так и не стала значительным центром. То, что процветание Фанагории связано именно с торговлей ни у кого сомнений не вызывает. Только торговля смогла сделать Пантикапей (да сам Боспор) крупным центром античного мира. По моему убеждению, торговые отношения с варварским миром служили основой богатства Боспора.

Древние авторы свидетельствуют, что Фанагория находилась на острове «Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны» (Strabo XI. 2, 9-10). Об этом говорят и найденные здесь надписи: общеизвестны надписи с упоминанием «начальника острова» [КБН, 40, 697, 982, 1000] [Смирнова, 2009, с. 239]. Недавно в Фанагории была обнаружена новая надпись с упоминанием

“начальника острова”, датируемая III в. н. э. [Кузнецов, 2007], что подразумевает существование прохода в Меотиду.

Несколько ранее, я писал, что в торговых поставках в Танаис исключать Фанагорию, как перевалочный центр, нельзя. Более того, следует предположить, что товары туда поступали именно через «второй Боспор» [Федосеев, 2011. С.349]. Так где же располагался этот «второй Боспор»? Для решения этой задачи обратимся к спутниковому снимку (рис. 1). Проход должен был располагаться восточнее Фанагории, так как только в этом случае Фанагория могла контролировать корабли, идущие в Меотиду. Именно в этом месте расположен так называемый «Киммерийский вал», который со времен Дюбуа считался одним из возможных соединений с Меотидой. Его роль в археологической топографии Таманского п-ва понимали самые первые исследователи: известно, что в 1852 году Л.А. Перовский в планах археологических раскопок К.Р. Бегичева Таманского п-ва предписал ему произвести разрез Киммерийского вала. К. К. Гёргс писал в 1898 году «есть вероятность, что здесь некогда существовало водное сообщение» [Гёргс, 1898. С.31]. В.В. Веселов, посвятивший этому сооружению отдельную заметку писал: «Отсутствие традиционного рва, наличие прогалов, прямолинейность вала и открытый восточный фланг не дают права считать «Киммерийский вал» оборонительным сооружением. Всё говорит за то, что этот вал является частью гидротехнического сооружения» [Веселов, 1957. С.253]. Существует мнение, что «Киммерийский вал» это оборонительное сооружение. Я.М. Паромов отмечал, что «по мнению Н.И. Сокольского, вал был насыпан не ранее эллинистического времени. Он полагал, что вал был построен в I в. до н. э., в период создания единой оборонительной системы на современном Фонталовском полуострове. Той же оборонительной или фортификационной точки зрения на происхождение вала придерживались Я. М. Лазаревский, К. К. Гёргс и М. М. Кубланов. Однако другие исследователи — С. Ф. Войцеховский, А. С. Башкиров, А. А. Миллер и В. В. Веселов — считали, что вал был построен как гидротехническое сооружение, защищавшее от разливов и заболачивания низко расположенные земельные наделы одного из

самых возделанных районов Таманского полуострова. Данная точка зрения представляется, по мнению Я.М. Паромова, более обоснованной. Против оборонительного назначения вала свидетельствуют его открытые фланги. Следует особо отметить, что у его восточной оконечности находилось античное и средневековое поселение «Юбилейный 9», не имевшее никакой фортификации. В пользу гидротехнической точки зрения говорят «косые ворота», между отдельными участками вала, подобные водопропускным устройствам древних ирригационных систем» [Паромов, 2014. С.128].

Таким образом, наличие в этом месте соединения с Меотидой ни у кого сомнений не вызывает. Я полагаю, что использовалась эта система не как защита для земельных наделов, а как водная артерия для торговли с варварами Меотиды. Вопрос только в какой период действовала эта водная переправа и какую роль она играла в экономике?

Ответ на этот вопрос может дать анализ импорта товара на Боспор. В свое время Д.Б. Шеловым была высказанная гипотеза об особых отношениях Танаиса и Фанагории [Шелов, 1970, с. 159–160, 196; 1975, с. 9, 28]. Если до первой трети III в. до н. э. следы импорта в дельту Дона мы прослеживаем на памятниках европейского Боспора, то с середины III в. до н.э. он уже переориентируется на азиатскую часть, в частности на Фанагорию. Этот тезис, высказанный Д.Б. Шеловым, поддержал ведущий исследователь родосских клейм Ю.С. Бадалянц: «если в городах европейского Боспора, начиная с VIII группы и далее, идет некоторый спад родосского импорта, то в Фанагории такого спада не наблюдается, а, наоборот, чувствуется тяготение к усилению ввоза. Во всяком случае, до конца II в. до н. э. родосский импорт в Фанагории был менее равномерным и устойчивым. Заметный спад наблюдается лишь в начале I в. до н. э.» [Бадалянц, 2000, с. 208].

О том, что Фанагория была крупным торговым центром, говорят и античные авторы: по сведениям Страбона «Фанагория является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны, а Пантикапей для товаров, привозимых туда с моря» (Strabo, XI. 2.II). Можно предположить, что в

Фанагории действовали те же фискальные законы, что и на Фракийском Боспоре, где при Перикле существовала специальная должность геллеспонтотфилаков, которые наблюдали за судоходством и взимали пошлину δέκατῆ — десятину с проходящих судов. Из источников также известно, что Алкивиад организовал таможню и взимал десятину со всех судов, везущих товары в Понт (Xen Hell I. 22; Diod XIII. 64). Позднее Фрасибул передал эту пошлину на откуп Византию (Xen Hell IV. 8, 27). Сведения античных авторов поддерживают письменные источники: известно две проксении, происходящие из Фанагории, причем проксен получал право на энктесис и ателию, то есть иноземец получал гостеприимство в Фанагории, мог владеть землей и домом и имел право беспошлинно вывозить товары из любых гаваней Боспора [Яйленко, 2001; Сапрыкин, Федосеев, 2011. С.104]. Дата проксении вторая половина IV в. до н.э. Видимо проход в Меотиду в это время уже существовал. Но наиболее активно этот проход стал использоваться после 288 г. до н. э. В это время наблюдается резкий спад в торговле с поселениями Восточного Крыма. Снижение импорта в этот период связывают обычно с военными событиями. Однако военные действия не объясняют продолжительный упадок в торговых отношениях. Я не берусь судить, чем вызван кризис III века до н.э. — природными причинами или военным нашествием, или комплексом этих причин, но очевидно, что в это время торговля с Меотидой активизируется через Фанагорию, а через Пантикапей сокращается. Если импорт на Елизаветовское городище шел через поселение в Восточном Крыму Генеральское Западное, то следы импорта в Танаис фиксируются уже в Фанагории.

Я полагаю, что этот проход использовался фанагорийцами весьма продолжительное время, по крайней мере до III в. до н.э.

Интересно, что после Фанагории при входе в канал, там, где ранее локализовали городище Келы, находилось святилище Афродиты Апатуры [Федосеев, 2013]. В этой связи по-особенному воспринимается термин «Обманщица». Святилища располагалось и при входе в Понт: «Кианеи - это островки, лежащие при входе в Понт: один из них ближе к Европе, а другой - к Азии. Они отделены проливом почти в 20 стадий.

На таком же расстоянии они находятся от святилища византийцев и от святилища халкедонцев» (Strabo, VII.6.2). Святилищем заканчивался прямой морской путь от Синопы до Ялты: святилище на Гурзуфском седле устроено моряками, увидевшими после плавания через Понт берег, *υιάλος* по-гречески. Отсюда – Ялта.

Думается, что подобный проход в Меотиду существовал и восточнее, однако, это тема отдельного сообщения. Хочу только отметить, что представленная коллективом авторов карта (рис. 2), помимо загадочного поселения Heraklea, на месте Казантипского полуострова, содержит направление Central Bosphorus (Bosphorus of Temryuk), по которому 6000 лет назад возможно было попасть в Азовское море [Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange C., Marriner N., Rostek F., Porotov A., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaumh, 2016. Fig. 2]. Данная схема, на мой взгляд, абсолютно не учитывает течения и их влияния на береговую абразию. Полагаю, что специалисты скорректируют эту схему.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадалянц Ю. С. Эллинистический Родос. Керамические клейма IOSPE III — как исторический источник. Анализ, проблемы, решения. М., 2000. 343 с.
- Веселов В. В. О «киммерийском вале» на Таманском полуострове // Советская археология, № 3, 1957. С.252-254.
- Гёргс К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898. 128 с.
- КБН - Корпус Боспорских надписей. (Т.Н. Книпович, В.Ф. Гайдукевич, А.И. Доватур, Д.П. Каллистов). М.–Л., 1965. 950 с.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории. Ч. 2 // ВДИ. 1. 2007. С. 304–306.
- Паромов Я. М. Киммерийский вал на Таманском полуострове // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). Санкт-

Петербург, 25– 26 ноября 2014 г. СПб. С.123-130.

Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Особенности проксенической деятельности Боспора // *Аристей*. IV. 2011. С.89-114.

Смирнова И.Е. Формирование правящего слоя боспорского царства в I сер. III вв. н. э. // *Історичні і політологічні дослідження. Збірник наукових праць*. 2. 2009. С. 236-246.

Федосеев Н.Ф. К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 4(42). 2013. С.132-140.

Федосеев Н.Ф. Пантикапей-Фанагория-Танаис // *ДБ*. 15. 2011. С.342-352.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970. 249 с.

Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н. э. М., 1975. 167 с.

Яйленко В.П. Вторая фанагорийская проксения // *ДБ*. Т. 4. 2001. С. 474–486.

Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange C., Marriner N., Rostek F., Porotov A., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaumh D. Evolution of Taman Peninsula's ancient Bosphorus channels, south-west Russia: Deltaic progradation and Greek colonization // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 5 (2016). P. 327–335.

Рис. 1. «Второй Босфор». Снимок на основе космической съемки Google.

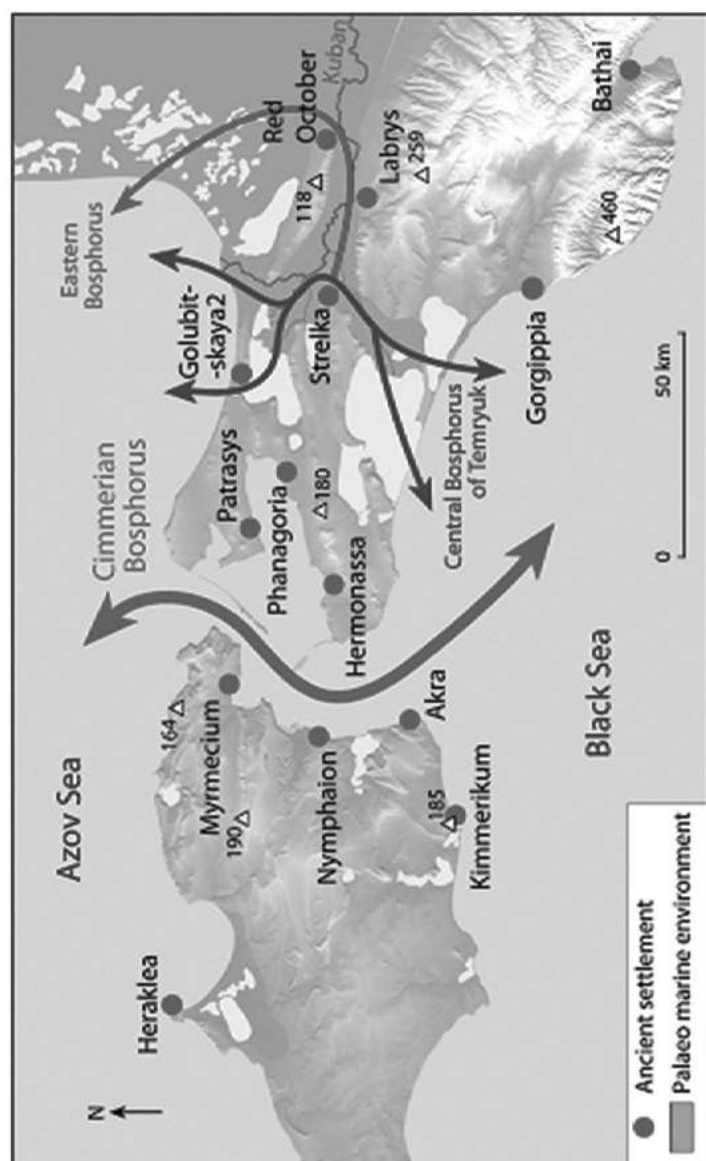

Рис. 2. Таманский полуостров 6000 лет назад. [Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange C., Margner N., Ros-tek F., Porotov A., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaumh, 2016. Fig. 2].

А.А. ФИЛИПЕНКО
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

**КРАСНОЛАКОВЫЕ ЧАШИ С ГРАФИТТИ ИЗ РАСКОПОК
РИМСКОГО ВОЕННОГО ПОСТА НА ВЫСОТЕ КАЗАЦКОЙ В
1991 ГОДУ**

После гибели царя Митридата в 63 г. до н. э. Римская республика стала полновластным хозяином Понта. Перекрой политической карты стал важным фактором для перераспределения торговых связей Боспорских городов и Херсонеса. В Таврике появляются представители римской администрации и военные гарнизоны. Теперь на полуостров поступают товары со всех уголков Римского государства. Одной из категорий товаров во множестве привозимых в Херсонес и на Боспор, является краснолаковая посуда. Такая посуда была популярна как среди местного населения, так и у прибывших сюда римских военнослужащих.

Раскопки римского военного поста на высоте Казацкой в 1991 году, кроме эксклюзивного для Крыма фортификационного архитектурного ансамбля, построенного римскими военными инженерами на СВ окраине плато Гераклеяского полуострова [Савеля, Филиппенко, 1991; Савеля, 1994, 1997], дали нам, на удивление богатый и разнообразный, для такого рода объектов, археологический материал, широко представленный не только черепицами, но и различными категориями других изделий из глины таких как пифосы, амфоры, кувшины, кухонная и столовая посуда, а также предметы из стекла- фрагменты различных сосудов, бусина, из металлов- щеколды-замки, гвозди, детали воинской экипировки и вооружения, монеты, из камня – метательный снаряды и др. Из всех находок подборка краснолаковой посуды весьма представительна. Среди всех находок изделий с краснолаковым покрытием (рис. 1-3) особое место занимают краснолаковые чаши с греческими и латинскими

графитти (рис. 1), которым и посвящен настоящий доклад.

В ходе раскопок 1991 г. помещения «С», примыкающего изнутри к внешней оборонительной стене поста и на пространстве двора перед входом в башню, были найдены четыре фрагментированные краснолаковые чаши с граффити.

1. Чаша типа *phiale* (Рис. 1, 1). Относится к группе восточной сигиллаты В [Журавлёв, 2010, с. 125; кат. №2,3, с. 129; кат. №39]. Сделана из тонко отмученной глины, содержащей мелкие золотистые блестящие частицы слюды. Черепок ярко- оранжевого цвета. Покрыта красным лаком плохого качества. На внутренней стороне донца чаши находится клеймо – «ветвь», вписанная в округлый треугольник. Подобное клеймо находим на одной из тарелок могильника Бельбек IV [Журавлёв, 2010, табл. 5,6]. С внешней стороны на донце находится граффити – лигатура букв МН. С внешней стороны на стенке сосуда процарапана латинская надпись. Вертикальная гаста с хвостиком вправо слабо поддаётся дешифровке. Далее идёт римская цифра IX, знак **5**, в виде буквы S, перечёркнутой короткой горизонтальной гастой, и V... Значок **5**, по Е.В. Фёдоровой со ссылкой на Р. Канья, означает- *servus, Sextus, sextarius* [Фёдорова, 1969, с. 363]. Тарелки с подобным клеймом датируются концом I- первой половиной II вв. н.э. [Журавлёв, 2010, с. 126 кат. №6]. В нашем случае археологический контекст и сопутствующие находки в помещении С амфор и денария императора Траяна, чеканки 114 г., почти не бывшего в обращении, не противоречат предлагаемой хронологии.

2. Чаша типа *phiale* (Рис. 1,2). Восточная сигиллата. Форма и визуальные характеристики глины и лака изделия аналогичны чаше 1.Имеет те же аналогии и датировку. Чаша представлена частями донца, на внутренней стороне которого оттиснуто клеймо – «пальмета» вписанная в треугольник, а на внешней стороне процарапано граффито, где часть изображения, вероятно, составляет цифровое значение XX.

3. Чаша типа *catinus* (Рис. 2,4). Сохранилась верхняя часть изделия. Чаша выполнена из хорошо отмученной глины, без видимых в тесте включений. Венчик слегка отогнут. Изгиб верхней части стенки пологий. Днище отсутствует, в связи с чем точная форма не восстанавливается.

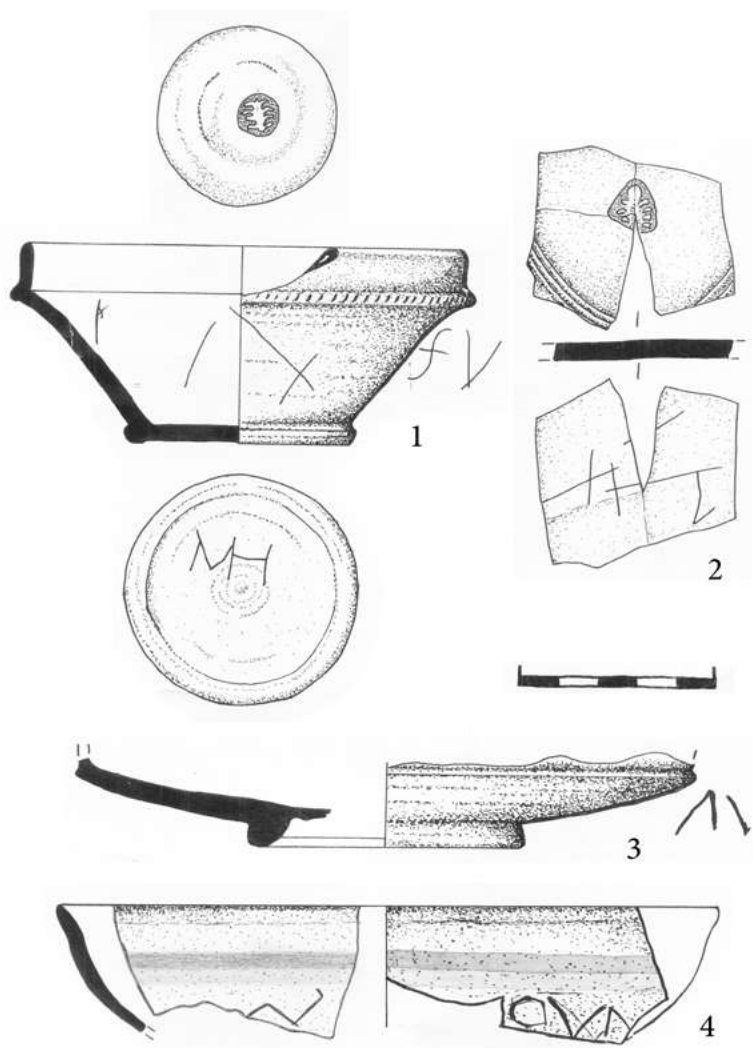
Черепок имеет светло – оранжевый оттенок. Лаковое покрытие нанесено равномерно. По внешней стороне стенки чаши нанесены две горизонтальные, ровные полосы лака другого оттенка, чем общая тонировка сосуда. Здесь же процарапана латинская надпись из букв W...OVN..., нижняя часть которых уходят в скол. По внешним признакам близка некоторым формам Понтийской сигиллаты А. Римская империя. Место производства не установлено. По условиям находки датируется в пределах II в. н.э.

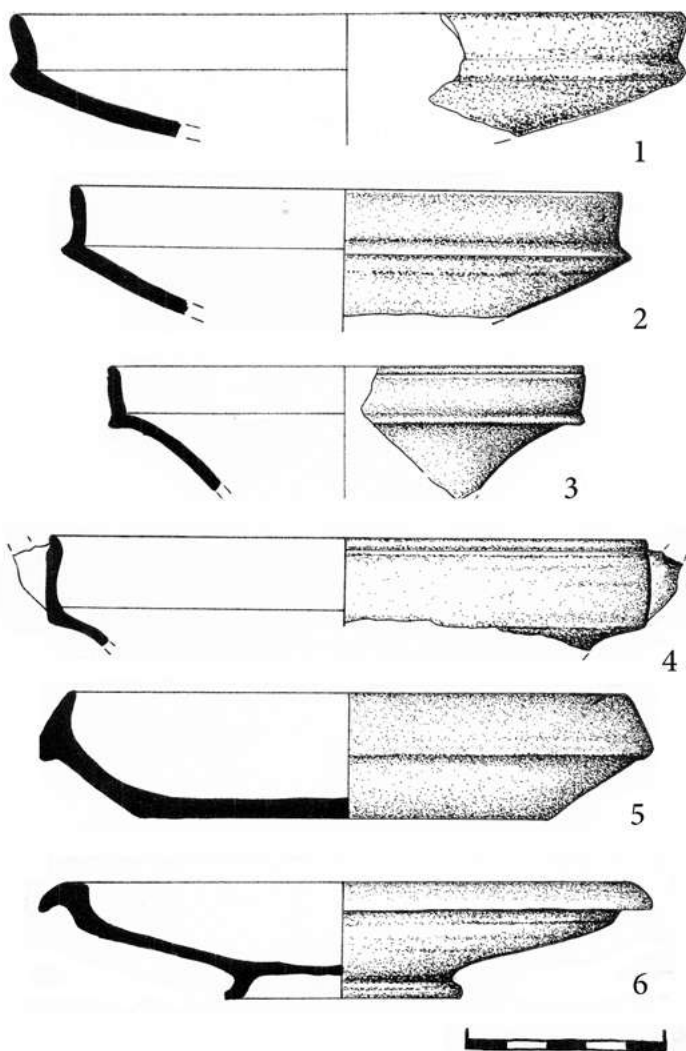
4. Тарелка небольших размеров с вертикально поднятыми бортами (рис.2,3). Понтийская сигиллата А (Мёзийская сигиллата ?). Форма имеет широкое распространение во II- III вв. н.э. Наш образец был найден в верхнем горизонте отложений, т.е. относится к заключительному этапу функционирования поста и м.б. датирован к. II- первой четвертью III вв. н.э. С внешней стороны стнжки сохранились две процарапанные буквы А без перекладины и V.

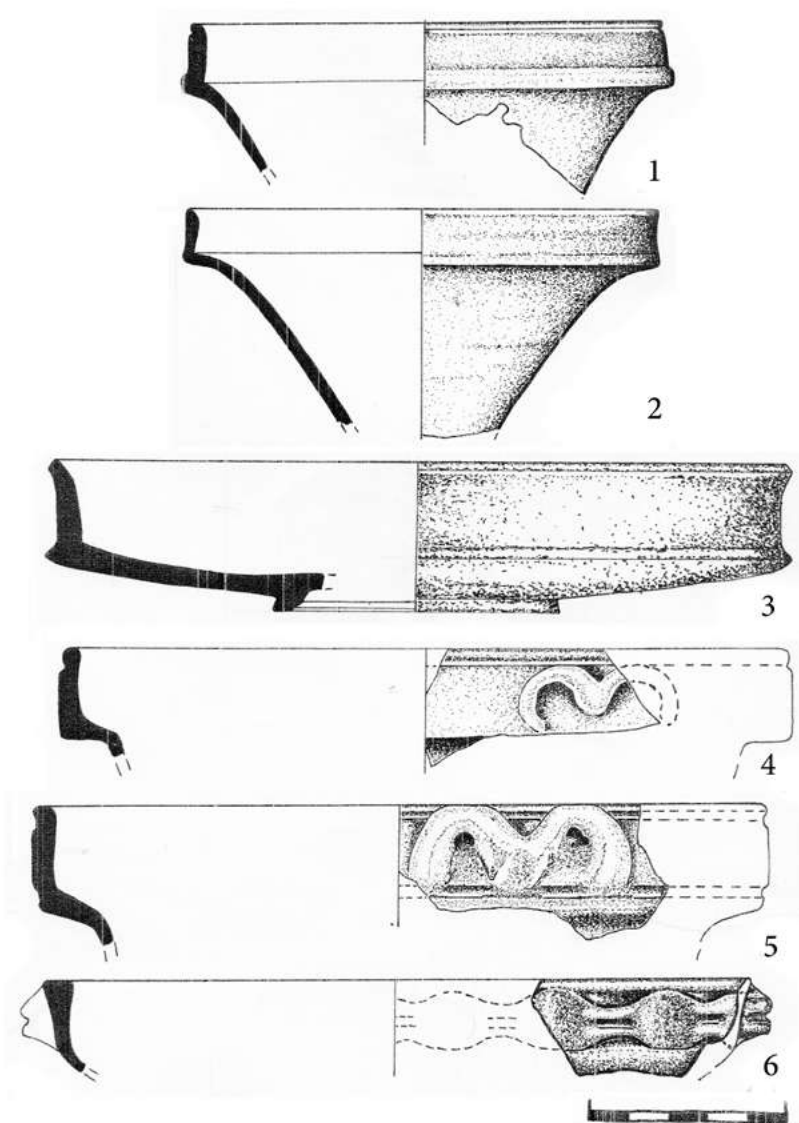
Процарапанные надписи на краснолаковых сосудах встречаются в Северном Причерноморье довольно часто. Они носят различный, но в большинстве своем посвяtitельный характер. К сожалению, по данной группе памятников для северопонтийского региона корпусного труда и обобщающей работы пока нет. Однако, количество находок растет. Поэтому каждое нововведение в научный оборот этих информативных источников очень важно. Надписи на наших чашах вдвойне интересны тем, что происходят из раскопок римского военного поста и сделаны на латинском – чаша № 3 и тарелка № 4, и на двух – латинском и греческом – чаша № 1 языках. В 2000-2002 гг. Севастопольская археологическая экспедиция (рук. О.Я. Савеля) совместно с экспедицией ИА Варшавского университета провела исследование части комплекса поста [Савеля, 2000-2002]. Комплекс краснолаковой посуды из этих раскопок был опубликован сотрудником заповедника и участником экспедиции В.А. Нессель [Нессель, 2011].

ЛИТЕРАТУРА

- Журавлёв Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ.- Supplement. Вып. 9.- Симферополь, 2010.- 320 стр.
- Нессель В.А.* Столовая керамика из раскопок римского военного поста в округе Херсонеса // Херсонесский сборник. Выпуск XVI. Сборник научных статей.- Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2011, с. 117-129.
- Савеля О.Я., Филиппенко А.А.* Раскопки и разведки на горе Казацкой// Отчёт СОНАЭ в 1991 г. НА ГМЗХТ. Дела № 3068. с.43-49, опись с. 169-253, № 3069- Альбом иллюстраций, с.67-79, рис. 87-106.
- Савеля О.Я.* Два пункта дислокации римских войск в окрестностях Херсонеса (по материалам раскопок 1991-1993 гг.) // Ольвия-200. Тез. докл. Николаев, 1994, с. 115.
- Савеля О.Я.* Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг Херсонесский сборник. Вып. VIII. Севастополь, 1997. С. 88-95.
- Савеля О.Я.* О полевых исследованиях на выс. 197, 4 в 2000 г. НА ГМЗХТ. Дело № 3483.
- Савеля О.Я.* Отчёт о раскопках римского поста в округе Херсонеса в 2001 г. НА ГМЗХТ в. Дело № 3506.
- Савеля О.Я.* Отчёт о раскопках римского укрепления (высота Казацкая) в 2002 г. НА ГМЗХТ, Дело № 3567.
- Фёдорова Е.В.* Латинская эпиграфика. М, 1969.

ХАЙРЕДИНОВА Э.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ VII В. ИЗ ГОРОДА БОСПОРА¹

В VII в. у жителей Боспора бытовали индивидуальные предметы христианского культа, металлические аксессуары одежды и украшения, привезенные из Византии, либо изготовленные местными мастерами по импортным прототипам [Айбабин 1999]. На Боспоре известны находки как ювелирных византийских изделий, выполненных индивидуально, на заказ, так и предметы, массово производившиеся по всей империи.

К ювелирным изделиям относится происходящий из Керчи и хранящийся ныне в Британском Музее золотой крест из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда размерами 4,6х6,7 см (рис. 1, 1) [Andrási, Aibabin 2008]. Он сделан в виде полой коробочки, спаянной из двух частей – плоской нижней и рельефной верхней. Внутри креста сохранились остатки «песчанистого грунта». На лицевой стороне крест декорирован вытисненным изображением пальметт и плоской гранатовой вставкой, укрепленной на воске в центральном крестовидном углублении. На обратной стороне выгравированы стилизованный растительный декор и монограмма ΘΩΣ ΖΩΗ («свет – жизнь»), часто встречающаяся на крестах [Хайрединова 2007].

Названное изделие принадлежит группе византийских крестов VII в., пользовавшихся особой популярностью в Восточном Средиземноморье, о чем свидетельствуют многочисленные находки из Египта, Сирии,

¹ Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (0832-2015-0007), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».

Западной Турции (Константинополь, Мерсин), Греции, Кипра и Крита [Ross 1965; Залеская 2006]. Для их датировки показательны находки в кладах из Ламбузы («Второй кипрский клад») вместе с серебряными блюдами с клеймами 613-629/630 гг., из Сирии («Сирийский клад А») – вместе с солидами Ираклия, выпущенными в Константинополе между 613-630 гг. [Manière-Lévêque 1997], из Мерсина – вместе с золотой лировидной пряжкой второй половины VII в. [Залеская 2006] и в могиле VII в. из Микен [Schulze 1984]. В Галерее Уолтерса хранится происходящее из Египта фрагментированное ожерелье, составленное из чередующихся лазуритовых бусин и золотой пронизи, двух оправленных сканью солидов Маврикия (582-602 гг.) и креста с петелькой для подвешивания. Во второй половине VII в. однотипные кресты распространились и за пределами империи, у варварской аристократии, о чем свидетельствуют находки в аварских могильниках Озора – Тотипушта, Тап-Борбапушта и Кёлькед [Garam 2001], в погребении последней четверти VII в. военного вождя из Келегей, относящемся к группе памятников перещепинской культуры [Айбабин 1991] и в погребении у с.Ново-Михайловского [Залеская 2006]. В Озора-Тотипушта вместе с крестом найдена монета Константина IV Паганата (668-685 гг.), а в Келегеях – шесть солидов с пробитыми отверстиями для подвешивания Тиберия Константина (578-582 гг.), Ираклия (610-641 гг.) и Константа II (641-668 гг.), а также два целых солида Юстиниана I (526-565 гг.) и Ираклия (610-641 гг.).

У всех названных изделий перекрестие сделано в виде крестовидной фигуры, из которой «прорастают» ветви креста с медальоном на завершении, имитирующим цветок или бутон. В медальонах помещали портреты святых, кресты, пальметты, стилизованный растительный орнамент или круглые гнезда со стеклянными вставками. В центре крестов этого типа сделано крестовидное углубление. По мнению Н.П. Кондакова, углубление на кресте из Мерсины служило для вложения частицы Животворящего дерева [Кондаков 1896]. А. Грабар также считал крест из Мерсинского клада своего рода реликварием [Grabar 1951]. У большинства крестов центральные вставки утрачены. На экземпляре из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда центральное крестовидное

углубление закрыто укрепленной на воске плоской вставкой из граната. Углубление в перекрестии некоторых крестов было заполнено плоской или полусферической стеклянной вставкой.

Византийские кресты описанного типа различаются способом изготовления. Ювелирные, «аристократические» изделия, к которым относится и керченский крест, отлиты из золота и декорированы ажурной резьбой или гравировкой. Такие кресты немногочисленны, уникальны по декору и сделаны, скорее всего, на заказ. Более широкое распространение имели кресты, выполненные из тонкой золотой или серебряной пластины в виде полый коробочки, спаянной из двух частей – плоской нижней и рельефной верхней, оттиснутой на матрице. Находки бронзовых матриц для изготовления подобных предметов известны в Карфагене и Восточном Средиземноморье. Судя по происходящим из Юго-Западного Крыма экземплярам, существовали и самые дешевые варианты крестов названного типа. Они целиком отливались из бронзы, при этом сложный растительный орнамент в медальонах заменялся врезными геометрическими фигурами, а вставки имитировались углублениями или врезным декором [Хайрединова 2007].

К изделиям массового производства, рассчитанным на торговлю, относятся византийские небольшие цельнолитые пряжки с овальным кольцом и щитком со стилизованным растительным декором. Особой популярностью у рядового зажиточного населения Боспора пользовались пряжки с овальным щитком, украшенным полупальметтами или стилизованным изображением листьев аканта типа «Сиракузы» (рис. 1, 2-4).

До недавнего времени происходящие из Керчи пряжки этого типа были известны, в основном, по экземплярам из коллекций нескольких европейских музеев. В 2007 г. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке исследовался участок раннесредневекового некрополя. В пяти плитовых могилах (№№1, 23, 29, 42 и 64) было выявлено *in situ* семь пряжек типа «Сиракузы». По декору, форме и размерам найденные

в Керчи пряжки типа «Сиракузы» представлены тремя вариантами. Пряжки типа «Сиракузы» вариантов 1 и 2 предназначались для ремня шириной 2,1-2,4 см (рис. 1, 2,3). На ремне они крепились при помощи двух пластинчатых петель, припаянных на обороте щитка. Найденная в могиле 64 пряжка варианта 3 служила для застегивания более широкого ремня (около 3,0 см) (рис. 1, 4). Пряжки этого варианта были более массивными, поэтому для их крепления на ремне на обороте щитка припаивали по три пластинчатые петли с отверстием. Описанные пряжки предпочитали носить мужчины 35-40 лет, используя в качестве застежки для поясного ремня, опоясывающего верхнюю одежду, и для ремня на штанах. Значительно реже пряжка типа «Сиракузы» встречается в костюме женщин и детей. Распространение византийских пряжек у боспорян – яркий показатель влияния византийской моды на городской костюм. Можно говорить о том, что в VII в. городское население Боспора одевалось так же, как и жители Византийской империи.

Найденные в Керчи бронзовые цельнолитые пряжки типа «Сиракузы» представлены, в основном, распространенными, стандартными вариантами, производившимися в VII в. в ремесленных мастерских по всему византийскому миру. Особо отметим пряжку из могилы 64, отнесенную нами к варианту 3, которая является пока единственной находкой подобного рода в Крыму, зафиксированной *in situ*. Аналогичные изделия редко встречаются и на византийских памятниках. Находки пряжек типа «Сиракузы» на Боспоре свидетельствуют о существовании в VII в. развитых торговых связей между городом и различными регионами Византийской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Келегейское погребение военного вождя // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. Вып. 2.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Хайрединова Э.А.* Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 151-182.
- Хайрединова Э.А.* Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. XXXIII. Керчь, 2016. С. 242-265.
- Залеская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб., 2006.
- Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб., 1896.
- Andrási J., Aibabin A.* The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008.
- Garam É.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001.
- Grabar A.* Un médaillon en or provenant de Mersine en Cilicie // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 6. 1951.
- Manière-Lévêque A.-M.* L'évolution des bijoux « aristocratiques » féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1997. N1. P. 79-106.
- Ross M.C.* Catalog of the Byzantine and early mediaeval antiquities in the Dumbarton Oaks collection. V. II. Washington, 1965.
- Schulze M.* Frühmittelalterliche Kettenohrringe // Archäologisches Korrespondenzblatt. Nr.14. Mainz, 1984. S. 325-335.

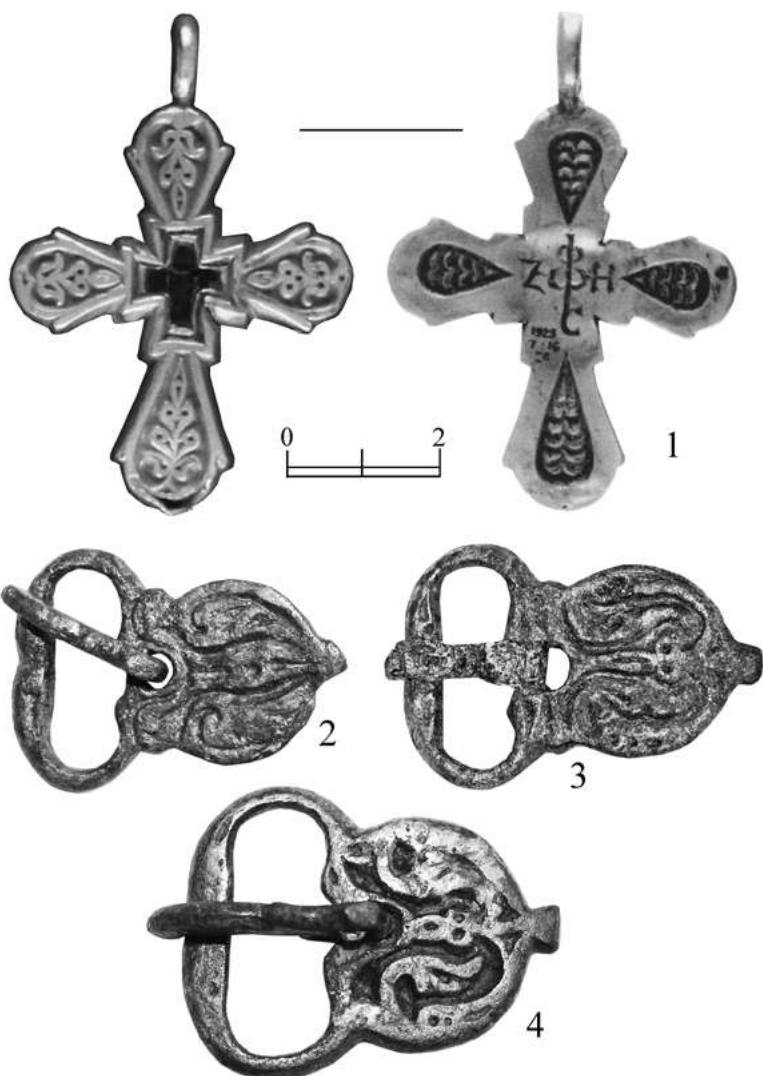

Рис. 1. Византийские изделия VII в., найденные в Керчи.
 1 – золотой крест (коллекция А.Л. Бертъе-Делагарда, Британский Музей); 2-3 - бронзовые цельнолитые пряжки типа «Сиракузы» (участок раннесредневекового некрополя в Босфорском переулке).

Н. И. ХРАПУНОВ

(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

**ФРАНЦУЗСКИЙ ДИПЛОМАТ ЖАН РЕЙИ, ИСТОРИЯ
ЧЕРНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ И ПРОЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КРЫМА В НАЧАЛЕ XIX В.¹**

Среди первых исследователей прошлого Крыма и тех, кто сделал этот полуостров, его историю и археологию широко известными в Европе, был француз Жан Рёйи (1780–1810), имя которого редко упоминается в историографии. Однако его сочинение весьма интересно как демонстрация развития научной мысли на первом этапе исследований Северного Причерноморья, когда интеллектуалы рубежа XVIII–XIX вв. использовали древнюю и средневековую историю для выработки стратегии экономического развития региона.

О личности Рёйи известно немного [см: Beauvais de Préau, Barbier, 1829, p. 2542]. Он служил во французском посольстве в Петербурге, в 1803 г. совершил поездку на юг, сопровождая назначенного градоначальником Одессы Армана-Эммануэля де Ришелье, а оттуда из любопытства отправился в Крым [Reuilly, 1806, p. xi–xii]. По возвращении Рёйи составил пространную справку о Крыме, рукопись которой ныне хранится в архиве Исторической службы Министерства обороны при Департаменте сухопутных сил Франции [Ададунов, 2007, с. 84–85, 156, 158, 244]. Через три года она стала основой его книги [Reuilly, 1806]. Вернувшись на Родину, Рёйи успешно трудился в разных административных органах, был удостоен баронского титула и членства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование» № 15-01-00104.

в Почётном легионе, стал корреспондентом Института Франции по классу древней литературы.

В отличие от большинства травелогов, «крымские записки» Рёйи построены не по дневниковому, а по аналитическому принципу. В первой части книги описана физическая география Крымского полуострова, во второй – его «политическое состояние» (история, археология, этнография, современные города, администрация и экономика, военное устройство и перспективы дальнейшего развития) [Reuilly, 1806]. По словам Рёйи, его главным источником, помимо личных наблюдений, был прославленный немецкий энциклопедист Петр Паллас, который многое сообщил ему в личных беседах и даже правил его рукопись [Reuilly, 1806, р. i–iv]. Разумеется, француз внимательно прочел составленное Палласом описание Крыма, а кроме того, изучил труды ряда своих современников, в том числе Клода-Шарля де Пейссоннея, Иоганна-Эриха Тунманна и Жозефа Дегиня.

Рейи составил довольно подробный очерк истории Крыма, основываясь на книгах Станислава Сестренцевича–Богуша и Луи Лангле [Reuilly, 1806, р. 71–106], рассказал об исторической географии и основных археологических памятниках полуострова по трудам Тунманна и Палласа [Reuilly, 1806, р. 107–124]. Между прочим, он счел необходимым начать раскопки в Херсонесе [Reuilly, 1806, р. 123]. В отличие от Тунманна и Карла Габлица, думавших, что этот город занимал все пространство нынешнего Гераклеийского полуострова и потому считавших постройки на хоре его частью [Тунманн, 1991, с. 29–30; Габлиц, 1803, с. 11; Габлиц, 1822, с. 158–159], Рёйи верно определил последние как «сады жителей [Херсонеса] и их загородные дома» [Reuilly, 1806, р. 122]. Француз собрал небольшую коллекцию монет, среди которых античные, выпущенные в Херсонесе, на Боспоре и в Ольвии, а также средневековые, чеканки Херсонеса, генуэзской Кафы, Крымского ханства и Молдавского княжества [Reuilly, 1806, р. 215–231, et pl. 1–2]. В Керчи была приобретена античная сердоликовая гемма с изображением жертвоприношения быка в храме [Reuilly, 1806, р. 231–232, et pl. 3].

Воззрения Рёйи находятся под сильным влиянием идей Шарля-

Луи де Монтескье. У него Рёйи мог позаимствовать принцип обращаться к историческому опыту при обсуждении вопросов современной экономики. Путешественник рассматривал Европу и Азию как противоположности, между которыми шла вечная борьба [Reuilly, 1806, р. 71–72, р. 152; ср: Монтескье, 1999, с. 241–242]. Европа для Рёйи – место, наиболее комфортное для жизни. Восток же – воплощение отрицательных качеств: жестокости, склонности к грабежу, лености, неспособности к созиданию и одновременно легкой податливости внешним воздействиям. Потому историю Крыма он видит как противоборство двух начал – творческого западного, приносившего цивилизацию, технологии, торговлю (греки и средневековые генуэзцы), и разрушительного, воинственного восточного (скифы и татары) [Reuilly, 1806, р. 71–106; ср: Монтескье, 1999, с. 198–200].

История, по мнению Рёйи, позволяет отыскать причины текущего положения Крыма, выявить актуальные проблемы и наметить возможности для развития полуострова. Прогресс он понимал как развитие производства и торговли, а способность государства к экономическому росту – как важнейший показатель цивилизованности. Рёйи считал, что превосходные природно-географические характеристики Крыма позволяли развивать здесь интенсивное хозяйство. Но крымским татарам исторически свойственна леность [Reuilly, 1806, р. 146, 157, 178, 185]. Хозяйственного прогресса Крым добивался, когда здесь появлялись колонисты с Запада – эллины и потом генуэзцы, развивавшие торговлю, виноградарство и ремесло, которые деградировали при османах и татарах [Reuilly, 1806, р. 75, 87–88, 93, 186–189]. Эти рассуждения достаточно типичны. Так, например, Монтескье полагал леность тела и ума свойством всех восточных народов [Монтескье, 1999, с. 201]. О праздности крымских татар писали многие путешественники конца XVIII – начала XIX в. [Храпунов, 2013, с. 466–467]. На практике эта «лень» означала, вероятно, нежелание местного населения воспринимать передовые аграрные технологии и заводить интенсивное товарное хозяйство, ориентированные на рынок.

Рёйи предложил комплекс мер, которые смогли бы «привести

Крым в то великолепное состояние, которого он заслуживает благодаря своему положению, климату и характеру почвы». Среди них – учреждение порта, наделенного правом беспошлинной торговли, привлечение на жительство туда купцов, приглашение иностранных колонистов, переселение в Крым российских подданных из других регионов страны, введение новых сельскохозяйственных культур (хлопка и кукурузы), расширение посадок тутовых деревьев, марены и шафрана, развитие виноделия, хлебопашества, рыболовства, разведение овец испанских и болгарских шерстяных пород и создание мануфактур для переработки шерсти, принятие законов, ограничивающих уничтожение леса, дабы иметь материалы для кораблестроения, нужного для торговли [Reuilly, 1806, p. 195–198]. Торговле француз выделял особую роль.

По мнению Рёйи, Крым, благодаря своему выгодному географическому положению, мог стать звеном на торговом пути, который связал бы Францию и ее заморские колонии с внутренними губерниями России вплоть до самой Сибири. Центром торговли с европейскими странами Рёйи предлагал сделать Феодосию. Для этого французам предстояло учредить в Причерноморье склады для экспорта и импорта, а перевалочными базами для колониальных товаров сделать порты Испании. К числу проблем, мешавших реализации его проекта, Рёйи отнес наличие посредников в торговле, отсутствие надлежащей инфраструктуры, препятствия, чинимые англичанами, высокие таможенные пошлины на импорт в России, отсутствие страхования торговли, нестабильность курса рубля, трудности пути к черноморским портам, нехватку торгового капитала и высокие процентные ставки по кредитам [Reuilly, 1806, p. 198, 253–255]. В XVIII в. в общественном сознании Франции произошли важные перемены – теперь французы ориентировались не столько на завоевание новых земель, но на торговую экспансию в другие страны [Строев, 1998, с. 60–61]. Потому неудивительно, что идеи о необходимости развивать торговлю в Россией через Черное и Азовское моря фигурировали в многочисленных документах, поданных во французское Министерство иностранных дел, а также в изданных книгах [Строев, 1998, с. 287–288; Чудинов, 2001, с. 203;

Черкасов, 2004, с. 277–279; Ададуrow, 2007, с. 84–85]. В 1787 г. Франция и Россия заключили торговый договор, впрочем, не давший результата из-за начавшейся революции [Черкасов, 2004, с. 282–302]. После прихода к власти Наполеона в 1799 г. он попытался установить дружеские связи с Россией. Поэтому на страницах французской прессы вскоре появился неофициальный проект договора между двумя странами о черноморской торговле. Изменился ключевому тон французской пропаганды в отношении России, несмотря на то, что отношения между странами не всегда развивались благополучно. Даже во время войн с Россией 1805–1807 гг. французская пресса целенаправленно противопоставляла русских их союзникам, представляя первых с лучшей стороны [Промыслов, Прусская, Митрофанов, 2015, с. 362–374]. Судя по косвенным данным, докладная записка Рёйи была подана в конце 1803 г., когда отношения России и Франции оставались вполне нормальными, а его книга была опубликована в начале 1806 г., когда они снова нормализовались.

Неизвестно, какую оценку сочинению Рёйи дал его адресат – французское правительство. Любопытно, что меры, предпринятые Россией в начале XIX в. для оживления причерноморской торговли напоминали идеи, высказанные путешественником. Правда, торговля эта шла главным образом через некрымские порты, особенно Одессу. Ее развитию помешали русско-турецкая война 1806–1812 гг. и ухудшение отношений с Францией [Дружинина, 1970, с. 332–337; Тимченко, 2016]. В любом случае, сочинение Рёйи представляет собой интересный источник, характеризующий размышления французского интеллектуала начала XIX в. о Крыме, его истории, настоящем и будущем, и потому заслуживает всестороннего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуrow В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007.
- [Габлиць К.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего

- состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб., 1803.
- [Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // Отечественные записки. 1822. № 22: февраль.
- Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970.
- Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. А. В. Матешук. М., 1999.
- Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX в. // Французский ежегодник 2015. М., 2015.
- Строев А. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Тимченко В. М. Південноукраїнські землі у торговельних зв'язках Російської імперії та Османської держави (1774–1853 рр.). Київ, 2016.
- Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской. Симферополь, 1991.
- Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 466–467.
- Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2е изд. М., 2004.
- Чудинов А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001.
- Beauvais de Préau Ch. Th., Barbier A. A. Biographie universelle classique, ou dictionnaire historique portatif. P. 2: H–R. Paris, 1829.
- Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris, 1806.

ЧЕТВЕРКИНА Е.В.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ МИРМЕКИЯ ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ КУХОННОЙ ПОСУДЫ

Решение проблем, связанных с торговлей, путём изучения того или иного археологического материала, является классическим направлением исследований для античной археологии. Особенно часто эти проблемы решаются при помощи анализа амфорной тары, расписной керамики, редких высококачественных импортных вещей и т.д. Набор категорий привлекаемого материала для решения этой проблемы продолжает расширяться. В данной работе представлен первый опыт анализа путей торговли на основе анализа кухонной посуды.

На данный момент древнегреческая кухонная керамика остается одной из наименее изученных категорий керамики античных городов Северного Причерноморья, хотя на них и обращали внимание некоторые известные советские археологи, такие как И.Б. Зеест (Зеест 1957), Е.Г. Кастанаян (Кастанаян 1952), И. Т. Кругликова (Кругликова 1957), Т. Н. Книпович (Книпович 1940), К. К. Марченко (Марченко 1987). Сейчас этот интерес поулег, хотя и есть единичные работы, посвященные данной тематике (Чистов, Щербакова, Ильина 2015). В зарубежной литературе также есть работы, посвященные изучению типологии и хронологии кухонной посуды отдельных памятников континентальной и островной Греции, Ионии с применением естественнонаучных методов (Sparkes 1962; Sparkes 1981; Sparkes, Talcott 1970a; Sparkes, Talcott 1970b), и в настоящее время число их неуклонно растёт (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2014; Anderson-Stojanović 2000; Heinze 2015; Klebinder-Gauss 2012; Rostroff 2006).

В данной работе пойдет речь о нескольких типах кухонной керамики, встречающихся в позднеклассических и эллинистических слоях городища Мирмекий. Этот памятник расположен на Карантинном мысу Карантинной бухты на территории города Керчь, существовал со 2-й четверти 6 в. до н.э. по середину 3 в. н.э. Мирмекий входит в группу малых городов Боспора. Как колония он изначально заложен в благоприятном месте для торговли – на выдающемся в пролив Карантинном мысу с удобной для устройства порта Карантинной бухтой. Исходя из характера города, можно предположить следующие особенности торговой деятельности Мирмекия. Что касается экспорта, то вывозили, вероятно, в основном сельскохозяйственную продукцию – вино и зерно, торговля которыми носила в основном местный характер и вряд ли выходила за пределы Боспорского государства. Ввозить же могли большой ассортимент товаров, таких как масло, вино, керамика, ювелирные изделия и т.д. В позднеклассический и эллинистический период Мирмекий переживает свой расцвет, (Бутягин, Виноградов 2006 с. 25), в слоях этого времени много амфор, ионийской керамики, краснофигурной и чернолаковой аттической посуды, терракот, что указывает на весьма оживленные торговые отношения с различными центрами Причерноморья и Эгеиды. Их бегло освещает статья о торговых отношениях Мирмекия по амфорным клеймам польского археолога З. Штетилло (Sztetyło 1971). Она подчеркивает довольно значительную роль этого города в экономике Боспорского царства. На основании клейм ею выделены три самых крупных торговых партнера Мирмекия – Синопа, Родос и Гераклея, причем Мирмекию Штетилло отводит роль «кладовщика и распределителя» товаров для других городов Боспора. Будучи сам крупным винодельческим центром, Мирмекий торгует не только своим, но и импортным вином (Sztetyło 1971 с. 510, 512).

Иные категории материала кроме амфорных клейм и амфорной тары редко попадали в поле зрения исследователей, занимающихся проблемой торговых отношений. Следует задуматься, могла ли быть предметом торговли кухонная посуда. Представляется логичным, что ее должны были бы изготавливать на месте для собственных нужд, но

тем не менее среди находок встречаются фрагменты кухонных сосудов, резко выделяющихся из общей массы особенностями формы и качеством выделки, порой и характеристиками глиняного теста, что дает основание считать их импортными.

Здесь мы рассмотрим некоторые типы кухонных кастрюль, найденных в позднеклассических и эллинистических слоях Мирмекия, которые явно имеют импортное происхождение:

- 1) Кастрюли с тонким вогнутым краем формы 3 по Ротрофф (афинские) (рис. 1, 2)
- 2) Кастрюли с очень длинным краем и длинным выступом с внутренней стороны и кастрюли с S-овидным краем (эгинские) (рис. 2, 3, 4, 6);
- 3) Так называемые «лебесовидные» кастрюли с коротким краем, отличающиеся отсутствием характерного для всех кастрюль выступа, происходящие из Южной Ионии (Приены?) (рис. 1, 4, 5)

Кастрюли формы 3 по Ротрофф (Rotroff 2006 Fig. 82, 645) имеют характерный тонкий вогнутый край с небольшим выступом-бугорком с внутренней стороны и невысокое сужающееся к плоскому дну тулово, на котором вплотную к краю располагаются дугообразные горизонтальные круглые в сечении ручки. Афинские кухонные кастрюли отличаются высоким качеством выделки, стенки сосудов очень тонкие. В рамках исследования глины простой нерасписной керамики исследовались и образцы кухонной керамики. Был проведен петрографический анализ теста глины, лазерная микропробная спектроскопия и нейтронный анализ (NAA), полученные данные показали, что кухонные сосуды данного типа относятся к афинской керамической продукции, три хронологические группы их соответствуют трем разным составам глины – «фабрикам». Самые ранние сделаны из «Micaceous cooking fabric» (красная глина с обильными включениями слюды) и существуют почти весь 3 в. до н.э. (285-225? гг до н.э.), средняя по времени группа относится к «Schist cooking fabric» (розовая глина с обильной примесью мелких частиц сланцевой породы, что придает поверхности шероховатость) и датируются последней четвертью 3 в. до н.э – 1-й четвертью 2 в. до н.э., самые поздние экземпляры изготовлены из очень толстой, грубой

глины, хуже обожжены (Rotroff 2006 с. 81). Общие рамки бытования типа – 280-110 гг. до н.э. Мирмекийские образцы ближе всего к ранней группе афинских кастрюль формы 3, один фрагмент происходит из ранних слоев Зольника 2 и датируется концом 4 в. до н.э., другой, к сожалению, был найден вне контекста при зачистке раскопа И (рис. 1, 2).

Кастрюли с длинным прямым краем и прилегающим к нему с внутренней стороны длинным выступом являются классической и наиболее распространенной формой кухонной посуды на Эгине. Такая форма появляется в 3-й четверти 5 в. до н.э. и существует вплоть до конца 4 в. н.э. (Klebinder-Gauss с. 186). Они имеют невысокое широкое тулово с резко обозначенными высокими плечами, заканчивающееся округлым дном, на плечиках расположены горизонтальные дугообразные ручки (рис. 2, 5, 6). Наряду с продолжающей существовать ранней формой появляется и поздний вариант, который датируется 2-й половиной 4 в. до н.э., у сосудов которого тулово остается прежним, но край становится толще и приобретает S-овидную форму (рис. 2, 1, 2). Обе формы изготовлены из глины группы SMG 1 (по макроскопическому анализу) – красно-коричневой крупнозернистой глины местного происхождения (Klebinder-Gauss с. 89). В Мирмекии имеются находки 1 фрагмента кастрюли, происходящего из слоя 2-й половины 4 в. до н.э. и относящегося к раннему варианту эгинской кастрюли (рис. 2, 6) и 2-х фрагментов сосудов более позднего варианта – первый был найден в слое 2-й половины 4 в. до н.э., второй – в поздних наложениях Зольника 2 3 в. до н.э. (рис. 2, 4).

Кастрюли «лебесовидного» типа («lebes-type liras») часто встречаются в комплексах Приены позднеклассического времени до раннеимператорского времени, чаще всего – в комплексах 4-3 вв. до н.э. (Heinze 2015 с. 140-141). При анализе образцов кухонной керамики из Приены и некоторых других древнегреческих городов Малой Азии (Милета, Пергама, Фокеи) с помощью волново-дисперсного флюоресцентного, энерго-дисперсного флюоресцентного и петрографического анализов они были определены как приенские (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2014 с. 7), однако Хайнце отмечает, что в целом эта форма свойственна

для всего региона юго-западной Малой Азии и возможно Карики (Heinze 2015 с. 141). Кухонные кастрюли этого типа довольно большие в диаметре, с «котлообразным» объемным туловом с высокими плечами, иногда резко изогнутыми, на них расположены высокие дугообразные ручки. Горловина не имеет обычного для кастрюль выступа для крышки, край сосуда – короткий утолщенный, у группы сосудов он отделен от тулова бороздкой и имеет другой цвет, что, скорее всего, является эффектом, получаемым специально во время обжига. Глина сосудов красная, шероховатая. Есть мнение, что эта форма кастрюли могла происходить от металлических котлообразных сосудов (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2014 с. 2). Верхние части двух таких сосудов найдены в Мирмекии: первая происходит из заполнения ямы 4 в. до н.э. на участке «И» (Гайдукевич 1959 с.53, рис. 54, снизу) и второй экземпляр - с участка «З» из заполнения помещений 3-2 вв. до н.э. (Гайдукевич 1952 с.201, рис. 112, 6). Находка похожей кастрюли, причем со специальной втулкой для вставной деревянной ручки, имеется на Березани, хотя по характеру глины авторы относят ее к производству Милета, а не Приены, к гораздо более раннему времени - последней четверти VI в. до н.э. (Чистов, Щербакова, Ильина 2015 с. 19 рис. 12, 3).

Как можно интерпретировать эти находки? В случае афинских и эгинских кастрюль мы вполне можем утверждать, что это товар, объект торговли. Афины являлись крупнейшим центром керамического производства и сбывали свои керамические изделия во все уголки греческой ойкумены. Вместе с партиями парадной посуды и керамической тары с продуктами внутри вполне могли захватить для сбыта и кастрюли, которые обладали достаточно высоким качеством обжига и выделки и имели вполне привлекательный эстетический вид. На Эгине было также свое развитое керамическое производство, хотя и не сравнимое с Афинами, но обладающее своими особенностями. В «Ономастиконе» Поллукса встречается упоминание, что на Эгине нет своего производства высокохудожественной, качественной керамики, но что они «*χυτρόπωλιν*», т.е «продавцы горшков» (Kleibinder-Gauss 2012 с.208). Это подтверждается археологическими находками, кастрюли

этого греческого острова находят далеко за его пределами, например, в городах Северной Африки - Тохре, Кирене, Торики (Kleibinder-Gauss 2012 с. 88).

Сложнее обстоит с интерпретацией находок кастрюль Приены (?). Этот небольшой город в Южной Ионии, затеняемый более крупными городами этой исторической области, такими как Эфес, Милет, Галикарнасс, Фокея и др. Даже среди материалов собственно самой Приены 39% кухонной посуды приходится на продукцию соседнего более крупного города – Фокеи (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2014 с. 4). Так что в данном случае трудно сказать уверенно, что Приена могла экспортировать свою керамическую продукцию в города Эгеиды и Малой Азии (Афины, Нью Халос в Фессалии, Фасос, Пергам, Кносс,) и в Северное Причерноморье (Мирмекий, Херсонес, Березань). Тем не менее, исследователь кухонной керамики Приены Ларс Хайнце надежно атрибутировал эти образцы как приенские по характеристикам глины – очень шероховатой структуры, красного цвета (Heinze 2015 с. 142). Самый интересный из контекстов находок «лебесовидных» кастрюль зафиксирован в Афинах. В помещении одного из жилых комплексов найдена целая серия кастрюль этого типа, причем исследователям, открывшим его, было очевидно неафинское происхождение этого керамического комплекса, в связи с чем были выдвинуты разные гипотезы о функции дома – от эргастерия и гостиного двора для иностранных купцов до борделя (Heinze 2015 с. 142). Так или иначе, трактовки этой находки наводят Хайнце на мысль о том, что такое распространение может быть связано не с торговлей, а с миграцией, и в таком случае кастрюля – не объект торговли, а предмет личной собственности. Такая гипотеза интересна и заслуживает внимания.

Однако образцы типа «лебесовидных» кастрюль, найденные в Мирмекии, могут быть продуктом производства не Приены, а какого-либо другого города Южной Ионии. Уже говорилось выше о том, что этот тип кухонных сосудов характерен для всего региона Южной Ионии и возможно Карии, выделить определенный центр возможно лишь по мелким особенностям оформления и глине (Heinze 2015 с. 137). Так

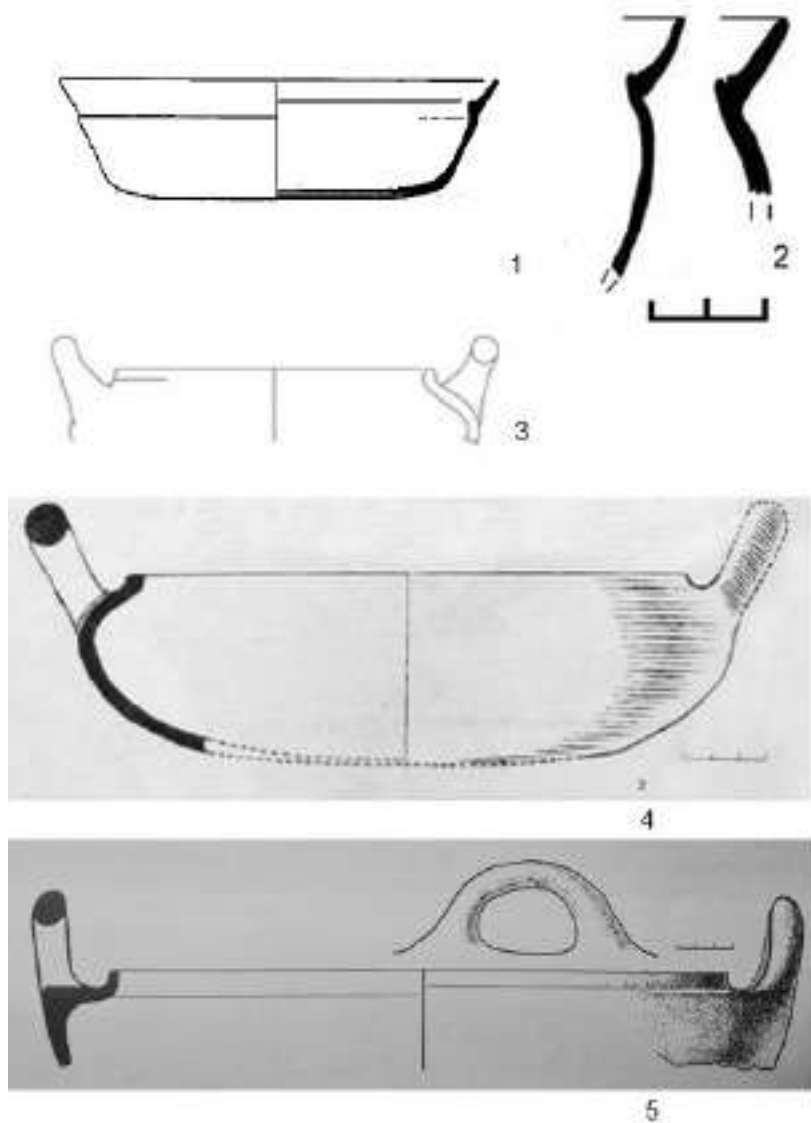
как в России не проводилось естественнонаучных анализов кухонной керамики городов Европейского Боспора, имеющиеся образцы нельзя достоверно сравнить с теми, которые происходят из городов Эгеиды, сравнивать же описания глины по публикациям весьма ненадежно. Но если на уровне выделения города есть некоторая неопределенность, то на уровне региона больших сомнений нет. Помимо посуды этого типа, есть в слоях Мирмекия и экземпляры других типов кастрюль этого региона (например, фокейских – см. Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2014 с. 18, Fig. 1, 3), встречается и столовая ионийская посуда. Города Северного Причерноморья традиционно связаны с этим регионом культурными и торговыми отношениями, ведь когда-то именно жители Ионии сыграли главную роль в колонизации региона, и тесные связи между ними сохранялись долго.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что изучение кухонной посуды может помочь выявить торговые связи античных городов, но все же немногочисленность находок кухонной привозной керамики не позволяет дать исчерпывающие сведения, может дать лишь дополнительную информацию, нужен анализ и других категорий керамики, вещей. Пока что по предварительным данным прослеживаются торговые отношения Мирмекия с Афинами, Южной Ионией, Эгиной в позднеклассический и эллинистический период. Выше уже говорилось о правомерности выделения первых двух торговых партнеров, а вот наличие связи с Эгиной – это неожиданная и интересная гипотеза, которой было бы любопытно поискать подкрепление в других категориях вещевого материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб. 2006. С. 4-51.
- Зеест И.Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени / МИА № 56, М. – Л.: Из-во АН СССР, 1957. с. 139-159
- Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки / МИА № 25, М. – Л.: Из-во АН СССР, 1952. с. 249-288
- Книпович Т. Н.* Местная керамика с раскопа «И» / Ольвия, т. I, Киев, 1940. с.129-170
- Кругликова И.Т.* Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI – III вв. до н.э. / МИА № 56, М. – Л.: Из-во АН СССР, 1957. с. 96-138
- Кругликова И.Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины / МИА № 19, М. – Л.: Из-во АН СССР, 1951. с. 87-106
- Лейпунская Н.А.* Кухонная керамика/ Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Наукова думка: Киев, 1987 с. 79-82
- Марченко К.К.* Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. – 1 в. до н.э.// Археологія, № 43, 1983. с.14-26
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Щербакова О.Е.* Кухонная керамика и кухонное оборудование Березанского поселения//Клио, №11 (107), 2015 с. 13-25
- Anderson-Stojanović V. R.* Dinner at the Isthmus: Hellenistic Cooking Ware from the Rachi Settlement at Isthmia //ΣΤ´ Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική, Βόλος, 17–23 Απριλίου 2000, Athens, pp. 623–630
- Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G.* Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times// <http://www.fera-journal.eu> Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde 25, 2014 с.1-27
- Heinze L.* Between adoption and persistence: two regional types of pottery

- from late classical and early hellenistic Priene // *Keramos. Ceramics: a cultural approach. Proceedings of the First International Conference at Ege University, May 9-13, Izmir. Bilgin Kültür Sanat Yayinlari*, 2015. c. 137-143
- Klebinder-Gauss G.* Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna. Wien, 2012
- Rostroff S. I.* Hellenistic pottery: the plain wares /*The Athenian agora*, vol. XXXIII. Princeton, New Jersey, 2006
- Rotroff S. I., Oakley J.H.* Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora/Hesperia Supplements, Vol. 25, 1992.
- Sparkes B.* Greek kitchen//*The Journal of Hellenistic Studies*, vol. 82, 1962. c. 121-137
- Sparkes B.* Not cooking but baking // *Greece and Rome* 28, 1981, c. 172-176
- Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1: Text /*The Athenian agora*, vol.XII. Princeton, New Jersey, 1970
- Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 2: Indexes and Illustrations /*The Athenian agora*, vol. XII. Princeton, New Jersey, 1970
- Sztetyło Z.* Торговые связи Мирмекия в IV-I вв. до н.э. // *Eirene*. XI. Wrocław. 1971. С. 507-513.

82, 645); 2 – фрагменты кастрюль из Мирмекия; 3 – «Лебесовидная» кастрюля Приены (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider 2014 с. 18, Fig. 1, 4); 4, 5 – находки из Мирмекия

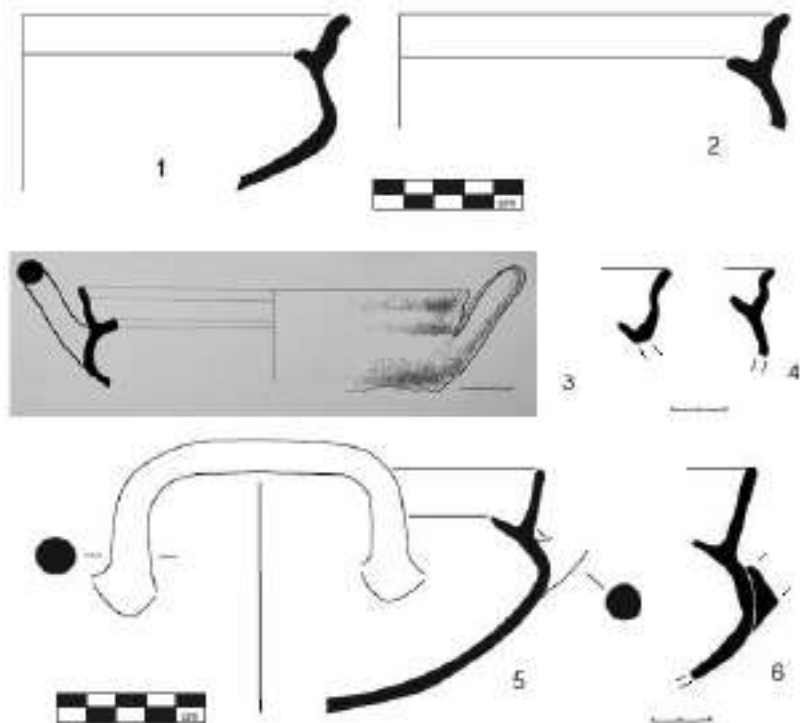

Рис. 2. 1, 2 – Кастрюли Эгины с волнообразным краем (Klebinder-Gauss 2012 с. 362, Tafel 52, SKOL 103, 106); 3, 4 – фрагменты кастрюль из Мирмекия; 5 – Кастрюля Эгины с прямым длинным краем (Klebinder-Gauss 2012 с. 345, Tafel 35, 371, 372); 6 – фрагмент кастрюли из Мирмекия

ЧИСТОВ Д.Е.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург)

**ДИНАМИКА ИМПОРТА ТОВАРОВ В АМФОРАХ НА БЕРЕЗАНСКОЕ
ПОСЕЛЕНИЕ В VI – V ВВ. ДО Н. Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК УЧАСТКА «О-ЗАПАДНЫЙ» В
2004-2015 ГГ.)**

Одним из результатов систематических исследований Березанского последних полутора десятилетий стало создание уточненной периодизации его существования, базирующейся, в первую очередь, на стратиграфических наблюдениях. Основой этой схемы послужила периодизация, предложенная С. Л. Соловьевым [Соловьев, 1994, с. 87-93; Соловьев, 1996; Соловьев, 2005, с. 13-14]. Новые раскопки позволили внести в нее корректировки; к настоящему времени представляется, что смена основных строительных периодов и фаз в равной мере прослеживается на всех исследованных участках Березани, будучи проявлением общих процессов в развитии архаической колонии. Важно заметить, что районы городской застройки VI – первой трети V в. до н.э., в жизненном цикле которых проявлялись бы какие-то яркие аномалии, на сегодняшний день не обнаружены. Так, возобновленные в 1990-х гг. раскопки в северо-восточной части поселения не подтвердили специфические особенности в развитии этого участка, ранее предполагавшиеся на основе публикаций В. В. Лапина [Лапин, 1966, с. 108; Solovyov, 1999, p. 101, 109-112], но, напротив, продемонстрировали общие тенденции в застройке этого и северо-западных участков поселения, и позволили уточнить хронологию основных строительных периодов [Чистов и др., 2012, с. 120-123].

Общая для исследованных участков Березани периодизация к настоящему времени выглядит следующим образом. Горизонт наиболее

раннего, I строительного периода (конец VII – первая половина VI в. до н.э.) представлен многочисленными заглубленными в грунт объектами – полуземлянками и хозяйственными ямами, фиксируемыми, как правило, лишь с уровня предматерикового слоя - погребенной почвы. Выраженные культурные напластования этого времени практически не выделяются. Какие-либо комплексы, определенно датированные ранее конца VII в. до н.э. на Березанском поселении до сих пор не обнаружены [Solovyov, 1999, р. 3-4]. В рамках I строительного периода нередко определяются более ранние и более поздние объекты [Чистов и др., 2012, с. 15-18], однако, выделение их в отдельные стратиграфические фазы невозможно в силу того, что культурный слой этого времени довольно слабо выражен. Пока можно говорить лишь о взаимной хронологии отдельных комплексов этого времени в тех случаях, когда она определяется по стратиграфии.

II строительный период охватывает хронологический отрезок существования на Березани урбанизированного центра продолжительностью приблизительно с 540-х гг. до н.э. до 480-х - 460-х гг. до н.э. [Чистов и др., 2012, с. 72, 106-108, 120-121]. Именно на протяжении этого периода культурный слой Березанского поселения формировался наиболее интенсивно благодаря возведению каменно-сырцовых жилых домов, их разрушениям и перестройкам. В стратиграфии памятника переход от I ко II периоду маркируется нивелировочными слоями, посредством которых выравнивали пространство, ранее занятое землянками и ямами первой пол. VI в. до н.э., и строительными остатками наиболее ранних многокамерных домов. Цоколи стен последних нередко возводились практически с уровня погребенной почвы. В рамках II периода отчетливо выделяются две фазы (II-A и II-B), рубежом которым служат напластования пожарищ, разрушений, и последующие перестройки домов, подвергшихся разрушению. Вызвавшие их неустановленные события имели место, приблизительно, в конце третьей или в последней четверти VI в. до н.э. Примечательно, что перестройки фазы II-B, как правило, затрагивали лишь внутреннюю планировку домохозяйств, почти не меняя очертания городской уличной сети [Solovyov, 1999, р. 8, 79; Čistov, 2012, р. 239-240]. Вместе с тем, внутриквартальные участки

могли в это время менять свою функцию: так, на месте жилых домов на участке «О-западный» возводятся два здания, вероятно, общественного назначения [Чистов, Ильина, 2012]. Завершение фазы II-B связано с неустановленными событиями, в результате которых поселение было оставлено большинством жителей. Точная хронология этого процесса пока неизвестна; можно лишь предполагать, что он имел место приблизительно между 480-ми гг. до н.э. и серединой V в. до н.э.

Следующий, III период – это время деградации Березанского поселения и разительного изменения его облика в середине – второй половине V в. до н.э. [Копейкина, 1981, с. 206-208; Доманский, Виноградов, Соловьев, 1989, с. 38; Solovyov, 1999, p. 98-113]. Культурный слой этого времени фиксируется лишь на отдельных участках и соотносится с немногочисленными строительными комплексами, среди которых присутствуют как полуземлянки [Solovyov, 1999, p. 101-109; Чистов и др., 2012, с. 106], так и отдельные наземные дома из камня и сырцового кирпича [Чистов, Ильина, 2015]. Насколько был велик временной интервал между возникновением этих комплексов, существовала ли хронологическая лакуна в заселении Березанского поселения во второй четверти – середине V в. до н.э., или же жизнь в некоторых частях поселения не прерывалась – пока неясно, хотя изменения в строительной традиции и частичный возврат к строительству землянок свидетельствуют, скорее, в пользу первого предположения.

На основании приведенного выше краткого обзора относительной хронологии Березанского поселения в VI – V вв. до н.э. можно заключить, что этот памятник хорошо стратифицирован, а исследованные слои и комплексы в подавляющем большинстве случаев могут быть уверенно отнесены к периодам и фазам, имеющим продолжительность 20 - 50 лет. В двух случаях границы между фазами соотносятся с краткосрочными событиями в масштабе всего поселения (появление уличной сети и начало массового строительства, вероятно, как результат прибытия второй волны колонистов; пожары и разрушения несколькими десятилетиями позже). Это открывает широкие возможности в работе с большими выборками различных категорий массового материала,

находки которого могут учитываться в соответствии с имеющейся периодизацией. Разумеется, при таком подходе необходимо иметь в виду искажения, неизбежно вносимые в статистику находок примесями из более ранних слоев, которые становятся тем более значительными, чем дольше и интенсивнее ведется жилая и хозяйственная активность на поселении, однако для выявления общих тенденций и синхронизации определенных категорий находок он вполне эффективен.

В настоящей работе для определения динамики ввоза на Березанское поселение товаров в амфорах использованы данные статистики находок керамической тары из раскопок участка «О-Западный» в 2004-2015 гг. Исследованная за эти двенадцать полевых сезонов площадь поселения составила около 2800 кв. м. Подсчеты велись по целым амфорным ножкам без учета поправочных коэффициентов средних объемов тары¹. Общая выборка за указанные годы составляет 3955 ножек сосудов различных центров производства². В ней были зафиксированы находки, происходящие как из датированных комплексов (землянки, помещения, хозяйственные ямы), так и находки из напластований, связанных со строительными остатками определенного периода или фазы, т.е. имеющих хронологические рамки формирования (слои на территории дворов, улиц и т.п.) Как можно видеть из сводной таблицы (рис. 1) количественное распределение находок ножек по периодам очень неравномерно, что, несомненно, отражает изменения в интенсивности торговой и хозяйственной активности на исследованной территории. Так, для первой половины VI в. до н.э. (период I) выборка составляет 647 ножек, а для фазы II-A, очевидно, охватывающей

¹ Подсчет по целым амфорным ножкам наиболее точен, если необходимо определить количественное соотношение амфор различных типов в большой выборке. Наиболее существенным недостатком этого метода является неполное отображение ассортимента центров производства: редко встречающиеся сосуды выпадают из рассмотрения [Ломтадзе, 2015, с. 30]. Тем не менее, для понимания динамики амфорного импорта он вполне эффективен. Определение коэффициентов объемов для архаических амфор пока осложняется недостаточной изученностью их стандартизации.

² Аналогичная статистка за 2005-2009 гг. публиковалась ранее [Чистов и др., 2012, с. 130-132].

хронологический отрезок менее второй половины того же столетия, она почти втрое больше (1791). Впоследствии объемы амфорного импорта снова сокращаются: для фазы II-B выборка составляет 870, а для классического III-го периода – 647 единиц³.

Для структуры амфорного импорта Березани первой половины VI в. до н.э. характерно абсолютное преобладание Милета, Клазомен и Лесбоса – количество сосудов этих центров в комплексах I периода при подсчете по амфорным ножкам превышает 80%, при этом доли самих этих центров довольно близки (25-30%).

На стратиграфическую фазу II-A, т.е. на третью четверть VI в. до н.э., приходятся важные изменения в структуре импорта товаров в амфорной таре (рис. 2-3). Суть этих изменений сводится к тому, что доля таких наиболее важных для первой половины VI в. до н.э. центров, как Милет и Клазомены, резко сокращается. В обоих случаях наблюдается падение импорта более чем в полтора раза (Милет - с 25,8% до 14,6%, Клазомены - с 30,6% до 19,2%). Почти вдвое падает и количество самосских амфор (с 5,3% до 2,7%). На этом фоне демонстрирует некоторый рост эолийский импорт: суммарная доля лесбосских красноглиняных и сероглиняных амфор увеличивается с 25,4% до 33%. Еще значительно растет доля керамической тары Хиоса: с 5,3% до 13,5%. Кроме того, заметную роль начинает играть пока неустановленный центр, керамическая тара которого известна как «протофасосские» и «самосские» амфоры по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 137-142, табл. I.3, V.15, VI.15], амфоры неизвестного центра на сложнопрофилированной ножке, Иония β, Иония I. Место их производства относят как к северной Эгеиде [Dupont, 1999, p. 153; Монахов, 2003, с. 37] так и к Ионии [Bîrzescu, 2012, S.124; Sezgin, 2012, p. 259-271, 325].

Стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе раскопок

³ Необходимо заметить, что реальная продолжительность стратиграфической фазы II-B определена менее точно, чем предшествующей, поэтому такая разница необязательно может свидетельствовать о резком сокращении импорта в начале – первой трети 5 в. до н.э. Кроме того, в выборку не попали амфорные находки из верхних гумусированных слоев поселения, относящиеся, по большей части, именно к напластованиям этого времени.

Березанского поселения, подтверждают представления о том, что эти сосуды начинают поступать в Северное Причерноморье немногим ранее середины VI в. до н.э. [ср. Монахов, 1999, с. 69-70]. В заполнении полуземлянок и хозяйственных ям первой половины того же столетия их находки немногочисленны (5,3%). По большей части они, вероятно, представляют собой случайные примеси из более поздних напластований; крупные фрагменты амфор этого типа начинают встречаться только в «рубежных» комплексах, датируемых концом второй четверти - серединой VI в. до н. э. Вместе с тем, в слоях фазы II-A «протофасосские» тарные сосуды занимают уже 12,7% при подсчете по амфорным ножкам.

Указанные тенденции находят свое развитие и в последующее время, в конце VI – начале V в. до н.э. В комплексах и напластованиях позднеархаической фазы II-B наиболее значительная доля по-прежнему принадлежит керамической таре Лесбоса. Суммарно в материалах раскопок 2004-2015 гг. эолийские красноглиняные и сероглиняные сосуды (амфоры Митилены) составляют 32,3 % от всей выборки. Почти неизменной в сравнении с данными предшествующей фазы остается и доля центра, выпускавшего «протофасосские амфоры» (13,4%). Продолжается устойчивый рост доли амфор Хиоса, фиксируемый с третьей четверти 6 в. до н.э. Количество амфор Хиоса для фазы B-2 составляет 18,6%,⁴ т.е. демонстрирует увеличение приблизительно в 5% по сравнению с фазой II-A. Вместе с тем, в керамических материалах фазы II-B наблюдается некоторое снижение доли амфор Милета и Клазомен: по всей видимости, это связано с прекращением экспорта товаров в амфорах из этих городов в начале V в. до н.э. в ходе Ионийского восстания. Отличительной особенностью напластований конца VI – первой четверти V в. до н.э. можно считать появление новых центров – экспортеров товаров в амфорах, соотносимых с Северной Эгеей – т.е. позднеархаических - раннеклассических амфор Фасоса, Менде и т.н. амфор «круга Фасоса». Общее их количество сравнительно невелико: в

⁴ С учетом примесей ранних хиосских амфор с белой обмазкой, количество которых в этих слоях незначительно – менее 0,5%

находках 2004-2015 г. северозегейские амфорные импорты составляют около 3,4%. Профильные фрагменты амфор других, не упомянутых выше центров - в том числе, аттических амфор типов SOS и "à la brosse", Коринфа А, неустановленных восточнореческих центров, в т. ч. амфор типа Пабуш Бурну / Созополь 477 / Истрия 1388 [Bîrzescu, 2012, S. 347, Taf. 72, kat. 1388; Greene, Lawall, Polzer, 2008, p.693-694, fig. 8-9; Dupont, 2005, p. 44, 60, 69 No.83] и др., в выборках периодов I и II присутствуют в незначительных количествах (рис. 1) – доля каждого не превышает 0,5%.

Материалы третьего, классического периода наглядно демонстрируют значительные изменения в составе амфорного импорта, произошедшие к середине – второй половине V в. до н.э. (рис. 2-3). Лидирующие позиции к этому времени прочно завоевывает о. Хиос: керамическая тара этого центра составляет 35,2% от общего объема амфорных находок. Кроме того, весьма заметной становится доля производителей Северной Эгеиды: на амфоры Фасоса, круга Фасоса и Менды суммарно приходится 14,4% найденных амфорных ножек. В их составе довольно заметны т.н. амфоры на высоких ножках с раздутым горлом, доля которых составляет 2,5%. К этому же времени заметно снижается количество амфор Лесбоса (до 25,5%).

Необходимо заметить, что статистические данные по напластованиям III периода в наибольшей степени искажены случайными примесями из более ранних слоев второй половины VI – первой трети V в. до н.э. О масштабе этих искажений можно судить по суммарной доле милетских, клазоменских, «протофасосских» амфор, определенно не поступавших на поселение во второй половине V в. до н.э. – в находках ножек она составляет около 20%. Если же ограничить выборку III периода исключительно заполнением хозяйственных ям и подвальных помещений середины – второй половины V в. до н.э., то картина заметно меняется: из 232 ножек или нижних частей амфор, найденных в этих комплексах, на долю Хиоса приходится уже 45,7%, Фасоса и других северозегейских центров – 22,8%, доля же Лесбоса сокращается до 16,6%. Примеси амфор второй пол. VI – первой пол. V в. до н.э. (Милета, Самоса, Клазомен, «протофасосских» амфор) в этой выборке также

присутствуют, но в намного меньших пропорциях – от 1% до 4%.

ЛИТЕРАТУРА

- Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьёв С. Л.* Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 33-60
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960. (МИА. № 83).
- Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1981. № 1. С. 192–208.
- Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критические очерки отечественных теорий колонизации). Киев, 1966.
- Ломтадзе Г. А.* Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н.э. «царской хоры» Европейского Боспора. М., 2015 (Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т.3. Древности Боспора Suppl. III).
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Каталог-определитель. Саратов, 2003.
- Соловьёв С. Л.* Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 1994. № 8. С. 85-95.
- Соловьёв С. Л.* Периодизация жилого строительства античной Березани // Археологические вести. 1996. № 4. С. 153–163.
- Соловьёв С.Л.* Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен–Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб, 2005. С. 7-15
- Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю.* Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005-2009 гг. СПб., 2012.

- Чистов Д. Е., Ильина Ю.И.* Новые данные о Березанском поселении классического периода // Археологія і давня історія України. 2015, Вип. 1(14). OLBIO in memoriam V.V.Krapivina - К. с. 230-250.
- Чистов Д. Е., Ильина Ю.И.* Комплекс построек общественного назначения периода Поздней Архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. II. М., 2012. С. 19-48.
- Bîrzescu I.* Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucarest, 2012. (Histria XV).
- Čistov D. E.* La Borysthène archaïque (site de l'île de Bérézan). Première colonie grecque du nord de la mer Noire, d'après le matériel des fouilles récentes du Musée d'Etat de l'Ermitage menées dans la partie orientale de l'île // Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. Lausanne, 2012. (Etudes de Lettres 290 (2012/1-2)). P. 223-260.
- Greene E. S., Lawall M. L., Polzer M. E.* Inconspicuous Consumption: The Sixth-Century B.C.E. Shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey // AJA. 2008. Vol. 112. No. 4. P. 685-711.
- Dupont P.* La circulation amphorique en mer Noire a l'époque archaïque. Specificités et problèmes // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 143—161.
- Dupont P.* Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage collection // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1 СПб, 2005 с. 41-69.
- Sezgin Y.* Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period). Istanbul, 2012.
- Solovyov S. L.* Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden-Boston-Köln, 1999.

	Период I		Фаза II-A		Фаза II-B(1-2)		Период III	
		%		%		%		%
Хиос с белой обмазкой	11	1,70	18	1,01	5	0,38	0	0,00
Хиос (архаические амфоры)	23	3,55	223	12,45	148	18,07	228	35,24
Хиос (прямогорлые амфоры 4/4 в. до н.э.)	0	0,00	0	0	1	0,13	2	0,31
Лесбос - К.	112	17,31	525	29,31	255	28,86	148	22,87
Лесбос - С.	52	8,04	66	3,69	35	3,39	17	2,63
Милет	167	25,81	261	14,57	104	11,42	23	3,55
Самос	32	4,95	43	2,40	9	0,88	2	0,31
Клазомены	198	30,60	343	19,15	141	16,44	40	6,18
"Протофасосские" амфоры	34	5,26	227	12,67	114	13,43	70	10,82
Аттика	1	0,15	3	0,17	0	0,00	0	0,00
Коринф	0	0,00	2	0,11	3	0,38	2	0,31
Фасос	0	0,00	13	0,73	23	2,76	69	10,66
"Круг Фасоса"	0	0,00	2	0,11	0	0,00	5	0,77
Амфоры круга Фасоса на высоких ножках с раздутым горлом	1	0,15	6	0,34	4	0,50	16	2,47
Менде	0	0,00	1	0,06	0	0,00	3	0,46
Пабуч Бурну / Ис триа 1388	3	0,46	11	0,61	3	0,38	0	0,00
Гераклея	0	0,00	0	0,00	1	0,13	4	0,62
Амфоры типа "Муригиоль"	13	2,01	47	2,62	24	2,89	16	2,47
Синоп	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	0,15
Неизвестные центры	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	0,15
ВСЕГО	647		1791		870		647	

Рис. 1. Сводная статистическая таблица центров-импортеров товаров в амфорах по материалам раскопок 2004-2015 гг.

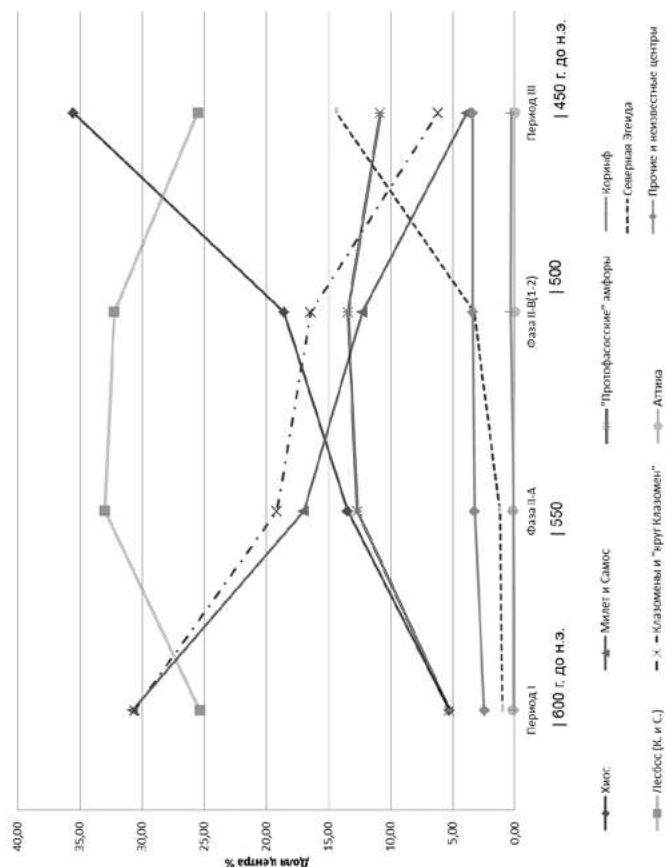

Рис. 2. Динамика изменения в импорте товаров в амфорах на протяжении VI – V вв. до н.э.

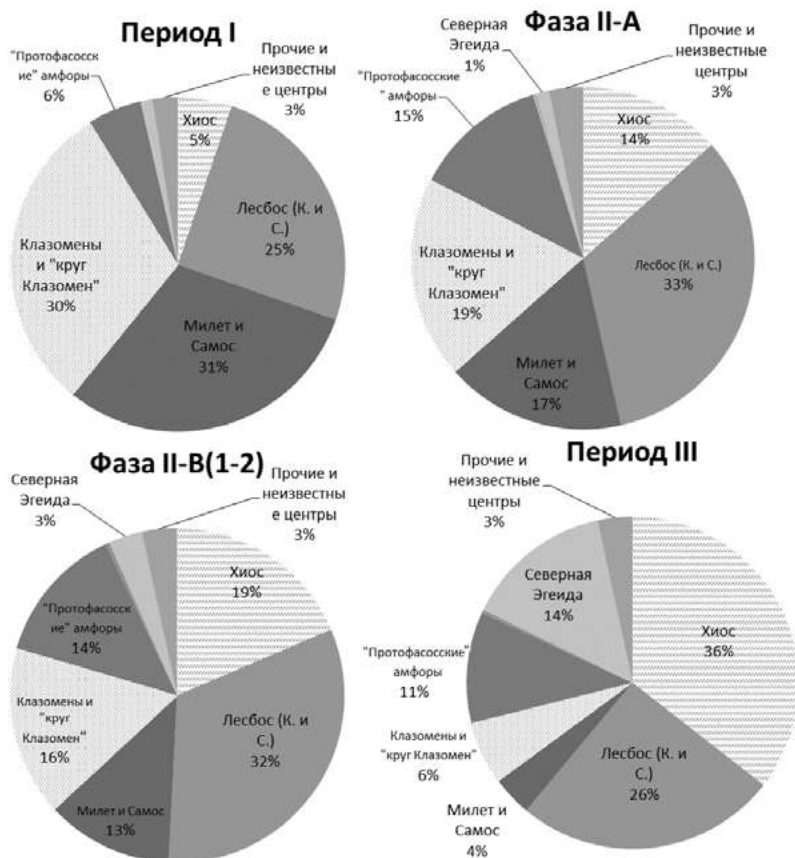

Рис. 3. Диаграммы соотношения основных центров производства амфор по периодам и фазам.

ШАБАНОВ С.Б.
(ИАК РАН, Симферополь)

**К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СИСТЕМУ РИМСКОЙ ТОРГОВЛИ В ПЕРВЫЕ
ВЕКА Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛЕЙМ НА СТЕКЛЯННЫХ
СОСУДАХ)**

Клейма, как знаки, указывающие на происхождение и принадлежность предмета использовались с начала н.э. на сосудах выдутых в закрытую форму – кувшинах, колбах и небольших парфюмерных сосудах четырехгранной и цилиндрической формы. Известны редкие случаи, когда клеймо наносилось на другие части сосуда. Например, в Государственном Эрмитаже хранятся фрагменты ручек с клеймом мастера Артаса из Сидона [Кунина 2006, 153].

На клеймах изображались как монограммы, так и целые имена, растения, различные геометрические фигуры. Для производства четырехгранного сосуда необходимо было собрать форму – куб из пяти небольших каменных или керамических плит. Сверху форма накрывалась крышкой с отверстием, в которое вставлялась стеклодувная трубка-понтия, и затем мастер выдувал в нее расплавленную стекломассу, после чего полученный сосуд подвергали «горячей» (формирование горла и венчика, крепление ручки) и «холодной» (нанесение шлифованного орнамента) обработке. По такому же принципу изготавливались сосуды с цилиндрическим туловом. В последнем случае на теле сосуда оставался часто хорошо заметный шов – след от скрепления двух частей формы для выдувания. Для того чтобы «поставить» на сосуде клеймо на дне каменной формы вырезалось необходимое изображение-матрица. Фрагменты таких матриц находят во многих стеклоделательных мастерских на территории Римской империи.

В Северном Причерноморье в первые века нашей эры действовало несколько стеклоделательных мастерских. Ни в одной из них не найдены формы для выдувания. Тем не менее, в Северном и Северо-Западном Причерноморье находят десятки сосудов, выдутых в форму, среди которых часть клейменные. Происходят они из античных центров – Боспора, Ольвии, Танаиса, Херсонеса, Тиры. Некоторые экземпляры найдены в сарматских памятниках.

Популярность стеклянных сосудов четырехгранной формы в первые века нашей эры подтверждается многочисленными находками таких изделий от северной Атлантики до Красного моря. Открыты десятки стеклоделательных мастерских с остатками производства фигурных сосудов, о чем свидетельствуют обнаруженные там целые и фрагментированные формы для выдувания [Aguilar-Tablada Marcos, Sánchez de Prado 2006, 177-193; Pánczél 2011, pl.12-21]. Пока нет следов производства четырехгранных или цилиндрических сосудов в Северном Причерноморье, но находки большого количества таких изделий при исследовании античных и варварских памятников свидетельствуют о включении региона в систему общеевропейской торговли. Клейменные сосуды, найденные здесь позволят расширить представления о развитии торговых связей и контактов между Северным Причерноморьем и другими частями Европы в первые века нашей эры.

Наиболее многочисленную группу клейм составляют изображения геометрических фигур – окружностей, квадратов, ромбов. Различные сочетания этих элементов встречаются на более чем тридцати сосудах. Треть из них составляют одинаковые изображения пяти небольших кружков по углам и в центре дна сосуда (рис. 1.1). Н.П. Сорокина указывала на средиземноморское происхождение сосудов с таким клеймом [Сорокина 1965, 230], что подтверждают находки клейменных кувшинов на Балканах [Antonaras, Coutsinas, Prikhodkine, Schauer 2011, 226, pl 5.19; Buljević 2011, 185, pl.1.3]. По ее замечанию в Пантикапее такой вариант клейма наиболее распространен. Это может быть еще одним свидетельством об укреплении экономических связей в I – II вв.н.э. между Пантикапеем и Восточным Средиземноморьем во время

стабилизации военно-политической обстановки на Боспоре [Зубарь, Зинько 2006, 197].

Сочетание больших циклических окружностей, расположенных одна в другой и четырех небольших кружков (рис. 1. 2,3) встречено на клеймах из Ольвии, Тиры, Нимфея, Танаиса. Все они изготовлены в одном стиле, что может говорить о единстве их происхождения. Находки сосудов с клеймами этого варианта за пределами Северного Причерноморья известны в Подунавье и Португалии. Н.П. Сорокина относила сосуды с такими изображениями к продукции западноримских мастерских [Сорокина 1965, 228, рис.12.10]. Вариант клейма данного вида, только с небольшими дугами по углам вместо кружков, найденный в Танаисе находит аналогию в римской Британии [Cool, Price 1995, fig. 11.9. 2151]. К продукции западноримских мастерских также можно отнести другие клейменные сосуды с изображениями окружностей, квадратов и ромбов (рис. 1.5).

Небольшую группу составляют сосуды с клеймами в виде цветков. Два из них найдены в Юго-Западном Крыму и схожи между собой. Еще одно происходит из Ольвии (рис. 1.6). Аналогии таким сосудам хорошо известны на Балканах [Ružić 1994, 11, t.I/3; Barkoczi 1988, 177-178, taf. XXXVIII.422,423,424] и западных провинциях Римской империи [Alarcão 1975, cat.29]. Матрицы для клейм с «цветочными» изображениями найдены при раскопках стеклоделательных мастерских на римском поселении Colonia Aurelia Apulense в провинции Дакия в Подунавье [Pánczél 2011, pl. 2.14,18,19].

Три целых и два фрагментированных клейма имеют надписи греческими и латинскими литерами (рис. 1. 10,11). Известны находки сосудов с надписями на греческом языке на территории современной Греции. Относятся они к первым векам нашей эры и здесь, по-видимому, производились [Тек 2003, 85-86]. В Северном Причерноморье находки таких клейм единичны.

Отдельно стоит сказать о кувшине с цилиндрически туловом и клеймом «FROTI» на дне (рис. 1.12). Н.З. Кунина посвятила специальную статью этому сосуду, где привела аналогии и датировку его III-IV вв.н.э.

[Кунина 1981, 44-46]. Исследователи традиционно связывают изделия с таким клеймом, имеющим разные вариации, с мастером Фронтинусом и его фирмой [Isings 1957, 106-107]. Пока нет точных данных о местоположении его мастерской (или нескольких производственных центров). Скорее всего, располагалась она на территории Галлии или на Рейне. Именно здесь сосредоточены основные находки сосудов с клеймами «FRONTI», «FRON», «FRO» и пр. [Кунина 1981, 45; Doppelfeld 1966, taf. 52]. Известны они и за пределами этого региона, например, в римской Британии [Cool, Price 1995, fig. 11.17. 2259]. Пока кувшин из Ольвии – это единственный экземпляр из мастерской Фронтинуса, найденный в Северном Причерноморье. Тем не менее, он как и другие находки клейменных сосудов свидетельствуют о тесных контактах между западными областями Римской империи и причерноморскими античными центрами, в частности Танаисом, где найдено наибольшее количество клейм. В Северное Причерноморье они, по-видимому, поступали по рейнско-галльскому торговому пути, функционировавшему первые века нашей эры [Шелов 1972, 141].

ЛИТЕРАТУРА

- Зубарь, В.М., Зинько, В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. - Симферополь-Керчь, 2006.
- Кунина Н.З.* Стекланный сосуд галльского мастера из Ольвии // Сообщения Государственного Эрмитажа. - Т. XLVI, 1981. – С. 44-46.
- Кунина Н.З.* Клейма стеклодела Артаса в Эрмитаже // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. - М., 2006. – С. 153-157.
- Сорокина Н.П.* Стекланные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. – М., 1965. – С. 202-238.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. - М.1972.
- Alarcão J.* Bouteilles carees a Fond decore du Portugal Romain // Journal of

- Glass Studies. – Vol. XVII. – 1975. – P. 47-53.
- Antonaras A.Ch., Coutsinas N., Prikhodkine B.D., Schauer C.* Marques sur verre découvertes en Grèce: addenda (Thessalonique, Corinthe, Itanos, Érétrie, Olympie et Lousoi) // Corpus des signatures et marques sur verres antiques 3. - Aix-en-Provence-Lyon, 2011. – S. 224-237.
- Barkoczi L.* Pannonische Glassfunde in Ungarn (Acta Archaeologica. IX). – Budapest, 1988.
- Buljević Z.* Imprints on the bottoms of glass bottles from Dalmatia held in the Archeological Museum in Split // Corpus des signatures et marques sur verres antiques 3. - Aix-en-Provence-Lyon, 2011. – P. 179-195.
- Cool H.E.M., Price J.* Colchester Archaeological Report 8. Roman vessel glass from excavations in Colchester 1971-85. – Colchester, 1995.
- Doppelfeld O.* Römisches und Fränkisches Glas in Köln. – Köln, 1966
- Pánczél S.P.* The Production of Prismatic Glass Bottles in Roman Apulum. Marisia. – Vol. XXXI. – 2011. – P. 175-187.
- Ružić M.* Rimsko staklo u Srbiji. – Beograd, 1994.
- Tek A.* Prismatic Glass Bottles with Greek inscriptions from Arycanda in Lycia // Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre, New York 2001. - New York, 2003. – P. 82-87.

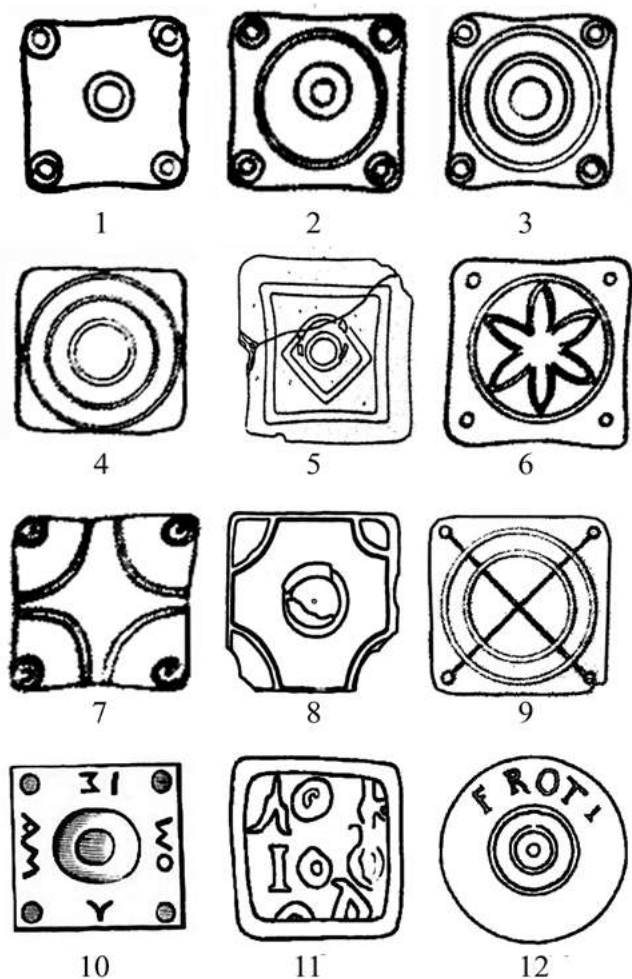

Рис. 1. Клейма на стеклянных сосудах из Северного Причерноморья.

ШАРОВ О.В. (ИИМК РАН, С-Петербург),
ПАВЛИЧЕНКО Н. А. (СПБII РАН, С-Петербург)

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ АМФОРНЫХ
КЛЕЙМ, ПРОИСХОДЯЩИХ ИЗ РАСКОПОК БЕРЕГОВОЙ ЧАСТИ
ПОСЕЛЕНИЯ ИЛЬИЧ-1**

Поселение Ильич-1, исследованное в 2015-2016 гг. экспедициями ИИМК РАН (Санкт-Петербург), ИА РАН (Москва) и АНО «НИЦ» (Саратов), расположено вокруг знаменитого памятника археологии – Ильичевского городища. Ильичевское городище располагается у северо-восточной окраины пос. Ильич, примерно в 2 км к северо-востоку от начала косы Чушки и около 0,5 км от современного берегового обрыва [высота 35 м над уровнем моря]. Вместе с городищем поселение Ильич-1 является памятником федерального значения, обозначенным в государственном реестре под № 3337, как «Городище и поселение «Ильичевка». Памятник археологии «Городище и поселение «Ильичевка» в пределах, определенных Я. М. Паромовым [Паромов, 1992, с 98] по распространению подъемного материала, охватывает площадь около 42 га. Ядром памятника является крепость, появившаяся около рубежа н.э. Вокруг нее, в пределах, обозначенных земляным валом, располагалось поселение I–II вв. н. э. По данным Э. Я. Николаевой, перед валами обнаружить рвы не удалось, «однако к востоку от городища Н. И. Сокольским обнаружены остатки рва, т.е. внешней системы укреплений, защищающей поселение от нападения с суши, из глубины острова» [Николаева, 1981, с. 88; 1990, с. 136]. За пределами этого вала к югу и юго-востоку выявлена хозяйственная периферия поселения. Площадь поселения Ильич-1, включая и ближнюю хозяйственную зону, оценена Э. Я. Николаевой [Николаева, 1979, с. 376] около 6.5 га. Помимо того, в рамках границ «памятника», очерченной по подъемным материалам,

оказались раскопанные хозяйственные комплексы в 0,5 км к западу от городища (раскопы «Берег-I» и «Берег-III»).

На раскопе «Берег I» под руководством Э. Р. Устаевой в ходе археологических работ 1993 г. была открыта часть винодельческого комплекса, от которого сохранилась одна давяльная площадка полностью, вторая частично и одна цистерна, примыкавшая к площадке № 1. В южной части раскопа были открыты каменные кладки, служившие фундаментами сырцовых стен. Протяженность сохранившейся кладки – 15 м, ширина – 0,70 м, максимальная высота – 0,35 м. Основания стен комплекса сложены из камней плитняка, булыжника и песчаника. Открыты участки вымостки двора из крупных каменных плит. Комплекс был, к сожалению, сильно разрушен. Находки из слоя, в котором открыты строительные остатки винодельни, относятся ко времени I в. до н. э. – I в. н. э. [Устаева, 1993, с. 25 – 33].

На раскопе «Берег-III» под руководством А. А. Завойкина в 1996-1997 гг. [Завойкин, 1996, 1997], были открыты остатки жилого и хозяйственного комплекса первой половины I в. н. э., определяемого как приусадебное строение. Оно было построено на невысоком каменном цоколе [не более 3–4 рядов]. Верхние части стен, по-видимому, сложены были из сырцового кирпича.

Комплекс позднейших находок, по мнению А.А. Завойкина, заставляет отнести гибель постройки к периоду междоусобной борьбы сыновей Аспурга – Митридата VIII и Котиса I, то есть к 40-м гг. I в. н. э. [Завойкин, 1997, с. 32].

Именно в западной части поселения, на высоком берегу Керченского залива, и был заложен раскоп «Берег-IV» общей площадью 5675 м.

Следует отметить, что на поселении Ильич-1, до раскопок 2015–2016 гг., амфорные материалы эпохи классики и эллинизма встречались лишь эпизодически и были единичными находками, как и монеты боспорской чеканки IV–II вв. до н. э., зафиксированные ранее лишь на раскопе «Берег-I».

Большая часть исследуемого материала и большинство объектов

раскопа «Берег-IV» относятся к узкому хронологическому периоду (I в. до н. э. – I в. н. э.). Это материалы, происходящие из раскопок большой античной усадьбы, площадью около 450 м² и из раскопок трех виноделен, одна из которых была частично исследована в 1993 г. археологической экспедицией Таманского музея под руководством Э. Р. Устаевой. Также к этой эпохе относится 225 объектов хозяйственного и производственного назначения.

Помимо этого, нами был впервые исследован и ряд комплексов эпохи эллинизма IV–II вв. до н. э. К ним относятся материалы двух зольников, четырех погребений младенцев в амфорах и 5 хозяйственных ям. Наиболее интересный материал для нашей темы дали два зольника, откуда происходит подавляющее большинство амфорной тары эпохи эллинизма, большая часть которой имеют клейма.

Объект № 15. Зольник в южной части раскопа вытянутой формы длиной 8,5 м и шириной от 0,7 м в южной части до 1,8 м в северной, мощность слоя до 0,85 м. Часть амфор, зафиксированных в зольнике имеют клейма [Шаров, 2017, Приложение 1¹, Гераклея Понтийская: №№ 3–8; Синопа: № 10, 56, 58], которые датируют объект с середины IV по первую четверть III в. до н. э.

Объект № 265. Зольник в северо-восточной части раскопа в виде глубокой овальной ямы (исследованная часть имеет размеры 18 × 7 м), заполненной серой рыхлой супесью с большим содержанием золы и раковин мидий. Мощность слоя достигает от 0,8 м до 1,2 м. В слое также зафиксировано значительное количество амфорных клейм, прежде всего, III–II вв. до н. э. [Шаров, 2017, Приложение № 1, № 2 – Фасос; №№ 11–15, 17, 20, 21, 23, 27, 29–32, 35, 39, 41, 44, 53, 55 – Синопа; №№ 62, 63, 65, 67, 69 – Родос; №73 – неизвестный центр].

А. А. Завойкин полагал (Завойкин, 1997а, с. 67), что пространство, отделяющее береговую линию от основного поселения, скорее всего, не было застроено и возможно, в районе раскопа «Берег-1 в IV–II вв. до н. э. находилось небольшое сельское поселение. Эту гипотезу подтверждают

¹ Все определения клейм были сделаны ст.н.с. СПбИИ РАН Н.А. Павличенко.

открытие комплексов эпохи эллинизма в 2015-2016 годах. Об этом говорят и монетные находки: из 28 определимых монет – 23 монеты относятся к IV–II вв. до н. э. Судя по мощным зольникам в северо-восточной и юго-восточной частях раскопа, поселение IV–II вв. до н. э. располагалось к востоку и северу от границ раскопа. Вероятно, речь идет как минимум о двух усадьбах эллинистического времени.

На основании выборки, представленной в материалах раскопок 2015-2016 гг., можно наметить, предварительно, основные центры, откуда поставлялось вино для жителей открытого нами поселения.

Всего на раскопе «Берег-IV» было найдено 77 клейм, в том числе: Фасос – 2, Родос – 9, Кос – 3, Синопа – 51, Гераклея – 6, Боспор – 2, неопределенные центры производства – 4.

Фасос. Фасосские клейма магистратов Ἀρέτων и Μεγακλείδης относятся к *timbres récents*. А. Аврам датирует этих магистратов соответственно 325–317 гг. и 286–274 гг. до н.э. [Avram, 1996, p. 109, 133], а И. Гарлан 333–328 гг. и 294–287 гг. до н.э. [Garlan, 2004–2005, p. 323, 325]. Недавно Ч. Цочев еще более понизил датировку штампов Мегаклида, отнеся его к времени около 303–293 гг. до н.э. Аретона же он вполне обоснованно поместил после магистратов группы Е по Гарлану и датировал временем ок. 364–338 гг. до н.э. [Tzochев, 2016, p. 80, 84. Tabl. 1].

Гераклея. Из шести гераклейских клейм восстанавливаются три клейма 2-й пол. IV в. до н.э.: магистратов Μενόπιος [340-е гг. до н.э., Федосеев, 2016, с. 183 №№ 1693–1696] и Μνα(σίμαχος) [350-е гг. до н.э., Федосеев, 2016, с. 185], а также фабриканта Ἑτιμος, датировка которого вызвала в последнее время острую полемику. Его относят и к середине – 3-й четверти IV в. до н.э. [Монахов, 2016, с. 367], и к последнему десятилетию IV в. [Федосеев, 2016, с. 34], и к концу IV – началу III в. [Кац, 2007, с. 294].

Синопа. Большая часть всех обнаруженных клейм – синопские, из них надежно восстанавливается 36. Самое раннее клеймо – астинома Ἀριτοφάνης (320-е гг. до н.э. [Conovici 1998, p. 32, 51, Gr. IIb]; кон. 20-х гг. IV в. до н.э. [Кац 2007, с. 434, Gr. IIIA]. Этот штамп, так же как и все

гераклейские оттиски, происходит из объекта № 15. Затем синопские клейма представлены непрерывно вплоть до 10-х гг. III в. до н.э. с перерывом около двух десятилетий на рубеже IV и III вв. до н.э.

Родос. Из девяти родосских клейм восстановлению поддаются только пять. Эпонимы Εὐκλῆς II и Τιμοκλείδας относятся к группе II а Финкельштейна (ок. 233–220 г. до н.э.). Также к группе II принадлежит и фабрикантское клеймо Διογέν(ης) [ок. 234–199 гг. до н.э., Finkielsztein, 2001, р. 191. Tabl. 18]. Клейма с именами Πρατοφάνης и Ἀρατοφάνης датируются уже II в. до н.э. (ок. 188 г. до н.э. и ок. 109 г. до н.э. [Finkielsztein, 2001, р. 192. Tabl. 19, Gr. IIIb; P. 195. Tabl. 21, Gr. Vc]. Клеймо эпонима Εὐκλῆς II с эмблемой «трезубец, увитый лентами», по видимому, нового штампа.

Кос. Косские клейма на двустольных ручках, одно из которых с ретроградным оттиском Φίλωνος с лунарной сигмой, могут датироваться только в широком промежутке IV–II вв. до н.э. [Busoianu, Bărbulescu, 2008, р. 166].

Таким образом, на основании полученного материала, можно предварительно говорить об обычном для сельских поселений 2-й половины IV в. до н.э. сочетании относительно небольшого количества фасосских и гераклейских клейм. Затем, в последней четверти IV в. до н.э. появляются и клейменные амфоры Синопы. Подавляющее количество клейменной амфорной тары III в. н.э. происходит из Синопы и лишь в последней четверти III века можно видеть появление родосского вина, которое полностью преобладает в товарообороте во II в. до н.э. К этому же времени, III-II вв. до н.э., можно отнести, вероятнее всего, появление косского вина. В I в. до н.э. можно наблюдать уже полное преобладание гераклейского вина в амфорах «псевдокосского облика».

Можно отметить также и некие различия в материалах зольников, которые связаны с разными усадьбами. Ранний материал середины - второй половины IV в. до н.э. встречен главным образом, в южной части поселения и гераклейские клейменные амфоры все представлены только там. Для северной части поселения (усадьбы?) характерно преобладание амфор III-II вв. до н.э. иных центров: синопского и

родосского производства.

ЛИТЕРАТУРА

- Завойкин А.А.* Полевой отчет о раскопках на Ильичевском городище в 1996 году // Архив ИА РАН, Р.1, № 20186
- Завойкин А.А.* Полевой отчет о раскопках на Ильичевском городище в 1997 году // Архив ИА РАН, Р.1, № 21190
- Завойкин А.А.* Археологический комплекс «Ильичевское городище». Итоги исследований и перспективы. Москва, 1997а (Рукопись статьи по плановой теме в 1997 году. 112 стр, илл.)
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения. Симферополь-Керчь, 2007.
- Кац В.И.* Многострадальный гераклейский фабрикант Этим (к вопросу о датировке поздних курганов скифской знати) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб., 2007b. С. 291–296.
- Монахов, 2016 – Монахов С.Ю.* Еще раз о гераклейских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима // *Stratum plus*. 2016. № 1. С. 357–369.
- Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры. Докл. XIV Международн. конф. антиковедов соц. стран “Эйрене”. Ереван, 1979.г. I-II.
- Николаева Э.Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. 168.
- Николаева Э.Я.* Ильичевское городище- крепость трапезитов // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 // Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г.
- Федосеев Н.Ф.* Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм. Т. I. Керамические клейма. Боспор. К., 2012.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма. Гераклея Понтийская / Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм. Керчь, 2016.

- Устаева Э. Р.* Раскоп «Берег-1» // Николаева Э.Я., Устаева Э.Р. Отчет о работах Ильичевского отряда ИА ТАЭ РАН г. Москвы и Ильичевского отряда Таманского отдела Краснодарского музея-заповедника в 1993 г./Архив ИА РАН, Р-1, Ф.1, № 18018., с. 25-33
- Шаров О.В.* Отчет о спасательных археологических раскопках на территории поселка Ильич Темрюкского района Краснодарского края Российской Федерации в 2015 году. СПб, ИИМК РАН, 2017, Т. I-VII.
- Avram A.* Histria. Vol. VIII. Les timbres amphoriques. 1. Thasos. Bucarest-Paris, 1996.
- Busoianu L., Bărbulescu M.* Albești. Monografie arheologică. Vol. I. Constanța, 2008. .
- Conovici N.* Histria. Les résultats des fouilles. Vol. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope. Bucarest, Paris, 1998.
- Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et revise des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford, 2001
- Garlan Yv.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. Vol. 128–129. 2004–2005.
- Tzochev Ch.* Amphora stamps from Thasos // The Athenian Agora. Vol. 37. 2016.

ШЕСТАКОВ С.А.
(БГУ «ВКИКМЗ», Керчь)

ЧЕМ ЖЕ ТОРГОВАЛ ДИНДИАН?

В письменных источниках содержатся сведения о торговых отношениях для IV – III вв. до н.э. Для изучения торговли первых веков н.э. столь обстоятельных документов нет. Однако в эпиграфических памятниках есть информация, которую можно интерпретировать для определения направлений торговых связей. Многие памятники уже использовались прежними исследователями. В частности, Ю.Ю. Марти исследовал вопрос об иноземцах на Боспоре [Марти, 1930]. Он сделал наблюдение, что целый ряд памятников со стихотворными памятниками относятся к лицам иностранного происхождения. Он отмечает переселенцев из Синопы, Амиса, Амастрии и других малоазийских городов. В них Марти видел зажиточных переселенцев. Переселенческую волну из Малой Азии в Пантикапей, по его мнению, вызвал второй расцвет Боспора. Но этот довод надо признать внешней причиной. Внутренняя причина, очевидно, в росте товарности ремёсел в городах Малой Азии.

В этом отношении особенно показательна среди других надписей стихотворная надпись Диндиана из Алибы, поступившая в Керченский музей (КЛ-588). Надгробная стела с греческой надписью найдена случайно в 1961 году в Керчи при строительстве жилого дома. В инвентарной книге записано: «Случайная находка в Керчи, на углу улиц Горького и Кирова, на месте строительства жилого дома». Эти улицы нигде не пересекаются. Жилая застройка 1960 годов на обеих улицах видоизменила планировочную структуру. Рядом находится Комсомольский парк, на месте которого находилась богадельня Золотарёва. На всей территории Глинища находится гигантский

некрополь Пантикапея, исследованный В.В. Шкорпилом. Данный участок он считал аристократическим участком некрополя.

Надпись издана А.И. Болтуновой [Боллтунова, 1972]. Перевод надписи: «Я, по имени Диндиан, ещё в расцвете юности плыл из священной Алибы, пытая счастье в небольшой торговле, и возле Киммерийской земли молодым завершил нити мойр. Ни у могильного памятника над расцветшим первым пушком, ни у Матери Земли нет ничего от умершего. Плывите юноши, плывите мужи, где только светит солнце! Для всех людей завершение жизни смерть». Надпись датирована концом I – началом II в. н.э.

Экстрактум содержания надписи: молодой житель Алибы намеревался заняться небольшой торговлей. Он, плывя на корабле, вблизи Киммерийской земли, нашёл смерть. Погребён на некрополе Пантикапея.

Местонахождение Алибы считалось неизвестным уже в античное время неизвестным. Интерес к городу проявлялся его упоминанием в Илиаде. Песнь вторая, 856, 857:

«Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдалённых, откуда исход серебра неоскудный».

Дважды обращался Страбон к вопросу о названии и локализации Алибы: «Некоторые писатели изменяли гомеровский текст... Слова же из Алибы изменяют на «из Алопы» или «из Алобы»... Есть, говорят, несколько городов, названных именами амазонок: Эфес, Смирна, Кима и Мирина. Но как же в этой местности можно поместить Алибу...? Или как следует объяснить выражения «Стран отдалённых» или «исход серебра неоскудный?» XIII, III, 21, 22.

«Где же находится Алиба или Алопа, или желают произносить её имя». XIII, 45.

Алибу упоминают и другие авторы, помещая её то в позднейшей Вифинии, то в Троеде. Гализоны из Алибы прибыли к Трое не на кораблях, а, скорее, пешком. Значит, этот город находился не столь далеко от Трои.

Вполне реально указана Алиба в надписи Диндиана из которой

он приплыл. Алиба добавляется в один ряд городов Малой Азии: Амастрия, Амис, Гераклея, Пруса, Синопа, Никея и Тарс. Выходцы из этих городов были погребены на Боспоре. Родственники этих людей доставили надгробия с родины. Такого рода памятники нельзя понимать как импорт, так как ввоз надгробий Боспор не носил товарный характер.

Остаётся неясной этимология слова Ἀλιζώνες вероятно, ализоны – жители у реки Галис, их город Алиба мог находиться в устье реки. Серебро в Турции находится вблизи в долине реки Кызыл –Ирмак.

ЛИТЕРАТУРА

- Болтунова А.И. Надгробная эпитафия Диндиана // Studii Clasice. XV. 1973/ Bucuresti. С. 125 – 130.
- Марти Ю.Ю. Стихотворная эпитафия Илиодора, сына Илиева // ИТОАЭ. Симферополь. 1927 Т. 1 (58). С.118 – 121.

ШУМИЛОВ Е.Н.
(Пермь)

КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ И ДОНСКОЕ ПОРЕЧЬЕ В РАМКАХ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ IX – X ВВ.

В IX – X вв. и в более поздний период истории Керченский пролив имел важное стратегическое значение для транзитной торговли. Тот, кто владел Таманским и Керченским полуостровами, контролировал торговый путь из Азовского в Черное море и извлекал из этого экономическую и политическую выгоду. В IX в. Керченский пролив находился под контролем Хазарского каганата. Хазары имели в Самкерце пункт таможенного сбора. Еще один таможенный пункт хазар располагался в низовьях реки Дон в городе Хамлидже. Сами хазары не занимались торговлей, а таможенные пункты предназначались в первую очередь для торговцев из числа русов [Калинина, 2014, с. 35 – 39].

В 830-е гг. русы, воспользовавшись царившей в Хазарском каганате смуте, подчинили себе значительную часть северных земель хазар, включая земли северян и вятичей, создав на их территории Русский каганат, а самих славян превратили в потенциальный «живой товар», который в скором времени начали экспортировать [Шинаков, 2002, с. 189 – 190]. В сферу влияния русов попало и оседлое население салтово-маяцкой культуры, ранее являвшееся частью Хазарского каганата. Это население было представлено двумя этническими группами – венендерами (верховья Дона) и мирватами (Северский Донец) [Бартольд, 1966, с. 58 – 59].

В результате экспансии русов северо-западная граница Хазарского каганата стала проходить по среднему Дону, где в 830-е гг. близ Хамлиджа была построена хазарская крепость Саркел – зимняя резиденция каганов [Константин, 1991, с. 39 – 40]. Чтобы попасть в Черное море торговцам-русам приходилось дважды платить хазарам таможенную подать – в

Хамлидже и Самкерце, т. е. на входе и выходе из хазарских владений. Через Керченский пролив русы путем прибрежного плаванья на ладьях вдоль кавказского побережья Черного моря попадали в Амастриду – главный торговый центр Малой Азии или, пересев на верблюдов, добирались от Черного моря до Багдада [Шумилов, 2014, с. 28 – 33].

Ситуация с транзитной торговлей через Керченский пролив коренным образом изменилась после 860 г., когда в лесостепную зону Восточной Европы хлынули из Заволжья, теснимые огузами (торками) печенеги. Печенеги уничтожили цивилизацию венендеров и оказались непосредственными соседями русов. Часть печенегов, известных в исторической литературе как «хазарские печенеги», проникла глубоко вглубь хазарской территории, устроив свои кочевья по течению реки Дон вплоть до Хазарских гор (Ставропольского нагорья). Это, с одной стороны, привело к постоянным хазаро-печенежским войнам, а, с другой стороны, остановило транзитную торговлю [Артамонов, 2002, с. 357].

Господство печенегов на бывшей хазарской территории не было продолжительным. Уже в 880-е гг. хазары, заручившись поддержкой торков, сумели изгнать печенегов с занятых ими земель. Печенеги ушли на запад – в Приднепровье и к Черному морю, а на их землях, к неудовольствию хазар, поселились торки, которые в зимний период, перейдя по льду через Дон, грабили хазар [Галкина, 2006, с. 27 – 30].

В этой ситуации в выигрыше оказались мирваты, освободившиеся ранее от опеки русов. Именно они, сумев поладить с торками, взяли транзитную торговлю в свои руки [Науменко, 2014, с. 58 – 59]. Некоторые современные археологи Донбасса, опираясь на погребальный обряд мирватов, считают их мусульманами [Кравченко, 1998, с. 113 – 140]. Однако средневековые авторы именовали их христианами-несторианами [Ханбабаев, 2003, с. 205 – 224]. Действительно, трудно заподозрить в симпатии к исламу население, занимавшееся на Северском Донце виноделием и разведением свиней [Плетнева, 1981, с. 62 – 74].

Торговцам-мирватам способствовало одно обстоятельство: к этому времени на Керченском полуострове обосновались венендеры –

салтовцы, бежавшие от нашествия печенегов. Они, как и мирваты, были христианами, правда, в отличие от них, придерживались православия, принятого от греков. У восточных авторов венендеры были известны и под другими именами – их звали русами (поскольку они в свое время находились под их контролем) и румийцами (из-за греческой веры) [Заходер, 1943, с. 25 – 43]. В связи с этим, и Керченский пролив и Азовское море одно время именовались Русскими.

Мирваты успешно торговали с Византией и арабами [Науменко, 2014, с. 58 – 59]. Однако и их благоденствие продолжалось недолго. На рубеже 930 – 940-х гг. хазары вновь активизировались во многом благодаря появлению у них талантливого полководца Песаха. Песаху удалось разгромить русов царя Хельгу, пытавшихся закрепиться на берегах Керченского пролива [Коковцов, 1932, с. 117 – 120]. Массовому истреблению подверглись русы-румийцы – жители Керченского полуострова [Науменко, 2014, с. 118 – 134]. Затем такую же участь разделили мирваты [Кравченко, 2004, с. 241 – 176]. Хазары вытеснили из бассейна Дона и торков. На их территории в среднем и нижнем Подонье они расселили славян с верхнего Дона. Славяне появились в Приазовье и даже на Таманском полуострове [Артамонов, 1953, с. 69 – 72]. Они снабжали хазар продовольствием – хлебом и рыбой, а также осуществляли переправу через Дон. В более поздний период эти славяне были известны здесь как бродники.

Хазары вернули себе контроль над торговым путем через Керченский пролив, однако транзитной торговли уже не было. Она возобновилась через полвека, после того, как киевские русы при князе Святославе окончательно сокрушили в 960-е гг. Хазарский каганат, а князь Владимир добил в 980-е гг. ослабевший Русский каганат, известный также как Внешняя Русь [Енуков, 2004, с. 229 – 241].

Путь к Керченскому проливу был расчищен. В ходе Крымского похода князю Владимиру удалось не только взять Корсунь, но и закрепить за собой Керченский и Таманский полуострова, на которые вскоре возникло Тмутараканское княжество [ПВЛ, 1997, с. 165]. С этого времени основной торговый путь из Киева в Черное море проходил

по Северскому Донцу, Дону и через Керченский пролив. Используемый ранее путь по Днепру через опасные пороги и кочевья печенегов отошел на второй план. Плавание по Северскому Донцу и Дону оказалось более безопасным и спокойным. Тем более что на значительной его территории проживали славяне, в том числе те, кто был переселен хазарами, и имелись опорные пункты, такие как Белая Вежа и Тмутаракань.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И.* «Белая Вежа» – из истории русских поселений на Дону в X в. // Советская археология. 1952. № 16.
- Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002.
- Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1966. Т. IV.
- Галкина Е. С.* Кочевой мир Восточной Европы конца IX – начала XIII вв. и его влияние на становление Киевской Руси // Наука и школа. 2006. № 4.
- Енуков В.В.* Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований // Ученые записки КГУ. Серия гуманитарных наук. 2004. № 1.
- Заходер Б.Н.* Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX – X вв. // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1943. Т. 75. Вып. 6.
- Калинина Т. М., Флёров В. С., Пеструхин В. Я.* Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
- Кравченко Э.Е.* Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Киев – Харьков, 2004. Т. 3.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В. В.* Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. Донецк, 1998. № 7.
- Науменко В.Е.* К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935 – 941 гг. и так называемый «поход Песаха» // Хазарский альманах. Киев – Харьков, 2014. Т. 12.
- Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981. Повесть временных лет (ПВЛ) // Библиотека древней Руси. СПб., 1997. Т.1.
- Ханбабаев К.М.* Христианство в Дагестане в IV – XII вв. (Начальный этап распространения) // Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Ростов-на-Дону, 2003.
- Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.
- Шумилов Е.Н.* Северное побережье Малой Азии как объект экспансии и торговли русов в IX – X вв. // Европа: Международный альманах. Т. XIII/1 – 2. Тюмень, 2014.

ЯЙЛЕНКО В. П.

(Москва)

НОВЫЙ ЦЕННЫЙ ТРУД О ПРОКСЕНИЯХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Институт проксении – важнейший источник по торговым, политическим, юридическим и прочего рода отношениям в античном греческом мире. Свидетельство его значимости – длительность бытования от конца VII в. до н. э.¹ по начало III в. н. э., когда эдикт Каракаллы о гражданстве 212 г. сделал этот институт ненужным. Проксениям принадлежит существенное место в эпиграфическом корпусе городов Причерноморья, их изучению, в особенности северочерноморских проксений, посвящено много статей. Однако обобщающего монографического исследования не было, наконец, этот давний и досадный пробел восполнил крупный румынский эпиграфист Виктор Кожокару.² Область его работы – история и эпиграфика Западного и Северного Причерноморья, конкретные научные интересы лежат в трех сферах: 1. Взаимоотношения греков Западного и Северного Причерноморья с местным варварским населением, этому наряду с массой статей уделена его первая монография «Население северных и северо-западных областей Причерноморья VI-I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников» [Cojocaru, 2004]. 2. Историография Северного Причерноморья, ей посвящена вторая его

¹ [Meiggs, Lewis, 1969, N 4]: эпитафия проксена керкирян Менекрата примерно конца VII в. , ср. и Herod. I, 22: договор Алиатты с Милетом ок. 600 г. , в котором также говорится о проксении. Подборка ранних литературных и эпиграфических источников [Wallace, 1970; Niessler, 1981].

² Российским антиковедам он известен, так как происходит из советской Молдавии и владеет русским языком, как родным. С 1990-х он сотрудник Института археологии в г. Яссы.

монография «Классическая библиография Северного Причерноморья». Т. 1. «Эпиграфика, нумизматика, просопография» [Cojocaru, 2014] (наш отзыв о ней см. в Древностях Боспора, 2016). 3. Международные связи греческих городов Понта между собой и с полисами Эгеиды по данным эпиграфических источников, главным образом проксений; этому кругу вопросов уделены три десятка статей,³ теперь они обобщены в книге «Институт проксений в Понтийском регионе» (Cojocaru V. *Instituția proxeniei în spațiul pontic*. Cluj-Napoca, 2016, 338 стр.). Это значительное явление в историографии Причерноморья, в особенности его эпиграфики; по этой причине, а также потому, что основная часть эпиграфического материала происходит из Северного Причерноморья, считаем своим долгом отозваться на нее.

Сначала вкратце изложим историографию изучения проксений на монографическом уровне (опускаем диссертационные брошюры XIX в.), чтобы читатель представлял себе место в ней этой книги В. Кожокару. Проксениям уделено множество статей, диссертаций, но всего несколько монографий. Подлинное начало изучению документов этого рода положил Поль Монсо (хотя у него и были предшественники-диссертанты Ф. Ульрих, М. Майер, Х. Зауппе и др.), который выявил их типологию, функциональное предназначение, ареалы распространения, формулярную структуру и пр. ; крылатой стала его фраза, что данные проксении – важнейший вклад греческой эпиграфики [Monseaux, 1885]. Почти столетие эта книга оставалась единственным руководством по данной проблематике, только с 1970-1980-х годов науку, что называется, прорвало – вышло сразу несколько превосходных монографий.⁴ Филипп Готье в богатой по фактологии книге о юридическом и судебном положении чужестранцев наряду с ксенами и метеками в полной мере

³ Перечень их см. [Cojocaru, 2014, p. 522; 2016, p. 284-286]. Это часть его большого исследовательского проекта, реализованного в числе прочего также в ряде сборников статей под его редакцией; см. об этом важном проекте [Cojocaru, 2016a, p. 21-40].

⁴ Хотя еще в 1958 г. была издана вполне достойная книга Арлетте Ламбрехтс об аттических проксениях [Lambrechts, 1958], событием она не стала, так как написана на редком фламандском языке.

выявил также правовой статус проксенов [Gauthier, 1972, p. 18-61] (ей предшествовала важная в этом отношении статья Э. Бернекера [Berneker, 1967, Sp. 1442 f.]). Общие вопросы проксениеведения, как и П. Монсо, но на новом уровне – методологическом и фактологическом – рассматривал Христиан Марек, прежде всего вопросы проксенической деятельности полисов и статуса проксенов [Marek, 1984]. Особенность книги Марека – углубление в теоретическую проблематику, отсутствие подробного анализа конкретных проксений; другая особенность состоит в том, что он основывался главным образом на неаттическом материале. Вместе с тем аттический материал самый богатый, по этой причине ему уделено несколько качественных работ, прежде всего монография Михаэля Уолбэнка об аттических проксениях V в. [Walbank, 1978] (он планировал написать книгу и о проксениях IV в. , но замысел не осуществил). Большое внимание уделил роли проксенов в Афинах и их функциям Рассел Мейгз в обобщающей работе по Афинскому государству того же V в. [Meiggs, 1972, p. 215 f.]. Упомянем и большую, весьма содержательную статью, по существу небольшую книгу, ученойшего австрийца Фрица Гшнитсера, который в соответствии с характером «Реальной энциклопедии» подвел итоги полуторавековому изучению проксений [Gschnitzer, 1974, Sp. 629-730]. Оригинальный аспект проксенической деятельности исследовал Андрэ Геролиматос – военный и политический шпионаж через институт проксении; этот же институт позволял отдельным личностям ускользать от наказания за государственную измену (яркий пример Алкивиад) [Gerolymatos, 1986].

После 1986 г. наступило некоторое монографическое затишье, но начало XXI века ознаменовалось выходом сразу 4 книг. Только что появилась книга Уильяма Мака обобщающего характера, написанная на базе большого эпиграфического материала [Mask, 2015]. Автор воссоздал широчайшую сеть проксенических связей полисов (отсюда слово *Networks* в заголовке книги), новизна его работы в том, что он дал картину международных политических и экономических связей полисов между собой как систему, как единое системное целое *in extenso geographico*. Знаковым для начала текущего столетия стала

регионализация исследований проксенических документов. Таковы книги Дени Кнёпфлера и Энрики Кулассо Гастальди [Knoepfler, 2001; Culasso Gastaldi, 2004]; первый дал подробный и тщательный анализ проксенических надписей города Эретрии, вторая проанализировала аттические проксении IV в. , данные афинянами жителям городов Малой Азии и Кипра. Как раз этот современный региональный тренд и продолжает рассматриваемая монография Виктора Кожокару.

После необходимого краткого введения (с. 16-49: о самом концепте проксен – проксения, о методике исследования проблемы, историографии) следуют две основные части книги – каталог надписей (с. 50-152) и собственно исследование (с. 151-267). Каталог надписей – важнейшая часть книги: В. Кожокару оказал неоценимую услугу нынешним и будущим специалистам, собрав воедино весь массив документов – 174 надписи о предоставлении проксену ателии, проксении, политии. Каталог разделен на две части: декреты ионийских городов Причерноморья (с. 50-107) и дорийских (с. 108-152). Ионийские города: Аполлония (№ 1-2), Дионисополь (№ 3-7), Истрия (№ 8-21), Одесс (№ 22-28), Ольвия (№ 29-69), Боспор (№ 70-91), Синопа (№ 92-96), Томы (№ 97-98), Тий (№ 99), Тира (№ 100-101). Дорийские города: Византий (№ 1-4), Калхедон (№ 5-8), Каллатис (№ 9-23), Херсонес Таврический (№ 24-63), Месамбрия (№ 64-74). В исследовательской части рассмотрена разнообразная проблематика (главы III-IV). В гл. III обработаны некоторые статистические данные по комплексу документов каталога, прослежено развитие формуляра декретов, определены инстанции, их издающие, также получатели проксений; обрисован состав привилегий по отдельности в классическое время, эллинистическое, римское: ателия (и проксения), проксения и ателия, проксения и полития. Рассмотрен состав городов, издававших проксении, также центры происхождения проксенов. Глава IV, так сказать *vice versa*, уделена проксенам – резидентам в городах Греции, происходящим из Понта (полезным в этом отношении сравнение с данными книги А. Аврама о мигрантах разных групп – торговцах, наемниках, философах и др. – из городов Понта в Греции [Avram, 2013]). Заключают книгу некоторые общие наблюдения и

приложения. Полученные данные В. Кожокару синтезировал в 13 весьма информативных таблицах.

Отрадно, что рецензируемую монографию заметили на Западе, и одно германское издательство предпринимает перевод и издание на более доступном немецком языке. Это свидетельство ее несомненных достоинств. Отдав должное высокому исследовательскому уровню книги В. Кожокару, мы тут отметим лишь один существенный, на наш взгляд, недочет – разделение каталога на ионийскую и дорийскую части, а внутри обоих каталогов расположение городов по алфавиту. Между тем разделение на ионийцев и дорийцев в содержательном плане мало что дает; к примеру, вовсе нет разницы в составе привилегий и формул между проксениями ионийского Одесса и дорийской Месамбрии III в. (табл. IV-V). Единственно, в чем наблюдается существенное различие – дорические города почти не задействованы в проксенической деятельности V-IV вв. до н. э., ввиду же ретроградности своих институтов оставались активными по сравнению с ионийцами и в римское время (34 против 5 ионийских); но для такого вывода достаточно таблицы II или III. Разделением же документов на ионийские и дорические и перечислением городов по алфавиту утрачена картина регионального развития проксенической деятельности в южной, западной и северной областях Причерноморья. Если мы распределим документы таким образом, то получим интересную в ряде отношений картину (заимствуем цифры из табл. I).

Южный Понт: Синопа 4, Тиос 1, Калхедон 4, Византий 4, один incertum = totus 14.

Западный Понт: Аполлония 2, Месамбрия 11, Одесс 7, Дионисополь 5, Каллатис 15, Томы 2, Истрия 14 = totus 56.

Северный Понт: Тира 1, Ольвия 41, Херсонес 40, Боспор 22 = totus 104.

Отсюда выясняется прежде всего слабое развитие проксенической деятельности в городах Южного Понта, где такой мощный экспортер, как Гераклея, и вовсе не отметился; деятельность западнопонтских центров умеренна, да еще при том, что лидеры региона Месамбрия и

Каллатис активны только в одном III в. – 19 из 26 (при общем числе 56). А вот полисы Северного Причерноморья Ольвия, Херсонес и Боспорское царство самые деятельные, они издали актов больше южных и западных вместе взятых – 104 против 70! Важно понять причины этого. Понятно, что в основе их проксенической деятельности лежит торговля хлебом, но ведь и в Западном Причерноморье земельные угодья для производства зерновых столь же обширны. Стало быть, причины иные, например, организация производства и сбыта хлеба (позвольте похвастаться: в таком случае наши торгаши самые крутые!). Понятно, что такого рода вопросы В. Кожокару не ставил перед собой, он ограничил свою задачу эпиграфической прагматикой: кто, где, когда, сколько и каких издал проксенических актов. Но, как мы показали только что, и внутри такой прагматики можно иначе аранжировать материал для получения дополнительных данных. Отметим также, что следовало бы дать не просто Боспор, хотя эмитент проксений один – Спартокиды, а боспорские центры по отдельности – Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, это дополнит общую картину, особенно в таблицах, в том числе географически.

Ограниченность объема нашей заметки заставляет подвести на этом итог: книга В. Кожокару о проксениях Причерноморья ценна своей информативностью, она отныне – необходимое подспорье в работе специалистов над проблемами межполисных связей, прежде всего торговых, внутреннего законодательства полисов, положения в них инополитов и пр. На будущее мы видим самую важную задачу для них, особенно для амфороведов, в сопоставлении данных этой книги о межполисных связях с направлениями циркуляции амфорного товара. Они существенно разные, что требует изучения. Приведем данные проксений о связях Ольвии, Херсонеса, Боспора, распределив проксенов по регионам – Эгеида, Южный Понт, Западный Понт (по табл. VIII-IX).

Ольвия. V в. до н. э. – Гераклея, Синопа; IV в. – Афины, Милет, аркадский Орхомен; Византий, Калхедон, Гераклея; Истрия, Месамбрия; Херсонес (+ 9 неизвестных центров); III в. до н. э. – Родос; Каллатис, Истрия (+ 9 неизвестных центров); II в. до н. э. – Смирна; Амис; Томи; Тира, Херсонес; II в. н. э. – Пруса на Гипии.

Херсонес. III в. до н. э. – Родос; Ольвия (+ 1 неизвестный центр); II в. до н. э. – Амис, Синопа; I в. н. э. – Гераклея (+ 1 неизвестный центр); II в. н. э. – Гераклея, Синопа, Амастрия (+ 12 неизвестных центров).

Боспор. V в. до н. э. – Афины; IV в. до н. э. – Афины, Митилена; Амис, Кромна, Калхедон (+ 13 неизвестных центров); III и I вв. до н. э. – по одной из неизвестных центров.

Проксены-резиденты в Греции, происходящие из Северного Причерноморья (по табл. X, XII).

Ольвия. III в. до н. э. – Дельфы; II в. до н. э. – Делос (две персоны).

Херсонес. III в. до н. э. – Дельфы, Ороп (2 персоны), Эрес на Лесбосе; II в. до н. э. – Дельфы.

Боспор. IV в. до н. э. – Афины, Хиос; III в. до н. э. – Делос, Дельфы.

ЛИТЕРАТУРА

Avram A. Prosopographia Ponti Euxini externa. Leuven, 2013.

Berneker E. Ξενίας γραφή // RE. 1967. Hlbd. 18.

Cojocaru V. Populația zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI-I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice. Iași, 2004.

Cojocaru V. Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica & prosopographica. Cluj-Napoca, 2014 (Pontica et Mediterranea. Hrsg. von V. Cojocaru und J. Hupe, Vol. II).

Cojocaru V. Instituția proxeniei în spațiul pontic. Cluj-Napoca, 2016 (Pontica et Mediterranea, Vol. V).

Cojocaru V. Das Forschungsprojekt "External Relations of the Pontic Greek Cities in Hellenistic and Roman Times"... Ergebnisse und Perspektiven // Mobility in Research of the Black Sea Region. Cluj-Napoca, 2016a (Pontica et Mediterranea. Hrsg. von V. Cojocaru und A. Rubel, Vol. VI).

Culasso Gastaldi E. Le prossenie ateniesi del IV secolo a. C. : gli onorati asiatici. Alessandria, 2004 (Fonti e studi di storia antica, 10).

Gauthier Ph. Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques.

- Nancy, 1972.
- Gerolymatos A.* Espionage and Treason: A Study of the Proxeny in Political and Military Intelligence Gathering in Classical Greece. Amsterdam, 1986.
- Gschnitzer F.* Proxenos // RE. 1974. Splbd. XIII.
- Knoepfler D.* Décrets érétriens de proxénie et de citoyenneté. Lausanne, 2001 (Eretria. Fouilles et recherches, 11).
- Lambrechts A.* De Atheense Proxenedecreten. Brussels, 1958.
- Mack W.* Proxeny and Polis. Institutional Networks in the Ancient Greek World. Oxf. 2015.
- Marek Chr.* Die Proxenie. Frankfurt a/M. 1984.
- Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf. 1972.
- Meiggs R. , Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf. 1969.
- Monceaux P.* Les proxénies grecques. P. 1885.
- Niessler J.* Proxenos und Proxenie in frühen literarischen und epigraphischen Zeugnissen. München, 1981.
- Walbank M.* Athenian Proxemies of the Fifth Century B. C. Toronto, 1978.
- Wallace M. B.* Early Greek Proxenoï // Phoenix. 1970. Vol. 24.

DAVID BRAUND
(Exeter, UK)

**SAPPHO, LESBOS AND “SCYTHIAN WOOD”: DYE FROM THE
EUXINE ?**

The amphorae of Lesbos, which turn up with some regularity in the archaeological record of the Black Sea region, encourage us to think about the nature of goods (including slaves) which passed to and fro between the island and the region. Of course, we cannot know who carried these amphorae into the Black Sea (they need not have been men of Lesbos), and we cannot be sure in any detailed way about the process or routes by which these amphorae reached the locations at which archaeologists now find them. Nevertheless, it is certain that amphorae from Lesbos represent in one way or another the import of goods (even if only the vessels themselves !) from that island into the region. A question therefore arises: what can we say about goods that may have gone from the Black Sea to Lesbos, whether as a final destination or in some form of transshipment ? In this paper I wish to draw attention to what might be a tiny part of that (no doubt) large and complex picture of exchange, about which we have occasional hints (e.g. Thuc. 3.2 on grain and Scythian archers). However, the more important point to emerge from this discussion is the strength of the Greek association between Scythians and the word *xanthos*, especially as applied to colours of blond hair across a range of blondness from yellow to red, In that way the discussion here will exemplify a much larger set of problems about whether ethnic associations of particular goods are to be understood in terms of origin or in other ways. There seems also to be a lesson here for those concerned to explain the use of the name Skythes among Greeks.

A fragment of the lyric poetess Sappho, although only two words, offers a hint of a rather neglected item of trade – dye-stuffs. For there she

mentions “Scythian wood” (Skuthikon xulon: fr. 167 Bergk = 210 Lobel-Page). Unfortunately, as usual with fragments, we have no knowledge of the context in which she used these two words. However thanks to some much later writers, we can at least gain some sense of her meaning, which may be a good deal more complex than seems to have been appreciated.

It is important to understand that Sappho had a close connection to trade, which may help to account for the access to wealth that she evidently enjoyed: without such resources, she is unlikely to have been given an education sufficient to produce her excellent verses. We have long known of her link to trade through her brother, named Charaxos, for Herodotus mentions his trading activity, in particular on the occasion when he went to Naucratis in Egypt and bought (at a very high price) freedom for the famous courtesan Rhodopis (Hdt. 2. 135), Rhodopis herself was a Thracian by origin (Hdt. 2. 134), as her slave-name suggests, rooted in the name of the Rhodope mountains there. Herodotus also tells us (cf. Ovid, *Heroides*, 15) that Sappho wrote a poem that was very critical of her brother when he thereafter returned to Mytilene on Lesbos. The historian seems to imply that she attacked her brother for spending so much money on Rhodopis’ freedom, perhaps especially in view of the fact that she did not stay with him. Thanks to new papyrus finds, in particular, we are now much better informed about Sappho’s tendency to write poetry concerning her family. As well as Charaxos and another older brother, we know that Sappho also had a younger brother, named Larichos (mentioned by name in the new verses), while an unnamed brother and sister are also to be found in her poetry (most probably, but not certainly, hers: Obbink 2014). However, we do not have a poem which matches the poem mentioned by Herodotus, which may yet be discovered. The poem we now have about Charaxos, however, does contain criticism (as it seems) of Larichos, as an unproven young man (Obbink 2014). While we cannot wholly exclude the possibility that Herodotus (or his source) has muddled the two brothers, it is probably wiser to await further discoveries of Sappho’s verse. The new poem (“the Charaxos song”) in fact looks to the safe return of Charaxos to Lesbos, whereas Herodotus specifically envisages a poem written after his return from Naucratis. Conceivably, “the Charaxos

song” and the poem in Herodotus were to be read together (on all this and more, see the papers collected in Bierl and Lardinois 2016).

The so-called Charaxos song (or Brothers song) is translated by Obbink as follows (the beginning is lost):

[...] you (?), m[
But you are always chattering for Charaxos to come
with a full ship. Zeus and all the other gods,
know these things, I think. But it is not necessary
for you to think these things.
Summon me instead and commission me to beseech
Queen Hera over and over again
that Charaxos may arrive, piloting back here
a ship that is safe,
and find us safe and sound. Let us
entrust all other things to the gods:
for out of huge gales fair weather
swiftly ensues.
All of those whom the King of Olympus wishes
a divinity as helper to now turn them
from troubles, become happy
and richly blessed.
And if Larichos lifts up his head,
if only he might one day be an established man,
the deep and dreary draggings of our soul
we'd swiftly lift to joy.

Here Sappho seems to chide someone who talks about how much wealth Charaxos may bring home on his ship rather than about his and their own safety and well-being. Her principled position reveals not only interest in the profits of a trading voyage, but also a worthy poetic morality that was no doubt facilitated by a comfortable lifestyle. There is no hint of Rhodopis, of

course. Nor are we told about the voyage itself: the Black Sea is no less likely than the eastern Mediterranean, Herodotus notwithstanding. Did Charaxos' cargo (if we accept the reality of the poem's details) include "Scythian wood"? Possibly, but most likely it did not. For a short entry in the great Lexicon of Photius, the learned patriarch of Constantinople takes us on a different path. Writing in the ninth century, with (direct and indirect) access to many more Greek texts than we have now, Photius has preserved for us an array of vital texts, abstracts and other data, including what amounts to an explanation of what Sappho meant by "Scythian wood". Whether he had read the poem in which she used these words remains unclear:

thapsos: a wood with which they make fleeces and hair blond. Sappho calls it "Scythian wood"

Photius was following a tradition earlier represented by another lexicographer, Hesychius, who worked around AD 500, and comments:

thapsinon: the blond colour from the wood of thapsos, with which they make fleeces and heads blond. Some call this "Scythian", and the river by which it grows is called Thapsos. And there is also a root called "Thapsian".

The priorities of these ancient lexicographers are clearly different from our concerns here, but they are vital to our understanding of Sappho's fragment. For, while Photius identifies Sappho's "Scythian wood" as thapsos, Hesychius says nothing of Sappho and suggests a wider usage among Greek writers. While we can point to no other writer who used "Scythian wood" in this way, Hesychius' formulation offers no support to an inference from Photius that Sappho was alone in using the term. Nevertheless, the important fact remains that, while only Sappho is known to have written of "Scythian wood", we hear a good deal more about thapsos across a range of authors. In classical Athens we have a woman with dyed blond hair, described as thapsine (Ar. Wasps, 1413). In the third century BC we find mention of thapsos again, in an Idyll of the poet Theocritus (2. 88). There a lovesick girl tries to attract her man with magic: in so doing she compares her ochre paleness to thapsos.

It is not impossible that Sappho had written of Scythian wood in a similar fashion. Meanwhile, the Sicilian origins and focus of Theocritus may also be important for thapsos was especially associated with a place called by that name, Thapsos, on Sicily, not far from Syracuse (Nicander, *Theriaca*, 330; cf. Thuc. 6.4.1 and 97.1). Probably this was the location Hesychius had in mind as “the place where it grows”, but there was at least one other Thapsos in the ancient world, most famous as the site of Caesar’s battle of that name in north Africa (cf. Strabo 17. 3. 12 and 16). Of course, it is a long way from Lesbos to Sicily and north Africa, while archaic Lesbos was not the cosmopolis of Aristophanic Athens. Therefore, we cannot exclude the possibility that on Lesbos in Sappho’s day, “Scythian wood” was actually brought from the Black Sea and that this was the more regular term for blond dye. However, both possibilities remain frail. Fortunately, the study of texts on dye-stuffs and pre-industrial dyeing practice makes it clear that thapsos - and so “Scythian wood” – denotes bushes and small trees in the botanical genus *Cotinus* (*Rhus cotinus*, as LSJ has it). In English this dye is known as “young fustic” (as distinct from “old fustic”, which is the mulberry): it was a commonplace dye in pre-industrial Europe. For example, a reliable source on a form of *cotinus* observes:

An orange dye can be rendered from the roots and stems of *C. coggygia*, and its leaves and bark are a good source of tannins. As a medicinal plant, the yellow wood of *C. coggygia* can be steeped and used as a coagulant, fever reducer, or as a treatment for eye ailments...As a landscaping plant, *C. coggygia* is touted for its ability to thrive in dry, difficult conditions, as well as its attractive, late summer flowering (UConn, undated). Because it has little need for pruning or maintenance, it is recommended extensively for urban uses...

(Global Invasive Species Database 2017)

Clearly, the *cotinus* had many potential uses, not only in dyeing, as the ancients seem to have appreciated in part, for Galen discusses its medical worth. To that extent its attractions as an item of trade are very clear. However, this is a shrub which is notably tough, and which could in principle grow well

enough almost anywhere around the ancient world, even if it was especially associated with Sicily and one or two other places. Here we reach an important impasse: should we infer that cotinus was traded (in whatever form) from the Black Sea region to archaic Lesbos ?

Colour seems crucial here, not trade. Indeed, in Byzantine times, as a scholiast on *Ar. Wasps* 1413 informs us, this dye-stuff was known as “golden wood” (so that a fleece might perhaps be made a golden fleece ?). Hair colour, and the word *xanthos* (i.e. blond(e)) are a significant theme in Sappho’s poetry as in other archaic Greek poetry too. Sappho even describes a girl as “more blonde” (Hughes Fowler 1984, 129; cf. Klinck 2008 on flowers, golden colours etc.). Whether the cotinus she mentions had been brought from Scythia, Sicily or elsewhere (in principle, it might grow even on Lesbos), its purpose was to lighten the colour of hair, while there was also a red-yellow tendency in its wood and leaves, so that the bush itself was blond. Accordingly, Sappho’s “Scythian wood” most likely had its name from the colour it produced, and perhaps its own colour as a bush. But if that is right, the term is no less interesting for the study of Scythia and the Greek world. For we have here a small and specific example of a much broader phenomenon, whereby hair that is *xanthos* attracts the idea and name “Scythian”. For we know of Greeks named Skythes who seem to have no connection at all with the Black Sea region: one of the more neglected of these is Theognis’ Skythes. Scholars therefore create hypotheses about them: for example, that their families had links with the region or with envoys from Scythia, such as those who famously visited Cleomenes in Sparta. Indeed, the scope for hypothesis is greater still with Greeks of the Black Sea who bear that name. However, reflection on Sappho’s “Scythian wood” (to say nothing of Alcaeus’ “Scythian shoes”, in contemporary Lesbos) surely supports the likelihood that many of these Greeks called Skythes belonged to families wherein hair colour was lighter than the standard dark colour of most Greeks’ hair.

Of course, the significance and evocations of hair colour depended in large degree on the individual and context involved, from case to case. For example, Homer identifies several Greek heroes as blond (Menelaus, *Iliad* 15.133; Odysseus, *Od.* 13. 399). Achilles is described both as blond (*Iliad*

1. 197) and as the most handsome of the Greeks (*Iliad* 2. 673-4). His case seems to show that blond males, as well as blonde females, were considered beautiful. However, in view of Achilles' connections to Scythia (again, most clear in the poetry of Alcaeus: Pinney 1983; cf. Nagy 1973 on his horses) another tendency in Greek thought may also be relevant. For, as I shall argue in detail elsewhere, Greeks found it convenient to explain "barbaric" aspects of their own culture as imports from Scythia and its environs: the Iphigenia among the Taurians of Euripides is probably the best-known example of that, but not the only one. Achilles' savagery in the later books of the *Iliad* in particular, might be explained in terms of his Scythian aspect. Therefore, blondness might indicate viciousness as well as beauty. Accordingly, there may also be a grim side to Sappho's "Scythian wood", which could be used by her more than a simple alternative to thapsos. For a glance at LSJ shows how "wood" might often have implications of violence and punishment. It is entirely possible, therefore, that "Scythian wood" both denotes a blond-dye and at the same time suggests the pain and suffering – most obviously for the lover – that could be caused by such a Scythian means of enforcement. It was characteristic of Sappho's work, and of ancient love poetry more generally to focus on the lover's pain (e. g. Robbins 1990; cf. Catullus 85). Again we need the context of the words to proceed in this direction with confidence.

A final point is worth exploring here. It has been noted in recent discussions of Sappho's poetry that her twin concerns with love and with sailors might suggest a wide range in her work. Possibly so, but we should be clear that both love and sailing the sea are well known as key concerns of Aphrodite. Sappho's interest in Aphrodite is very clear in her work (from fr. 1 onwards), so that there is nothing remarkable in Sappho's interest in the sea, quite apart from her brother's seafaring and her island location. The use of dye too may easily be included within the sphere of Aphrodite, mistress of all forms of beauty and attraction, while Sappho shows a specific interest in the attractions of blond hair, whether dyed or natural. Given Sappho's range of concerns, therefore, it is no surprise that she writes of "Scythian wood", less poetically named thapsos. The sources of the thapsos available on archaic Lesbos are unknown, but most likely were several. Although the

name “Scythian wood” has much more to do with the colour involved than with its origin, it is possible that some of it reached Lesbos (where too it could in principle be cultivated) from the north coast of the Black Sea. Be that as it may, the association of Scythians with forms of blondness is clear. At the same time, this talk of “Scythian wood” also raised and extended the Greek sense that the Black Sea was a place of special and potentially dangerous trees and plants. Scholars have sometimes seen a certain witchcraft in Sappho’s association with Aphrodite: in such hands wood that would make hair blond might well offer not only deception, but even a kind of danger. In any case there was always a sense in Greek thought that anything associated with Scythia might be a threat. Meanwhile Thracian Rhodopis, who had proved a major danger to Charaxos (and so to his family, including his sister Sappho) might be imagined as blonde too, for such was the stereotype of Thracians and such was the impression too of her “rosy-faced” name, whether her blondness was natural or the result of Scythian wood. If Sappho did write the kind of poem that Herodotus claims, it might even be the source of our tiny fragment.

Bierl, A. and A. Lardinois eds.) 2016

The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1–4, Leiden.

Global Invasive Species Database (2017) Species profile: *Cotinus coggygria*.

Downloaded from <http://www.iucngisd.org/gisd/species.php?sc=1174> on 05-03-2017.

Hughes Fowler, B. 1984 The archaic aesthetic, *AJP* 105.119-49

Klinck, A. 2008 Sappho's Company of Friends, Hermes, 136. 15-29.

Nagy, G. 1973 Phaethon, Sappho's Phaon, and the White Rock of Leukas, HSCP 77. 137-77.

Obbink, D. 2014 Two new poems by Sappho. ZPE 189. 32–49.

Petropoulos, J. 1993 Sappho the Sorceress: Another Look at fr. 1 (LP), ZPE 97. 43-

Pinney, G. F. 1983 Achilles, lord of Scythia. In W.G.Moon (ed.), Ancient Greek art and iconography, Madison, 127-46.

Robbins, E. 1990 Who's Dying in Sappho Fr. 94?, Phoenix 44. 111-21.

Список сокращений

AB	– Археологические Вести
АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья
АМА	– Античный мир и археология
АНК	– Античное наследие Кубани
АО	– Археологические открытия
БИ	– Боспорские исследования
БРЭ	– Большая Российская энциклопедия
БСб	– Боспорский сборник
ДБ	– Древности Боспора
ЗСКОАИЭ	– Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии
ИАК	– Известия императорской археологической комиссии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КБН	– Корпус боспорских надписей
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	– Материалы и исследования по археологии
СА	– Советская археология. М.
СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
НС	– Нумизматика и сфрагистика
IPE	– Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini

XVIII БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамзон М.Г. (<i>Магнитогорск</i>) Малоизвестные контрагенты Фанагории: новые находки греческих привозных монет	5
Айбабин А.И. (<i>Симферополь</i>) О нападении гуннов на Боспор в конце IV в.	11
Алексеев Н.А. (<i>Севастополь</i>) К вопросу о торговых путях через Понт: моливдовул коммерция Амиса из Херсона	16
Антипенко А.В. (<i>Симферополь</i>) Состав комплектов конской амуниции по материалам погребений варварского населения Крыма II в. н.э.	22
Безуглов С.И. (<i>Ростов-на-Дону</i>) Танаис и кочевники Нижнего Дона во II–III вв. н.э. (экономические аспекты)	29
Белик Ю.Л. (<i>Керчь</i>) Роль городов Азово-Черноморского бассейна XV–XVIII вв. в международной торговле	34
Бонин А.В., Иванов А.В. (<i>Москва, Краснодар</i>) Восточная окраина Боспора во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. (по материалам раскопок городища Фурожан в 2010 г.)	38
Вахонеев В.В., Лосева А.А. (<i>Феодосия</i>) Средневековые кораблекрушения в акватории Крыма как фактор изучения экономической истории региона	44
Вахтина М.Ю. (<i>С-Петербург</i>) Ранняя греческая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: результат доколониционных контактов или свидетельство связей между постоянными античными поселениями и варварской периферией?	49
Виноградов Ю.А. (<i>С-Петербург</i>) Номады и земледельцы. Проблемы мирного сосуществования	60
Винокуров И.Н. (<i>Москва</i>) Коммуникации и торговля на античном Боспоре	68
Волошинов А.А. (<i>Бахчисарай</i>) «Ритоны» на скифских и позднескифских воинских изваяниях и их соответствия в материальной культуре	84
Дорошко В.В. (<i>Севастополь</i>) Керамический комплекс римского времени из раскопок	

IX квартала Херсонеса Таврического	96
Дорошко О.П. (Севастополь) Кухонная керамика римского времени с красным покрытием из раскопок Херсонеса Таврического	103
Егорова Т.В., Ильяшенко С.М. (Москва, Ростов-на-Дону) Чернолаковая ойнохоя из Танаиса	109
Журавлев Д.В. (Москва) Книдский импорт рельефной керамики в Северное Причерноморье в римское время	116
Завадская И.А. (Симферополь) О торговых связях средневекового города на плато Эски-Кермен с Херсоном	127
Завойкин А.А. (Москва) Некоторые проблемы изучения торговли в амфорной таре	133
Завойкина Н.В. (Москва) Новое торговое граффито из Фанагории	151
Застрожнова Е.Г. (С-Петербург) Исследования по истории изучения экономики Боспорского царства (1920–1950-е гг.)	159
Зинько А.В., Шамрай А.Н. (Симферополь, Темрюк) Памятник древней навигации на Боспоре Киммерийском – якорная стоянка у мыса Панагия	167
Зинько В.Н., Зинько А.В. (Симферополь, Керчь) Древние гавани западного побережья Керченского пролива	180
Зинько Е.А. (Симферополь, Керчь) Речные торговые пути Боспора	187
Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. (Тула) Еще раз к вопросу о выявлении античных дорог на территории Боспорского царства	195
Ибраимова С.Ш. (Симферополь) Караван-сарай – торговые центры Карасубазара	205
Иванов А.В. (Краснодар) Коммерция в контексте актуальных вопросов археологии Кубани	210
Казанский М.М. (Париж) Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути	218
Катюшин А.Е. (Симферополь) Русские войска в Крыму в конце 1776 – начале 1777 гг. Проблема коммуникаций в зимний период	230

Кашаев С.В. (<i>С-Петербург</i>) Амфоры из детских погребений на некрополе Артющенко-2	238
Колосов В.П. (<i>С-Петербург</i>) Поступление амфорной тары в Мирмекий (по результатам раскопок на участке «И» в 2008-2014 гг.)	245
Конкин Д.В. (<i>Симферополь</i>) «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи	250
Кононов В.Ю. (<i>Краснодар</i>) Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода и влияния)	259
Костромичев Д.А. (<i>Севастополь</i>) Новые данные о ранних торговых связях Херсонеса и Южной Италии	266
Котина А.В., Суворова Н.И. (<i>Керчь, Азов</i>) Применение методов дактилоскопии в исследовании античной коропластики Европейского и Азиатского Боспора (постановка проблемы, перспективы решения)	275
Кропотов В.В., Супренков А.А. (<i>Симферополь, Москва</i>) Погребение I в. до н.э. на Узунларском валу	281
Кучеревская Н.Л. (<i>Керчь</i>) Лапидарные свидетельства торговой деятельности на Боспоре	287
Ланцов С.Б. (<i>Симферополь</i>) Комплекс находок первой четверти I в. н.э. из поселения Кульчук в северо-западном Крыму	293
Ломтадзе Г.А., Пожидаев В.М., Толстиков В.П. (<i>Москва</i>) Скопление тарных амфор (комплекс № 54) из раскопок на Новом Верхнем Митридатском раскопе Пантикапея (комплексный анализ)	300
Майко В.В. (<i>Симферополь</i>) К вопросу о повышении торгового статуса Боспора и Сугдеи во второй половине X–XI вв.	302
Масленников А.А. (<i>Москва</i>) Торговля на эллинистических поселениях дальней хоры европейского Боспора	308
Мастыкова А.В. (<i>Москва</i>) Миграции населения и торговые пути в бассейне Дона в эпоху Великого переселения народов	318

Молев Е.А. (Н-Новгород) Торговые связи Китая (по материалам амфорной тары)	331
Молева Н.В. (Н-Новгород) Торговля собой: заметки о надгробиях боспорских гетер	343
Мордвинцева В.И. (Симферополь) О времени сооружения крепостной стены цитадели на верхнем плато горы Опук	353
Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. (Симферополь, Керчь) К изучению керамических комплексов салтово-маяцких поселений в округе Боспора: импортные категории находок	359
Науменко С.А. (Ростов-на-Дону) Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом	370
Новоселова Н.Ю., Ахмадеева М.М. (С-Петербург) Комплекс рельефной посуды из эллинистической усадьбы XX квартала Херсонеса Таврического	380
Павличенко Н.А., Хршановский В.А. (С-Петербург) Керамические клейма из тризн на юго-западном участке некрополя Китая	385
Панин А.В., Хохлова О.С., Бунин Д.С., Ильяшенко С.М. (Ростов-на-Дону) Природно-географический фон экономической жизни Танаиса (предварительные данные работ 2015-2016 гг.)	394
Панченко В.В. (Севастополь) Об атрибуции двух бюстов римских правителей на реверсе статеров Рескупорида IV	406
Паромов Я.М. (Москва) Формирование торговых связей Азиатского Боспора во второй и третьей четверти VI в. до н.э.	417
Петровский В.М., Толстыкин П.В., Шамрай А.Н., Зинько А.В. (Саратов, Москва, Темрюк, Симферополь) Кораблекрушение торгового парусника XIX в. у мыса Тузла.....	430
Поваляев Н.Л. (Геттинген) Аристократический идеал, демократический полис и торговля. К оценке сведений Демосфена о зерне из Понта	434
Прохоров Д.А. (Симферополь) Предметы караимских коллекций из музейных собраний Крыма как свидетельство торговых контактов крымских караимов со странами Ближнего Востока в XVIII–XIX вв.	447

Сидоренко В.А. (Симферополь) Фрагмент проксенического декрета из Керчи	458
Смекалова Т.Н. (Симферополь) О расположении древних проездов через Узунларский вал по данным дистанционных и картографических методов	461
Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. (Симферополь) «Ворота» на Тарханкут. Древние кочевнические переправы в верховьях оз. Донузлав в Северо-Западном Крыму	473
Смекалова Т.Н., Федосеев Н.Ф., Гарипов А.С. <i>(Симферополь, Черноморское)</i> Исследование глиняного теста античной керамической тары и черепицы. Постановка задачи	483
Смокотина А.В. (Симферополь) Торговые связи г. Боспора в конце IV – первой половине VI вв. (по материалам находок амфор)	490
Соколова О. Ю. (С-Петербурге) «Свет мой зеркальце скажи...»	496
Соколова О.Ю., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. (С-Петербурге, Москва) Переплетение торгово-экономического и природного факторов в судьбе античного города Нимфей	506
Суворова Н.И. (Азов) Богиня из Нисы (к вопросу о среднеазиатских связях с Северным Причерноморьем)	517
Сударев Н.И. (Москва) «Торговля: пути – товары – отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора	525
Сударев Н.И., Кашаев С.В. (Москва, С-Петербурге) Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный-7	536
Сударев Н.И., Поротов А.В., Гарбузов Г.П. (Москва, Ростов-на-Дону) Некоторые результаты археолого-палеографических исследований в долине Кубани	544
Тесленко И.Б. (Симферополь) Византийская поливная керамика в Крыму и Приазовье на заре итальянской эпохи в черноморской торговле (XIII – начало XIV вв.)	552
Туровский Е.Я. (Севастополь) Керамика кизил-кобинского облика на греческих памятниках: населенники или импорты?	559

Тюрин М.И., Филиппенко А.А. (Севастополь) Варварское пограничье Херсонеса в позднеэллинистическое время: предметы импорта из разведок 2014-2016 гг.	563
Федосеев Н.Ф. (Симферополь) О соединении Таманского залива с Меотидой	571
Филиппенко А.А. (Севастополь) Краснолаковые чаши с граффити из раскопок римского военного поста на высоте Казацкой в 1991 году	579
Хайрединова Э.А. (Симферополь) Византийские металлические изделия VII в. из города Боспора	586
Храпунов Н.И. (Симферополь) Французский дипломат Жан Рёйи, история черноморской торговли и проекты экономического развития Крыма в начале XIX в.	592
Четверкина Е.В. (С-Петербург) О торговых связях Мирмекия позднеклассического и эллинистического времени по данным кухонной посуды	598
Чистов Д.Е. (С-Петербург) Динамика импорта товаров в амфорах на Березанское поселение в VI–V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004-2015 гг.).	609
Шабанов С.Б. (Симферополь) К вопросу о включении Северного Причерноморья в систему римской торговли в первые века н.э. (по материалам клейм на стеклянных сосудах)	621
Шаров О.В., Павличенко Н.А. (С-Петербург) Предварительные итоги исследований амфорных клейм, происходящих из раскопок береговой части поселения Ильич-1	627
Шестаков С.А. (Керчь) Чем же торговал Диндиан?	634
Шумилов Е.Н. (Пермь) Керченский пролив и Донское поречье в рамках транзитной торговли IX–X вв.	637
Яйленко В.П. (Москва) Новый ценный труд о проксениях Причерноморья	642
Braund David (Лондон) Sappho, Lesbos and "Scythian wood": dye from the Euxine?	650

XVIII BOSPORAN READINGS

CONTENTS

Abramzon M.G. (*Magnitogorsk*)

Little known counterparts of Phanagoria: new finds of Greek imported coins 5

Aibabin A.I. (*Simferopol'*)

About the attack of the Huns on the Bosphorus at the end of the 4th century. 11

Alekseenko N.A. (*Sevastopol'*)

On the issue of trade routes through Pont:

a molybdoboullos of Amisa from Kherson 16

Antipenko A.V. (*Simferopol'*)

Composition of equestrian ammunition kits based on the burial materials

of the barbarian population of the Crimea in the II century AD 22

Bezuglov S.I. (*Rostov-on-Don*)

Tanais and nomads of the Lower Don in the II-III

centuries AD (Economic aspects) 29

Belik Yu.L. (*Kerch'*)

The role of the Azov-Black Sea basin cities

of the XV-XVIII centuries in international trade 34

Bonin A.V., Ivanov A.V. (*Moscow, Krasnodar*)

The eastern outskirts of the Bosphorus in the second half of the I century BC -

the first half of the I century AD (Based on excavations of Furozhan site in 2010) 38

Vakhoneev V.V., Loseva A.A. (*Feodosia*)

Medieval shipwrecks in the water area of the Crimea as a

factor in studying the economic history of the region 44

Vakhtina M.Yu. (*St. Petersburg*)

Early Greek ceramics in barbarian monuments of the Northern Black Sea Region:

the result of pre-colonization contacts or an evidence of links between permanent

ancient settlements and barbaric periphery? 49

Vinogradov Yu.A. (*St. Petersburg*)

Nomads and farmers. Problems of peaceful coexistence 60

Vinokurov I.N. (*Moscow*)

Communications and trade on the ancient Bosphorus 68

Voloshinov A.A. (<i>Bakhchisarai</i>) “Rhyta” on Scythian and late-Scythian military sculptures and their analogs in material culture	84
Doroshko V.V. (<i>Sevastopol'</i>) Ceramic complex of Roman time from excavations of the ninth living quarter of Chersonese of Taurida	96
Doroshko O.P. (<i>Sevastopol'</i>) Kitchen ceramics of Roman times with a red covering from the excavations of Chersonese of Taurida	103
Egorova T.V., Il'yashenko S.M. (<i>Moscow, Rostov-on-Don</i>) A black-glazed oinochoe from Tanais	109
Zhuravlev D.V. (<i>Moscow</i>) Cnidus import of relief ceramics to the Northern Black Sea coast in Roman times	116
Zavadskaya I.A. (<i>Simferopol'</i>) On the trade relations between the medieval city on the Eski-Kermen plateau and Cherson	127
Zavoykin A.A. (<i>Moscow</i>) Some problems of studying trade in transport amphorae	133
Zavoykina N.V. (<i>Moscow</i>) New trade graffito from Phanagoria	151
Zastrozhnova E.G. (<i>St. Petersburg</i>) Studies on the history of the studying the Bosporus Kingdom economy (1920-1950).	159
Zin'ko A.V., Shamray A.N. (<i>Simferopol', Temryuk</i>) Monument to ancient navigation on the Cimmerian Bosporus - anchorage at the Cape Panagia	167
Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. (<i>Simferopol', Kerch'</i>) Ancient harbors of the western coast of the Kerch Strait	180
Zin'ko E.A. (<i>Simferopol', Kerch'</i>) The river trade routes of the Bosporus	187
Zubarev V.G., Smekalov S.L., Yartsev S.V. (<i>Tula</i>) Once again to the question of the discovery of ancient roads in the territory of the Bosporus Kingdom	195

Ibraimova S.Sh. (<i>Simferopol'</i>) Caravanserais - shopping centers of Karasubazar	205
Ivanov A.V. (<i>Krasnodar</i>) Commerce in the context of topical issues of archaeology of Kuban	210
Kazansky M.M. (<i>Paris</i>) Azov region hunugurs, fur trade and waterways	218
Katiushin A.E. (<i>Simferopol'</i>) Russian troops in the Crimea in the late 1776 - early 1777. The problem of communications in winter period	230
Kashaev S.V. (<i>St.Petersburg</i>) Amphorae from children's burials on necropolis Artiushenko-2	238
Kolosov V.P. (<i>St. Petersburg</i>) The supply of transport amphorae to Myrmekion (based on excavations at the site "I" in 2008-2014)	245
Konkin D.V. (<i>Simferopol'</i>) "Economics and life": economic and commercial practice in the Crimea in the first decades after joining the Russian Empire	250
Kononov V.Yu. (<i>Krasnodar</i>) Ornamented mirror-pendants with side handles (chronology, fashion and influences)	259
Kostromichev D.A. (<i>Sevastopol'</i>) New data on the early trade ties between Chersonesos and Southern Italy	266
Kotina A.V., Suvorova N.I. (<i>Kerch', Azov</i>) Application of fingerprinting methods in the study of antique coroplastic art of the European and Asian Bosphorus (problem statement, solution perspectives)	275
Kropotov V.V., Suprenkov A.A. (<i>Simferopo'l, Moscow</i>) Burial of the I century BC on the Uzunlar shaft	281
Kucherevskaya N.L. (<i>Kerch'</i>) Lapidary evidence of trading activity on the Bosphorus	287
Lantsov S.B. (<i>Simferopol'</i>) Complex of finds of the first quarter of the I century AD from the settlement of Kul'chuk in the north-western Crimea	293

Lomtadze G.A., Pozhidaev V.M., Tolstikov V.P. (Moscow) Accumulation of transport amphorae (complex No. 54) from excavations on the New Upper Mithridates excavation of Panticapaeum (complex analysis)	300
Maiko V.V. (Simferopol') On the issue of increasing the commercial status of the Bosphorus and Sugdeya in the second half of the X-XI centuries.	302
Maslennikov A.A. (Moscow) Trade in Hellenistic settlements of the distant chora of the European Bosphorus	308
Mastykova A.V. (Moscow) Migration of population and trade routes in the Don basin in the era of the Great Migration of Peoples	318
Molev E.A. (N-Novgorod) Trade relations of Kytaiia (based on transport amphorae materials)	331
Moleva N.V. (N-Novgorod) Trading oneself: notes about tombstones of the Bosphorus hetaerae	343
Mordvintseva V.I. (Simferopol') On the time of construction of the fortress wall of the citadel on the upper plateau of Mount Opuk	353
Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. (Simferopol', Kerch') To the study of ceramic complexes of Saltovo-Mayak settlements in the Bosphorus District: import categories of finds	359
Naumenko S.A. (Rostov-on-Don) Trade relations between Tanais and the Pontic region	370
Novoselova N.Yu., Akhmadeeva M.M. (St. Petersburg) A complex of relief dishes from the Hellenistic manor of the XX living quarter of Tauric Chersonesos	380
Pavlichenko N.A., Khrshanovsky V.A. (St. Petersburg) Ceramic hallmarks from funeral feasts at the south-western section	385
of the necropolis of Kytaiia	
Panin A.V., Khokhlova O.S., Bunin D.S., Il'yashenko S.M. (Rostov-on-Don) Natural and geographical background of economic life of Tanais (preliminary data of works 2015-2016).	394

Panchenko V.V. (<i>Sevastopol'</i>) On the attribution of two busts of Roman rulers on the reverses of the staters of Rhescuporis IV	406
Paromov Ya.M. (<i>Moscow</i>) Formation of trade relations of the Asian Bosphorus in the second and third quarters of the VI century BC.	417
Petrovsky V.M., Tolstykin P.V., Shamray A.N., Zin'ko A.V. (<i>Saratov, Moscow, Temryuk, Simferopol'</i>) Shipwreck of a commercial sailboat of the XIX century at Cape Tuzla	430
Povalyayev N.L. (<i>Göttingen</i>) Aristocratic ideal, democratic polis and trade. To the evaluation of the information of Demosthenes on the grain from Pontus	434
Prokhorov D.A. (<i>Simferopol'</i>) Karaites collections from the Crimean museum collections as evidence of trade contacts between Crimean Karaites and countries of the Middle East in the XVIII-XIX centuries.	447
Sidorenko V.A. (<i>Simferopo'l</i>) Fragment of the Proxenic decree from Kerch	458
Smekalova T.N. (<i>Simferopol'</i>) About the location of ancient thoroughfares through the Uzunlar shaft according to remote and cartographic methods	461
Smekalova T.N., Kutaisov V.A. (<i>Simferopol'</i>) The "gate" to Tarkhankut. Ancient nomadic ferries in the upper reaches of the lake Donuzlav in the North-Western Crimea	473
Smekalova T.N., Fedoseev N.F., Garipov A.S. (<i>Simferopol', Chernomorskoye</i>) Study of the clay dough of antique transport ware and tiles. Formulation of the problem	483
Smokotina A.V. (<i>Simferopol'</i>) Trade relations of the city of Bosphorus at the end of the IV - first half of the VI century (based on findings of amphorae)	490
Sokolova O. Yu. (<i>St. Petersburg</i>) "Mirror, mirror tell the truth ..."	496

Sokolova O.Yu., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. (<i>St.Petersburg, Moscow</i>) Intertwining trade, economic and natural factors in the fate of the ancient city of Nymphaeum	506
Suvorova N.I. (<i>Azov</i>) Goddess from Nisa (to the question of Central Asian ties with the Northern Black Sea Coast)	517
Sudarev N.I. (<i>Moscow</i>) "Trade: ways - goods - relations" through the prism of studying funerary monuments of the Asian Bosphorus	525
Sudarev N.I., Kashaev S.V. (<i>Moscow, St. Petersburg</i>) Imported Megarian bowls from the necropolis near the settlement Vinogradny-7	536
Sudarev N.I., Porotov A.V., Garbuzov G.P. (<i>Moscow, Rostov-on-Don</i>) Some results of archaeological and paleographic studies in the Kuban valley	544
Teslenko I.B. (<i>Simferopol'</i>) Byzantine glazed ceramics in the Crimea and the Azov Sea region at the dawn of the Italian era in the Black Sea trade (XIII - beginning of XIV centuries)	552
Turovsky E.Ya. (<i>Sevastopol'</i>) Pottery of the Kizil-Coba type on Greek monuments: the inhabitants or the imports?	559
Tyurin M.I., Filippenko A.A. (<i>Sevastopol'</i>) Barbarian borderland of Chersonesos in the late Hellenistic time: items of imports from 2014-2016 excavations.	563
Fedoseev N.F. (<i>Simferopol'</i>) On the connection of the Taman Bay with Meotis	571
Filippenko A.A. (<i>Sevastopol'</i>) Red glazed bowls with graffiti from the excavations of the Roman military post at Kazatskaya height in 1991	579
Khayredinova E.A. (<i>Simferopol'</i>) Byzantine metal products of the VII century from the city of Bosphorus	586
Khrapunov N.I. (<i>Simferopol'</i>) French diplomat Jean Roye, history of the Black Sea	

trade and projects of economic development of the Crimea in the beginning of the XIX century.	592
Chetverkina E.V. (<i>St. Petersburg</i>)	
On the trade relations of Myrmekion of the late classical and Hellenistic time according to the data of kitchenware	598
Chistov D.E. (<i>St. Petersburg</i>)	
Dynamics of imports of goods in amphorae to the Berezan settlement in the VI-V centuries BC (based on excavations of the "O-Zapadny" section in 2004-2015).	609
Shabanov S.B. (<i>Simferopol'</i>)	
On the issue of including the Northern Black Sea coast in the Roman trade system in the first centuries AD (on the materials of stamps on glass vessels)	621
Sharov O.V., Pavlichenko N.A. (<i>St. Petersburg</i>)	
Preliminary results of research on amphorae stamps originating from excavations of the coastal part of the Il'ich-1 settlement	627
Shestakov S.A. (<i>Kerch'</i>)	
What did Dindianes trade?	634
Shumilov E.N. (<i>Perm'</i>)	
The Kerch Strait and the Don River in the framework of the transit trade of the IX-X centuries.	637
Yaylenko V.P. (<i>Moscow</i>)	
A new valuable work on the proxenies of the Black Sea region	642
Braund David (<i>London</i>)	
Sappho, Lesbos and "Scythian wood": dye from the Euxine?	650

Боспорские чтения
Вып. XVIII

Боспор Киммерийский и варварский мир
в период античности и средневековья.
Торговля: пути – товары – отношения

Редакторы-составители: д.н.и. Зинько В.Н., Зинько Е.А.
Компьютерная верстка:
Корректор: Барановская И.Н.

Подписано в печать 11.04.2017
Формат 60х84 1/16. Усл.печ.л. 39,29
Тираж 140 экз. Заказ №77

Издательство: ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 84
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50,
+7 (978) 722 63 66,
e-mail: solo-88888@yandex.ru

www.design-solo.ru
Отпечатано ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (495) 62 - 4942

**SOLO
RICH**

Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 84
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66,
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru